

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
МЕЖДУ
ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ
1939—1941 гг.**

Москва

1999

*Собственное
издательство*

СЕРИЯ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Российская академия наук
Институт славяноведения

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
МЕЖДУ
ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ
1939—1941 гг.**

Ответственные редакторы
В. К. Волков, Л. Я. Гибианский

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1999

Монография написана и издана при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номера проектов 96-01-00444, 98-01-16139)

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. /
Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. —
528 с.

ISBN 5-85789-111-2

В коллективной монографии анализируется совокупность международных проблем в Восточной Европе в 1939–1941 гг. в контексте отношений между Германией и Советским Союзом — двумя основными полюсами, определявшими судьбу восточноевропейских стран на начальном этапе второй мировой войны. На основе исследования широкого круга источников, среди которых важное место занимают новые материалы из отечественных и зарубежных архивов, дана многоаспектная картина причин и механизма подчинения или захвата восточноевропейских государств нацистской Германией (частично вместе с фашистской Италией) и, соответственно, тяжелого внешнеполитического поражения СССР накануне гитлеровского нападения на него.

Eastern Europe between Hitler and Stalin, 1939–1941 / Ed. by
Vladimir Volkov and Leonid Gibianskii

The present collective monograph deals with entire complex of international problems of Eastern Europe (or Central and South-Eastern Europe) through the prism of relations between Germany and the Soviet Union as two main poles which determined the fate of East European countries in the initial stage of the Second World War. The research is based on a great number of documents, including numerous new materials from Russian, German, East European and the USA archives. The authors shed a new light on the reasons and mechanisms of subjugation or capture and occupation of East European states by the Nazi-ruled Germany (partly together with fascist Italy) on the one hand, and of the Soviet foreign policy defeat on the eve of Hitler's aggression against the USSR on the other.

ISBN 5-85789-111

© Коллектив авторов, 1999

© Оформление. Издательство «Индрик»

От редакции

60 лет тому назад, 1 сентября 1939 г., нападением гитлеровской Германии на Польшу началась вторая мировая война. Продолжавшаяся шесть долгих лет, она явилась одним из самых важных переломных моментов в истории ныне завершающегося столетия. Став невиданной до этого по масштабам трагедией, втянувшей в свой кровавый водоворот многие страны и народы, война с наибольшей силой потрясла прежде всего европейский континент, где она возникла и где находился центр военной схватки, ходом событий в котором был в решающей степени определен итог всей шестилетней борьбы. В частности, особое значение вторая мировая война имела для Восточной Европы.

В результате фашистской экспансии и агрессии восточноевропейские страны попали под господство нацистского «третьего рейха» и его итальянского союзника. Одни из них испытали трагическую тяжесть оккупации, другие были привязаны к «оси» в качестве сателлитов, стали ее сообщниками в агрессивных действиях против соседей и вместе с ней оказались при ее разгроме в положении побежденных государств. И те, и другие в результате войны сделались в своем большинстве сферой советской доминации, зоной, где либо вследствие прямого вмешательства СССР, либо при советской поддержке были установлены коммунистические режимы, просуществовавшие затем почти столетия (исключением была лишь Греция, где силы, руководимые компартией, потерпели поражение в ходе ожесточенной гражданской войны, которая произошла вслед за второй мировой войной и фактически выросла из нее). Тем самым вторая мировая война по крайней мере дважды круто поворачивала судьбу стран Восточной Европы и своими итогами во многом предопределила их дальнейшее положение на весьма длительную перспективу, без малого до конца XX века.

Та огромная роль, которую в истории этих стран сыграло происшедшее с ними во время и вследствие второй мировой войны, равно как и то чрезвычайно большое значение, какое в связи с войной приобрела Восточная Европа в мировой и в первую очередь европейской политике, обусловили неизменно пристальное внимание историографии к изучению восточноевропейского аспекта всемирной схватки 1939–1945 гг. В последнее время внима-

ние к указанной проблематике, пожалуй, еще больше возросло, особенно в связи с возникшими возможностями вовлечения в научный оборот значительного массива прежде недоступных документов из архивов самих восточноевропейских государств и из российских архивов, содержащих данные, которые проливают новый свет на все то, что случилось с Восточной Европой во второй мировой войне.

На этом новом этапе изучения свой значительный вклад может и должна внести отечественная историческая наука. Тем более что происходившее в восточноевропейских странах во время и вследствие второй мировой войны было тесно связано и с историей нашей страны, с ее внешней политикой. Данной книгой, выпускаемой в свет к 60-летию начала второй мировой войны, Институт славяноведения РАН открывает серию научных изданий «Вторая мировая война и Восточная Европа». В ее рамках предполагается опубликовать монографии, сборники статей, документальные материалы, подготовленные российскими учеными и отражающие новейшие исследовательские результаты нашей историографии.

Введение

Эта книга посвящена одной из тех страниц драматической истории XX века, которые затем надолго стали предметом острого столкновения интерпретаций, создания пропагандистских мифов, оказывавших влияние на последующую историческую литературу и нередко складывавшихся в историографические стереотипы. Подобного рода мифы получили хождение и по поводу того, какую роль в судьбах Восточной Европы (этот регион нередко обозначается как Центральная и Юго-Восточная Европа) в 1939–1941 гг. сыграла система существовавших тогда отношений между гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом — двумя основными полюсами, в поле действия которых оказалось в начальный период второй мировой войны большинство восточно-европейских стран.

Мифы вокруг данной темы начали появляться еще в ходе самих событий 1939–1941 гг. Они возникали с разных сторон, были неодинаковыми по характеру и направленности. И их последующее существование тоже оказалось различным. Наиболее недолговечными стали те, что исходили от пропагандистской машины нацистского «третьего рейха» и его европейских сообщников по фашистскому блоку. Эти мифы в своем большинстве рухнули вместе с крахом породивших их режимов. Более длительное существование было уготовано мифам, возникшим в Советском Союзе и частично на Западе. Некоторые из них, особенно подогревавшиеся затем идеологической конфронтацией на протяжении последовавших за второй мировой войной десятилетий холодной войны, дотянули даже до самого последнего времени.

Получившие хождение мифы сказывались различным образом в историографии тех или иных стран. Но, пожалуй, в наибольшей мере пострадала в этом смысле отечественная историография. Жестко зажатая в тиски обязательных идеологических установок, она была вынуждена в течение многих лет воспроизводить официальную версию советской пропаганды, построенную на искажении реальной истории сталинской внешней политики 1939–1941 гг., в том числе как в сфере советско-германских отношений, так и в сфере отношений с государствами Восточной Европы. Искажение шло не просто по линии интерпретации этой политики, по линии ее апологетической характеристики, но, что еще важнее, по линии подчиненного этой интерпретации прямого со-

крытия важнейшего фактического материала о конкретных советских внешнеполитических действиях в обеих названных выше сферах непосредственно накануне и на начальном этапе второй мировой войны. Основной массив соответствующих документов советских архивов был вообще недоступен исследователям. А то совсем немного, что иногда публиковалось, просеивалось через сито тщательнейшей селекции в угоду все той же официальной пропагандистской версии.

В этом смысле показательна судьба известной многотомной публикации «Документы внешней политики СССР»: после выпуска XXI тома, содержащего материалы 1938 г.¹, она была во второй половине 1970-х годов остановлена, ибо руководящие инстанции Советского Союза не устраивал выход в свет документов 1939 г., равно как всего последующего периода до фашистского нападения на СССР, прежде всего секретных протоколов к советско-германским договорам августа — сентября 1939 г., в которых речь шла и о странах Восточной Европы (наряду с Прибалтикой и Финляндией). Подобным решением в очередной раз наносился серьезный ущерб исторической науке, в первую очередь отечественной историографии. Вместе с тем оно выглядело и несколько курьезно, поскольку немало из того, что данным решением так настойчиво пытались скрыть от исследователей, к тому времени уже стало известным из документов о германо-советских отношениях названного периода, которые находились в немецких архивах, а при разгроме «третьего рейха» оказались у западных союзников и стали ими публиковаться после окончания второй мировой войны. Часть их увидела свет в получившем широкую известность специальном документальном сборнике об отношениях Германии с Советским Союзом в 1939–1941 гг., который был подготовлен американцами при сотрудничестве англичан и выпущен госдепартаментом США в 1948 г. как в переводе на английский язык, так и по-немецки². Затем большой массив архивных мате-

¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. XXI. 1 января — 31 декабря 1938 г. М., 1977.

² Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from Archives of the German Foreign Office. Washington, 1948; Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion, 1939–1941: Akten aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amts. Washington, 1948. Часть материалов из этого сборника была впоследствии издана в переводе на русский язык Ю. Г. Фельштинским, который составил на их основе публикацию документов о советско-германских отношениях 1939–1941 гг. Первоначально она вышла на Западе, а затем и в нашей стране, когда это стало возможным в результате коллапса советского режима: СССР — Германия. [Т. 1]. 1939: Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле–сентябре 1939 г.; Т. 2. 1939–

риалов нацистской дипломатии был включен в соответствующие тома совместного англо-франко-американского серийного издания документов германской внешней политики 1918–1945 гг., которое стало публиковаться на английском языке и почти параллельно начало выходить в ФРГ на немецком языке³ (некоторые тома вышли и во французском издании). Но хотя многие аспекты советско-германских отношений 1939–1941 гг., в том числе и в связи со странами Восточной Европы, отнюдь не были, таким образом, секретом, однако упорное сокрытие советской архивной документации, и в частности прекращение выпуска дальнейших томов «Документов внешней политики СССР», которые должны были последовать за XXI томом, лишало историческую науку чрезвычайно важных источников изучения всего комплекса проблем международного развития накануне и в начальной фазе второй мировой войны, а особенно, разумеется, изучения внешней политики Советского Союза в этот период. И только через полтора десятка лет после выпуска XXI тома, в обстановке радикальных политических перемен, означавших конец советской системы, стало возможным возобновить упомянутую публикацию (теперь уже почему-то под названием «Документы внешней политики», без указания на СССР в заглавии) изданием XXII, а затем и XXIII томов, посвященных событиям 1939–1941 гг.⁴

Как сама пропагандистская версия, являвшаяся обязательной для советской историографии, так и практиковавшаяся в СССР недоступность необходимых источников оказали значительное воздействие на ситуацию в тогдашних восточноевропейских социалистических странах: и там исследование темы, о которой идет речь, во многом подчинялось официальным идеологическим установкам, а доступ исследователей к архивной документации был часто тоже существенно затруднен. Впрочем, в ряде этих стран тамошние пропагандистские версии стали, особенно со временем, все в большей мере отражать не столько точку зрения, от-

1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. Б.м., Telex, 1983; СССР — Германия. 1939–1941. Нью-Йорк, 1989; Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991.

³ Включенные в это издание документы, относящиеся к периоду 1939–1941 гг., до нападения на СССР, см.: Documents on German Foreign Policy, 1918–1945 (далее — DGFP). Series D. V. VI–XII. London, 1956–1962; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D (далее — ADAP, D). Bd. VI–XII. Baden-Baden; Frankfurt am M.; Bonn; Göttingen, 1956–1969.

⁴ ДВП. Т. XXII. 1939 год. Кн. 1–2. М., 1992; Т. XXIII. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 1. М., 1995; Кн. 2 (Ч. 1–2). М., 1998.

стаивавшуюся советскими идеологическими законодателями, сколько возникавшие в самих странах новые идеологемы, окрашивавшиеся в специфические национальные тона и выражавшие особые интересы местных коммунистических элит.

Недоступность советской и частично восточноевропейской документации сказывалась на разработке данной темы и в западной историографии, не только затрудняя исследование, но и, по сути, способствуя в ряде случаев использованию тех или иных неточных, а то и просто недостоверных сведений, почерпнутых из немецких и западных источников, либо вынуждая — ввиду отсутствия необходимых данных — прибегать к конструированию умозрительных схем, далеко не всегда соответствовавших исторической реальности.

В советской историографии ситуация, охарактеризованная выше, просуществовала до конца 1980-х годов. В тех из восточноевропейских социалистических стран, где были более либеральные порядки, она стала частично меняться раньше. Но как в нашей стране, так и в Восточной Европе коренной перелом в исследовательских возможностях наступил лишь на рубеже 1980–1990-х годов, с падением прежних идеологических запретов и начавшимся открытием ранее недоступных архивных документов. То и другое серьезно стимулировало интерес специалистов к изучению вопроса о судьбах Восточной Европы в 1939–1941 гг. в контексте германо-советских отношений и политических устремлений, с одной стороны, Гитлера, с другой — Сталина.

Уже с конца 1980-х годов в отечественной историографии начали предприниматься первые усилия, направленные на преодоление неадекватных стереотипов и переход к научному анализу данной темы на основе изучения новых источников. Эти усилия стали составной частью развернувшегося в нашей исторической науке общего процесса выработки нового подхода к исследованию всей проблематики отношений между СССР и Германией и в целом советской внешней политики 1939–1941 гг. Процесс этот развивался достаточно сложно, сопровождался острыми дискуссиями, подчас принимавшими ожесточенный характер, особенно при столкновении позиций, с одной стороны, приверженцев традиционного советского взгляда, а с другой стороны — тех, кто выступил его оппонентами⁵.

⁵ Подробнее об этих дискуссиях см., например: *Мельтюхов М. И.* Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 1996; *Gibiński L. J.* Novi pogledi na sovjetsko-nemački sporazum 1939 godine: Problem ocene i sadašnje diskusije u sovjetskoj istoriografiji // *Istorija*

Что касалось непосредственно проблематики Восточной Европы в контексте отношений между Германией и СССР накануне и в начальный период второй мировой войны, то существенную роль в усилиях по преодолению несостоятельных стереотипов сыграли, в частности, три «круглых стола», организованные в 1989–1990 гг. тогдашним сектором истории международных отношений академического Института славяноведения и балканистики (ныне Институт славяноведения РАН). Состоявшиеся на них дискуссии, материалы которых были опубликованы⁶, во многом способствовали определению наиболее актуальных исследовательских задач, выработке новых методологических подходов, уяснению основных направлений архивного поиска. Результаты «круглых столов» легли в основу подготовленных затем трех тематических сборников статей, посвященных последовательно сменявшим друг друга этапам в процессе изменения международного положения стран Восточной Европы в 1939–1941 гг.⁷ В ходе этой работы в основном сформировался тот исследовательский коллектив, который, продолжая изучение данной темы, создал монографию, предлагаемую теперь читателю.

От упомянутых первых дискуссий до завершения этой монографии прошло время, которое характеризовалось серьезным расширением источниковой базы. В научный оборот было введено большое количество новых документальных материалов. Особое значение имело, в частности, издание уже отмеченных выше XXII и XXIII томов документов советской внешней политики, а также двухтомной документальной публикации о международном политическом кризисе 1938–1939 гг.⁸ и вышедшего в серии «Россия. XX век» двухтомника важных мате-

XX века (Beograd). 1989. Вр. 1–2; *Гибијански Л.* Пресвртот во советско-германските односи во 1939 година и источноевропски аспект (Прилог кон дискусијата во советската историографија) // Институт за национална историја: Гласник (Скопје). 1991 (Год. XXXV). Вр. 1–2.

⁶ Советское славяноведение. 1989. № 5. С. 3–34; 1991. № 1. С. 3–27; № 4. С. 3–23.

⁷ Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. И. И. Поп. М., 1989; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Гибианский. М., 1990; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июль 1941) / Отв. ред. Л. Я. Гибианский, С. З. Случ. М., 1992.

⁸ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1–2. М., 1990.

риалов 1940–1941 гг.⁹ Наряду с этими и другими отечественными и многими зарубежными публикациями документов авторы данной монографии исследовали значительный круг материалов в архивах России, а также Германии, стран Восточной Европы и США¹⁰. На этой основе в монографии анализируется совокупность основных международных проблем в Восточной Европе непосредственно перед второй мировой войной и на ее начальном этапе, динамика изменений внешнеполитического положения государств региона, оказавшихся в перекрестье устремлений Германии, с одной стороны, и Советского Союза — с другой¹¹.

Работа выполнена в Институте славяноведения РАН. Книга написана авторским коллективом в составе: Е. Л. Валева (гл. VIII), В. К. Волков (гл. I, V, Заключение), Л. Я. Гибианский (Введение, гл. IX, Заключение), М. Д. Ереценко (гл. VII), Т. М. Исламов (гл. VI), Н. С. Лебедева (гл. III), В. В. Марьяна (гл. IV), Т. А. Покивайлова (гл. VI), С. З. Случ (гл. II).

Авторы и редакторы выражают глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку, оказанную исследовательскому проекту, результатом которого явилась данная монография, а затем и изданию этой книги.

⁹ 1941 год: Документы. Кн. 1–2. М., 1998. В этом сборнике содержатся не только политико-дипломатические материалы, но и, что очень важно, данные разведки, а также документация, касающаяся вооруженных сил и военной промышленности СССР.

¹⁰ Перечень архивов см. в «Списке сокращений». Там же даны новые названия тех использованных архивов, которые были переименованы в последнее время, после того, как работа над этой монографией была завершена.

¹¹ В книге затрагиваются, но не рассматриваются специально проблемы Греции, оставшейся тогда реально за пределами сферы советско-германских отношений, и Албании, которая вследствие фашистской агрессии была оккупирована и фактически ликвидирована в качестве самостоятельного государства еще до начала охватываемого монографией периода. Что касается Чехословакии, государственное существование которой было вследствие нацистского захвата тоже прервано еще до событий, которым посвящена книга, то исследование непосредственно охватывает только Словакию, ставшую государством в момент уничтожения Чехословацкой республики и оккупации чешских земель Германией в середине марта 1939 г.

Глава I

Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне второй мировой войны

Резкие изменения в расстановке сил, характерные для всего периода международных отношений между двумя мировыми войнами, не раз сотрясали Версальскую систему. Они вызывались действиями одних великих держав и ставили другие великие державы перед драматическими альтернативами. Примером может служить Рапалльский договор (апрель 1922 г.) между Советской Россией и Германией, приведший к первому серьезному кризису Версальской системы международных отношений и повлекший за собой ряд серьезных изменений в ее структуре. Аналогичное воздействие имели Локарнские договоры (октябрь 1925 г.) и попытка заключения Пакта четырех держав (1932–1933 гг.). Особенно чувствительно реагировали на подобные встряски малые и средние страны, становившиеся в той или иной форме объектами сделок великих держав. Чаще всего это были государства Восточной Европы, многие из которых лишь недавно обрели свою независимость (например, Польша и Чехословакия).

Каждый крутой разворот в мировой политике не только сотрясал страны Восточной Европы, но и побуждал их к ответным действиям, сказывался на их месте на международной арене, на их системе договорно-правовых отношений с великими державами и между собой. Так, в число Локарнских договоров помимо Рейнского гарантийного пакта и ряда арбитражных соглашений вошли также договоры о гарантиях Франции с Чехословакией и Польшей, подтвердившие польско-французский политический договор (февраль 1921 г.) и чехословацко-французский договор о союзе и дружбе (январь 1924 г.). Теперь они дополнялись обязательствами Франции оказать помощь обеим странам в случае нападения на них Германии. Парадоксом этих договоров было то, что они в конкретной обстановке того времени не усиливали, а наоборот, ослабляли французскую систему военных союзов в Европе, снижали влияние Франции в европейских и мировых делах.

О влиянии восточноевропейских стран на развитие событий на континенте свидетельствовал тот факт, что их действия в большой степени способствовали срыву Пакта четырех держав (Великобритания, Франция, Италия, Германия), заключенному 15 июля 1933 г. Против него единым фронтом выступили Польша, страны Малой Антанты (военно-политический союз, объединявший Чехо-

словакию, Румынию и Югославию), а также не входившие в нее балканские страны, среди которых наибольшую активность проявили Греция и Турция. Они справедливо расценили этот пакт как попытку создать «директорию великих держав», намеревавшуюся играть роль верховного арбитра в европейских делах, подменяя собой Лигу Наций. Усилия восточноевропейских стран были поддержаны советской дипломатией, по инициативе которой между ними и СССР были подписаны (август 1933 г.) конвенции об определении агрессии. В итоге этот пакт так и не вступил в силу. Все же он оставил след в истории дипломатии. Недаром Э. Бенеш в своих мемуарах писал, что пакт был «прямым предшественником и образцом для Мюнхенского соглашения 1938 г.»¹. Под влиянием этого проекта страны Малой Антанты подписали 16 февраля 1933 г. Организационный пакт, укреплявший военный союз входивших в него государств². Другим следствием стало заключение балканского пакта (9 февраля 1934 г.) — политического союза Греции, Румынии, Турции и Югославии, стремившегося к сохранению мира в этом регионе³.

Казалось, к середине 1930-х годов обстановка в обширном регионе Восточной Европы нормализовалась и приобрела черты стабильности. Большинство стран региона были охвачены системой союзных договоров между собой и с великими державами, в первую очередь с Францией. Их надежды на сохранение мира и статус кво на континенте в значительной степени связывались с существованием и деятельностью Лиги Наций — первой в истории универсальной межгосударственной организации, своего рода прообразом (впрочем, как показала история, неудачным) и прототипом Организации Объединенных Наций⁴. Она играла заметную роль в функционировании Версальской системы международных отношений, разделяя вместе с ней все ее недостатки и пороки. В дальнейшем развитии событий она не смогла реализовать и части возлагавшихся на нее надежд на сохранение мира.

Вызревание кризиса в международных отношениях началось исподволь и издалека. В сентябре 1931 г. затлел очаг войны на Дальнем Востоке, когда японские войска оккупировали северо-восточную часть Китая, где вскоре было создано марионеточное государство Манчжоу-Го. Далекий от Европы, он задел, однако,

¹ Memoirs of dr. E. Benes. From Munich to New War and New Victory. Boston, 1954. P. 10.

² Волков В. К. Гермапо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М., 1966. С. 18–23.

³ Avramovski Ž. Balkanska Antanta (1934–1940). Beograd, 1986.

⁴ Илюхина Р. М. Лига Наций. 1919–1934. М., 1982.

Лигу Наций, где Япония была одним из четырех (наряду с Великобританией, Францией и Италией) постоянных членов ее Совета. Обсуждение агрессивных действий Японии в Лиге Наций сразу же зашло в тупик, хотя вскоре вслед за оккупацией Манчжурии произошла бомбардировка Шанхая. Призывы Лиги Наций к мирному урегулированию с Китаем японская дипломатия проигнорировала. В марте 1933 г. последовало заявление о выходе Японии из Лиги Наций. Это был удар по престижу Лиги, демонстрация возможности не считаться с нею. В октябре 1933 г. Лигу Наций покинула и Германия, где пришли к власти нацисты, приступившие к ремилитаризации страны.

Начало перевооружения Германии, ее открытые призывы к пересмотру Версальской системы изменили политический климат в Европе. Из великих держав наибольшую тревогу испытывала Франция. Ее система союзов с рядом малых и средних государств Восточной Европы, каждое из которых имело свою систему внешнеполитических приоритетов, в новых условиях не играла уже прежней роли. Нужна была серьезная система безопасности для предотвращения новой войны. В этом пункте интересы Франции совпадали с предложениями советской дипломатии, с самого начала указывавшей на угрозу фашистской агрессии. Начавшееся сближение Франции с СССР вызывало различную реакцию в странах Восточной Европы. Все они поставили свои подписи под приглашением Советскому Союзу вступить в Лигу Наций, что и свершилось в сентябре 1934 г. Но предложение советской дипломатии о заключении Восточного регионального пакта как части европейской системы безопасности и преграды на пути фашистской агрессии выявило глубокие расхождения в их позиции. Готовность последовать за Францией проявила на деле только Чехословакия. В итоге сразу же вслед за подписанием 2 мая 1935 г. договора о взаимной помощи Советского Союза с Францией, через две недели, 16 мая, последовал аналогичный договор СССР с Чехословакией. Стороны обязались при возникновении опасности оказать друг другу немедленную помощь в случае неспровоцированного нападения на одну из них со стороны какого-либо европейского государства⁵. Однако в договор с Чехословакией по инициативе чехословацкой дипломатии была внесена оговорка, что обязательства сторон вступают в силу только в случае, если помощь жертве агрессии будет оказана со стороны Франции. Естественно, что такая оговорка ослабляла тройственную советско-франко-чехословацкую систему договоров, равно как ос-

⁵ ДВП. Т. XVIII. М., 1973. Док. 205. С. 309–312; Док. 223. С. 336.

лабляло эту систему и отсутствие военных конвенций, которые конкретизировали бы обязательства сторон.

Заключение упомянутых договоров вызвало разнообразную реакцию в Западной и в Восточной Европе. Сразу же проявилось негативное отношение Великобритании, что выразилось в заключении 18 июня 1935 г. англо-германского морского соглашения. По нему Германия могла резко увеличить свои военно-морские силы и довести их до 35 % размера британского флота. Реальное значение этого соглашения выходило далеко за рамки его непосредственного объекта. Соглашение нарушало военные положения Версальского мирного договора. Оно показывало готовность британских правящих кругов пойти далеко навстречу германским нацистам в пересмотре сложившегося положения в Европе.

Среди восточных союзников Франции углубились разногласия. Первоначально только Румыния проявила готовность поддержать советско-франко-чехословацкую систему договоров, и румынский министр иностранных дел Н. Титулеску начал переговоры о заключении договора с СССР, аналогичного советско-чехословацкому. Но это было скорее исключением.

В основном политическая линия восточноевропейских стран определялась сдвигами на международной арене, в отношениях между великими державами. Начало новым сдвигам, помимо англо-германского морского соглашения, положила агрессия фашистской Италии против Эфиопии (2 декабря 1935 г.). Агрессия вновь продемонстрировала бессилие Лиги Наций: даже экономических санкций против Италии не удалось организовать. Однако гораздо большее значение имела ремилитаризация Германией Рейнской зоны (7 марта 1936 г.). Она стала не только новым грубым нарушением Версальского мирного договора, но и имела далеко идущие геополитические последствия. Отныне Франция в несравненно большей мере становилась отрезанной в стратегическом отношении от своих союзников в Восточной Европе и теряла возможность оказания им действенной помощи. Ее возможности оказания давления на Германию сводились к минимуму.

1936 год стал во многом переломным для международных отношений в Европе. События развивались по принципу цепной реакции. 2 апреля 1936 г. Австрия объявила о введении всеобщей воинской повинности в стране. Протесты стран Малой Антанты по поводу нарушения ею Сен-Жерменского договора остались без последствий за отсутствием поддержки великих держав. Не поддержала их и Франция. Следствием стало вступление Малой Антанты в полосу разложения. Состоявшаяся в июне 1936 г. в Бухаресте встреча глав входивших в нее стран (чехословацкий президент Э. Бенеш, румынский король Кароль и югославский принц-

регент Павел) отклонила предложение чехословацкой дипломатии об укреплении этого блока малых стран. Югославия решительно выступила против заключения советско-румынского договора, о котором тогда велись переговоры. Последующая борьба за дальнейшую внешнеполитическую ориентацию Румынии, в которую активно включилась также польская дипломатия, закончилась отставкой Титулеску (август 1936 г.)⁶. В Греции развернулась широкая кампания против военных обязательств по Балканскому пакту. На заседании Постоянного совета пакта в мае 1936 г. в Белграде премьер-министр Греции И. Метаксас потребовал ограничить их применение только возможным возникновением такой ситуации, когда произойдет чисто внутрибалканский конфликт, а в случае вмешательства в него небалканской страны (подразумевалась Италия) они теряли бы силу⁷.

С весны 1936 г. по дипломатическим каналам началось обсуждение вопроса о режиме Черноморских проливов. Инициатором его выступила Турция, действовавшая под заметным влиянием английской дипломатии. На конференции в Мontre (22 июня — 21 июля 1936 г.) в полной мере проявились линия Турции на отход от прежней политики добрососедских отношений с СССР, характерной для периода 20-х — начала 30-х годов, и ориентация Анкары на Великобританию⁸. Турецкая позиция была в той или иной мере поддержана другими балканскими государствами. Новая конвенция, устанавливавшая режим Черноморских проливов, стала результатом компромисса и не отвечала в полной мере интересам безопасности СССР. В советско-турецких отношениях наступило заметное охлаждение. Конвенция в Мontre (20 июля 1936 г.) стала переломным пунктом как для общего курса внешней политики Турции, так и для ее региональной политики на Балканах. В подходе ко всем этим вопросам она все больше стала ориентироваться на Англию.

Огромное влияние на положение дел на всем европейском континенте оказало начало гражданской войны в Испании (июль 1936 г.). Она стала катализатором дальнейших сдвижек в расстановке сил на международной арене, позволила фашистским державам играть на антикоммунистических настроениях политических партий и буржуазных слоев других стран, запугивая их перспективой установления коммунистической власти в Испании. Крайне правые националистические и профашистские силы в Ис-

⁶ Волков В. К. Германско-югославские отношения. С. 127-132.

⁷ Там же. С. 123-124.

⁸ Жижкова Л. Англо-турецкие отношения. 1933-1939 гг. / Пер. с болг. М., 1975. С. 58-75.

пании во главе с генералом Ф. Франко готовили свой путч при поддержке Италии и Германии. Последние же использовали испанские события как политическое обоснование для своего сближения. Разделявшие их прежде противоречия и борьба за влияние в Австрии были преодолены. Следствием стало заключение австро-германского договора 11 июля 1936 г., по которому австрийское правительство признавало себя германским государством⁹. В секретных приложениях к договору оно брало на себя обязательства, превращавшие страну в придаток «третьего рейха». Этот договор расчищал путь последующему аншлюсу.

Германия и Италия открыто вмешались в испанскую гражданскую войну, вначале поставляя франкистам оружие, а затем послав в Испанию и свои войска. Они прикрывали свои действия ссылками на советскую помощь республиканскому правительству и участие на его стороне добровольцев из других стран («интернациональные бригады»). 25 октября 1936 г. между обеими фашистскими державами было заключено соглашение, оформившее их отношения, которое получило наименование «оси Берлин — Рим». Ровно месяц спустя, 25 ноября 1936 г., между Германией и Японией был заключен так называемый «антикоминтерновский пакт» (в январе 1937 г. к нему присоединилась Италия). Так возникло политическое образование, очертившее контуры будущего блока агрессоров. Все это проходило при попустительстве западных держав, занявших позицию «невмешательства» в испанские дела, а на деле сделавших первые шаги на пути политики «умиротворения агрессоров».

Нацистская Германия максимально использовала возможности, открывшиеся для нее с началом гражданской войны в Испании. 30 января 1937 г., в четвертую годовщину прихода нацистов к власти, Гитлер официально провозгласил отказ Германии от Версальского мирного договора. И это вновь сошло ему с рук. Нацистская внешняя политика проявила в это время присущие ей черты — крайний цинизм, двурушничество по отношению к своим же союзникам и холодный расчет. Выступая 5 ноября 1937 г. перед верхушкой вермахта, Гитлер говорил: «...с точки зрения Германии стопроцентная победа Франко является нежелательной. Напротив, мы заинтересованы в продолжении войны и в сохранении напряженности в районе Средиземного моря»¹⁰. Конфликт, по его мнению, поддерживал благоприятные для Германии изме-

⁹ *Турок В. М.* Очерки истории Австрии. 1929–1938. М., 1962. С. 375.

¹⁰ *Дашичев В. И.* Башфронтство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1942. М., 1973. Док. 31. С. 128.

нения в системе международных отношений. Во-первых, он раскалывал фронт ее потенциальных противников и ослаблял позиции Англии и Франции. Во-вторых, он раскалывал политические силы внутри самой Франции и ослаблял ее союзные отношения с другими странами. В-третьих, обострялись отношения Италии с Англией и Францией, делая бесплодными попытки последних изменить прогерманскую ориентацию Италии и предотвратить союз двух фашистских государств. В-четвертых, резко менялось положение стран Восточной Европы, которые становились легкой добычей для Германии (западные державы, полагал Гитлер, втихомолку «уже списали со счетов Чехию»). Наконец, в-пятых, конфликт вел к международной изоляции СССР, подрыву идей коллективной безопасности и выхолащиванию советско-франко-чехословацкой системы союзов. Отсюда Гитлер делал вывод, что близится время для решительных силовых действий по завоеванию «жизненного пространства» на территории Восточной Европы.

Другим крупным фактором, оказавшим огромное влияние на положение дел в мире, стали драматические события в СССР. В августе 1936 г. в Москве состоялся «процесс 16-ти» (Зиновьев, Каменев, Евдокимов и др.) — первый из показательных политических процессов-монстров. Замена 27 сентября 1936 г. Ягоды на посту наркома внутренних дел Ежовым знаменовала резкое усиление массовых политических репрессий («большой террор»). 23–30 января 1937 г. прошел процесс по делу «антисоветского троцкистского центра» (Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и др.). За ним последовал февральско-мартовский (1937 г.) Пленум ЦК ВКП(б), на котором Сталин выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников»¹¹. Страну захлестнула волна арестов и расстрелов. Один закрытый процесс следовал за другим. В июне 1937 г. было объявлено о расстреле Тухачевского, Уборевича, Якира и других крупнейших военачальников. Террор обрушился на центральные республиканские и областные партийные и советские органы, на кадры руководителей промышленности и народного хозяйства, профсоюзных и комсомольских организаций. Были уничтожены лучшие командные кадры в армии, деятели науки, литературы и искусства, представители инженерно-технической интеллигенции. Массовые репрессии чугунным катком прокатились по всем слоям населения. Это была чудовищная по масштабам и последствиям катастрофа, постигшая страну.

¹¹ См.: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995, № 7. С. 9–25.

«Большой террор» в СССР оказал самое непосредственное влияние на его международное положение. Его престижу был нанесен удар огромной силы. Его союзоспособность (т. е. привлекательность как союзника) снизилась почти до нулевой отметки. При рассмотрении этого вопроса следует выделить два аспекта: реакция международного общественного мнения и влияние на расстановку сил в мире.

За рубежом массовые репрессии в СССР причинили наибольший ущерб морально-политическому престижу коммунистических партий и той части рабочего движения, которая находилась под руководством или влиянием коммунистов. События в Советском Союзе фактически перечеркнули возможность осуществления политических установок VII конгресса Коминтерна на создание единого фронта в борьбе против фашизма и войны. Тем более что многие руководители Коминтерна и ряда коммунистических партий также подверглись репрессиям. Нигде коммунисты не смогли дать убедительных ответов на вопросы, почему и как соратники Ленина, костяк руководящих кадров ВКП(б), оказались вдруг не только предателями и шпионами, но еще и «агентами гестапо» и других фашистских разведок. Для большинства это осталось загадкой, а для многих — стало крушением идеалов.

Репрессии вызвали смятение в рядах друзей СССР за рубежом. Многие выдающиеся деятели культуры — Б. Шоу, Р. Роллан, Г. Уэллс, А. Жид, Л. Фейхтвангер, Б. Брехт, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри, А. Эйнштейн, Т. Драйзер и другие — «ломали голову», пытаясь найти разумное объяснение происходившему. Они строили различные предположения, варьировавшиеся от «выкорчевывания пятой колонны» до своеобразного процесса демократизации общественного строя в связи с принятием в декабре 1936 г. новой «сталинской» Конституции. Но все они были шокированы произволом и отсутствием гарантий свобод в СССР, попранием человечности, грубейшими нарушениями законности и справедливости. Молчание большинства из них объяснялось опасениями, что их протесты будут использованы фашистской пропагандой¹².

Широко обсуждалась проблема репрессий в СССР социалистическими и социал-демократическими партиями на страницах их периодических изданий. Их резко отрицательная позиция в оценке репрессий сопровождалась выводами о «врожденных пороках коммунизма» и попытками провести параллель между событиями, проходившими в СССР, и эксцессами в ходе гражданской

¹² Медведев Р. А. К суду истории: Гепезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974. С. 478–496.

войны в Испании. С другой стороны, Троцкий старался организовать в США параллельный «контрпроцесс», чтобы доказать собственную невиновность в предъявлявшихся ему на московских процессах обвинениях, а также показать их инсценированный характер. Однако представители левой интеллигенции отказали ему в поддержке. Все это углубляло раскол в международном рабочем движении, которое переживало глубокий кризис, противопоставляло друг другу социал-демократические и коммунистические партии.

В какой мере отдавало себе отчет тогдашнее советское руководство относительно степени воздействия массовых репрессий в стране на международное положение СССР? За отсутствием данных и исследований вопрос остается без ответа. Конечно, советские лидеры не могли не задаваться таким вопросом, тем более, что к числу ведомств, понесших в годы сталинского террора наибольшие жертвы, принадлежал Наркоминдел СССР. В течение 1937–1938 гг. были арестованы и расстреляны ведущие советские дипломаты, в том числе все заместители наркома (за исключением одного В. П. Потемкина) — Л. М. Карахан, Г. Я. Сокольников, Н. Н. Крестинский, Б. С. Стомоняков; полпреды с огромным опытом работы — В. А. Антонов-Овсеенко, Д. В. Богомолов, Я. Х. Давтян, Л. Н. Старк, К. К. Юренев и многие другие; руководящие сотрудники наркомата — С. И. Виноградов, Э. Гершельман, М. А. Плоткин и т. д. Советские представительства за рубежом пусты. Ряд руководителей, полпредов и ответственных работников, опасаясь ареста в случае возвращения на родину, предпочли судьбу эмигрантов. Некоторые из них (например, полпред в Болгарии Ф. Ф. Раскольников) выступили затем с резкими разоблачениями сталинского террора.

Аналитический аппарат дипломатических, военных и разведывательных служб всех ведущих стран мира пристально следил за событиями в СССР и прикидывал, какое влияние они окажут на военно-стратегический потенциал и политическую прочность страны. Практически все наблюдатели приходили к выводу о глубоком внутривнутриполитическом кризисе советского режима (независимо от его причин), о дезорганизации советских вооруженных сил, о неспособности СССР к крупномасштабным внешнеполитическим мероприятиям. Международная изоляция СССР, наметившаяся уже к концу 1936 г., нарастала в течение 1937 г. и достигла своего апогея в 1938 г.

Состояние СССР вызывало у одних радость, у других — озабоченность. Непредубежденные наблюдатели отдавали себе отчет в том, что остановить фашистскую агрессию без СССР будет либо очень трудно, либо просто невозможно. В то же время многие по-

лагали, что сотрудничество с СССР может вызвать отрицательную реакцию ряда политических течений в их собственных странах, и неясно, что перевесит при таком повороте событий — плюсы или минусы. Советская действительность того времени давала достаточную пищу для подобных сомнений. Но были и силы, склонные сознательно усиливать такие сомнения в целях создания благоприятных предпосылок для разрешения противоречий между западными державами и фашистскими государствами за счет СССР и ряда малых стран Восточной Европы. Последние оказывались геополитически зажатыми между Германией и СССР, образно говоря — между Гитлером и Сталиным. Для каждой из сторон этой сложной конструкции возникавшая ситуация создавала своеобразные дилеммы.

Наиболее выгодное положение складывалось для Германии. За ее пределами нацистская пропаганда реванша и завоевания «жизненного пространства» на Востоке Европы часто расценивалась, особенно в западных странах, как предназначенная для внутреннего потребления. В гораздо большей степени импонировал подчеркнутый антикоммунизм фашистской политики. В результате на международной арене складывались условия, благоприятные для ремилитаризации Германии. И нацистские лидеры в полной мере использовали открывшиеся для них возможности. Не случайно Гитлер считал самым опасным временем для фашистского режима период создания мощных вооруженных сил и опасался превентивных военных действий со стороны Франции и ее восточноевропейских союзников¹³. Это время он сумел выиграть. Уже к концу 1937 г. он начал строить планы развязывания агрессии ориентировочно в 1943–1945 гг., однако с оговоркой, что развитие событий может заставить Германию выступить раньше (в первую очередь против Чехословакии и Австрии).

Ретроспективный взгляд на развитие ситуации в Европе в межвоенный период позволяет утверждать, что с 1936 г., со второй его половины, в системе международных отношений на континенте стал вызревать кризис, затронувший все европейские страны и отразившийся на положении дел во всем мире. Именно тогда в Европе начал складываться треугольник сил (фашистские государства — западные державы — СССР), борьба между сторонами которого определяла дальнейший ход событий. Инициатива при этом явно была перехвачена фашистскими государствами, причем в «оси» Берлин — Рим первую скрипку играла Германия. В отношениях западных держав наблюдалась все возрастающая зависимость французской политики от Великобритании. Как уже

¹³ Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 1. Док. 10. С. 57.

говорилось, занятая ими позиция «невмешательства» в испанские события становилась предтечей позднейшей политики «умиротворения агрессоров». СССР начал ощущать положение изоляции, в которой он оказался, и стремился не допустить блокировки западных держав с фашистскими государствами на антисоветской основе. Опасения перед лицом перспективы такой блокировки все в большей мере определяли действия советской дипломатии и ее стремление избежать этого любой ценой.

Подобная расстановка сил в отношениях между великими державами наложила печать на международные отношения в Европе накануне второй мировой войны и сохранилась в самом ее начале. Она создавала известные рамки для действий самих великих держав, но в еще большей степени воздействовала на политический курс малых и средних государств, особенно стран Восточной Европы. И каждая из них искала свой выход из создавшегося положения.

* * *

Уже первые симптомы кризиса системы международных отношений и новой расстановки сил великих держав (треугольник сил) вызвали эволюцию внешнеполитического курса ряда восточноевропейских стран. Наибольшие последствия имели изменения в политике Польши, особенно в ее отношениях со своими соседями, в первую очередь — с Германией и СССР.

Если в начале 1930-х гг. наблюдался период известного взаимодействия советской и польской дипломатии (значительное совпадение их позиций в ходе Международной конференции по разоружению; заключение конвенции об определении агрессора; согласование действий в борьбе против «пакта четырех»), то с середины того же десятилетия СССР и Польша занимали противоположные позиции практически по всем важным мировым проблемам. И в последующие годы советско-польские отношения определялись не столько непосредственными двусторонними контактами двух стран (где подчас наблюдались и позитивные явления), сколько их расходящимися курсами на международной арене.

Так, когда в Европе развернулась борьба за создание системы коллективной безопасности, Польша выступила против такого проекта и отвергла концепцию Восточного пакта. Польская дипломатия выступила энергичным противником советско-франко-чехословацкой системы союзов (май 1935 г.). Ее позиция сыграла определенную роль в том, что за этими политическими договорами не последовало военных конвенций. В

январе 1936 г. французское военное министерство констатировало: «Военный союз с Польшей несовместим с русским военным союзом. Нужно выбирать»¹⁴.

Перемены в польской внешней политике стали особенно бросаться в глаза, когда после смерти Ю. Пилсудского (1935 г.) руководство ею взял в свои руки Ю. Бек. Его взгляды исходили из постулата изоляции Советского Союза от участия в европейских делах. При нем принцип «равноудаленной дистанции» в отношениях Польши с СССР и Германией остался только на бумаге. На деле увеличивалась дистанция по отношению к Москве и сокращалась по отношению к Берлину.

Во внешней политике Польши под руководством Ю. Бека стали накапливаться черты, сближавшие ее с германской внешней политикой. Помимо общей антисоветской платформы бросалось в глаза одобрительное отношение польской дипломатии к формированию «оси» Берлин — Рим, а также к Антикоминтерновскому пакту (ноябрь 1936 г.). Правда, сама Польша уклонилась от предложений присоединиться к нему, равно как и от германских предложений установить более тесные связи с целью «разрешения русского вопроса». Их принятие сразу же свело бы Польшу к положению германского вассала и лишило бы ее самостоятельности на международной арене, где она претендовала на роль «великой державы». С другой стороны, правящие круги в Варшаве демонстрировали отрицательное отношение к тысячам польских граждан, борющихся в защиту Испанской Республики, и сотрудничали с Берлином в области обмена информацией о коммунистическом движении.

Обеспечение международных позиций страны польская дипломатия видела в осуществлении плана, известного под названием «Третьей Европы» или «интермариум» (междуморье). Суть этой концепции сводилась к установлению союзных отношений с рядом малых государств (Румыния, Венгрия, Югославия), а также с Италией, что создало бы условия для проведения великодержавной политики Польши и позволило бы ей сохранить «равновесие» между СССР и Германией. Непосредственное препятствие для осуществления этого плана в регионе Восточной Европы виделось в Чехословакии. Усилия польской дипломатии по созданию такого блока в 1936–1937 гг. возбуждали подозрения со стороны Советского Союза, усматривавшего в них попытку возрождения «санитарного кордона» и отмечавшего их непосредственную античехословацкую направленность.

¹⁴ Белоусова З. И. Франция и европейская безопасность. 1929–1939. М., 1976. С. 214–215.

Польская дипломатия приложила немало усилий для изоляции Чехословакии внутри Малой Антанты, отхода от нее Румынии и Югославии. Помимо содействия устранению Н. Титулеску с поста румынского министра иностранных дел (август 1936 г.), она поддерживала югославские шаги по отходу от французской системы союзов и налаживала контакты с Венгрией на античехословацкой основе. Однако страны Малой Антанты сохраняли общую позицию против венгерских ревизионистских устремлений (равноправие в области вооружений, проблема венгерских меньшинств в сопредельных государствах, не говоря уже о территориальных вопросах), что затрудняло осуществление польских планов.

Другой страной, политика которой заметно эволюционировала в сторону сближения с фашистскими государствами, была Югославия. Она по-своему отреагировала на создание «оси» Берлин — Рим. Лейтмотивом ее политики все больше становился тезис, содержащийся в заявлении премьер-министра М. Стоядиновича в ноябре 1936 г.: «Югославия не желает входить ни в один из обрисовывающихся в последнее время в Европе соперничающих блоков»¹⁵. На практике такое заявление предвещало отход Югославии от французской системы союзов. Последовавшие вскоре шаги были направлены на реализацию поставленной цели.

Оказавшись в фокусе совместного воздействия Италии и Германии, Югославия стала сближаться с ними. Она тоже стремилась к «равновесию», но только в отношениях между фашистскими государствами и западными державами. Заметную печать на ее внешнеполитический курс накладывала личность премьера, объединявшего этот пост с портфелем министра иностранных дел, М. Стоядиновича — крупного денежного воротилы, человека с авантурными наклонностями и фюрерскими амбициями, которому импонировали авторитарные методы правления. Хорошо знавший его итальянский министр иностранных дел граф Г. Чиано так писал о нем в 1937 г.: «Стоядинович — фашист. И если он не принадлежит открыто к партии, то он определенно является таковым по своим взглядам на власть, государство и жизнь»¹⁶. Его влияние отчасти уравновешивалось персоной принца-регента Павла. Между ними сложилось даже своеобразное распределение ролей: если Стоядинович явно тяготел к фашистским государствам, то Павел проявлял большую склонность к западным державам, в первую очередь к Великобритании.

¹⁵ Волков В. К. Германо-югославские отношения. С. 151.

¹⁶ *Chiato G. L'Europa verso la catastrofe. Verona, 1948. P. 160.*

В качестве первого шага на пути к перемене курса внешней политики Югославии была использована идея ее сближения с Болгарией. В разное время эту идею поддерживали дипломатические службы многих государств, в частности английская. Начавшиеся переговоры с Болгарией вызвали большую тревогу среди союзников Югославии по Балканскому пакту. Тем не менее югославской стороне удалось добиться их согласия. 24 января 1937 г. в Белграде между двумя странами был подписан «Пакт о вечной дружбе». Краткость его содержания вызвала оторопь у наблюдателей. Единственная статья, имевшая смысловую нагрузку, гласила, что между Болгарией и Югославией «будет существовать нерушимый мир и искренняя и вечная дружба». За декларативным характером самого пакта скрывались конкретные расчеты каждой стороны. Нормализовав их двусторонние отношения, пакт открывал Болгарии путь к последующему пересмотру ограничительных статей мирных договоров (в частности, в вопросе вооружений) и разрывал кольцо враждебных государств вокруг нее. Югославия получала спокойный тыл в случае осложнений в Центральной Европе и эмансипировала свою внешнюю политику от союзников по Балканскому пакту и Малой Антанте¹⁷.

Вторым шагом в этом направлении стало подписанное 25 марта 1937 г. в Белграде между Югославией и Италией «Политическое соглашение», которое вошло в историю дипломатии как договор о нейтралитете. Характерно, что его заключению протезировали как германская, так и английская дипломатия, тогда как французская держалась в неведении. Сделав ряд небольших уступок Югославии (прекращение деятельности организации хорватских фашистов-ушастей на итальянской территории, выгодные условия торговли и т. д.), Италия укрепляла свои позиции в Юго-Восточной Европе, с чем она связывала свои позиции как великой державы на континенте. Югославия же окончательно выпадала из сферы влияния Франции.

Субъективно правящие круги Югославии стремились достичь нейтрального положения между западными державами и государствами «оси». Объективно же их политика гравитировала в сторону фашистских государств. Новый югославский курс достаточно ясно проявил себя во время дипломатического турне Стоядиновича, когда он посетил с официальным визитом Париж и Лондон (октябрь 1937 г.), а затем Рим (декабрь 1937 г.) и Берлин (январь 1938 г.). По замыслу эта поездка должна была подчеркнуть политику «равновесия» между двумя группировками великих держав.

¹⁷ Манчев К. Югославия и международные отношения на Балканах 1933–1939. София, 1989. С. 137–179.

Однако на деле выяснилось, что наибольшее значение имел визит в Германию, в ходе которого проявилась готовность Югославии следовать курсом «умиротворения» по английскому образцу. Так, во время встречи с Гитлером, Герингом и Нейратом 17 января 1938 г. Стоядинович заверил их, что для Югославии австрийский вопрос является «чисто внутренним германским делом» и что она никогда не будет выступать против желания народа «объединяться»¹⁸.

Накапливавшиеся в течение 1937 г. сдвиги в политике великих держав и государств Восточной Европы проявили себя в полной мере во время аншлюса Австрии, где в ночь с 11 на 12 марта 1938 г. было создано марионеточное правительство, а в страну вступили германские войска. Исчезновение европейского государства с политической карты мира насильственным путем произошло незамеченным для Лиги Наций. Предложение советской дипломатии о коллективных шагах для приостановления дальнейших агрессивных действий и об обсуждении практических мер, диктуемых обстоятельствами, повисло в воздухе. По оценке Наркомата иностранных дел, данной в письме в ЦК ВКП(б) от 14 марта 1938 г., «захват Австрии представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями...»¹⁹. Отсутствие реакции со стороны западных держав показывало, как глубоко пустила там корни (особенно в Великобритании) политика попустительства гитлеровской Германии, которую рассматривали как «бастион Запада против большевизма» (слова британского министра иностранных дел Э. Галифакса)²⁰. Вновь отказал механизм Лиги Наций и не сработали нормы международного права.

Включение Австрии в состав германского рейха меняло соотношение сил и геополитическую ситуацию в Европе в пользу нацистской Германии. Последняя резко усилилась в экономическом отношении, захватив австрийские валютные резервы и развитую промышленность, особенно военную. В стратегическом отношении Германия охватывала теперь Чехословакию с трех сторон, получала разветвленные транспортные артерии, выходящие на все страны Юго-Восточной Европы. Нарастание германских вооруженных сил получило новый мощный толчок и материальную базу. Назревавший в системе международных отношений кризис приобрел реальные очертания. В та-

¹⁸ DGFP. Series D. Vol. V. Doc. N 163. P. 222–229.

¹⁹ История внешней политики СССР. 1917–1985. Изд. 5-е. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1986. С. 333.

²⁰ Там же. С. 331.

ких условиях дальнейший ход развития событий в огромной мере зависел от позиции западных держав. Однако состоявшиеся 28–29 апреля 1938 г. в Лондоне англо-французские переговоры показали, что французская политика попала отныне в полную зависимость от Великобритании, которая захватила инициативу при обсуждении всех вопросов. Английские государственные деятели развили систему аргументов в поддержку политики «умиротворения». Даже в случае войны, утверждали они, нельзя будет восстановить Чехословакию в существовавших границах. С позиций «полного реализма» они предлагали побудить чехословацкое правительство решить вопрос о положении немецкого национального меньшинства путем переговоров и соглашений с его руководством. Была достигнута договоренность, что британская дипломатия возьмет на себя посредничество в отношениях между Берлином и Прагой. Обе стороны приняли также принципиальное решение положить конец любому сотрудничеству с СССР, т. е. фактически полностью изолировать его на международной арене²¹.

Тем временем гитлеровская Германия уже приступила к наращиванию давления на Чехословакию. Основным ее орудием развала чехословацкого государства стала судето-немецкая партия (или «Отечественный фронт судетских немцев», созданный в октябре 1933 г. на базе двух мелких профашистских партий). Ее руководство во главе с К. Генлейном вначале старалось маскировать свою нацистскую идеологию и организационную связь с гитлеровской партией. Аншлюс Австрии вызвал состояние эйфории среди ее членов. Отбросив всякую маскировку, партия показала свое истинное лицо «пятой колонны», действовавшей по приказу из Берлина.

23–24 апреля 1938 г. в Карловых Варах состоялся съезд судето-немецкой партии, который в ультимативной форме выдвинул наглые требования полного преобразования чехословацкого государства. Эти требования были несовместимы с конституцией Чехословацкой Республики и международными обязательствами страны. Они включали в себя ликвидацию парламентаризма; федерализацию государственного устройства с предоставлением судетским областям полной автономии; свободу пропаганды нацистской идеологии («немецкого мировоззрения»); разрыв договора с СССР и подчинение внешней полити-

²¹ Протоколы англо-французских переговоров в Лондоне в конце апреля 1938 г. см.: Documents on British Foreign Policy 1919–1939 (далее — DBFP). Third Series. Vol. I. Doc. N 164. P. 198–234; Documents diplomatiques français (далее — DDF). 2-е série (1936–1939). T. IX. Doc. N 258. P. 561–588.

ки страны гитлеровской Германии²². Выдвижение таких требований, а также провокационные действия генлейновцев привели уже в начале мая к возникновению кризисной ситуации в Чехословакии, а также к быстрому росту напряженности в чехословацко-германских отношениях.

Вместо оказания поддержки Чехословакии западные державы встали на путь оказания нажима на нее. В ряде английских и французских газет весной 1938 г. началась античехословацкая кампания, представлявшая страну «нежизнеспособным организмом». После ряда промежуточных шагов представители Великобритании и Франции передали 7 мая официальные ноты чехословацкому правительству с требованиями уступок Генлейну и угрозами, что в противном случае они не возьмут на себя никаких гарантий против нападения Германии²³. Демарш западных держав привел к интернационализации искусственно созданного нацистами «чехословацкого вопроса» и положил начало так называемому «чехословацкому кризису», придав ему характер международного конфликта. Этот демарш стал первым шагом к упразднению самостоятельного существования Чехословакии. Он означал также начало активных поисков путей достижения «джентльменского сотрудничества» западных держав с нацистской Германией в духе «пакта четырех держав» и перестройки на этой основе всей системы международных отношений.

Чехословацкое правительство, у которого «захватило дух» от требований западных держав²⁴, встало на путь беспринципных уступок генлейновским требованиям, компромиссов и капитулянтства. Одновременно оно демонстрировало готовность улучшить отношения с Германией и дистанцироваться от СССР²⁵. В то же время оно не могло пройти мимо провокационных действий генлейновцев, организовавших множество инцидентов в Судетской области. Более того, руководство судето-немецкой партии заключило соглашение со словацкой клерикально-националистической «Народной партией» во главе с А. Глинкой о том, что та выдвинет требование о предоставлении Словакии автономии по образцу генлейновских автономистских требований, что повлекло бы раздробление государства на несколько частей. Одновременно происходило наращивание германского давления на Чехословакию. Нацистские руководители выступали с угрожающими заяв-

²² ADAP, D. Bd. II. Dok. N 134. S. 191–192.

²³ Внешняя политика Чехословакии 1918–1939 / Пер. с чеш. М., 1959. С. 487.

²⁴ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т. 3. М., 1978. Док. 286. С. 417–418.

²⁵ DBFP, Third Series, Vol. I. Doc. 229. P. 313–315.

лениями, что они не допустят притеснения судетских немцев и ущемления их прав. К чехословацким границам стали стягиваться германские войска.

Все перечисленные выше события привели к так называемому майскому кризису, ставшему крупной вехой на пути к мюнхенскому соглашению. Вопрос о причинах майского кризиса остается спорным в исторической литературе. Хотя в штабе ОКВ (Главное командование вермахта) готовился план военных операций против Чехословакии (план «Грюн»), непосредственно в те дни никаких действий против нее не предусматривалось²⁶. Не исключено, что чехословацкое правительство прибегло к превентивным действиям с целью зондажа обстановки (своего рода «разведка боем»). Днем 20 мая 1938 г. чехословацкое правительство на экстренном заседании под председательством президента Э. Бенеша приняло решение произвести мобилизацию двух возрастов резервистов. На следующий день одновременно с мобилизацией воинские части заняли боевые позиции на пограничных укреплениях. Мероприятия 21 мая встретили поддержку населения, прошли в образцовом порядке и вызвали патриотический подъем в стране.

Майский кризис прояснил расстановку сил в мире. Советский Союз подтвердил готовность выполнить свои обязательства по договору о взаимопомощи с Чехословакией. Под угрозой потери лица и международного престижа французское правительство также было вынуждено заявить, что выполнит свои союзнические обязательства в случае неспровоцированного германского нападения на Чехословакию²⁷. Но за словами не стояло готовности осуществить сказанное. Само же французское правительство торопилось дать отбой и отвергало даже мысль о возможности обсудить с СССР вероятные меры по оказанию помощи Чехословакии. Оно якобы опасалось, что франко-советско-чехословацкие переговоры «могли бы быть истолкованы как некий заговор против Германии»²⁸. В целом оно пошло на поводу у английских «умиротворителей».

Даже робкие меры чехословацкого правительства в конце мая 1938 г. несколько отрезвили гитлеровцев и вынудили их перейти к более сдержанной тактике. Напротив, британская дипломатия при поддержке французской резко усилила давление на Чехословакию. Она доказывала всем, что возникновение войны из-за Судетской области может привести к нежелательным последствиям

²⁶ Hass G. Münchener Diktat 1938. Berlin, 1988. S. 146–150.

²⁷ DBFP. Third Series. Vol. I. Doc. 263. P. 340.

²⁸ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. Док. 74. С. 134–135.

(вмешательство СССР). Нацистам она рекомендовала добиваться своих целей мирными средствами²⁹. По ее настоянию в начале июня возобновились переговоры чехословацкого правительства с генлейновской партией. Однако генлейновцы выдвинули новые требования, которые вскоре завели переговоры в тупик³⁰. Последовали миссии английских дипломатов в Прагу с целью посредничества между ними, новое давление на Чехословакию как по дипломатическим каналам, так и кампанией в прессе, где стали открыто обсуждаться планы передачи Судетской области Германии и «нейтрализации» Чехословакии. Это способствовало изоляции последней на международной арене.

Чехословацкие события весны — лета 1938 г. воздействовали на политику всех стран Восточной Европы. Новые черты их внешнеполитического курса показывали, что британские планы перестройки всей системы международных отношений в духе «пакта четырех» стали давать первые плоды. Уже майский кризис принес фактический распад франко-польского союза. На французский запрос о позиции Польши в случае германской агрессии против Чехословакии польский министр иностранных дел Ю. Бек ответил, что франко-польский союз носит оборонительный характер и, следовательно, он не вступит в силу в случае наступательной войны Франции против Германии, начатой в защиту Чехословакии³¹.

После аншлюса Австрии и начала «чехословацкого кризиса» польская дипломатия посчитала, что настало подходящее время для осуществления планов «третьей Европы». Она начала консультации по этому вопросу с фашистской Италией и встретила взаимопонимание. Итальянский министр иностранных дел Чиано в свойственном ему высокопарном стиле дал этим планам наименование «горизонтальной оси» — как дополнения к «вертикальной оси» Берлин — Рим. И Польша, и Италия мыслили создание нового блока как новое издание «санитарного кордона» против СССР. Обе хотели использовать его как инструмент, обеспечивавший им права равного партнерства с гитлеровской Германией. Правящие польские круги во главе с Ю. Бекком видели главное противодействие своим планам в самом факте существования Чехословакии. Именно она якобы препятствовала Польше проявить себя в роли великой державы и сплотить под своим руководством государства Дунайского бассейна. Отсюда вытекала установка на

²⁹ DBFP. Third Series. Vol. 1. Doc. 250. P. 331–332; Doc. 264. P. 341; Doc. 273. P. 348.

³⁰ Крал В. Плап Зет / Пер. с чеш. М., 1978. С. 132–133.

³¹ Batowski H. Rok 1938 — dwie agresje hitlerowskie. Poznań, 1985. S. 261–262.

бескомпромиссную античехословацкую позицию вплоть до уничтожения чехословацкой государственности³². Польская дипломатия рассчитывала привлечь к осуществлению своих планов Венгрию и Румынию. Каждой из них отводилась своя роль.

С Румынией польские правители были связаны антисоветским договором и военной конвенцией. Они приветствовали происшедший в Румынии 10 февраля 1938 г. государственный переворот и установление режима королевской диктатуры. Официоз польского МИДа писал по этому поводу: «Историческая эволюция Румынии находит в Польше сердечный отклик. Особое понимание объясняется той большой аналогией проблем, перед которыми стояли обе нации...»³³. В тех условиях польско-румынское сотрудничество выливалось в форму, которую германская дипломатия рассматривала как «польско-румынский антисоветский барьер»³⁴. Значение этого барьера стало наглядным, когда в ходе «чехословацкого кризиса» встал вопрос о возможных «коридорах» (румынский и польский), по которым Советский Союз, не имевший общей границы с Чехословакией, мог бы оказать ей помощь. В течение весны и лета 1938 г. румынские представители не устали повторять, что «Румыния принципиально отказывается разрешить проход русских войск»³⁵. Такая позиция носила как антисоветский, так и античешский характер.

На античехословацкой основе Польша развивала отношения с Венгрией, где существовали захватнические устремления по отношению к словацким землям. Польская дипломатия сама выдвинула территориальные претензии к Чехословакии (район Тешина). Бек обозначил их как «локальные требования»³⁶, и они играли скорее роль инструмента, обострявшего польско-чехословацкие отношения. Совпадение их планов выражалось в желании установить общую польско-венгерскую границу, что являлось важным элементом польских замыслов создания блока «Третьей Европы». Правда, хортистские верхи в Венгрии выражали недовольство польскими контактами со словацкими сепаратистами (клерикальная партия А. Глинки), но это не мешало их сотрудничеству.

³² Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978. С. 20–21.

³³ Цит. по: Ереценко М. Д. Королевская диктатура в Румынии. 1838–1940 гг. М., 1979. С. 55–56.

³⁴ Колкер Б. М. Румынское правительство и мюнхенский сговор // Балканский исторический сборник. Т. 1. Кущинев, 1968. С. 237.

³⁵ *Comptene N. P. Preludi del grande drama. Ricordi e documenti di un diplomatico.* Roma, 1947. P. 37–38.

³⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. VI. М., 1969. Док. 256. С. 361–362.

Германская дипломатия, временно закрывая глаза на великодержавные польские планы, поддерживала Венгрию и Польшу в античехословацкой деятельности, видя в их территориальных претензиях средство изоляции Чехословакии.

«Чехословацкий кризис» резко повысил уровень напряженности в отношениях между странами всего региона Восточной Европы. Имевшиеся здесь противоречия немедленно вышли на поверхность. Хортистская Венгрия, проводя античехословацкий курс, опасалась противодействия со стороны партнеров Чехословакии по Малой Антанте, особенно со стороны Румынии, с которой венгров разделял трансильванский вопрос. Кроме того, Будапешт добивался пересмотра тех статей Трианонского мирного договора, которые ограничивали Венгрию по части вооружения. Такое же равноправие в области вооружений хотела получить и Болгария. И весной — летом 1938 г. эти вопросы стали обсуждаться по дипломатическим каналам между Венгрией и странами Малой Антанты, а также между Болгарией и странами Балканского пакта. Эти переговоры проходили в обстановке всеобщей подозрительности, интриг и нажима с разных сторон.

Первыми завершились переговоры стран Балканского пакта с Болгарией. Под влиянием событий отношения стран, входивших в пакт, претерпевали изменения. Наблюдалось заметное сближение Турции и Греции. Обе страны во все возрастающей мере ориентировались во внешней политике на Великобританию, обе чувствовали угрозу своим интересам в связи с агрессивной политикой Италии. На Балканах обе они испытывали недоверие к Болгарии, особенно после заключения болгаро-югославского пакта «о вечной дружбе», подозревая, что Белград и София желают получить выход к Эгейскому морю. Усиление интереса к балканским проблемам в политике Турции и Греции шло в обстановке, когда дух «умиротворения» пустил глубокие корни в мировой политике, а между Великобританией и Италией шли переговоры об урегулировании их отношений в районе Средиземного моря и в Африке, в частности о признании итальянского захвата Эфиопии. Переговоры завершились подписанием 16 апреля 1938 г. соответствующего англо-итальянского соглашения, которое усилило в правящих кругах многих малых стран, в том числе Турции и Греции, впечатление, что события развиваются в направлении сотрудничества между западными державами и фашистскими государствами в духе «пакта четырех».

На таком фоне 27 апреля 1938 г. в Афинах был заключен «Дополнительный договор» между Турцией и Грецией, расширявший и конкретизировавший их прежние обязательства по двустороннему Договору о нейтралитете (от 31 октября 1930 г.) и Пакту сер-

дечного сотрудничества (от 14 сентября 1933 г.). Положения нового договора расширяли обязательства Турции и Греции вплоть до ограниченной взаимной помощи, а с учетом обязательств по Балканскому пакту содержали в завуалированном виде обоюдную гарантию границ обоих государств против Болгарии³⁷. В дипломатических кругах было тайной Полишинеля активное содействие английской дипломатии в его подготовке и заключении. Действительно, этот договор как бы вплетался в англо-итальянское соглашение и являлся необходимой предпосылкой для осуществления английских планов на Балканах вообще и в отношении Болгарии в частности.

К тому времени уже довольно далеко зашли переговоры между странами Балканской Антанты и Болгарией, инициированные турецкой дипломатией. 31 июля 1938 г. в Салониках между ними было подписано соглашение, суть которого сводилась к отмене ограничений на вооружение, налагавшихся на Болгарию по Нейскому мирному договору, взамен за отмену демилитаризованных зон во Фракии вдоль турецко-болгарской и греко-болгарской границ, установленных специальной Конвенцией, подписанной в Лозанне 24 июля 1923 г. В конкретных условиях того времени ликвидация демилитаризованных зон имела наиболее важное практическое значение, ибо увеличивала глубину обороны черноморских проливов. В данном пункте интересы Турции и стоявшей за ней Великобритании совпадали и служили продолжением их курса, обозначившегося еще на конференции в Монте. С другой стороны, сам факт пересмотра Нейского договора свидетельствовал о далеко зашедшей эрозии Версальской системы и лежавших в ее основе международно-правовых актов³⁸.

Заключение Салоникского соглашения и сопутствовавшие ему дипломатические маневры показали существование внутри Балканского пакта двух группировок. Первая — турецко-греческая — явно фаворизировалась им, вторая — югославно-румынская — оказывалась как бы в стороне. Каждая из них отстаивала свои интересы, которые в новых условиях не совпадали. Югославия и Румыния проявляли гораздо большее беспокойство по поводу развития дел в Центральной Европе, особенно относительно политики Венгрии. В рамках Малой Антанты они координировали

³⁷ Волков В. К. Мюнхенский сговор... С. 133–135, 137–138.

³⁸ О значении Салоникского соглашения для международных отношений на Балканах см.: Манчев К., Бистрицки В. Болгария и нейштите съседни. 1931–1939. Политически и дипломатически отношения. София, 1978. С. 265–280; Сирков Д. Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979. С. 41–57; Волков В. К. Мюнхенский сговор... С. 77–101.

свою политику таким образом, что их третий союзник по этому блоку — Чехословакия — оказывался в состоянии изоляции. Уже на ранних этапах «чехословацкого кризиса» они достаточно ясно определили свою позицию, а именно, что возможный конфликт между Германией и Чехословакией выходит за пределы их обязательств по Малой Антанте. Румыния ссылаясь при этом также на свой союзный договор с Польшей, который обязывал ее остаться в данном случае нейтральной³⁹. Общие интересы Румынии и Югославии проявились также в ходе переговоров, которые велись летом 1938 г. между Венгрией и странами Малой Антанты. Эти переговоры стали заметным фактором в дипломатической истории мюнхенского соглашения.

Через правительства Югославии и Румынии разные стороны (особенно английская дипломатия и германская) старались оказать давление на Чехословакию. Переговоры проходили с трудом. В области отмены ограничительных статей Трианонского договора они шли примерно в том же духе, что и между Болгарией и Балканским пактом. Отличие состояло в том, что одновременно обсуждался вопрос о положении венгерских меньшинств, и Венгрия желала получить для своего меньшинства в Чехословакии такой же статус, которого добьются для себя судетские немцы. Но такие претензии затрагивали интересы Югославии и Румынии, заставляя их спешить с достижением соглашения по этому вопросу прежде, чем будет решен вопрос о национальных меньшинствах в Чехословакии, оставляя таким образом последнюю в одиночестве. Посылка миссии В. Ренсимена в Чехословакию в начале августа 1938 г. побуждала их ускорить переговоры. С другой стороны, сама Венгрия, не верившая в возможность удовлетворения своих территориальных притязаний к Чехословакии без военного конфликта, проявляла колебания и шла на определенные уступки.

23 августа 1938 г. переговоры между Венгрией и Малой Антантой завершились подписанием соглашения в Бледе. Оно предусматривало предоставление Венгрии равноправия в области вооружений (соответствующие статьи Трианонского мирного договора отменялись), а также отказ от применения силы во взаимных отношениях в духе пакта Бриана-Келлога. В этой части оно было аналогично Салоникскому соглашению. По вопросу же о национальных меньшинствах соглашение в Бледе было подписано только с Югославией и Румынией, что стало серьезным нарушением принципа единства действий стран Малой Антанты. Правда, было решено, что венгеро-чехословацкие переговоры будут продолжены и только после их завершения весь пакет документов вступит в

³⁹ Волков В. К. Мюнхенский сговор... С. 17–18.

силу. Поэтому в коммюнике отмечался предварительный характер достигнутого соглашения. Вместе с тем Малая Антанта подтвердила обязательства о взаимной помощи, если один из ее членов подвергнется нападению со стороны Венгрии, хотя все они понимали крайне незначительную вероятность таких действий. Если для Югославии и Румынии соглашения в Бледе были своего рода страховкой от хортистских реваншистских притязаний, то Чехословакии они не принесли облегчения⁴⁰.

Соглашения в Бледе встретили одобрение западных держав. Государства «оси» восприняли их по-разному. Фашистская Италия приветствовала их роль в ревизии мирных договоров и расценивала как «полное крушение французской системы союзов в Юго-Восточной Европе»⁴¹. Но они вызвали раздражение германской дипломатии, которая расценила их как попытку венгерских правящих кругов уклониться от военной авантюры против Чехословакии. Поэтому Риббентроп охарактеризовал их в беседе с венгерским министром иностранных дел К. Каня как трещину в германо-венгерской дружбе и отказ Венгрии от политики ревизии границ⁴². Под германским нажимом хортистские круги забили отбой, обещали не ратифицировать Бледские соглашения до достижения договоренности о положении венгерского меньшинства в Чехословакии и приняли активное участие в кампании против Чехословакии. Фактическая неудача Бледского соглашения еще удерживала Малую Антанту от распада.

Обострение «чехословацкого кризиса» в сентябре 1938 г. и его вступление в решающую фазу внесло новые коррективы в позицию Югославии и Румынии. Они уже не сомневались в истинных намерениях Великобритании и Франции достигнуть соглашения с Германией за счет Чехословакии и приспособлялись к новой ситуации. В середине сентября югославский премьер М. Стоядинович заявил германскому посланнику, что «его отношение к суде-тонемецкому вопросу такое же, каким оно было и к австрийскому (внутреннее дело немецкого народа)»⁴³. Аналогичной была и позиция Румынии. Изменение их точки зрения было очевидно: раньше обе страны рассматривали этот вопрос как внутреннее дело самой Чехословакии. И в последующие дни, вплоть до Мюнхенского соглашения, они только делились с заинтересованными сторонами своими опасениями, как бы действия Венгрии не поставили их в такое положение, которое вынуди-

⁴⁰ Там же. С. 25–27.

⁴¹ Ciano's Diary, 1937–1938. London, 1952. P. 146.

⁴² ADAP, D. Bd. II. Dok. 390. S. 497.

⁴³ Ciano G. L'Europa verso la catastrofe. P. 361–362.

ло бы Югославию и Румынию выполнить свои обязательства по пакту Малой Антанты.

Но даже такая сдержанная позиция оказала воздействие на Венгрию. Итальянская дипломатия также давала ей совет, чтобы Венгрия шла за германской или польской инициативой и не прибегала к силе первой, чтобы избежать ответных мер Малой Антанты. Дополнительные нюансы выявились в курсе румынской дипломатии. Она заверяла Польшу, что не предпримет никаких шагов без согласования с нею. Союз с Польшей, — заверил румынский посланник итальянского министра иностранных дел Чиано 23 сентября 1938 г., — будет в любом случае иметь для Румынии большее значение, чем обязательства в отношении Праги⁴⁴. Поэтому в случае советско-польских осложнений из-за Чехословакии Румыния будет на стороне Варшавы, а не Праги. О пропуске же советских войск в Чехословакию через территорию Румынии не может быть и речи. Кроме того, в Румынии опасались, как бы установление общей польско-венгерской границы не вызвало у Польши большей заинтересованности в союзе с Венгрией, чем с Румынией. И в мюнхенские дни Югославия и Румыния направили усилия своей дипломатии не на пресечение венгерских происков против Чехословакии, а на выяснение объема венгерских территориальных претензий и их ограничение.

История мюнхенского сговора четырех держав — Германии, Италии, Великобритании и Франции, расчленивших Чехословакию и передавших Судетскую область Германии, хорошо изучена в исторической литературе. Для стран Восточной Европы это был переломный момент. Подписание мюнхенского соглашения в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. означало на деле предоставление Германии свободы рук в Восточной Европе и узаконило германскую оккупацию судетских земель Чехословакии. Оно обуздало не агрессора, а его жертву. Границы будущей Чехословакии должны были быть определены уже после занятия судетских земель германскими войсками. 30 сентября чехословацкое правительство капитулировало и заявило о подчинении условиям мюнхенского соглашения⁴⁵. Из независимого и суверенного государства Чехословакия превратилась в вассальное образование, зависимое от нацистской Германии. Было очевидно, что и в этом качестве оно просуществует недолго.

Мюнхенское соглашение деформировало всю систему международных отношений. Оно ликвидировало систему французских во-

⁴⁴ Там же. С. 364–365.

⁴⁵ Крал В. Дни, которые потрясли Чехословакию / Пер. с чеш. М., 1980. С. 331–332.

енных союзов в Восточной Европе, перечеркнуло советско-франко-чехословацкие договоры. Рассыпался франко-польский союз. Перестала существовать Малая Антанта. СССР оказался в полной изоляции. Его руководство расценило мюнхенское соглашение как антисоветский сговор империалистических держав, имевший целью направить гитлеровскую агрессию на Восток, в конечном счете — против СССР. Естественно, что советская дипломатия была исполнена решимости противостоять такому развитию, разбить «единый империалистический фронт» и вывести страну из международной изоляции. В живой труп превратилась Лига Наций, подмененная своего рода директорией «четырёх держав». Обычно изменения такого масштаба происходили прежде в результате континентальных войн. Для Германии оно было равнозначно итогам победоносной войны, выигранной без единого выстрела.

Новые условия сказались в буквальном смысле слова на следующий же день после подписания мюнхенского соглашения. Уже 30 сентября 1938 г. польское правительство, потерпев неудачу в замысле стать пятым участником мюнхенского сговора, направило Чехословакии ультиматум, требуя немедленно дать согласие на передачу Польше района Тешинской Силезии. Чехословацкое правительство вынуждено было уступить, и 2 октября польские войска вступили в район Тешина. Теперь на передний план выступили венгерские территориальные притязания, включавшие большую часть Словакии и все Закарпатье. Вновь встал вопрос об установлении общей границы между Польшей и Венгрией. И в последующие дни он перерос в гораздо более крупную проблему, касающуюся направления дальнейшего развития отношений во всей Восточной Европе.

Чехословакия ответила 2 октября 1938 г. согласием на венгерскую ноту начать переговоры о территориальных вопросах. Одновременно она обратилась к Югославии и Румынии с просьбой оказать давление на Будапешт. Те давно уже выступали против чрезмерных венгерских требований. Они довели до сведения Берлина и Рима о своем желании ограничить венгерские притязания территориями с преимущественно венгерским населением. Их доводы были услышаны германской дипломатией, поскольку та считала, что общая польско-венгерская граница будет противоречить интересам рейха⁴⁶. К тому же к середине октября в нацистском руководстве уже стали вызревать планы окончательной ликвидации Чехословакии, а также расширения германского контроля над странами Восточной Европы. Германия не собиралась ни с кем делиться здесь своим

⁴⁶ ADAP, D. Bd. IV. Dok. 39. S. 39; Dok. 45. S. 45–47.

влиянием. Эти события только ускорили пересмотр всего комплекса герmano-польских отношений.

В новых послемиюнхенских условиях правящие круги Польши выступили в качестве претендента на «чехословацкое наследие» в Дунайском бассейне. Они решили взять на себя задачу его «реорганизации» и считали, что пришло время осуществить проект «третьей Европы»⁴⁷. Они развили бурную дипломатическую активность с целью: а) установления общей границы с Венгрией; б) расширения границы с Румынией за счет передачи ей некоторых районов Закарпатья; в) урегулирования венгеро-румынских отношений. Последовали специальные миссии в Бухарест и Будапешт. В Риме польская дипломатия добивалась максимальной поддержки своих планов. В Берлине она заверяла, что не собирается создавать какой-либо антигерманский блок и все польские действия объясняются антисоветскими соображениями и солидарностью с хортистской Венгрией. На деле же все эти действия побудили нацистскую Германию сбросить прежнюю маску с выражением дружелюбия и обнажить свои истинные планы в отношении Польши.

Используя польские действия как повод, 24 октября 1938 г. Риббентроп предложил в качестве компенсации за установление общей польско-венгерской границы пересмотреть польско-германские отношения и выдвинул следующие условия их «общего урегулирования»: присоединение Данцига (Гданьска) к рейху; согласие на проведение экстерриториальных автостреды и железной дороги через польский коридор в Восточную Пруссию; присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту; дополнение польско-германского договора от января 1934 г. пунктом о консультации и продление договора на 10–15 лет⁴⁸. Фактически это была программа превращения Польши в германского сателлита. Неудивительно, что польское правительство отклонило германские предложения. Начиная с этого времени польско-германские отношения вначале скрыто, а затем и явно стали развиваться в направлении их обострения, что накладывало отпечаток на всю ситуацию в Восточной Европе.

Между тем продолжалась дипломатическая борьба вокруг венгеро-чехословацких переговоров, зашедших в тупик. Поскольку хортистские притязания к Чехословакии поддерживала Италия, германская дипломатия решила снять возникшие внутри «оси»

⁴⁷ *Batowski H.* Kryzys dyplomatyczny w Europie, jesień 1938 — wiosna 1939. Warszawa, 1962. S. 85–87.

⁴⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. Док. 36. С. 63.

трения. Последовал визит Риббентропа в Рим. Пойдя Италии на мелкие уступки, Германия сумела провести свою точку зрения, отбросив все попытки Польши принять участие в арбитраже и не допустив образования общей венгеро-польской границы.

2 ноября 1938 г. Германия и Италия продиктовали в Вене новую границу между Чехословакией и Венгрией⁴⁹. К последней отходила территория в 12.400 кв. км с населением около 1 млн. чел. Венский арбитраж стал новым ударом по Чехословакии, усилил сепаратистские тенденции в Словакии. Его итоги не удовлетворили ни Польшу, ни Венгрию, которая стремилась к объединению всех земель «короны святого Стефана». Арбитраж фашистских государств нанес существенный ущерб престижу западных держав. Фашистская пропаганда трубила, что отныне страны «оси» становятся вершителями судеб Европы, а Великобритания и Франция отходят на второй план.

Для установления своего господства в регионе Восточной Европы германская дипломатия стала усердно разжигать противоречия между отдельными государствами. Получение гитлеровцами сведений о готовившейся хортистами оккупации Закарпатья вызвало у них приступ гнева. Последовал окрик из Берлина. Венгерское правительство отказалось от своих замыслов и поспешило заверить Германию в своей преданности странам «оси», а также заявило о своей готовности присоединиться к Антикоминтерновскому пакту⁵⁰. «Приручение» Венгрии суживало итальянские и польские возможности. Одновременно германская дипломатия способствовала нагнетанию напряженности в отношениях между Венгрией и Румынией. В конце ноября 1938 г. Риббентроп так сформулировал германскую тактику в этом вопросе: «Основная идея нашей политики в отношении Венгрии и Румынии в настоящий момент должна состоять в том, чтобы держать оба этих утюга в раскаленном состоянии и решать вопросы в германских интересах в соответствии с развивающейся обстановкой»⁵¹.

Так в послемюнхенских условиях нацистская Германия стала на путь установления своей гегемонии в Восточной Европе. Однако этот путь оказался гораздо более тернистым и извилистым, чем представлялся ей вначале.

Английские расчеты, связанные с политикой «умиротворения», строились на предположении, что Германия проявит склонность и готовность к достижению соглашения с Великобританией

⁴⁹ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории капитуляции и периода войны / Пер. с венг. М., 1962. Док. 6. С. 118–119.

⁵⁰ Там же. Док. 74. С. 142–143.

⁵¹ ADAP, D. Bd. V. Dok. 254. S. 285.

и дальнейшему сотрудничеству в духе «пакта четырех». Однако нацистская Германия не собиралась следовать сценарию, составленному в Лондоне. Она продолжала наращивать свою вооруженную мощь и усилила экономический и политический нажим на все восточноевропейские страны. Западные державы стали проявлять растущее беспокойство. Поиски соглашения с Германией (например, подписанная в Париже 6 декабря 1938 г. франко-германская декларация, провозглашавшая принцип мирных и добрососедских отношений двух стран) не приносили ощутимых результатов. В ходе переговоров в Париже Риббентроп призывал западные державы «раз и навсегда» признать германскую гегемонию в Восточной Европе. От этого, подчеркивал он, зависит «возможность принципиального и окончательного урегулирования между Германией и Францией»⁵².

Не увенчались успехом и англо-французские планы достичь соглашения с Италией, склонив ее к планам установления «директората четырех держав» в Европе. У итальянских правителей разыгрались свои захватнические аппетиты, несовместимые с интересами западных держав. Они выступили в начале 1939 г. с идеей заключения военно-политического пакта между Германией, Италией и Японией в самое ближайшее время⁵³. Такой союз должен был изменить соотношение сил в мире. Мюнхенский триумф явно вызвал у них головокружение от успеха.

Между тем, в начале 1939 г. практически во все европейские столицы стали поступать секретные известия о готовящихся нацистской Германией новых агрессивных действиях, в первую очередь о возможной полной ликвидации Чехословакии. Такие планы угрожали международным позициям Великобритании и Франции и вызывали у них тревогу. 8 февраля 1939 г. их послы вручили в Берлине идентичные ноты, ставившие вопрос о предоставлении четырьмя державами гарантий послемиюнхенской Чехословакии⁵⁴. Это было первое после мюнхенского соглашения проявление интереса западных держав к одной из конкретных проблем Восточной Европы. Смысл этого шага заключался в желании показать Германии, что отказ от сотрудничества с Англией и Францией повлечет за собой их отказ от признания германских «естественных прав» в этом регионе. Однако Германия отвергла их предложение, охарактеризовав его как способное только обострить отношения Чехословакии с соседними государствами. В ответной германской ноте подчеркивалось, что «общее развитие в

⁵² ADAP, D. Bd. IV. Dok. 370. S. 411–415.

⁵³ Ibid. Dok. 421. S. 474–476.

⁵⁴ DBFP. Third Series. V. IV. Doc. 92. P. 86–87.

этом европейском регионе относится главным образом к сфере важнейших интересов Германской империи»⁵⁵.

Почувствовав угрозу своим позициям, Великобритания и Франция приступили к обмену мнениями как по дипломатическим каналам, так и путем переговоров между их генеральными штабами. Обе стороны пришли в феврале 1939 г. к мнению, что центр политической борьбы перемещается на Восток Европы. С военно-стратегической точки зрения их особое внимание приковывал район Средиземного моря и Балканы. Но все же основные события разыгрались снова в Центральной Европе.

* * *

Предвоенный политический кризис в Европе открылся событиями 14–15 марта 1939 года, когда по нацистскому сценарию была провозглашена «независимость» марионеточной Словакии, а германские войска захватили Прагу. Уже тогда было ясно, что эти новые агрессивные действия гитлеровской Германии, приведшие к ликвидации чехословацкого государства, затрагивают в первую очередь интересы западных держав. Акция Берлина перечеркнула договоренности, которые были достигнуты в Мюнхене, в частности обязательство гарантировать Чехословакии неприкосновенность ее остававшейся территории. В *политическом плане* это был удар по позициям Англии и Франции в мировой политике: дальнейшее их бездействие могло привести к установлению полной германской гегемонии в Европе и сползанию западных держав на второстепенные позиции. В *экономическом плане* захват гитлеровской Германией чешской промышленности, в первую очередь ее развитой военной индустрии, резко усиливал военный потенциал Германии. Наконец, в *военно-стратегическом плане* в Восточной Европе произошли радикальные изменения: вступление немецких войск на чешскую и словацкую территории привело к военно-стратегическому окружению Польши, что сразу создало для нее особую ситуацию.

Решительно изменилась обстановка в Юго-Восточной Европе. Скачкообразно обострились и подошли к грани войны отношения между Румынией и Венгрией (последняя захватила Закарпатскую Украину). Аллергически реагировали на происшедшие изменения Югославия и Болгария. Последующий захват Италией Албании (7 апреля 1939 г.) привел к тому, что и южный фланг Юго-Восточной Европы, а именно Греция и Турция, были охвачены такой же политической лихорадкой. Все

⁵⁵ ADAP, D. Bd. IV. Dok. 175. S. 190–191.

эти события послужили исходным пунктом начавшейся «политики гарантий» западных держав.

Хотя говорить о «дипломатической революции», как иногда именovali политику гарантий в западных публикациях, не приходится, тем не менее нельзя считать, будто ничего не изменилось. Об этом говорят факты. 31 марта была предоставлена английская гарантия Польше, позднее превращенная в соглашение о взаимной помощи. Начались переговоры об английской гарантии Греции, а также переговоры о заключении договора с Турцией (в мае 1939 г. была опубликована декларация о намерениях сторон). Наконец, 13 апреля были предоставлены гарантии не только Греции, но и Румынии, причем к английским гарантиям присоединилась и Франция. Одним словом, был создан некий конгломерат обязательств западных держав в отношении ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Что же представляла из себя та система гарантий? Прежде всего следует констатировать, что она не составляла единого целого. Гарантии отдельным странам не были увязаны друг с другом, не были подкреплены военно-стратегическими выкладками или соответствующими мероприятиями. Между самими странами, которые получили эти гарантии, тоже не существовало каких-то договорных обязательств. Характерны «люки» или бреши, которые оставила эта политика гарантий. Так, в тогдашних условиях, помимо Польши, наибольшая угроза нависала над Югославией. Но Югославия не получила гарантий, а британская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы уйти в сторону даже от обсуждения этого вопроса. Такая тактика не была случайной. Английская политика в тот период преследовала цель расколоть «ось», не допустить заключения союза между Италией и Германией. Поставленная задача, по мнению британских стратегов, была несовместима с политикой создания какого-либо блока в Юго-Восточной Европе. Более того, существовали расчеты столкновения германских и итальянских интересов из-за Югославии. Именно по этим причинам английская дипломатия не предоставила гарантий Югославии⁵⁶.

Тем не менее «политика гарантий» связывала определенными обязательствами западные державы, ставила некоторые рамки их политическому курсу. Была ли она альтернативной политике «умиротворения» агрессии? В известной степени — была. Хотя обе эти тенденции — и к нарастанию конфронта-

⁵⁶ Волков В. К. О некоторых особенностях политики гарантий балканским странам со стороны западных держав весной 1939 г. // *Studia balcanica*. N 7. София, 1973. С. 45–74.

ции между западными державами и фашистскими государствами, и к политике «умиротворения» — сохранялись в тот момент в политике Англии и Франции, существовали параллельно, но и боролись одна с другой.

Невозможно в полной мере оценить эту политику без анализа отношения западных держав к Советскому Союзу. После 15 марта 1939 года они неоднократно отклоняли советские предложения о совместных действиях. Из обнаруженных британских документов с полной очевидностью предстают причины такой тактики. После сталинских чисток, считали западные политики, военная сила СССР сомнительна, а сотрудничество с ним принесет больше неудобств, чем выгод. В частности, полагали они, союз с СССР может оттолкнуть от западных держав такие страны, как Польша и Румыния, а Германия получит огромный пропагандистский козырь. Только под влиянием общественных настроений они приступили к переговорам с СССР, да и то лишь после завершения создания системы гарантий. Естественно, что их позиция накладывала печать на отношение стран Восточной Европы к Советскому Союзу. Последний находился в состоянии изоляции, его оттирали от участия в решении европейских дел. В период политического кризиса в Европе стало ясно, что переговоры с СССР были для западных держав средством перестраховки, а также преследовали цель сорвать возможность советско-германского сближения.

Несмотря на раскрытие в последние годы многих советских архивов и публикации многочисленных документов, процесс принятия политических решений в советском руководстве до сих пор остается наименее исследованным. Как и прежде, приходится довольствоваться в основном косвенными свидетельствами. Одним из них являлось предупреждение в адрес западных держав, содержащееся в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., т. е. еще до начала предвоенного политического кризиса. В международном разделе доклада, зачитанного И. В. Сталиным, подчеркивалось, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом». Такой вывод делался после размышлений о целях западных держав (Англия, Франция, США) разрешить свои противоречия с тремя агрессивными государствами (Германия, Италия, Япония) за счет «неагрессивных государств» (в их числе особенно отмечался СССР). Особое внимание обращалось на шум, поднятый в западной прессе по поводу предстоящего якобы похода немцев на Советскую Украину уже весной 1939 г. Этот «подозрительный шум» расценивался как попытка отравить атмосферу и спровоцировать конфликт СССР с Германией «без видимых на то оснований». В док-

ладе подчеркивалась готовность Советского Союза к укреплению мира и деловых связей со всеми странами, которые будут держаться таких же отношений с ним и не попытаются нарушить его интересы⁵⁷. Позднее, в ходе переговоров Риббентропа в Москве, германская сторона указала на эти места в докладе И. В. Сталина как на возможность со стороны СССР к проведению альтернативного курса на международной арене. В те же дни таких взглядов придерживались лишь немногие аналитики⁵⁸. Но и их голос был заглушен громом надвинувшихся событий.

Советский Союз решительно осудил захват гитлеровской Германией чешских земель. В связи с появившимися через пару дней слухами о германском ультиматуме Румынии (позднее не подтвердившимися) советское правительство выступило 18 марта 1939 г. с предложением немедленно созвать конференцию шести государств (СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции) — желательно в Румынии, что сразу же укрепило бы ее положение, и провести общую консультацию⁵⁹. Однако это предложение было отвергнуто английской дипломатией. В последующие дни, когда английская и французская дипломатия приступили к переговорам с Польшей и Турцией, а затем к предоставлению гарантий Греции и Румынии, Советскому Союзу делались фарисейские предложения выступить в какой-либо форме против Германии и связать себя односторонними обязательствами оказания помощи западным державам и странам Восточной Европы, не получая взамен даже обещаний ответной поддержки.

После месяца бесплодных проволочек со стороны западных держав советское правительство предложило 17 апреля 1939 г. правительствам Англии и Франции начать переговоры о заключении трехстороннего договора о взаимной помощи в случае любой агрессии в Европе. Такой договор должен был содержать также обязательства оказания помощи всем восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничившим с СССР, в случае агрессии против них. Одновременно предлагалось, чтобы три державы (Англия, Франция и СССР) вступили совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи⁶⁰. Это было широкое предложение, включавшее в себя и Прибалтийские страны. В случае, если

⁵⁷ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. М., 1990. Док. № 177. С. 258–264.

⁵⁸ *Fleischhauer I.* Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der Deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin; Frankfurt am Main; Ullstein, 1990. S. 113–120.

⁵⁹ Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. Док. № 198. С. 294; Док. № 200. С. 295.

⁶⁰ Там же. Док. № 275. С. 385–386; Док. № 276. С. 386–387.

бы оно было реализовано, оно могло привести к созданию коалиции государств, которая была бы в состоянии остановить германскую агрессию, в частности прежде всего против стран Восточной Европы. Можно высказать предположение, что конец апреля 1939 г. оказался решающим для ответа на вопрос, откажутся ли западные державы от курса «умиротворения», чреватого их новым сговором с фашистскими державами, и выразят ли они готовность к созданию оборонительного блока, что совсем не вытекало из их политики «гарантий» ряду стран Восточной Европы.

Ответ был получен примерно через неделю. Он был отрицательным. Французская дипломатия облекла его в форму, которую нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов расценил как «издевательскую»⁶¹. В нем повторялись старые приглашения связать себя односторонними обязательствами. Английский же посол не нашел ничего лучшего, чем сообщить Литвинову, что ответ британского правительства задерживается вследствие его занятости другими делами⁶². По грустной иронии судьбы, это была последняя беседа Литвинова с иностранным дипломатом в качестве наркома иностранных дел. В тот же день, 3 мая 1939 г., он был заменен на этом посту В. М. Молотовым, совместившим его с положением Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В принципе такая ситуация, а именно совмещение в одном лице функций главы правительства и руководителя внешнеполитического ведомства, была достаточно частой в Европе. Но для Советского Союза в тех условиях она приобретала особое значение.

В научной литературе многократно приводились мнения, что отставка Литвинова означала признание неудачи политики создания системы коллективной безопасности, а назначение Молотова символизировало готовность Кремля к проведению альтернативного курса. Наиболее радикальная точка зрения исходит из того, что Литвинов был неподходящей фигурой для достижения соглашения с гитлеровской Германией. Однако исследователь сталкивается здесь со сложной проблемой, ибо в ретроспективной интерпретации исторических событий нередко скрыто присутствует невидимая на первый взгляд ловушка предопределенности общественного процесса, его однолинейного развития. На деле же такая однолинейность бывает далеко не всегда. И в данном случае, не преуменьшая значения перемен в советских верхах, следует подходить к оценке этого события достаточно осторожно.

Хотя в последние годы стало возможным ввести в научный оборот весьма значительную массу прежде недоступной докумен-

⁶¹ Там же. Док. № 292. С. 399. Док. № 296. С. 403.

⁶² Там же. Док. № 312. С. 423.

тации из отечественных архивов и на этой основе выявить многие закулисные стороны советской политики рассматриваемого периода, однако, как уже не раз справедливо констатировалось, среди материалов, оказавшихся, таким образом, в распоряжении исторической науки, имеется пока крайне мало документов, непосредственно отражающих процесс принятия решений в советских верхах, прежде всего Сталиным. Трудно сказать, в какой степени такое положение вызвано теми серьезными ограничениями, которые все еще имеют место (и даже, к сожалению, нередко усиливаются) по части доступа к ряду архивных материалов, а в какой степени оно обусловлено особенностями самого процесса принятия решений тогдашним сталинским руководством, отсутствием в каких-то случаях документированных следов упомянутого процесса. Но как бы то ни было, в результате мы не располагаем достоверными, надежными данными о том, каким именно образом и при каких конкретных обстоятельствах принимались те или иные важнейшие решения, каковы были подлинные мотивы и практические цели, из которых при этом исходили сам Сталин и, возможно, некоторые фигуры из его ближайшего окружения, в наибольшей мере участвовавшие в выработке проводимых мер, включая и шаги, связанные с внешней политикой.

Далеко не во всем ясными остаются до сих пор, в частности, реальные причины смещения Литвинова и замены его на посту наркома иностранных дел Молотовым. Как отнюдь не совсем ясны и действительные внешнеполитические намерения Сталина в условиях более чем непростого положения, сложившегося в послеюнхенский период, в том числе после осуществленного Гитлером захвата чешских земель и ликвидации Чехословакии. Какие реальные цели преследовали названные выше советские предложения западным державам в марте — апреле 1939 г.? Направлены ли были эти инициативы Кремля в самом деле на то, чтобы вместе с Англией, Францией, а также странами Восточной Европы, прибалтийскими государствами и Турцией создать все-таки систему коллективной безопасности против нацистской агрессии? В какой мере Сталин верил в достижимость подобной цели? Или эти шаги были призваны лишь, по возможности, вывести СССР из состояния внешнеполитической изоляции, вернуть необходимую роль в сложной системе лихорадочного лавирования и закулисных комбинаций, развертывавшихся в это время на международной арене?

Все эти вопросы приобретают особую значимость в свете ставших известными в последнее время некоторых новых документальных материалов, дающих основание считать, что еще с середины 1930-х годов Сталин и его ближайшее окружение предпри-

нимали попытки завязать достаточно тесные отношения с Германией. Конкретно речь шла как будто главным образом об экономических отношениях. Но, как уже отмечалось в историографии, выявляющиеся теперь из документов сталинские замыслы масштабного советско-германского экономического сотрудничества, причем, что крайне важно, размещения на предприятиях Германии крупных советских военных заказов, едва ли было возможно осуществить без изменения враждебных в то время политических отношений между СССР и нацистским рейхом. Между тем после ряда подобного рода попыток и планов, имевших место в 1934–1936 гг., а затем в начале 1938 г., но закончившихся неудачей ввиду нежелания нацистского руководства откликнуться на советские зондажи, эти замыслы вновь были оживлены в Кремле в начале 1939 г.⁶³ В январе в рамках начавшейся с согласия Берлина подготовки переговоров о продлении на 1939 г. уже имевшегося прежде соглашения о торгово-платежном обороте между СССР и Германией, а затем и самих переговоров советская сторона по решению политбюро ЦК ВКП(б) составила заявки на выполнение немецкой промышленностью значительных заказов, необходимых Москве для реализации своей программы усиления военного потенциала. 11 февраля нарком внешней торговли СССР А. И. Микоян вручил эти заявки германскому послу Ф. Шуленбургу⁶⁴.

В советской исторической литературе, которая должна была проводить официальную пропагандистскую версию, об этих шагах кремлевского руководства, естественно, не могло упоминаться, тем более, что документы на сей счет были недоступны. Те из отечественных авторов, которые продолжают прежнюю апологетическую линию при освещении сталинской внешней политики рассматриваемого нами периода, также предпочитают обходить молчанием названные выше новые данные, становящиеся теперь известными. Однако эти данные, подрывающие одностороннюю, идеологизированную заданность традиционного подхода, господствовавшего в советской историографии, не могут не ставить перед исторической наукой задачу выяснения того, как стремление к широкому экономическому сотрудничеству с Германией, причем прежде всего для выполнения советских заказов, имевших военное значение, а потому явно неосуществимое без какого-то политического сближения, сочеталось в планах Сталина с мартов-

⁶³ Подробнее об этих попытках и замыслах см., например: Особая миссия Давида Кацделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5; Безыменский Л. А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 5–9.

⁶⁴ См.: Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 8–9.

ско-апрельскими предложениями Москвы западным державам о создании вместе с ними системы безопасности, которая должна была противостоять Германии. Поскольку пока исследователи не располагают документальным материалом, который бы позволял в необходимой мере проникнуть в закулисные калькуляции, производившиеся тогда наверху советской пирамиды власти, дело ограничивается различными предположениями. Таковых в исторической литературе немало. Но если отбросить всякого рода крайности, то круг наиболее правдоподобных предположений довольно ограничен.

Возможно, Сталин в условиях явно начавшегося острого политического кризиса в Европе и серьезной внешнеполитической изоляции СССР стремился играть одновременно, что называется, на двух столах, оставляя себе тем самым свободу маневрирования в зависимости от того, каковым будет дальнейшее развитие на международной арене. Подобная тактика была тогда в большом ходу у европейской дипломатии. Вполне вероятно, что Сталин рассчитывал таким путем наиболее успешно добиться преодоления изоляции СССР, а в то же время максимально снизить риск преждевременного внешнеполитического выбора и даже, если удастся, заполучить какие-то выгоды от каждой из основных сторон начавшегося противостояния — Германии и западных держав. Если полагать, что в уже упоминавшемся выше его докладе на XVIII съезде ВКП(б) содержался некий сигнал о возможности проведения Советским Союзом какого-то альтернативного прежнему курсу в мировой политике, то трудно сказать, какой именно из сторон этот сигнал предназначался. Отнюдь не исключено, что обеим: Берлину могли намекать на советскую склонность к сближению с Германией, а одновременно западным державам — на то, что, если они не хотят советско-германского сближения, им следует, пока не поздно, занять благожелательную к СССР позицию.

Не менее возможно и неоднозначное толкование причин, обусловивших советские мартовско-апрельские предложения в адрес Англии и Франции, выдвинутые уже после XVIII съезда ВКП(б). С одной стороны, вполне вероятно, что они действительно были вызваны тревогой в Кремле ввиду происшедшего 15 марта захвата чешских земель и ликвидации Чехословакии. Но, с другой стороны, существенным фактором, повлиявшим на советскую позицию, могло быть и то, что предпринятая Москвой в январе — феврале инициатива, направленная на серьезный поворот к советско-германскому по крайней мере экономическому сотрудничеству, осталась тогда безрезультатной: немцы не отреагировали, и на протяжении весны дело, которому Сталин, как теперь выясняется, придавал большое значение, так и не сдвигалось с места.

Однако и более активное переключение инициативы советского руководства на англо-французское направление, что, кстати, могло вместе с тем косвенно предупреждать Берлин, что он рискует упустить свой шанс в отношении СССР, не увенчалось успехом. Во всяком случае, на рубеже апреля-мая 1939 г. в Москве должны были придти к неутешительному выводу о неудаче обращения к Лондону и Парижу. Уже само по себе это, очевидно, побуждало к усилению внимания на германском направлении. Но ввиду отсутствия у нас документов о том, как и что обсуждалось и планировалось тогда в советских верхах, остается далеко не вполне ясным, насколько определенный внешнеполитический выбор был сделан в Кремле при замене Литвинова Молотовым. С достаточной долей уверенности можно говорить, что этой заменой советское руководство показало готовность к изменению политики и стремление избежать втягивания в международный конфликт, хотя бы на его первом этапе, а не исключено, что и получить весомые выгоды. Однако пути достижения такой цели и формы ее реализации оставались, возможно, проблематичными.

Тем временем в мире происходили новые события, обострявшие обстановку. 28 апреля 1939 г., выступая в рейхстаге, Гитлер объявил о денонсации англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г. и аннулировании польско-германской декларации о дружбе и ненападении от 26 января 1934 г. В переданном за день до этого в польский МИД германском меморандуме указывалось на вступление Польши в союзные отношения с Англией, а также на отказ польского правительства «урегулировать» с Германией вопрос о Данциге как на причину такого шага⁶⁵. 7 мая 1939 г. в прессе было опубликовано сообщение о предстоящем заключении германо-итальянского договора. Он был подписан 22 мая в Берлине, оформил военно-политический союз двух фашистских государств и рекламировался их пропагандой как «стальной пакт»⁶⁶. Но главное состояло в том, что уже в апреле 1939 г. в Германии началась разработка плана военных действий против Польши. Известный в истории как операция «Вейс», он был включен как составная часть в общую «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне от 11 апреля 1939 г.»⁶⁷. Несколько днями раньше Гитлер дал указание обеспечить готовность к проведению операции «Вейс» не позднее 1 сентября 1939 г. Нацистам удалось сохранить свои замыслы в секрете. Однако с

⁶⁵ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 276. S. 288–291.

⁶⁶ Текст пакта см.: Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. Док. № 368. С. 489–490.

⁶⁷ Дашинев В. И. Указ. соч. Т. 1. Док. № 88. С. 360–364.

этого момента начался непосредственный отсчет времени до нападения на Польшу.

Рост международной напряженности заставил западные державы проявить инициативу и продолжить переговоры с Советским Союзом. 27 мая 1939 г. они передали советскому правительству проект соглашения Великобритании, Франции и СССР. Как и прежде, они обходили вопрос об оказании помощи СССР в случае его вовлечения в войну, а также ничего не говорили о военных конвенциях как инструментах осуществления договора трех держав⁶⁸. На эти обстоятельства тут же указал в беседе с их дипломатическими представителями В. М. Молотов. Он развил свои критические замечания в докладе «О международном положении и внешней политике СССР», сделанном 31 мая 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР. Молотов отметил, что полученные предложения ставили СССР в неравное положение, а также не содержали прогресса в вопросе о гарантиях странам Восточной Европы, если смотреть на дело с точки зрения взаимности. Такие гарантии, считал он, должны охватывать все без исключения пограничные с СССР европейские страны⁶⁹. 2 июня 1939 г. западным державам был передан советский проект договора трех государств. Он исходил из равной ответственности трех сторон, подчеркивал одновременность вступления в силу политического соглашения и военных конвенций, а также ясно определял круг государств, на которые распространялись гарантии. Помимо Бельгии на Западе, это были Греция, Турция, Румыния, Польша, Латвия, Эстония, Финляндия⁷⁰.

Представляет интерес группа стран Восточной Европы и Прибалтики, которые не вошли в этот список. Из прибалтийских государств к ним относилась Литва, не имевшая в то время общей границы с СССР. В Центральной Европе это были Венгрия и вновь образованная Словакия, ставшие сателлитами гитлеровской Германии. На Балканах сюда входили Болгария и Югославия, хотя их положение было различным. В наиболее сложной ситуации находилась Югославия — единственная из стран Балканского пакта, которая не получила англо-французских гарантий и была оставлена западными державами в роли эвентуального яблока раздора с целью посеять противоречия между государствами «оси» в их соперничестве за влияние на Балканах. Тем не менее ни одна из них не выпадала из поля зрения великих держав. В советском проекте договора трех держав сохранялся пункт англо-

⁶⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. № 339. С. 401–404.

⁶⁹ Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. Док. № 386. С. 523–530.

⁷⁰ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 346. С. 416–417.

французских предложений, который предусматривал оказание взаимной помощи в случае, если бы одно из трех государств было втянуто в военные действия в результате помощи «другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета»⁷¹. Можно предположить, что этот гипотетический пункт относился не только к Швейцарии, но и к некоторым восточноевропейским странам второй группы, в первую очередь к Югославии.

Так или иначе, с началом предвоенного политического кризиса все страны Восточной Европы, оказавшись под пристальным вниманием великих держав, пришли в движение и приступили к поискам своего места и стратегического курса в новых условиях. Для СССР помимо Польши, имевшей с ним протяженную границу на западе и занимавшей особое геополитическое положение в случае его конфликта с Германией, большой интерес представляла позиция Турции. Из всех балканских стран только Турция имела дружественные отношения с СССР, восходившие ко времени борьбы за независимость под руководством М. Кемалю Ататюрка. Проводя в предвоенные годы, подобно другим странам, политику балансирования между западными державами и фашистскими государствами, Турция проявила весной 1939 г., пусть в колеблющейся форме, тенденцию к организации отпора фашистской агрессии, ориентируясь на перспективу заключения тройственного англо-франко-советского союза. В этих рамках она была готова взять на себя ограниченные обязательства⁷².

Исходя из постулата, что интересы Турции и Англии совпадают в районе Средиземного моря и на Балканах, турецкое правительство в середине апреля 1939 г., после предоставления гарантий Греции и Румынии, дало согласие на английское предложение начать переговоры о заключении договора против угрозы итальянской агрессии в этих регионах с последующим подключением к ним Франции и Советского Союза⁷³. Одновременно турецкие руководители считали необходимым заключить аналогичный договор между СССР и Турцией для защиты зоны проливов, который распространялся бы также на Черное море и на Балканы. Все эти вопросы были обсуждены во время переговоров 29 апреля — 5 мая 1939 г. в Анкаре заместителя наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина, перед которым были поставлены задачи прозондировать и собрать информацию не только о политике Турции, но и возможности создания пакта взаимопомощи между

⁷¹ Там же. С. 417.

⁷² СССР и Турция: 1917–1979. М., 1981. С. 151–152.

⁷³ Живкова Л. Указ. соч. С. 120–123.

Черноморскими державами (СССР, Румыния, Болгария, Турция). В ходе переговоров турецкие руководители заверяли, что они рассматривают СССР как фактического союзника, а юридическое оформление военного союза двух стран может быть осуществлено, когда оба правительства сочтут это необходимым. Они выражали свое убеждение, что без участия СССР не может быть решена ни одна крупная внешнеполитическая проблема в Европе, что СССР является решающим фактором в организации защиты от агрессии в Восточной Европе и на Балканах. Отсюда они делали вывод о необходимости заключить тройственный англо-франко-советский союз и считали, что англо-турецкий договор должен быть дополнен советско-турецким, о чем они заявили англичанам⁷⁴.

Как выявили дальнейшие события, многие заявления турецких руководителей в адрес Советского Союза носили показной характер. К тому времени президент Турецкой республики И. Иненю уже принял решение о заключении договора с западными державами. По условиям советско-турецкого договора от 17 декабря 1925 г., Турция должна была получить советское согласие на заключение договора с Англией и Францией, и такое согласие было получено⁷⁵. При этом советская дипломатия учитывала также активные усилия гитлеровской дипломатии воспрепятствовать участию Турции в какой-либо антигерманской комбинации и обеспечить ее нейтралитет между «осью» и государствами противоборствующего лагеря, о чем достаточно откровенно говорил германский посол в Турции фон Папен⁷⁶.

Миссия Потемкина на Балканы, особенно в Турцию, имела более широкий смысл, чем зондаж двусторонних советско-турецких отношений. Ее значение было раскрыто в телеграмме Молотова, направленной Потемкину в Анкару 3 мая 1939 г., т. е. в первый же день, как только Молотов приступил к руководству наркоминделом. Расценив как хорошую идею англо-турецкое сотрудничество против Италии в Средиземном море, он проявил гораздо больший интерес к вопросу их взаимопомощи против германской агрессии в районе Балкан. «Главный недостаток этой последней идеи состоит в том, что Румыния не может сама создать противовеса германскому продвижению через Румынию к Болгарии, а в этом случае Болгария может создать смертельную опасность для

⁷⁴ О переговорах В. П. Потемкина в Анкаре см.: Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. Док. № 308. С. 415–417; Док. № 309. С. 417–418; Док. № 310. С. 418–419; Док. № 314. С. 424; Док. № 390. С. 430–431; ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 265. С. 321–324; Док. 271. С. 328; Док. 274. С. 330–331; Док. 277. С. 332–335.

⁷⁵ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 277. С. 332–335.

⁷⁶ Там же. Док. 272. С. 329.

Стамбула и проливов, — писал Молотов. — Имейте в виду, что в истории Стамбул брался всегда с суши, со стороны Болгарии. Чтобы ликвидировать этот недостаток, нужно добиваться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии. Отсюда необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи. Все дело в том, чтобы турки надавили на румын, а за нами дело не станет»⁷⁷. Как видно, в этом кратком тексте уместилась целая программа целей советской политики на Балканах в тот период, а также средств ее осуществления. Она показывала жизненную заинтересованность руководства СССР в обеспечении безопасности страны со стороны Черного моря, проливов, угроза которым виделась со стороны Германии. В обеспечении такой безопасности главный упор делался на позицию Турции и Болгарии, причем согласие последней на подобную комбинацию предполагалось получить за счет уступки последней Южной Добруджи, захваченной Румынией еще в 1913 г.

Перед второй мировой войной болгарская дипломатия не делала тайны из своего желания возвратить эти территории и даже давала понять, что в этом случае она готова присоединиться к Балканской Антанте. Эту идею обыгрывала и английская дипломатия, особенно в период предоставления гарантий Румынии и Греции, но дальше зондажа ее инициатива не шла. В советском руководстве в качестве альтернативного рассматривался также проект заключения пакта о взаимопомощи между Черноморскими государствами (СССР, Румыния, Болгария, Турция), но он играл вспомогательную роль. Следует заметить, что идея обеспечения безопасности черноморских проливов путем налаживания сотрудничества с Турцией и Болгарией оставалась и дальше одной из приоритетных задач советской внешней политики.

После получения англо-французских «гарантий» страны Восточной Европы достаточно быстро выработали стратегическую линию своего поведения, которая сводилась к стремлению достичь той или иной формы нейтралитета в борьбе между западными державами и фашистскими государствами, лавирования между этими двумя группировками. Такой курс являлся своеобразной формой «умиротворения» агрессора со стороны малых европейских государств. Он сопровождался усилиями отмежеваться от контактов с Советским Союзом в их внешней политике, их решительным отказом от участия в каких-либо вариантах международного сотрудничества, хотя бы отдаленно напоминавших систему коллективной безопасности. Такими соображениями руководители и представители этих стран делились со всеми, готовыми их

⁷⁷ Там же. Док. 271. С. 328.

слушать. Особенно ярко эти мотивы звучали в их беседах с государственными деятелями европейских держав во время многочисленных дипломатических турне весной и летом 1939 г.

Одним из главных пропагандистов такого нейтралитета стала румынская дипломатия, действия которой показали всю палитру применения этого курса на практике. Сразу же после получения англо-французских «гарантий» румынский министр иностранных дел Г. Гафенку собрался в Берлин. Его заветной целью было получить аналогичную германскую гарантию. Накануне отъезда он заверял германского посланника в Бухаресте В. Фабрициуса, что Румыния не даст втянуть себя в политику «окружения Германии». Однако тот в повышенном тоне заявил ему о неблагоприятном впечатлении, которое произвело в Берлине принятие западных гарантий Румынией, а ее стремление получить германскую гарантию охарактеризовал как несвоевременное⁷⁸. Это был холодный душ, особенно если учесть напряженное состояние отношений между Румынией и Венгрией. В Бухаресте опасались, что Германия навяжет себя обеим сторонам в качестве верховного арбитра.

Путь Гафенку в Берлин проходил через Варшаву, где он встретился с министром иностранных дел Ю. Бекком 17 апреля 1939 г. В ходе непродолжительной беседы они затронули наиболее серьезные вопросы. Оба министра подтвердили, что существующие между их государствами союзные обязательства (польско-румынский договор о союзе от 3 марта 1921 г., продлевавшийся затем каждые 5 лет) действуют только против СССР⁷⁹. Такая позиция полностью соответствовала данным ранее румынским заверениям германскому посланнику, что Румыния не вступит ни в какие комбинации, направленные против Германии. Был затронут вопрос об отношениях обеих стран к СССР. О характере беседы по этому вопросу Бек сообщил через несколько дней болгарскому посланнику в Варшаве П. Траянову: «Польша выступает категорически против участия Советов в европейских делах, вот почему Польша не желает получать от Советов ни какой-либо гарантии, ни какой-либо помощи. Румыния полностью согласна с такой польской позицией»⁸⁰.

18 апреля 1939 г. Гафенку прибыл в Берлин, где в тот же день имел беседу с Риббентропом, а на следующий день — с Гитлером.

⁷⁸ ADAP, D. Bd. VI. Dok. N 195. S. 197–198.

⁷⁹ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее — ЦХИДК). Фотокопии документов польского МИД. Ф. 2-е. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 15.

⁸⁰ Централен държавен исторически архив, София (далее — ЦДИА). Ф. 176. Оп. 7. А. е. 1084. Л. 172–173.

Последний прочитал нотацию румынскому министру в связи с принятием англо-французских гарантий, дал волю своим антипольским настроениям, наставлял Гафенку (правда, без нужды) в антисоветском духе и не скупился на выпады против западных держав и их политики «окружения» Германии. В свою очередь Гафенку заверял нацистских заправил, что Румыния готова лояльно выполнять экономический договор с Германией от 23 марта 1939 г., что она не имеет никаких обязательств по отношению к западным державам и предоставленные ей гарантии не основываются на принципе взаимности, что Румыния ни в коем случае не вступит в английский «фронт окружения» Германии и не примет участия ни в какой дипломатической комбинации с участием СССР⁸¹.

Не менее показательными были впечатления, которые Гафенку вынес из визита в Берлин, и его прогнозы возможного развития событий. После беседы с Гитлером у него сложилось убеждение, что тот думает о разделе мира между Англией и Германией, хотя и ведет сейчас атаки против Англии. Гитлер, — говорил Гафенку польскому послу в Берлине, — хотел бы найти общий язык с Англией. Он полагал, что германские пожелания идут в направлении колоний. Вместе с тем он считал опасным вопрос о Данциге, а также полагал возможными осложнения на Средиземном море⁸². Своими впечатлениями румынский министр широко делился в Лондоне, где 24–26 апреля 1939 г. состоялись его беседы с премьером Н. Чемберленом, министром иностранных дел Э. Галифаксом и другими. Они показали, что Гитлер не зря потратил время на общение с Гафенку. Тот убеждал английских собеседников, что Гитлер не желает войны, и призывал вести с ним серьезные переговоры. Гафенку мыслил себе соглашение западных держав с Германией на базе передела мира между ними на сферы влияния и даже выдвинул формулу: «Мир — для Англии, Европа — для Германии»⁸³.

В ходе лондонских переговоров был затронут вопрос об укреплении Балканского пакта путем привлечения к нему Болгарии, для чего следовало бы пойти на ограниченное удовлетворение ее пожеланий относительно Южной Добруджи⁸⁴. Однако английские советы не шли дальше платонических пожеланий. И перегово-

⁸¹ ADAP, D. Bd. VI. Dok. N 227. S. 231–235; Dok. N 234. S. 241–244. См. также: Cretzianu A. The Lost Opportunity. London, 1957. P. 26.

⁸² ЦХИДК. Ф. 2-е. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 45–48.

⁸³ DBFP. Third Serie. Vol. V. Doc. N 278. P. 295–309; Doc. N 279. P. 309–315; Doc. N 285. P. 321–334; Doc. N 295. P. 342–344.

⁸⁴ Ibid. Doc. N 285. P. 326–329.

воры румынского министра в Лондоне внесли ясность в этот вопрос. «Английское правительство, — сказал Гафенку югославскому поверенному в делах, специально интересовавшемуся этой проблемой, — не ожидает от Балканской Антанты союза против Германии и Италии, а только нейтральной позиции»⁸⁵. Такие рекомендации, исходившие из английских планов отрыва Италии от Германии, полностью отвечали намерениям румынского правительства, руководствовавшегося своими соображениями.

Не менее важным для внешнеполитической ориентации Румынии было вынесенное Гафенку из бесед в Лондоне впечатление, что «здешнее правительство избегает установления более тесных отношений с Советами». Делясь своими наблюдениями с польским послом Э. Рачиньским, Гафенку высказал убеждение, что «нынешние англо-советские переговоры останутся без конкретных результатов». Одновременно он сообщил польскому дипломату, что, по имеющейся у него информации, английский посол в Берлине Н. Гендерсон должен будет вернуться к идее заключения англо-германского экономического соглашения⁸⁶. Такие сведения настраивали румынские правящие круги на ожидание нового сговора западных держав с гитлеровской Германией, с чем они связывали надежды на улучшение своего международного положения. На таком фоне переговоры Гафенку в Париже (27–29 апреля 1939 г.) не раскрыли ничего принципиально нового ни в политике Франции, ни в политике Румынии. Здесь его застала новость об аннулировании Германией польско-германской декларации о ненападении (1934 г.). Как воспримет это Польша, с которой Румынию связывало так много? Не изменится ли польская позиция по отношению к Советскому Союзу? Эти вопросы Гафенку немедленно поставил перед Беком и получил от него ответ уже через польского посла в Риме: в принципиальном отношении Польши к Советскому Союзу ничего не меняется⁸⁷.

В Риме Гафенку с интересом слушал прожекты Муссолини и Чиано о разделе Европы на сферы влияния между западными державами и государствами «оси» на базе возврата к политике «пакта четырех держав», модифицированной с учетом возможного участия Польши в политике «пакта пяти». Правда, общий итог его визита в фашистскую Италию не отвечал ожиданиям, поскольку показал практически полную итальянскую поддержку венгерских оценок политической ситуации в Дунайском бассейне.

⁸⁵ Дипломатски архив Државног Секретаријата иностраних послова, Београд (далее — ДА ДСИП). Лондонско посланство (далее — ЛП). 1939. Пов. бр. 418, 1–6.

⁸⁶ ЦХИДК. Ф. 2-е. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 5.

⁸⁷ Там же. Л. 44.

Для Италии, — вынужден был констатировать Гафенку с своих мемуарах, — «дорога в Бухарест пролегает через Будапешт»⁸⁸. Сама формулировка выдавала сожаление по поводу неосуществленности сближения с фашистской Италией, чего давно добивалась румынская дипломатия.

Визит в Рим вызвал у Гафенку беспокойство в связи с итальянскими действиями, направленными на раскол Балканской Антанты. Он не без основания полагал, что такие действия встречают германскую поддержку, поскольку государствам «оси» легче иметь дело с каждой из балканских стран в отдельности, чем с блоком в целом. Об этом он говорил в Белграде, где задержался на один день — 5 мая 1939 г., возвращаясь из Италии на родину. Югославские государственные деятели высказали ему свою обеспокоенность, что захват Албании — это не завершение итальянской политики, а лишь начало широких акций на Балканах, причем итальянцы используют албанское и македонское меньшинства в Югославии и Греции против этих государств. Из белградских бесед Гафенку вынес впечатление, что Греция и Турция разделяют югославские опасения⁸⁹. Сам Гафенку высказывался в Белграде за укрепление Балканской Антанты, которую он рассматривал как средство сохранения нейтралитета в случае конфликта великих держав, в чем полностью сходилась с югославскими деятелями. Он видел также в Балканской Антанте региональный инструмент против болгарских территориальных пожеланий и считал важным румыно-югославское сотрудничество в венгерском вопросе⁹⁰.

7 мая Гафенку вернулся в Бухарест. Его дипломатическое турне длилось ровно три недели и не имело параллелей в дипломатической истории предвоенного политического кризиса в Европе. Через Гафенку румынские правящие круги получили обширную информацию о положении дел в наиболее интересовавших их европейских государствах, где румынский министр встречался и беседовал с ведущими политическими и государственными деятелями. Однако встает вопрос: насколько полную и точную информацию получили румынские правящие круги, как они ее оценили и какие выводы сделали для себя? В столицах западных держав Гафенку смог убедиться, что ни Англия, ни Франция не хотят сотрудничества с СССР и что там сильны стремления к достижению

⁸⁸ *Gafenco G. Derniers jours de l'Europe. Un voyage diplomatique en 1939. Paris, 1946. P. 227-229.*

⁸⁹ ЦХИДК. Ф. 15. Оп. 1Е. Ед. хр. 192. Ч. 1. Л. 114-119.

⁹⁰ *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn (далее — ПА АА). Pol. Abt. IV. Po 4 Balkan. Bd. 2. Pol IV 2953/39.*

соглашения с гитлеровской Германией. Но несмотря на правильность такой констатации, вывод румынских правящих верхов о возможности в скором времени нового сговора мюнхенского типа между фашистскими государствами и западными державами оказался ошибочным, поскольку позиция и намерения Германии были оценены совершенно неправильно. Хотя и существовали опасения в связи с развитием германо-польских отношений (преобладало мнение, что Германия будет держать в напряжении польскую общественность и выжидать изменения позиций Англии и других стран), наиболее взрывоопасным считали район Средиземного моря⁹¹. Наконец, с политического горизонта румынских правящих кругов полностью исчез Советский Союз, по отношению к которому они занимали совершенно негативную позицию. Таким образом информация, которую получил Гафенку в ходе своего турне, не только не изжила иллюзий румынской дипломатии, но и усилила их.

С другой стороны, во время своей поездки Гафенку давал такие разъяснения относительно позиции Румынии, которые в ряде случаев носили обязывающий характер. Именно такими были заверения Гафенку, данные в Берлине, что Румыния не войдет ни в какую дипломатическую комбинацию, направленную против Германии. Это предопределило позицию Румынии по отношению к румыно-польскому союзу, к Балканской Антанте как дополнительному средству сохранения нейтралитета и лавирования между группировками великих держав, а также к любой форме возможного сотрудничества с СССР. Тем самым внешнеполитическая линия Румынии ставилась в определенные рамки. По мнению польского посла в Бухаресте, как различные группировки правящих кругов, так и оппозиционные течения разделяли убеждение, что «единственной реальной румынской концепцией в случае возникновения войны была бы концепция нейтралитета»⁹².

Случай проверить действительную линию Румынии, а также близкую к ней политику Югославии представился практически сразу же по возвращении Гафенку в Бухарест. 12 мая 1939 г. одновременно в Анкаре и в Лондоне было сделано сообщение о заключении англо-турецкого соглашения. В совместной декларации обе стороны заявляли о намерении заключить долгосрочный договор «в интересах их национальной безопасности» и брали на себя обязательство еще до его заключения оказывать друг другу взаимную помощь в случае акта агрессии, ведущего к войне в районе Средиземного моря. В пункте 6 декларации говорилось, что пра-

⁹¹ ЦХИДК. Ф. 2-е. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 91-95.

⁹² Там же.

вительства обеих стран «признают необходимым обеспечение безопасности на Балканах и проводят консультации для обеспечения этой цели»⁹³. Тем самым действие англо-турецкого соглашения распространялось на весь балканский регион, а Турция оказывалась косвенно подключенной к англо-французским гарантиям, данным Греции и Румынии. Для Турции соглашение означало разрыв с ее прежней нейтральной позицией, которая в новых условиях могла быть выгодной только агрессивным фашистским государствам. В международно-правовом плане Турция в отношениях с западными державами находилась отныне в таком же положении, что и Польша после заключения с Англией соглашения от 6 апреля 1939 г. Однако по отношению к Советскому Союзу Турция и Польша сохраняли различные позиции.

Как сходство, так и различие позиций Турции и Польши были сразу же подмечены дипломатиями обеих стран. Об этом откровенно заявил 9 мая 1939 г., т. е. еще до официального обнародования англо-турецкого соглашения, турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу в беседе с польским послом в Анкаре М. Сокольниковым. Несмотря на отсутствие политического договора между двумя странами, отметил он, существует далеко идущее единство, за исключением взглядов на СССР. В интересах стран, выступающих против «оси», сказал Сараджоглу, было бы участие СССР в совместных акциях и возможной мировой войне с самого начала не только для обеспечения тыла Польши и Румынии, но и для того, чтобы к концу войны не сложилось такого положения, что СССР сохранит свои силы нетронутыми, тогда как другие государства будут истощены. В этом случае он будет в состоянии в последний момент одним лишь словом оказать решающее воздействие на исход войны и характер послевоенного мира. Кроме того, соглашение с СССР необходимо также как страховка против возможности германо-советского сближения, ибо, как указал Сараджоглу, «нельзя исключить эвентуальной возможности немецких попыток любой ценой заручиться расположением СССР»⁹⁴. Те же идеи, как свидетельствует польский посол, были высказаны с еще большей силой турецким президентом Иненю в беседе с французским генералом М. Вейганом, посетившим Анкару в начале мая 1939 г.⁹⁵ Очевидно, что такие аргументы были в значительной степени позаимствованы из идейного арсенала английской дипломатии. Вместе с тем они обнажали скрытые замыслы турецкого

⁹³ DBFP. Third Serie. Vol. V. Doc. N 451. P. 496-497. См. также: Год кризиса, 1938-1939. Т. 1. Док. № 340. С. 454-456.

⁹⁴ ЦХИДК. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 191. Ч. I. Л. 41.

⁹⁵ ЦХИДК. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 191. Ч. II. Л. 125-134.

руководства и степень его искренности в дружественных заверениях в адрес СССР, которые звучали всего несколько дней назад во время визита Потемкина в Анкару.

В то же время заключение англо-турецкого соглашения вызвало тревогу в других балканских странах, в первую очередь в Югославии. Сразу же после получения информации от турецкого правительства о предстоящем заключении соглашения Югославия затребовала более полных сведений, которые были представлены ей 7 мая 1939 г. В составленной на их основании инструкции югославским дипломатам министр иностранных дел А. Цинцар-Маркович писал: «Поскольку турецкое правительство не консультировалось с нами предварительно об этом решении и поскольку оно меняет прежнюю нейтральную позицию государств Балканского пакта, мы вступили в контакт с румынским и греческим правительствами, чтобы узнать об их точке зрения»⁹⁶. Такие консультации были проведены. В беседе с румынским посланником в Белграде Цинцар-Маркович высказал опасение, что англо-турецкое соглашение может быть использовано странами «оси» для нового нажима на Югославию с целью добиться ее выхода из Балканского пакта⁹⁷. Опасения югославской дипломатии были небезосновательны, ибо на 10–14 мая 1939 г. был запланирован визит принца-регента Павла в Италию, а на начало июня — в Берлин.

Между тем начала проясняться позиция других участников Балканской Антанты — Румынии и Греции. Их первоначально благожелательная оценка англо-турецкого соглашения стала быстро меняться по мере осознания ими факта, что изменение статуса Турции затрудняет для них использование Балканской Антанты как существенного аргумента в поддержку своей нейтральной позиции и лавирования на международной арене. Они с беспокойством следили за реакцией германской и итальянской прессы, развернувшей кампанию нападок на англо-турецкое соглашение с резкими оценками позиции Турции. Под давлением германской дипломатии они сразу же забили отбой, отрекшись от сопричастности к англо-турецким действиям. Генеральный секретарь греческого МИД К. Маврудис заверял германского посланника в Афинах В. Эрбах-Шенберга, что Греция не чувствует себя связанной с государствами, участвующими в политике окружения Германии, несмотря на тесные связи с Турцией⁹⁸. Румынская дипломатия шла еще дальше. Гафенку заверял германского посланника

⁹⁶ ДА ДСИП. ЛП. 1939. Пов. бр. 493, 1–13.

⁹⁷ DBFP. Third Serie. Vol. V. Doc. N 602. P. 660.

⁹⁸ РА АА. Büro des Staatssekretärs. Griechenland. Bl. 3.

в Бухаресте В. Фабрициуса, что «Турция сделала попытку втянуть другие балканские страны в систему безопасности, но натолкнулась на сопротивление Югославии и Румынии». Он подтверждал принципиальную позицию Румынии: «никаких комбинаций с одной группой держав против другой группы»⁹⁹. На встрече Гафенку с Цинцар-Марковичем 21 мая 1939 г. было условлено, что и румынская, и югославская дипломатия будут добиваться, чтобы в окончательном тексте англо-турецкого соглашения не содержалось положений (пункт 6 декларации), распространивших его действие на Балканы¹⁰⁰.

Дипломатическая борьба, разыгравшаяся вокруг пункта 6 англо-турецкого соглашения, вышла далеко за пределы его реального содержания и вовлекла в свою орбиту западные державы, фашистские государства и все балканские страны, а косвенно затрагивала и другие (например, Польшу и Венгрию). Все развернувшиеся тогда дипломатические баталии велись с оглядкой на ход переговоров западных держав с СССР, интенсифицировавшимися в то время. На таком историческом фоне позиция отдельных сторон с четкостью лакмусовой бумажки определяла их отношение к созданию системы обороны против фашистской агрессии и вообще их место в расстановке сил на мировой арене. Тем более что заключение 22 мая 1939 г. германо-итальянского военно-политического союза привело к усилению согласованной линии Берлина и Рима в нажиме на балканские страны. Наиболее сильно это почувствовала на себе Югославия, оказавшаяся в фокусе их совместного воздействия.

1–6 июня 1939 г. состоялся официальный визит югославского принца-регента Павла в Берлин. Германская сторона организовала ему встречу, оставившую далеко позади даже торжества во время официальных визитов Муссолини и Хорти в Берлин. По завистливому свидетельству болгарской миссии, ей был придан «характер всенародного торжества», а гостям были оказаны «чрезвычайные почести»¹⁰¹. В день приезда и отъезда югославской делегации в Берлине были закрыты магазины, отменены занятия в учебных заведениях, накануне на предприятиях проведены осведомительные беседы о значении этого визита. Пресса комментировала визит как провал английской «политики окружения». Весь город был увешан флагами, на пути следования гостей шпалерами стояли штурмовики и эсэсовцы. 2 июня был устроен грандиозный военный парад, длившийся более трех часов, т. е. лишь не-

⁹⁹ PA AA. Pol. AVT. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 1730/39.

¹⁰⁰ ДА ДСИП ЛП. 1939. Пов. бр. 540, 1–5.

¹⁰¹ ЦДИА. Ф. 176. Оп. 7. А. е. 1037. Л. 1–5.

многим меньше, чем в день 50-летия самого Гитлера (20 апреля 1939 г.). В параде приняли участие одна пехотная, одна моторизованная и одна танковая дивизии, спецчасти и более 400 боевых самолетов. Нацисты демонстрировали военную мощь и стремились произвести впечатление на гостей и иностранных наблюдателей. Прием в берлинской опере превзошел по пышности все виденное ранее. «Немцы потеряли чувство меры», — прокомментировал бельгийский посланник Давиньон в беседе с болгарским посланником П. Драгановым¹⁰².

Вставал вопрос: какие конкретные результаты рассчитывали получить нацисты от своего необычного гостеприимства? Такой вопрос возникал еще и потому, что дипломатический корпус, включая даже итальянских представителей, держались на дистанции от югославских представителей¹⁰³. Недостаток информации восполнялся слухами, включая возможность присоединения Югославии к фашистской «оси». Совершенно беспочвенными они не были, но все же отстояли от действительности достаточно далеко.

На деле принц-регент Павел и Цинцар-Маркович подверглись сильнейшему нажиму со стороны нацистской верхушки. Гитлер указывал им на необходимость сближения Югославии с «осью», мотивируя это тем, что такое сближение сразу же укрепит ее внутреннее положение, ибо сделает беспочвенными все надежды хорватских и словенских сепаратистов на помощь извне, а также лишит Италию заинтересованности в поддержке великогерманских тенденций с их нацеленностью на выход к Адриатике. В качестве шагов, которые покажут дружеское отношение Югославии к «оси», он предлагал выйти из Лиги Наций и даже намечал срок — до конца июня; присоединиться к антикоминтерновскому пакту и внести ясность в вопрос о позиции Балканской Антанты. Говоря о последней, Риббентроп отмечал, что после присоединения Турции к политике «окружения», она стала «абсолютно невозможной комбинацией». Дистанцирование от Турции будет для Югославии со временем неизбежным¹⁰⁴.

По всем поставленным проблемам югославские государственные деятели заняли уклончивую позицию. По поводу Лиги Наций они заявили, что раньше 1 сентября выход из нее представляется затруднительным. Что касается антикоминтерновского пакта, то поскольку он направлен против России, а в Югославии живы чувства славянской солидарности, присоединение к нему не

¹⁰² Там же. Л. 6–16.

¹⁰³ Явно зашифрованную оценку визиту Павла дал временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов. См.: ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 344. С. 410–412.

¹⁰⁴ ADAP, D. Bd. VI. Dok. N 474. S. 528–530.

будет популярным. Относительно Балканской Антанты достигнута договоренность с Гафенку, что Югославия и Румыния будут добиваться снятия 6 пункта англо-турецкого соглашения, либо же Турции будет предложено выйти из нее. Никаких соглашений во время визита заключено не было¹⁰⁵. В инструкциях, разосланных югославским миссиям после окончания визита, Цинцар-Маркович отмечал, что его единственным реальным результатом было официальное заявление Гитлера о признании границ между Германией и Югославией как окончательно установленных, а также официальное заявление Павла о нейтралитете Югославии в случае, если Германия окажется втянутой в конфликт с другими великими державами. «Германия не требует от нас ничего, кроме лояльного соседства и экономического обмена»¹⁰⁶. Как видно, нарисованная югославским министром иностранных дел картина была явно идиллической и не отражала реального положения.

Тем более интересно, что германская сторона расценила итоги визита как «вполне удовлетворительные». Так охарактеризовал их Риббентроп в беседе с итальянским послом Б. Аттолико уже после завершения визита. Он подчеркивал договоренность поддерживать тесные контакты по затронутым проблемам и считал достижение поставленных целей лишь вопросом времени¹⁰⁷. На деле же доверия к Югославии в Берлине не было. Об этом достаточно откровенно говорил болгарскому посланнику П. Драганову глава экономического департамента германского МИД К. Клодиус: «Чувствуется, что дружба Югославии является не искренней, а вынужденной обстоятельствами и что желание югославов заключается в сохранении выжидательного нейтралитета, чтобы затем в случае войны вмешаться в нее на той стороне, у которой определится конечная победа». Отсюда Клодиус делал вывод, что поставки германского вооружения в Болгарию будут пользоваться приоритетом перед другими странами, включая и Югославию¹⁰⁸.

После югославского визита в Берлин германская дипломатия еще больше усилила нажим на Турцию как собственными действиями, так и через другие балканские страны, особенно через Румынию. Свои действия она координировала с Италией. Последовали встречи, беседы, требования дипломатов фашистских государств в контактах с политическими деятелями балканских

¹⁰⁵ РА АА. Pol. Abt. IV. PO 2-а Jugoslawien. Bl. 51–52. Pol. IV 3544/39. Вейцзекер — циркулярное письмо о визите принца Павла в Германию.

¹⁰⁶ ДА ДСИП. ЛП. 1939. Пов. бр. 630, 1–11.

¹⁰⁷ 1 Documenti Diplomatici Italiani VIII Serie. 1935–1939. Vol. XII. Doc. N 115. P. 94–95.

¹⁰⁸ ЦДИА. Ф. 176. Оп. 7. А. е. 1037. Л. 6–16.

стран. Смысл этой активности можно понять только с учетом того значения, которое нацисты придавали установлению своей гегемонии в Юго-Восточной Европе. Добиваясь отмены 6-го пункта англо-турецкого соглашения, германская дипломатия надеялась подорвать и Балканскую Антанту. Однако последняя поддерживалась теми опасениями, которые существовали особенно в Румынии и Греции относительно болгарских территориальных притязаний (Южная Добруджа, выход в Эгейское море). В этих вопросах румынская дипломатия, сервильная в отношениях с великими державами, особенно с фашистскими государствами, встала на путь политики с позиции силы по отношению к Болгарии. При этом румынский министр Гафенку широко использовал югославскую карту и искажал югославскую позицию по отношению к англо-турецкому соглашению. Все эти события, завязанные в единый клубок, создавали впечатление непрерывной дипломатической возни вокруг Балкан и вызывали головную боль даже у английской дипломатии. В конечном итоге развернувшаяся кампания способствовала тому, что Балканский пакт становился во все большей мере региональной комбинацией с антиболгарской направленностью. Последовавшее согласие турецкой стороны не воспроизводить пункта 6 в окончательном тексте англо-турецкого договора только подчеркивало такую эволюцию. К тому времени и английская дипломатия пришла к выводу, что этот пункт уже сыграл свою роль, содействовав выяснению позиции всех сторон¹⁰⁹.

23 июня 1939 г. состоялось оглашение франко-турецкого соглашения, текстуально аналогичного англо-турецкому соглашению от 12 мая 1939 г. Учитывая представления союзников по Балканскому пакту, а также протесты германского и итальянского послов, турецкое правительство сопровождало каждый его пункт специальным комментарием, носившим характер официальных заявлений. Выступая в Великом Народном Собрании, турецкий премьер-министр Р. Сайдам отметил, что «пункт 6 ни в коем случае не носит характера, меняющего права и обязанности участников Балканского пакта. Этот пакт, не переплетаясь с англо-турецким и франко-турецким соглашениями, сохраняет свою полную независимость и свой характер независимого фактора на службе делу мира»¹¹⁰. В целом такая трактовка удовлетворила как румынское и югославское правительства, дав им пусть слабый, но все же аргумент, что действие этих соглашений не распространяется на Балканы, так и германскую и итальянскую дипломатию.

¹⁰⁹ DBFP, Third Serie. Vol. VI. Doc. N 88. P. 101–103.

¹¹⁰ Ibid. Doc. N 140. P. 164.

Значение франко-турецкого соглашения состояло в том, что оно завершило процесс расстановки сил государств Юго-Восточной Европы, эволюцию их внешнеполитического курса в ходе предвоенного политического кризиса. Оно подводило итоговую черту периоду становления «системы гарантий», которая к тому времени проявила все свои имманентные черты. Этому способствовала развернувшаяся в мае–июне 1939 г. дипломатическая борьба вокруг 6-го пункта англо-турецкого и франко-турецкого соглашений. Она вписала очень яркую страницу в дипломатическую предысторию второй мировой войны, хотя и остается пока что мало изученной и недостаточно известной. Она стала своеобразным показателем союзоспособности малых и средних государств Юго-Восточной Европы в борьбе против фашистской агрессии. Обратной стороной их несогласия с 6-м пунктом этих соглашений было обнаружившееся отсутствие у них готовности к сотрудничеству даже с западными державами, которые пожинали теперь плоды своей политики «умиротворения агрессора». Лицевой же стороной был отказ стран Юго-Восточной Европы от любых форм сотрудничества с СССР.

В таких условиях вступили в решающую фазу переговоры между западными державами и СССР. Но это были не единственные переговоры между великими державами. Параллельно велись англо-немецкие переговоры, оживившиеся весной–летом 1939 г. С ними связывалось много слухов. В июне мысль о новом сговоре западных держав с фашистскими государствами буквально носилась в воздухе. Поверенный в делах США в Париже Э. Вильсон сообщил 24 июня 1939 г. государственному секретарю К. Хэллу в Вашингтон: «У меня сложилось впечатление, что, возможно, готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши»¹¹¹. Подобные подозрения были и у югославской дипломатии. Она обратила внимание на пропагандистскую кампанию в Германии, особенно на речи Геббельса 17 июня в Данциге и 21 июня на Олимпийском стадионе в Берлине, в которых открыто говорилось о Центральной Европе как «сфере интересов Великогерманского Рейха», в которую Англия не имеет права вмешиваться¹¹². Все балканские государства с беспокойством отмечали, что претензии Германии на Данциг зашли слишком далеко. В таких условиях прогнозы возможного «компромисса» за счет Польши не вызывали у них желания развивать контакты с нею. Растущее отчуждение в отношениях с нею наблюдалось в

¹¹¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. P. 193.

¹¹² ДА ДСИП. ЛП. 1939. Пов. бр. 857, 1–14. Месечни извештај МИП-а за Јун 1939 (Немачка).

Румынии. Замедлились темпы англо-турецких переговоров об окончательном тексте союзного договора. Со второй половины июня 1939 г. турецкая сторона стала выдвигать новые требования экономического и военного характера¹¹³.

С поздней весны 1939 г. начались германские зондажи по поводу возможности сближения с СССР. Готовясь к нападению на Польшу, Гитлер все больше приходил к мысли о необходимости обеспечить, по крайней мере на время, хотя бы нейтралитет, а желательно — определенного рода сотрудничество советской стороны (подробнее об этом см. гл. II). Зондажи, предпринимавшиеся Берлином, в известной степени соответствовали советским устремлениям в складывавшейся международной обстановке. Но Сталин на первых порах проявлял достаточную осторожность, предпочитая вести дело таким образом, чтобы подогревать инициативу немцев и сохранять за собой свободу принятия решений, в том числе и путем игры на двух столах ввиду вновь оживившихся в конце мая — начале июня переговоров с Англией и Францией. Параллельно с ними возникли и германо-советские переговоры. Между тем положение Советского Союза осложнилось вследствие агрессивных действий Японии в Маньчжурии, вылившихся в вооруженный конфликт на границах с Монгольской Народной Республикой. Начавшись в мае, этот конфликт обострился с наступлением июля, когда в боях с обеих сторон приняли участие около 400 танков и бронемашин, применялось тяжелое вооружение и несколько сотен боевых самолетов. Наступившее после кровопролитных боев советско-монгольских войск с частями японской Квантунской армии временное затишье сопровождалось обоюдным наращиванием сил. Было очевидно, что дело идет к крупномасштабному столкновению, чреватому советско-японской войной¹¹⁴. Учитывая дружественный характер японо-германских отношений, это был серьезный фактор в условиях развития политического кризиса в Европе.

Англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры стали как бы тремя неравномерными сторонами треугольника «большой стратегии», разыгрывавшейся в Европе. Теоретически возможность советско-германского сближения учитывалась как в западных державах, так и в странах Восточной Европы, но в нее верили мало, по крайней мере не ожидали такого поворота в близком будущем. Поэтому основное внимание стран Восточной Европы было направлено на развитие англо-

¹¹³ Житкова Л. Указ. соч. С. 135–139.

¹¹⁴ История второй мировой войны: 1939–1945. Т. 2. Накануне войны. М., 1974. С. 215–216.

франко-советских переговоров. Дипломатические архивы этих стран содержат бесчисленное множество сообщений из всех европейских столиц, в которых наблюдатели и аналитики делятся своими соображениями по этому поводу, приводят мнения государственных деятелей различного уровня и т. д.¹¹⁵ Среди них не было людей, симпатизировавших Советскому Союзу. Но многие отдавали себе отчет в том, что без него сдержат германскую агрессию будет невозможно.

История как англо-франко-советских, так и германо-советских переговоров получила весьма значительное освещение в историографии. Причем наряду с непрекращающимися по сей день дискуссиями, касающимися главным образом советской позиции, в последнее время в научный оборот было введено немало новых важных документов, позволивших выяснить многие закулисные аспекты тогдашних событий.

Едва ли есть сомнения в том, что по мере развития англо-франко-советских переговоров у столь подозрительного политика, как Сталин, все больше росло убеждение, что они велись западными державами скорее для того, чтобы связать руки советской дипломатии и лишить ее возможности маневра на дипломатической арене. К тому же реальная оценка возможностей СССР должна была привести Сталина к выводу, что страна не готова к большой войне, что перспектива даже «плохого» сближения с Германией сулила гораздо больше, чем сотрудничество с западными державами. Все это вело к заключению о предпочтительности альтернативного курса: любое соглашение с Германией сразу выводило страну на позиции нейтралитета в условиях нараставшей возможности военного столкновения между западными державами и Германией. Причем предполагалось, что это будет длительный конфликт. Поэтому когда речь идет о возможности большого политического маневра, то надо принимать во внимание состояние советских внутренних дел, особенности советской политической элиты, образ мышления сталинского руководства, питавшего большую подозрительность по отношению к западным державам, чем к фашистским государствам.

Характерная деталь: чем больше западные державы становились в позицию противостояния Германии, тем больше ослабевала готовность Советского Союза идти на соглашение с ними. Такая тенденция подогревалась и кунктаторской тактикой английской и французской дипломатии: хотя первые контакты между СССР и

¹¹⁵ См., например: Волков В. К. Англо-франко-советские переговоры 1939 г. и их отражение в югославских дипломатических документах // Балкапские исследования. [Вып. 1]. Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 160–175.

западными державами наметились еще весной 1939 г., все-таки реальный сдвиг произошел где-то на рубеже июня — июля, а достигнуть договоренности начать трехсторонние переговоры о военном соглашении удалось лишь в конце июля. Да к тому же и прибытие военных делегаций западных держав в Москву очень затянулось. Необходимо учитывать, что поступавшая Сталину информация говорила о нежелании западных держав идти на сотрудничество с СССР. Вместе с тем он получал сведения о готовности гитлеровцев к столкновению с западными державами и подготовке агрессии против Польши. Несомненную психологическую роль играл страх оказаться перед лицом нового сговора западных держав и фашистских государств («новый Мюнхен» за счет Польши).

Весь этот сложный комплекс факторов в конечном счете обусловил позицию, занятую советским руководством в середине августа 1939 г., когда переговоры с Англией и Францией и особенно переговоры с Германией вступили в решающую фазу. Сталин предпочел договоренность с Германией. Начавшиеся 12 августа в Москве советско-англо-французские переговоры по вопросу о заключении военной конвенции были прерваны советской стороной. 23 августа Молотов и прилетевший в Москву Риббентроп подписали в присутствии Сталина Договор о ненападении между СССР и Германией и дополнительный секретный протокол к нему, устанавливавший «разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе»¹¹⁶.

В советской историографии неизменно проводилась лишь официально утвержденная точка зрения, согласно которой решение подписать договор с Германией (о протоколе не упоминалось) было принято Кремлем в последний момент и являлось вынужденным перед лицом, с одной стороны, нежелания западных держав идти на действительное сотрудничество с СССР для противостояния гитлеровской агрессии, а с другой стороны — опасности, угрожавшей в этих условиях Советскому Союзу ввиду ожидавшегося со дня на день немецкого нападения на Польшу, а тем самым возникновения пожара войны непосредственно у советской западной границы. Подобная интерпретация продолжает присутствовать в работах ряда отечественных историков¹¹⁷. Между тем другие российские исследователи, опираясь на архивные документы, обнаруженные в последнее время, в том числе на материалы Ста-

¹¹⁶ Текст договора см. в ДВП. Т. XXII. Кп. 1. Док. 484. С. 630–632; текст секретного протокола. — Там же. Док. 485. С. 632.

¹¹⁷ Например: Сиполс В. Тайны дипломатические: Капун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 98–106.

лина, делают вывод, что последний стал склоняться к выбору в пользу договоренности с Германией значительно раньше, по крайней мере поздней весной, если даже не в начале 1939 г.¹¹⁸

Проблема оценки причин и самого характера советско-германского договора от 23 августа 1939 г. остается, видимо, и дальше одним из важных объектов исторического исследования и, по всей вероятности, по-прежнему достаточно острых дискуссий. Но, если говорить об интересующих нас восточноевропейских аспектах договора, а перед тем — как англо-франко-советских, так и советско-германских переговоров, то, несомненно, важнейшее место тут принадлежало вопросу о Польше. Очевидно, что тогдашнее состояние советско-польских отношений, позиции взаимной враждебности, складывавшиеся в течение длительного времени, явились существенным дополнительным фактором, влиявшим на финал как одних, так и других переговоров, на тот внешнеполитический выбор в пользу договоренности с Германией, который был сделан руководством СССР и закреплён советско-германским договором¹¹⁹.

Сам договор, текст которого был сразу же опубликован, означал, что СССР не будет участвовать в каких-либо действиях, направленных против Германии, а тем самым и в каком-либо противодействии предстоявшему гитлеровскому нападению на Польшу. Но это была только видимая, публично оглашенная часть советско-германской договоренности, касавшейся польского вопроса. Другая часть этой договоренности, не менее, а быть может, и более важная, была заключена в секретном протоколе, где говорилось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства», устанавливается «граница сфер интересов Германии и СССР», разделявшая тогдашнюю территорию Польши: области к востоку от Вислы попадали в советскую сферу, а к западу — в германскую.

Под «территориально-политическим переустройством» имелось в виду подчинение Польши, находившейся на пороге нацистской агрессии. Таким образом, протоколом фактически предусматривался совместный советско-германский раздел территории польского государства. Но в протоколе не уточнялось, в каких формах будет осуществлено подчинение Польши. В документе говорилось: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах (СССР и Германии. — *Авт.*) желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего поли-

¹¹⁸ См., в частности: *Безыменский Л. А.* Указ. соч.

¹¹⁹ Этот вопрос специально рассматривается в гл. II.

тического развития». Подобная формулировка была, видимо, следствием ряда факторов. Секретный протокол, оформлявшийся в обстановке спешки, во многом носил на себе черты импровизации, далеко не полной ясности относительно того, каким будет ход событий в ближайшее время. К тому же Гитлер не только к моменту заключения договора с СССР, но даже вплоть до второй половины сентября не исключал сохранения в своей зоне так называемой «остаточной Польши» — марионеточного образования, которое служило бы тактическим прикрытием нацистской агрессии и могло при необходимости быть использовано как фактор в отношениях Германии с западными державами. Пока нет данных, какими в этом смысле могли быть расчеты советской стороны. Однако, так или иначе, секретным протоколом скреплялась договоренность о фактическом разделе территории польского государства между Германией и СССР, с тем, что каждая из держав будет определять положение в своей зоне.

В дальнейшем, уже после гитлеровского нападения на Польшу 1 сентября и затем начатой 17 сентября операции Красной Армии, перешедшей существовавшую советско-польскую границу и вступившей в Западную Украину и Западную Белоруссию, в совершенно новых условиях, когда выяснились как результаты действий, предпринятых Берлином и Москвой в отношении Польши, так и международная обстановка, сложившаяся с началом второй мировой войны, советско-германские договоренности по польской проблеме были в конце сентября 1939 г. несколько скорректированы и приобрели большую определенность. По инициативе советской стороны, пришедшей к выводу о нежелательности иметь внутри СССР «польский вопрос», а также стремившейся к установлению контроля над всей Прибалтикой, чисто польские области западнее линии, примерно соответствовавшей известной линии Керзона, были переданы в германскую «сферу интересов» в обмен на передачу Литвы в советскую «сферу интересов» (таким образом, последняя, куда еще протоколом от 23 августа включались Эстония и Латвия, отныне охватывала всю Прибалтику). Этот обмен был закреплен секретным дополнительным протоколом к Договору о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенному 28 сентября 1939 г. Сам договор, фиксируя откорректированную «границу между обоюдными государственными интересами (СССР и Германии. — *Авт.*) на территории бывшего Польского государства», определял ее как «окончательную» и исключал «всякое вмешательство третьих держав в это решение». Иными словами, стороны рассматривали эту границу в качестве границы между Германией и Советским Союзом. Соответственно, указывалось, что «необходимое государственное переустройство» на тер-

ритории западнее установленной линии «производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР». Польша тем самым объявлялась несуществующей. В еще одном из секретных протоколов, приложенных к договору, говорилось, что ни одна из двух подписавших его стран не допустит на своей территории «никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны»¹²⁰.

Если не считать Прибалтики, представлявшей собой особый регион, то помимо Польши советско-германские договоренности, достигнутые в августе, затронули из других проблем Восточной Европы только вопрос о Бессарабии, находившейся тогда в составе Румынии. В секретном протоколе к договору от 23 августа фиксировался «интерес СССР к Бессарабии» и «полная политическая незаинтересованность» Германии в отношении указанной территории¹²¹. За этой туманной формулировкой скрывалось согласие Берлина не противодействовать претензиям СССР на Бессарабию, присоединение которой к Румынии в 1918 г. (до того Бессарабия была в составе России) никогда не признавалось официально советской стороной. Однако если в польском и прибалтийском случаях августовские советско-германские договоренности опирались на фактор реальной зажатости Польши и Прибалтики между Германией и Советским Союзом, то в случае с Бессарабией возможности использования Москвой заключенного соглашения были тогда куда менее ясными. Забегая вперед, отметим, что в отличие от договоренности о Польше, реализованной почти сразу с началом войны, и даже от договоренности о прибалтийских государствах, осуществление которой началось уже осенью 1939 г. размещением советских войск в Эстонии, Латвии и Литве, но растянулось до лета 1940 г., когда эти страны были включены в состав СССР, советское руководство смогло приступить к использованию соглашения с Германией по поводу Бессарабии лишь в конце июня 1940 г., после новых крупных изменений на международной арене, вызванных поражением Франции¹²².

¹²⁰ Текст договора см. в ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 640. С. 134–135; тексты секретных протоколов — Там же. Док. 642. С. 135–136; Док. 643. С. 136.

¹²¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 485. С. 632.

¹²² Об этом см. гл. VII. Что касается Финляндии, которая секретным протоколом к договору от 23 августа 1939 г. была отнесена к сфере интересов СССР, то это был единственный случай, когда советскому руководству, начавшему в конце ноября 1939 г. военную акцию против этой страны и одновременно создавшему марионеточное «народное правительство Финляндской Демократической Республики», пришлось столкнуться с сильным вооруженным сопротивлением, которое оказала финская армия. Итогом советско-финской войны стало до некоторой степени компро-

Кроме территориальных претензий СССР к Румынии, касавшихся Бессарабии, советско-германские договоренности в августе 1939 г. не фиксировали никаких других интересов ни Советского Союза, ни Германии в отношении балканских стран. Между тем сам советско-германский пакт о ненападении вызвал неоднозначный подход к нему со стороны балканских государств. Ибо на практике только они реально ощутили такое его последствие, как колебания в отношениях между фашистскими Италией и Германией, временное ослабление для них угрозы со стороны Италии, агрессивности которой особенно опасались тогда Югославия и Греция, а также Турция. Это сказалось и на характере их нейтралитета, о котором они заявили после начала войны. Пожалуй, только одна румынская дипломатия расценила советско-германский пакт однозначно как полное обесценивание гарантий, которые страна получила от Великобритании и Франции. В целом балканские страны подходили к нему с той точки зрения, что он облегчал их задачу остаться в стороне от начавшегося мирового конфликта. Их позиция прослеживалась в контактах балканских дипломатов с советскими. В частности, советский посол в Лондоне И. М. Майский подробно обсудил связанные с пактом проблемы с югославским поверенным в делах, опытным дипломатом В. Милановичем (документы об их беседах сохранились в югославских архивах). Интересно отметить, что уже в начале сентября 1939 г. Майский развил ту аргументацию, которая после войны легла в известную историческую справку «Фальсификаторы истории». Не поступившись против истины, он заверил югославского собеседника, что никакого дележа сфер влияния на Балканах (о чем тогда писала западная пресса) между СССР и Германией не было¹²³. Такая информация имела значительную ценность для ориентации югославского правительства.

В Болгарии большинство политических течений (кроме крайних антисоветских сил) весьма позитивно откликнулись на заключение пакта. Его политическое воздействие выразилось в заметном падении британского, а равно и французского влияния на болгарскую политику (по этому поводу имеется свидетельство посла Великобритании в Софии Дж. Ренделя, болезненно реагировавшего на это обстоятельство).

Особого рассмотрения заслуживает позиция Турции. Как отмечалось выше, Советский Союз еще в мае 1939 г. дал согласие на

миссию по территориальному вопросу, по независимости Финляндии была сохранена. См. подробнее: Зямная война 1939–1940 гг. Кн. 1. М., 1998.

¹²³ Да ДСИП. ЛП. 1939. Пов. бр. 1372. Субботич (Лондон) — в Белград 11 сентября 1939 г.

заклучение англо-франко-турецкого политического договора. В сентябре месяце, накануне заключения этого договора, министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу приехал в Москву. 26 сентября 1939 г. состоялась его первая встреча с Молотовым. Но в связи с новым приездом Риббентропа в Москву их переговоры прервались на два дня. Когда они возобновились, в них уже участвовал лично Сталин. В беседе 1 октября 1939 г. он предложил турецкому министру заключить широкий политический договор, который в условиях существования пакта о ненападении с Германией становился известной альтернативой англо-франко-турецкому договору. Во-вторых, Сталин предложил заключить новую конвенцию о режиме проливов (хотя бы на время войны), что было сразу же отклонено турецким министром. Трудно сказать, рассчитывало ли советское руководство на принятие таких предложений Турцией или, может быть, это было формой зондажа турецких намерений. В пользу последнего предложения говорит тот факт, что советская сторона в соответствии со сложившейся ранее практикой советско-турецких отношений высказала одновременно пожелание, что если Турция будет заключать англо-франко-турецкий договор, то она должна сделать так называемую «советскую оговорку», смысл которой сводился к тому, что этот договор не вступает в силу, если он может привести к столкновению Турции с Советским Союзом¹²⁴.

С временной дистанции в 60 лет тогдашняя советская позиция представляется чрезмерно усложненной, временами нелогичной и рассчитанной на достижение нестыкующихся целей. Только этим можно объяснить, например, тот факт, что Советский Союз в свое предложение о союзе с Турцией включал так называемую «германскую оговорку». Дело заключалось в том, что переговоры СССР с Турцией привлекли особое внимание германской дипломатии и Риббентроп во время пребывания в Москве в конце сентября 1939 г. поднимал этот вопрос в беседах с Молотовым и Сталиным. Поэтому советская сторона и заняла такую своеобразную позицию. Дипломатическая игра сводилась к тому, что Советский Союз не собирался выполнять роли загонщика Турции в германские воды. Советско-турецкие переговоры, протянувшись несколько недель, закончились ничем. Однако, Советский Союз дал согласие на заключение англо-франко-турецкого договора, который и был подписан 19 октября 1939 года. В целом такая игра не принесла какой-либо пользы советской дипломатии.

Новым моментом в советской политике на Балканах в самом начале войны явился вопрос о возможности заключения

¹²⁴ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 654. С. 146–153.

договора о взаимопомощи с Болгарией. Он возник в конце сентября 1939 г., когда болгарский посланник Н. Антонов посетил Молотова и изложил ему болгарские опасения, что англо-французские войска могут высадиться в Салониках или Кавале (Греция), с тем чтобы создать фронт на Балканах. Такие действия могут затронуть интересы других государств, отметил болгарский посланник, в том числе и интересы СССР. Естественно, что Молотов задал вопрос, надо ли понимать его заявление как просьбу болгарского правительства оказать ему помощь? И если да, то в какой форме? Может быть, в виде пакта о взаимопомощи? Антонов явно не был готов к такому повороту беседы. Его цель, пояснил он, была выяснить, может ли Болгария рассчитывать в этом случае на помощь Советского Союза? «Может, — ответил Молотов, — но при условии взаимности»¹²⁵. Эта тема была продолжена новым советским полпредом в Болгарии А. И. Лаврентьевым в беседе с премьер-министром и министром иностранных дел Г. Кьосеивановым. Уже со ссылкой на посланника в Москве Антонова он задал вопрос, что думает болгарское правительство о заключении пакта о взаимопомощи с СССР. В ответ Кьосеиванов развил целую систему аргументов против такого договора в настоящее время (неполнота советского предложения, возможность международных осложнений, неясность характера советской помощи и т. д.). Он, Кьосеиванов, не против заключения политического соглашения, но позднее, в других условиях, а пока надо развивать торговые отношения и т. д. Лаврентьев сделал вывод, что его позиция определяется, вероятно, тем, что болгарское правительство еще не определило точно свою ориентацию¹²⁶.

Интересен ответ Молотова на сообщение Лаврентьева. «Пожалуй, — писал Молотов 12 ноября 1939 г., — болгары правы, говоря об опасностях для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта взаимопомощи. Что же, можно с этим подождать». Он одобрил планы делового сотрудничества с Болгарией, но не оставил основной мысли. Его инструкция Лаврентьеву гласила: «Во всяком случае, можете секретно сказать Кьосеиванову, что если болгары попадут в какую-либо беду, то они могут рассчитывать на то, что Советский Союз не покинет их и, при желании болгар, будет готов оказать им эффективную помощь»¹²⁷. В условиях развития «странной вой-

¹²⁵ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. Ноябрь. 1917 — сентябрь. 1944. М., 1976. Док. 506. С. 464–465.

¹²⁶ Там же. Док. 510. С. 468–469.

¹²⁷ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 769. С. 279–280.

ны», а также начавшегося в конце ноября 1939 г. советско-финского конфликта эти идеи не получили тогда развития.

Однако сама идея заключения советско-болгарского договора о взаимопомощи не умерла. Она продолжала существовать в головах советских руководителей, неизменно переплетаясь с их планами относительно Турции и черноморских проливов. Очевидно было, что такие замыслы должны были настораживать Германию, склонную рассматривать весь Юго-Восток Европы как зону своих исключительных интересов. Нет оснований для сомнений, что нацистам были известны, по крайней мере в общих чертах, советские предложения: слишком велико было их влияние в Болгарии. Но тогда они молча прошли мимо этих проблем. Время для их решения не наступило.

Эти проблемы встали во весь рост уже после конца «странной войны», в совершенно новых условиях после поражения Франции и начала формирования «нового порядка» в Европе. Тогда они сделались источником серьезных советско-германских противоречий, когда столкнулись две непримиримые концепции политической организации Балкан. Но это произошло уже в 1940 г.

Глава II

Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши

В конце 30-х годов Польше суждено было сыграть крайне важную, до сих пор все еще не получившую должной оценки, роль в истории, которая оказала большое влияние на развитие, продолжительность и, в конечном счете, на политические итоги второй мировой войны. Эта роль не была предопределена ее историческим развитием, не являлась она и результатом целенаправленных действий польского правительства на международной арене. Вместе с тем именно позиция последнего в силу взаимодействия целого ряда преимущественно внешних факторов *volens-polens* обрела на определенном этапе ключевое значение, во многом скорректировав или даже определив расстановку главных действующих сил на Европейском континенте в 1939 г. и их конкретные шаги. Две другие стороны этого поначалу отнюдь не равноугольного силового треугольника, развитие событий в котором в решающей степени предопределило судьбу Польского государства еще до начала второй мировой войны, составляли нацистская Германия и Советский Союз.

На протяжении десятилетий для советской историографии априори не существовало проблемы совместной политики Москвы и Берлина в отношении Польши. Но и изучение советско-польских и германо-польских отношений накануне второй мировой войны, что называется раздельно, тоже не привлекало сколько-нибудь значительного внимания советских историков. Причиной тому было не отсутствие документов, а обилие крайне «неудобных» фактов, явно не вписывавшихся в официальную трактовку предвоенных событий. Правда, в общих работах по истории международных отношений, внешней политики Германии и СССР можно было встретить набор не отличавшихся разнообразием клише, представлявших сложную картину предвоенной международной обстановки исключительно в черно-белых тонах. Вот несколько типичных примеров такого насквозь идеологизированного подхода, когда зачастую не получалось даже свести концы с концами, что, впрочем, никого не смущало.

«Проводя агрессивную, империалистическую внешнюю политику, правящие круги Германии и Польши считали тем более естественным сотрудничество против СССР»¹; «Рука об руку с гит-

¹ Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М., 1987. С. 208.

леровцами действовали реакционные правящие круги Польши, также мечтавшие о захвате чужих земель, прежде всего советских, о ликвидации Советского государства»². При этом «правящая верхушка Польши ставила на первое место не жизненные интересы польского народа, не защиту его от германской агрессии, а свои узкоклассовые интересы... Польские правители больше всего опасались, что сотрудничество Польши с Советским Союзом может усилить в стране симпатии к идеям социализма»³. Поэтому «усилия Советского правительства, направленные на улучшение советско-польских отношений, наталкивались на сопротивление польского антинародного правительства»⁴. В итоге, «отказавшись от помощи Советского Союза, интересы которого совпадали с интересами польского народа в борьбе против агрессии германского империализма, польское правительство взяло курс на участие в сговоре западных держав с Германией, хотя было очевидно, что эта сделка будет осуществлена за счет самой Польши»⁵. Тем временем «Советский Союз, будучи, в отличие от Англии, глубоко заинтересован в том, чтобы Польша не была уничтожена, со своей стороны, был готов бросить на чашу весов войны и мира всю свою мощь ради независимости и неприкосновенности Польши»⁶. С этой целью, «несмотря на утверждения руководителей Англии и Франции, что Польша не желает предоставления ей помощи, Советское правительство предприняло важный шаг: предложило правительству Польши в двустороннем порядке договориться о взаимной помощи против агрессии»⁷.

В конце 80-х — начале 90-х годов в советской, а затем в российской историографии произошли заметные сдвиги в освещении предыстории второй мировой войны, в том числе советско-германских и советско-польских отношений. Их изучение стало основываться преимущественно на документах и исторических фактах, а не на идеологических схемах и заранее подогнанных выводах. Процесс этот, по существу, только начался, и развивается он совсем не просто — рецидивы старых подходов и реанимирование

² Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933–1939. М., 1974. С. 187.

³ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989. С. 261.

⁴ Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939 гг. М., 1963. С. 574.

⁵ История дипломатии. Т. III / Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1965. С. 765.

⁶ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 235.

⁷ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2 / Под ред. А. А. Гречко и др. М., 1974. С. 278.

лишь слегка модифицированных стереотипов можно обнаружить даже в публикациях самого последнего времени⁸. Впрочем, это, наверное, естественно. Ведь, перестав быть орудием монополизированной идеологической борьбы, российская историография новейшей истории начинает походить на науку и становится сферой столкновения самых различных позиций, в том числе и унаследованных от советской историографии. Данная глава, не исчерпывая всей проблемы генезиса четвертого раздела Польши, намечает в сжатой форме основные вехи и тенденции этого еще недостаточно изученного явления международной жизни, ставшего частью как предыстории, так и истории второй мировой войны.

* * *

Выступая 5 ноября 1937 г. на узком совещании с высшими руководителями вермахта и министром иностранных дел, Гитлер в достаточно откровенной форме изложил свои представления о переходе «третьего рейха» к решению проблемы «жизненного пространства»⁹. По преобладающим оценкам исследователей, это выступление фюрера носило не только программный, но и этапный характер. Оно отражало очевидное стремление нацистского лидера перейти уже в ближайшее время к силовому решению территориальных вопросов: в качестве первоочередных объектов экспансии были избраны Чехия и Австрия. Принимая во внимание международное положение Германии, ее военно-экономический потенциал и состояние вооруженных сил осенью 1937 г., очевидно, что успешная реализация намеченных Гитлером планов в решающей степени зависела от общей конstellации сил на Европейском континенте. В этой ситуации позиция даже средних по размерам государств (не говоря уже о крупных и великих державах), особенно соседей «третьего рейха» приобретала большое значение. И Польша, естественно, не могла остаться вне поля зрения Гитлера, который несколько раз упоминал ее в выступлении 5 ноября.

Несмотря на германо-польское соглашение 1934 г. и наличие заметных прогерманских тенденций во внешней политике Варшавы, Гитлер тем не менее в весьма осторожных выражениях охарактеризовал ее возможную реакцию на военные действия с уча-

⁸ См., например: *Парсаданова В. С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // *Вопросы истории*, 1997, № 7. С. 13–31; *Суполс В.* Тайны дипломатические. Капсул Великой Отечественной: 1939–1941. М., 1997. С. 8–140.

⁹ *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947–1949* (далее — IMT). Doc. 386-PS. Vol. XXV. P. 402–413.

стием Германии, выделив при этом следующие основные моменты: во-первых, «наши соглашения с Польшей сохраняют силу до тех пор, пока сила Германии непоколебима»; во-вторых, «степень внезапности и быстрота наших действий являются решающими для позиции Польши», которая, «имея в тылу Россию, не будет особенно склонна вступать в войну с одерживающей победы Германией»; в-третьих, «если Чехия будет разгромлена и установлена общая граница Германии с Венгрией, то скорее можно будет рассчитывать на нейтральную позицию Польши».

Эта сдержанность Гитлера в отношении Польши, стремившегося отнюдь не драматизировать перед участниками совещания общую расстановку сил на континенте, а, скорее наоборот, отражала определенную неуверенность фюрера в преддверии первых насильственных акций, его опасения возможной ответной реакции на них со стороны других государств. Вполне вероятно также (последующие события дают основания для подобного рода предположения), что Гитлер стремился привлечь повышенное внимание присутствующих, в основном представителей традиционной элиты, к Польше, обозначить существование связанной с ней конкретной политико-дипломатической, а не военной (последнее было бы для них более понятно), проблемы. На это же, в частности, обращалось внимание в изданной несколькими месяцами ранее директиве военного министра генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга «О единой подготовке вооруженных сил к войне»¹⁰. В ней странами, чей нейтралитет должно было в случае возникновения войны в Европе во что бы то ни стало обеспечить политическое руководство рейха, были названы Польша и Англия.

Конечно, то, что именно 5 ноября, в день выше упоминавшегося выступления Гитлера по внешнеполитическим вопросам, в Берлине также состоялось подписание германо-польской декларации об отношении к национальным меньшинствам в обеих странах¹¹, можно считать не более чем совпадением. Вместе с тем даже формальное урегулирование проблемы, на протяжении многих лет создававшей немалое напряжение в двусторонних отношениях, определенно являлось симптомом заинтересованности руководства «третьего рейха» на том этапе в улучшении отношений с Польшей. Одновременно Гитлер и Геринг дали официальные заверения заместителю министра иностранных дел Польши графу Я. Шембеку и польскому послу в Берлине Ю. Липскому о неизменности статуса Данцига и вытекающих из него прав Польши в

¹⁰ IMT. Doc. 175-C. Vol. XXXIV. P. 733-745.

¹¹ ADAP, D. Bd. V. Dok. 18. S. 21-23.

«свободном городе»¹². Соответствующие неофициальные указания на этот счет были даны спустя некоторое время гауляйтеру Данцига А. Ферстеру и президенту Данцигского сената, бригадфюреру СС А. Грайзеру¹³. Последнее обстоятельство было несомненно важным показателем серьезности намерений Берлина, так как ситуация в Данциге и вокруг него традиционно являлась самым чутким барометром состояния германо-польских отношений¹⁴. С этой точки зрения есть серьезные основания рассматривать 5 ноября 1937 г. и в качестве определенной вехи в развитии германо-польских отношений, как начало постепенно нараставших усилий политического руководства «третьего рейха» по обеспечению благожелательного нейтралитета Польши в будущей войне.

Вместе с тем Гитлер, ставя даже очень важные тактические задачи, никогда не упускал из виду перспективные цели, постоянно оставляя себе возможности для маневра. Так, выступая в рейхстаге 20 февраля 1938 г. с большой речью, подводившей итог важному этапу в развитии рейха, ознаменовавшегося возросшей концентрацией власти в руках фюрера и крупными перестановками в руководстве военного и внешнеполитического ведомств, Гитлер, характеризуя международное положение Германии, особо выделил большой прогресс в развитии германо-польских отношений, их «окончательное освобождение от вредных компонентов» («endgültige Entgiftung»). При этом он ввел в оборот некую новую формулу, которая, публично подтверждая неизменность статуса Данцига, одновременно акцентировала внимание на его совершенно особых отношениях с «третьим рейхом»: «Польское государство уважает национальные отношения в этом государстве, а этот город и Германия уважают польские права»¹⁵ (подчеркнуто мной. — Авт.).

К этому же времени относится и более интенсивное разыгрывание «антисоветской карты» в беседах с польскими политиками. При этом в Берлине довольно быстро перешли от общих деклара-

¹² Weißbuch der Polnischen Regierung über die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjetrussischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939. Basel, 1940. Dok. 30. S. 50–51; Lipski J. Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoirs of J. Lipski, Ambassador of Poland / Ed. by W. Jędrzejewicz. New York; London, 1968, Doc. 73. P. 303–305. См. также: ADAP, D. Bd. V. Dok. 19. S. 24.

¹³ ADAP, D. Bd V. Dok. 29. S. 34. См. также: Roos H. Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957. S. 301–302.

¹⁴ См.: Cienciala A. M. Poland and the Western Powers 1938–1939. London; Toronto, 1968. P. 40.

¹⁵ Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. München, 1965. Bd. 1, 2. S. 802.

ций об угрозе большевизма европейской цивилизации путем создания его рассадника в отдельных странах¹⁶ к увязыванию этой проблемы с двусторонними отношениями. К примеру, Геринг заверял 23 февраля 1938 г. генерального инспектора Войска Польского маршала Э. Рыдз-Смиглы, что Польша и Германия «образуют единый бастион против большевизма», из чего, по мнению новоиспеченного генерал-фельдмаршала, следовало: «поражение Польши в эвентуальном польско-советском конфликте... неизбежно повлекло бы за собой большевизацию Германии»¹⁷. Эта тема периодически будет возникать в беседах высших германских и польских руководителей на протяжении последующего года, серьезно дезориентируя Варшаву.

Вообще для менталитета политических деятелей Польши того времени было весьма характерно воспринимать и толковать факты исключительно в удобном для себя свете. Когда польский посол в Риме А. Высоцкий обратил внимание президента Польши И. Мосьцицкого, что надвигавшийся аншлюс Австрии превращает Германию в мощнейшее государство Европы, тот разразился в ответ следующей тирадой: «„Ах, г-н Высоцкий!“ Как Вы можете повторять такие сказки! Этот национал-социализм весь трещит по швам. Гитлер никому не доверяет и поэтому он принял на себя верховное командование, т. к. он не уверен в армии. А что это означает, известно»¹⁸.

Неудивительно, что официальная реакция Варшавы на аншлюс, о котором, как об очередной внешнеполитической акции «третьего рейха», Геринг — официальный куратор германо-польских отношений¹⁹, проинформировал министра иностранных дел Польши Ю. Бека еще в январе 1938 г.²⁰, была очень спокойная. Граф Шембек позволил себе в разговоре с германским послом в Варшаве Х. фон Мольтке охарактеризовать происшедшее, как всего лишь «внутреннее дело Австрии»²¹.

Очевидно, что польское руководство не пыталось, не хотело, да и не могло что-либо предпринимать в этой ситуации, когда западные державы остались практически совершенно безучастны к

¹⁶ ADAP, D. Bd. V. Dok. 29. S. 34.

¹⁷ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 38. S. 59.

¹⁸ Цит. по: *Woiciechowski M.* Die polnisch-deutschen Beziehungen 1933–1938. Leiden, 1971. S. 387. Anm. 1.

¹⁹ Еще в апреле 1935 г. Гитлер поручил Герингу проявлять заботу о поддержании хороших отношений между Германией и Польшей. См.: *Lipski J.* Op. cit. Doc. 41. P. 189 (запись от 25.04.1935).

²⁰ Ibid. Doc. 76. P. 331 (запись от 13.01.1938).

²¹ ADAP, D. Bd. V. Dok. 32. S. 36.

судьбе суверенного европейского государства²². К тому же, в Варшаве отсутствовало понимание всей серьезности последствий аншлюса, и прежде всего их влияния на положение самой Польши. Ведь произошло значительное военно-стратегическое и экономическое усиление одного из соседей Польши, в результате резкой динамизации его внешней политики, что уже само по себе было небезопасно. Налицо было серьезное нарушение сложившегося на континенте баланса сил, нарушение в пользу так называемых ревизионистских держав, от чего Польша в конечном счете могла только проиграть. Но и в чисто тактическом (краткосрочном) плане позиция польского руководства, откровенно признавшего отсутствие заинтересованности в сохранении статус кво в Европе²³, была, несомненно, крупной ошибкой. В итоге происшедших на политической карте Европы изменений возможности для внешнеполитического маневра Польши определенно сузились, что достаточно наглядно продемонстрировал уже «литовский инцидент» в марте 1938 г.

Пытаясь использовать концентрацию всеобщего внимания на аншлюсе, польское руководство решило предпринять «пробу сил» на литовском направлении, рассматривая ее в качестве начального этапа включения этой страны в сферу своего влияния. Оттолкнувшись от инцидента на польско-литовской границе (11 марта), польское правительство предъявило Литве ультиматум. Его основным требованием являлось, вероятно, впервые в международной практике, согласие литовского правительства на восстановление в полном объеме дипломатических и консульских отношений до конца марта 1938 г. (Срок ультиматума — 48 часов.) В случае его отклонения не исключалось использование силы²⁴. Разумеется, этот демарш Варшавы не был ни случайным, ни спонтанным. Литва занимала важное место в польских планах создания «третьей Европы», представляя собой ключ к контролю над «балтийской Антантой». Как отмечал немецкий историк Х. Рос, создание «польско-литовской Антанты» и соединение обеих стран «путем сво-

²² См.: *Gehler M. Der «Anschluß» von 1938 und die internationalen Reaktionen // Aus Politik und Zeitgeschichte, Bonn, 1988. Nr. 9. S. 37–46.*

²³ В ходе беседы с Герингом 13 января Бек, получив информацию о германских намерениях в отношении Австрии, отметил наличие там у Польши только экономических интересов. См.: *Lipski J. Op. cit. Doc. 76. P. 333.*

²⁴ См. подробно: *Sakwa G. The Polish Ultimatum to Lithuania in March 1938 // The Slavonic and East European Review, 1977. Vol. 55. P. 204–206; Senn A. E. The Polish Ultimatum to Lithuania, March 1938 // Journal of Baltic Studies, 1982. Nr. 2. P. 144–156.*

его рода альянса» было и оставалось одной из политических целей Польши²⁵.

В Берлине польский ультиматум вызвал неоднозначную реакцию. Геринг в беседе с Липским 16 марта проявил «широту подхода» (на что весьма рассчитывали в Варшаве), подчеркнув, что интересы рейха в Литве ограничиваются Мемелем. В остальном же, как сообщал польский посол об этой встрече, «он дал ясно понять, что предоставляет нам свободу рук в том, что касается способа и образа решения литовской проблемы»²⁶. Однако, полученная тем временем дополнительная информация, свидетельствующая о том, что при выработке ультиматума в Варшаве не исключали жесткого, т. е. силового варианта разрешения конфликта, встревожила руководство германского МИД. На следующий день Риббентроп направил Гитлеру памятную записку²⁷, содержащую две основных рекомендации: 1) необходимо сохранение статус кво между Польшей и Литвой, так как Германия после аншлюса заинтересована в спокойной международной обстановке и одновременно не заинтересована в поглощении Литвы Польшей, поскольку в этом случае Литва перестала бы быть объектом будущей компенсации при передаче Польского коридора рейху; 2) в случае польско-литовского вооруженного конфликта необходимо в первые же часы предпринять оккупацию Мемеля.

Есть достаточно оснований для предположения, что Гитлер положительно отреагировал на записку Риббентропа, решив принять меры на обоих направлениях. Он отдал приказ начальнику штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) генералу В. Кейтелю о подготовке к оккупации Мемеля и еще некоторых литовских территорий *в случае* военного вторжения Польши в Литву²⁸. Одновременно Риббентроп по поручению фюрера настоятельно рекомендовал литовскому правительству принять польский ультиматум, но при этом категорически отверг просьбу о германском посредничестве в польско-литовском конфликте²⁹. Глава внешнеполитического ведомства рейха также встретился с польским послом и, выразив надежду на скорейшее урегулирование возникшего конфликта, весьма недвусмысленно предупредил Липского о том большом значении, которое придадут в

²⁵ Roos H. Op. cit. S. 307.

²⁶ Цит. по: Pagel J. Polen und die Sowjetunion 1938–1939: die polnisch — sowjetischen Beziehungen in den Krisen der europäischen Politik am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1992. S. 54.

²⁷ ADAP, D. Bd. V. Dok. 329. S. 362.

²⁸ См.: Roos H. Op. cit. S. 314.

²⁹ ADAP, D. Bd. V. Dok. 332. S. 364.

Берлине своевременной информации о всех дальнейших шагах Польши в отношении Литвы³⁰.

Характер вмешательства Берлина в польско-литовский конфликт выявил ряд небезынтересных моментов, и прежде всего нежелание Гитлера предоставлять Варшаве карт-бланш в ходе реализации ее внешнеполитических амбиций. Степень включенности нового министра иностранных дел рейха в этот конфликт и оказанная ему при этом поддержка со стороны фюрера указывали на то, что объем полномочий Геринга на «польском направлении» явно начинает уменьшаться. В целом же польско-литовский конфликт продемонстрировал возросшие возможности внешней политики Германии, проявившей одновременно лояльность и известную твердость в отношении Польши, заинтересованность в которой у высшего руководства «третьего рейха» шла по нарастающей.

Благоприятный исход польско-литовского конфликта был с большим энтузиазмом воспринят в официальных кругах Варшавы и общественном мнении страны. Заслуги этого дипломатического успеха приписывались в значительной мере внешнеполитическому рационализму и умеренности, привнесенных лично Бекком. Тот, в свою очередь, ощутив все преимущества, вытекающие из благожелательно-нейтральной позиции Берлина, но явно не отдавая себе при этом адекватного отчета об истинных причинах этого поведения, решил сделать очередной шаг по упрочению польско-германских отношений. Последнее представлялось особенно важным в преддверии неизбежно надвигавшегося германо-чешского кризиса, о чем польская сторона была заранее проинформирована³¹.

Во многом именно с этими намерениями польского министра иностранных дел связаны вновь выдвинутые Липским в беседе с Риббентропом в конце марта предложения о досрочном продлении заключенного на 10 лет польско-германского соглашения 1934 г.³² Риббентроп дал уклончивый, скорее даже отрицательный ответ, правда, сославшись на свою неинформированность (?). И тут же (этот прием будет в последующие месяцы неоднократно использоваться как Гитлером, так и его окружением) переключил внимание польского дипломата на вопрос об интенсификации сотрудничества двух стран по линии борьбы с коммунизмом. Однако полного понимания подобная, широкая постановка проблемы, включающая не только внутривнутриполитический, но и внешнеполитиче-

³⁰ Ibid. Dok. 334. S. 366.

³¹ Lipski J. Op. cit. Doc. 80. P. 348–349.

³² ADAP, D. Bd. V. Dok. 34. S. 39.

ский аспект, у Липского не нашла³³. Определенно в этом отразилось стремление Бека, уже пошедшего на серьезное нарушение политики «равноудаленности» в отношениях со своими наиболее сильными соседями на востоке и западе, все-таки не переходить определенной грани, за которой польско-советские отношения вступали в стадию резкого противостояния.

Приступая к реализации планов, направленных на дезинтеграцию Чехословакии, Гитлер, несомненно, отдавал себе отчет в том, что эта задача по своей сложности не идет ни в какое сравнение с аншлюсом. Оперативные документы, подготовленные высшими штабами вермахта по его указанию в период с апреля по сентябрь 1938 г., однозначно свидетельствуют, что Гитлер делал ставку на военное решение чешской проблемы, хотя и наталкивался при этом на сопротивление со стороны части генералитета³⁴. В отличие от нее фюрер исходил из возможности локализовать конфликт при условии, что вермахт в первые 4 дня боевых действий добьется решающих успехов. Последнее, в свою очередь, должно было оказать двоякое воздействие на внешний мир: «убедить в бесперспективности иностранного военного вмешательства» и «активизировать союзников (раздел добычи!)»³⁵.

Принимая во внимание географическое положение Чехословакии, речь могла идти прежде всего о Польше и Венгрии, как о заинтересованных в «добыче». И хотя, относя Польшу к числу союзников, Гитлер явно лукавил — эту страну он никогда в таком качестве не рассматривал, подобные замечания в ходе служебного разговора с начальником штаба ОКВ отражали достаточно высокую степень заинтересованности фюрера в активизации «польского фактора». Спустя месяц после этого совещания, 20 мая Кейтель представил Гитлеру на утверждение проект новой директивы плана «Грюн», которая уже исходила из возможности при опреде-

³³ Из немецкой записи этой беседы складывается впечатление, что Липский полностью поддержал мнение рейхсминистра. Однако в донесении, направленном польским дипломатом Беку, содержится немаловажная оговорка, отсутствующая в немецкой записи. Липский сказал: «На практике мы, как и Германия, боремся на всех участках с действиями Коминтерна. Тем не менее, если дело идет о манифестациях за пределами Польши, мы должны считаться с особенностью нашего положения, а именно, с нашим непосредственным соседством с Советской Россией...». *Lipski J. Op. cit. Doc. 83. P. 360. См. также: ДМИСПО. Т. VI. М., 1969. Док. 245. С. 349.*

³⁴ См. подборку документов, отражающих различные мнения германского генералитета на возможности «третьего рейха» при силовом решении чехословацкой проблемы: *Müller K.-J. Armee und Dritte Reich 1933–1939. Darstellung und Dokumentation. Paderborn, 1987. Dok. 142–164.*

³⁵ ADAP, D. Bd. II. Dok. 133. S. 191.

ленных условиях открытого вмешательства Польши и Венгрии на стороне Германии в войну против Чехословакии³⁶.

Польское руководство, преследуя собственные цели касательно Чехословакии, отношения с которой уже на протяжении длительного времени были перманентно отягощены различным подходом к ряду международных, межнациональных и геополитических проблем, все больше разводя политические интересы Варшавы и Праги³⁷, серьезно играло на руку этим военным расчетам Берлина, распространяя через глав своих дипломатических миссий в столицах европейских государств официальную точку зрения, согласно которой «Чехословакия представляет собой производное слагаемое многочисленных друг другу чрезвычайно враждебных меньшинств, страну, обреченную на смерть»³⁸.

Этот и другие конкретные шаги на международной арене были выработаны в ходе совещания высших руководителей Польши с послами в ряде европейских государств, посвященного надвигавшемуся кризису вокруг Чехословакии. В основу принятых на нем решений было положено мнение, высказанное послом в Германии Липским: «положение Польши по отношению к Германии значительно ухудшилось, если бы Польша заняла позитивную позицию в отношении Чехословакии»³⁹. Подобный подход создавал весьма опасный прецедент, ставящий отношения между Польшей и другими государствами в зависимость от их влияния на польско-германские отношения. Правда, это отнюдь не означало, что Польша при всех обстоятельствах будет поддерживать Германию. «Майский кризис»⁴⁰, в ходе которого, хотя и ненадолго, возникло впечатление, что «третий рейх» при попытке силового решения чехословацкого кризиса может столкнуться с серьезной международной изоляцией, побудил польское руководство вновь рассмотреть различные варианты внешней политики страны с учетом усилившегося обострения международной обстановки. Принятые на этот раз решения отличались возросшей «гибкостью», если не

³⁶ IMT, Doc. 388-PS. Vol. XXV. P. 423.

³⁷ См.: *Hoensch J. K. Polen und die Tschechoslowakei — oder das Scheitern der slawischen Solidarität // Gleichgewicht — Revision — Restauration: Die Außenpolitik der Ersten Tschechoslowakischen Republik im Europasystem der Pariser Vororteverträge / Hrsg. von K. Bosl. Wien, 1976. S. 277–313.*

³⁸ Цит. по: *Roos H. Op. cit. S. 324.*

³⁹ ADAP, D. Bd. II. Dok. 160. S. 221; *Roos H. Op. cit. S. 327.*

⁴⁰ См.: *Weinberg G. L. The May Crisis, 1938 // The Journal of Modern History, 1957. Vol. XXIX, N 3. P. 213–225; Lukes I. The Czechoslovak Partial Mobilization in May 1938: A Mystery (almost) Solved // Journal of Contemporary History, 1996. Vol. 31, N 4. P. 699–720.*

сказать больше, но вряд ли реализмом, т. к. определенно переоценивали свободу маневра, которой в то время располагала Польша. Согласно выработанной схеме, в случае мирного развития событий или локализованного конфликта, Польша должна была поддерживать Германию, обеспечивая тем самым реализацию своих территориальных претензий к Чехословакии. Однако при возникновении крупного и тем более общеевропейского конфликта из-за Чехословакии Польше следовало изменить свою политику таким образом, чтобы не создавалось впечатления даже о косвенной поддержке «третьего рейха»⁴¹.

Несмотря на то, что по дипломатическим каналам в Берлин поступала информация, что позиция Польши не носит однозначно прогерманского характера, по крайней мере, не исключает полностью враждебных Германии действий⁴², роль, отводимая высшим руководством рейха Польше в чехословацком кризисе, все возрастала. Так, Гитлер, принявший под влиянием «майского кризиса» решение о подготовке военного разгрома Чехословакии и его осуществлении не позднее 1 октября 1938 г., в выступлении перед руководством МИД и вермахта в конце мая не обошел роль Польши в надвигавшемся конфликте. Он оценил позицию Варшавы как «заинтересованную», подчеркнув, что она из-за опасения России «ничего не предпримет против Германии»⁴³. Эта точка зрения нашла отражение и в большинстве оперативных документов, подготовленных на протяжении лета 1938 г. в высших штабах вермахта. Внимание к Польше в этот период было несомненно повышенным, что дало основание непосредственному наблюдателю и участнику тех событий Верховному комиссару Лиги наций в Данциге К. Буркхардту для следующего вывода: «До сих пор в связи с чешским кризисом все германские высокопоставленные лица соревновались в борьбе за польскую благосклонность, обещая Польше все, что угодно»⁴⁴. Это было, конечно, преувеличение и немалое, поскольку любые обещания, на каком бы уровне они ни делались, могли касаться только частных вопросов, не затрагивая кардинальных проблем германо-польских отношений. Последние, как и внешняя политика «третьего рейха» в целом, определялись только Гитлером.

⁴¹ См.: *Roos H.* Op. cit. S. 330–331; *Woiciechowski M.* Op. cit. S. 429.

⁴² ADAP, D. Bd. II. Dok. 203. S. 265.

⁴³ *Müller K.-J.* General Ludwig Beck. Studien und Dokumente zur politisch-militärischen Vorstellungswelt und Tätigkeit des Generalstabschefs des deutschen Heeres 1933–1938. Boppard, 1980. Dok. 45. S. 517.

⁴⁴ *Burckhardt C. J.* Meine Danziger Mission 1937–1939. München, 1980. S. 151.

Тем не менее налицо было очевидное стремление активно втянуть Польшу в античехословацкую политику Германии. Еще в ходе «майского кризиса» Геринг сделал предложение польскому послу в Берлине принять участие в экономическом бойкоте Праги⁴⁵, который в то время рассматривался в Берлине в качестве составной части экономической войны против Чехословакии с целью ускорения ее окончательного краха⁴⁶. После «майского кризиса» и соответствующих изменений в планах Гитлера (ставка на силовое решение), нашедших отражение в директиве от 30 мая⁴⁷, вопрос об экономическом бойкоте Чехословакии во многом утратил свою актуальность. К тому же, как выяснилось в беседе статс-секретаря германского МИД Э. фон Вайцзеккера с послом Липским 13 июня, Польша, хотя и не имела серьезных возражений против участия в бойкоте Чехословакии, но определенно опасалась возможных «международных экономических и политических последствий» этого шага⁴⁸. Таким образом, это направление сотрудничества двух государств отпало.

Однако потребность вовлечения Польши в античехословацкую политику рейха при этом отнюдь не уменьшилась. В связи с этим Берлин пустил в ход новые козыри, о чем свидетельствует встреча Геринга с Липским 17 июня. Как отмечал польский дипломат, ему было дано понять о наличии возможностей учесть при неизбежном распаде Чехословакии, «исходя из географического положения, также наши интересы». Как отмечает польский исследователь М. Войциховский, это был осторожный, но вместе с тем вполне недвусмысленный намек на Словакию, территория которой, по тогдашним расчетам Гитлера, могла стать своего рода «призом» за лояльное поведение, как для Польши, так и для Венгрии. Геринг также поднял вопрос о возможном проходе советских войск через территорию Польши и Румынии с целью оказать помощь Чехословакии. Посол полностью исключил подобную возможность в том, что касается Польши, и заверил своего собеседника, что Варшава сделает все возможное, чтобы укрепить позицию Бухареста в случае нажима со стороны Советов. Геринг не остался в долгу и пообещал предоставить помощь «третьего рейха» в случае возникновения польско-советского конфликта⁴⁹.

Весьма симптоматично, что, хотя дипломатическая обработка Польши продолжалась почти вплоть до Мюнхенской конференции, ни-

⁴⁵ См.: *Woiciechowski M.* Op. cit. S. 422.

⁴⁶ IMT. Doc. 388-PS. Vol. XXV. P. 424.

⁴⁷ Ibid. Doc. 388-PS. P. 433-439.

⁴⁸ ADAP, D. Bd. II. Dok. 255. S. 330.

⁴⁹ *Lipski J.* Op. cit. Doc. 87. P. 372-373; *Woiciechowski M.* Op. cit. S. 435-437.

каких конкретных договоренностей между Берлином и Варшавой в этот период достигнуто не было. Используя современную терминологию, можно сказать, что стороны обменивались заявлениями о намерениях... Имелись ли тогда у нацистского руководства возможности еще больше «перетянуть» Польшу на свою сторону, обеспечив ее поддержку как в ходе разрешения чехословацкого кризиса, так и, возможно, в перспективе? Теоретически, да. Для этого, правда, требовалось пролонгировать договор 1934 г., гарантировать западную границу Польши, признать ее интересы в Литве и официально подтвердить неизменность статус кво Данцига⁵⁰, т. е. пойти на договоренности по всем тем пунктам, которых добивалась польская дипломатия, хотя и не очень активно.

Однако Гитлер считал, что соучастие Польши в разделе Чехословакии может быть оплачено только за счет самой Чехословакии, т. е. Тешинской областью, возможность оккупировать которую он готов был предоставить полякам. Вместе с тем, по его мнению, о признании территориального статус кво в германо-польских отношениях не могло быть и речи: вопрос о Данциге и польском коридоре был временно и лишь по тактическим соображениям снят Берлином с повестки дня. Поэтому любое дальнейшее развитие в германо-польских отношениях могло иметь место только с учетом этого обстоятельства, но в Варшаве осознание этой взаимосвязи произошло только спустя месяцы после Мюнхена.

То, что Геринг в очередной беседе с Липским 24 августа заявил о готовности Берлина продлить соглашение 1934 г. на 25 лет и, что самое главное, «признать (существующее) территориальное положение Польши»⁵¹, т. е. явно вышел за пределы уступок, с помощью которых Гитлер намеревался вознаградить соучастие Польши в ликвидации Чехословакии, являлось лишь показателем сложности международного положения «третьего рейха». По всей видимости, это было временем наивысшей заинтересованности Гитлера в Польше на всем протяжении чехословацкого кризиса, когда, по его мнению, многое зависело от степени «интернационализации» чехословацкой проблемы, т. е. вовлеченности в ее решение других государств, выдвигавших территориальные претензии.

Загипнотизированное возможностью удовлетворения территориальных амбиций за счет соседнего государства — одной из опор французской системы союзов в межвоенной Европе, польское руководство и, прежде всего министр иностранных дел Бек, пошло

⁵⁰ ADAP, D. Bd. II. Dok. 277. S. 360.

⁵¹ См.: *Woiciechowski M.* Op. cit. S. 449.

на открытое политическое сотрудничество с нацистской Германией, заявив о собственных территориальных претензиях к Чехословакии. Облегчив тем самым весьма существенно реализацию планов Гитлера, польская дипломатия фактически не использовала всех тех возможностей для урегулирования собственно польско-германских отношений, которые предоставляло ей затруднительное положение «третьего рейха» на международной арене. Пожалуй, один единственный раз Бек все-таки попытался оказать давление на германское руководство, поручив в ночь с 26 на 27 сентября Липскому уведомить Гитлера, Геринга и Риббентропа о признании западными державами легитимными польских требований к Чехословакии и о готовности Польши при определенных условиях получить Тешинскую область «из рук» западных держав. Не исключено, что одним из основных мотивов подобного шага могло быть стремление побудить Гитлера пересмотреть его уклончивую позицию касательно урегулирования польско-германских отношений в духе пожеланий Варшавы⁵². Но было уже поздно: западные державы уже пошли на решающие уступки Гитлеру, который умело использовал на переговорах с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в том числе и требования Варшавы в отношении польского национального меньшинства в Чехословакии. Руководители польской внешней политики, стремясь к долгосрочному урегулированию польско-германских отношений, предпочли бы добиться решения этой проблемы в связи с чехословацким кризисом, но проявили в мае — сентябре 1938 г. лишь незначительную активность на этом направлении, по всей видимости, рассчитывая на затяжное развитие этого кризиса и тем самым на возрастание своих шансов добиться оптимального результата на переговорах с Берлином.

Гитлер же решил заняться урегулированием германо-польских отношений, как составной части своей антизападной стратегии, только *после* разрешения чехословацкого кризиса и, с помощью манящей и одновременно уклончивой дипломатии, добился на этом направлении своего, правда, только тактического выигрыша.

В конечном счете, «польский фактор» был в полной мере использован Гитлером в ходе кризиса вокруг Чехословакии. Польша была вовлечена в античехословацкую кампанию за весьма умеренную цену, да к тому же из «чужого кармана», и вполне оправдала возложенные на нее в Берлине надежды. Однако, сама она, несмотря на «приобретение» важной в экономическом отношении Тешинской области, оказалась внешнеполитически крайне ослабленной. Соучастие в дележе «добычи», к тому же, предпри-

⁵² Ibid. S. 491–492.

нятое вне согласованных в Мюнхене процедур, не могло не сказаться на международном положении Польши. Ее отношения с западными державами подверглись серьезному испытанию и на какое-то время значительно ухудшились. Произошло обострение и польско-советских отношений, о чем подробнее будет сказано ниже. При этом сами польско-германские отношения, несмотря на периодическую публичную похвалу в их адрес со стороны Гитлера, никоим образом не претерпели кардинальных изменений. Они по-прежнему несли в себе весь комплекс неразрешенных проблем, что и в предшествующие годы. Между тем возник и новый элемент в двусторонних отношениях. Им стало резко изменившееся (не в пользу Польши) геостратегическое и военно-экономическое положение обоих государств, а тем самым и соотношение сил и возможностей между Варшавой и Берлином на международной арене.

* * *

К началу 1938 г. никогда не отличавшиеся теплотой отношения СССР и Польши несли на себе отпечаток явных «заморожек». На протяжении последних двух лет не прекращалась резкая полемика в печати, порой выходившая за рамки всякого приличия. Особым нападкам со стороны центральных органов советской печати подверглось польское министерство иностранных дел, характеризовавшееся как «варшавский филиал г-на Геббельса»⁵³, его глава полковник Бек в качестве «коммивояжера фирмы «Гитлер и К^о»⁵⁴ и даже как «гитлеровский шпион»⁵⁵. Важным показателем неблагополучия в советско-польских отношениях являлось и длительное отсутствие в Варшаве полпреда СССР (с ноября 1937 г. по июнь 1939 г.), что, конечно, понижало возможности советской дипломатии в польской столице. Среди причин, объясняющих подобную позицию Советского Союза, можно выделить, на мой взгляд, две основные: 1) глубоко укоренившуюся неприязнь Сталина к Польше еще со времени поражения в польско-советской войне 1920 г. и 2) прогерманский крен во внешней политике Бека. Последнее, естественно, не могло не сказаться и на оценках, поступавших по дипломатическим каналам. В Наркоминдел шла информация, представлявшая Польшу страной, где «возможная тотализация и без того уже фашистского режима несомненно будет толкать пилсудчиков еще больше, чем раньше, в

⁵³ Правда, 1936, 31.VIII.

⁵⁴ Известия, 1937, 24.IV.

⁵⁵ Коммунистический Интернационал, 1938. № 3. С. 102.

объятия Гитлера»⁵⁶, а отношения с ним представлялись важной частью «польских планов в сколачивании антисоветского блока и борьбы с Советским Союзом»⁵⁷. Конечно, наметившийся вскоре после прихода Гитлера к власти явный крен во внешней политике Польши к сближению с «третьим рейхом» (по инициативе Берлина) не только нарушал так называемый принцип «равноудаленности» от Германии и СССР, сформулированный во второй половине 20-х годов Ю. Пилсудским, но и наносил серьезный удар по всей системе международных отношений в Европе, в значительной степени нейтрализуя одно из центральных звеньев французской системы безопасности на континенте⁵⁸. И тем не менее, эта тенденция в польской внешней политике имела вполне определенные границы, которые нельзя было не заметить⁵⁹. Разумеется, Польша сама по себе не могла представлять угрозы для СССР, даже создавать серьезную напряженность на его западных границах. И это прекрасно понимали в советском руководстве, но доминировавшее во внешней политике СССР влияние субъективного фактора наряду с усилением прогерманских тенденций во внешней политике Варшавы и одновременно наличие в ней антисоветского комплекса сформировали у Сталина и, соответственно, Наркоминдела устойчивый антипольский синдром, стержнем которого являлась лишь внешне слегка прикрытая враждебность по отношению к государству, стабильное существование которого объективно отвечало насущным геостратегическим интересам Советского Союза. Однако для Сталина не существовало понятия «сбалансированного компромисса интересов». Для него значимыми величинами во внешней политике были прежде всего «сила» и «страх», что в полной мере проявилось в отношении Польши в 1938–1939 гг.

В этой связи весьма симптоматична позиция советского руководства в уже упоминавшемся польско-литовском конфликте

⁵⁶ ДВП. Т. XX. М., 1976. Док. 407. С. 604.

⁵⁷ Там же. Т. XX. Док. 124. С. 194.

⁵⁸ См. подробно: Случ С. З. Гермапо-польский пакт о ненападении 1934 г. — дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе // Ежегодник германской истории, 1983. М., 1984. С. 84–104.

⁵⁹ Например, в связи с присоединением Италии к Антикоминтерновскому пакту, Бек направил 9 ноября 1937 г. инструкцию всем дипломатическим представительствам, в которой указывалось на отрицательное отношение ко всем спекулятивным предложениям о присоединении Польши к этому альянсу. В качестве аргумента фигурировало «се особое положение, как соседа СССР, и в принципе негативная позиция по отношению к любым блоковым структурам». — Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 159. S. 233.

в марте 1938 г. На протяжении многих десятилетий советские историки, манипулируя фактами и документами, пытались создать впечатление, что исключительно «вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы Польшей и Германией»⁶⁰. В действительности, влияние СССР на исход этого конфликта было крайне незначительным, и если оно вообще как-нибудь сказалось на развитии событий, то лишь оказав воздействие на позицию Литвы, но уже никак не Польши.

«Вмешательство» советской дипломатии в конфликт между Варшавой и Каунасом было неспешным. Только поздно вечером 16 марта, т. е. на 5-й день после того как польская сторона стала нагнетать напряженность в отношениях с Литвой, Литвинов пригласил к себе польского посла в Москве В. Гжибовского⁶¹. Последний охарактеризовал состоявшуюся беседу в отчете министерству иностранных дел, как проходившую в спокойной обстановке. Причем, выраженная наркомом «в дружеской форме» заинтересованность в разрешении «польско-литовского спора» (выделено мной. — *Авт.*) «исключительно мирным путем», по оценке посла, носила форму «слабого демарша»⁶². Поскольку до сего времени не удалось обнаружить советскую запись этой беседы, воспользуемся косвенной информацией о ней, содержащейся в телеграмме Литвинова главам ряда дипломатических представительств СССР. Ключевая фраза этого лаконичного документа по существу повторяет оценку Гжибовского, хотя и содержит весьма характерные отличия в тональности: «Я вызывал 16 марта польского посла и заявил ему, что, не входя в оценку польско-литовского спора (выделено мной. — *Авт.*), мы заинтересованы в разрешении его исключительно мирным путем и что насильственные действия могут создать опасность на всем востоке Европы»⁶³. Однако в какой бы тональности ни проходила эта беседа, она никоим образом не могла повлиять на решения, принятые в Варша-

⁶⁰ См., например: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936–1939. С. 142; *Он же.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 168.

⁶¹ Литвинов пригласил к себе польского посла поздно вечером 16 марта, после того как вернулся из Кремля, где почти в течение часа (с 20 час. 50 мин. до 21 час. 45 мин.) у Сталина обсуждалась международная обстановка с участием В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и Н. И. Ежова. — См.: *Посетители Кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив, 1995. № 5–6. С. 10–11 (запись в журнале посетителей Сталина от 16.03.1938).*

⁶² Цит. по: *Pagel J.* Op. cit. S. 59.

⁶³ ДВП. М., 1977. Т. XXI. Док. 83. С. 129.

ве; состоявшийся поздним вечером 16 марта, она совпала по времени с заседанием высшего польского руководства по выработке условий ультиматума Литве⁶⁴.

В то же время в ходе беседы 18 марта с литовским посланником в Москве Ю. Бальтрушайтисом, Литвинов, по существу, порекомендовал ему (оговорившись, что высказывает «собственное мнение») «уступить насилию», т. е. принять ультиматум и установить дипломатические отношения с Польшей. В противном случае, подчеркнул нарком, «международная общественность не поймет литовского отказа»⁶⁵.

Имевшие место 16, 18 и 20 марта встречи Литвинова с польским послом в связи с развитием польско-литовского конфликта, даже на основании только советских записей⁶⁶, свидетельствуют как о несомненной заинтересованности Кремля в мирном разрешении возникших осложнений в отношениях между соседями СССР, так и о его очевидном нежелании в той или иной форме вмешиваться в этот конфликт. Изложенная же спустя неделю после принятия Литвой польского ультиматума и тем самым фактической ликвидации конфликта точка зрения на эти события заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина отражала явное стремление советской стороны *post factum* «подправить» еще свежую историю. Беседа Литвинова с Гжибовским в интерпретации Потемкина выглядит как «довольно серьезное» предупреждение польскому правительству о том, что «Советский Союз... не смог бы оставаться безучастным к событиям на польско-литовской границе, если независимость Литвы будет поставлена под угрозу»⁶⁷. «Историческая» значимость этих слов еще более возрастает, когда Потемкин, формально не греша против истины, фактически искажает картину событий, констатируя, что «16 марта, накануне (выделено мной. — Авт.) вручения Литве польского ультиматума, т. Литвинов сделал серьезное представление польскому послу в Москве»⁶⁸. На основании подобного рода архивных документов историкам было весьма удобно создавать очередной миф о внешней политике СССР, представляя дело та-

⁶⁴ Телеграмма Гжибовского о беседе с Литвиновым поступила в Варшаву в 6 час. утра 17 марта, а текст польского ультиматума для вручения литовскому правительству был отправлен в 5 час. 40 мин. того же дня. См.: *Pagel J.* Op. cit. S. 59.

⁶⁵ Цит. по: *Pagel J.* Op. cit. S. 68, 69.

⁶⁶ ДМИСПО. Т. VI. Док. 242. С. 343-344; Док. 243. С. 344-345.

⁶⁷ ДВП. Т. XXI. Док. 104. С. 154.

⁶⁸ Там же.

ким образом, будто «от порабощения иностранными захватчиками литовский народ спасла только поддержка Советского Союза»⁶⁹.

В действительности никакой поддержки Литва в тот момент не получила. Но, может быть, избранная тактика — общие слова и декларации о заинтересованности в разрешении польско-литовского конфликта «исключительно мирным путем», о «сохранении полной независимости за литовским государством»⁷⁰ и т. п., в изобилии произносимые руководством Наркоминдела под аккомпанемент игры в дипломатическую активность, была вполне оправдана и ничего, кроме дивидендов, особенно в исторической перспективе, принести не могла? Напротив. Видимость участия, продемонстрированная советской дипломатией в польско-литовском конфликте, не только не оказала никакого влияния на его исход, но заметно повлияла на оценку возможностей СССР (весьма ограниченных) как в Варшаве⁷¹, так и в Берлине⁷², что имело серьезные последствия в преддверии чехословацкого кризиса.

Отношения СССР с Польшей в ходе развивавшегося кризиса вокруг Чехословакии по существу не претерпели серьезных изменений. В решающей мере это объяснялось общей пассивностью советской внешней политики (не дипломатии!) в вопросе о Чехословакии, которая фактически была Сталиным «списана в убыток» еще в конце марта 1938 г.⁷³

Проблема, которая могла немало осложнить советско-польские отношения на протяжении мая — сентября 1938 г., была связана с возможностью прохода Красной Армии в случае необходимости на помощь Чехословакии через территорию Польши. Однако этого не произошло. Вскоре после заключения советско-чехословацкого договора о взаимопомощи советские официальные лица заве-

⁶⁹ Сиполс В. Я. СССР и проблема мира и безопасности в Восточной Европе (1933–1938 гг.) // СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945 / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1976. С. 57.

⁷⁰ См.: ДВП. Т. XXI. Док. 83, 87.

⁷¹ См.: *Szembek J. Diariusz i teki Jana Szembeka*. Т. IV. London, 1972. S. 134–135 (запись от 21.04.1938).

⁷² ADAP, D. Bd. II. Dok. 92. S. 141; Dok. 96. S. 144–145.

⁷³ См. письмо Литвинова полпреду в Чехословакии Александровскому от 26 марта 1938 г. (Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). ф. 0138. Оп. 19. П. 128. Д. 1. Л. 19), написанное в тот же день, когда он в течение двух часов у Сталина принимал участие в обсуждении международных проблем вместе с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Ежовым, Ждаповым (Исторический архив, 1995. № 5–6. С. 11. Запись в журнале посетителей Сталина от 26.03.1938).

ряли Э. Бенеша (в то время министра иностранных дел), что СССР окажет Чехословакии помощь вне зависимости от того, есть у него соглашение с сопредельными странами на этот счет или нет⁷⁴. К весне 1938 г., когда угроза независимости и целостности Чехословакии стала реальной, эта позиция кардинально изменилась. Теперь уже признавалось наличие «неизбежно ограниченных» возможностей для оказания советской помощи в случае отказа Польши и Румынии предоставить право прохода войск через их территорию. О несанкционированном проходе советских войск через территорию вышеупомянутых государств не могло быть, разумеется, и речи, т. к. в подобном случае СССР мог быть признан агрессором⁷⁵. Однозначно жестко-негативная позиция польского правительства в вопросе о проходе советских войск была хорошо известна в Москве по самым различным каналам. Тем не менее она ни разу не стала предметом обсуждения между советскими и польскими дипломатами. И в этом не было ничего удивительного.

В военном руководстве СССР, насколько можно судить по ставшим недавно известными документам, вообще не рассматривали подобной возможности. В памятной записке наркому обороны К. Е. Ворошилову от 24 марта 1938 г. начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников при оценке международной обстановки исходил из того, что у Советского Союза «наиболее вероятные противники на Западе — Германия и Польша». Из документа явствует, что советский генштаб не располагал ни конкретной информацией об оперативных планах своих противников, ни данными о стратегическом развертывании их сил, но вместе с тем исходил из некоей приблизительной картины развертывания «главных сил германо-польских армий» против СССР.⁷⁶ При этом нападение этих же сил на Чехословакию упоминалось как бы между прочим, и не более. Разумеется, на основании одного, даже столь важного документа, трудно в полной мере судить о степени разработанности и подготовки тех или иных вопросов в главном военно-планирующем органе страны, и тем не менее очевидно следующее: в генштабе неверно оценивали характер польско-германских отношений, не располагали необходимой информацией оперативно-стратегического характера о намерениях, планах и возможном развертывании сил потенциальных противников СССР и, наконец, не рассматривали вариант действий советских войск в ходе эвентуального развития событий вокруг Чехословакии. Послед-

⁷⁴ См.: *Hochman J. The Soviet Union and the Failure of Collective Security. 1934–1938.* Ithaca; London, 1984. P. 57.

⁷⁵ ДМИСЧО. Т. 3. М., 1978. Док. 346. С. 508–509.

⁷⁶ 1941 год. Кн. 2. Приложение. Док. № 11. С. 557–560.

нее, как и оценка состояния польско-германских отношений, вне сомнения отражали мнение Сталина на этот счет, что нашло свое подтверждение в последующие месяцы. Во всяком случае, вопрос о пропуске Красной Армии через территорию сопредельных государств явно не относился к числу актуальных оперативных проблем в советском генштабе, давно перекочевав в арсенал исключительно дипломатических средств, способных, с одной стороны, безотказно затруднить или торпедировать достижение соглашения по любому вопросу, а с другой — постоянно оправдывать свою фактическую пассивность и желание остаться вне международных конфликтов, пока участие в них с опорой на одну из сторон не должно было принести, с точки зрения Сталина, ощутимые, прежде всего территориальные выгоды.

Позиция СССР в ходе «майского кризиса» вокруг Чехословакии⁷⁷ в основных чертах повторяла ситуацию мартовского польско-литовского конфликта. Правда, в отличие от последнего Наркоминдел занимал совершенно пассивную позицию⁷⁸. Несмотря на то, что Польша уже во всю ассистировала «третьему рейху» в процессе дезинтеграции Чехословакии, выдвигая требования о расширении прав польского меньшинства, в ходе «майского кризиса» Гжибовский даже не был приглашен в НКВД, хотя бы для «профилактической» беседы. Более того, он сам попросил встречи с Потемкиным⁷⁹, чтобы прояснить советскую позицию в связи с кризисом вокруг Чехословакии. Однако во время беседы, как сообщал Гжибовский в Варшаву, Потемкин не затрагивал ни эту проблему, ни вопроса о позиции Польши⁸⁰.

Конечно, это совсем не означало, что советская дипломатия не интересовалась ролью Польши в разворачивавшемся чехословацком кризисе и, особенно, польско-германским сотрудничеством в

⁷⁷ См. подробно: *Haslam J. The Soviet Union and the Czechoslovakian Crisis of 1938 // Journal of Contemporary History*, 1979. Vol. 14. N 4. P. 441–461; *Lukes I. Did Stalin Desire War in 1938? A New Look at Soviet Behaviour during the May and September Crisis // Diplomacy and Statecraft*, 1991. Vol. 2. P. 3–53; *Pfaff I. Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938: Versuch der Revision einer Legende. Köln; Wien, 1996. S. 281–301.*

⁷⁸ Во всяком случае, Литвинов принял послапника Чехословакии в СССР З. Фирлишгера только 25 мая, когда «майский кризис» был уже преодолен. См.: Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. Док. 14. С. 41.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 25–26 (дневник Потемкина, запись от 26.05. 1938).

⁸⁰ Телеграмма Гжибовского в Варшаву с отчетом об этой встрече датирована 28 мая 1938 г. См.: *Pagel J. Op. cit. S. 129.* Задержка в два дня маловероятна, что дает основание предположить, что в один из документов вкралась опечатка.

нем. Напротив. Однако при этом Москва предпочитала действовать за кулисами. К примеру, еще в начале апреля тот же Потемкин направил следующие инструкции полпреду СССР во Франции Я. З. Сурицу: «пользуясь нашими дружественными связями с такими журналистами, как Пертинакс, Бюрэ, Табуи и др.», организовать «антипольскую кампанию во французской прессе, разъясняя изменническую роль Бека и судьбу, ожидающую Польшу, если она и дальше пойдет по пути, наметенному Гитлером»⁸¹.

Как же представлял себе путь, намеченный Гитлером для Польши, один из руководителей Наркоминдела, весьма доверенное в то время Сталину лицо? В том же письме Сурицу Потемкин уверенной рукой (без заметных оговорок) рисует картину будущего развития событий в треугольнике Берлин — Варшава — Москва: «Германия рассчитывает на Данциг и Мемель, Польша — на Литву, Латгалию и даже Либаву. Вполне правдоподобно, что Гитлер разжигает эти аппетиты Польши. Расчет его достаточно ясен. О нем говорил в свое время тов. Сталин Лавалю, в бытность последнего в Москве»⁸². Гитлер, — продолжал Потемкин, — учитывает неизбежность разгрома Польши нашими войсками. *Когда мы займем некоторые области Польши* (выделено мной. — Авт.), Германия сделает то же самое со своей стороны. Фактически, выполняя план Германии, Польша готовит себе четвертый раздел и утрату национальной независимости»⁸³.

Это сугубо «доверительное» письмо заместителя наркома иностранных дел позволяет несколько расширить наши представления о планах высшего советского руководства, как в отношении Польши, так и Германии. Из письма следует, что Сталин уже весной 1938 г. считал весьма вероятными советско-польскую войну и раздел Польши совместно с Германией. Содержавшиеся в письме Потемкина инструкции по организации антипольской кампании во французской печати наводят на мысль, что рассуждения о будущей судьбе Польши предназначались в известной мере не только для сведения полпреда. После соответствующей обработки и «упаковки» эта информация должна была так или иначе достичь

⁸¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 30.

⁸² Премьер-министр и министр иностранных дел Франции П. Лаваль посетил СССР 13–15 мая 1935 г. вскоре после заключения франко-советского договора о взаимопомощи. В Москве он имел беседы со Сталиным, Молотовым и Литвиновым. Записи его бесед с указанными лицами в СССР не публиковались, за исключением самой общей информации в виде «Сообщения ТАСС». См.: Известия, 1935, 16.05. До сего времени не подтверждено наличие этих записей и в АВП РФ.

⁸³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 30.

и Варшавы, и Берлина. Данное предположение подтверждается фактом публикации во второй половине апреля 1938 г. статьи В. Гальянова (псевдоним Потемкина)⁸⁴ «Куда идет Польша», в которой почти дословно, а в чем-то даже более обнаженно, чем в письме Сурицу, высказывались прогнозы относительно будущего развития событий на границах СССР. Их квинтэссенцией стал, несомненно, следующий пассаж: «Гитлер хочет спустить Польшу против Советского Союза... чтобы двинуть *и свои полки* (выделено мной. — *Авт.*) на польскую территорию. Гитлеру нужно, чтобы Польша была стерта в прах между двумя жерновами. ...Гитлер готовит Польше четвертый раздел»⁸⁵.

В указанной статье читатель тщетно будет искать хотя бы намек на решимость советского руководства со своей стороны сделать все возможное, чтобы не допустить подобного развития событий, не стать одним из жерновов, с помощью которого должно быть уничтожено соседнее государство. Зная, как в действительности развивались события спустя полтора года после публикации статьи Потемкина, можно отметить, пожалуй, лишь одно «отклонение» от предложенного весьма квалифицированного прогноза — Советский Союз довольствовался ролью наковальни. Из чего можно заключить, что польское руководство не пошло «по пути, намеченному Гитлером»⁸⁶, чего нельзя сказать о Сталине.

Летом 1938 г. советское руководство вело весьма сложную игру как в Европе, так и на Дальнем Востоке, стратегической целью которой в общих чертах было убедить мир, с одной стороны, в готовности СССР прийти на помощь Чехословакии, а с другой, в невозможности осуществить эту помощь в силу различных, преимущественно якобы не зависящих от Советского Союза причин. Решая столь непростые задачи, советская дипломатия стремилась избегать, по возможности, осложнений в отношениях с Польшей, хотя последняя все активнее втягивалась в античехословацкую кампанию.

Бек и его окружение рассчитывали на то, что, по мере обострения чехословацкого кризиса и затягивания дипломатической борьбы вокруг него, роль Польши будет неизбежно возрастать. Однако события приняли иной оборот. Политика «умиротворения» близилась к своей кульминации и дело дошло до прямых контактов между Н. Чемберленом и Гитлером. В Варшаве стали не без оснований полагать, что Польша может оказаться «вне игры», когда дело дойдет до дележа «добычи». В подобной обстановке польское

⁸⁴ См.: Жуковский Н. На дипломатическом посту. М., 1973. С. 308.

⁸⁵ Гальянов В. Куда идет Польша. // Большевик, 1938. № 8. С. 68.

⁸⁶ АВП РФ. ф. 05. Оп. 18. П. 148. Д. 158. Л. 30.

руководство решило провести внушительную демонстрацию силы, призванную произвести впечатление сразу в трех столицах — Праге, Берлине и Москве. С этой целью в южной части Силезии была произведена значительная концентрация войск, адресованная прежде всего Праге на случай ее сопротивления польским требованиям⁸⁷. Одновременно в середине сентября на Вольни, пограничном с СССР воеводстве, прошли крупные маневры Войска Польского, в которых приняли участие генеральный инспектор вооруженных сил маршал Э. Рыдз-Смиглы и министр обороны генерал Т. Каспшицкий. По их завершении 19 сентября в Луцке состоялся, как отмечала польская пресса, «крупнейший военный парад в истории независимой Польши» с участием всех родов войск, продолжавшийся 7 часов⁸⁸. Очевидно, что в этом случае адресатом была Москва, в связи с чем германская пресса не без удовольствия констатировала: «эти демонстративные маневры должны служить доказательством того, что Польша в состоянии остановить проход советской армии в направлении Чехословакии»⁸⁹. Последнее обстоятельство должно было, как полагали в Варшаве, повысить акции Польши в глазах нацистского руководства.

Пока не удалось обнаружить никакой информации о том, как реагировала Москва на это «поигрывание мускулами» в период до 21 сентября 1938 г. Но в этот день нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов направил директиву военному совету Киевского особого военного округа о проведении крупных учений войск округа в непосредственной близости от советско-польской границы (Волочиск, Проскуров, Каменец-Подольск, гос. граница)⁹⁰. Симптоматично, что директива была отдана тогда, когда маневры польской армии уже завершились, хотя одновременное или почти одновременное проведение крупных войсковых учений по обе стороны границы могло иметь большой политический эффект, однако было чревато инцидентами, особенно в воздушном пространстве. Проведение советской стороной маневров в более поздние сроки — лишнее свидетельство нежелания Кремля подвергать себя риску втягивания в конфликт, тем более «по недоразумению».

22 сентября полпред С. С. Александровский после беседы с министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой направляет в НКВД срочную телеграмму, содержащую просьбу чехословацко-

⁸⁷ Берлин был официально поставлен в известность, что эти действия не направлены против него. См.: ADAP, D. Bd. II, Dok. 642. S. 779–780.

⁸⁸ Pagel J. Op. cit. S., 144.

⁸⁹ Цит. по: Monachium 1938. Polskie dokumenty dyplomatyczne. Warszawa, 1985. Dok. 188. S. 292.

⁹⁰ ДМИСЧО. Т. 3. Док. 352. С. 515–517.

го правительства обратить «внимание Варшавы на то, что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию». Обращение Крэфты было мотивировано тем, что «Польша сосредоточивает на всем протяжении границы с Чехословакией войска в походном состоянии»⁹¹. Трудно себе представить, что до получения этой телеграммы в Наркоминделе и других ведомствах не знали о демонстрации силы поляками на чехословацкой границе. Причем именно о демонстрации силы, т. к. создание военной группировки, предназначенной для оккупации Тешинской области, началось только 23 сентября⁹². Разумеется, в Москве об этом знали, но никак не реагировали. Тут же реакция последовала буквально молниеносная и на первый взгляд внушительная. Телеграмма Александровского была получена вскоре после 21 час., Потемкин вызвал временного поверенного в делах Польши Т. Янковского в Наркоминдел уже около 4 часов утра 23 сентября и зачитал ему заявление правительства СССР польскому правительству⁹³, в котором последнее ставилось в известность, что при определенных обстоятельствах, связанных с эвентуальными действиями польских вооруженных сил в отношении Чехословакии, правительство СССР «вынуждено было бы без предупреждения денонсировать» советско-польский договор о ненападении 1932 г.⁹⁴ Польскому дипломату было предложено незамедлительно поставить в известность свое правительство об этом заявлении.

Содержание этого советского демарша и вся обстановка, связанная с его вручением, были прежде всего рассчитаны на внешний эффект. Оставляя за скобками целый ряд совершенно очевидных, в том числе юридических нелепостей, содержащихся в заявлении советского правительства, оно никак не увязывалось (даже косвенно) с начинавшимися военными маневрами Киевского военного округа в непосредственной близости от советско-польской границы; в нем не было и намека на то, что эвентуальные действия Польши направлены против территориальной целостности государства, связанного с СССР договором о взаимной помощи; наконец, в заявлении отсутствовали какие-либо требования к польскому правительству, за исключением выступления с опровержением факта концентрации войск на польско-чехословацкой

⁹¹ ДВП. Т. XXI. Док. 365. С. 515–516.

⁹² См.: *Wojtak R. A. Polish military Intervention into Czechoslovakian Teschen and Western Slovakia in September — November 1938 // East European Quarterly, 1972. Vol. VI. N 3. P. 379.*

⁹³ ДВП. Т. XXI. Док. 367. С. 516–517.

⁹⁴ Там же. Док. 366. С. 516.

границе. Таким образом, несмотря на обстановку некоей театрализованной экстраординарности, сопровождавшей вручение заявления советского правительства польскому поверенному в делах, за ним стояла отнюдь не активная поддержка Чехословакии, а лишь ее видимость, не уверенность в своей мощи, а только камуфляж слабости и беспомощности. Как очень точно охарактеризовал эту внешнеполитическую акцию спустя некоторое время Литвинов, заметив, что она носила лишь «условный характер»⁹⁵.

И в Варшаве это поняли очень быстро. Ответ польского правительства был вручен Потемкину уже вечером 23 сентября. Он был предельно лаконичен и по резкости находился на грани допустимого в дипломатическом обиходе: в весьма недвусмысленной форме советскому руководству давали понять, чтобы оно не вмешивалось не в свои дела⁹⁶. Несомненно, это была самая откровенная дипломатическая пощечина, которая стала возможна только в отношении государства, чьи позиции на международной арене в тот момент котировались крайне низко.

Симптоматична и официальная реакция Москвы на этот дипломатический реприманд Польши. Она последовала лишь спустя 3 дня, что, возможно, объясняется тем, что Потемкин смог попасть на прием к Сталину только 25 сентября вечером⁹⁷. На следующий день под неброским заголовком «В Наркоминделе» были опубликованы заявление правительства СССР и польский ответ на него, сопровождаемый небольшим комментарием. В нем, в частности, говорилось: «В своем ответе польское правительство спешит заявить, что меры, вызвавшие предупреждение Советского правительства, предпринимаются лишь для обороны Польской Республики. Такое заявление было бы, пожалуй, утешительно, если бы в понятие обороны польское правительство вкладывало смысл, общепринятый в человеческом обиходе. ... Дальнейшие события, — резюмировалось в комментарии, — покажут, предпочитает ли Польша общечеловеческое или же специфически японское толкование обороны»⁹⁸. И все. Подобного рода формулировки весьма типичны для ситуации, в которой не только не предусматриваются активные действия, но и сама проблема вряд ли впредь будет приковывать внимание. Так оно и произошло. Большая советская пресса не возвращалась к проблеме советско-поль-

⁹⁵ АВП Рф. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 68 (запись в служебном дневнике Литвинова от 31.10.1938).

⁹⁶ ДВП. Т. XXI. Док. 372. С. 523.

⁹⁷ См.: Исторический архив, 1995. № 5–6. С. 19 (запись в журнале посетителей Сталина от 25.09.1938).

⁹⁸ Известия, 1938, 26. IX.

ских отношений в связи с явно не оборонительными действиями Варшавы в ходе заключительной стадии развития чехословацкого кризиса. А вскоре и сама тема как бы перестала существовать, поскольку Польша, предъявив Праге ультиматум, оккупировала Тешинскую область в рамках так называемого «урегулирования» проблемы «национальных меньшинств» в Чехословакии, инициированной руководством «третьего рейха» и активно поддержанной польским правительством.

Суммируя позицию СССР в отношении Польши на протяжении развития чехословацкого кризиса, представляется возможным, на основании доступных документов, придти к следующим выводам. В силу целого комплекса причин советское руководство стремилось весной — осенью 1938 г. остаться вне тех осложнений международной обстановки, которые были вызваны прежде всего динамизмом экспансионистской политики нацистской Германии. Этим стремлением в решающей степени определялось и в основном нейтральное отношение к действиям Польши в тот период, при всем отчетливом понимании в Москве, что «в германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль», что она «все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров» и «открыто провоцирует обострение Тешинского вопроса»⁹⁹.

Действия советского руководства в 1938 г. дают весьма серьезные основания для вывода о нежелании изначально выводить поддержку Чехословакии за рамки публичных деклараций и тайной дипломатии. Все ссылки на мобилизационные мероприятия, проведенные в ряде военных округов СССР в 20-х числах сентября, и на маневры вблизи границы с Польшей, как якобы решающее свидетельство желания Кремля оказать помощь Чехословакии, даже выходящую за пределы договорных обязательств¹⁰⁰, не могут служить доказательством (тем более единственным!) наличия соответствующей политической воли и необходимых для ее реализации решений¹⁰¹. Что же касается осуществления ряда мобилизационных мер и даже маневров, то без предварительного решения целого комплекса кардинальных вопросов, связанных с проходом войск через территорию сопредельных государств

⁹⁹ ДВП. Т. XXI. Док. 135. С. 202.

¹⁰⁰ См.: *Грылев А. Н.* Накануне и в дни Мюнхена // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами (1918–1939) / Под ред. С. И. Прасолова и П. И. Резцова. М., 1968. С. 220–225; *История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2.* С. 104–108; *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. С. 202–204 и др.

¹⁰¹ См. подробно: *Pfaff I.* Op. cit. S. 339–482.

(Польша и Румыния), или, как минимум, разрешения на использование их воздушного пространства для осуществления авиационной поддержки Чехословакии, без координации действий генеральных штабов и т. д., эти шаги советского руководства оставались всего лишь демонстрационными акциями, имевшими чисто политическую окраску, к тому же с весьма ограниченным эффектом. В Наркоминделе, по-видимому, это уже давно осознавали¹⁰², да и в Варшаве тоже. Так, информируя польского посла в Берлине о советских маневрах, Бек писал: «Характер демонстраций был отчетливо политический, а формы порой прямо-таки юмористические. С военной точки зрения, это до сих пор не имеет большого значения. Вместе с тем очевидно желание обратить наше внимание на демонстрации, которые мы оставляем незамеченными»¹⁰³.

В Варшаве испытали немалое разочарование после того, как Польша не была приглашена ни в каком качестве на Мюнхенскую конференцию; явно не устроили ее и принятые там решения, отводившие трехмесячный срок на урегулирование проблем польского и венгерского национальных меньшинств «путем соглашения... между заинтересованными правительствами»¹⁰⁴. Поэтому польское руководство решило действовать незамедлительно и предъявило Праге на исходе дня 30 сентября жесткий ультиматум с требованием о передаче Тешинской области в состав Польши. Срок ультиматума истекал в полдень 1 октября, в случае отказа Польша была готова предпринять «военные меры»¹⁰⁵.

Однако, несмотря на весь внешний гонор, нервы у Бека все-таки не выдержали, и он, пригласив к себе германского посла фон Мольтке, поставил перед ним вопрос: что предпримет Германия в случае польско-советского конфликта. В распоряжении исследователей находятся несколько версий ответа рейхсминистра на этот вопрос в ходе беседы с польским послом 1 октября. Приведу две официальные, т. е. нашедшие отражение в отредактированной письменной форме. В донесении Липского Беку констатировалось: Риббентроп «дал отчетливо понять,

¹⁰² По мнению Литвинова, высказанному еще в ходе «майского кризиса», «привести мобилизацию это ...легко сделать, но а что дальше?» (ДМИСЧО. Т. 3. Док. 295. С. 433).

¹⁰³ Monachium 1938. Dok. 402. S. 462.

¹⁰⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979. Док. 216. С. 331.

¹⁰⁵ Monachium 1938. Dok. 459. S. 509–510; Szembek J. Op. cit. T. IV. S. 284 (запись от 30.09.1938).

что германское правительство оказало бы помощь»¹⁰⁶. В то же время окончательный вариант немецкой записи (после редакции Риббентропа) оставлял несколько иное впечатление об этой беседе. Согласно ему рейхсминистр заявил: «Если Советский Союз предпримет военное наступление против Польши, что я, однако, считаю исключено, то тогда для Германии в чехословацком вопросе возникла бы совершенно новая ситуация»¹⁰⁷. Таким образом, поддержка Берлином польского экспансионизма, могущего повлечь за собой резкое обострение международной обстановки, связанной с незапланированной волеунаправленностью в конфликт с СССР, вовсе не выглядела столь безусловной, как на то рассчитывали в Варшаве.

Но Бек зря волновался. В Кремле и не думали ничего серьезного предпринимать в связи с действиями Польши. Посетивший утром 1 октября Наркоминдел чехословацкий посланник Фирлингер, на вопрос о намерениях СССР в связи с польским ультиматумом Праге, получил весьма уклончивый ответ Потемкина о необходимости выждать, что предпримут державы, подписавшие Мюнхенское соглашение¹⁰⁸. При этом было полностью предано забвению «строгое предупреждение», сделанное советским правительством Польше всего 8 дней назад. На этот раз Сталин решил не прибегать к аффектации, даже ради соблюдения остатков престижа на международной арене, и ничем не отягощать и без того создавшееся напряжение в советско-польских отношениях.

Спустя непродолжительное время Литвинов попытался задним числом оправдать это полностью безучастное поведение СССР в отношении польского экспансионизма (Наркоминдел даже не направил ноты протеста), переложив всю ответственность за пассивность Москвы на... Чехословакию. Развивая свою аргументацию, нарком иностранных дел раскрыл в служебном письме Александровскому истинные масштабы советских действий, если бы дело дошло до польско-чехословацкого вооруженного конфликта: «Неясным представляется также поведение Чехословакии в отношении Польши и Венгрии, — писал нарком. Если пришлось капитулировать перед Гитлером, то чехословацкая армия, казалось, была достаточно сильна, чтобы оказать сопротивление Польше. Если бы мы даже и не считали нужным выступать против Польши, то после нашего предупреждения ей все же приходилось бы оглядываться на Восток и оставить значительные силы на советско-польской границе. Не исключено, — подытоживал Литви-

¹⁰⁶ Lipski J. Op. cit. Doc. 115. P. 437.

¹⁰⁷ ADAP, D. Bd. V. Dok. 55. S. 68.

¹⁰⁸ См.: Pagel J. Op. cit. S. 161.

нов, — что мы с этой целью *произвели бы некоторую перегруппировку сил на границе*»¹⁰⁹ (выделено мной. — Авт.).

Таким образом, развитие чехословацкого кризиса и его кульминация в Мюнхене, откровенно экспансионистская политика Польши, ставшей по образному выражению одного немецкого дипломата, «гиеной поля боя»¹¹⁰, хотя и обострили советско-польские отношения, но не привели к резкому ухудшению последних, если учесть их привычно невысокий фон. Прошло несколько недель после Мюнхена, и сначала Варшава, а затем и Москва начали предпринимать шаги по дипломатическим каналам, чтобы продемонстрировать стремление к улучшению двусторонних отношений. Правда, это произошло лишь тогда, когда как польское, так и советское руководство обнаружили в некоторой стабилизации между двумя странами, или даже только ее видимости, дополнительные возможности для себя в сложной игре с нацистской Германией.

* * *

Вопрос, чем было Мюнхенское соглашение для «третьего рейха»? — распадается как минимум на два подвопроса: 1) что оно дало Германии в геостратегическом и военно-экономическом плане? и 2) как оно было воспринято Гитлером и какое имело влияние на его внешнеполитический курс? Ответ на первый из них очевиден — произошло существенное увеличение военно-экономического потенциала Германии, усилились международные и особенно военно-стратегические позиции Берлина, была создана исходная база для политической и экономической экспансии на Юго-Востоке Европы. Все перечисленные плюсы позволяли, казалось бы, дать однозначную характеристику происшедшему и с точки зрения интересов и намерений нацистского руководства. Но при этом решающее значение для определения дальнейшей политики имела реакция только фюрера. «Однако, — пишет один из наиболее известных биографов Гитлера И. Фест, — ему казалось, что все эти триумфы приобретены слишком дорогой ценой»¹¹¹, под которой подразумевалось ограничение свободы действий на международной арене. Фюрер считал, что в Мюнхене его просто лишили возможности продемонстрировать мощь вермахта в войне с Чехословакией. «Этот тип, Чемберлен, сорвал мне вступление в

¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 122. Д. 1. Л. 85.

¹¹⁰ Kordt E. Nicht aus den Akten... Die Wilhelmstraße in Frieden und Krieg; Erlebnisse, Begegnungen und Eindrücke 1928–1945. Stuttgart, 1950. S. 286.

¹¹¹ Фест И. Гитлер. Биография. Т. 3. Пер. с нем. Пермь, 1993. С. 125.

Прагу»¹¹², — жаловался он. При этом Гитлер отказывался принимать какие-либо поздравления в связи с результатами Мюнхенской конференции¹¹³, заявив в узком кругу доверенных лиц, что это была первая и последняя международная конференция, на которой он присутствовал¹¹⁴.

Гитлер связывал с Мюнхенским соглашением известную потерю темпа в процессе перехода от некоторым образом «мотивированной» политики ограниченной территориальной экспансии к ничем не ограниченной поэтапной борьбе за мировое господство. Возникшее при этом раздражение нацистского лидера было обращено против западных держав, прежде всего Великобритании. Уже обстоятельства «майского кризиса» 1938 г. продемонстрировали, по мнению Гитлера, их стремление вмешиваться в события, происходившие в Центральной Европе, и заложили тем самым основы его последующих решений, связанных с борьбой против западных держав¹¹⁵. В глазах фюрера Мюнхен предстал лишь очередным звеном в действиях западных держав, хотя и продолжавших политику «умиротворения», но каждый раз пытавшихся связать Гитлера какими-нибудь обязательствами. И в этой связи Мюнхенское соглашение, при всех его зримых выгодах для «третьего рейха», явно не удовлетворило Гитлера, дав мощный импульс его намерениям при помощи силы уже в обозримом будущем освободиться от ставшей явно обременительной опеки со стороны «умиротворителей».

Весомым свидетельством тому, что речь шла не о сиюминутном настроении фюрера, вызванном раздражением по поводу решений в Мюнхене, а о все усиливающейся долгосрочной тенденции в его политике, ориентированной на ведение войны, прежде всего против западных держав, явилось интенсивное военное планирование во второй половине 1938 г. в генеральных штабах вермахта, особенно в военно-морском и военно-воздушном¹¹⁶. Все

¹¹² IMT. Vol. XII. P. 580.

¹¹³ См.: *Frank H.* Im Angesicht des Galgens. Deutung Hitlers und seiner Zeit auf Grund eigener Erlebnisse und Erkenntnisse. München, 1953. S. 353.

¹¹⁴ *Kirkpatrick I.* The Inner Circle. Memoirs. London, 1959. P. 135.

¹¹⁵ *Müller K.-J.* General Ludwig Beck. Dok. 45. S. 515; См. также: *Henke H.* England in Hitlers politischem Kalkül 1935–1939. Boppard a. Rhein, 1973. S. 150–162.

¹¹⁶ См., например: Оценка положения 5-м отделом генерального штаба люфтваффе от 25.08.1938 // IMT. Doc. 375-PS. Vol. XXV. P. 381–391; Памятная записка вице-адмирала Х. Хейе «Война на море против Англии и возникающие в связи с этим требования к стратегическим целеустановкам и строительству военно-морского флота» // *Salewski M.* Die deutsche Seekriegsleitung 1935–1945. Bd. 3. Frankfurt a. Main, 1973. Dok. 1. S. 27–63.

подготовленные там материалы так или иначе исходили прежде всего из того, что в обозримом будущем предстоит война на Западе. Об этом же шла речь и в директиве Гитлера от 21 октября 1938 г., касавшейся «ликвидации» оставшейся части Чехословакии¹¹⁷. Придавая большое значение участию в войне Италии, ОКВ подготовило и в конце ноября направило Риббентропу соображения в связи с предстоявшими переговорами представителей высших военных штабов Германии и Италии относительно выработки коалиционной стратегии¹¹⁸. В основу этого документа была положена «военно-политическая» концепция борьбы против Англии и Франции, исходившая из необходимости концентрации всех сил вермахта на Западе.

Вопрос о том, когда Гитлер планировал начать войну против западных держав, остается все еще открытым. Очевидно только, что период подготовки к этой кампании должен был занять некоторое время. С учетом того, что Великобритания располагала подавляющим преимуществом на море, Гитлер сообщил в октябре 1938 г. главнокомандующему военно-морским флотом адмиралу Э. Редеру, что «флот должен готовиться к гигантскому строительству»¹¹⁹. Спустя 3 месяца, в конце января 1939 г. Гитлер одобрил план «Z» крупномасштабного строительства надводных и подводных судов различного класса, осуществление которого (не ранее середины 40-х годов) позволило бы бросить вызов Великобритании на море¹²⁰. Это, разумеется, не означало, что до этого времени война с западными державами откладывается, а лишь свидетельствовало о характере решений, принятых в Берлине именно осенью 1938 — зимой 1939 г., и о масштабности планирования борьбы с Великобританией уже в этот период. Тем более, что Гитлер распорядился в январе 1939 г., чтобы программа строительства военно-морского флота имела приоритетное значение перед всеми остальными, «включая вооружение обеих других частей вермахта»¹²¹.

По мере того как антизападная стратегия осенью 1938 г. все больше и больше занимала внимание Гитлера и военно-планирующих инстанций различного уровня, среди внешнеполитиче-

¹¹⁷ IMT. Doc. 136-C. Vol. XXXIV. P. 480-481.

¹¹⁸ ADAP, D. Bd. IV. Dok. 411. Anl. S. 463-465; См. также: *Schreiber G. Revisionismus und Weltmachtstreben. Marineführung und deutsch-italienische Beziehungen 1919 bis 1944.* Stuttgart, 1978. S. 147-148.

¹¹⁹ *Raeder E. Mein Leben.* Bd. II. Tübingen, 1957. S. 154.

¹²⁰ Ibid. S. 159-160; См. также: *Dülffer J. Weimar, Hitler und die Marine. Reichspolitik und Flottenbau 1920-1939.* Düsseldorf, 1973. S. 471-503.

¹²¹ IMT. Doc. 854-D. Vol. XXXV. P. 567.

ских задач на передний план стала выдвигаться «польская проблема», занимавшая ключевое место по обеспечению тыла Германии на востоке в ходе осуществления задуманной западной кампании. Принимая во внимание наличие ряда неразрешенных проблем, своего рода «болевых точек» в двусторонних германо-польских отношениях, Гитлер понимал, что здесь необходимо действовать крайне осторожно и неторопливо.

Уже упоминалось, что раздел Чехословакии и соучастие в нем Польши сказались на ее международном положении как в результате изменения соотношения сил в Центральной Европе, так и вследствие охлаждения отношений Варшавы с западными державами и некоторого усиления напряженности в отношениях с Москвой. Все это, несомненно, учитывалось в Берлине, где после завершения присоединения Судетской области к рейху решено было в полной мере использовать осложнившееся положение Польши. Однако прежде, чем приступить к дипломатическому наступлению на польском направлении, Гитлер сделал ряд жестов в сторону Варшавы, сочетавших политику «кнута и пряника».

Начнем с последнего. Гитлер погасил чуть было не возникший в первой декаде октября конфликт по поводу чешского города Одерберга, который пытались занять германские войска, в то время как на него претендовала Польша¹²². Несмотря на возражения ОКВ и МИД, фюрер принял решение передать его Польше, уведомив Риббентропа, что он не хочет «торговаться с поляками из-за каждого отдельного города»¹²³. Гитлер также осадил некоторых особо ретивых функционеров, дав указание прессе, запрещающее появление недружественных Польше публикаций, в том числе и касающихся положения национальных меньшинств в этой стране¹²⁴. Далее он распорядился, чтобы все инстанции, занимавшиеся проблемами Закарпатской Украины, впредь приглушили проукраинскую пропаганду, т. к. «принимая во внимание германо-польские отношения, при обсуждении украинских дел» необходима «величайшая осторожность»¹²⁵. Даже в особенно «чувствительном» для руководства «третьего рейха» вопросе — расовом, осложнившем в октябре 1938 г. германо-польские отношения, Берлин проявил совершенно несвойственную ему в таких случаях готовность к компромиссу. (Речь шла о депортации из Германии 17 тыс. евреев, имевших польское гражданство, которо-

¹²² ADAP, D. Bd. IV. Dok. 17. S. 21; Bd. V. Dok. 59–63, 65, 66; См. также: *Woicichowski M.* Op. cit. S. 517–522.

¹²³ ADAP, D. Bd. V. Dok. 62. S. 71.

¹²⁴ Ibid. Dok. 70. S. 78.

¹²⁵ Ibid. Dok. 82. Anm. 1. S. 90.

го польское правительство в рамках своей политики государственного антисемитизма решило их лишить, что повлекло в свою очередь ответные законодательно-репрессивные меры со стороны «третьего рейха»¹²⁶. Нельзя не упомянуть также, что, принимая в середине октября бывшего премьер-министра Венгрии К. Дараньи, Гитлер коснулся возможности дальнейшего пересмотра карты оставшейся части Чехословакии в пользу заинтересованных государств, правда, лишь в том случае, если Германия, Венгрия и Польша создадут прочный военно-политический блок¹²⁷.

Однако в эти первые недели октября прослеживалась и другая, жесткая сторона политики Гитлера в отношении Польши, заметно активизировавшей свою внешнюю политику после оккупации Тешинской области. К этому времени министр иностранных дел Бек «вдруг» осознал, что уменьшенная в размерах Чехословакия фактически полностью попала под влияние Германии и вполне могла быть использована последней для изоляции Польши от стран Дунайского бассейна и Италии. Стало вызывать тревогу у Бека и то, что район Закарпатья мог превратиться в базу влияния «третьего рейха» на области Польши, преимущественно заселенные украинцами. В целях предотвращения или, по меньшей мере, смягчения последствий этих эвентуальных действий Берлина, Бек предпринял в октябре 1938 г. ряд энергичных шагов, направленных на реализацию своей давней мечты — обретения общей границы с дружественной Польше Венгрией¹²⁸.

Подобная активность польской внешней политики, разумеется, не осталась без самого пристального внимания Берлина. И Гитлер решил наглядно продемонстрировать как Польше, так и Венгрии, чья позиция вызвала его немалое раздражение еще в преддверии Мюнхена, кто отныне является хозяином в Центральной Европе. Он категорически запретил Венгрии пред-

¹²⁶ Ibid. Dok. 84. S. 93; Dok. 91. S. 98–99. См.: подробно: Adler H. G. Der verwaltete Mensch: Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. Tübingen, 1974. S. 91–100; Maurer T. Abschiebung und Attentat: Die Ausweisung der polnischen Juden und der Vorwand für die «Kristallnacht» // Der Judenpogrom 1938: Von der «Reichskristallnacht» zum Völkermord / Hrsg. von W. H. Pehle. Frankfurt a.M., 1988. S. 52–73; Melzer E. Relations between Poland and Germany and their Impact on the Jewish Problem in Poland (1935–1938) // Yad Vashem Studies, 1977. Vol. XII. P. 215–229; Milton S. Menschen zwischen Grenzen: Die Polenausweisung 1938 // MENORA. Jahrbuch für deutsch-jüdische Geschichte 1990. S. 184–206; Tomaszewski J. The Expulsion of Jewish Polish Citizens from Germany on October 28–29, 1938 // Acta poloniae historyczne, Wrocław, 1997. N 76. P. 97–122.

¹²⁷ ADAP, D. Bd. IV. Dok. 62. S. 71.

¹²⁸ См. подробно: Roos H. Op. cit. S. 358–366.

принимать какие-либо шаги, направленные на изменение статуса Словакии¹²⁹. Он также пресек новые территориальные притязания Польши на этот раз на чешскую область между Остравичей и Тешинем с ее важными индустриальными центрами Остравской Моравией и Витковицами¹³⁰.

Все эти и последующие шаги свидетельствовали о продуманной стратегической линии Гитлера в отношении Польши, сочетавшей различные методы, но преследовавшей одну цель, о которой он спустя 10 месяцев, 22 августа 1939 г., скажет: «поначалу я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы прежде всего повести борьбу против Запада»¹³¹. Что понимал Гитлер под «приемлемыми отношениями» с Польшей? По его мнению, их важнейшей предпосылкой должны были стать прежде всего три «да» польского правительства: согласие на включение Данцига в состав Германии; согласие на строительство экстерриториальных авто- и железнодорожных магистралей через Польский коридор, связывающих Померанию с Восточной Пруссией и, наконец, присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту. Выполнением этих условий «приемлемых отношений», Польша должна была создать серьезные гарантии своего лояльного Берлину поведения в ходе западной кампании рейха. В этом случае часть ее территории и выход в Балтийское море оказывались под жестким контролем вермахта, а присоединение к Антикоминтерновскому пакту не только лишало польскую политику даже видимости баланса между ее соседями на востоке и западе, но и автоматически противопоставляло Варшаву Парижу и Лондону, военному поражению которых ей надлежало бы способствовать. В конечном счете, принятие вышеперечисленных условий, составляющих основу немецкого плана так называемого «генерального урегулирования» двусторонних отношений, изложенных Риббентропом в ходе многочасовой беседы с польским послом 24 октября 1938 г.¹³², неизбежно низводило бы Польшу до уровня даже не младшего партнера, а всего лишь покорного сателлита нацистской Германии.

¹²⁹ ADAP, D. Bd. IV. Dok. 72. S. 82.

¹³⁰ ADAP, D. Bd. V. Dok. 69. S. 78. Правда, Вайцзеккер намекнул Липскому, что «пребывание Остравской Моравии в составе Чехии зависит от дальнейшего развития событий» (Ibidem).

¹³¹ IMT. Doc. 798-PS. Vol. XXVI. P. 339.

¹³² См. немецкую запись беседы Риббентропа с Липским в Бертехгадене 24.10.1938 — ADAP, D. Bd. V. Dok. 81. S. 87–89, и отчет о ней польского дипломата — *Lipski J. Op. cit. Doc. 124. P. 453–458; Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 44. S. 62–63.*

Создается впечатление, что Гитлер не сомневался в успехе задуманного плана. Еще накануне вручения Риббентропом Липскому пакету германских предложений, 23 октября он обсуждал конкретные проблемы железнодорожного и шоссевого строительства на территории Польского коридора с генеральным инспектором магистралей Ф. Тодтом¹³³. Риббентроп принял по его поручению гауляйтера Данцига А. Форстера, результатом беседы с которым явилось введение в Данциге ряда считавшихся там прежде «проблематичными» законов, т. е. расовых законов «третьего рейха»¹³⁴. Неизбежно возникает вопрос: на чем основывалась уверенность Гитлера, что польское руководство примет его предложения? Можно предположить, что в основе его расчетов были положены следующие совершенно объективные факторы: во-первых, ярко выраженный антисоветизм польской политики; во-вторых, международное положение Польши, характеризовавшееся заметным охлаждением отношений с западными державами вследствие участия Варшавы в разделе Чехословакии; в-третьих, наличие экспансионистских тенденций и территориальных амбиций в польской политике, реализация которых была возможна только при опоре на более сильную державу или при благоприятной международной конstellляции; в-четвертых, наличие значительных вооруженных сил, представлявших собой только вспомогательный инструмент политики; в-пятых, то, что Польша по-прежнему была недемократическим, полуавторитарным государством, все еще сохранявшим отблеск авторитета Пилсудского, к которому Гитлер всегда относился с уважением; и, наконец, последнее, но отнюдь не по значимости, не по влиянию на нацистского фюрера — в Польше антисемитизм, хотя и отличался от расизма «третьего рейха», тем не менее был поднят на уровень государственной политики¹³⁵.

Вместе с тем совокупность вышеперечисленных факторов могла сформировать лишь общее отношение Гитлера к Польше, которое осенью 1938 г. было скорее всего заинтересованно-благожелательным (Чехословакии, к примеру, он не предлагал присоединиться к Антикоминтерновскому пакту). Оно предопределило в то время стремление нацистского лидера договориться с Польшей, а не получить желаемое силой, поскольку это стремление было производным от главного на тот момент

¹³³ ADAP, D. Bd. V. Dok. 86. S. 95.

¹³⁴ См.: *Ibid.* Dok. 672. S. 797; *Burckhardt J.* Op. cit. S. 226, 231–232; *Woiciechowski M.* Op. cit. S. 541.

¹³⁵ См.: *Beyrau D.* Antisemitismus und Judentum in Polen 1918–1939 // *Geschichte und Gesellschaft.* 1982. H. 2. S. 229.

замысла — войны против западных держав. Польша нужна была Гитлеру в качестве послушного сателлита, и его уверенность в том, что ее руководство согласится с этой ролью на предложенных им условиях, основывалась прежде всего на убеждении, что у польских политиков просто нет иного выхода¹³⁶, как отныне ориентироваться только на «третий рейх» с его резко возросшей мощью и влиянием на континенте. Последующие события показали всю ошибочность этого подхода, что, в свою очередь, повлекло за собой резкое изменение всей германской стратегии.

Период в германо-польских отношениях между 24 октября 1938 г. и концом марта 1939 г. некоторые историки склонны рассматривать в качестве «антракта между беспокойной дружбой и открытой враждебностью»¹³⁷. Мне представляется, что значение этого периода в отношении Берлина и Варшавы далеко не исчерпывается столь лапидарной характеристикой. Оставив в стороне неточности в определениях (дружбы, даже беспокойной, между «третьим рейхом» и Польшей никогда не было), попробуем проследить эволюцию отношения Гитлера к Польше в указанный период.

Несмотря на то, что польский посол, выслушав 24 октября все предложения и аргументы Риббентропа, связанные с «генеральным урегулированием» двусторонних отношений, тут же вполне определенно и весьма решительно указал на «отсутствие возможности соглашения», связанного с вхождением Данцига в состав Германии¹³⁸, рейхсминистр просил не спешить с ответом и лично передать министру иностранных дел Беку содержание германских предложений. Не прошло и нескольких часов, как Риббентроп вновь пригласил к себе Липского, что явно отражало уже нетерпение Гитлера, и, не дожидаясь официального ответа Варшавы на сделанные предложения, выложил свой первый «козырь» — вопрос о Закарпатской Украине. По словам Риббентропа, желание Польши, чтобы эта область была присоединена к Венгрии, могло бы найти «благоприятное

¹³⁶ Гитлер был вовсе не одинок в своей уверенности. Например, американский посол в Варшаве, получив информацию о предложениях, переданных 24 октября Риббентропом Липскому, был убежден, что польское правительство примет их. См.: *Biddle A. Poland and the Coming of the Second World War. The Diplomatic Papers of A. J. Drexel Biddle, Jr., United States Ambassador to Poland 1937–1939. Columbus (Ohio), 1976. P. 43.*

¹³⁷ *Cienciatka A. M. Op. cit. P. 177.*

¹³⁸ *Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 44. S. 62; Lipiski J. Op. cit. Doc. 124. P. 454.*

урегулирование», если Германия и Польша достигнут соглашения по всему пакету германских предложений¹³⁹.

Создается впечатление, что Бек и его окружение не вполне адекватно оценивали происшедшие на протяжении 1938 г. изменения в соотношении сил на континенте, а тем самым и возможные последствия отказа от германских предложений. В Варшаве явно не осознали, что 24 октября был пройден определенный рубеж в польско-германских отношениях и начался их качественно новый этап, а вместе с ним и совершенно иной отсчет времени в их развитии. Польское руководство по инерции все еще рассматривало международную обстановку под впечатлением послемюнхенской эйфории (за вклад в расширение территориальных границ Польши Бек был удостоен звания почетного доктора Краковского университета), питая иллюзии относительно возможности осуществлять те или иные внешнеполитические акции, не санкционированные в Берлине. По существу, большинство шагов, предпринятых Варшавой в интервале между 24 октября и 19 ноября, когда Липский вручил ответ Бека на германские предложения, потерпели неудачу именно из-за противодействия Берлина. Более того, все усилия польской дипломатии в октябре — ноябре 1938 г. по созданию общей границы с Венгрией путем изменения статуса Закарпатской Украины, особенно после решений Венского арбитража¹⁴⁰, т. е. в обход Германии, окончились полным фиаско, лишь создав тем самым для Гитлера дополнительные рычаги воздействия на Варшаву.

Липский получил инструкции своего руководства для ответа на германские предложения уже 1 ноября, но Риббентроп не спешил принимать его. Можно предположить, что в Берлине умышленно тянули время, демонстрируя свое возросшее влияние в Центральной Европе и пытаясь тем самым повлиять на позицию Варшавы, которая в общих чертах была уже известна¹⁴¹.

Наконец, 19 ноября рейхсминистр принял польского посла, который, подчеркнув традиционно важное значение Данцига для экономических интересов Польши, предложил изменить правовой статус этого города, основывавшийся на статуте Лиги наций, на

¹³⁹ ADAP, D. Bd. V. Dok. 81. S. 89.

¹⁴⁰ См. подробно: *Пол И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939). М., 1972. С. 189–208.

¹⁴¹ Много лет проработавший в Варшаве германский посол Мольтке, анализируя возможные варианты развития польской внешней политики в послемюнхенский период, приходил к выводу, что Бек под влиянием усиления германских позиций в Европе вряд ли переориентирует свою политику и начнет опираться на Берлин. См.: ADAP, D. Bd. V. Dok. 64. S. 74.

регулируемый двусторонним польско-германским соглашением. По существу, это являлось единственным конкретным предложением с польской стороны на германский меморандум от 24 октября. При этом Липский предупредил, что данный вопрос всегда был и остается для Польши ключевым, поэтому одностороннее изменение существующего статуса Данцига «неизбежно приведет к очень серьезному конфликту с Германией»¹⁴². Что касается других пунктов, содержащихся в пакете германских предложений, то из полученных Липским инструкций можно заключить, что он просто не был уполномочен их обсуждать¹⁴³. Из записи беседы, сделанной польским дипломатом, следует, что рейхсминистр был готов к негативной реакции Варшавы, но тем не менее придавал беседе «ярко выраженный дружественный тон». Более того, он попытался (и небезуспешно) создать впечатление, что пакет германских предложений представляет собой его личную инициативу, о которой он говорил с Гитлером «лишь в неопределенной форме». Риббентроп не преминул также заверить Липского, что «образ действий рейха в отношении Польши будет иным, чем это имело место по отношению к г-ну Бенешу», т. к. он никоим образом не стремится омрачать германо-польские отношения, а «только проникнут желанием» их стабилизации и «ищет решения в этом направлении»¹⁴⁴. Скорее всего Риббентроп сознательно приглушил недовольство негативной реакции Польши на германские предложения, чтобы не обострять преждевременно ситуацию и тем самым сохранить возможность для визита Бека в Берлин и его личной встречи с Гитлером. Не исключено, что рейхсминистр мог избрать подобную тактику по личной инициативе, чтобы не «заземлять» на себя всю ответственность за неудачу на столь важном направлении германской внешней политики.

О продолжении тактики, избранной главой внешнеполитического ведомства рейха, свидетельствует и имевшая место спустя 3 дня беседа посла фон Мольтке с Беком в Варшаве, в ходе которой германский дипломат заметил, что он постоянно обращал внимание МИД на твердость политики Польши в вопросе о Данциге, исключая согласие на «радикальное изменение». Посол выразил удовлетворение тем, что, наконец-то, после беседы с Липским 19 ноября Риббентроп «должным образом это понял» и пришел к выводу, что «решение этого (Данцигского. — *Авт.*) вопроса может быть найдено каким-то

¹⁴² Ibid. Dok. 101. S. 107. См.: также: *Lipski J.* Op. cit. Doc. 127. P. 465–469; *Weißbuch der Polnischen Regierung.* Dok. 46. S. 66–69.

¹⁴³ *Weißbuch der Polnischen Regierung.* Dok. 45. S. 63–66.

¹⁴⁴ Ibid. Dok. 46. S. 67.

другим путем»¹⁴⁵. Последние слова ретроспективно обретали явно двойной смысл, но в тот момент произносились германским послом и воспринимались польским министром совершенно искренно. А вместе с тем, всего два дня спустя, 24 ноября начальник штаба ОКВ генерал Кейтель сделал по указанию Гитлера дополнение к его директиве от 21 октября 1938 г., предусматривавшее «вести подготовку к внезапному захвату немецкими войсками свободного государства Данциг»¹⁴⁶. В документе было специально оговорено, что война с Польшей высшим руководством рейха не планируется. И тем не менее внесение Гитлером вышеуказанного дополнения в директиву ОКВ спустя всего 5 дней после получения официального ответа польского правительства, касавшегося Данцига, свидетельствовало о том, что, действительно, как информировал германского посла в Варшаве Риббентроп, «решение вопроса может быть найдено каким-то другим путем». Другое дело — приближало ли подобное, т. е. силовое решение Гитлера к осуществлению принципиальной задачи — обеспечению тыла на востоке ввиду предлагаемого столкновения с западными державами. Очевидно, нет, уже в силу половинчатого характера данной акции. Гитлер понимал это и потому не спешил с реализацией поставленной задачи. И все-таки, указание на необходимость вермахту быть готовым к захвату Данцига говорило о том, что Гитлер явно недоволен позицией Польши и готов, в случае необходимости, использовать самые различные средства «убеждения».

Одновременно началось и постепенное ужесточение германской политики в отношении Польши. Первым шагом на этом пути стал категорический запрет Гитлером венгерской акции в отношении Закарпатской Украины¹⁴⁷, которая во многом была инициирована Польшей. Затем в ходе беседы с Липским 2 декабря Риббентроп выразил неудовольствие в связи с неожиданным для Берлина польско-советским коммюнике (подробнее см. ниже), что «не совсем соответствует дружественным отношениям» между Берлином и Варшавой¹⁴⁸. В это же время был смягчен запрет для региональных газет на освещение положения национальных меньшинств в Польше¹⁴⁹. А уже 15 декабря, принимая в очередной раз польского посла, Риббентроп поставил перед ним вопрос о

¹⁴⁵ Ibid. Dok. 47. S. 69.

¹⁴⁶ IMT. Doc. 137-C. Vol. XXXIV. P. 482.

¹⁴⁷ См.: ADAP, D. Bd. IV. Dok. 131-134; Bd. V. Dok. 104. S. 112-113.

¹⁴⁸ Ibid. Bd. V, Dok. 106. S. 114.

¹⁴⁹ Ibid. Dok. 110. S. 118.

«невыносимом» положении немецкого меньшинства в отошедшей к Польше Тешинской области Чехословакии¹⁵⁰. При этом рейхсминистр заметил, что в рамках «глобального урегулирования» двусторонних отношений необходимо будет рассмотреть и проблему положения национальных меньшинств. Последнее являлось уже новым, ранее не фигурировавшим в пакете германских предложений пунктом, который напоминал недавнюю практику Берлина, использованную в целях обострения чехословацкого кризиса. И еще один небезынтересный момент, связанный с этой беседой. Пожалуй, впервые за время встреч с польским послом Риббентроп сформулировал, чего же ожидает Берлин в общем плане от Варшавы. По его словам, Польша должна проводить внешнюю политику, построенную на традициях Пилсудского и широте его подхода к международным проблемам, т. е. «считаться с германскими интересами» и «не оказывать сопротивления известным естественным и неуправляемым процессам». «Германия, — подчеркнул рейхсминистр, — настроена антироссийски и уже по этой причине приветствует сильную Польшу, которая защищала бы свои интересы против России»¹⁵¹. По существу, Риббентроп достаточно откровенно изложил в сжатой форме комплекс требований к польскому руководству, выполнение которых неизбежно привело бы к утрате Польшей всякой самостоятельности во внешнеполитической сфере и превращению ее в германский бастион против СССР в ходе замышлявшейся Гитлером войны с западными державами, но о последнем не было сказано ни слова.

Несмотря на усилившееся давление со стороны Берлина, Бек на протяжении декабря 1938 г. по-прежнему был уверен, что руководство «третьего рейха» не стремится к конфронтации с Польшей¹⁵². И в то время это соответствовало действительности, поскольку Гитлер все еще рассчитывал на то, что польские руководители примут в конечном счете пакет его предложений от 24 октября. Именно с такой установкой фюрер и провел встречу с Бекком 5 января 1939 г. Он не использовал жестких и категоричных формулировок, когда речь заходила о предложениях Германии, хотя в памятных записках МИД, подготовленных для него в связи с визитом польского министра, их содержалось достаточно¹⁵³. Далее, коснувшись вопроса о Данциге, Гитлер стремился создать впечатление о возможности достижения некоего компромисса,

¹⁵⁰ Ibid. Dok. 112. S. 119.

¹⁵¹ Ibidem.

¹⁵² См.: *Prazmowska A. J. Poland's Foreign Policy: September 1938 — September 1939 // The Historical Journal, 1986. Vol. 29. N 4. P. 858.*

¹⁵³ См.: ADAP, D. Bd. V. Dok. 119. Ann. 3. S. 127.

при котором город «политически станет немецкой общностью, а экономически останется польской»¹⁵⁴. Это был, конечно, полнейший нонсенс, но фюрер пытался таким способом «успокоить» своего собеседника, хотя и безуспешно. Последний, согласно польской записи беседы, заявил в ответ достаточно откровенно, что «не видит в инициативе (касающейся Данцига. — *Авт.*) эквивалента для Польши»¹⁵⁵. Не произвело впечатления на Бека и акцентирование внимания на общности интересов обеих стран в отношении СССР, спрямленных в сферу недвусмысленного военного сотрудничества: «Каждая выставленная против России польская дивизия, — заметил Гитлер, — сэкономит соответствующую немецкую дивизию»¹⁵⁶. На следующий день в беседе с Риббентропом Бек однозначно отклонил предложение о присоединении к Антикоминтерновскому пакту. По его мнению, Польша, присоединившись к такому соглашению, не смогла бы сохранить то «мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия»¹⁵⁷.

В целом Бек не сдал занятых ранее позиций, даже проявил известную твердость, особенно в том, что касалось Данцига. Вместе с тем было бы неправомерно оценивать переговоры Бека с Гитлером и Риббентропом как не давшие никакого результата. Для польского министра было крайне важно получить личные впечатления о позиции нацистского руководства. И эта цель была достигнута: в ходе визита в Германию Бек понял, что речь идет не об «играх» и амбициях Риббентропа, а о целенаправленной политике рейха, за которой стоит прежде всего Гитлер¹⁵⁸. Скорее всего, именно этот вывод дал основание Беку, делая отчет руководству страны о поездке в Германию, констатировать имеющиеся «тревожные симптомы», «которые могут привести к войне»¹⁵⁹. Очевидным для Бека стало и то, что предложения, внесенные германской стороной, отнюдь не представляют собой их некий произвольный набор, при котором возможны изъятия или замены. Бе-

¹⁵⁴ Dok. 119. Ibid. S. 130.

¹⁵⁵ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 48. S. 71.

¹⁵⁶ Ibid. S. 70. Немецкая версия этого высказывания Гитлера звучит несколько дипломатичнее: «С чисто военной точки зрения, существование сильной польской армии представляет значительное облегчение для Германии; дивизии, которые Польша должна была бы держать на русской границе, сэкономили бы соответствующие дополнительные военные расходы Германии» (ADAP, D. Bd. V. Dok. 119. S. 128).

¹⁵⁷ Ibid. Dok. 120. S. 134.

¹⁵⁸ См.: *Szembek J.* Op. cit. T. IV. S. 467–468 (запись от 10.01.1939).

¹⁵⁹ Цит. по: *Krasuski J.* Między Wojnami. Warszawa, 1985. S. 183.

седы с Гитлером и Риббентропом показали, что для них важна именно целостность этого пакета. Во всяком случае, после доклада Бека польское руководство пришло к выводу о необходимости при любых обстоятельствах занимать твердую и последовательную позицию в отношении германских требований, вне зависимости от того, представляют ли они самоцель политики рейха на данном этапе или служат лишь предлогом для осуществления более масштабных замыслов¹⁶⁰. И это решение Варшавы, принятое в январе 1939 г., имело принципиально важное значение для последующего развития событий.

Менее определенными были выводы, сделанные нацистскими руководителями после бесед с польским министром иностранных дел. По всей видимости, в силе, по-прежнему, оставались рекомендации, сформулированные статс-секретарем МИД Вайцзеккером накануне визита Бека: «Мы... выжидаем, пока он не станет податливее»¹⁶¹. Это «выжидание» отнюдь не носило пассивного характера, но поскольку обе стороны формально выразили согласие еще раз обдумать весь комплекс вопросов, составивших «возможный договор» (Vertragswerk) между Германией и Польшей¹⁶², и Риббентроп к тому же принял приглашение посетить Варшаву в течение зимы 1939 г., было очевидно, что Гитлер все еще не утратил, хотя и явно пошатнувшейся, надежды придти к соглашению с Польшей. Пожалуй, это был единственный случай, когда он с таким упорством цеплялся за свой первоначальный замысел, на глазах становившийся все более эфемерным. Пока же (до исхода визита рейхсминистра в Варшаву) были отложены меры жесткого давления на польское руководство, в том числе связанные с дальнейшей нацификацией Данцига¹⁶³.

Тем временем Гитлер провел весьма изящную акцию косвенного давления на Польшу. Речь идет о его короткой «беседе» с советским полпредом в Германии А. Ф. Мерекаловым 12 января 1939 г. во время приема глав дипломатических миссий в новом здании рейхсканцелярии по случаю Нового года¹⁶⁴. Этот, несомненно, заранее спланированный и хорошо разыгранный шаг незамедлительно вызвал широкий резонанс в дипломатических кругах и прессе, породив немало слухов, в том числе и о якобы уже идущих переговорах, касающихся за-

¹⁶⁰ Ibidem.

¹⁶¹ ADAP, D. Bd. V. Dok. 119. Anm. 3. S. 127

¹⁶² Ibid. Dok. 120. S. 134.

¹⁶³ Ibid. Dok. 122. S. 135.

¹⁶⁴ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Док. 110. С. 185–186.

ключения германо-советского военного пакта¹⁶⁵. Современная историография преимущественно все еще весьма односторонне оценивает это дипломатическое «происшествие», а именно — как «сигнал его (Гитлера. — Авт.) готовности изменять напряженную ситуацию, как впервые проявленную заинтересованность в германо-советском сближении»¹⁶⁶. Однако, имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что в середине января 1939 г. «сигнал» Гитлера был адресован не Москве, а Варшаве. Пролонгируя польской стороне время на обдумывание пакета его предложений, фюрер не упустил еще одну возможность помочь польскому руководству принять «правильное», т. е. нужное ему решение, дав понять стоявшему во время приема, согласно протоколу¹⁶⁷, рядом с советским дипломатом, польскому послу Липскому, что вовсе не исключен и другой вариант развития событий... Главным аргументом в пользу именно такой интерпретации мотивов поведения Гитлера на новогоднем приеме являлось его отношение к СССР, в тот период полностью исключавшее возможность сколько-нибудь серьезного сближения двух государств¹⁶⁸.

Визит Риббентропа в Варшаву, приуроченный к 5-й годовщине подписания германо-польского соглашения от 26 января 1934 г., не принес никаких сдвигов в переговорном процессе. Несмотря на широковещательное заявление рейхсминистра во время аудиенции у президента Польши И. Мосьцицкого и генерального инспектора вооруженных сил, маршала Э. Рыдз-Смиглы, что между двумя странами нет таких проблем, которые оба министра иностранных дел не могли бы разрешить¹⁶⁹, позиция Бека оставалась

¹⁶⁵ Дневник пресс-атташе полпредства СССР в Германии А. А. Смирнова // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 31 (запись от 19.01.1939).

¹⁶⁶ *Fleischhauer I.* Der Pakt: Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939. Berlin; Frankfurt a. Main, 1990. S. 87. См.: также: *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941. М., 1991. С. 47; *Емец В. А., Ржевский О. А.* Дипломатия и война. 1914 и 1939 годы // Вопросы истории, 1997, № 7. С. 6, и др. Правда, И. Флэйшхауэр допускает, что этим жестом Гитлер мог преследовать и побочные цели, например, «продемонстрировать заболевшей «манией величия» Польше возможность совместных немецко-русских действий против нее» (*Fleischhauer I.* Op. cit. S. 90).

¹⁶⁷ См.: Akten Reichskanzlei. // Bundesarchiv Koblenz (далее — BA), R 43 П/855с. S. 70.

¹⁶⁸ См. подробно: *Слущ С.* Германия и СССР в 1918–1939 годах: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Прохорова и др. М., 1995. С. 66–71.

¹⁶⁹ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 51. S. 74.

твердой. При этом в вопросе о Данциге, он, как обычно, ссылался на экономические интересы Польши и неизбежную негативную реакцию общественного мнения страны на любые изменения в статусе «свободного города». Признавая традиционные польские притязания на Правобережную Украину, Бек вместе с тем категорически исключил возможность присоединения к Антикоминтерновскому пакту, поскольку оно неизбежно повлекло бы за собой возникновение серьезных опасностей для Польши¹⁷⁰. Польская запись беседы двух министров содержит упоминание и о решительном отклонении немецкого предложения о строительстве экстерриториальных магистралей через Польский коридор¹⁷¹.

Можно утверждать, что позиция Бека во время бесед с Риббентропом в конце января 1939 г. в Варшаве стала более жесткой, о чем свидетельствует не только отсутствие даже незначительных подвижек в переговорном процессе, несмотря на все предпринимаемые Берлином усилия, но и весьма недвусмысленное предупреждение, сделанное рейхсминистру, — не создавать у Гитлера излишне оптимистического впечатления о ходе переговоров¹⁷². Не исключено, что Бек, проанализировав тактику нацистской дипломатии в ходе чехословацкого кризиса, пришел к выводу, что Гитлер и в этом случае занимается шантажом. Поэтому необходима твердая политика, исключаящая какие-либо уступки или даже намеки на них, которая и позволит преодолеть нынешнюю ситуацию. «Мы, все-таки, не чехи!» — заметил он в разговоре со своим заместителем Шембеком вскоре после отъезда Риббентропа¹⁷³.

Даже получив определенно отрицательную информацию об итогах визита своего министра в Варшаву, Гитлер вместе с тем не спешил делать окончательные выводы. Подтверждением этому, в частности, являлась неожиданная отмена, буквально в самый последний момент, поездки в Москву заведующего восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела германского МИД для ведения переговоров об условиях предоставления кредита СССР¹⁷⁴. Отмена визита К. Шнурре в Москву по личному указанию Риббентропа менее чем спустя сутки после возвращения рейхсминистра из Варшавы могла означать скорее всего нежелание Гитлера создавать в тот момент впечатление о демонстративном обострении отношений с

¹⁷⁰ ADAP, D. Bd. V. Dok. 126. S. 139–140.

¹⁷¹ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 52. S. 74.

¹⁷² Szembek J. Op. cit. T. IV. S. 485 (запись от 1.02.1939).

¹⁷³ Ibidem.

¹⁷⁴ Год кризиса. Т. I. Док. 126. С. 200–201.

Польшей после очередного неудачного раунда двусторонних переговоров путем розыгрыша «русской карты»¹⁷⁵.

Берлин по-прежнему предоставлял польскому правительству время «на раздумье». В традиционном выступлении Гитлера с большой речью в рейхстаге 30 января особо выделялось стабилизирующее влияние «германо-польской дружбы» на развитие событий в Европе в 1938 г.¹⁷⁶ На протяжении февраля и первой половины марта 1939 г. в Германии продолжали действовать жесткие ограничения на публикацию негативных материалов о состоянии двусторонних отношений¹⁷⁷. Более того, именно в это время в Германии был издан сборник речей, заявлений и интервью Бека за годы его пребывания на посту министра иностранных дел Польши. В предисловии к этому объемному изданию он характеризовался как «один из первых государственных деятелей не только в Польше, но и во всем мире, который постиг необходимость соглашения с германским рейхом»¹⁷⁸.

Затянувшаяся неопределенность в политике Берлина по отношению к Польше была следствием прежде всего неясности в планах Гитлера. Предпринимавшиеся немецкими дипломатами и военными шаги по внешнеполитическому обеспечению антизападной стратегии «третьего рейха» (военные переговоры с Италией, усилия по трансформации Антикоминтерновского пакта в военно-политический союз трех держав и, наконец, попытки превращения Польши в сателлита) до сих пор не принесли сколько-нибудь ощутимых результатов. И Гитлер упорно искал решения, которое позволило бы найти выход из сложившейся ситуации. «Он вновь прокручивает новые пла-

¹⁷⁵ Это предположение подтверждается оценкой этого, не оставшегося незамеченным в германо-советских отношениях эпизода, сделанной спустя полгода референтом «бюро Риббентропа» д-ром П. Клийстом: «Не желая раздражать поляков в то время, Риббентроп пошел даже на то, чтобы отменить поездку Шпурре в Москву» (ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 431. С. 548).

¹⁷⁶ См.: *Domarus M.* Op. cit. Bd. 2,1. S. 1065.

¹⁷⁷ *Bestellungen aus der Pressekonferenz im Propagandaministerium vom 25.02. u. 27.02.1939. Anweisungen N 227 u. N 232 // BA, Zsg 101/12. S. 59, 60; Informationsbericht N 19 vom 4.03.1939. ZSg 101/34. S. 87.*

¹⁷⁸ *Beck J.* Beiträge zur europäischen Politik. Reden, Erklärungen, Interviews 1932–1939. Essen, 1939. S. XII. В сборник вошли выступления Бека, относящиеся и к визиту Риббентропа в Варшаву 25–27 января 1939 г., поэтому он не мог прийти в свет ранее середины — конца февраля, а начала марта 1939 г., что подтверждает все еще сохранявшуюся в это время тенденцию в политике Берлина по отношению к Польше.

ны», — записал Геббельс в дневнике после встречи с фюрером 1 февраля¹⁷⁹.

Процесс принятия решения о дальнейшей стратегии нацистской Германии затягивался, что не могло не сказаться и на германо-польских отношениях. В какой-то момент создалось даже впечатление (из-за отсутствия ставших уже привычными интенсивных дипломатических контактов), что стоявшие перед Берлином и Варшавой проблемы утратили свою актуальность. Однако это было не так. В Берлине готовились к решающему давлению на этом направлении и не форсировали события. Хотя проявились уже первые симптомы надвигавшихся перемен, связанных с ужесточением германской политики¹⁸⁰.

Гитлер пришел к определенным решениям ближе к середине февраля. Они касались в первую очередь Чехословакии, которой «третий рейх» должен был приблизительно через месяц «нанести смертельный удар»¹⁸¹, но непосредственно затрагивали и Польшу. Общая неясность ситуации побудила фюрера предпринять конкретные акции (оккупация Чехии, захват Мемеля), форсирование которых, хотя они и были запланированы еще осенью 1938 г., никак не диктовалось развитием международной обстановки. Можно предположить, что Гитлер решил прояснить или точнее обострить положение на континенте, фактически спровоцировав своими действиями ответную реакцию других держав и прежде всего тех, кто вместе с ним подписывал Мюнхенское соглашение. Не менее важно и то, что предпринятыми акциями вносилась большая определенность и в отношения с Польшей. Ликвидация все еще сохранявшей номинальную самостоятельность Чехословакии и включение Мемеля в состав рейха вкупе с провозглашением самостоятельности полностью зависимой от Берлина Словакии, имевшей большую по протяженности границу с Польшей, а также присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту — все это вместе взятое серьезно ухудшило стратегическое положение Варша-

¹⁷⁹ Goebbels J. Die Tagebücher: Sämtliche Fragmente. Bd. 3 / Hrsg. von E. Fröhlich. München, 1987. S. 567 (запись от 3.02.1939).

¹⁸⁰ Одним из таких симптомов стала выдержанная в холодном тоне беседа Риббентропа с Липским 28 февраля в связи с волпой антигерманских манифестаций, прова-тившейся по всей Польше, поводом к которым были столкновения между немецкими и польскими студентами в Данциге. См.: ADAP, D. Bd. V. Dok. 131. S. 144. Другим, причем не менее важным, — отказ Геринга от запланированной на конец зимы традиционной поездки на охоту в Польшу. См.: Martens St. Hermann Göring. «Erster Paladin des Führers» und «Zweiter Mann im Reich». Paderborn, 1985. S. 167.

¹⁸¹ Die Weizsäcker — Papiere, 1933–1950 / Hrsg. von L. Hill. Frankfurt a. Main, 1974. S. 150 (запись от 13.02.1939).

вы. И Гитлер еще надеялся, что это развитие событий, не оставив для польского руководства никакого иного выбора, как сказать «да» пакету германских предложений, позволило бы в конце концов вынудить Польшу к соглашению с ним. Тот факт, что среди объектов нацистской экспансии в марте 1939 г. не оказалось Данцига, подтверждает вывод о стремлении Гитлера пока не идти на резкое обострение отношений с Польшей.

В этих условиях дипломатическое давление Берлина на Варшаву вступило в заключительную, решающую стадию. 21 марта Риббентроп пригласил Липского для беседы, в ходе которой обрушил на него как старые (фигурировавшие во время их встречи 28 февраля), так и новые претензии и упреки по поводу продолжавшихся антигерманских демонстраций студентов в ряде крупных польских городов, враждебной рейху кампании в польской печати, безрезультатной работы германо-польской комиссии о положении национальных меньшинств. Однако это была только прелюдия. На этот раз рейхсминистр решил использовать исторические реминисценции для незавуалированных угроз в адрес государства, интересы которого представлял в Берлине его собеседник. В частности, Риббентроп напомнил, чем обязаны поляки Гитлеру: «В период правительства Шлейхера имелась возможность заключения союза марксистской Германии с Советским Союзом»: «тогда Польша сегодня едва ли существовала бы»¹⁸². При полной несостоятельности подобного утверждения, оно должно было звучать весьма угрожающе в контексте происшедшего разговора. Полагая, по всей видимости, что ошеломил Липского «воспоминаниями о будущем», Риббентроп вновь вернулся к пакету германских предложений Польше, как якобы основе их совместной борьбы против СССР. Несмотря на то, что за истекшие 2,5 месяца после переговоров Бека с руководством «третьего рейха» не произошло никаких сдвигов ни по одному из пунктов, составлявших пакет этих предложений, Риббентроп в весьма настойчивой форме предложил Липскому безотлагательно отправиться в Варшаву и передать приглашение министру иностранных дел прибыть для переговоров в Германию, т. к. фюрер «пока изумлен странной позицией Польши по целому ряду вопросов; важно, чтобы у него не сложилось впечатление, что Польша просто не желает» соглашения, — резюмировал рейхсминистр¹⁸³.

Симптоматично, что приглашение Беку посетить Берлин последовало всего спустя неделю после того, как Гитлер инсцениро-

¹⁸² ADAP, D. Bd. VI. Dok. 61. S. 59; См. также: Ibid. Dok. 73. S. 71–73; польскую версию этой беседы см.: Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 61. S. 81–85.

¹⁸³ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 61. S. 60.

вал в прямом смысле психологическую атаку на президента Чехословакии Э. Гаху, вызванного в Берлин, где его заставили подписать документ, передававший Чехию под власть рейха. Бек, конечно, был политиком совсем иного плана, чем Гаха, да и ситуации были несопоставимы; тем не менее он прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации его визит в Берлин был бы не только бесполезен, но и вреден¹⁸⁴. 23–24 марта высшее руководство Польши провело совместно с руководящим составом МИДа ряд встреч и совещаний, на которых рассматривалось положение, сложившееся в польско-германских отношениях. При всем разнообразии мнений и рекомендаций, выявившихся в те дни, в одном существовало полное единство — об уступках Берлину не может быть и речи. «Мы должны теперь дать отпор немцам», — резюмировал в дневнике граф Шембек¹⁸⁵. Что касается существа германских предложений, все более трансформирующихся в требования, то польское руководство готово было в деталях пойти навстречу Берлину: например, облегчить германский транзит через Польский коридор, заменить гарантии Данцига со стороны Лиги наций на двусторонние и т. п., не уступая при этом ни на йоту в главном (никаких экстерриториальных магистралей на территории Польши и никакого изменения существующего статуса Данцига, вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту вообще не подлежал обсуждению)¹⁸⁶. Польское руководство приняло это решение без консультаций с кем-либо извне и, как отмечает немецкий исследователь Г. Грамль, «хотя в надежде на англо-французскую помощь, но в конечном счете, все-таки, вне зависимости от поведения западных держав»¹⁸⁷. Вряд ли Бек и другие польские руководители просчитывали все последствия отказа принять пакет германских предложений, в противном случае они, вероятно, иначе использовали бы те немногие месяцы, которые история отвела тогда Польше, прежде чем она была раздавлена ее нашедшими-таки «общий язык» соседями. В любом случае, твердая позиция польского руководства, нашедшего в себе силы сказать «нет», несмотря на все давление Берлина, многого стоит.

Еще до получения официального ответа Варшавы на последний демарш Риббентропа Гитлер понял, что даже «стратегические клещи», в которых оказалась Польша во второй половине марта 1939 г., не дали желаемого результата. В беседе с главкомом су-

¹⁸⁴ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 62. S. 88.

¹⁸⁵ Szembek J. Op. cit. T. IV. S. 527 (запись от 23.03.1939).

¹⁸⁶ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 62. S. 86–87.

¹⁸⁷ Graml H. Europas Weg in den Krieg: Hitler und die Mächte 1939. München, 1990. S. 187.

хопутных войск генерал-полковником В. фон Браухичем 25 марта фюрер сообщил, что пока он еще не намеревается «решать польский вопрос», но его следует «разработать»¹⁸⁸. В этом указании звучала некоторая неопределенность, отразившая колебания Гитлера. В тот же день, разговаривая с Геббельсом, он заметил в этой связи: «наше давление будет усилено. Мы надеемся достичь цели»¹⁸⁹. Эта жесткость в полной мере уже проявилась в беседе Риббентропа с Липским 26 марта, когда польский посол передавал ответ своего правительства на последние германские требования. Рейхсминистр фактически подвел черту под дальнейшим переговорным процессом, заявив Липскому, что «польская позиция не может представлять основы для германо-польского решения», поскольку «единственно возможное решение проблемы должно состоять в воссоединении Данцига с германским рейхом и в создании экстерриториальной шоссейной и железнодорожной связи между рейхом и Восточной Пруссией»¹⁹⁰. Тем временем подход Гитлера к «польской проблеме» стал еще жестче, что зафиксировал Геббельс после телефонного разговора с ним 27 марта: «Поляки есть и останутся, конечно, нашими врагами»¹⁹¹. Гитлер под влиянием твердой позиции польского руководства, выразившейся также в частичной мобилизации резервистов и усилении ими воинских частей, дислоцированных в Польском коридоре, начинает все больше склоняться к силовому варианту для решения «польской проблемы». Последним, хотя отнюдь не решающим аргументом, склонившим его к этому выбору, стало заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, сделанное им 31 марта в палате общин, о предоставлении гарантий независимости Польши¹⁹². Тем самым проблемы двусторонних польско-германских отношений вышли за их рамки, чего Гитлер ни при каких обстоятельствах не собирался допускать.

На следующий день, 1 апреля, фюрер отдал распоряжение генералу Кейтелю о подготовке плана нападения на Польшу. Спустя 2 дня соответствующая директива была подготовлена, что свидетельствовало о том, что высшие штабы вермахта внимательно отслеживали ситуацию в германо-польских отношениях и загодя проделали большую предварительную работу. 11 апреля Гитлер утвердил эту директиву — «план Вайс», предусматривавшую за-

¹⁸⁸ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 99. S. 98.

¹⁸⁹ Goebbels J. Die Tagebücher. Bd. 3. S. 583 (запись от 26.03.1939).

¹⁹⁰ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 101. S. 101.

¹⁹¹ Goebbels J. Die Tagebücher. Bd. 3. S. 584 (запись от 28.03.1939).

¹⁹² См.: Документы и материалы капитулы второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. М., 1981. Док. 33. С. 62.

вершение всех подготовительных мероприятий к войне с Польшей до 1 сентября 1939 г.¹⁹³. Означал ли этот факт, что решение Гитлера о силовом варианте «урегулирования» «польской проблемы» было окончательным? Последующие события показали, что категоричная оценка происшедшего была бы преждевременна. Вместе с тем, было очевидно, что в развитии германо-польских отношений завершился важный этап. Они вступили в новую фазу, когда подготовка «третьего рейха» к войне с Польшей стала и permanently возрастающим фактором политико-силового давления на неё.

* * *

Нараставшая на протяжении 1938 г. изоляция СССР на международной арене, обусловленная взаимодействием целого ряда внутренних и внешних факторов, достигла своей кульминации в момент подписания Мюнхенского соглашения. Для сталинского внешнеполитического курса трудно было придумать худший вариант развития событий, чем тот, который завершился договоренностью четырех держав в Мюнхене. И дело было вовсе не в ее сути, т. е. не в судьбе Чехословакии, а главным образом в том, что она, эта договоренность как таковая, вообще состоялась, сведя во многом на нет многолетние усилия Кремля по натравливанию одних держав на другие. В конечном счете, любое другое разрешение чехословацкого кризиса, включая войну, даже крупномасштабную, было бы для Сталина более приемлемо, чем то, что произошло в Мюнхене. В результате СССР оказался в очень сложном положении, когда от внешнеполитических решений его высшего руководства в последние месяцы 1938 г. мало что зависело.

К сожалению, исследователям по-прежнему недоступно большинство документов, касающихся предложений руководства Наркоминдела об основных направлениях развития советской внешней политики в послемюнхенский период, не говоря уже о реакции на них Сталина. Это, несомненно, затрудняет изучение механизма формирования и принятия внешнеполитических решений, вынуждая сплошь и рядом идти в обратном направлении — от фактического события к гипотетическому замыслу и соответствующему решению. В подобной ситуации некоторые выводы неизбежно будут иметь предположительный характер.

Приоритетной внешнеполитической задачей послемюнхенской политики Сталина стало достижение соглашения с нацистской Германией, что обуславливалось как продолжаемой западными

¹⁹³ IMT. Doc. 120-C. Vol. XXXIV. P. 381, 388–391.

державами политикой «умиротворения» и все большего дистанцирования от тоталитарного режима СССР, так и в силу наметившейся общности внешнеполитических интересов Советского Союза и Германии, которую Сталин, из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене, «разглядел» значительно раньше, чем Гитлер. Сочетание прежде всего этих факторов в условиях динамично развивавшейся международной обстановки оказало большое влияние на формирование внешнеполитического курса СССР. При этом в послемюнхенский период одним из существенных элементов многоходовой комбинации по достижению «дружбы, скрепленной кровью» с «третьим рейхом» стали для Кремля отношения с Польшей.

Как уже отмечалось выше, в преддверии Мюнхенской конференции напряженность в них возросла. Затем ее отзвуки еще некоторое время были заметны на страницах советской печати¹⁹⁴, но скорее это была уже инерция прежних дипломатических баталий. Советское руководство наметило новую тактическую линию в отношении Польши, которая на ближайшее время была избрана объектом серьезных дипломатических усилий. Их целью являлось разорвать или, по крайней мере, резко ослабить сформировавшийся, как представлялось в Москве, тандем Варшавы и Берлина. Причем отнюдь не для того, чтобы сблизиться с Варшавой, а исключительно для того, чтобы осложнить, насколько возможно, польско-германские отношения, создав тем самым основу для сближения с «третьим рейхом» прежде всего за счет Польши.

Первым звеном в этой комбинации было снятие напряженности в советско-польских отношениях путем активизации дипломатических контактов. Это потребовало определенных усилий. В качестве средства вовлечения Варшавы в дипломатические переговоры было избрано... запугивание ее перспективой советско-германского сближения с «логически» вытекающими из него последствиями для Польши. Впервые этот «пробный шар» в послемюнхенский период был запущен Потемкиным в беседе с французским послом в СССР Р. Кулондром уже 4 октября 1938 г. При этом заместитель наркома иностранных дел не сказал абсолютно ничего нового в сравнении с изложенным им же, но под псевдонимом, в журнале «Большевик» в апреле 1938 г. (см. выше), заметив, что «Польша подготавливает свой четвертый раздел»¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Лпковаше грабителя // Известия, 1938, 3.10; «Самоопределение» по-польски // Известия, 1938, 4. X; Польско-вешгерские плахи дальнейших захватов // Известия, 1938, 21. X.

¹⁹⁵ Documents Diplomatiques Français 1932–1939, 2-Série (1936–1939). T. XII. Doc. 17. P. 28. В мемуарах Кулондра приводится высказывание Потемкина более

Эта же мысль, но уже в форме недвусмысленного предупреждения, вскоре была представлена более широкому кругу зарубежных дипломатов на страницах «рупора» Наркоминдела. В статье «Что может ожидать польских агрессоров?», в частности, говорилось: «Вступив на путь агрессии и империалистических аннексий, Польша сама рискует стать жертвой этой политики в ближайшем будущем»¹⁹⁶.

Так или иначе не прошло и 10 дней после того, как Польша реализовала свой ультиматум Чехословакии, оккупировав ее Тешинскую область, как посол Гжибовский был принят Потемкиным. В состоявшейся 2-х часовой беседе выделим два момента. Заявление Потемкина, что Москва готова к сотрудничеству и «никакая протянутая Советам рука не повиснет в воздухе»¹⁹⁷. И не менее важное — полное отсутствие каких-либо упоминаний по поводу соучастия Польши в разделе Чехословакии. Последнее было крайне важным симптомом, демонстрировавшим желание Москвы «забыть» о случившемся и сделать «шаг навстречу». И в Варшаве этот сигнал был воспринят. Почему? Представляется наиболее вероятным, что Бек был немало разочарован тем, что Польша не оказалась в числе участников Мюнхенской конференции, а также уже проявившемся противодействием Берлина установлению общей польско-венгерской границы. В подобной ситуации (пакет германских предложений Польше еще не был вручен) Бек был заинтересован в том, чтобы оказать косвенный нажим на Берлин, начав контригру и открыто продемонстрировав стремление к поддержанию политики «равноудаленности», путем некоторого выравнивания баланса в отношениях с соседом Варшавы на востоке. В этой связи беседа Потемкина с Гжибовским 8 октября пришлось как нельзя кстати. Получив отчет о ней, министр иностранных дел направил послу в Москве инструкции, согласно которым Гжибовскому следовало «поддерживать дружественные бе-

«откровенное», по пмепно в силу этого обстоятельства представляющееся менее вероятным в то время: «У нас нет больше другого выбора, как договориться с Германией в расчете на четвертый раздел Польши» (*Coulondre R. De Staline à Hitler. Paris, 1950. P. 165*). Предпринятые попытки ознакомиться с советской записью этой беседы в АВП РФ успехом не увенчались.

¹⁹⁶ Le Journal de Moscou, 1938, 11.10.

¹⁹⁷ ДМИСПО. Т. VI. Док. 262. С. 366. В записи этой беседы, сделанной Потемкиным, приводится более обтекаемая формулировка: «Советский Союз... будет и в дальнейшем укреплять свою хозяйственную мощь и свою оборону, не отказываясь от мирного сотрудничества с любым государством...» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 55).

седы и продвигаться в направлении уже продемонстрированной Потемкиным разрядки в наших непосредственных отношениях»¹⁹⁸.

Новая встреча Гжибовского с Потемкиным 20 октября положила начало серии бесед польского дипломата с руководством Наркоминдела, на основе высказанного послом предложения «подумать о существенном улучшении... взаимоотношений»¹⁹⁹. И хотя в данном случае Гжибовский определенно вышел за рамки полученных инструкций, что не ускользнуло от внимания его собеседника²⁰⁰, но тем не менее процесс пошел... Последовавший интенсивный обмен мнениями в Москве обнаружил стремление советской стороны придать сближению двух стран как можно более весомый характер, например, включив в текст коммюнике пункт о консультациях по проблемам, представляющим взаимный интерес. Полностью отдавая себе отчет в невозможности, даже если бы случилось невероятное и Варшава согласилась бы с этим предложением, реализовать его на практике, руководство НКИД тем не менее настаивало на включении пункта о консультациях в текст коммюнике²⁰¹. Последнее объяснялось тем, что таким образом увеличивались шансы на использование «польского фашизма»²⁰² в качестве эффективного рычага давления на Германию. Вместе с тем, позиция, занятая руководством Наркоминдела во время бесед с польским послом, отличалась заметной гибкостью и даже уступчивостью, что особенно проявилось в согласии на опубликование именно польского проекта совместного коммюнике²⁰³. Это подтверждает предположение, что в Кремле большое значение придавали самому факту публикации и потому шли на уступки, касавшиеся его содержания.

Однако эта «покладистость» не исключала давления на Варшаву по другим каналам. Так, меньше чем за неделю до опубликования совместного коммюнике, в «Известиях» появилась статья собкора газеты в Праге, «раскрывающая» гипотетические планы Берлина, нацеленные на поэтапное расчленение Польши. При этом автор, как бы совершенно естественно, проецировал Мюнхенские соглашения на дальнейшее развитие германо-польских отношений. «Если можно было превратить

¹⁹⁸ Цит. по: *Pagel J.* Op. cit. S. 182.

¹⁹⁹ ДВП. Т. XXI. Док. 432. С. 598.

²⁰⁰ См. постскрипtum Потемкина к записи этой беседы // Там же. С. 600.

²⁰¹ ДМИСПО. Т. VI. Док. 265. С. 370.

²⁰² «Польский фашизм» — весьма распространенный оборот в советской дипломатической переписке того времени. См.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 15а. П. 32. Д. 1. Л. 11.

²⁰³ Год кризиса. Т. 1. Док. 59. С. 113.

Чехословакию в вассальное „триединое“ государство, — говорилось в статье, — якобы... утверждая ее национальную самостоятельность, усиливая ее этнографическую гомогенность путем отторжения областей с иным национальным населением и путем ее реорганизации на федеративных началах — то почему этого нельзя сделать в Польше? Коридор, Познань и польская Силезия отлично могут играть роль Судетов для „самоопределения“ тамошних немцев... Почему не превратить и Польшу в триединое государство поляков, белорусов и украинцев, вернув немецкие части Польши обратно Германии?» Подкидывая подобного рода «разоблачительные» идеи, в Кремле не забывали и о своих собственных интересах, как бы невзначай дав понять в той же публикации, что вовсе не собираются при этом только присутствовать: «Кто знает, может быть, украинский народ „самоопределится“ в Польше и иным путем»²⁰⁴.

В целом, инспирированное в печати и по дипломатическим каналам давление на Варшаву не принесло желаемых в Москве результатов. Оно не оказало никакого влияния ни на содержание польско-советского коммюнике, ни на состояние польско-германских отношений, развитие которых зависело совсем от других причин. Не оправдала себя, как показали последующие события, и оценка внешнеполитической тактики Бека в отношении СССР, сделанная руководством Наркоминдела: «Гитлеру дано понять, что в случае нужды Польша протянет руку за помощью и к Советскому Союзу»²⁰⁵. В действительности, польское руководство не собиралось ни при каких обстоятельствах обращаться за помощью к СССР (Гитлер об этом знал и всегда учитывал это обстоятельство в своих расчетах), но в конкретной внешнеполитической ситуации поздней осени 1938 г. оно было по ряду причин заинтересовано в нормализации (никак не более!) польско-советских отношений, особенно в развитии торгово-экономических связей и в подтверждении приверженности обоих государств ранее заключенным договорам.

²⁰⁴ Из истории Карпатской Украины // Известия, 1938, 21. 11. Не исключено, что именно эта публикация побудила Гжибовского в уже упоминавшейся беседе с Литвиновым 25 ноября вновь затронуть вопрос «о влиянии на прессу». В ответ он услышал лицемерное заявление наркома: «... мы избегаем твердых обязательств в отношении прессы потому, что у нас не существует предварительной цензуры. ...Наша печать, конечно, учет значенне коммюнике. ... дальнейшее зависит, конечно, от поведения правительств» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 5. Л. 76–77. Это место было опущено при публикации документа в сб. «Год кризиса». Т. 1. Док. 59. С. 113).

²⁰⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 22. П. 180а. Д. 2. Л. 22.

Однако опубликованное в советской и польской прессе 27 ноября 1938 г. коммюнике о беседах наркома иностранных дел Литвинова и посла Гжибовского²⁰⁶, подтверждавшее в самой общей форме приверженность СССР и Польши договору о ненападении (1932 г.), как гарантирующему «нерушимость мирных отношений между обоими государствами», не удовлетворило в полной мере ни одну из сторон. Весьма разочарованы были в Москве, где Литвинов охарактеризовал этот документ как «довольно бесцветный»²⁰⁷. В свою очередь, руководство польского МИД определенно опасалось, как бы опубликованное коммюнике не было излишне болезненно воспринято в Берлине (Бек все еще мыслил категориями, когда Польша вела диалог с Германией на равных), и в связи с этим решило подготовить специальное сообщение, которое Отдел печати распространил только среди германских корреспондентов. В нем, в частности, говорилось, что «опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений» между двумя странами и «является результатом советской инициативы». Польша же «в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне»²⁰⁸.

Напротив, советское руководство, обеспокоенное тем, будто давление на Берлин явно не получается, всячески старалось создать впечатление, что реальная ценность совместного коммюнике неизмеримо выше, чем можно заключить из опубликованного текста. 27 ноября Сталин принимает решение использовать этот документ для дальнейшего втягивания Польши в переговорный процесс. С этой целью экстренно оформляется решение Политбюро, направленное на оперативное решение ряда вопросов, неоднократно поднимавшихся польской стороной: расширение торговли, восстановление польского кладбища в Киеве и католического костела в Москве, предоставление польскому посольству сведений об арестованных в СССР польских гражданах и др.²⁰⁹ В соответствующем духе была выдержана и появившаяся на следующий день передовая статья в «Известиях» «СССР и Польша»²¹⁰. Ее содержание далеко выходило за рамки не только коммюнике, но и предшествовавших ему бесед руководства Наркоминдела с польским послом. Так, например, в последних ничего не говорилось

²⁰⁶ ДВП. Т. XXI. Док. 468. С. 650–651; ДМИСПО. Т. VI. Док. 267. С. 371.

²⁰⁷ ДВП. Т. XXI. Док. 466. С. 649.

²⁰⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы (далее — СССР в борьбе). М., 1971. Док. 55. С. 97.

²⁰⁹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 63.

²¹⁰ Известия, 1938, 28. XI.

«о стремлении обеих сторон к укреплению мира в Восточной Европе». Адресованная Польше заключительная фраза статьи одновременно являлась одним из элементов давления на Германию: «Всякая страна, действительно желающая в послеюнхенской обстановке укрепить свою безопасность, должна считаться с Советским Союзом, как с могучим фактором мира, и может рассчитывать на его поддержку».

Таким образом, если в Варшаве всячески пытались свести до минимума впечатление об антигерманской направленности польско-советского документа, делая это весьма старательно и потому заметно для наблюдателей, то советская сторона предпринимала все возможное, чтобы оттенить именно эту направленность опубликованного коммюнике. В этих целях в центральных органах печати помещались прежде всего те выдержки из зарубежных газет, в которых высказывались предположения именно об антигерманском «острие» советско-польского коммюнике, как отражающего, не в последнюю очередь, охлаждение в германо-польских отношениях²¹¹. Однако сколько-нибудь ощутимого результата эти усилия не дали. Германский посол в СССР граф Ф. В. фон Шуленбург быстро дал оценку одной из сторон, хотя и не главной, этой дипломатической акции, а также поднятой вокруг нее шумихи, однозначно интерпретировав происшедшее как стремление Москвы внести разлад в германо-польские отношения путем заигрывания с Варшавой²¹².

Последнее, несомненно, также имело место, так как руководство Наркомаиндела и особенно Сталин располагали уже весьма обширной информацией по дипломатическим и разведывательным каналам о сути пакета германских предложений Польше²¹³. Советское руководство очень внимательно отслеживало «температуру» на германо-польских переговорах, определяя тактическую

²¹¹ Известия, 1938, 29. XI.

²¹² PA AA. Politische Beziehungen zwischen Polen und Rußland. Pol V 229, Bd. 1. S. 338411. См.: также: ADAP, D. Bd. V. Dok. 108. S. 116. В Берлине предельно спокойно восприняли эту польско-советскую акцию, квалифицированную только как «по существу подтверждение прежних договорных обязательств», и не более. См.: PA AA. Politische Beziehungen zwischen Polen und Rußland. Pol. V 229. Bd. 1. S. 338422.

²¹³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 21. П. 89. Д. 4. Л. 249–247. Важным источником информации о состоянии германо-польских отношений был советник германского посольства в Польше Р. фон Шеллиа, некоторые фрагменты дописаний которого были опубликованы в сборнике СССР в борьбе. Док. 45, 79, 83, 84, 276, 308. Подробно о деятельности Шеллиа См.: *Salm U. Rudolf von Scheliha 1897–1942. Ein Deutscher Diplomat gegen Hitler.* München, 1990.

линию в отношениях с Польшей в зависимости от их развития. До тех пор пока состояние этих переговоров (по оценкам Москвы) оставляло надежду на достижение какого-то компромисса между Берлином и Варшавой, советская сторона не прекращала усилий по «наведению мостов» в отношениях с Польшей. Причем предпринимаемые Москвой шаги в этом направлении носили как вполне официальный, так и неофициальный, порой даже откровенно провокационный характер, преследовавший одну единственную цель — утечку информации. К числу последних относился и активный зондаж, предпринятый в середине декабря 1938 г. советским военным атташе в Литве майором М. Коротких в беседе с польским военным атташе полковником Л. Миткевичем. Советский представитель, хорошо осведомленный о критическом отношении своего собеседника к внешней политике Бека, развил план создания советско-польского военного союза в рамках широкой антигерманской коалиции, в формировании которой Польше отводилась роль силы, консолидирующей страны между Черным и Балтийским морями. При этом было подчеркнуто, что первостепенным вопросом, требующим урегулирования, является согласие Польши на введение Красной Армии на территорию государств Балтии при первых же признаках германской агрессии²¹⁴. По завершении этой встречи польский военный атташе отправил подробное донесение в генеральный штаб, откуда на него никакой реакции не последовало²¹⁵. Последнее было совершенно естественно, принимая во внимание отношение польских военных кругов к Советскому Союзу вообще, не говоря уже о возможности активного сотрудничества с ним на международной арене, а тем более — в военной области. Не менее очевидно и то, что те лица в Москве, которые инициировали подобный «зондаж», не могли не отдавать себе отчета в бесперспективности такого шага. Это, в свою очередь, придает большую весомость предположению, что от сделанного советским военным атташе своему польскому коллеге предложения и не ждали никакого результата, кроме одного — утечки информации о самом факте беседы по поводу планов создания антигерманской коалиции с участием Польши.

Показательна была и история заключения торгового договора и ряда сопутствующих ему соглашений. О прибытии польского представителя в ранге директора департамента министерства про-

²¹⁴ Представляется отнюдь не случайным совпадением, что эта беседа двух военных атташе имела место в тот же день, когда в центральной советской печати появилась информация-однодневка (к этой теме вернулись спустя месяцы) под заголовком «Военные приготовления Германии на польской границе» (Известия, 1938, 15. XII).

²¹⁵ См. подробно: *Pagel J. Op. cit. S. 206–210.*

мышленности и торговли в Москву было официально сообщено в печати ²¹⁶. По завершении его рабочего визита было опубликовано «Сообщение ТАСС» о состоявшемся обмене мнениями по вопросу значительного увеличения торгового оборота, а также о проведении в январе 1939 г. торговых переговоров между двумя странами ²¹⁷. Одновременно в ходе визита был подписан двусторонний протокол о предстоявших торговых переговорах ²¹⁸. Последние начались в Москве 19 января 1939 г. и завершились ровно через месяц подписанием торгового договора ²¹⁹, ставшего первым подобного рода соглашением в истории двух государств.

Однако атмосфера, в которой проходили переговоры, на протяжении января — февраля постепенно ухудшалась ²²⁰, что, в конечном счете, сказалось на содержательной стороне подписанного договора (сокращение объема товарооборота, отсутствие соглашения о транзите), не говоря уже о его последующей реализации. Спустя еще полтора месяца, к концу марта 1939 г. практически не осталось и следа от акцентирования Москвой внимания на советско-польском сближении, в том числе и в области торговых отношений. Теперь польский посол вынужден был обращать внимание руководства Наркоминдела на серьезные проблемы, возникшие в связи с только что заключенным договором ²²¹. Очевидно, по мере того как у Сталина и в Наркоминделе стала накапливаться информация о все более обострившихся германо-польских отношениях, интерес Москвы к демонстрации сотрудничества с Варшавой стал резко убывать ²²². Необходимость в «польской карте» явно отпала. Более того, нежелательно было создавать впечатление в Берлине, что СССР связан с Польшей какими-либо обязательствами о поставках военного назначения. И в этой связи весьма примечателен выбор времени для осуществления на первый взгляд не очень броской, но чрезвычайно серьезной внешнеполитической акции, наглядно показавшей, где находилось при-

²¹⁶ Известия, 1938, 1. 12.

²¹⁷ Известия, 1938, 21. 12.

²¹⁸ ДВП. Т. XXI. Док. 492. С. 685–686.

²¹⁹ ДМИСПО. Т. VII. Док. 11. С. 34–38.

²²⁰ Оценка дапа по воспоминаниям польских дипломатов, принимавших участие в переговорах по выработке торгового договора. См.: *Pagel J. Op. cit.* S. 216.

²²¹ ДМИСПО. Т. VII. Док. 37. С. 67.

²²² Во внешнеполитической части доклада на XVIII партсъезде Сталин даже не упомянул Польшу, хотя, казалось бы, заключение первого торгового договора между двумя государствами было несомненным позитивом в советской внешней политике и уж никак не ординарным событием. Однако акцентирование внимания на улучшении отношений с Польшей уже не входило в планы советского вождя.

оритетное направление в политике Кремля. Спустя считанные дни после того как польско-германские переговоры окончательно зашли в тупик и фактически прекратились, спустя всего несколько дней после того как Н. Чемберлен заявил о предоставлении гарантий Польше и западной дипломатией были приняты первые робкие шаги по установлению контактов с СССР в условиях динамично ухудшавшейся на протяжении марта международной обстановки, Сталин одобряет инициативу Литвинова²²³ о публикации совершенно недвусмысленного «Сообщения ТАСС». В последнем опровергались утверждения некоторых органов французской печати о якобы взятых СССР на себя обязательствах «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»²²⁴ (выделено мной. — Авт.).

Вне зависимости от того, преследовалась ли этой публикацией цель оказать давление на западные державы (здесь можно строить только не очень аргументированные предположения), она сама по себе содержала поистине бесценную для Берлина стратегическую информацию²²⁵. Одновременно «Сообщение ТАСС» свидетельствовало о том, что Кремль более не рассматривает Польшу как средство давления на «третий рейх». Эта тактика себя не оправдала — ухудшение германо-польских отношений никак не было связано с демонстративными усилиями Москвы по сближению с Варшавой. Не дала она ничего и в плане осуществления основного замысла Сталина — достижения соглашения с Берлином, который по-прежнему оставался глух ко всем сигналам, посылаемым Кремлем. Продолжать заигрывать с Польшей было уже и небезопасно, особенно в обстановке динамизации внешней политики Германии и связанного с ней усиления международной напряженности. Теперь в качестве средства давления на Берлин должна была выступить угроза заключения союза СССР с западными державами.

Итак, конец марта — начало апреля 1939 г. знаменовал собой рубеж в политике Германии и СССР по отношению к их соседу — Польше. В одном случае — начало перехода от политико-дипломатического давления на Польшу к подготовке силового решения «польской проблемы», в другом — поворот от использования фактора сближения с Польшей как средства влияния на германо-польские и германо-советские отношения к сведению до мини-

²²³ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 194. С. 246.

²²⁴ Известия, 1939, 4. IV.

²²⁵ В руководстве германского МИД был проявлен несомненный интерес к этому «Сообщению ТАСС» (РА АА, Büro Unterstaatssekretär. R 29902).

му советско-польских отношений и их значения для внешней политики Кремля. Синхронность этих двух процессов уже несла в себе зародыш тех стратегических клещей, с реальностью которых до того самого момента, когда они сомкнулись, не желало считаться высшее польское руководство, но на которые давно сделал ставку Сталин.

* * *

На завершающем мирный период германо-польских отношений этапе в политике «третьего рейха» можно условно выделить три фазы: 1) (апрель — начало третьей декады мая 1939 г.) — беспрецедентное политико-дипломатическое давление на Польшу и одновременно интенсивное планирование военной операции против нее на фоне все еще сохранявшихся у Гитлера надежд, что предпринимаемые усилия приведут к желательному, а не вынужденному варианту; 2) (23 мая — начало августа) — принятие Гитлером окончательного решения о войне с Польшей и ее практическая подготовка на фоне усилий немецкой дипломатии по внешнеполитическому обеспечению польской кампании; 3) август — резкая активизация пропагандистского наступления на Польшу, завершение подготовки вермахта к нападению на нее на фоне достижения решающего внешнеполитического успеха — заключения пакта о ненападении с СССР.

Несмотря на то, что 11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг., важнейшей частью которой являлся план (общий замысел операции) нападения на Польшу, это еще не означало, что он принял окончательное решение на этот счет. Гитлер подписал директиву спустя неделю после того, как ее проект был представлен ему на рассмотрение. Не исключено, что фюрер мог внести определенные изменения и дополнения в ее политическую преамбулу. На это предположение наводит достаточно противоречивый характер последней, отражающий скорее политический, а не военный подход к проблеме. Так, директива начиналась с не вызывавшей двоякого толкования целеустановки: «Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления особых военных приготовлений..., чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны даже на отдаленное будущее». Однако следующий абзац преамбулы уже явно не стыкуется с предыдущим. В нем говорится: «Отношения Германии с Польшей и в дальнейшем *должны строиться с учетом нежелательности всяких трений. Но если Польша изменит свою политику применительно к Герма-*

нии, базировавшуюся до сих пор на тех же принципах, что и наша политика в отношении Польши (! — см. первую фразу преамбулы. — *Авт.*) и займет позицию, создающую угрозу рейху, то, несмотря на существующий договор, *может оказаться необходимым* решить проблему Польши окончательно»²²⁶ (выделено мной. — *Авт.*).

Приведенный отрывок директивы убедительно свидетельствует об отсутствии определенности на начало апреля 1939 г. в оценке политической ситуации, даже состояния собственно германо-польских отношений. И это также является веским аргументом в пользу предположения, что окончательного решения о войне с Польшей Гитлер в то время еще не принял. Генерал В. Варлимонт, временно исполнявший весной 1939 г. обязанности начальника штаба оперативного руководства ОКВ, вскоре после окончания войны в письменных показаниях, данных под присягой, заявил, что, согласно переданным ему Кейтелем указаниям Гитлера, в разрабатываемой директиве необходимо было отразить, что «военные приготовления Германии пока преимущественно направлены на то, чтобы усилить дипломатическое давление, которое и впредь стремилось оказывать на Польшу»²²⁷.

Действительно, давление на Польшу, хотя и приняло иные формы, нарастало на протяжении апреля — мая 1939 г. Уже 5 апреля посольство в Варшаве получило указание прекратить обсуждение пакета германских предложений и польских контрпредложений. При этом особо подчеркивалось, что предложение, сделанное фюрером, было «единственным в своем роде», значение которого «польское правительство, по-видимому, осознано не в полной мере»²²⁸. Одновременно с целью понижения уровня дипломатических контактов послу Мольтке было предложено незамедлительно отправиться «в отпуск» в Германию. Создавалось впечатление, что Берлин осуществляет своего рода дипломатическую обструкцию, близкую замораживанию двусторонних отношений, являющемуся в свою очередь нередко симптомом их последующего разрыва.

Вместе с тем Гитлер по-прежнему сдерживал пропагандистскую машину рейха. Как гласила «особо доверительная» установка для прессы германского МИД от 6 апреля, «дверь перед Польшей не должна захлопываться! Ее следует, самое большее,

²²⁶ IMT. Doc. 120-C. Vol. XXXIV. P. 388.

²²⁷ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte, München, Bestand ZS 312/II: Warlimont Walter.

²²⁸ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 159. S. 161.

так немножко прикрыть, чтобы одна щель все еще оставалась открытой для возможных дальнейших переговоров»²²⁹.

К этому же времени относятся и другие средства политико-дипломатического давления на Польшу, После заключения 22 марта 1939 г. соглашения с Бухарестом, обеспечившего «третьему рейху» «огромное влияние» на экономику Румынии²³⁰, Гитлер решил использовать эту страну в качестве одного из своих каналов влияния на польское руководство. В беседе с министром иностранных дел Румынии Г. Гафенку 19 апреля фюрер, коснувшись, в частности, вопроса о позиции Польши, заметил, что Бек совершил ошибку, отправившись на переговоры в Лондон²³¹, а не в Берлин. Он был совершенно искренен, говоря, что «никогда не поймет изменений, которые произошли в позиции Польши», что вполне «может стать роковым для нее». По всей видимости, Гитлер стремился убедить своего собеседника, а с его помощью и польское руководство, что все еще можно «исправить». При этом тональность его высказываний нисколько не была угрожающей, скорее наоборот. Это общее впечатление не изменила и довольно категоричная реплика рейхсканцлера, касающаяся Данцигского вопроса, который, по его мнению, «должен быть урегулирован в кратчайший срок, и он будет урегулирован, какими бы ни были политические комбинации г-на Бека»²³². Однако все это было лишь прелюдией к крупномасштабной политико-пропагандистской акции Гитлера, его многочасовому выступлению в рейхстаге 28 апреля²³³.

«Польская проблема» заняла в нем, хотя и не слишком большое, но весьма значимое место. Изложив историю своих предложений Варшаве по «генеральному урегулированию» двусторон-

²²⁹ Цит. по: *Sänger F.* Politik der Täuschungen. Mißbrauch der Presse im Dritten Reich. Weisungen, Informationen, Notizen, 1933–1939. Wien, 1975. S. 375.

²³⁰ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 78. S. 76–80; См. также: *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938–1944. Wiesbaden, 1954. S. 47.

²³¹ 4–6 апреля Бек вел переговоры в Лондоне, результатом которых являлось придание характера взаимности предоставленной ранее Польше гарантии британского правительства, а также достигнута договоренность о выработке двустороннего постоянного соглашения о взаимопомощи См.: Год кризиса. Т. 1. Док. 254. С. 361.

²³² Цит. по: *Gafencu G.* Europas letzte Tage. Eine politische Reise im Jahre 1939. Zürich, 1946. S. 80, 82.

²³³ Об обращении президента США Ф. Д. Рузвельта, использованном Гитлером в качестве повода для шумной пропагандистской акции, см.: *Moltmann A.* Franklin D. Roosevelts Friedensappel vom 14. April 1939. Ein fehlgeschlagener Versuch zur Friedenssicherung // *Jahrbuch für Amerikastudien*, 1964. Bd. 9. S. 91–109.

них отношений и при этом, представив Польшу не как «дающую», а как «получающую» сторону (т. к. «Данциг никогда не был польским»), Гитлер выразил сожаление в связи с тем, что его предложения были отклонены. Далее, интерпретировав недавние польско-британские договоренности о взаимопомощи как одностороннее нарушение Польшей германо-польского соглашения (1934 г.) о ненападении, фюрер объявил его «более не существующим!»²³⁴. Когда денонсируется договор о ненападении между двумя государствами, то, казалось бы, очевидно, что может последовать дальше. Однако в тот момент задача Гитлера состояла не в том, чтобы предупредить о своих дальнейших намерениях, а, совсем напротив, в оказании максимального давления на польское руководство как самим фактом аннулирования соглашения, так и оставлением в полном неведении о возможных последствиях этого шага. С этой целью Гитлер (причем совершенно неожиданно для присутствующих) заявил, что все сказанное выше отнюдь «не означает изменения моей принципиальной позиции к указанным проблемам», т. е. «если польское правительство придает значение тому, чтобы придти к новому договорному урегулированию отношений с Германией, то я буду это только приветствовать, правда, при условии, что подобное урегулирование будет тогда основываться на совершенно четких и одинаково связывающих обе стороны обязательствах»²³⁵.

Выступление Гитлера в рейхстаге со всей очевидностью обнаруживает его намерение как можно сильнее устрашить Польшу вполне вероятной перспективой войны, что, по его мнению, теперь уже неизбежно должно было понудить польское руководство к принятию его требований. Оставим в стороне вопрос об оправданности подобных расчетов. Здесь важнее констатировать все еще сохранявшееся в конце апреля 1939 г. у Гитлера стремление разрешить «польскую проблему» с помощью мощного политико-пропагандистского давления, правда, уже принявшего формы латентной угрозы войной. Соответственно была сориентирована и пропагандистская машина. Сразу же после выступления Гитлера шеф отдела прессы при имперском правительстве Х. Фритче отдал следующее распоряжение: «В отношении Польши пока все остается согласно прежним директивам. Мы не стремимся начинать большую полемику... При случае та или иная газета может в несенсационной

²³⁴ Одновременно соответствующий официальный меморандум германского правительства был вручен заместителю министра иностранных дел Шембеку в Варшаве. См.: Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 76. S. 107–112.

²³⁵ Domarus M. Op. cit. Bd. 2.1. S. 1163.

форме... сообщить о внутренних беспорядках (в Польше. — *Авт.*). Но сверх этого — ничего!»²³⁶

Нет сомнения, что в Берлине с нетерпением ожидали реакции польского руководства на речь Гитлера. Тем более, что несмотря на временами наступательный тон польской прессы, по дипломатическим каналам на протяжении апреля поступала информация о крайне нервном состоянии Бека, высказывавшегося в частных беседах о стремлении разрешить германо-польские противоречия «путем мирных переговоров»²³⁷. Одновременно польские дипломаты не уставали подчеркивать неизменно негативное отношение Варшавы к вопросу об участии их страны в каких-либо внешнеполитических и, тем более, военных комбинациях совместно с Советским Союзом, на чем, в частности, настаивали в Лондоне. Тем самым, как отмечали немецкие дипломаты, Польша вновь пыталась доказать, что «она представляет собой европейский барьер против большевизма»²³⁸. Эти и подобные им сообщения, хотя и не создавали оснований для избыточного оптимизма, фиксировали достаточно сложное положение Польши, которая, обретя британские гарантии о помощи, заручилась скорее моральной поддержкой со стороны западных держав, но при этом вряд ли могла рассчитывать на их реальную помощь в конкретные сроки²³⁹.

Однако политики и дипломаты «третьего рейха» вряд ли в полной мере отдавали себе отчет в том, насколько сложной была ситуация, в которой оказалось в тот момент польское руководство и, особенно, министр иностранных дел Бек. Речь ведь не шла теперь о выборе между «да» и «нет» германским требованиям, этот выбор был сделан раньше. Но теперь, произнося это «нет» публично, Бек фактически должен был признать фиаско всей своей предшествовавшей внешней политики. Последняя оказалась несостоятельной как в силу нереальности осуществления принципа «равноудаленности» в отношениях со своими соседями на западе и на востоке, полностью исключавшей к тому же саму возможность договоренности между ними, так и из-за ошибочности инициированного лично Бекком нарушения вышеназванного принципа в пользу политики, хотя и ограниченного, но достаточно интенсивного, особенно в

²³⁶ Цит. по: *Sänger F.* Op. cit., S. 376–377.

²³⁷ PA AA. Pol V 207. Bd. 8. S. 415330–415331.

²³⁸ PA AA. R 29683. S. 34626, 34668–34669.

²³⁹ См.: *Wehner G.* Großbritannien und Polen 1938–1939: Die britische Polen-Politik zwischen München und dem Ausbruch des Zweiten Weltkrieges. Frankfurt a. Main; Bern, 1983. S. 225–226.

1938 г., сотрудничества с нацистской Германией, способствовавшей серьезному нарушению баланса сил в Центральной Европе и на континенте в целом в пользу Берлина.

В такой обстановке Бек 5 мая 1939 г. произнес на специальном заседании Сейма большую речь, в которой был дан ответ на выступление Гитлера в рейхстаге. При всей готовности продолжить переговоры с Германией на равноправной основе, в ней перед всем миром была обозначена зримая черта, за которой уже не было места для компромисса с ультимативными требованиями нацистского руководства. Министр иностранных дел закончил свою речь не без патетики, но с твердостью, достойной уважения: «Мы, поляки, не знаем понятия „мир“ любой ценой. В жизни людей, народов и государств существует только одно благо, которое не имеет цены — честь»²⁴⁰.

Нетрудно догадаться, что официальный Берлин с явным неудовольствием воспринял речь Бека. Впервые после нее официоз «Фелькишер Beobachter» обрушился с персональными нападками на руководителя польской внешней политики²⁴¹, который до того момента был своего рода «священной коровой» у немецкой прессы²⁴². Дипломатические и разведывательные источники рейха сообщали о большом подъеме в польском общественном мнении, вызванном этой речью. В конфиденциальной информации обращалось внимание на «объединение польских националистов и шовинистов вокруг польского министра иностранных дел» и укрепление тем самым внешнеполитического курса, подтвержденного в его выступлении. В этих условиях делался вывод: вариант действий, связанный с подрывом Польши изнутри, путем ее «судетизации», неосуществим²⁴³.

Верховное командование вермахта и генеральный штаб сухопутных войск, казалось, не обращали никакого внимания на пикировку между Берлином и Варшавой, продолжая вести планомерную разработку оперативных планов и организационно-штабных мероприятий, согласно полученным еще в конце марта указаниям. В конце апреля главком сухопутных войск Браухич уже представил Гитлеру первый вариант планируемых операций против Польши²⁴⁴, а начальник генерального штаба генерал

²⁴⁰ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 77. S. 118.

²⁴¹ См.: Völkischer Beobachter vom 7.05. 1939.

²⁴² См.: *Sänger F.* Op. cit. S. 377.

²⁴³ Oberkommando der Wehrmacht N 4900/39 geh. Ausl. Ia 23.05.1939 // Bundesarchiv-Militärarchiv. Freiburg/Br. (далее — BA-MA), RW 5/v. 350; ADAP, D. Bd. VI. Dok. 355. S. 385–386; PA AA. R 29683. S. 34776–34778.

²⁴⁴ См.: *Rohde H.* Hitlers Erster «Blitzkrieg» und seine Auswirkungen auf Nordosteuropa // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 2 / Hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. Stuttgart, 1979. S. 93.

Ф. Гальдер — предварительный график развертывания сухопутных войск, которое началось в мае ²⁴⁵. Спустя несколько дней Гальдер опробовал уже имевшиеся разработки кампании против Польши в ходе ежегодной штабной игры на местности, которую он проводил на этот раз в Силезии со 2 по 11 мая ²⁴⁶. В отличие от довольно острых дискуссий, имевших место в среде высшего генералитета по поводу решения Гитлера о войне против Чехословакии ²⁴⁷, весной — летом 1939 г. ничего похожего не наблюдалось. Преемник генерала Л. Бека на посту главного мозгового центра вермахта — генерального штаба сухопутных войск — Гальдер к этому времени уже настолько уверовал в политический талант фюрера, что, как стало известно из недавно обнаруженного фрагмента записи его доклада, сделанного перед генералами и офицерами генштаба предположительно во второй половине апреля 1939 г., прямо-таки излучал оптимизм и «рвался в бой». Фактически еще до принятия окончательного политического решения о войне с Польшей, он заявил: «... Польша должна быть скорейшим путем не только разбита, но ликвидирована... все равно, нападут ли в нынешней обстановке Франция или Англия на западе, или нет...» ²⁴⁸.

И тем не менее Гитлер все еще выжидал, что лишний раз свидетельствует, насколько непросто давалось ему предстоящее решение, насколько нежелательный вариант развития событий навязывала ему Польша. И только к 23 мая его позиция обрела большую определенность. Именно в этот день Гитлер изложил свои взгляды на международную обстановку и свои последние военно-политические решения перед узким составом высшего военного руководства ²⁴⁹. Не имея возможности в рамках данной главы проанализировать весь комплекс военно-политических вопросов, затронутых Гитлером в многочасовом выступлении (к сожалению, до сих пор так и не ставшем предметом специального исследования), остановлюсь только на тех сдвигах, которые к этому времени произошли в его отношении к «польской проблеме». Суммированно они выглядели так.

²⁴⁵ См.: Irving D. Hitlers Weg zum Krieg. München, 1979. S. 378.

²⁴⁶ См.: Hartmann Ch. Halder, Generalstabschef Hitlers 1938–1942. Paderborn etc., 1991. S. 127.

²⁴⁷ См. подробно: Müller K.-J. General Ludwig Beck. S. 272–311.

²⁴⁸ ЦХИДК. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 440. Л. 5. См. подробно об этом выступлении Гальдера: Hartmann Ch., Slutsch S. Franz Halder und die Kriegsvorbereitungen im Frühjahr 1939. Eine Ansprache des Generalstabschefs des Heeres // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ), 1997. Н. 3. S. 467–495.

²⁴⁹ IMT. Doc. L-79. Vol. XXXVII. P. 546–556.

Во-первых, Гитлер фактически признал ошибочность ставки на Польшу в ходе планируемой им войны против западных держав («Поляки не представляют собой дополнительного врага. Польша всегда будет на стороне наших противников»), а тем самым и нереалистичность своих многомесячных усилий по достижению соглашения с польским руководством. Во-вторых, Гитлер также признал, что его расчеты на втягивание Польши в Антикоминтерновский пакт как гарантию обеспечения германского тыла (против СССР) оказались несостоятельны. («Польша — также сомнительный барьер против России».) Правда, это признание выглядело как результат некоего умозаключения, а не как следствие негативной позиции Польши в этом вопросе. В-третьих, констатируя неотделимость решения «польской проблемы» от столкновения с западными державами, Гитлер не смог предложить удовлетворительного, с военной точки зрения, выхода из сложившейся ситуации («столкновение с Польшей, начатое нападением на нее, приведет к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры». «Уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключена, нет; в случае ее возникновения... лучше напасть на Запад и при этом одновременно покончить с Польшей». «Одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае допустить нельзя»). Как видно, установки явно противоречат друг другу и на горизонте определенно возникает перспектива войны на два фронта, которая была кошмаром для нескольких поколений германских политиков и генштабистов. В-четвертых, Гитлер лишь мельком коснулся не менее серьезной, хотя и чисто гипотетической ситуации — создания союза западных держав и СССР, заметив: такой союз «побудил бы меня напасть на Англию и Францию, нанеся им несколько уничтожающих ударов». Что в этой ситуации предстояло делать с Польшей, оставалось совершенно неясным. По всей видимости, фюрер, выступая перед руководством вермахта, не мог просто обойти эту проблему, как якобы несуществующую, но и не стремился ее развивать. В-пятых, Гитлер оставил практически без внимания вопрос о союзниках Германии. И это при том, что накануне был подписан «Стальной пакт» с Италией, а из его беглого упоминания Японии можно было заключить, что последняя «относилась к совместным с нами действиям (против Запада. — *Авт.*) холодно». И с этой точки зрения, международная обстановка, в которой «третьему рейху» предстояло начать войну с Польшей и скорее всего вести войну также против западных держав, выглядела не слишком радужно. В-шестых, отдавая себе отчет в сложности международного положения, в котором оказалась Германия, Гитлер формулирует главную задачу на предстоящие ме-

сяцы — «изолировать Польшу», а чтобы у присутствующих не создавалось впечатление о неразрешимости этого замысла, фюрер неожиданно вводит новый фактор: «не исключено, что Россия проявит свою незаинтересованность в разгроме Польши». Для подобного заключения у Гитлера к тому времени имелось уже достаточно оснований. В-седьмых, для него по-прежнему основной задачей остается война против западных держав, а «польская проблема» в любом случае — лишь производной от нее. Став препятствием на пути замыслов Гитлера, польское руководство поставило его в положение, когда у него не оставалось иного выбора, как принять решение «при первом подходящем случае напасть на Польшу». И последнее. Приняв политическое решение о войне с Польшей, Гитлер особо выделил то, что казалось само собой разумеющимся: «отдачу окончательного приказа о нанесении удара фюрер оставляет за собой». Что скрывалось за этой, несколько даже демонстративной, предосторожностью? Только ли стремление не напугать присутствующих фатальной неизбежностью сформулированных решений? По всей видимости, нет, если иметь в виду упоминавшийся выше сверхоптимистический доклад Гальдера. Скорее всего, Гитлер придавал очень большое значение вопросу изоляции Польши («Удача изоляции имеет решающее значение») и оставлял для себя известную возможность для маневра.

Сформулированные Гитлером в ходе совещания с верхушкой вермахта 23 мая 1939 г. решения и задачи стали важной, если не решающей, вехой на пути подготовки нацистской Германии к нападению на Польшу и тем самым, что не исключал и сам фюрер, к войне на два фронта, т. е. ко второй мировой войне.

Какие последствия могли иметь для Польши принятые Гитлером в конце весны 1939 г. решения, принимая во внимание как ее геостратегическое положение к этому времени, так и соотношение сил, которыми располагали Варшава и Берлин? На протяжении всего одного года (весна 1938 г. — весна 1939 г.) в результате резкой активизации экспансионистской политики «третьего рейха» на политической карте Европы произошли изменения столь значительного масштаба, что это непосредственно сказалось на стратегическом положении Польши. Вермахт получил возможность угрожать ее территории с севера, запада и юга, т. е. практически Польша была окружена, принимая во внимание все усиливающуюся прогерманскую ориентацию ее ближайших соседей — Венгрии и Румынии, а также характер отношений с СССР.

Конечно, геостратегические преимущества имеют значение не сами по себе, а лишь в качестве дополнения к военному инструменту государства, одно только военно-политическое руководство

которого способно в полной мере использовать или свести на нет находящиеся в его распоряжении объективные факторы. Сравнение вооруженных сил Германии и Польши к началу войны выглядело явно не в пользу последней. И хотя по численности восточная группировка вермахта превосходила Войско Польское ненамного — всего в 1,15 раза, даже количество пехотных дивизий с обеих сторон было одинаковым — по 37. Однако на этом даже чисто арифметическое равенство заканчивалось, ибо немецкая пехотная дивизия значительно превосходила по огневой мощи и мобильности соответствующее ему польское соединение²⁵⁰. Вермахт располагал 6 танковыми и 9 моторизованными дивизиями, в то время как Войско Польское — только 1-й танковой бригадой. Преимущество немцев в бронемашинах было в 4,8, в самолетах — в 2,1 раза и т. д. Правда, поляки имели абсолютное — 11-кратное превосходство в кавалерии²⁵¹. К этому надо добавить, что все вооружение вермахта (от стрелкового до бронетехники и самолетов) по своим тактико-техническим данным превосходило польское, да и ограниченные мощности польской военной промышленности не были в состоянии в значительной мере обеспечить им войска²⁵². Таким образом, очевидно, что речь шла о противостоянии современного, мобильного и высокомеханизированного вермахта и отстающего от него в развитии, как минимум, на 10 лет Войска Польского.

Вермахт имел еще и то совершенно неоспоримое преимущество, что располагал тщательно разработанным общим оперативным планом войны с Польшей, дополненным и уточненным соответствующими планами трех видов вооруженных сил, которые на протяжении лета были полностью согласованы, утверждены и направлены в войска. С мая 1939 г. постепенно набирали размах организационно-мобилизационные мероприятия вермахта, а в начале августа началась уже скрытая передислокация отдельных подразделений в Восточную Пруссию, т. е. через Польский коридор, под видом плановых осенних маневров, а также якобы для участия в торжествах по случаю 25-й годовщины битвы под Таннен-

²⁵⁰ См.: *Hauner M.* Die Rolle der Rüstungsindustrie in Osteuropa und die Verteidigungsanstrengungen Polens bis 1939 // *Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des Zweiten Weltkrieges* / Hrsg. von F. Forstmeier u H.-E. Volkmann. Düsseldorf, 1975. S. 363.

²⁵¹ См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Т. II. Пер. с нем. М., 1958. С. 14–15 (таблица 7); *Rohde H.* Op. cit. S. 111.

²⁵² См.: *Strobel G. W.* Die Industrialisierung Polens am Vorabend des Zweiten Weltkrieges zwischen Innen — und Wehrpolitik // *Zeitschrift für Ostforschung*, 1975. H. 2. S. 221–271.

бергом ²⁵³. Возможность тоталитарного режима осуществлять крупный комплекс мероприятий мобилизационного характера без официального объявления общей мобилизации также создавало серьезные преимущества в развертывании вермахта.

Военное превосходство Германии в предстоящей войне складывалось не только из тех или иных преимуществ, созданных политической и военной машиной «третьего рейха», но и из серьезных недостатков и упущений во внешней политике Польши в предвоенные годы, ее военной доктрине, состоянии военной промышленности и материально-техническом оснащении вооруженных сил. Весьма характерно, что, несмотря на заключенный в 1932 г. польско-советский договор о ненападении, СССР вплоть до конца января 1939 г. рассматривался в качестве *основной* угрозы Польше. Последние оперативные планы в связи с этим были подготовлены польским генштабом еще зимой 1938/39 г. ²⁵⁴ Только в феврале 1939 г. маршал Рыдз-Смиглы дал указание о детальной разработке оперативного плана войны на западе, т. е. против Германии. Однако разработка этого плана была во многом перечеркнута событиями марта 1939 г., резко ухудшившими оборонительные возможности Польши. В конечном счете польский оперативный план войны с Германией так и не был никогда завершен ²⁵⁵, хотя существовавший вариант исходил в общем и целом из правильной оценки германских наступательных группировок.

Несмотря на то, что польская разведка уже к концу июня располагала обширной информацией о германских военных планах, доходившей до 80 процентов точности, о концентрации ударных группировок вермахта и направлении их главных ударов ²⁵⁶, политическое руководство страны не смогло своевременно осуществить необходимые мобилизационные мероприятия. Важнейшей причиной этого была неуверенность польского политического и военного руководства в необходимости принятия крайних мер, которые, как оно опасалось, могли бы ввергнуть Польшу в войну с Германией ²⁵⁷. Груз политической ответственности оказался яв-

²⁵³ См.: Rohde H. Op. cit. S. 92–104.

²⁵⁴ См.: Prazmowska A. Britain, Poland and the Eastern Front, 1939. Cambridge etc., 1987. P. 90.

²⁵⁵ См.: Roos H. Die militärpolitische Lage und Planung Polens gegenüber Deutschland 1939 // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1957, H. 4. S. 193–196.

²⁵⁶ См.: Woytak R. A. On the Border of War and Peace: Polish Intelligence and Diplomacy in 1938–1939, and the Origins of the Ultra Secret. New York, 1979. P. 88.

²⁵⁷ См.: Zgórnjak M. Militärpolitische Lage und Operationspläne Polens vor dem Ausbruch des Zweiten Weltkrieges // Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz / Hrsg. von W. Michalka. München, 1989. S. 456.

но непосилен для польских руководителей, хотя и нашедших в себе мужество первыми среди европейских политиков, подвергшихся всестороннему давлению, сказать «нет» нацистским требованиям, но при этом не сделавших необходимых выводов из этого в сфере подготовки страны к неотвратимо надвигавшемуся нападению

Очевидно, что Польша в одиночку была не в состоянии выстоять в борьбе с нацистской Германией. Поэтому ее руководство возлагало надежды на помощь западных держав²⁵⁸ в виде обещанного ей не позднее 15 дня после начала мобилизации наступления основных сил французской армии, а также массированных ударов английской и французской авиации по территории рейха. Однако это были расчеты, построенные на песке. Несмотря на заключение 25 августа англо-польского военного союза, Великобритания, игравшая в то время ведущую роль среди западных держав, не собиралась, да и не могла оказать широкомасштабную оперативную помощь Польше, т. к. облегчение положения последней в ходе войны с Германией совершенно не входило в планы западных держав, а ее вероятному поражению не придавалось сколько-нибудь важного значения.²⁵⁹

В Берлине располагали значительной информацией о намерениях Лондона и Парижа в связи с Польшей. На совещании с Браухичем и Гальдером 14 августа Гитлер отметил: «английский и французский генеральные штабы оценивают перспективы вооруженного конфликта очень трезво и не советуют» вмешиваться в него.²⁶⁰ Поэтому неудивительно, что когда Гитлер получил известие о подписанном 25 августа англо-польском соглашении о взаимопомощи, он, хотя и сдвинул якобы под влиянием данного события сроки нападения на Польшу с 26 августа на 1 сентября (вопрос об истинных мотивах этого переноса по-прежнему остается до конца неясным), но никаких принципиальных изменений в свои планы не внес. И это понятно, поскольку 23 августа он смог записать на свой счет крупнейший внешнеполитический успех — заключение пакта

²⁵⁸ См.: *Wehner G.* Op. cit. S. 296.

²⁵⁹ См.: *Prazmowska A.* Britain, Poland and the Eastern Front. P. 176. Спустя всего 3 дня после подписания англо-польского военного договора, 29 августа, Комитет имперской обороны Великобритании рекомендовал кабинету министров не предпринимать каких-либо решительных действий против Германии, даже в поддержку создавшей Восточный фронт Польши. *Ibid.* P. 168.

²⁶⁰ *Generaloberst Halder F.* Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Bd. 1 / Hrsg. von Arbeitskreis für Wehrforschung. Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. S. 14.

со Сталиным. Резюмируя его влияние на предстоящую военную кампанию, Гитлер, сообщая высшему командованию вермахта о визите Риббентропа в Москву, констатировал: «теперь Польша находится в положении, в котором я хотел ее видеть». ²⁶¹ Это, в свою очередь, означало, что, по мнению фюрера, поставленная им несколькими месяцами ранее важнейшая задача по изоляции Польши решена.

Последние недели перед нападением на Польшу наряду с большой дипломатической активностью, предшествовавшей заключению договора о ненападении с СССР ²⁶², Берлин синхронно осуществлял два важных процесса, которые должны были, с одной стороны, накалить до предела польско-германские отношения, а с другой, убедить собственное население, но, особенно, общественное мнение западных держав, что во всем происходящем виноваты исключительно поляки. Речь идет о постоянном провоцировании пограничных и таможенных инцидентов, раздувании межнациональных конфликтов, прежде всего с участием представителей немецкого меньшинства в Польше, ставшего одновременно орудием и жертвой агрессивной политики «третьего рейха» ²⁶³, и максимально широком освещении в печати любых фактов, бросавших тень на Польшу и поляков. При этом степень достоверности или хотя бы правдоподобия не имела никакого значения. Так, предпринимавшиеся Варшавой в последней декаде августа меры оборонительного характера, вызванные резко обострившейся обстановкой на германо-польской границе, интерпретировались в немецкой печати как «лихорадочные приготовления к войне». ²⁶⁴ 25 августа на пресс-конференции в министерстве пропаганды журналисты получили указание «подать крупно на переднем плане» мобилизационные мероприятия Польши как «наступательные против Германии»; при таком освещении событий даже польские приграничные укрепрайоны должны были фигурировать не в качестве оборонительных сооружений, а как

²⁶¹ IMT. Doc. 798-PS. Vol. XXVI. P. 343.

²⁶² Подробно о фактологической стороне советско-германских переговоров в конце июля — августе 1939 г. см.: *Fleischhauer I.* Op. cit. S. 268–403; *Weber R. W.* Die Entstehungsgeschichte des Hitler — Stalin — Paktes 1939. Frankfurt a. Main, 1980. S. 223–258

²⁶³ См. подробно: *Aurich P.* Der deutsch-polnische September 1939. Eine Volksgruppe zwischen den Fronten. Berlin; Bonn, 1985; *Heike O.* Die deutsche Minderheit in Polen. Leverkusen, 1985. S. 439–446; *Jastrzębski W.* Der Bromberger Blutsonntag. Legende und Wirklichkeit. Poznań, 1990; *Jansen Ch., Weißbecker A.* Der «Volksdeutsche Selbstschutz» in Polen 1939/40. Oldenbourg, 1992. S. 24–28.

²⁶⁴ См.: *Völkischer Beobachter* vom 23, 24.VIII.1939.

«исходные позиции для запланированного наступления»²⁶⁵. Нетрудно представить себе масштабы нацистской пропагандистской кампании в момент, когда польское руководство действительно объявило 30 августа о всеобщей мобилизации.²⁶⁶

Выступая 22 августа перед верхушкой вермахта, Гитлер заявил, что даст «пропагандистский повод для развязывания войны, безразлично, будет ли он правдоподобен, или нет»²⁶⁷. Таким пропагандистским поводом стали подготовлявшиеся на протяжении нескольких недель СД и гестапо провокационные акции в отношении приграничных объектов на территории рейха, якобы исходившие с польской стороны²⁶⁸. Среди последних наибольшую известность получила «операция Танненберг» — инсценировка нападения переодетых в польскую военную форму лиц на немецкую радиостанцию в местечке Гляйвиц²⁶⁹. Именно эти провокации использовал Гитлер для оправдания агрессии против Польши, заявив в рейхстаге 1 сентября 1939 г.: «... с 4 час. 45 мин. утра открыт ответный огонь»²⁷⁰. «Незапланированная война» стала свершившимся фактом.

* * *

В докладе на XVIII партсъезде Сталин сформулировал основные принципы и задачи советской внешней политики на ближайшие годы, которые он, хотя и с известными отклонениями, проводил в жизнь вплоть до 22 июня 1941 г., когда стала очевидна их изначальная полная несостоятельность. Кредо этой политики составили 4 основных постулата, основывавшиеся на убеждении Сталина, что «вторая империалистическая война на деле уже началась»²⁷¹:

²⁶⁵ Цит. по: *Sywottek J.* *Mobilmachung für den totalen Krieg. Die propagandistische Vorbereitung der deutschen Bevölkerung auf den Zweiten Weltkrieg.* Opladen, 1976. S. 227.

²⁶⁶ См.: *Völkischer Beobachter* vom 31.VIII.1939.

²⁶⁷ IMT. Doc. 1014-PS. Vol. XXVI. P. 523.

²⁶⁸ См.: *Runzheimer J.* *Die Grenzzwischenfälle am Abend vor dem deutschen Angriff auf Polen // Sommer 1939: die Großmächte und der Europäische Krieg / Hrsg. von W. Benz u H. Graml.* Stuttgart, 1979. S. 107–147.

²⁶⁹ См.: *Runzheimer J.* *Der Überfall auf den Sender Gleiwitz im Jahre 1939 // VfZ,* 1962. H. 4. S. 408–426; *Spieß A., Lichtenstein H.* *Das Unternehmen Tannenber.* Wiesbaden; München, 1979.

²⁷⁰ *Domarus M.* *Op. cit.* Bd. 2.1. S. 1315.

²⁷¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 318.

1) стремление любой ценой остаться вне войны, прежде всего путем уклонения от участия в каких-либо коллективных действиях, способствующих ограничению ее масштабов («не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»);

2) ставка на использование углублявшегося противостояния основных капиталистических группировок для удовлетворения территориальных притязаний на территории приграничных с СССР государств («Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, ...поскольку они не попытаются *нарушить, прямо или косвенно*, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства» (выделено мной. — *Авт.*);

3) недифференцированный подход к главным игрокам на международной арене, фактически стиравший грань между политической неагрессивных и агрессивных держав и, тем самым, прокладывая путь для соглашения с последними («Мы стоим за мир и укрепление деловых отношений со всеми странами..., поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны») ²⁷².

4) Четвертый постулат не был прямо сформулирован Сталиным в докладе, будучи в то время без преувеличения не только его самым большим внешнеполитическим секретом, но и самой вождельной целью. По мнению вождя, от ее успешной реализации в решающей степени зависела судьба и всех остальных внешнеполитических задач. Молотов, вероятно, наиболее посвященный в этот сталинский замысел, так скромно характеризовал его спустя полгода на IV сессии Верховного Совета СССР: «Тов. Сталин... еще тогда (в начале весны 1939 г. — *Авт.*) поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР» ²⁷³.

Правда, требовалось еще найти пути и методы этого сближения. Нужно было «не продешевить», обеспечивая интересы своего режима. Вместе с тем важно было и не утратить имидж последовательного борца за сохранение мира, оказывающего помощь жертвам агрессии, а всю ответственность за свою несостоятельность и в том, и в другом возложить на мюнхенских «провокаторов войны», как известно, привыкших «загребать жар чужими руками». События последующих месяцев показали, на-

²⁷² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 10-21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939. С. 15.

²⁷³ Известия, 1939, 1.IX.

сколько виртуозно, хотя и не без помощи западных держав, эта тактическая установка Сталина была реализована в ходе англо-франко-советских переговоров по политическим и военным вопросам. При этом Польше или «польскому фактору» в Кремле отводилась роль сверхнадежного детонатора любых переговоров с западными державами.

Отношения с Польшей, перестав рассматриваться в Кремле в качестве рычага давления на Берлин, о чем уже упоминалось выше, вернулись в свое привычное состояние, для которого характерна была дипломатическая рутинa. Ни резкое ухудшение международной обстановки, ни наличие реальных угроз самому существованию Польского государства не побудили даже попытаться изменить что-либо в этом отношении советское руководство, явно довольствовавшееся тем, что Польша за помощью к нему не обращалась²⁷⁴. И это при том, что объективно Польша, представлявшая собой важный барьер между СССР и Германией, должна была занимать большое место не только в политических и военно-стратегических расчетах Кремля, но и в дипломатических усилиях последнего. Вне зависимости от взаимоотношений с Польшей, сохранение ее государственной независимости и территориальной целостности, несомненно, отвечало национально-государственным интересам Советского Союза. Однако здесь, как и во многих других случаях, эти интересы вошли в резкое противоречие с субъективным фактором — взглядами и намерениями Сталина. Существование Польши — этого, по выражению главы советского правительства Молотова, «уродливого детища Версальского договора»²⁷⁵ — заботило Кремль весной — летом 1939 г. только в качестве разменной монеты в крупной политической игре.

Трудно представить себе, чтобы советское руководство всерьез могло рассматривать вопрос об оказании прямой или хотя бы косвенной помощи Польше в случае нападения на нее нацистского рейха. Вот как изображал позицию Кремля нарком Литвинов в строго конфиденциальном письме полпреду Сурицу от 11 апреля: «Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют»²⁷⁶. Очевидно,

²⁷⁴ См.: «Сообщение ТАСС» // Известия, 1939, 22. 03; Жданов А. А. Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР // Правда, 1939, 29. VI.

²⁷⁵ Известия, 1939, 1. XI.

²⁷⁶ СССР в борьбе... Док. 223. С. 321. О степени конфиденциальности этого и ряда других пассажей данного письма весьма красноречиво свидетельствует приписка к нему: «P. S. Аргументация имеет целью разъяснение Вам нашей позиции и не должна быть использована Вами в разговоре с посторонними лицами без наших

что помощь Польше в их число не входила. Тогда возникает вполне закономерный вопрос: что же относилось к приоритетным внешнеполитическим интересам советского руководства в обстановке, когда возникла прямая угроза существованию соседнего с СССР государства? Оказывается, на первый план выдвинулись две основные задачи: 1) остаться вне надвигавшейся войны и 2) извлечь максимальную выгоду из этой войны. Причем, обе они были самым непосредственным образом связаны с политикой в отношении Польши.

В Кремле, несомненно, отдавали себе отчет в том, что конкретная договоренность СССР с западными державами резко увеличила бы вероятность его вовлечения в войну с Германией, и ради чего? Ради столь ненавистой Сталину Польши, о каждом километре территории которой пришлось бы в дальнейшем вести изнурительные переговоры с Лондоном и Парижем. Другое дело — достичь соглашения с руководством родственно-тоталитарного, национал-социалистического режима за счет Польши, а также ряда других суверенных государств, и при этом остаться вне войны, сохранив позицию «третьего радующегося», и спокойно наблюдать за последующим изнурительным противоборством рейха с западными державами. Как любил резюмировать некоторые свои полемические эскапады Сталин, «и дешево, и мило». В сущности, подобный политический пасьянс не представлял собой никакого особого изобретения, он, что называется, лежал почти на поверхности, не ускользнув, разумеется, от внимания зарубежных экспертов. Не случайно, в ходе беседы высокопоставленного сотрудника МИД К. Шнурре с временным поверенным в делах СССР в Германии Г. А. Астаховым 26 июля 1939 г., положившей начало форсированному дипломатическому наступлению Берлина на московском направлении, немецкий дипломат без обиняков выложил именно эти зримые краткосрочные «преимущества» (долгосрочных вообще не существовало, но об этом тогда, по всей видимости, знал только Гитлер), заявив: «что может предложить Англия России? В лучшем случае — участие в европейской войне и вражду с Германией...». В то время как Берлин мог бы предложить «нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и... германо-русское соглашение относительно взаимных интересов»²⁷⁷.

О том, что подобные идеи возникли в Кремле значительно раньше, чем в рейхсканцелярии, свидетельствуют многие факты.

дальнейших указаний» (Год кризиса. Т. 1. Док. 262. С. 372). Этот постскрипtum был опущен при публикации письма Литвинова в сборнике «СССР в борьбе...».

²⁷⁷ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 729. S. 848.

Приведем лишь два из них, имевших самое прямое отношение к вышеупомянутым замыслам Сталина. Еще в начале апреля 1939 г. Литвинов в письме полпреду в Германии Мерекалову сформулировал один из ключевых принципов в общем подходе высшего советского руководства к международным проблемам того времени: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»²⁷⁸. Как известно, в то время Запад, не говоря уже о Польше, не собирался «платить» Советскому Союзу за эвентуальное предоставление им помощи последней, не без оснований полагая, что ее оказание в конечном счете отвечает жизненным интересам СССР. Не знать этого в Кремле и в Наркоминделе не могли, во всяком случае для иллюзий на этот счет не было никаких серьезных оснований. Тогда, возможно, речь шла вовсе не о Западе... и как же в таком случае должно было обстоять дело с противодействием агрессии на континенте, которое неизбежно втягивало СССР в войну против Германии? На этот вопрос дал достаточно очевидный ответ уже преемник Литвинова на посту наркома иностранных дел. Выступая в конце мая 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР с докладом «О международном положении и внешней политике СССР», Молотов «уточнил» некоторые положения, сформулированные Сталиным на XVIII партсъезде. В частности, одна из новаций касалась отношения к агрессии. «Мы стоим за дело мира и за недопущение дальнейшего развертывания агрессии, — сказал новый нарком. *Но* (выделено мной. — *Авт.*) мы должны помнить выдвинутое т. Сталиным положение: „Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками“. Только в этом случае, — заключил Молотов, — мы сумеем до конца отстаивать интересы нашей страны...»²⁷⁹. Пожалуй, именно это «но» как нельзя отчетливо выразило нежелание советского руководства оказывать какую-либо помощь Польше, что уже вскоре нашло свое воплощение в конкретных действиях. При этом давно и ясно выраженное нежелание Варшавы принимать советские гарантии или допускать Красную Армию на территорию Польши, по существу, лишь облегчало реализацию этого внешнеполитического замысла Сталина, но ровным счетом ничего не меняло в советской политике в отношении соседнего государства.

В развитии отношений между Москвой и Варшавой с апреля по конец августа 1939 г. условно можно выделить три периода.

²⁷⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 199. С. 252–253.

²⁷⁹ Известия, 1939, 1. VI.

Первый из них, апрельский, был связан с интенсивными дипломатическими контактами. В начале апреля в ходе трех почти ежедневных встреч Литвинова и Гжибовского были сняты все неясности, возникшие в связи с отрицательной позицией польского руководства в отношении британского предложения о декларации четырех держав, направленной на предотвращение развития агрессии в Европе²⁸⁰. Польское руководство еще раз подтвердило свое нежелание участвовать совместно с СССР в каких-либо акциях, направленных против Германии²⁸¹. Вместе с тем во время заключительной беседы Литвинов отметил происходящие изменения в политике Польши, которая, согласившись «заключить пакт о взаимной помощи с Англией в момент наибольшего обострения англо-германских отношений... невольно становится на путь коллективной безопасности»²⁸². Реплику Гжибовского, представлявшую собой явно несанкционированное, а, скорее, просто полемическое высказывание, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью [и] к СССР», нарком парировал несомненно заранее заготовленной формулой, которую советские дипломаты и политики впоследствии неоднократно будут использовать как в беседах с поляками, так и с прибалтами: «она (Польша. — *Авт.*) может обратиться, когда будет уже поздно, и ...для нас вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»²⁸³. Из такой постановки вопроса следовало, что предоставлению какой-либо помощи со стороны СССР должно предшествовать не просто просьба о ней, а политическое соглашение, содержащее не в последнюю очередь условия, на которых эта помощь может быть предоставлена. Опыт ряда балтийских государств, вынужденных спустя полгода в резко изменившейся международной обстановке все-таки принять этот «данайский дар» СССР, свидетельствовал, что все опасения польского руководства, каковы бы ни были их исходные мотивы, имели под собой весьма серьезные основания.

Еще две встречи польского посла с Литвиновым 22 и 29 апреля не выходили за рамки традиционного обмена мнениями по международным проблемам. На первой из них, состоявшейся еще до выступления Гитлера в рейхстаге, Гжибовский выразил надежду, что «выставленные... Германией предложения будут взяты обратно». При этом он заметил, что Варшава «ни в коем случае не допустит влияния Германии на внешнюю политику Польши... Пределом польских уступок является невмешательство Польши во

²⁸⁰ СССР в борьбе... Док. 177. С. 265.

²⁸¹ Там же. Док. 211. С. 304–305.

²⁸² Там же. С. 306.

²⁸³ Там же. С. 307.

внутренние дела Данцига»²⁸⁴. Вторая встреча происходила уже после денонсирования Гитлером германо-польского соглашения о ненападении. Литвинов никак не выразил озабоченности по поводу последствий, которые может иметь для Польши этот шаг фюрера. Можно предположить, что его больше занимала мысль, как бы в Варшаве после столь сильного нажима не пошли на серьезные уступки Берлину. Он облек ее в форму завуалированного предостережения польскому руководству, характеризуя внешнеполитическую тактику Гитлера: «Сперва заключается соглашение, причем от другой стороны выжимаются все возможные уступки, а затем сохранение соглашения может стать в любой момент предметом нового торга для получения новых уступок, под угрозой денонсации его»²⁸⁵. Как первая, так и вторая встреча Гжибовского с Литвиновым во второй половине апреля произошла по инициативе польского посла, что также было показателем снижения интереса к этой стране, несмотря на продолжавшуюся ухудшаться международную обстановку.

Следующий этап в советско-польских отношениях приходится на май 1939 г. Смена руководства Наркоминдела вызвала однозначно позитивную реакцию в польском МИД, видевшем в Литвинове на протяжении более 10 лет крайне неудобного партнера при дипломатических контактах²⁸⁶. Его преемник, казалось, решил придать динамику двусторонним отношениям и спустя всего 4 дня после вступления в должность пригласил к себе польского посла. Ознакомив Гжибовского с содержанием советских контрпредложений Лондону и Парижу от 17 апреля²⁸⁷, Молотов в непринужденной форме поставил перед ним вопрос: «что в них плохого для Польши и правда ли, что Польша является одним из главных противников этих предложений»?²⁸⁸. Подобную, несколько необычную для руководителя внешнеполитического ведомства постановку вопроса можно было бы «списать» на неосведомленность Молотова во всех тонкостях польской позиции. Однако последовавшая затем дискуссия показала, что новый нарком совсем неплохо ориентировался в положении дел, в частности, выдвинув те же самые претензии к недавним англо-польским договоренностям, что уже высказывал его предшественник. Молотов особо подчеркнул «неприемлемость такого положения, когда, с одной стороны, дело идет об участии СССР в гарантиях для

²⁸⁴ Год кризиса. Т. 1. Док. 286. С. 394.

²⁸⁵ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 264. С. 320.

²⁸⁶ См.: *Pagel J.* Op. cit. S. 245.

²⁸⁷ СССР в борьбе... Док. 239. С. 336–337.

²⁸⁸ Там же. Док. 277. С. 379.

Польши, а с другой стороны, заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи, которое может быть истолковано как направленное, между прочим, и против СССР»²⁸⁹. В конце беседы, продолжавшейся около полутора часов, Молотов передал Гжибовскому текст советских предложений западным державам, чтобы «поляки подумали».

В Варшаве в этот момент были, несомненно, заинтересованы в том, чтобы отношения с СССР носили более стабильный характер, не ставящий под угрозу заключенные ранее политические и торгово-экономические соглашения. Оказавшись в состоянии жесткой, пока еще политико-дипломатической, конфронтации с Берлином, руководство польского МИД, разумеется, не собиралось шарахаться в другую сторону и идти на тесное сотрудничество с СССР. Вместе с тем Бек стремился закрепить достигнутый уровень торгово-экономических связей и регулярных дипломатических контактов как важного показателя нормализующихся двусторонних отношений. Он проявил инициативу и высказал желание встретиться с заместителем наркома иностранных дел Потемкиным, возвращавшимся через Варшаву из поездки по ряду стран Юго-Восточной Европы²⁹⁰. По воспоминаниям дипломатов-современников, потомственный дворянин Потемкин, прекрасно говоривший по-французски и не утративший на советской дипломатической службе хороших манер, буквально очаровал Бека²⁹¹. Эта внешняя сторона, разумеется, играет не последнюю роль в дипломатическом обиходе, но главное, все-таки, результаты состоявшейся беседы. Сведения на этот счет носят несколько противоречивый характер, но, по всей видимости, обе стороны остались ими удовлетворены. Потемкин даже телеграфировал в Москву, что «привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам не устоять». Со своей стороны, «я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»²⁹². Вернувшись в Москву и принимая спустя несколько дней Гжибовского, Потемкин интерпретировал позицию Бека уже несколько иначе, отметив, что «польский министр иностранных дел констатировал необходимость для Польши опереться на СССР в случае нападения на нее Германии»²⁹³. Польский посол охарак-

²⁸⁹ Там же. С. 380. Ср. с письмом Литвинова Сурицу от 11. 04. 1939 г. // Там же. Док. 223. С. 321.

²⁹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 141. Л. 93.

²⁹¹ См.: *Gafencu G. Europas letzte Tage*. S. 203; *Noël L. Der deutsche Angriff auf Polen*. Berlin, 1948. S. 357.

²⁹² СССР в борьбе... Док. 285. С. 389.

²⁹³ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 306. С. 367.

теризовал в отчете о беседе это высказывание заместителя наркома, как несомненный «признак нервного утомления»²⁹⁴. И для подобной оценки у Гжибовского были немалые основания, ибо даже при наличии очень большой фантазии крайне трудно допустить подобное высказывание Бека советскому дипломату.

Из упоминавшихся выше двух документов, в которых представлена советская версия беседы Потемкина с Беком, может вполне сложиться впечатление, что в задачу заместителя наркома иностранных дел входило убедить польского министра в обоснованности и правомерности включения в советские предложения, переданные Лондону и Парижу, ряда пунктов, так или иначе затрагивающих интересы Польши, т. е. то, о чем шла речь в беседе Молотова и Гжибовского 8 мая. Однако это не так. В инструкции, направленной Потемкину для беседы с Беком, подчеркивалось: «Главное для нас — узнать, как у Польши обстоят дела с Германией»²⁹⁵. Вот что прежде всего интересовало Кремль, а вовсе не изыскивание путей и приемлемых вариантов убеждения польского правительства в необходимости в той или иной форме поддержать советские предложения о коллективном противодействии агрессии.

Это обстоятельство тем более важно, что беседа Потемкина с Беком состоялась 10 мая, т. е. накануне второй встречи Молотова с Гжибовским, в ходе которой польский дипломат огласил официальный ответ Варшавы на вопросы, поставленные наркомом несколькими днями ранее. В нем особенно выделялись два пункта, не оставлявших места для двойственного толкования:

1) Польша никому не делегировала полномочий вести переговоры о предоставлении ей гарантий, считая это исключительно своим правом; 2) Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР «ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши». Резюме Молотова об этой беседе гласило: «Польша не хочет в *данный момент* связывать себя каким-либо соглашением с СССР или соглашением на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает этого *на будущее*»²⁹⁶ (выделено мной. — Авт.).

Было ли для советского руководства что-то неожиданное в такой позиции Варшавы? Конечно, нет. Все это было достаточно очевидно и заранее просчитано. Ведь уже первое приглашение Гжибовского к Молотову было всего лишь одним из элементов в той большой игре, которая, по замыслу Сталина,

²⁹⁴ Szembek J. Op. cit. T. IV. S. 735 (запись от 11.05.1939).

²⁹⁵ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 293. С. 352.

²⁹⁶ СССР в борьбе... Док. 289. С. 393, 394.

вступила в решающую стадию с устранением Литвинова с поста наркома иностранных дел.

Для Кремля на этом этапе важно было не закрепление тех позитивных сдвигов, которые наметились за предшествующие месяцы в советско-польских отношениях, а фиксация негативной позиции польского руководства на столь «искренние» предложения советской внешней политики. Что же касается обстановки «сердечности», в которой проходили эти беседы Молотова с Гжибовским, о чем последний не преминул информировать Бека, а тот, в свою очередь, даже британского посла в Варшаве Г. Кеннарда²⁹⁷, то она была лишь обычным дипломатическим приемом, когда за корректностью и внешней предупредительностью стоит стремление скрыть серьезные изменения в политике одного государства по отношению к другому. И эта тактика была продолжена во второй половине мая.

Симптоматично, что, хотя Литвинов, по всей видимости, неоднократно ставил вопрос о необходимости замещения поста полпреда СССР в Польше²⁹⁸, он все еще оставался вакантным с ноября 1937 г. Однако после назначения наркомом иностранных дел Молотова сразу же был запрошен у Варшавы агреман для нового советского полпреда Н. И. Шаронова. Что же скрывалось за столь поразительной оперативностью Кремля, учитывая падающий интерес к советско-польским отношениям?

Агреман для Шаронова был предоставлен польской стороной в нарушение всех традиционных для этой дипломатической процедуры сроков уже спустя несколько дней, 8 мая, о чем было официально сообщено в польской прессе²⁹⁹. Перед отбытием к месту своего назначения новый полпред был вызван к Сталину, который вместе с Молотовым в течение трех часов инструктировал Шаронова. Первые полтора часа беседа проходила втроем, затем к ним присоединились военный атташе в Польше полковник П. С. Рыбалко и начальник Разведупра РККА комдив И. И. Проскуров³⁰⁰.

Присутствие последнего в кабинете Сталина имело особое значение. 17 мая Проскуров направил Сталину спецсообщение, полученное по агентурным каналам, о ближайших планах Гитлера в

²⁹⁷ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third Series. Vol. V. London, 1952. Doc. 427. P. 476.

²⁹⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 2. С. 10–12.

²⁹⁹ См.: *Pagel J.* Op. cit. S. 249.

³⁰⁰ См.: Исторический архив, 1995. № 5–6. С. 38 (запись в журнале посетителей Сталина от 19.05.1939).

отношении Польши³⁰¹. Документ представлял несомненный интерес, раскрывая механизм германской политики в отношении Польши. Обратим внимание на два содержащихся в нем положения, которые не могли не вызвать повышенного интереса Сталина³⁰². Во-первых, «если Польша не согласится с германскими предложениями и не капитулирует в ближайшие недели, что вряд ли можно предположить, то в июле — августе она будет подвергнута нападению»; во-вторых, «в случае конфликта мы хотим при любых обстоятельствах добиться нейтралитета СССР»³⁰³.

Принимая во внимание внешнеполитические задачи Сталина на ближайший период, содержание спецсообщения, переданного ему начальником военной разведки, и состав присутствовавших в его служебном кабинете вечером 19 мая, можно предположить, что уточнение вопросов³⁰⁴, затронутых в упомянутом выше документе, стало как предметом обсуждения, так и, самое главное, было вменено в основную обязанность полпреду Шаронову и военному атташе Рыбалко. Инструкции, направленные 10 мая Потемкину в Варшаву, о приоритетности отслеживания состояния польско-германских отношений определяли, по всей видимости, главную задачу нового советского полпреда в Польше. Другой его задачей, скорее всего им не осознаваемой, было понижение роли польского посла в Москве, до того времени бывшего единственным связующим звеном между руководством польского МИД и Наркоминделом. В условиях ожидаемого дальнейшего обострения международной обстановки и на новом витке усилий Кремля по достижению соглашения с Берлином Молотову совершенно не нужны были частые встречи с польским послом.

На следующий день, 20 мая, нарком принял германского посла Шуленбурга, поднявшего вопрос о продолжении двусторонних

³⁰¹ Известия ЦК КПСС, 1990. № 3. С. 216–219. Источником информации был один из доверенных сотрудников рейхембисштра иностранных дел, советник «бюро Риббентропа» д-р П. Кляйст, неоднократно получавший от которого сведения, как правило, подтверждались.

³⁰² Документ привлек внимание Сталина, о чем свидетельствует его резолюция на полях. См.: Там же. С. 216.

³⁰³ Это место, а также ряд других, подверглись сокращению при публикации этого документа в сб. «СССР в борьбе...». Док. 266. С. 362–365; и в сб. «Год кризиса». Т. 1. Док. 311. С. 419–422.

³⁰⁴ Реакция Сталина на представленное Разведупром еще 9 мая краткое изложение положений документа о планах «третьего рейха» в отношении Польши была весьма недоверчивой. См.: *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история, 1998. № 3. С. 16.

экономических переговоров, и буквально ошеломил его заявлением: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»³⁰⁵. После доклада Сталина на XVIII партсъезде, снятия Литвинова, это заявление Молотова было самым откровенным и решительным, почти ультимативным приглашением к подведению прочной политической основы под отношения Советского Союза с нацистской Германией. Приоритеты не вызывали сомнений.

Ну, а что же Польша? Внимание к ней в это время, как уже говорилось, было ограничено отслеживанием состояния польско-германских отношений. При этом озабоченность, и немалую, вызывало не их обострение и вероятное перерастание в войну, а напротив, возможность достижения компромисса между Варшавой и Берлином на основе пакета германских предложений. Так, получив информацию об имевших место в 20-х числах мая колебаниях в настроении Бека, касавшихся дальнейшего развития отношений с «третьим рейхом»³⁰⁶, Москва незамедлительно направляет соответствующие инструкции Шаронову. Последний, принимая у себя Бека сразу же после вручения верительных грамот президенту Мосьцицкому, позволил себе в ходе беседы почти недипломатическую реплику, в полной мере отражавшую озабоченность Кремля: «...мы вполне понимаем политику и положение Польши, но политика уступок, независимо от их размеров м[ожет] б[ыть] чревата всякими нехорошими последствиями и за уступкой маленькой деревни можно пойти до потери независимости». На что Бек ответил достаточно определенно: «если немцы думают, что Польша не будет воевать потому, что мы спокойно ведем себя, то они ошибаются. Мы уже дали им небольшой урок, второй урок будет серьезнее первого»³⁰⁷. В Кремле могли быть спокойны — Польша идти на уступки не собиралась, что, по имевшейся информации, означало войну.

Отличительной чертой третьего (июньско-августовского) этапа в советско-польских отношениях было сведение к минимуму контактов руководства Наркоминдела с польским послом, а также круга обсуждавшихся вопросов, что было характерным симптомом свертывания отношений. Советская сторона отказалась от заключения соглашения о взаимном транзите товаров через территорию Польши и СССР, что было большой неожиданностью для поляков. Обозначенные при этом позиции, выявив-

³⁰⁵ Год кризиса. Т. 1. Док. 362. С. 482–483.

³⁰⁶ СССР в борьбе... Док. 308. С. 414; О колебаниях Бека в этот период см. также: ДМИСПО. Т. VII. Док. 69. С. 114–115; *Granul H. Op. cit.* S. 214.

³⁰⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 13. Д. 141. Л. 114.

шиеся в ходе беседы Потемкина с Гжибовским 10 июня, расширяют представления о политике Москвы и Варшавы, поэтому представим их дословно.

Гжибовский: «Данный вопрос (о транзите. – *Авт.*) был поставлен Польским правительством в учете возможных военных осложнений, при которых Польша нуждалась бы в снабжении ее извне предметами и средствами вооружения. Посол надеялся, что Советское правительство благожелательно отнесется к упомянутому предложению, поскольку СССР заинтересован в сопротивлении Польши агрессору».

Потемкин: «...вопрос о транзите военных грузов поставлен был Польским правительством преждевременно. Приходится констатировать, что переговоры о сотрудничестве миролюбивых государств для противодействия агрессии в Европе находятся в такой стадии, которая еще не позволяет говорить об определенном их результате»³⁰⁸.

Как эти слова заместителя наркома иностранных дел можно согласовать с заявлением Шаронова Беку, сделанном всего двумя неделями ранее, осталось бы, наверное, загадкой, если абстрагироваться от установок Сталина в отношении Польши: «... мы, конечно, готовы были бы помочь, но чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, т. е. заранее знать о необходимости помогать»³⁰⁹. Но помогать не хотели. Видимо, для того, чтобы как-то сгладить неприятный осадок, оставшийся в Варшаве от этого шага Москвы, Шаронов при очередной встрече с заместителем министра иностранных дел Польши Шембеком 14 июня заявил, что в нынешней международной обстановке «не нужно опасаться никакого вооруженного конфликта»³¹⁰.

Если отказ от заключения транзитного соглашения можно назвать шагом недружественным Польше, то переговоры с нацистской Германией и заключение пакта о ненападении с ней в той форме и в то время, как это было осуществлено советским руководством, были уже откровенно враждебной акцией в отношении Варшавы. Но прежде, чем это произошло, «польскому фактору», практически исчезнувшему с середины мая из дипломатической дискуссии СССР с западными державами, предстояло еще сыграть, якобы, «решающую» роль в ходе англо-франко-советских военных переговоров.

Прошедший через всю послевоенную советскую историографию тезис об ответственности западных держав и Польши за срыв

³⁰⁸ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 362. С. 450–451.

³⁰⁹ ДМИСПО. Т. VII. Док. 66. С. 112.

³¹⁰ Weißbuch der Polnischen Regierung. Dok. 166. S. 238.

трехсторонних переговоров военных миссий в Москве в августе 1939 г. подвергся в конце 80-х — начале 90-х гг. серьезной переоценке со стороны некоторых российских историков. Это касалось прежде всего позиций западных держав и, конечно, политики СССР³¹¹. Однако оценка роли польского правительства, которое, якобы, «практически блокировало возможность советско-франко-английского соглашения»³¹², так и осталась, по существу, без изменения. И одна из основных причин этого состоит в том, что неудача англо-франко-советских военных переговоров в значительной мере отождествляется с жестко негативной позицией польского руководства в вопросе о пропуске Красной Армии на ее территорию для отпора агрессии.

Попробуем взглянуть на эту проблему с несколько иной стороны, которая прежде была совершенно закрыта для исследования. Как известно, одним из краеугольных для советской историографии было утверждение о полном нежелании западных держав заключить равноправное соглашение с СССР. В его обоснование приводились такие факты, как третьестепенный состав западных военных миссий, отсутствие у них необходимых полномочий для заключения военной конвенции, заранее разработанных конкретных планов военного сотрудничества и т. д. Имевшиеся же у них инструкции, как выяснилось позднее, основной задачей ставили затягивание переговоров и получение возможно более полной информации о боеспособности советских вооруженных сил³¹³.

В отличие от них советская делегация имела все необходимые полномочия как на ведение переговоров, так и на подписание военной конвенции «по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе»³¹⁴. Полно-

³¹¹ См., например: *Губианский Л. Я.* Поворот в советско-германских отношениях и восточноевропейские проблемы (некоторые аспекты) // *Политический кризис 1939 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы* / Отв. ред. И. И. Поп. М., 1989. С. 82–87; *Семиряга М. И.* Советский Союз и предвоенный политический кризис // *Вопросы истории*, 1990. № 9. С. 59–61; *Он же.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 16–28.

³¹² *Чельшев И. А.* Год кризиса: сентябрь 1938 — сентябрь 1939 года // *Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиск новых подходов* / Отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1992. С. 177. См. также: 1939 год: Уроки истории / Отв. ред. О. А. Ржепневский. М., 1990. С. 307–308, в особенности: *Сиполс В.* Тайны дипломатические. С. 74–79.

³¹³ См., например, официальную публикацию: *Панкрашова М., Сиполс В.* Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года (Документальный обзор). М., 1970. С. 91–115.

³¹⁴ СССР в борьбе... Док. 400. С. 535–536.

мочия были составлены по всей форме и скреплены подписями председателя СНК Молотова и управделами СНК М. Д. Хломова. Датированы они были 5 августа 1939 г. и стали известны исследователям уже в 1959 г. А спустя еще 33 года, в 1992 г. были опубликованы секретные инструкции главе советской военной делегации Ворошилову, написанные им же под диктовку Сталина³¹⁵. Все пункты этого документа были последовательно нацелены на то, как сорвать переговоры, возложив затем ответственность за неудачу на западные делегации и направившие их правительства. Первые пять пунктов этой инструкции наводят на мысль, что Кремль располагал большим объемом информации о «багаже» английской делегации, по всей видимости, исходявшей из британского посольства в Париже, где в 1939 г. работал Д. Маклин, один из членов «кембриджской пятерки», активно сотрудничавшей с советской разведкой³¹⁶. В них речь шла о возможности сорвать переговоры, зацепившись за процедурные вопросы или неготовность западных делегатов представить конкретные планы войны с Германией. Для нас же особенно важны пункты 6 и 7, где фигурировал «польский фактор». Приведем их полностью:

«6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал».

Поскольку ответ на этот вопрос в Кремле был известен давно, то можно с полным основанием утверждать, что данная секретная инструкция главе советской военной делегации в свою очередь дает исчерпывающий ответ на вопрос: почему закончились неудачей трехсторонние военные переговоры в Москве. Жесткая позиция министра иностранных дел Бека в вопросе о проходе советских войск через польскую территорию, не без основания считавшего, что «маршал Ворошилов пытается сейчас добиться мирным путем того, что он хотел добиться

³¹⁵ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 453. С. 584. См. также: Там же. С. 579 прим. 162; АВР РФ. Ф. 06. Оп. 16. П. 27. Д. 5. Л. 33–38.

³¹⁶ См.: *Sudoplatov P., Sudoplatov A. (with J. and L. Schecter). Special Tasks. The Memoirs of an Unwanted Spicemaster. Boston a. o., 1994. P. 95.*

силой оружия в 1920 г.»³¹⁷, только облегчала замысел Сталина по торпедированию переговоров военных миссий, но не более. Перефразируя известное высказывание Ворошилова в его интервью корреспонденту «Известий» о причинах неудачи военных переговоров трех держав в Москве³¹⁸, можно с уверенностью утверждать: не потому СССР заключил пакт с Германией, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик, а наоборот, военные переговоры были заведены СССР в тупик, чтобы, взвалив вину на западные державы и Польшу, легче было объяснить заключение пакта с Германией.

Этот вывод подтверждает и такой документ, как решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 августа 1939 г., т. е. еще за день до начала переговоров военных миссий: «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин»³¹⁹. Конечно, это решение Политбюро никоим образом нельзя связывать с каким-то переломом в умонастроении Сталина, вызванным реакцией на действия западных держав, как это делают некоторые историки³²⁰. Речь могла идти только о том, чтобы в преддверии предстоящего соглашения с «третьим рейхом» и переговоров с ним на высоком уровне соблюсти некий декорум, введя в курс дела в самых общих чертах членов Политбюро. В то время как принципиальное решение о сближении с Берлином было принято в Кремле значительно раньше и, как свидетельствуют последние исследования, начало реализовываться уже в январе 1939 г.³²¹ Что же касается «поднятых немцами вопросов», то, как телеграфировал советский дипломат Астахов Молотову 27 июля: «Германия готова разговаривать и договориться с нами по всем интересующим обе стороны вопросам... Даже в отношении Прибалтики и Польши договориться было бы также легко, как бы[ло] в отношении Украины (Карпатской Украины. — Авт.) (от которой Германия отказалась)»³²². На таких условиях Берлину было уже значительно проще достичь договоренностей с Москвой, кото-

³¹⁷ ДМИСПО. Т. VII. Док. 98. С. 165.

³¹⁸ Известия, 1939, 27. 08.

³¹⁹ Цит. по: Доклад председателя комиссии «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.» А. Н. Яковлева на II съезде народных депутатов СССР // Известия, 1989, 25. XII.

³²⁰ См., например: *Fleischhauer I. Die sowjetische Außenpolitik und die Genese des Hitler-Stalin-Paktes // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa» / Hrsg. von B. Wegner. München; Zürich, 1991. S. 31.*

³²¹ *Безыменский Л. А. Указ. соч. С. 8.*

³²² Цит. по: *Горлов С. А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова — Риббентропа 1939 г. // Новая и новейшая история, 1993. № 4. С. 28.*

рая получала реальную возможность осуществлять политику экспансии, опираясь на поддержку агрессора, и при этом сохранять, как надеялись в Кремле, некую видимость невовлеченности в мировой конфликт.

Пойдя на соглашение с «третьим рейхом», советское правительство сразу же нарушило статью 3-ю договора о ненападении между СССР и Польшей, заключенного 25 июля 1932 г., а затем продленного 5 мая 1934 г. до конца 1945 г., что еще раз было подтверждено в совместной декларации обоих правительств 27 ноября 1938 г. Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне»³²³. Советско-германский пакт прежде всего был направлен против Польши, до нападения на которую Германии оставались считанные дни, представляя, в своей преданной гласности части, *de jure* договор о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т. е. предоставляя агрессору полную свободу действий. Что же касается секретного протокола, представлявшего, по выражению советского руководства, «органическую часть пакта»³²⁴, то он зафиксировал договоренность двух агрессивных государств о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша.

И это неудивительно, поскольку политические и военные цели национал-социалистического и советского руководства в отношении Польши фактически совпали. Гитлер, выступая 22 августа 1939 г. перед верхушкой командования вермахта, обозначил цель: «уничтожение Польши». «Речь идет не о достижении какого-то определенного рубежа или новой границы, а об уничтожении врага»³²⁵. Соответственно еще ранее была сформулирована и директива ОКВ³²⁶. В свою очередь Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. следующим образом сформулировал свое отношение к польской проблеме: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые

³²³ Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой от 25.07.1932 г. // Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. III / Под ред. Б. Е. Штейна. М., 1945. Док. 176. С. 557.

³²⁴ ДВП, т. XXII. Кн. 1. Док. 470. Приложение. С. 612

³²⁵ Halder F. Op. cit. Bd. 1. S. 25.

³²⁶ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 185. S. 187.

территории и население»³²⁷. Что же касается Красной Армии, то ей накануне вторжения на территорию суверенного государства, связанного с СССР договором о ненападении, была поставлена вполне конкретная задача: «уничтожить и пленить вооруженные силы Польши», действовавшие восточнее предварительно согласованной линии раздела этой страны»³²⁸. Генезис четвертого раздела Польши завершился, начинался раздел.

³²⁷ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 феврияри 1949). София, 1997. С. 182. См. также: *Фирсов Ф. И.* Коминтерн: опыт, традиции, уроки — перешенные проблемы исследования // Коминтерн: опыт, традиции, уроки. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989. С. 21–22.

³²⁸ Боевой приказ № 01 штаба Белорусского фронта от 15.09.1939 // РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. Аналогичный приказ был издад и штабом Украинского фронта. См. также: *Лебедева Н. С.* Катышь: Преступление против человечества. М., 1994. С. 15.

Глава III

Германо-советское взаимодействие и ликвидация польского государства

В течение многих лет одной из особенно острых дискуссионных тем в мировой историографии является вопрос о советско-германском сотрудничестве в начальный период второй мировой войны, результатом которого был раздел Польши между Германией и СССР.

Значительная часть западной историографии и постсоциалистической польской литературы ставит знак равенства между экспансионистскими целями сталинского и гитлеровского руководства летом — осенью 1939 г. Заключенный между СССР и Германией 23 августа 1939 г. договор о ненападении и секретный протокол к нему рассматриваются как основа ликвидации независимой Речи Посполитой и раздела этой страны между Германией и СССР. Более того, этот договор трактуется в западной историографии как фактор, позволивший Гитлеру начать вторую мировую войну¹. Достаточно противоречиво освещается роль западных стран в период польской кампании. Часть историков считает, что Великобритания и Франция сделали все от них зависящее, чтобы предотвратить нападение Германии на Польшу, предоставив ей гарантии независимости и объявив войну Германии. Дру-

¹ Например: *Bregman A.* Najlepszy sojusznik Hitlera. Studium o współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. Londyn, 1979; *Fischer L.* Russia's Road from Peace to War: Soviet Foreign Relations, 1917–1941. New York, 1969; *Weinberg G.* Germany and the Soviet Union. Leiden, 1972; *Fabry Ph.* Die Sowjetunion und das Dritte Reich: Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart, 1971; *Taska A.* Due anni di alleaza germano-sovietica 1939–1941. Firenze, 1951; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 1–2. Stuttgart, 1979; *Wandycz P.* The United States and Poland. Cambridge. London, 1980; *Terry S. M.* Poland's Place in Europe, 1939–1943. Princeton, 1983; *Karski J.* The Great Powers and Poland 1919–1945: from Versailles to Yalta. Lanham, Maryland, 1985; *Liszewski K.* (*Szawłowski R.*) Wojna polsko-sowiecka 1939. Londyn, 1986; *Gross J.* Revolution from Abroad. The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton, 1988; *Sword K.* (Ed.) The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces 1939–1941. New York, 1991; *Cygan W. K.* Kresy w ogniu: Wojna polsko-sowiecka, 1939. Warszawa, 1990; *Kowalski W. T.* Ostatni rok Europy (1939). Warszawa, 1989; *Jurga T.* Obrona Polski 1939. Warszawa, 1990; *Gardner L.* Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993; *Duraczyński E.* Rząd polski na uchodźstwie 1939–1945. Warszawa, 1993.

гие же упрекают эти страны за отказ от реальных боевых действий против Германии в сентябре 1939 г.² В то же время подавляющее большинство зарубежных авторов ставит знак равенства между разбойничьим нападением фашистской Германии на Польшу и так называемым освободительным походом Красной Армии на территорию, вошедшую в состав Польши по Рижскому договору 1921 г. Эти исследователи отмечают, что СССР воспользовался занятостью основных капиталистических стран Западной Европы войной, чтобы начать экспансию — присоединить к себе Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию и Северную Буковину, восточные территории Финляндии, Прибалтийские государства. Много внимания уделяется и трагическим последствиям оккупации германскими и советскими войсками территорий, входивших до сентября 1939 г. в состав Польши.

В советской историографии западные концепции трактовались как злобная клевета, как буржуазная фальсификация истории. Причины поражения Польши в вооруженной борьбе с фашистской Германией представлялись как результат реакционной внутренней и внешней политики польских правящих кругов, их антисоветской ориентации. Типичным было, например, утверждение Ф. Д. Волкова, что «реакционные руководители Польши готовили вооруженные силы, строили укрепления и аэродромы на восточной границе только для войны против СССР. Они также рассчитывали, что германская агрессия будет направлена против Советского Союза, а Польша присоединится к антисоветскому походу. Поэтому ими было отвергнуто предложение СССР о заключении пакта о взаимной помощи, они не приняли своевременных мер к укреплению обороны на западе»³. В оценке факта введения советских войск на территорию польского государства советская историография неизменно следовала официальной версии, выдвинутой впервые тогда же, в сентябре 1939 г., самим руководством СССР. Согласно этой версии, начатые по приказу Кремля действия Красной Армии были вынужденной мерой, обусловленной тем, что ввиду наступившего краха польского государства советское правительство должно было позаботиться как о предупреждении возможной угрозы для своей страны, так и о защите украинского и белорусского населения на территории, о которой шла речь⁴. Разумеется,

² *Beaufre A. Le drame de 1940. Paris, 1965; Mordal J. La guerre a commencé en Pologne. Paris, 1968; Chasteney J. Cent ans de République. T. 7. Paris, 1970.*

³ *Волков Ф. Д. За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 20–21.*

⁴ *См., например: История внешней политики СССР. Т. 1. 1917–1945. М., 1976; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974; История дипломатии. Т. 4. М., 1975.*

при этом совершенно умалчивалось о тайном германо-советском сговоре относительно раздела Польши, закрепленном в строго секретном протоколе к договору от 23 августа 1939 г., т. е. еще до того, как польское государство подверглось гитлеровской агрессии.

Новые тенденции в освещении данной проблемы наметились в отечественной историографии лишь с самого конца 1980-х годов. Это было связано как с падением прежних политико-идеологических запретов, так и, конечно, с открытием архивов, извлечением на свет секретных протоколов к советско-германским договорам 1939 г.⁵ Однако и сегодня еще не все старые схемы преодолены. Но обширный фактический материал, оказавшийся в последнее время доступным для исследования, особенно архивный, дает теперь возможность реального подхода к выяснению роли отношений между Германией и СССР, взаимодействия обеих сторон в ликвидации польского государства.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в результате германо-советских договоренностей, достигнутых в августе 1939 г., Гитлеру удалось обеспечить создание столь необходимых ему благоприятных условий для агрессивных планов в отношении Польши. И нацистское руководство незамедлительно приступило к осуществлению агрессии.

Вечером 31 августа 1939 г. группа переодетых в польскую военную форму эсэсовцев ворвалась в здание радиостанции приграничного с Польшей немецкого городка Глейвиц. Сделав несколько выстрелов перед микрофоном, они зачитали заявление на польском языке о том, что пришло время войны Польши против Германии. При этом были застрелены несколько уголовников, переодетых в польскую форму. Организованная таким образом провокация должна была создать предлог для гитлеровского нападения на Польшу.

1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут немецко-фашистская авиация нанесла удары по аэродромам, узлам коммуникаций, экономическим и административным центрам Польши. Германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по полуострову Вестерплатте. Одновременно немецкие войска перешли границу и вторглись на польскую территорию с севера — из Восточной Пруссии, с запада — из Восточной Германии и с юга — из Слова-

⁵ В этом смысле из работ последних лет можно, например, отметить: *Рознов Г. Л.* Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941. М., 1991; *Волков С. В., Емельянов Ю. В.* До и после секретных протоколов. М., 1990; *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.

кии. На Польшу обрушилась вся мощь гитлеровской военной машины, подготовленной к агрессии.

Нападение Германии на Польшу стало началом второй мировой войны. 3 сентября 1939 г. правительства Великобритании и Франции, предоставившие Польше весной этого года гарантии ее независимости, вынуждены были объявить войну Германии. Однако реальной военной помощи от них поляки так и не получили. Польское государство осталось по сути один на один с агрессором.

Ход развернувшейся германо-польской войны не раз рассматривался в историографии⁶. Исследователи, анализирувавшие развитие военных действий, многократно отмечали, что польская армия вступила в ожесточенное противоборство с вторгнувшимися немецкими войсками. Но германские силы значительно превосходили по своей боевой мощи противостоявшее им Войско Польское. И это стало важнейшим фактором трагического для Польши исхода военной кампании в сентябре 1939 г.

Перед соединениями вермахта была поставлена задача окружить и уничтожить польскую армию в большой излучине Вислы западнее Варшавы. Массированное применение танков и моторизованных частей при активной поддержке крупных сил авиации позволило германскому командованию провести в Польше операцию блицкрига. Сломив оборону польской армии на рубежах вдоль границы, рассекая ее фронт и осуществляя обходные маневры на флангах, части вермахта к 8 сентября продвинулись на большую глубину. Польские войска, несшие крупные потери, были вынуждены начать отход на восток, чтобы избежать окружения. 7 сентября главнокомандующий Войска Польского маршал Э. Рыдз-Смиглы с большей частью своего штаба переместился в Брест. Начальник польского главного штаба генерал В. Стахевич с группой офицеров остался в Варшаве и продолжал осуществлять оперативное руководство войсками. Правительство Польши эвакуировалось в Люблин, затем — в Кременец. Однако основной

⁶ См., например: *Skalski S. Czarne Krzyże nad Polską. Warszawa, 1957; Kutrzeba T. Bitwa nad Bzurą. Warszawa, 1957; Vormann N. Der Feldzug 1939 in Polen. Die Operationen des Heeres. Weissenburg, 1958; Wojna obronna Polski 1939. Wybór źródeł. Warszawa, 1968; Bielecki Z., Dębowski R. 36 dni: I.IX. — 6.X. 1939 roku. Warszawa, 1971; Bethell N. The War Hitler Won. The Fall of Poland, September 1939. London, 1972; Juszkiewicz R. Bitwa pod Mławą 1939. Warszawa, 1979; Wojenna obrona Polski 1939. Warszawa, 1979; Ciechanowski K. Armia «Pomorze» 1939. Warszawa, 1983; Porwitt M. Komentarze do historii polskich działań obronnych w 1939 roku. T. I–III. Warszawa, 1983; Wrzesień 1939 w relacjach i wspomnieniach. Warszawa, 1989. *Jurga T. Op. cit.**

замысел гитлеровского плана «Вейс» — окружить и полностью уничтожить польскую армию западнее Варшавы — не был выполнен. Значительные по численности польские войска ускользнули из немецких клещей и отошли на восток.

9 сентября начался второй этап операции германской армии по захвату Польши. Задачей этого этапа было уничтожить польские войска, отходившие за Вислу и Нарев, путем их двойного охвата восточнее Вислы. Польский же главный штаб пытался отвести свои силы и создать оборонительный рубеж по линии рек Нарев, Висла и Сан. Польская армия «Познань» нанесла контрудар по левому флангу 8-й германской дивизии. Однако изменить кардинально ход боевых действий польские вооруженные силы, самоотверженно сражавшиеся с врагом, не смогли. Соединения вермахта ликвидировали последствия контрудара армии «Познань» между Вислой и Бзурой и окружили польские части восточнее Варшавы.

17 сентября начался третий и последний этап военной кампании против Польши, продолжавшийся до 5 октября и завершившийся ликвидацией ее самостоятельного государственного существования и подавлением последних очагов сопротивления польских войск. Отличительной чертой данного этапа стало непосредственное участие в этой кампании и советских войск, практическое взаимодействие между ними и вермахтом, основанное на германо-советских договоренностях, достигнутых в августе 1939 г.

Еще в самом начале гитлеровской агрессии против Польши, 3 сентября, Политбюро ЦК ВКП(б) постановило задержать в Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) на месяц красноармейцев и младших командиров, отслуживших свой срок и подлежащих демобилизации — всего 310 632 человека. Предусматривался также подъем приписного состава частей шести военных округов (Киевского особого, Белорусского особого, Ленинградского, Калининского, Харьковского и Орловского), сосредоточение автотранспорта, лошадей, тракторов, приведение в повышенную боевую готовность пунктов ПВО Минска, Киева, Ленинграда, Великих Лук и др.⁷ Началась подготовка к широкомасштабной акции — «освободительному походу» в Западную Белоруссию и Западную Украину.

В тот же день, 3 сентября, министр иностранных дел Германии И. Риббентроп направил германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу телеграмму с поручением, чтобы тот срочно обратился к В. М. Молотову и передал ему пожелание Берлина относительно вступления советских вооруженных сил в действия против польских войск, находившихся на территории, которая в со-

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Коллекция материалов.

ответствии с секретным протоколом к договору от 23 августа отходила в советскую сферу. 5 сентября Шуленбург известил Риббентропа о следующем ответе правительства СССР, полученном от Молотова: «Мы согласны с Вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило»⁸. В сущности, в этом германском предложении и советском ответе проявились как общность, так и противоречия в позициях Берлина и Москвы. Общим было их стремление к реализации августовских договоренностей, нацеленных на агрессию в отношении польского государства и раздел его территории. Однако, Берлин был заинтересован в скорейшем присоединении СССР к германской военной кампании против Польши, что ускорило бы поражение последней и сделало Советский Союз более откровенным сообщником «третьего рейха» в начавшейся войне. Москва же, наоборот, старалась максимально затушевать свое соучастие, предпочитала выждать до тех пор, когда польское государство уже будет повержено именно немецкими руками, а уж тогда, будучи внешне незапятнанной, осуществить свои территориальные претензии и ввести войска.

Но как военная, так и политическая подготовка к предстоявшему в подходящий момент вводу войск велась с нарастающей интенсивностью. По поручению Политбюро ЦК ВКП(б) наркоматы внутренних и иностранных дел срочно систематизировали сведения о Польше, готовили записки для секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, содержащие характеристику государственного устройства Речи Посполитой, ее национального состава, политических партий, экономики, вооруженных сил, транспорта, аргументы, которые при необходимости могли быть использованы для целей пропаганды в интересах предстоявшей акции⁹. Ввиду выпущенных компартиями разных стран в первые дни войны многочисленных заявлений в защиту Польши с осуждением германской агрессии, с призывами сражаться против нацизма и фашизма генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г. Димитров был вызван 7 сентября к И. В. Сталину, где ему разъяснили ситуацию. По мнению «вождя», война носила империалистический характер и была нацелена на передел мира. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было бы расшатано положение

⁸ СССР — Германия. 1939: Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле — сентябре 1939 г. / Сост. Ю. Фельдтвинский. Телех, 1983. Док. 37. С. 80–81; Док. 38. С. 81.

⁹ См., например, справку, направленную в ЦК ВКП(б) наркомом внутренних дел Л. П. Берия. — РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 15. Л. 1–16, 20–21.

богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему», — заявил Сталин. В этой же беседе он охарактеризовал Польшу как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и др. «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население», — сказал Сталин¹⁰.

В разосланной 8 сентября компартиям директиве ИККИ в соответствии с инструкциями Сталина отмечалось: «Настоящая война — империалистическая, несправедливая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств. Войну не могут поддерживать ни в одной стране ни рабочий класс, ни тем более компартии... Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности»¹¹. 15 сентября Секретариат ИККИ принял специальное решение «О национальных легионах», запрещавшее коммунистам и сочувствующим вступать в начавшие создаваться во Франции и других странах добровольческие легионы из проживавших там поляков, немцев, австрийцев, итальянцев, чехов и других антифашистов, готовых сражаться на стороне Польши¹².

Параллельно с политической подготовкой к вторжению в восточные районы Речи Посполитой продолжались интенсивные экономические и военные приготовления к предстоящей кампании. 8 сентября Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР о сокращении перевозок общехозяйственных грузов и пассажирского движения по железным дорогам с 10 по 20 сентября¹³. Железнодорожный транспорт освобождался для намеченной переброски войск и военных грузов. В тот же день нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия приказал срочно создать пять оперативно-чекистских групп по 50–70 работников НКВД в Киевском особом военном округе (КОВО) и четыре группы по 40–55 человек — в Бе-

¹⁰ Димитров Г. Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949). София, 1997. С. 181–182.

¹¹ Коммунизм и вторая мировая война. Ч. 1. До 22 июля 1941 г. / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Нарипский. Отв. ред. К. М. Алдерсон, А. О. Чубарьян. М., 1994. Док. № 9. С. 88–89.

¹² Там же. Док. № 12. С. 95; Док. № 13. С. 96–98.

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 8.

лорусском особом военном округе (БОВО). Для каждой опергруппы выделялось по одному батальону численностью 300 бойцов каждый. Для организации и проведения всех необходимых мероприятий на Украину командировался первый заместитель Берия В. Н. Меркулов, в Белоруссию — начальник Особого отдела НКВД СССР В. М. Бочков¹⁴. Именно они затем руководили «зачисткой» присоединенных к СССР территорий. Согласно директиве Берия от 15 сентября 1939 г., опергруппам НКВД следовало по мере продвижения советских войск и занятия тех или иных городов создавать органы власти — «временные управления», в состав которых входил бы и руководитель соответствующей опергруппы, обеспечивать в занятых районах порядок, установить административный, политический, идеологический контроль, арестовать «наиболее реакционных представителей правительственной администрации», «руководителей контрреволюционных партий» и т. п.¹⁵

9 сентября была подписана директива наркома обороны К. Е. Ворошилова и начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова о переходе в ночь с 12 на 13 сентября советско-польской границы частями Украинского фронта, созданного на базе КОВО, и Белорусского фронта, созданного на базе БОВО. В директиве, направленной Военному Совету БОВО, подчеркивалось, что действия войск «должны быть быстры и решительны, поэтому они не должны ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу... Граница наших действий по глубине устанавливается — м. Дрисса и далее граница с Латвией, Литвой и Восточной Пруссией до р. Писса, р. Писса до впадения ее в р. Буг, правый берег р. Буг от впадения р. Нарев до ее устья, правый берег р. Висла от устья р. Буг до устья р. Вепрш». Указывалось на необходимость «наступление вести под прикрытием истребителей во взаимодействии с бомбардировочной, штурмовой авиацией». Но при этом «избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника», т. е. польских войск¹⁶.

Эта директива была рассчитана на то, что к намеченному сроку, 12–13 сентября, немцы уже полностью подавят сопротивление

¹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Накапуше. Книга первая (январь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. Док. № 29. С. 72–73.

¹⁵ Там же. Док. № 33. С. 79–81.

¹⁶ Катынь. Пленники необъявленной войны: Документы / Сост. Н. С. Лебедева, Н. П. Петросова, В. Матерский, В. Воцлинский. М., 1997. С. 59–61.

Войска Польского в центре страны и овладеют ее столицей — Варшавой. Однако известие о том, что Варшава еще держится, побудило сталинское руководство перенести начало похода на 17 сентября. Новая директива об этом была отдана Ворошиловым и Шапошниковым 14 сентября. В ночь на 15 сентября были изданы и боевые приказы командующих Белорусским и Украинским фронтами, предусматривавшие «уничтожение и пленение вооруженных сил Польши»¹⁷.

Непосредственно войскам Украинского и Белорусского фронтов могли противостоять лишь 20 батальонов польского Корпуса пограничной охраны (КОП). Многие из них уже побывали в боях с вермахтом и были значительно ослаблены. Их оснащение оставляло желать лучшего и не позволяло быстро передвигаться. Вновь назначенный командующий КОП генерал бригады В. Орлик-Рюкеман не имел даже инструкций Верховного командования Войска Польского на случай военного конфликта с СССР. Находившиеся в восточном оперативном районе силы были не в состоянии оказать эффективное сопротивление Красной Армии. Всего же в восточных воеводствах к 15 сентября находилось около 340 тысяч польских солдат и офицеров, 540 орудий, более 70 танков.

В 2 часа ночи 17 сентября германский посол Шуленбург был приглашен к Сталину, который проинформировал его о предстоявшем переходе в 6 часов утра Красной Армией советско-польской границы. Сталин предложил, чтобы во избежание инцидентов немецкие самолеты не пересекали линию Белосток — Брест-Литовск — Львов. Было намечено, что в Белосток будут направлены советские представители для участия в советско-германской комиссии, призванной координировать действия двух армий. Кроме того, в соответствии с пожеланиями Шуленбурга Сталин с готовностью выправил текст ноты, которую предстояло вручить послу Польши в СССР В. Гжибовскому¹⁸.

Через час заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин пытался вручить этот документ поднятому с постели польскому послу. В ноте, не только умалчивавшей о гитлеровском нападении на Польшу, но и содержавшей формулировку о том, что в войну польский народ «был ввергнут его неразумными руководителями», заявлялось, что «польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства». Ссылаясь на то, что вследствие войны «Польша потеряла все свои промыш-

¹⁷ Там же. Док. № 33. С. 79–81.

¹⁸ Katyń. Dokumenty zbrodny. T. 1 / Opracowali: N. Lebidiewa, W. Materski, N. Pietrowsowa, B. Woszczoński. Warszawa, 1995. S. 10.

ленные районы и культурные центры», а Варшава в качестве столицы страны «не существует больше», советская сторона утверждала, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать» и «тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Подобная аргументация была призвана обосновать содержавшееся в ноте заявление о приказе силам Красной Армии перейти советско-польскую границу для того, чтобы, как говорилось, устранить возможную, ввиду ситуации в Польше, «угрозу для СССР» и «взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии», где проживают «единокровные украинцы и белорусы»¹⁹.

Как докладывал Потемкин Сталину, после прочтения ноты «посол, от волнения с трудом выговаривавший слова, заявил мне, что не может принять вручаемую ему ноту. Он отвергает оценку, даваемую нотой военному и политическому положению Польши. Посол считает, что польско-германская война только начинается и что нельзя говорить о распаде польского государства. Основные силы польской армии целы и готовятся к решительному отпору германским армиям. При этих условиях переход Красной Армией польской границы является ничем не вызванным нападением на республику». Потемкин особо отметил высказывание Гжибовского: «Если оно (т. е. вступление РККА на территорию Польской Республики — *Авт.*) произойдет, это будет означать четвертый раздел и уничтожение Польши»²⁰. Задержав посла под предлогом необходимости связаться с Молотовым, заместитель наркома направил сотрудника секретариата НКВД с советской нотой в польское посольство.

Содержавшиеся в советской ноте утверждения, что «Варшава как столица Польши не существует больше», что «польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни», что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать», не соответствовали реальному положению дел. Варшава держалась до 28 сентября, группировка «Полесье» — до 5 октября. Польский президент, правительство и главное командование находились в это время в стране и даже пытались осуществить перегруппировку войск. Как следует из обзора, подписанного начальником штаба Украинского фронта Н. Ф. Ватутиным, на восточный берег Вислы и Сана отводились польские армии, которые были на западе; в район Брест-Литовска — те части, что

¹⁹ Всплывшая политика СССР. Сб. документов. Т. IV (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946. Док. № 355. С. 448.

²⁰ Катяш. Документы. С. 65–67.

были на северо-востоке; армии генерала Кутшебы, находившейся в немецком окружении, ставилась задача прорваться на юго-восток; польские войска должны были также обеспечить связь с Румынией. Для того, чтобы обезопасить армию от возможного охвата немцами с северо-востока, командованию 9-го корпуса поручалось создать заградительную линию Пинск — Брест-Литовск. Одновременно в Ровно, Ковель, Луцк, Дубно были посланы высшие офицеры с заданием формировать новые части. «Но переход войсками Украинского фронта границы сорвал это мероприятие польского командования», — подвел итог Ватутин²¹.

Вводя без объявления войны Красную Армию на территорию Польской Республики, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило все договоры с Польшей. Для польского правительства и главного командования Войска Польского вступление Красной Армии на территорию страны явилось полной неожиданностью. Полагая, что советские войска вводятся в Польшу для того, чтобы не дать вермахту оккупировать значительную часть ее территории, и понимая, что война на два фронта для поляков невозможна, руководство армии и государства решило сражаться только с гитлеровцами. Армия, как правило, выполняла приказ своего главнокомандующего маршала Э. Рыдз-Смиглы, гласивший: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей... [Части], к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию»²². Как видим, у польского руководства еще сохранялись некоторые иллюзии в отношении намерений сталинского руководства.

Однако «вождь народов» и его окружение, не обращая ни малейшего внимания на протесты правительств демократических стран и возмущение мировой общественности, в тесном взаимодействии с Германией неуклонно проводили курс на ликвидацию независимого Польского государства.

17 сентября, выступая по радио в качестве председателя Совнаркома СССР, Молотов, повторяя то, о чем уже говорилось в упомянутой выше советской ноте посольству Польши в Москве, подчеркнуто заявил, что польское государство обанкротилось и фактически перестало существовать²³. На следующий день было подписано советско-германское коммюнике, в котором прямо го-

²¹ Там же. С. 131–134.

²² Там же. С. 65.

²³ Внешняя политика СССР... Т. IV. Док. № 354. С. 446, 447.

ворилось об общей задаче СССР и Германии в войне против Польши — она состояла «в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»²⁴. Однако это «переустройство» понималось весьма своеобразно — Польша ликвидировалась как государство. Именно на этой позиции стоял Сталин в беседах с Шуленбургом 20 и 25 сентября и в ходе переговоров с Риббентропом, прибывшим в Москву 27 сентября²⁵.

В то же время, намереваясь «немедленно взяться за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа» и ожидая «в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства», Сталин 25 сентября выразил готовность передать Германии населенное поляками Люблинское воеводство и правобережную часть Варшавского в обмен на Литву²⁶. Гитлер дал на это согласие.

В подписанном 28 сентября в Москве Риббентропом и Молотовым «Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией» устанавливалась окончательная граница обоюдных государственных интересов на территории «бывшего польского государства». В договоре декларировалось, что подобное «государственное переустройство», осуществлявшееся к западу от установленной линии Германией, а к востоку — Советским Союзом, правительства обеих стран рассматривают как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами»²⁷. В секретном протоколе была зафиксирована договоренность о сотрудничестве в борьбе против польской агитации.

Весьма тесным и разносторонним было и сотрудничество между вермахтом, силы которого вели боевые действия против польской армии, и советскими войсками, которые в 5 часов утра 17 сентября перешли границу и стали почти беспрепятственно продвигаться на запад, делая по 50–70 км в день²⁸.

В отличие от вторжения вермахта и его действий на польской территории, которые многократно исследовались в историографии, военная кампания, проведенная Красной Армией, не получила в течение длительного времени достаточного освещения, не

²⁴ Там же. С. 449.

²⁵ Hass G. 23 August 1939. Der Hitler—Stalin Pakt. Dokumentation. Berlin, 1990. S. 232, 235, 237–239.

²⁶ Ibid. S. 235–236.

²⁷ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. № 640. С. 135–136.

²⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–11.

говоря уже о советской исторической литературе, где эта тема относилась к разряду нежелательных по политическим причинам. Лишь в последние годы действия советских войск, начавшиеся 17 сентября 1939 г., стали предметом рассмотрения на основе архивных источников²⁹. Поэтому остановимся более подробно на том, как в действительности проходил «освободительный поход».

В ночь с 17 на 18 сентября войска Минской и Полоцкой армейских групп Белорусского фронта начали Виленскую операцию и овладели городом 18 сентября. В плен было взято 10 тыс. польских военнослужащих. К утру 19 сентября войска вышли на линию литовской границы. В то же время Витебская армейская группа Белорусского фронта (будущая 10 армия) должна была выйти на рубеж Новогрудок — Городище, Дзержинская конномеханизированная группа — захватить Гродно. Для установления связи с германским командованием на линию Сопоткин — Белосток выдвигались передовые соединения. Бобруйская группа вскоре овладела Кобриным и также установила связь с германскими частями. 22 сентября, преодолевая упорное сопротивление польских частей, защищавших Гродно, войска Белорусского фронта заняли город³⁰.

21–22 сентября соединения РККА вошли в соприкосновение с германской армией и в соответствии с соглашением между представителями СССР и Германии об установлении согласованной демаркационной линии силы вермахта начали отход на запад, а части Красной Армии, держа дистанцию в 25 км, стали выдвигаться к новой границе. К 30 сентября войска Белорусского фронта полностью выполнили поставленную перед ними задачу³¹.

Войска Украинского фронта перешли границу в 5 часов утра 17 сентября и, не встречая серьезного сопротивления, стали быстро продвигаться вперед. В итоге первого дня операции армейские группы Украинского фронта углубились на 70–100 км, овладели городами Ровно, Коломыя, Тарнополь, Чорткув. На следующий день они заняли железнодорожный узел Сарны, города Луцк, Станислав, Галич, Красне, Бучач. 19 сентября части РККА вошли в Сокаль, Броды, Бобрку, Рогатин, Долину, приблизились к окраинам Львова³². Командующий КОВО С. К. Тимошенко, ко-

²⁹ См., например: *Лебедева Н. С.* Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 15–34; *Она же.* Польша между Германией и СССР в 1939 году // *Война и политика. 1939–1941* / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999.

³⁰ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 555. Л. 78.

³¹ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–16.

³² Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 556. Л. 20–23; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 32; Д. 4. Л. 3.

торый стал командующим Украинским фронтом, направил Сталину, Молотову, Ворошилову и Шапошникову боевое донесение: «В 24.00 19 сентября 36-я танковая бригада заняла Владимир-Волыньск. Взято в плен 6 тыс. пленных и много трофеев»³³.

Через два часа после перехода Красной Армией советско-польской границы немецкие войска получили приказ остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волыньск — Белосток. Об этом, как констатировал начальник штаба КОВО комдив Н. Ф. Ватутин, было немедленно сообщено в Москву. А уже на следующий день, как отметил Ватутин, командование Украинского фронта передало штабам Северной, Восточной и Южной армейских групп, входивших в его состав, сообщение о том, что «Главное командование германских войск приказало своим частям в случае приближения советских самолетов показывать следующие знаки: а) выкладывать белые полотнища, по возможности в виде свастики; б) пускать зеленые и красные ракеты вперемешку». В сообщении указывалась линия расположения соединений вермахта и говорилось: «При сближении советских войск с германскими германское командование просит наши части не наступать ночью во избежание всевозможных случайностей». В том же сообщении следующим образом излагалась суть воззвания, с которым германское командование обратилось к своим войскам, сосредоточенным на территории, куда подходили с востока советские соединения: «Армия Советского Союза перешла западную границу. Скоро нужно ожидать встречи частей обеих сторон на остановившейся линии. При встрече частей обеих сторон от каждого батальона германских войск выделяется один офицер и объявляет — германская армия приветствует армию Советского Союза. Как офицеры, так и солдаты германской армии желают быть в хороших отношениях с вами. От Красной Армии также ожидают в дальнейшем таких же отношений...»³⁴.

Сближение двух армий побудило ускорить переговоры об установлении демаркационной линии, для чего в Москву 19 сентября прибыла военная делегация из Берлина. С советской стороны в переговорах участвовали Ворошилов и Шапошников, с немецкой — военный атташе генерал-майор Э. Кестринг, его заместитель подполковник Г. Кребс и военно-воздушный атташе полковник Г. Ашенбреннер. 20 сентября была установлена линия по рекам Писса, Нарев, Висла и железной дороге вдоль р. Сан. На следующий день стороны подписали протокол, зафиксировавший порядок и временные параметры отхода немецких

³³ Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 12.

³⁴ Там же. Д. 8. Л. 24–25.

войск на запад до установленной демаркационной линии, который должен был завершиться к 4 октября³⁵.

Примечательно, что германским войскам, в течение десяти дней осаждавшим Львов, так и не удалось заставить город капитулировать. Однако подход к Львову крупной группировки советских войск лишил его польских защитников последней надежды. К тому же 20 сентября стало известно, что гитлеровцы разбили прорывавшуюся на помощь гарнизону Львова группировку генерала Соснковского. Отходившие польские части в районе Лашки Муроване натолкнулись на красноармейские соединения. Последние завершили начатое немцами дело, взяв в плен большое количество польских военнослужащих. Сам генерал с частью войск прорвался и ушел в Венгрию.

21 сентября командование Восточной армейской группы отдало боевой приказ: «Противник удерживает последний опорный пункт на своей территории — г. Львов. обороной города руководит фашистская организация. Принцип обороны — круговой, с уличными баррикадами и частично минированными проездами. Восточная группа войск в 9.00 22. 9.39. атакует противника с задачей сломить его сопротивление, принудить сложить оружие и сдаться»³⁶. Ставилась задача не только занять город, но и отрезать пути отступления польским частям на запад. Артиллерии предписывалось произвести 10-минутный огневой обстрел и подавить очаги сопротивления. Однако приказ выполнить не удалось. Тимошенко и первый секретарь ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев сообщили Сталину, Молотову, Ворошилову и Шапошникову: «В результате ночных боев в городе Львове в 8. 40 22 сентября начальник гарнизона Львова генерал Лангнер явился лично на командный пункт командующего Восточной группой т. Голикова и сдал нам город Львов. Выделена комиссия по разработке техники передачи города. Ввожу отборные части для занятия объектов и охраны их и города. На окраинах города оставляю дежурные части и остальные привожу в порядок. Принял меры к полному удовлетворению населения питанием»³⁷.

В соответствии с условиями сдачи Львова польскому гарнизону была гарантирована возможность уйти в Румынию или Венгрию. Однако это условие не было выполнено. Более того, большинство офицеров — защитников города вскоре оказались в Старобельском лагере для военнопленных и в апреле-мае 1940 г. были расстреляны по решению Политбюро ЦК ВКП(б)

³⁵ Там же. Л. 40–41.

³⁶ Там же. Л. 5–6.

³⁷ Там же. Л. 6; Д. 7. Л. 17–18; Д. 19. Л. 207–208.

вместе с офицерами и полицейскими из Козельского и Осташковского лагерей³⁸.

Не допускался переход границы польскими военнослужащими и при осуществлении других операций. 19 сентября Тимошенко приказал командующему погранвойсками КОВО комдиву В. В. Осокину: «Немедленно закрыть госграницу на указанном участке (по р. Збруч и к западу. — *Авт.*). Не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию. Командующему Южной группой командарму т. Тюленеву выделить в распоряжение тов. Осокина части..., способные обеспечить границу занятой территории с Румынией»³⁹.

Ворошилов же потребовал от командования КОВО разъяснений, почему не прикрыт участок границы близ г. Коломыя (Кутно), через который польские части уходили в Румынию. Заместитель наркома обороны Г. И. Кулик в докладе Сталину, Молотову и Ворошилову рекомендовал срочно направить в район действий Южной армейской группы дополнительную сильную оперативную группу НКВД и очистить от «вооруженных банд» район румынской и венгерской границ. Он считал также необходимыми меры по ускорению создания администрации в занятых областях⁴⁰.

Вместе с передовыми частями РККА во все города прибывали небольшие — по 15–20 человек — группы работников партийного и советского аппарата, направлявшихся центральными комитетами КП(б)Б и КП(б)У с задачей слома старой государственной машины и замены ее новыми органами — временными городскими управлениями, крестьянскими комитетами в деревнях. Создавалась также «рабочая гвардия», которая вылавливала скрывавшихся в лесах и других местах офицеров, помещиков, жандармов, крупных чиновников польского государства. Немало их рабочегвардейцы убивали на месте. Самосуды, мародерство и грабежи как проявления классовой борьбы не только не преследовались, но и поощрялись⁴¹. Политбюро ЦК ВКП(б) ежедневно принимало решения, в которых уделялось внимание увеличению численности конвойных войск НКВД, созданию системы лагерей и приемных пунктов для военнопленных. 19 сентября 1939 г. было

³⁸ См. подробнее: *Лебедева Н. С.* Катынь: преступление против человечества; Катынь... Документы.

³⁹ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 168.

⁴⁰ Там же. Д. 7. Л. 4–14.

⁴¹ См., например: *Филиппов С. Г.* Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 49.

создано специальное Управление по делам о военнопленных⁴². На занятых территориях органы НКВД незамедлительно приступили к взятию под охрану и конвоированию к приемным пунктам военнопленных, арестам и допросам крупных чиновников, политических деятелей. Одна лишь оперативная группа № 1, «осваивая» и «зачищая» Чорткув, Городец, Коломыю, Косов, Станислав, арестовала 1923 человека. Во Львове к 28 сентября были уже закончены 10 следственных дел на видных политических деятелей Польши и руководителей украинских националистических организаций. Работа следственных групп была нацелена на «вскрытие организованных контрреволюционных формирований»⁴³.

При сближении советских и германских войск нарком обороны приказал трем армейским группам КОВО 20 сентября остановиться и начать продвижение к демаркационной линии лишь с 23 сентября. 21 сентября комбриг А. М. Василевский из Генштаба лично передал, а Н. Ф. Ватутин принял следующую директиву наркома: «Первое. Части германской армии по договоренности с нами, начиная с 22 сентября, отводятся на разграничительную линию между германскими войсками и Красной Армией, а именно на западный берег р. Писсы до ее устья, западный берег р. Нарев до ее устья, правый берег р. Буг до ее устья, западный берег р. Висла до устья р. Сан, западный берег р. Сан до ее истоков...

Второе. Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т. п. Германское Командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности и обращает особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные, оборонительные и хозяйственные сооружения... были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

Третье. Приказано войскам Белорусского и Киевского особых военных округов с рассветом 23 сентября начать движение к указанной разграничительной линии, руководствуясь следующим: а) движение войск организовать с таким расчетом, чтобы имелась дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германских частей в среднем до 25 км с тем, чтобы выйти: к вечеру 1 октября — на восточный берег реки Нарев у Остроленка и к вечеру 5 октября у Пултуска, на восточный берег р. Висла у Варшавы — к вечеру 5 октября и у Демблина — к вечеру 4 октября, на восточный берег р. Сан у Перемышля — к ве-

⁴² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 30–32; Катъльп... Документы. С. 87–88.

⁴³ Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. первая. Док. № 37. С. 88–90; Док. № 42. С. 96–97.

черу 28 сентября и у Санок и южнее — к вечеру 30 сентября; б) для разрешения вопросов, могущих возникнуть..., выделить на каждой основной магистрали движения наших войск специальных делегатов в составе представителей штаба дивизии..., которым связаться с делегатами отводимых Германских частей и выяснить и регулировать все возникающие вопросы...

Четвертое. При обращении германских представителей к командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей Германских войск, командование Красной Армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяет необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения...»⁴⁴.

Таким образом, нарком приказывал не только координировать действия Красной Армии с частями вермахта, но и оказывать им боевое содействие в борьбе с польскими вооруженными силами.

Выполнению приказа уделялось большое внимание, тем не менее отдельных инцидентов избежать не удалось. 20 сентября восточнее Львова части немецкой 10-й танковой дивизии генерала Шаала по недоразумению вели бой с советской кавалерийской частью. С другой стороны, советские войска обстреляли немецких солдат при их отходе от Львова, в связи с чем германское командование предъявило свои претензии. Начальник Генштаба Шапошников незамедлительно потребовал от командующих КОВО и БОВО уточнить, доведена ли до войск директива Ворошилова. На место происшествия выехали Кестринг и Ватутин. 24 сентября германский военный атташе сообщил отделу внешних сношений народного комиссариата обороны: «Командир 39-го стрелкового корпуса генерал Вейер встретился лично с комкором Ивановым (комендантом Львова. — *Авт.*) от стрелкового корпуса частей Красной Армии, находящихся подо Львовом. Теснейшая связь между обоими командующими, так же как между командирами частей, которые сговорились о всех подробностях в товарищеском духе, восстановлена»⁴⁵. Аналогичное донесение направил в Москву и Ватутин.

После «взбучки» от наркомата обороны командование Восточной армейской группы проявляло большую заботу о боевом взаимодействии с вермахтом. Начальник ее штаба Савинов и военный комиссар Дегухин сообщили Ватутину, что их представители ночью согласовали с германским командованием рубежи движения и для предотвращения инцидентов оставили у них офицера связи.

⁴⁴ РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 41; Д. 7. Л. 24-30.

⁴⁵ Там же. Д. 14. Л. 130-131.

«Немцы предлагают войти с нами в связь по радио, для чего прислать позывные и волны. Вообще их поведение вежливо-назойливое», — писали начштаба и военком группы⁴⁶.

«Вежливо-назойливое поведение» германского командования не мешало ему обманывать своего новоиспеченного союзника. Из Стрыя оно вывезло все, что смогло, даже мебель. Надеясь отправить из Дрогобыча в Германию как можно больше нефти, немецкая сторона задерживала передачу этого района советским войскам. Командующий Южной группой вынужден был направить протест против нарушения графика отвода германских войск. Согласившись отодвинуть на день передачу г. Самбор, И. В. Тюленев настаивал на немедленном отводе частей вермахта из Дрогобыча⁴⁷.

Однако требовательный тон был скорее исключением, нежели правилом. Превалировало, прежде всего со стороны Сталина и Ворошилова, предупредительное отношение к немцам, большинство пожеланий которых удовлетворялось незамедлительно. Отклонив претензии Риббентропа на нефтеносный район Дрогобыча, Сталин в то же время обязался поставлять Германии по 300 тыс. тонн нефти ежегодно. Примечательны и такие факты. Ворошилов приказал военным советам трех армейских групп Украинского фронта, вступающих на Волынь и в Галицию, проявлять максимально доброжелательное отношение к колонистам немецкого происхождения, запретив реквизировать у них что-либо и предписав закупать продовольствие и фураж за наличные деньги по ценам местного рынка. 25 сентября командование КОВО сообщило частям приказ наркома обороны, касающийся благотворительной деятельности немецкого протестантского священника Цеклера, владевшего машиностроительными заводами и другими коммерческими предприятиями. Предписывалось не чинить никаких препятствий ни в отношении его собственности, ни в отношении самого Цеклера и членов его семьи⁴⁸. Аналогичная забота была проявлена и об итальянской концессии в Надворно. Естественно, украинские, белорусские, еврейские и тем более польские бизнесмены и служители культа не пользовались покровительством советских властей, более того, большинство из них вскоре было арестовано. Однако заботой о немецких колонистах, священниках, концессиях и т. д. дело не ограничилось.

23 сентября во Львов прибыла делегация из четырех германских офицеров, сообщивших, что западнее г. Грубешов концен-

⁴⁶ Там же. Д. 17. Л. 69.

⁴⁷ Там же. Д. 10. Л. 120.

⁴⁸ Там же. Л. 243; Д. 4. Л. 45; Д. 7. Л. 179–180.

трируются силы поляков (до 3-х пехотных, 4-х кавалерийских дивизий, а также артиллерия). Стремясь обеспечить продвижение польских войск к венгерской границе, командующий резервной армией генерал Домб-Бернацкий приказал захватить г. Томашов. В бою, начавшемся 23 сентября, поляки были наступающей стороной, били неприятеля, и хотя город не взяли, но заставили врага отступить на некоторое расстояние. Не будучи в состоянии справиться с польскими соединениями, германское командование обратилось за помощью к РККА. Германские делегаты, сообщив, что немецкие войска находятся на линии Замостье — Томашов — Рава-Русская, информировали комкора Иванова о своем намерении нанести танковый удар во фланг грубешовской группировке польских войск в северном направлении. «Одновременно предлагают, — указывал комендант Львова, — чтобы мы участвовали в совместном уничтожении данной группировки. Штаб немецких войск находится в Грудек-Ягельонский, куда просили выслать нашу делегацию». На документе резолюция Тимошенко: «Глубокое измышление. Подобное для разговоров в большом штабе, но не для меня»⁴⁹.

Видимо, в «большом штабе» идея германского командования о совместной операции против поляков нашла благожелательный отклик. 24 сентября Ватутин, в частности, информировал командира 60-й стрелковой дивизии: «Части 8-го с[трелкового] к[орпуса] на восточном берегу р. Буг у Грубешов и Крылув утром 24 форсировали р. Буг и захватили Грубешов. Группа продолжает наступление к установленной с немцами демаркационной линии по р. Висле, уничтожая и пленя по пути польские части»⁵⁰. Против грубешовской группировки поляков были брошены также советский 2-й конный корпус с 24-й танковой бригадой, которой было приказано «занять район Туринка, Добросин, Жулкев, имея передовые отряды ст. Линник, Магерув, Вишинка, Велька... При обнаружении значительных сил противника перед фронтом 8-го с[трелкового] к[орпуса] атаковать и пленить их. Не допустить также попыток противника прорваться из указанного района на Львов, Каменка»⁵¹.

Взаимодействие советских и германских войск сыграло роковую роль и в судьбе Новогрудской бригады под командованием генерала В. Андерса. В упорных боях с немецкими частями она прорывалась к румынской границе, но 26 сентября

⁴⁹ Там же. Д. 12. Л. 34.

⁵⁰ Там же. Д. 8. Л. 175–176.

⁵¹ Там же. Д. 4. Л. 10.

была атакована с тыла соединениями РККА. Ее командующий, получивший ранения, был пленен⁵².

Несмотря на то, что Сталин 25 сентября предложил Германии Люблинское и часть Варшавского воеводства в обмен на включение Литвы в сферу интересов СССР, части РККА продолжали продвигаться в эти воеводства. При этом командование приказало не допускать отхода польских частей на север; в случае, если линия Любартов — Люблин не занята германскими войсками, ликвидировать находящиеся здесь соединения польской армии и «к исходу 29 сентября подвижными частями овладеть районами Любартов — Люблин»⁵³. Однако в ходе визита Риббентропа в Москву предложения Сталина об обмене территориями было принято и оформлено специальным протоколом, после чего наступила очередь РККА отводить свои части на новую демаркационную линию.

В целом за 12 дней боевых действий Красная Армия продвинулась на 250–350 км на запад, заняла территорию общей площадью в 190 тыс. квадратных километров с населением более 12 млн. человек. Во время этой кампании погибли с польской стороны 3500 военных и гражданских лиц, около 20 тысяч были ранены или пропали без вести, около 240 тысяч военнослужащих были взяты в плен. Советская же сторона официально объявила о 735 убитых и 1862 раненых, однако, по некоторым данным, эти цифры занижены.

В боях с вермахтом польская армия потеряла 66,3 тыс. убитыми, 133,7 тысяч ранеными. Потери германской армии составили 10,6 тыс. убитыми, 30,3 тыс. ранеными, 3,4 тыс. пропавшими без вести⁵⁴.

Последствия сентябрьского поражения были трагичными для польского народа. Центральная и западная части страны были оккупированы германскими войсками. За немецкими дивизиями сразу же следовали особые карательные отряды эсэсовцев и полиции безопасности. Декретом Гитлера от 8 октября 1939 г. польское государство объявлялось ликвидированным. Познанское, Поморское, Силезское, Лодзинское, часть Келецкого и Варшавского воеводств, где проживали около 9,5 млн. человек, были объявлены «немецкими землями» и присоединены к Германии. На оставшейся территории Польши создавалось «генерал-губернаторство оккупированных польских областей», которое через год стало называться «генерал-губернаторством германской империи». Осно-

⁵² Там же. Д. 5. Л. 90–96.

⁵³ Там же. Д. 4. Л. 6.; Д. 8. Л. 175.

⁵⁴ *Szubański R. Siedemnasty wrzeźnia. 1939. Warszawa, 1990. S. 125.*

вой политики гитлеровцев стало насаждение «нового порядка», планомерное и беспощадное уничтожение польской государственности и культуры, геноцид польского и еврейского народов⁵⁵.

Генерал-губернатор Г. Франк писал в своем дневнике: «Я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорвать эту область как территорию войны и как трофейную страну. Я должен был сделать из этой экономической, социальной, культурной и политической структуры груды развалин»⁵⁶. Вся собственность польского государства была конфискована, национализированы банки, кредитные учреждения. Германия захватила 294 крупных, 9 тыс. средних и 76 тыс. мелких промышленных предприятий, 9120 крупных и 112 тыс. мелких торговых фирм⁵⁷. Гитлеровцы систематически грабили материальные ценности Польши, уничтожали исторические памятники и произведения искусства.

Польша покрылась сетью концлагерей и лагерей для военнопленных. В мае 1940 г. начала действовать чудовищная фабрика смерти в Освенциме, которая постепенно превратилась в концерт смерти из 39 лагерей. Узников здесь уничтожали путем непосильной работы и голода, обессилевших сразу же отправляли в газовые камеры⁵⁸. Из присоединенных к рейху областей были депортированы 700 тыс. человек «неарийского» происхождения, проводилась политика искусственного ограничения роста населения путем кастрации мужчин, осуществлялось в массовом порядке изъятие детей для воспитания их в арийском духе, принудительная германизация польских воеводств⁵⁹. Гиммлер, выступая в апреле 1941 г. перед офицерами дивизии СС «Лейбштандарте», заявил: «Очень часто бойцы войск СС раздумывают над этими депортациями жителей... То же самое происходило в Польше, при 40 градусах ниже нуля, когда нам приходилось вывозить тысячи,

⁵⁵ См. подробнее: *Madajczyk Cz. Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce*. Т. 1–2. Warszawa, 1970; *Idem. Faszyzm i okupacja 1938–1945*. Т. 1–2. Warszawa, 1983.

⁵⁶ *Piotrowski S. Dziennik Hansa Franka*. Warszawa, 1957. S. 96.

⁵⁷ *Всемирная история*. Т. 10. М., 1965. С. 59.

⁵⁸ *Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich 1939–1945. Informator encyklopedyczny*. Warszawa, 1979; *Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager*. München, 1974.

⁵⁹ *Григорьянц Т. Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939–1945 гг.). (Попытки германизации и колонизации «присоединенных» польских земель.)* М., 1979; *Madajczyk Cz. Przesiedlenia hitlerowski. Charakter, rozmiary // Przesiedlenia ludności przez III Rzesze i jej sojuszników podczas II wojny światowej*. Lublin, 1972.

десятки тысяч, сотни тысяч, где нам приходилось быть достаточно твердыми — вы должны услышать это и немедленно забыть об этом — расстреливать тысячи руководящих представителей польского населения». Жестоко преследовались священнослужители — только к 1 января 1941 г. были убиты 700 священников. «Отныне, — заявлял Франк, — политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие „Польша“»⁶⁰.

Весной–летом 1940 г. оккупационные власти на территории генерал-губернаторства провели так называемую «акцию АБ», в ходе которой были физически уничтожены 3500 деятелей польской науки, культуры и искусства, закрыты многие высшие и средние учебные заведения. Эйнзацгруппы полиции безопасности и СД осуществляли массовые убийства еврейского и польского населения. Так, только в Хелмно «зондеркоманда Кульмгоф» уничтожила 250000 человек⁶¹. «План Ост», разрабатывавшийся гитлеровцами, предусматривал почти полное уничтожение польского и других славянских народов⁶². В целом же в годы оккупации на территории, входившей до сентября 1939 г. в состав Польши, гитлеровцы уничтожили 6 млн. человек, или 17% населения страны.

Сталинский режим в свою очередь принял меры к ликвидации польской государственности и насаждению своих порядков в занятых советскими войсками областях. Еще до завершения «освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию, 1 октября 1939 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое решение об их советизации. В нем предусматривалось созвать 26 октября народные собрания — Украинское во Львове и Белорусское — в Белостоке, проведя для этого выборы 22 октября⁶³. Эти собрания должны были формально утвердить политические и социально-экономические изменения, проводимые на присоединенных территориях, принять решения о вхождении в СССР. Тексты соответствующих документов готовили ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б. Право выдвигать кандидатов в народные собрания закреплялось за крестьянскими комитетами, временными управлениями городов, собраниями рабочих по предприятиям, а также

⁶⁰ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. Т. 3. М., 1966. С. 125.

⁶¹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 204–207; *Gulczyński J. Obóz śmierci w Chelmnie nad Nerem*. Konin, 1991.

⁶² Generalny Plan Wschodni. Zbiór Dokumentów. Warszawa, 1990; Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der Nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Berlin, 1994.

⁶³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 57–61.

рабочей гвардией. Затем на окружных совещаниях «доверенные лица» кандидатов должны были «договориться» об общей кандидатуре по округу. Таким образом, избирателям, как и на всей территории Советского Союза, предстояло «выбирать» одного из одного. Организованные таким способом выборы были проведены 22 октября 1939 г. В соответствии со сценарием Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 октября народные собрания незамедлительно провозгласили советскую власть и обратились в Верховный Совет СССР с просьбой принять Западную Украину и Западную Белоруссию в состав СССР. Прием был оформлен на состоявшейся 1–2 ноября 5-й сессии Верховного Совета СССР. Западная Украина и Западная Белоруссия стали частью, соответственно, Украинской и Белорусской ССР.

Еще упомянутое выше постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 октября предписывало центральным комитетам компартий Украины и Белоруссии срочно приступить к созданию на присоединенных территориях коммунистических парторганизаций. В течение последующих десяти дней были приняты аналогичные решения о создании комсомольских и профсоюзных организаций⁶⁴. В соответствии с этими решениями в Западную Украину и Западную Белоруссию направлялись тысячи партийных и комсомольских активистов из УССР и БССР, а также специально демобилизованные из РККА лица. Одновременно для руководства организационной работой на присоединенных территориях туда направлялись уполномоченные из числа кадровых партийных, комсомольских, профсоюзных работников. Эти уполномоченные были призваны курировать всю деятельность по советизации. Таким образом, уже в первые две недели после занятия бывших восточных воеводств Польши там были созданы партийные, комсомольские и профсоюзные органы, с помощью которых не только осуществлялась власть на этих территориях, но и закладывались основы для установления тоталитарного контроля за обществом в целом.

До проведения выборов в советы в этих областях, в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 октября, продолжали действовать временные областные управления из 4-х человек — два от армейских органов, один от НКВД и один от временного управления областного города, которые исполняли функции, присущие областным исполнительным комитетам. 25 октября, то есть еще до созыва народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии и официального вхождения этих территорий в состав СССР, Политбюро ЦК ВКП(б) назначило

⁶⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 2, 54.

днем выборов в местные советы депутатов трудящихся 24 декабря 1939 г. Но уже 4 декабря Политбюро не только утвердило новое областное деление на этих территориях, но и состав бюро обкомов партии и областных исполкомов советов депутатов трудящихся. При этом начальники областных управлений НКВД вошли и в бюро обкомов партии, и в облисполкомы ⁶⁵.

Среди мер советизации, установленных уже неоднократно упомянутым постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 октября, важное место отводилось жесткому контролю над банками, означавшему фактическое управление ими, и национализации предприятий. Хотя речь шла о национализации крупных предприятий, эта мера распространялась и на предприятия, владельцы которых сбежали или саботировали их работу. Это означало, что можно было национализировать не только крупные, но и любые предприятия, обвинив их хозяев в саботаже. То же касалось и магазинов, оставленных владельцами. Реализация программы началась с национализации нефтяной и угольной промышленности, решения о которых были приняты Политбюро ЦК ВКП(б), соответственно, 10 ноября и 1 декабря 1939 г. ⁶⁶. Затем 3 декабря высшая партийная инстанция утвердила проекты указов Президиума Верховного Совета СССР о широкой национализации промышленных и торговых предприятий, коммунальных, культурных и лечебных учреждений, учебных заведений и жилых зданий на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Национализация должна была быть осуществлена за два месяца ⁶⁷. При ее проведении зачастую допускались грубый произвол и беззаконие, конфисковывались личные вещи, предметы домашнего обихода ⁶⁸. Позже, постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 20 января 1940 г., на Западную Украину и на Западную Белоруссию была распространена советская система народнохозяйственного планирования, было предусмотрено создание государственных машинно-тракторных станций и совхозов на основе использования бывших помещичьих хозяйств и хозяйств т. н. осадников, т. е. колонистов, преимущественно демобилизованных участников польско-советской войны 1919–1920 гг., получивших на присоединенных к Польше по Рижскому договору территориях земельные наделы от польского правительства в 20-х годах ⁶⁹.

⁶⁵ Там же. Д. 1016. Л. 57–59.

⁶⁶ Там же. Л. 2–3, 46.

⁶⁷ Там же. Л. 51, 99–100.

⁶⁸ См.: Филиппов С. Г. Указ. соч. С. 63.

⁶⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1019. Л. 44–47, 57–59.

Военная кампания Красной Армии в сентябре 1939 г. и включение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР сопровождалась широкими репрессивными мерами в отношении польских военнопленных и польского гражданского населения.

3 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о роспуске по домам военнопленных — рядовых и унтер-офицеров, жителей Западной Украины и Западной Белоруссии⁷⁰. Однако 25 тысяч человек — рядовые и младшие командиры — были задержаны на принудительных работах на строительстве № 1 НКВД: шоссе Новоград-Волыньск — Львов. Офицеров было решено сосредоточить в Старобельском лагере, полицейских, жандармов и служащих КОП — в Осташковском, рядовых и унтер-офицеров — жителей центральных польских воеводств — в Козельском и Путивльском лагерях. 14 октября Политбюро постановило передать Германии всех рядовых и младших командиров — жителей центральной Польши, приняв от немецкой стороны военнослужащих польской армии — уроженцев территории, занятой Красной Армией. К 1 ноября все военнопленные офицеры были сосредоточены в Старобельском и Козельском лагерях, полицейские и другие служащие карательных органов — в Осташковском. 10 тысяч польских военнопленных — рядовые и младшие командиры — были направлены на принудительные работы на предприятиях Наркомата черной металлургии в Кривом Роге и Донбассе (лагеря Криворожский, Елено-Каракубский и Запорожский).

3 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло еще одно решение, касавшееся как польских военнослужащих, так и лиц, арестованных в занятых РККА областях: «О порядке утверждения приговоров военных трибуналов в Западной Украине и Западной Белоруссии». Военным советам Украинского и Белорусского фронтов было предоставлено право утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания — то есть к расстрелу, «по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих бывшей польской армии»⁷¹. Кроме военных трибуналов, приговоры к высшей мере наказания этим категориям лиц выносил и Верховный суд, утверждались же они Комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам. Еще до окончания боевых действий было вынесено несколько десятков смертных приговоров польским военнослужащим⁷². Это являлось вопиющим нарушением международного права, как и вся по-

⁷⁰ Катильш... Документы. С. 112–119, 141–146.

⁷¹ Там же. С. 129.

⁷² РЦХИДНИ. Ф. 17. Коллекция материалов.

литика советских властей в отношении польских граждан на присоединенных территориях.

Выполняя решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 декабря об аресте всех взятых на учет кадровых офицеров польской армии, областные управления НКВД 10 декабря провели широкомасштабную «операцию». Только на территории Западной Украины были арестованы 570 офицеров. 487 офицеров были арестованы ранее как члены «контрреволюционных формирований»⁷³.

4 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о выселении всех осадников вместе с их семьями и об использовании их на лесоразработках в районах Крайнего Севера⁷⁴. Выселение предписывалось осуществить до 15 февраля 1940 г., что позволяло до посевной создать на их землях и с их имуществом колхозы и совхозы. 21 декабря Политбюро утвердило предложения ЦК КП(б)У об использовании имущества осадников⁷⁵. Их земли, лошади, продуктивный скот, сельскохозяйственный инвентарь передавались колхозам и совхозам, дома — школам, больницам, яслям, детсадам, сельсоветам, правлениям колхозов, МТС, под жилье врачам, учителям и др. 28 декабря Политбюро и 29 декабря СНК СССР утвердили разработанную НКВД СССР инструкцию о порядке переселения польских осадников и беженцев, а также «Положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР»⁷⁶. В соответствии с этими документами выселение осадников производилось в один день, определенный НКВД СССР. Осадникам разрешалось брать с собой не более 500 кг груза на семью. 14 января 1940 г. Политбюро одобрило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О дополнительном расселении спецпоселенцев осадников», которое предусматривало их использование не только на лесоразработках, но и на шахтах Наркомата цветной металлургии⁷⁷. Кроме того, депортации подлежали и семьи лесников (сторожевая охрана леса).

В соответствии с этими решениями 10 февраля 1940 г. НКВД СССР провел первую массовую депортацию мирного польского населения. В Архангельскую, Вологодскую, Иркутскую, Омскую, Свердловскую, Молотовскую области, Коми АССР, Красноярский край были переселены 139 590 поляков, из них мужчин старше

⁷³ Органы государственной безопасности... Т. 1. Кн. первая. Док. № 62. С. 134–135.

⁷⁴ Архив Президента Российской Федерации (далее — АПРФ). Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 8–10. Аналогичное постановление принял 5 декабря и СНК СССР.

⁷⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 6–7.

⁷⁶ РЦХИДНИ. Коллекция материалов.

⁷⁷ Там же.

18 лет лишь 33 665, остальные женщины, дети, старики⁷⁸. Условия жизни и работы в таких поселках мало чем отличались от ГУЛАГовских.

В конце февраля в Северо-восточный лагерь на Камчатке по решению сталинского руководства были отправлены 8 эшелонов по 1500 человек в каждом⁷⁹.

2 марта было принято решение Политбюро о второй массовой депортации: на этот раз речь шла о 25 тыс. семей военнопленных — офицеров и полицейских — и узников тюрем западных областей УССР и БССР⁸⁰. В середине апреля все семьи, указанные в решении Политбюро (61 тысяча человек), были депортированы в Северо-Восточный Казахстан. Польские же военнопленные — офицеры и полицейские из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и узники тюрем западных областей УССР и БССР по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.⁸¹ были расстреляны в Катыни, Харькове, Медном, Киеве и Минске в апреле-мае этого же года, всего около 22 тыс. человек⁸². То был апогей сталинского геноцида против польского народа, советизации присоединенных территорий.

Несколько позже, в июне-июле 1940 г. и в июне 1941 г. были проведены еще две депортации польских граждан — соответственно 75 000 и около 40 000 человек. За четыре депортации были переселены около 320 тысяч польских граждан⁸³.

Не прекращались и массовые аресты «социально-опасных элементов», всех инакомыслящих, представителей польской интеллигентной элиты, не соглашавшейся лояльно сотрудничать с советской властью. И аресты с предъявлением обвинения, и депортации, проводившиеся в административном порядке, были подчинены цели советизации присоединенных к СССР территорий. Борьба с «эксплуататорскими классами», «социально-чуждыми элементами», «националистической контрреволюцией», ли-

⁷⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 34–39.

⁷⁹ Катынь... Документы. С. 371–372.

⁸⁰ Там же. С. 375–378.

⁸¹ Там же. С. 384–392.

⁸² Там же. С. 515–603.

⁸³ См. подробнее: *Гурьянов А. Э.* Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессия против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. С. 114–136. В польской литературе численность депортированных польских граждан из западных областей УССР в БССР колеблется от 400 тыс. до 2000000. Однако архивные фонды НКВД, материалы Президентского архива, а также документация козловских войск позволили уточнить число депортированных с достаточно высокой степенью точности.

квидация кулачества были осуществлены за считанные месяцы. Усиление репрессий было связано и с желанием властей провести зачистку территорий от «неблагонадежных элементов» в условиях приближавшейся войны с Германией. В результате были арестованы и заключены в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа больше 120 тыс. человек. Вместе с депортированными это составило более 3% населения данных регионов. Лишь нападение нацистской Германии на СССР заставило сталинское руководство отказаться на некоторое время от репрессивной политики в отношении поляков.

Глава IV

Словакия в политике СССР и Германии

Небольшое Словацкое государство появилось в центре Европы 14 марта 1939 г. по воле Гитлера после расчленения Чехословакии и присоединения ее западной части под названием Протекторат Богемия и Моравия к «третьему рейху»¹. Созданное под нацистским патронатом, оно не могло не занять определенного места в геополитических конструкциях Германии. Роль, отводимая этому новому государственному образованию, которое с лета 1939 г., после принятия конституции, стало официально называться Словацкой республикой, на протяжении 1939–1941 гг. менялась в зависимости от непосредственных конкретных задач, встававших перед Берлином. Вместе с тем одним из важнейших аспектов внешнеполитической истории Словацкого государства в 1939–1941 гг. являлись его взаимоотношения с СССР. Но если отношения Словакии с Германией получили определенное освещение в историографии², то отношения с Советским Союзом по существу выпали в свое время из поля зрения советских и чехословацких историков по идеологическим соображениям. В советской литературе либо вообще стыдливо замалчивался факт установления дипломатических отношений СССР с клеро-фашистским (по терминологии того времени) Словацким государством, либо в лучшем случае просто без объяснений констатировалось наличие этих отношений. В чехословацкой исторической науке еще в 1950-е годы был сфабрикован идеологический миф, якобы объяснявший и оправдывавший дипломатическое признание Советским

¹ Об образовании Словацкого государства см.: *Марына В. В.* Путь к независимости? (Создание Словацкого государства 14 марта 1939 г.) // *Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее.* М., 1995. С. 201–225. Площадь Словацкого государства, согласно сообщению полпреда СССР в Германии А. А. Шкварцева (данные получены от словацкого посла в Берлине), составляла 37 тыс. кв. км, а население — 3,75 млн. человек (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 261).

² См., например: *Lipták L.* Príprava a priebeh salzburských rokovanií roku 1940 medzi predstaviteľmi Nemecka a Slovenského štátu // *Historický časopis* (Bratislava), 1965. N 3; *Klímková J.* Tretia ríša a ľudacký režim na Slovensku. Bratislava, 1986; *Prečan V.* Nacistická politika a Tisúv režim v predvečer Povstání // *Historie a vojenství*, 1990, N 2, 3, 4, 5, 6; *Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny. Materiály z vedeckého sympózia.* Časť 6–7. 11. 1990. Bratislava, 1991.

Союзом Словакии как независимого государства. СССР будто бы пошел на этот шаг, стремясь оказать помощь словацким коммунистам в их борьбе против установленного режима; словацкие власти вопреки своему желанию вынуждены были установить отношения с Советским Союзом под нажимом трудящихся и требований компартии.

Первую попытку хотя бы отчасти развенчать этот миф и создать адекватную картину советско-словацких отношений той поры, рассматривая их в контексте советско-германских отношений, сделали чехословацкие историки-«шестидесятники»³. Однако эта робкая попытка не получила дальнейшего развития после разгрома «исторического фронта» в период так называемой нормализации в Чехословакии вслед за событиями 1968 г.

Ставшие доступными в последнее время новые архивные материалы дают возможность с достаточной степенью точности реконструировать советско-словацкие отношения в рассматриваемый период. Именно на этом делается акцент в данной главе⁴. Что касается политики Германии в отношении Словакии, то, опираясь на результаты, достигнутые историографией в изучении этого вопроса, ставилась задача показать, как оценивалась эта политика советской дипломатией, а также выяснить, какую роль играла Словакия в советско-германских отношениях той поры и как они экстраполировались на советско-словацкие отношения.

«Ворота на Балканы», «окно в Юго-Восточную Европу» — так схоже именовалась Словакия немецкими и советскими дипломатами, что, по существу, определяло и заинтересованность Германии и СССР в укреплении своих позиций в этом квазисамостоятельном государстве в 1939–1941 гг.

Рассмотрение политики этих партнеров-соперников в «словацком вопросе» начнем с Германии, являвшейся «крестной матерью» новорожденного Словацкого государства и претендовавшей после Мюнхена на роль дирижера в жизни стран центральноевропейского, а затем и балканского регионов. Что касается Словакии, идея самостоятельности которой возникла в германских руководящих кругах вскоре после Мюнхена и постепенно приобретала все больше сторонников (их оппоненты, главным образом из числа военных, доказывали необходимость полной аннексии Чехословакии⁵), то Гитлер полагал возможным использовать эту маленькую страну для реализации своих политических, военно-

³ См., например: *Dějinná křižovatka*. Praha, 1964.

⁴ См. также: *Marjinová V. V.* «Brána na Balkán». Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939–1941 // *Soudobé dějiny* (Praha). 1994. N 6. S. 827–846.

⁵ *Kamenec I.* Slovenský stát. Praha, 1992. S. 38.

стратегических и экономических целей при установлении «нового порядка» в Европе. Самостоятельность Словакии, как казалось Берлину, здесь могла быть более полезной, чем ее непосредственное присоединение к «третьему рейху».

В зависимости от роли, отводимой Словакии в военно-стратегических планах Германии 1939–1941 гг., менялась и политика Берлина по отношению к этому лимитрофу, в которой четко обозначаются три этапа. Каждый из них олицетворял определенный дипломатический представитель Германии в Братиславе, по существу являвшийся наместником Гитлера в Словакии. Хронологически и персонально эти этапы выглядят следующим образом: первый — с марта 1939 г. по июль 1940 г. (Г. Бернгард); второй — с августа 1940 — по январь 1941 г. (М. Киллингер); третий — первое полугодие 1941 г. (Г. Э. Лудин, который представлял Германию в Словакии до конца существования Словацкого государства). Остановимся на каждом из указанных периодов, попытавшись одновременно проследить, как складывались в это время советско-словацкие отношения, которые развивались в рамках советско-германских отношений той поры и определялись в основном стремлением Советского Союза не вызвать осложнения с Германией.

Берлин рассматривал Словакию как сферу своих интересов, исключительно своего влияния и допускал в то время лишь более или менее пассивное советское присутствие в этой стране, решительно пресекая попытки активизации там деятельности СССР.

Родившееся 14 марта 1939 г. Словацкое государство по существу в тот же день потеряло свою независимость, ибо уже во время встречи с Гитлером глава католической Глинковской народной партии (ГСНП) Й. Тисо, ставший премьер-министром Словакии (с осени 1939 г. — президент), и Ф. Дюрчанский, занявший пост министра внутренних и иностранных дел, согласились на заключение с Германией так называемого «Охранного договора»⁶, который и был официально подписан 23 марта 1939 г. «Концом самостоятельности Словакии» называл его впоследствии советский посланник в этой стране Г. М. Пушкин⁷. Резкость и справедливость такой оценки станут понятными, если взглянуть на основные положения договора, состоявшего из 5 пунктов. В нем значилось, что: 1) Германская империя берет на себя охрану политической независимости Словацкого государства⁸; 2) Для проведения

⁶ Полное его название «Договор о гарантии и охране между Германской империей и Словацкой республикой». Он был опубликован в «Правде» 16 ноября 1940 г.

⁷ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 103.

⁸ Но еще во время переговоров о подписании договора, которые шли с 18 августа,

охраны германские вооруженные силы во всякое время имеют право возводить воинские объекты и держать там военные части (это касалось территорий на западе и востоке страны); 3) Словацкое правительство должно организовать свои военные силы в тесном контакте с германскими военными силами; 4) Словацкое правительство должно проводить свою внешнюю политику в тесном контакте с правительством Германии; 5) Договор заключается на 25 лет. За правительство Германии договор подписал министр иностранных дел И. Риббентроп, за правительство Словакии — Тисо, В. Тука (руководитель праворадикального фашистского крыла в ГСНП, ярый сторонник как можно более тесного сближения Словакии с гитлеровской Германией), Дюрчанский⁹.

Пространные комментарии здесь излишни: статьи договора свидетельствовали, что Словакия внешнеполитически и в военном плане оказалась абсолютно зависимой от Германии и принуждена была следовать в фарватере ее внешней политики. Некоторые современные исследователи полагают, что «охранные» полномочия Германии в действительности означали «осуществление скрытой агрессии»¹⁰.

Что касается внутренней жизни новоиспеченного лимитрофа, то на первых порах Берлин не намерен был особо вмешиваться в нее (кроме того, что имело отношение к армии), оставляя за словаками относительную самостоятельность в решении этих вопросов. Во время встречи словацкого посланника в Берлине М. Чернака с Риббентропом 6 июня 1939 г. последний, по словам Чернака, заявил, что «предпосылки собственной государственной жизни обеспечены, и мы (т. е. словаки. — *Авт.*) должны сами заботиться о своих внутренних делах, чтобы двигаться вперед экономически и политически. Он не обнаружил тенденции вмешиваться в наши внутренние дела, и эту тенденцию невмешательства я констатировал до сего времени вероятно у всех руководящих деятелей Германской империи, с которыми я имел возможность говорить»¹¹.

Вепррия, копецчо же пе без ведома п согласия Германи, оккупировала еще часть территории восточной Словакии, что вызвало явное недовольство словацких руководителей и отрезвило тех, кто раньше падал перед действительную самостоятельность Словакии п бескорыстное покровительство Германи. Иллюзии, которые сначала имели место (например, у решительного до того времени гермаофила Ф. Дюрчанского), начали постепенно рассеиваться.

⁹ АВН РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 155, 156.

¹⁰ Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 257.

¹¹ Slovenský Národný archív (далее SNA). Fond Ministerstvo zahraničných vecí (далее — MZV). Karton 112.

До конца 1939 г. это, видимо, так и было, хотя уже и в это время на основании германо-словацкого правительственного соглашения немецкие советники получили доступ в словацкие учреждения и на предприятия, а словацкое правительство в специальном заявлении от 19 июля 1939 г. обещало приспособить внутриполитическое развитие страны к представлениям о словацко-германском сотрудничестве¹². Позднее стали обнаруживаться тенденции, вылившиеся в открытый нажим Германии на Словакию летом 1940 г. с целью национал-социалистической индоктринации. О причинах этого — ниже.

Какие же цели ставила Германия, создавая «самостоятельное» Словацкое государство? Почему она не оккупировала Словакию, как Чешские земли? Что касается последних, то тут следует иметь в виду непосредственную заинтересованность Берлина в чешском военно-промышленном потенциале, который, конечно же, проще было использовать, присоединив эту часть Чехословакии непосредственно к рейху в форме протектората. Аграрная Словакия не представляла для Германии такого большого экономического интереса. Продовольствие из страны немцы могли выкачивать, не прибегая для этого к открытой оккупации.

Словакия нужна была Гитлеру как формально самостоятельное государство для реализации его амбициозных планов установления «нового порядка» в Европе и мирового господства германской расы. Здесь играло роль прежде всего географическое положение нового государства, расположенного в самом центре Европы и имевшего, следовательно, важное военно-стратегическое значение. Гитлер предполагал приспособить территорию связанной договором Словакии для усиления своего проникновения в Юго-Восточную Европу с целью укрепления там военных, политических и экономических позиций «третьего рейха». Но в его планах намечалось «открыть это окно» несколько позднее. В 1939 г. у Гитлера были еще «нерешенные дела» в Центральной Европе, и Словакия, как и протекторат, использовались Берлином для подготовки и нанесения удара по Польше.

Сначала Берлин рассчитывал манипулировать «самостоятельной» Словакией как «разменной картой» в политической игре, которую он вел тогда с Польшей и Венгрией. Гитлер «торговал» Словакией в обмен на уступки, которых он добивался от обеих стран. Эту игру он продолжал и после раздела Польши, используя уже теперь словацко-венгерские противоречия и становясь то на сторону Венгрии, когда ему нужно было получить что-то от Словакии, то на сторону последней, когда требовалось нажать на

¹² *Kráľ V. Pravda o okupaci. Praha, 1962. S. 288.*

Венгрию. И был еще немаловажный для Гитлера момент: прикрывшись, хотя и весьма прозрачным, плащом покровителя и защитника малых народов, он намеревался превратить Словакию в «визитную карточку» новой, построенной по берлинскому рецепту Европы.

Для выполнения своих планов в отношении Словакии Гитлеру нужно было, чтобы во главе ее стоял популярный и авторитетный в стране человек, но не германофильствующий экстремист. Таким человеком и был представитель умеренного крыла ГСНП, католический священник, что было очень важно для чрезвычайно религиозного населения Словакии, Йозеф Тисо. И в прошлой чехословацкой историографии, и в советской литературе он характеризовался как примитивный коллаборационист и военный преступник, стоявший почти семь лет во главе «клеро-фашистского» Словацкого государства. Однако фигура Й. Тисо несомненно гораздо более сложная и не такая однозначная, как изображалось ранее. В этой личности еще предстоит разобраться более глубоко, что и начали делать словацкие историки¹³.

В соответствии с «охранным договором» Словакия не могла остаться в стороне от планируемой Гитлером расправы над Польшей, которая, кстати, была одним из первых государств, признавших Словакию де-юре. Ф. Чатлош, военный министр Словакии, на допросе в Бутырской тюрьме¹⁴ в декабре 1946 г. сообщил по этому поводу следующее: «Тисо, ссылаясь на свою встречу с Гитлером, указывал мне на возможность войны с Польшей, к чему должна была быть подготовлена и словацкая армия. Руководствуясь их указаниями, я совместно с личным представителем Гитлера генерал-лейтенантом Баркхаузен уже в марте 1939 г. разработал план реорганизации боевой подготовки словацкой армии. Этот план предусматривал увеличение контингента словацкой армии до 30 тыс. человек, подготовку словацких частей под руководством германских офицеров-инструкторов и полное изгнание чехов из словацкой армии. Одновременно как военный министр я способствовал передаче в ведение немцев словацких военных заводов, военно-химической промышленности и стратегического сырья.

¹³ См. примеч. 5, 10, а также: Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny (Materiály z vedeckého sympyzia. Časta, 6–7 november 1990). Bratislava, 1991.

¹⁴ Ф. Чатлош добровольно перешел на повстанческую территорию во время Словацкого национального восстания 1944 г., по собственной просьбе был переправлен в Советский Союз, где содержался в тюрьме до января 1947 г., когда был передан Чехословакия, где его осудили на 5 лет заключения.

Весной 1939 г. я дал обязательство Германскому верховному командованию подготовить транспорт и коммуникации для быстрой переброски германских войск через территорию Словакии, а также передать три четверти тоннажа дунайской флотилии».

На вопрос, принимал ли Чатлош участие в заключении договора с гитлеровской Германией, по которому армия и вся экономика Словакии были подчинены интересам Гитлера, бывший военный министр ответил утвердительно и констатировал: «Предложения Гитлера были приняты нами полностью... правительство Тисо обязалось предоставить в распоряжение Германии все естественные богатства и промышленные ресурсы Словакии, а также обеспечить полное взаимодействие всех государственных, военных и хозяйственных органов Словакии для достижения максимального эффекта в деле сотрудничества с фашистской Германией. В основу той части договора, которая предусматривала тесное взаимодействие словацких и германских вооруженных сил, был положен план реорганизации словацкой армии по германскому образцу, разработанный мною совместно с ген. Баркхаузенем. Этот договор со стороны Словакии подписали Тисо, Дюрчанский и я, а со стороны Германии генералы Баркхаузен и Отто (глава германской военной миссии в Словакии. — *Авт.*)»¹⁵.

В рамках этих переговоров о словацко-германских отношениях велось обсуждение и вопросов торговли, которое завершилось 22 июня 1939 г. Объем германских закупок в Словакии предусматривался примерно в 2 млрд. словацких крон. Основными предметами германского ввоза из Словакии являлись лес, целлюлоза, железо, сталь, литье, цемент и сельскохозяйственные продукты. Германия же поставляла Словакии исключительно промышленные изделия «от локомотивов до кинофильмов включительно»¹⁶.

Согласно показаниям Чатлоша, Тисо постоянно говорил ему, что участие словацкой армии в войне Германии против Польши «явится практической проверкой сотрудничества правительства Тисо с Гитлером». В соответствии с указаниями германского верховного командования Чатлош провел в Словакии секретную мобилизацию десяти возрастов и перевел армию с мирного на военное положение, что, по его словам, дало возможность увеличить ее численность до 24 тыс. человек. В короткие сроки военный ми-

¹⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦАФСБ). Уголовное дело Ф. Чатлоша. Протокол допроса бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армии ген. 1 класса Чатлош Фердинанда от 11 декабря 1946 г.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 22–24.

нистр Словакии обеспечил подготовку около тысячи офицеров из числа благонадежных словаков. После увольнения из армии офицеров-чехов на вакантные командные должности назначались германские офицеры главным образом из числа судетских немцев. «К 1 августа 1939 г. я закончил подготовку словацкой армии для оказания помощи Гитлеру в нападении на Польшу», — значитесь в протоколе допроса Чатлоша¹⁷.

Усердие словаков в стремлении услужить своему великодержавному агрессивному соседу связано было еще, как представляется, помимо прочего и со слухами о ликвидации самостоятельности Словакии путем ее присоединения к Венгрии, которые активно муссировались весной–летом 1939 г. Не исключено, что среди германского руководства были сторонники такого решения вопроса, но, скорее всего, эти слухи распространялись германскими спецслужбами в целях оказания давления и на Венгрию, и на Словакию, чтобы заставить их проводить нужную Берлину политику в вопросе войны с Польшей.

В этой связи интересны рассуждения советника бюро министерства иностранных дел Германии П. Клейста, изложенные им в беседе с германским журналистом 2 мая 1939 г.: «Нападение на Польшу должно вестись в полную силу одновременно с германской восточной границы, из Словакии, Карпатской Украины и Восточной Пруссии... В связи с предстоящим нанесением удара по Польше сейчас в Берлине снова начали интенсивно заниматься Юго-Востоком. Мы должны ближе подойти к Румынии. Мы должны оказать непосредственное давление на Бухарест. С этой целью мы хотим ликвидировать самостоятельную Словакию, присоединив ее к Венгрии. Словакия и без того является нежизнеспособной, ее политическое руководство — неспособным. Над расширившейся за счет Словакии Венгрией мы хотим затем установить германский протекторат и, таким образом, выдвинуть наши войска к румынской границе. После этого Румыния капитулирует»¹⁸.

Об этом же говорилось в записке советника посольства Германии в Польше Р. Шелии для разведки одной из западных держав (7 мая 1939 г.): «Германские меры в Словакии — создание протектората и военная оккупация — являются звеном в рамках осуществления широкого военного плана, преследующего цель охвата Польши с севера и юга... Можно будет рассчитывать на поддержку Венгрии, так как Венгрия должна будет получить

¹⁷ ЦАФСБ. Уголовное дело Чатлоша. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г.

¹⁸ Год кризиса. Т. 1. Док. 311. С. 420, 422.

Словакию и вместе со Словакией должна быть поставлена под защиту Германии»¹⁹.

Появление слухов о предстоявшем включении Словакии в состав Венгрии зафиксировано и в дневнике советника посольства СССР в Берлине Г. А. Астахова 12 июня 1939 г.²⁰

Точно так же советский генконсул в Праге В. Н. Яковлев сообщал в НКВД СССР 22 июня 1939 г. о том, что «немцы, по видимому, решили покончить с ее (Словакии. — Авт.) „самостоятельным“ существованием». Яковлев объяснял это необходимостью для Германии «военного окружения Польши, дабы вынудить ее к уступкам. С этой точки зрения Словакия непосредственно необходима Германии»²¹. Одновременно Яковлев сообщал о занятии словацких городов Поважска Быстрица, Дубница, Жилина, имеющих большие военные заводы, крупными воинскими соединениями немцев. Советский генконсул связывал это с «приготовлениями против Польши и событиями в Данциге»²².

Но слухи и предположения не подтвердились. Берлин счел нужным сохранить самостоятельную Словакию. Возможно, это было сделано и потому, что Венгрия тогда предпочла нейтралитет и отказалась поддержать Германию в ее войне против Польши. Выходившая в Париже газета чехословацкой эмиграции «Ческо-словенске зправы» сообщила, что «немцы провели в Словакии полную подготовку для похода на Польшу» (5.08.1939), что «крупные части немецкой армии перешли 19 и 20 августа словацкую границу и заняли северную Словакию... Практически вся граница между протекторатом и Словакией и между Словакией и Польшей занята крупными частями немецкой армии» (26.08.1939)²³.

24 августа к Тисо пожаловали немецкий посланник Бернард и генерал Баркхаузен, которые в ультимативной форме «предложили» Словакии участвовать вместе с Германией в войне против Польши. Словацкая армия должна была быть подчинена верховному командованию вермахта, а аэродромы освобождены для немецких самолетов. Одновременно Германия обещала в случае согласия Словакии с предложенным дать ей гарантии южных границ против Венгрии и вернуть территории, занятые год назад Польшей. Тисо принял это предложение,

¹⁹ Там же. С. 433–434.

²⁰ АВР РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93 Д. 8. Л. 21

²¹ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 112–113.

²² Там же. Д. 9. Л. 35.

²³ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 13. Д. 55. Československé zprávy. 1939. N 38, 43.

настояв и на возвращении территорий, отошедших к Польше в 1920 г.²⁴

Распоряжение словацкого правительства от 29 августа 1939 г. расширяло права германских военных властей в Словакии. Немецкие воинские части здесь могли получать от населения продукты питания, транспортные средства и т. д. Словацкие граждане, выступившие против приказов германских военных властей, должны были отвечать перед германским военным судом, что обычно является одной из характерных черт оккупационного режима²⁵.

Впрочем, очевидно, что если бы даже согласия словацкого правительства на ультимативные предложения Германии не было дано, последняя действовала бы так, как считала нужным. После войны Г. Геринг признавал: «Я лично не считал самостоятельную Словакию действительно суверенным государством. Если бы для начала войны мне понадобились там аэродромы, я их использовал бы и в том случае, если бы Словакия не объявила войну Польше. Я даже не знаю, действительно ли Словакия участвовала в войне против Польши»²⁶.

В конце августа к Чатлошу пожаловал германский генерал Энгельбрихт, задачей которого было координировать действия словацкой армии с германским военным командованием. 29 августа Тисо назначил Чатлоша командующим словацкими частями, предназначенными для вторжения в Польшу. 30 августа тот встретился с германским генерал-полковником Листом, чтобы доложить ему о готовности словацкой армии к участию в нападении на Польшу, а 1 сентября части словацкой армии вместе с германскими вооруженными силами вторглись на ее территорию²⁷.

Эта непопулярная в Словакии война, хотя она и велась под ирредентистскими и реваншистскими лозунгами, завершилась присоединением к Словакии территорий, отошедших к Польше в 1920, 1924 и 1938 годах, общей площадью в 600 кв. км с населением 45 тыс. человек²⁸.

22 декабря 1939 г. словацким сеймом был принят закон об инкорпорации указанной территории. В сентябре 1939 г. Чатлош получил письмо генерала Листа с выражением благодарности за

²⁴ *Král V.* Op. cit. S. 285.

²⁵ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 12.

²⁶ Цит. по: *Král V.* Op. cit. S. 286.

²⁷ ЦАФСБ. Уголовное дело Чатлоша. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г.

²⁸ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 261. Эти сведения были переданы словацким посланником в Берлине Черпаком полпреду СССР в Германии Шкварцеву.

сотрудничество и помощь, оказанные словацкой армией. Словацкий военный министр был награжден Гитлером железными крестами I и II степени, а Тисо вручил ему высокую военную награду Словакии ²⁹.

Сентябрь 1939 г. ознаменовался и новым курсом Советского Союза в «словацком вопросе». До этого СССР стоял на позициях решительного непризнания ликвидации Чехословакии и создания самостоятельной Словакии. В Москве продолжало функционировать чехословацкое посольство во главе с З. Фирлингером, отношение к которому нарком иностранных дел М. М. Литвинов в письме Яковлеву 28 марта 1939 г. в Прагу охарактеризовал так: «Я сказал Фирлингеру, что практического значения его заявление (о вступлении в обязанности представителя Чехословакии. — *Авт.*) не имеет, ибо, не связанный ни со своей страной, ни со своим правительством, он не может разрешать с нами какие-либо дела, но что, поскольку он хочет оставаться представителем какого-то символического государства и правительства, мы его пока трогать не будем, а дальше будет видно» ³⁰.

НКВД СССР не отвечал на ноты германского посла в Москве Ф. Шуленбурга о передаче функций чехословацкого посольства германской дипломатической миссии, но вместе с тем не знал, «отвечать ли и в какой форме на ноты чехословацкой миссии в Москве» ³¹. Без ответа осталось и полученное по почте из Братиславы официальное уведомление о создании Словацкого государства ³².

Выжидательная позиция НКВД характерна и для летних месяцев 1939 г. Резолюция заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина 13 июня 1939 г. на докладной записке о формах реагирования на германские ноты, касающиеся чехословацких граждан, гласила: «Мы сообщили немцам о нашем принципиальном отношении к захвату Чехословакии. Нужно выдерживать эту позицию, пока возможно без серьезных затруднений» ³³.

Позиция СССР по чехословацкому вопросу летом 1939 г. может быть понята только в контексте советской внешнеполитической деятельности той поры, нацеленной на достижение

²⁹ ЦАФСБ. Уголовное дело Чатлоша. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г.

³⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 26.

³¹ Там же. Оп. 16. П. 33. Д. 1. Л. 10–11.

³² Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 214. Л. 1.

³³ Там же. Ф. 0138. Оп. 16. П. 33. Д. 1. Л. 9.

соглашения, с одной стороны, с западными державами, а с другой (сначала как запасной, а потом как приоритетный вариант) — с Германией.

Резкое изменение советского внешнеполитического курса, явственно обозначившееся в конце второй декады августа 1939 г., повлекло и корректировку позиций СССР в чехословацком вопросе. 18 августа Фирлингер в ответ на вопрос находившегося в эмиграции бывшего президента Чехословакии Э. Бенеша об отношении СССР к Словакии сообщал: «...трудно на этот вопрос ответить сегодня ясно и определенно. Ситуация меняется каждую секунду»³⁴.

После заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 г. чехословацкий вопрос для СССР стал частью его новой внешнеполитической стратегии. Руководители Словакии одобрили подписание этого пакта³⁵, хотя отношение к нему в словацком обществе было неоднозначным. Это явствует, в частности, из записи состоявшейся 8 сентября 1939 г. беседы советского генконсула в Праге с известным словацким поэтом-коммунистом, близким в то время к кругам Дюрчанского, Л. Новомеским. Пакт, по его словам, «вызвал смятение в Словакии. Пактом многие недовольны. Друзья СССР плохо понимают значение пакта и видят в нем направление курса политики СССР». В то же время недовольные усилившимся давлением Берлина на Словакию Дюрчанский и его окружение одобряли пакт и считали, что он создаст благоприятные условия для установления дипломатических отношений Словакии с СССР и тем самым поможет возникновению сильного противовеса германской политике полного овладения страной. «Круги Дюрчанского наивно сожалеют, — говорил Новомеский, — что нет в Словакии бывшего коммунистического депутата Клементиса и коммуниста-поэта Понивана (очевидно, Поничана. — Авт.). Они были бы хорошими послами для СССР»³⁶.

Понимал и Фирлингер, что изменение советского внешнеполитического курса внесет коррективы в отношении Москвы к возглавляемому им посольству. В конце августа он обратился с запросом в НКВД СССР о возможном влиянии заключения советско-германского договора на изменение позиций Советского Союза в чехословацком вопросе, но, по его словам, получил «от сотрудников наркоминдела уклончивый ответ»³⁷.

³⁴ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl I. Praha, 1947. S. 271.

³⁵ АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 8.

³⁶ Там же. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 142–143.

³⁷ Fierlinger Z. Op. cit. Díl I. S. 223.

В то же время сторонники сближения с СССР в Словакии, группировавшиеся вокруг Й. Тисо и Ф. Дюрчанского, решились на инициативные шаги, опираясь на 4 статью «охранного договора» с Германией. Трудно себе представить, исходя из этого договора и из фактического влияния Германии на Словакию, что эти шаги были предприняты без предварительного согласования с немецким «патроном». 14 сентября 1939 г. новый советский полпред в Берлине А. А. Шкварцев записал в своем дневнике: «принял посланника Словакии Черняка (правильно — Чернака. — *Авт.*). Черняк поставил передо мной вопрос о признании нами Словакии и установлении с ней дипломатических отношений... по его мнению, признание Словакии со стороны такой великой державы, как СССР, стабилизирует положение Словакии и содействует делу мира»³⁸. В тот же день телеграмма об этом визите ушла в Москву. В ней значилось, что Чернак сделал это предложение официально от имени своего правительства. Шкварцев просил указаний. Он получил их от главы советского правительства и наркома иностранных дел В. М. Молотова на следующий же день: «Можете сообщить, что СССР согласен установить дипломатические отношения со Словакией»³⁹.

В известных автору документах о советско-германских отношениях того времени нет свидетельств какого-либо нажима Берлина на Москву в плане признания Словакии. Однако, по сведениям Фирлингера, относившимся к середине октября, Германия «делает постоянные попытки, чтобы незаинтересованность Советов в нашем (чехословацком. — *Авт.*) вопросе была каким-либо образом открыто продемонстрирована», и настаивает на ликвидации чехословацкого посольства в Москве, считая, что общественное мнение расценивает его существование «как доказательство неискренности немецко-советских взаимоотношений»⁴⁰. Очевидно, Германия в конкретных условиях сентября 1939 г. была заинтересована в нормализации советско-словацких отношений, в признании Словакии со стороны СССР де-юре, так как фактически это означало ревизию советской позиции в чехословацком вопросе и отказ Москвы от негативной оценки расчленения Чехословакии в марте 1939 г., а также выступало как показатель укрепления курса Москвы на упрочение советско-германского сотрудничества. Вместе с тем Берлин вовсе не желал усиления влияния СССР в Словакии и боялся этого, не без основания полагая, что здесь традиционно сильны русофильские настроения.

³⁸ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 223.

³⁹ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 582. С. 80; Док. 585. С. 82.

⁴⁰ *Fierlinger Z. Op. cit. Dfl I. S. 33.*

Наиболее влиятельная в ту пору часть словацкого государственного руководства, стремясь создать противовес все усиливавшемуся и по существу монопольному влиянию Германии в Словакии, также была заинтересована в официальном признании со стороны СССР.

Наконец, для Москвы этот шаг тоже тогда представлялся выгодным: он давал возможность (по крайней мере теоретически, предположительно) противодействовать укреплению позиций Германии в регионе, небезразличном для интересов СССР. Речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. свидетельствовала о том, что Советский Союз не намерен допускать решение вопросов Восточной Европы без его активного участия⁴¹. При этом, видимо, в представлении советской стороны этот регион мыслился значительно шире, чем трактовался в секретном протоколе к пакту Молотова-Риббентропа. Во всяком случае во время второй встречи советского генконсула в Праге Яковлева с Новомеским 25 сентября 1939 г., когда последний сообщил, что едет в Словакию, чтобы по предложению Дюрчанского занять должность референта по русским делам МИД, и спросил, не может ли он что-нибудь передать от имени Яковлева «своим друзьям или Дюрчанскому» по поводу того, какую политику в связи с признанием будет проводить СССР по отношению к Словакии, советский дипломат ответил, что он не может давать никаких политических советов и отослал его к речи Молотова 31 августа 1939 г., из которой «вытекает, что СССР активизирует свою политику в Восточной Европе и что без СССР вопросы в этой части земного шара решаться уже не могут»⁴².

Установление дипломатических отношений со Словакией было заявкой на активизацию советской политики в Юго-Восточной Европе, на Балканах. Фирлингер, в частности, полагал, что с установлением дипломатических отношений со Словакией «Москва получила ценную позицию для своего влияния на развитие за Карпатами»⁴³.

Следует также иметь в виду, что к осени 1939 г. СССР лишился своих посольств в Вене, Праге, Варшаве, и создание его официального представительства в Словакии облегчало задачу получения информации о положении дел в этой части Европы. Кроме того, присутствие советских официальных представителей в Словакии давало возможность прямых (хотя и тайных)

⁴¹ Год кризиса. ... Т. 2. Док. 620. С. 352-353.

⁴² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 188-189.

⁴³ Fierlinger Z. Op. cit. Dfl. I. S. 309.

контактов с коммунистическим подпольем и влияния в направлении активизации его деятельности.

Анализируя впоследствии акт признания Словакии со стороны СССР, Фирлингер писал Бенешу: «Признание словацкого тисового правительства Союзом является составной частью его общей политики: Москва никогда не связывала себе руки какими-либо формальными и сентиментальными соображениями. Признав сегодня «самостоятельную Словакию», Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектората...»⁴⁴. Что касается последнего, то подобные взгляды относительно намерений Советского Союза тогда были довольно широко распространены среди чешских и словацких коммунистов и представителей левых политических течений. Однако едва ли у советского руководства были такие далеко идущие намерения в тот конкретный момент: слишком велик был риск испортить отношения и подорвать «дружбу» с Берлином, что Москва в ту пору не могла себе позволить.

Кремль тогда, видимо, даже не был намерен широко афишировать свои отношения со Словакией. Официальных сообщений на этот счет не последовало, хотя Шкварцев 16 сентября 1939 г. пригласил к себе Чернака и передал ему содержание телеграммы Молотова. «Чернак встретил мои слова с большой радостью», — написал в своем дневнике советский посол⁴⁵.

Германское информационное агентство немедленно оповестило мировую общественность о происшедшем. А вот в центральноевропейском отделе НКВД СССР об этом ничего не знали (при тогдашнем камерном способе решения внешнеполитических вопросов это было действительно так). Во всяком случае, когда 19 сентября 1939 г. Фирлингер, ссылаясь на заграничные радиосообщения о признании Словакии Советским Союзом, пытался выяснить сначала у референта, а затем у заведующего указанным отделом НКВД А. М. Александрова, так ли это, то первый ответил, что впервые слышит о таком факте, «который не имел места», и потому не видит оснований для его обсуждения и оценки факта, а второй заявил, что таких сведений у него нет⁴⁶. Когда же справка о беседе указанных сотрудников НКВД с Фирлингером попала к Молотову, то нарком наложил резолюцию: «Фирлингера больше принимать не надо». В другой помете на этом документе фиксировалось высказывание Молотова, «что Фирлингер не посол».⁴⁷

⁴⁴ Цит. по: Dějinná křižovatka. S. 63.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 226.

⁴⁶ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 46, 48.

⁴⁷ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 36.

В Словакии факт ее признания Советским Союзом стал известен сразу же. Словацкая официальная газета «Словенска политика» сообщила об этом 17 сентября 1939 г., подчеркнув большое значение данного события, поскольку «до сих пор мы не имели с Россией почти никаких связей». Особо отмечалась народохозяйственная сторона вопроса, наличие множества совместных интересов в экономической области, возможность возместить на Востоке потери от сокращения торговли с Францией и Англией⁴⁸. Та же газета 19 сентября 1939 г. писала: «Наше положение теперь будет еще более прочным, ибо к немецкой охране добавились и хорошие отношения с Советской Россией, а немецко-русский пакт будет способствовать улучшению нашего международного положения»⁴⁹.

Москва и Братислава готовились обменяться послами, что, наряду с «походом» Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и быстрым приближением к словацким границам, инициировало рост славяно- и русофильских настроений, причем во всех слоях населения, и активизацию действовавшей в подполье коммунистической партии. В то же время ширились и антинемецкие настроения. Об этом свидетельствуют многочисленные документы той поры: сообщения словацких министерств внутренних дел и обороны, коммунистические листовки⁵⁰. В сообщении словацкого министерства обороны от 20 ноября 1939 г. об активизации компартии обращалось внимание на то, что «речь идет об общегосударственной акции»⁵¹. В связи с этим интересен обширный документ, полученный НКВДом из Праги и попавший в секретариат Молотова. Он был озаглавлен «Материалы о политической и экономической жизни Словакии, почерпнутые из разговоров с помощником присяжного поверенного д-ром Густавом Гусаком (коммунистом) и с профессорами Университета в Братиславе, близко стоящими к правительственным кругам». В частности, в этой записке подчеркивался сильный рост русофильства и утверждалось: «когда Красная Армия приблизилась к Словакии, опять почти все население объединилось в советофильстве: дипломатию СССР признают мудрой и только ждут, когда придут в Словакию русские». «Д-р Гусак указал, — писал далее состави-

⁴⁸ Slovenská politika, 19. IX. 1939.

⁴⁹ Ibidem. 19. IX. 1939.

⁵⁰ См. например: ДМИСЧО. Т. 4. Кп. 1. М., 1981. Док. 25. С. 48-49; Док. 27. С. 51; Док. 32. С. 57; Док. 35. С. 60-62; SNA. F. Ministerstvo vnutra (далее — MV). karton 20. Č. 33, 9. X. 1939; karton 21. Č. 35; Karton 24. Č. 36, 27. X. 1939; F. MZV. Karton 212.

⁵¹ SNA. F. MV. Karton 24. Č. 1, 20. XI. 1939.

тель документа, — что если советский посланник поведет ловкую политику, то он легко сможет снискать в пользу Союза многих лиц из правительственных кругов, мечтающих найти опору в славянском государстве с целью защиты от германской гегемонии. Таким ближайшим государством после распада Польши является СССР»⁵².

Тем временем 21 октября Шкварцев принял Чернака и сообщил ему о согласии советского правительства на назначение в Москву в качестве посланника Ф. Тисо, родственника президента Словакии. В упомянутом выше материале он характеризовался как личность, неизвестная словацкой общественности⁵³. Посланник ехал в СССР через Берлин, где провел определенное время, получая, очевидно, наставления, и прибыл в Москву 11 декабря. 14 декабря заведующий протокольным отделом НКВД В. Н. Барков по поручению замнаркома иностранных дел В. Г. Деканозова вызвал к себе Фирлингера и сообщил ему, что с 1 января 1940 г. истекает срок аренды занимаемого им особняка, который нужен Бюро обслуживания иностранцев, и потому арендный договор не может быть возобновлен. Фирлингеру было заявлено, что «он не может более рассматриваться как дипломат со всеми вытекающими отсюда последствиями». Но допускалась возможность его проживания в СССР как частного лица, предоставления ему в этом случае квартиры и оказания необходимого содействия⁵⁴.

Шуленбург же еще 2 декабря сообщил МИДу Германии, что «Советское правительство не рассматривает уже Фирлингера как официальное лицо»⁵⁵. Связано это было, видимо, с тем, что Совнарком СССР 1 декабря принял решение об открытии полпредства СССР в Словакии и утверждении его штатов⁵⁶.

23 декабря 1939 г. Ф. Тисо сообщил в МИД Словакии, что был принят Молотовым, что предстоит встреча с Потемкиным и что полномочным представителем СССР в Братиславе назначен Г. М. Пушкин⁵⁷. 25 декабря Тисо вручил верительные грамоты. В своих сообщениях в Братиславу он указывал на необходимость ускорить присылку специального сотрудника миссии, который бы занимался экономическим сотрудничеством Словакии с СССР, по-

⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 96, 103.

⁵³ Там же. Л. 95.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 55; *Fierlinger Z. Op. cit. Díl 1. S. 319.*

⁵⁵ Цит. по: *Křen J. V emigraci. Západní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969. S. 491.*

⁵⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 42. Д. 11. Л. 230.

⁵⁷ SNA. F. MZV. Karton 198. *Vyslanectvo Slovenskej republiky v Moskve.*

сколько поступает много заявок от словацких промышленных фирм с просьбой посредничать в переговорах с различными советскими учреждениями. Кроме того посланник обращал внимание МИД Словакии на то, что «Советы будут с большим вниманием следить за тем, как пишется в словацкой печати о Советском Союзе. В интересах Словакии, чтобы ее отношения с Советским Союзом были наилучшими. Поэтому Миссия просит, чтобы вся словацкая печать и публичные ораторы получили строгие указания не прибегать к таким выражениям, которые каким-либо образом препятствовали бы созиданию этих добрых отношений и вели бы к их напряженности»⁵⁸.

Тем временем из советского посольства в Берлине НКИДом было получено переданное Чернаком 16 декабря сообщение о том, что словацкое правительство дало согласие на принятие Г. М. Пушкина в качестве посланника СССР в Словакии. Путь его в Братиславу тоже лежал через Берлин, который начал испытывать явное беспокойство в связи с заявленными Советским Союзом намерениями активизироваться в восточноевропейских делах и ростом славяно- и русофильских настроений в Словакии.

Хотя Германия устами Риббентропа, заявившего 30 сентября 1939 г., что «обе стороны никогда не допустят вмешательство третьих держав в восточноевропейские вопросы»⁵⁹, как бы декларировала свое желание действовать в этом регионе «рука об руку» с СССР, однако в действительности она не только не хотела уступить захваченные здесь позиции, но и стремилась укрепить их. В этой связи интересен секретный инструктивный доклад, сделанный для немецкой «головки» в Праге прибывшим из Берлина «ответственным работником». Краткую запись доклада удалось добыть Яковлеву, который сообщил ее 2 декабря Молотову (фамилия докладчика не была при этом установлена)⁶⁰. В докладе, в частности, заявлялось, что перешедшие под немецкое владычество средневропейские территории, заселенные чехами, словаками и поляками, «стали краеугольным камнем для трех направлений экспансии, которыми будет осуществляться создание континентальной империи: это — экспансия на юг, на юго-восток и на восток». Наряду с движением на Балканы, в Средиземноморье и к черноморским проливам докладчик называл и «вечную немецкую цель, т. е. разложение России и овладение Украиной и Черным морем». Указывая на необходимость «сведения счетов с Великобританией» и отмечая противоречия с Италией, он подчеркнул,

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Правда. 30. IX. 1939.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 76–81.

что в данный момент необходимо, чтобы при содействии Италии была создана прочная государственная организация в пространстве между Германией и Россией, т. е. на территории трех северных славянских народов — чехов, словаков и поляков, в Придунайской области и на Балканах.

Этот документ, свидетельствовавший о германо-итальянском соперничестве, в то же время показывал, что «третий рейх» не намерен был терпеть еще одного конкурента — Советский Союз — в сфере своих интересов, куда входила и Словакия. А между тем здесь стали усиливаться антинемецкие тенденции, робко поддерживаемые и правительственной группировкой Тисо — Дюрчанский, позиции и авторитет которой возросли после окончания войны с Польшей и в результате проведения курса на сближение с СССР, естественно в рамках германо-словацких договоренностей.

Встревоженный этим немецкий посол в Братиславе Бернард представил в январе 1940 г. в МИД Германии свои соображения относительно положения дел в стране и предложения по его исправлению. Доклад был озаглавлен «Усиление немецкого влияния в Словакии». Определив причины его падения, Бернард советовал наряду с использованием уже действовавших в Словакии немецких институтов и лиц, усилить, по возможности незаметно, влияние на словацкий аппарат пропаганды, поддерживать всеми средствами словацких деятелей, склонных к установлению авторитарных форм власти, приглашение этих деятелей в Берлин для встречи с Гитлером.

В то же время Бернард с осторожностью относился к мысли об использовании для усиления германского влияния в Словакии немецкого меньшинства, которое, по его мнению, осложняет германо-словацкие отношения, считая «Чехию и Моравию примером, достойным подражания». Чтобы избежать недоразумений, — полагал Бернард, — следует дать меньшинству ясное политическое указание, что «немецкая политика нацелена на сохранение самостоятельного Словацкого государства в рамках, определенных охранным договором»⁶¹.

М. фон Киллингер, назначенный в это время инспектором немецких посольств в Юго-Восточной Европе (Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Греции) и облеченный тайными полномочиями в области контрразведки, выявления враждебной и налаживания собственной пропаганды в этом регионе, характеризовал в январе 1940 г. настроения в Словакии как «нехорошие», связывая это с тем, что словацкая национальная гордость ущемлена

⁶¹ *Lipták L. Op. cit. S. 337–338.*

ощущением отсутствия реальной самостоятельности государства. Позицию Дюрчанского Киллингер квалифицировал как «в основном враждебную Германии»⁶².

Пользовавшийся большим влиянием на Тисо, высокообразованный и амбициозный, но малоопытный в политике министр иностранных и внутренних дел Словакии Дюрчанский вместе с группой молодых политиков питал иллюзии относительно того, что и возникшее по милости Германии Словацкое государство может, используя традиционную для стран Восточной Европы тактику лавирования, достигнуть определенной степени самостоятельности, овладеть искусством выживания путем балансирования между претендующими закрепиться в этом регионе державами, прежде всего Германией и СССР.

Когда прибывший 2 февраля 1940 г. в Братиславу советский полпред Пушкин вручал 14 февраля верительные грамоты президенту Тисо, аудиенция длилась около 40 минут и, как отметил полпред в дневнике, «словаки этим явно стремились подчеркнуть особое расположение к Советскому Союзу». Президент выразил намерение завязать широкие экономические отношения с СССР, говорил о симпатиях словаков к России и о неприязни к Венгрии, которая должна возвратить Словакии территорию с 600 тыс. жителей⁶³. А на обеде, данном в тот же день в честь Пушкина Дюрчанским, последний, по словам полпреда, «жаловался на немцев»: они, «боясь испортить отношения с Италией (Италия соперничала с Германией в оказании влияния на Венгрию. — *Авт.*), не помогли словакам в их споре с Венгрией»⁶⁴.

В первые же дни своего исполнения функций полпреда Пушкин обменялся визитами с Бернардом. Зафиксированные им впечатления сводились к следующему: «Бернард открыто насмехается над словаками, чувствуя себя в Словакии хозяином», и «на мой вопрос, может ли случиться, что Германия потребует от Словакии в порядке реализации договора участия в войне, Бернард ответил: «никогда... Словакия нам нужна как страна невоюющая. Словакия — наши ворота на Балканы»⁶⁵. Слова о «воротах на Балканы» были в НКИДе подчеркнуты красным карандашом.

Во время первых встреч Пушкина с Дюрчанским и Тисо были затронуты два вопроса, которые красной нитью проходят через все документы, касавшиеся советско-словацких контактов первой половины 1940 г.: во-первых, развитие экономических связей ме-

⁶² Ibidem.

⁶³ АВР Рф. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 1-3.

⁶⁴ Там же. Л. 8.

⁶⁵ Там же. Д. 3. Л. 1, 4.

жду двумя странами, во-вторых — стремление словаков побудить СССР оказать им поддержку в территориальных претензиях к Венгрии, т. е. в возвращении территорий, отошедших к Венгрии в результате Первого венского арбитража (южная часть Словакии) и захваченных ею в период создания Словацкого государства (восточная часть Словакии).

Что касалось экономических связей, то из беседы на эту тему Пушкина с заместителем министра иностранных дел Словакии Поляком выяснилось, что словаков интересовали советская нефть, смазочные материалы и высококачественный хлопок, а они, со своей стороны, предлагали кабель, текстиль и военные материалы, «если позволят немцы». «Нефти они готовы купить у нас 300–400 тыс. тонн (!), — записал Пушкин в дневнике, — по-видимому здесь они действуют по указке Германии, которая намеревается через Словакию увеличить наши поставки нефти в Германию». И предупреждал: «Если мы будем заключать со Словакией торговое соглашение и найдем нужным пойти на некоторые льготы словакам, следует особо предусмотреть положение, при котором немцы не могли бы воспользоваться этими льготами»⁶⁶.

21 марта 1940 г. Ф. Тисо передал на имя Молотова ноту, в которой от имени словацкого правительство официально сообщалось о желании «иметь с СССР кроме политических также экономические отношения». Выражая надежду на благоприятный ответ, он просил определить время для начала официальных переговоров по этому вопросу⁶⁷. 13 апреля 1940 г. Ф. Тисо передал Деканозову два списка с перечнем товаров для экспорта и импорта, которые были направлены из НКВД в наркомат внешней торговли (НКВТ) СССР. 27 апреля Ф. Тисо сообщил в Братиславу, что был принят наркомом внешней торговли А. И. Микояном, с которым обсуждались вопросы развития советско-словацких экономических связей. При словацкой миссии в Москве был создан экономический отдел для осуществления прямых контактов с НКВТ⁶⁸.

Словаки спешили и настаивали, а НКВТ не торопился. Дюрчанский в начале июня жаловался Пушкину на эту задержку и выразил желание направить в Москву специальную торговую делегацию с целью ускорить заключение договора. В личном письме на имя Молотова Пушкин отмечал, что завязывание торговых отношений со Словакией выгодно не только с политической, но и с хозяйственной точек зрения. Поскольку советская сторона посто-

⁶⁶ Там же. Л. 7.

⁶⁷ Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 287. Л. 3.

⁶⁸ Там же. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 22; Д. 2. Л. 6; SNA. F. MZV, karton 198. Vyslanectvo SR v Moskve. 27. IV, 20. V. 1940.

янно оглядывалась на то, чтобы не повредить своим отношениям с Берлином, полпред подчеркивал, что «заклучение торгового договора между СССР и Словакией не может вызвать беспокойства со стороны немцев, так как все вопросы, связанные с этим договором, давно уже согласованы словацким правительством с Германией». Резолюция Молотова на письме, адресованная Микояну и Деканозову, гласила: «Нужно дать ответ т. Пушкину. Мне кажется, что он прав»⁶⁹. В июне 1940 г. Микоян дал согласие на прибытие в СССР словацкой торговой делегации.

Меж тем в словацких верхах обострялся кризис, обозначившийся уже в конце 1939 г. и связанный с недовольством германофильской группировки премьер-министра В. Туки и А. Маха (руководителя военизированными формированиями ГСНП Глинковская гвардия) замедлением процесса сближения Словакии с Германией. «Первую половину 1940 г. можно назвать временем господства в Словакии группы Дюрчанского. Во внешней политике эта группа проводила линию лавирования между Германией, Италией, Венгрией и др. странами... Эта группа пыталась также заигрывать и с нами... Группа Дюрчанского бесспорно боялась полного порабощения Словакии немцами», — писал Пушкин в отчете за 1940 г.⁷⁰ Берлин, начавший оказывать явную поддержку прогерманской группировке, пригласил Маха посетить Германию, где ему была оказана пышная встреча, его приняли Риббентроп и Геббельс. Это привлекло внимание Пушкина, который в информационном письме от 4 марта 1940 г. писал, что положение Дюрчанского пока что довольно прочное, но немцы его не любят и, по-видимому, ждут подходящего момента, чтобы его убрать: «По моим наблюдениям, Дюрчанский проводит довольно сдержанную политику. Он боится чем-либо напугать немцев, но в то же время не позволяет им чересчур распоясываться»⁷¹. Именно во время пребывания Маха в Берлине Дюрчанский устроил прием на котором присутствовали работники МИДа и весь дипломатический состав германской и советской миссий в Словакии. Пушкин полагал, что этот прием устроен не случайно, а потому, что «Дюрчанский хотел показать немцам, что отныне Словакия имеет дело не только с Германией, но и с Советским Союзом». Полпред в связи с этим резюмировал: «От нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы можем им дать. В этом смысле у меня положение довольно деликатное»⁷².

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 3–4.

⁷⁰ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 113.

⁷¹ Там же. Д. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 28.

⁷² Там же. Л. 30.

Советский Союз, ведший в это время войну с Финляндией и не желавший каких-либо осложнений своих отношений с Германией, пока отваживался лишь на робкие попытки продемонстрировать свои интересы в Словакии: поездку делегации советских ученых в Словакию в январе 1940 г. на торжества, посвященные инаугурации Туки на пост ректора Братиславского университета (6 человек во главе с С. В. Кафтановым, председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР)⁷³; ответное приглашение в апреле-мае 1940 г. на юбилейные торжества МГУ делегации словацких ученых во главе с министром просвещения Й. Сиваком, которая была принята Потемкиным и Молотовым⁷⁴; наконец, поздравления, направленные Калининым Тисо и Молотовым Туке в связи с годовщиной образования Словацкого государства⁷⁵.

Что касается содействия Словакии в решении ее территориальных претензий к Венгрии, то тут советское руководство вело себя очень осторожно. Собственно этот вопрос был поставлен Чернаком перед Шкварцевым еще во время их первых встреч в Берлине, связанных с установлением дипломатических отношений Словакии с СССР⁷⁶. Тогда словацкий посол спросил, не заинтересован ли СССР в укреплении своих позиций на Балканах и как он намерен это сделать? Ответ советского дипломата был уклончивым.

Весной 1940 г., когда стало очевидным, что мир между Германией и западными державами не будет заключен (а слухи о возможности его подписания ходили очень упорные, и словаки боялись этого, считая, что в таком случае на существовании Словацкого государства будет поставлен крест), что Гитлер «завяз» на Западе, начав новую военную кампанию, Дюрчанский активизировал свою деятельность по реализации идеи возврата отошедших к Венгрии территорий с помощью Советского Союза. Словакия была наполнена слухами о том, что СССР готов взять себе Карпатскую Украину (весной 1939 г. она была оккупирована Венгрией) и тогда, оказавшись непосредственным соседом Словакии, поможет ей вернуть южные и восточные территории. Мысль о желательности такого развития событий постоянно внушалась советским дипломатам во время официальных и неофициальных встреч. Так, на одном из приемов, состоявшемся 9 мая 1940 г., Дюрчанский упорно доказывал Пушкину, что «если немцы на-

⁷³ Там же. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 2.

⁷⁴ Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 1; Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 7; SNA. F. MZV. Karton 198. Vyslanectvo Slovenskej Republiky v Moskve. 4, 7, 8, 9, 11. V. 1940.

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 290. Л. 1-5.

⁷⁶ Там же. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 259, 261, 270, 329.

правятся против Румынии», то СССР «вполне своевременно занять „Карпатскую Русь“ и Бессарабию»⁷⁷.

Весной 1940 г. резко обострились словацко-венгерские отношения, снова поползли слухи о возможном включении Словакии — с согласия Германии — в состав Венгрии в качестве компенсации за пропуск немецких войск через венгерскую территорию. В английской печати появились слухи о возникших по данному поводу разногласиях между Москвой и Берлином и вызванных этим встречах Молотова с Шуленбургом. В связи с этим центрально-европейским отделом НКВД СССР была подготовлена справка о словацко-венгерских отношениях. Экземпляр, который был нам доступен, не имеет даты, но документ, очевидно, относится к концу мая 1940 г. В нем констатировалось, что «Германия политическими интригами подогревала взаимную вражду обеих стран», т. е. Словакии и Венгрии, и что новая фаза обострения началась по инициативе Братиславы после возвращения из Берлина руководителя словацкой пропаганды Ш. Маха. Анализируя зарубежную прессу и имевшиеся в его распоряжении факты, автор справки приходил к следующим выводам: интерес, проявленный общественным мнением и правящими кругами ряда стран к политической игре в Венгрии и Словакии понятен, если учесть большое стратегическое значение Венгрии в Юго-Восточной Европе. Это значение играет сейчас для Германии особую роль ввиду возможности распространения театра военных действий на Балканы. Вместе с тем автор полагал, что пока еще нельзя дать определенного ответа на вопрос, будет ли Словакия действительно использована Германией как территория, а ее армия как сила, направленная для вторжения в Венгрию. Не соглашался автор и с утверждением англо-французской печати о наличии сговора Германии с Венгрией, в котором Словакия послужит только разменной монетой. «Следует учитывать, — говорилось в справке, — что для Германии территория Словакии сама по себе представляет большую ценность как окно в юго-восточную Европу... Скорее всего можно утверждать, что на данном этапе закулисных дипломатических переговоров германская политика натравливания Словакии на Венгрию служит средством давления на последнюю со стороны Германии»⁷⁸. Анализ этот был достаточно точен и подтвердился последующими событиями.

В июне состоялся ряд встреч Молотова с Шуленбургом, из которых следовало, что СССР заинтересован в том, чтобы проблемы Юго-Восточной Европы решались при его участии, путем сотру-

⁷⁷ Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 37.

⁷⁸ Там же. Ф. 1386. Оп. 2. Д. 1. Л. 83–94.

ничества Германии, Италии и Советского Союза. Берлин в ответ декларировал советской стороне свои не территориальные, а лишь экономические интересы к этому региону⁷⁹. Между тем Москва готовилась к намеченным в пакте Молотов — Риббентроп балтийской и бессарабской акциям, что требовало советско-германской согласованности. Однако сверх договоренностей августа 1939 г. СССР претендовал еще и на Буковину, как, по словам Молотова, последнюю недостающую часть единой Украины, что, естественно, не могло не вызвать раздражения Германии, которая тем не менее в конце концов пошла на уступку советскому партнеру, согласившись на присоединение к Советскому Союзу и Северной Буковины⁸⁰.

В этих условиях советское руководство, конечно, не могло и думать о том, что предлагали тогда словаки: «взять Карпатскую Русь» и установить непосредственную границу со Словацким государством. В беседе с Шуленбургом 25 июня относительно Бессарабии и Северной Буковины Молотов отметил, что «Советский Союз не ставил перед Венгрией вопрос о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным»⁸¹. В печать проникли слухи о том, что «СССР гарантирует статус-кво на Балканах и в Центральной Европе». Встревожено этим было и словацкое МИД, ответственный сотрудник которого Мрачна неоднократно в течение июня 1940 г. высказывал свою озабоченность советским дипломатам, поскольку «словаки с теперешним положением границ примириться не могут» и рассчитывают на поддержку СССР в мирном разрешении «за круглым столом» словацко-венгерских противоречий⁸². Откровенно говорил об этом в беседе с сотрудником советского полпредства Н. М. Ковалевым и начальник Глинковской гвардии Голан в конце июня: «Присоединение Карпатской Украины к СССР даст нам, словакам, мощного соседа, интересы которого в Словакии будут давать нам возможность удерживать равновесие с немецкими интересами. От этого выиграет самостоятельность Словакии»⁸³.

⁷⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 178. С. 312; Док. 217. С. 364–365; СССР–Германия, 1939–1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. / Сост. Ю. Фельштинский. Телех, 1983. Док. 29. С. 51; Док. 30. С. 51; Док. 32. С. 53; Док. 40. С. 59.

⁸⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 365; Док. 225. С. 374–375; СССР–Германия, 1939–1941... Док. 36. С. 56; Док. 41. С. 60–61; Док. 43. С. 63; Док. 44. С. 64.

⁸¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 375.

⁸² АВР Рф. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 69–72, 121.

⁸³ Там же. Л. 138.

Наконец, этот же вопрос поднимал буквально накануне своего смещения с поста министра иностранных дел и Дюрчанский во время встречи с Пушкиным 16 июля 1940 г. Советский полпред записал в своем дневнике: «Дюрчанский спросил меня: „когда же Вы возьмете Карпатскую Украину?“ Я ответил, что эта область настолько незначительна как по населению, так и по территории, что вряд ли следует говорить о ней так много, как говорят в Словакии. Дюрчанский согласился, но подчеркнул серьезное военно-стратегическое значение Карпатской Украины. Развивая эту мысль, он заметил, что Германия, Венгрия и особенно Италия учитывают это значение Карпатской Украины и поэтому не хотят отдавать ее нам. Я не поддержал этого разговора»⁸⁴.

Позиция, выраженная Пушкиным, целиком следовала линии, изложенной Молотовым Шуленбургу в упомянутой выше беседе 25 июня. Тогда включение Подкарпатской Руси в состав СССР было нереально из-за противодействия прежде всего Германии и ее союзников, и Москва вынуждена была считаться с этим.

Между тем Берлин был весьма обеспокоен усиливавшимся влиянием СССР в Словакии, ростом там русо- и славянофильских и одновременно антинемецких настроений, активизацией коммунистов, по отношению к которым, по словам Пушкина, проявлялся «известный демократизм»: «правда, компартия была распущена и запрещена, но коммунисты пребывали на свободе». Немцев вообще беспокоила политика группы Дюрчанского, проводившей, как отмечал тот же Пушкин, линию «лабиринтов между Германией, Италией, Венгрией и другими странами» и «заигрывания» с СССР из-за боязни «полного порабощения Словакии немцами»⁸⁵.

После завершения «западной кампании» «третий рейх» намеревался обратить взор на юго-восток Европы для укрепления своего тыла в предстоявшей войне с СССР. Отсюда — стремление навести «порядок» в Словакии. Между тем Дюрчанский, ошибочно рассчитывавший, что Германия надолго увязнет в войне на Западе, еще в мае 1940 г. начал наступление на позиции германофильской группировки в стране, сместив под предлогом готовившегося путча Маха с поста начальника Глинковской гвардии и поставив на его место своего человека. Немцы не намерены были терпеть это. В конце мая они отозвали из Братиславы Бернарда. В МИД Германии был выработан меморандум для Риббентропа о ситуации в Словакии, в котором рекомендовалось вмешательство Германии для исправления положения. Политика, проводившаяся руководством Словакии, характеризовалась как попытка отхо-

⁸⁴ Там же. Л. 143.

⁸⁵ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 113, 114.

да от Германии или по меньшей мере как открывающая такую перспективу. Допускалась возможность действий некоторых «элементов» в согласии с Советским Союзом и сотрудничества Дюрчанского с Бенешем. Предполагалось, что ситуация будет рассмотрена во время планируемого приезда Тисо и Туки в Берлин; намечалось восстановление Маха в его функциях, а лучше назначение его министром внутренних дел, постепенное отстранение Дюрчанского от дел, а также устранение всех антинемецких, особенно еврейских, элементов с важных постов, опровержение слухов о готовящемся присоединении Словакии к Венгрии или о разделе ее между Венгрией и Германией⁸⁶.

Киллингер в разговорах с Тукой в начале июня характеризовал конфликт Дюрчанского с Махом как наносящий ущерб престижу Словацкого государства и затрагивающий интересы рейха. Политика Дюрчанского определялась им как практически антинемецкая и граничащая с «просоюзнической», т. е. прозападной. В сообщении о беседе Киллингер предлагал Берлину передать Туке пост министра иностранных дел, а Маху — внутренних дел⁸⁷. Фактически это означало реорганизацию словацкого правительства.

Одновременно активизировалось немецкое национальное меньшинство (партия Кармазина) в Словакии, которое выступило с требованием германской помощи, введения в стране национал-социалистической идеологии, превращения Словакии в некое подобие протектората Богемия и Моравия. Люди из ведомства Бормана тоже склонялись к последнему. Однако этот крайний вариант не прошел и был выбран более умеренный, сохранявший все же видимость независимости Словакии: Берлин опасался радикальными действиями вызвать смятение в странах Юго-Восточной Европы, где он намеревался усилить свои позиции. По приказу Геринга в это время в Берлине шла интенсивная работа над планом создания так называемого Великого европейского экономического пространства, естественно — под эгидой Германии. Словакию намечалось включить в экономический блок, объединенный с рейхом таможенным контролем и валютной системой⁸⁸.

Новые тенденции в отношении немцев к Словакии, ставшие особенно ясными после поражения Франции, не замедлили сказаться на словацко-советских отношениях. «Впервые я заметил, — зафиксировал Пушкин в дневнике 20 июня 1940 г., — что словацкие министры всячески избегали остаться наедине со мной.

⁸⁶ *Lipták L. Op. cit. S. 349–350.*

⁸⁷ *Ibid. S. 351–352.*

⁸⁸ *Ibid. S. 355, 359–360.*

Особенно это относится к Дюрчанскому, который раньше всегда охотно беседовал со мной и при этом всегда был инициатором. Боязнь немцев чувствуется особенно теперь. Немцы держатся развязно и нагло»⁸⁹. Из словацкой печати исчезли всякие публикации об СССР. Делегации профессоров, вернувшейся из Москвы, не разрешено было выступать с докладами даже в узких академических кругах⁹⁰.

Характеризуя поведение Дюрчанского, который «растерялся» после военных успехов Германии на Западе, Пушкин сообщал в информационном письме 14 июля, что тот «из кожи лез, стараясь выслужиться перед Берлином, чего раньше за ним не замечалось». Одновременно советский полпред отмечал, что «немцы сейчас усиленно поднимают, я бы сказал, искусственно поднимают авторитет Туки». Пушкин сообщал, что немцы «прислали в Словакию около 200 агентов гестапо со специальным заданием очистить правительственные учреждения от русофильски настроенных элементов» и что «словацкие политики теперь терпеливо ожидают решений, которые продиктует Берлин»⁹¹.

В то время как верхушка Словакии уже отчетливо осознала, что паруса ее политики могут надуваться исключительно немецким ветром, в словацком обществе поднялась новая волна русофильства, связанная с событиями в Прибалтике и Бессарабии и надеждами на то, что СССР сможет (и захочет) воспрепятствовать усилению германского нажима на страну.

В этой сложной обстановке Тисо, Тука и Мах были приглашены на встречу с германским руководством. Не получивший приглашения Дюрчанский тоже поехал вместе с ними, но немцы полностью проигнорировали его присутствие. 24 мая представителям печати в Берлине было заявлено, что «грядущие визиты румынских, болгарских и словацких государственных деятелей связаны с мирным урегулированием и стабилизацией в Юго-Восточной Европе. Экономические вопросы займут на переговорах важное место». Газета «Словак» в передовой от 27 июля разъясняла, о чем идет речь: «В то время как на Западе дорогу к новой эре в Европе должно было расчищать оружие, на юго-востоке это делается некровавым, дипломатическим путем»⁹².

Прибывшие в Берлин словацкие политики получили аудиенцию у Риббентропа и Гитлера. Принявший Тисо в Зальцбурге немецкий министр иностранных дел без всяких обиняков констати-

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 77.

⁹⁰ Там же. Л. 92.

⁹¹ Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 7.

⁹² *Lipták L.* Op. cit. S. 360.

ровал: Тисо должен понимать, что для немцев Словакия не может быть проблемой. Тисо согласился с тем, что для 200 немецких дивизий конечно же это не проблема. После этого Риббентроп заявил, что Дюрчанский не может больше оставаться министром иностранных дел, что он на этом посту должен быть заменен Тукой, а портфель министра внутренних дел должен перейти к Маху. Только в случае согласия Тисо с этим ультимативным требованием должна была состояться его встреча с Гитлером. Тисо подчинился. В советники Туке Риббентроп определил немецкого посланника в Братиславе. Затем в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера с Тисо, Тукой и Махом. В ней участвовали Риббентроп и Киллинггер, уже утвержденный как будущий посланник Германии в Словакии. Тисо заверил Гитлера, что Словакия желает остаться под немецкой охраной и принять участие в создании нового порядка в Европе. Гитлер снова заявил, что политический интерес Берлина состоит лишь в охране Карпат, имеющих преимущественно военное значение: «Германия не позволит никакой другой державе проникнуть за Карпаты без боя». Камушек был брошен явно в «советский огород». Фюрер подтвердил гарантии, которые Германия дала Словакии на случай нападения на страну, и требовал взамен лояльной и недвусмысленной политики Братиславы по отношению к рейху. Тисо, со своей стороны, заверял, что Словакия не намерена «склоняться» к России в рамках панславистской политики⁹³.

Новая немецкая линия в Словакии начала осуществляться немедленно. Пушкин, первый раз посетивший Туку в новом его качестве — министра иностранных дел, записал свои впечатления 1 августа: «Это — наиболее реакционная фигура в Словакии и самая опасная личность для словацкого народа. Он окончательно продан немцам... Тука — хамелеон в законченной форме»⁹⁴. Чистка всех словацких учреждений от сторонников независимости государства и вообще ненадежных с германской точки зрения элементов должна была осуществляться под контролем нового немецкого посла в Словакии Киллингера. Во время первых же встреч с Пушкиным он ясно дал понять советскому полпреду, что «Словакия — зона германских интересов», а ее самостоятельность — призрак. «Он сознательно говорит это, чтобы намекнуть нам, что мы не должны в Словакии активизироваться», — записал Пушкин в своем дневнике 21 августа 1940 г.⁹⁵.

⁹³ Ibid. S. 360-362.

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 149.

⁹⁵ Там же. Л. 168-169.

Новая креатура Гитлера активно принялась за дело приспособления словацкого режима к германскому. Мах повел непримиримую борьбу с коммунистами и всеми оппозиционными элементами в стране, обещал кардинально решить по германскому образцу «еврейский вопрос». Тука объявил о внедрении в Словакии национал-социалистической идеологии. Уже 31 июля, сообщая Ф. Тисо в Москву о том, что «фюрер весьма решительно подтвердил самостоятельность и неприкосновенность Словакии», Тука одновременно заявил, что она «внутренне переходит к словацкому национал-социализму, недвусмысленно отвергая коммунизм»⁹⁶. Репрессии и аресты стали в Словакии обыденным делом. Участились антисоветские выпады в словацкой печати. С августа 1940 г. Германия начала активно приспосабливать территорию Словакии к своим военным потребностям. В августе–сентябре здесь было построено немцами около 20 аэродромов. «Если иметь в виду, что в Словакии насчитывается не более двух десятков самолетов, то станет ясно, что строительство производилось для нужд германской армии», — писал Пушкин. В это же время в Словакии строились новые и ремонтировались действовавшие шоссевые дороги, осуществлялась прокладка вторых путей на однопутных железнодорожных линиях, наводились новые и укреплялись старые мосты. Началось строительство сквозной (с запада на восток) автострады протяженностью 450 км, а также военных укреплений на севере и востоке страны. В начале сентября Словакию посетил германский министр вооружений Тодт, автор проектов германских автострад и линии Зигфрида, что было связано с широко развернувшимся здесь сооружением объектов военно-стратегического характера. Осенью 1940 г. Словакия, по словам Пушкина, напоминала собой строительный лагерь⁹⁷.

Характеризуя ситуацию в Словакии после совещания в Зальцбурге, центральноевропейский отдел НКВД считал, что это «марионеточное государство ... вступило в дальнейшую логическую фазу своего развития — безоговорочного выполнения роли германского плацдарма в Юго-Восточной Европе»⁹⁸. По сведениям, полученным Пушкиным, в октябре между Германией и Словакией было подписано дополнительное секретное соглашение к договору от 23 марта 1939 г., которое значительно расширяло обязательства словаков. По этому соглашению в распоряжение немцев предоставлялись все промышленные объекты Словакии, которые могли быть использованы для производства военных материалов,

⁹⁶ SNA. F. MZV. Karton 198. Vyslanectvo SR v Moskve, 31 VII 1940.

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 121.

⁹⁸ Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 185.

а также — в случае необходимости — словацкая армия, которая должна была быть перестроена в соответствии с организацией германской армии. Это военно-политическое соглашение явилось основой для присоединения Словакии 24 ноября 1940 г. к агрессивному Тройственному пакту, подписанному Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. Одновременно со Словакией к пакту присоединились Венгрия и Румыния. «Само собой разумеется, — полагал Пушкин, — Словакия не получает никаких выгод от этого пакта. Германия же, наоборот, получила право распоряжаться по своему усмотрению всем, что имеет Словакия»⁹⁹.

Сотрудники советского полпредства, которые в конце августа осуществили поездку по стране, выяснили, что в Словакии «открыто проводятся серьезные приготовления военного порядка». Особенно это относилось к восточным областям страны, где немцы, по словам Пушкина, действовали совершенно «самостоятельно, абсолютно не подчиняясь словацким властям». В Прешове было организовано германское консульство. «Это, — считал Пушкин, — должно представлять для нас особый интерес. В Прешове возникает таким образом центр по организации работы против Советского Союза»¹⁰⁰. Это было тесно связано с замыслами будущего нападения на СССР.

Не без ведома и поощрения германских властей, как логично предполагал Пушкин, в Словакии была усилена антисоветская пропаганда, чего пока немцы не могли позволить в своей стране. Несмотря на то, что, как отмечалось в аналитической справке, подготовленной центральноевропейским отделом НКВД 28 сентября 1940 г. для Деканозова, «Советский Союз, избегая превращения Словакии в камень раздора между ним и Германией, проводил по отношению к словакам осторожную и вполне тактичную по отношению к немцам политику»¹⁰¹, против советского полпредства в Братиславе был применен ряд мер: на подходах к зданию выставлены полицейские кордоны, досматривались и подвергались допросу посещавшие полпредство лица, установлено наблюдение за его сотрудниками¹⁰². Скорее всего эта акция осуществлялась новым министром внутренних дел Словакии с ведома и при поддержке Киллингера, которому важно было продемонстрировать Москве, кто здесь хозяин. Ф. Тисо, называя в беседе с советским полпредом действия словацкой полиции «идиотскими», сказал, что она подчинена правительству лишь формально, «а в

⁹⁹ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 122.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 30.

¹⁰¹ Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 173.

¹⁰² Там же. Оп. 06. П. 23. Д. 288. Л. 33; Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 15–16.

действительности ею руководит другая держава»¹⁰³. Центрально-европейский отдел НКВД рассматривал антисоветский курс, занятый словаками, «не только как частный факт во взаимоотношениях между Словакией и СССР, но как определенную линию поведения Германии по отношению к Советскому Союзу»¹⁰⁴.

Пушкин весьма болезненно отреагировал на действия словацких властей, настаивая на резкой реакции Москвы. Однако НКВД, хотя и не мог проигнорировать происходившее, не пошел и на конфликт, ограничившись достаточно вялым демаршем и потребовав разъяснения у словацкой стороны. Молотов, по всей видимости, был раздражен настойчивостью Пушкина, обвиняя его в излишней нервозности и сгущении красок, в том, что он «плетется в хвосте антигерманских элементов, не разбираясь в главном смысле некоторых фактов». А главное состояло в нежелании советского руководства вызвать тогда раздражение Германии демонстрацией своего недовольства, что могло быть чревато осложнением «добрососедских и дружественных советско-германских отношений», о которых говорил Молотов на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г., а до этого Сталин в беседе с послом Великобритании в СССР Криппсом (запись беседы была доведена до сведения германского правительства)¹⁰⁵.

Вместе с тем Кремль вовсе не намеревался быть безучастным наблюдателем германских «ходов» в дунайско-балканском регионе и пока, на правах партнера «третьего рейха» в решении вопросов Восточной Европы, заявлял о своем желании быть в курсе того, о чем в конце июля Германия и Италия вели переговоры с государственным деятелями Венгрии, Румынии, Болгарии и Словакии¹⁰⁶. Шуленбург обещал предоставить эту информацию Молотову. В конце августа–октябре 1940 г. Советский Союз трижды выражал недовольство односторонними действиями держав «оси» в Юго-Восточной Европе: в связи со вторым Венским арбитражем, с попыткой созвать экспертов по Дунаю без участия СССР, появлением германских «инструкторских» частей и «военной миссии» на территории Румынии без предварительного обсуждения с Москвой¹⁰⁷. Словацкий инцидент советская сторона, видимо, тоже рассматривала в свете усиливавшейся напряженности в советско-

¹⁰³ Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 177.

¹⁰⁴ Там же. Д. 3. Л. 178.

¹⁰⁵ Правда, 1940, 02. VIII; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). С. 805 (примеч. 132), 807 (примеч. 142).

¹⁰⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 288. С. 461; СССР–Германия, 1939–1941... Док. 54. С. 73.

¹⁰⁷ См. подробнее гл. V.

германских отношениях, обусловленной активизацией политики Берлина на Балканах, но, чтобы не «педалировать» эту напряженность и вынужденная признать факт полного германского господства в Словакии, решила спустить инцидент на тормозах и удовлетворилась достаточно неубедительными разъяснениями МИД Словакии¹⁰⁸.

Следует отметить, что после устного демарша Деканозова, заявленного им в отсутствие Ф. Тисо советнику словацкой миссии Г. Крно, последний советовался по этому вопросу с германским послом в Москве, после чего сообщил шифрограммой в МИД Словакии: «После совещания с Шуленбургом решительно советуем... мероприятия против советской миссии в нынешней форме немедленно прекратить и следить за деятельностью Советов незаметно... не забывайте, что мы накануне экономических переговоров с Советами. Шуленбург удивлялся этим мерам... и подчеркнул, что мы (т. е. Германия. — *Авт.*) имеем добрые отношения с Советами»¹⁰⁹.

Берлину, видимо, тоже не хотелось обострять отношения с Москвой «по пустякам», из-за чрезмерного усердия словацких ставленников. После нового обсуждения вопроса с Шуленбургом Крно сообщал в словацкий МИД 12 сентября 1940 г.: «Снова советуем ограничить меры против советской миссии в Братиславе до самого малого, то же самое советуют и немцы. Они заверили меня, что Советы уже давно отказались от того, чтобы вести пропаганду через свои посольства. Мы, дескать, должны более решительно действовать против своих (коммунистов. — *Авт.*), чем вызывать международные недоразумения»¹¹⁰.

Полицейский контроль над советским полпредством в Братиславе был несколько ослаблен, но полностью не прекратился. В докладной записке Александрова Вышинскому 28 сентября, анализировавшей события в Словакии, делался вывод о том, «что все последние антисоветские акты в Словакии были проведены по прямому указанию Берлина». Поскольку «германское нахальство в Словакии действительно перешло границы допустимого», Отдел считал целесообразным «использовать создавшееся там положение в интересах СССР и направить острием против самих прово-

¹⁰⁸ SNA. F. MZV. Karton 198. Vyslanectvo SR v Moskve. 7, 10. IX. 1940; АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 2. П. 2. Д. 1. Л. 4–7.

¹⁰⁹ SNA. F. MZV. Karton 198. Vyslanectvo SR v Moskve. 6. IX. 1940. С ноября в Москве велись переговоры о советско-германских экономических отношениях (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (1). Док. 547. С. 128–135; Док. 560. С. 152–154; Док. 585. С. 185–190; Док. 602. С. 216–218).

¹¹⁰ SNA. F. MZV. Karton 198. Vyslanectvo SR Moskve. 12. IX. 1940.

каторов». С этой целью рекомендовалось сделать словакам представление, суммирующее все факты их антисоветского поведения с указанием, что это поведение провоцирует стремление испортить дружественные отношения СССР с Германией, которая, согласно договору со Словакией от 23 марта 1939 г. координирует внешнюю политику последней. Отдел полагал, что составленное в таком духе заявление поможет «призвать к порядку словацкое правительство» и поставит «в весьма щекотливое положение немцев»¹¹¹.

Однако такого заявления сделано не было. Руководство НКВД, видимо, предпочло проглотить горькую пилюлю, опасаясь возможных негативных для СССР последствий такого шага и занятое решением других, нараставших, как снежный ком, и более важных для Москвы балканских проблем. Советское руководство избрало иной путь решения «словацкого вопроса», придя к выводу о необходимости возобновления торговых переговоров со Словакией, заторможенных вышеописанными событиями.

Еще 11 сентября в беседе с Пушкиным Ф. Тисо сказал, что Словакия согласовала вопрос о посылке торговой делегации в СССР с Германией и что последняя «не возражает против этого»¹¹². Словацкая миссия в Москве торопила Братиславу с направлением торговой делегации. В затягивании переговоров Ф. Тисо обвинял словацкую сторону и снимал с себя всякую ответственность за их срыв¹¹³. В октябре 1940 г. переговоры — пока через словацкую миссию — возобновились: стороны выясняли, кто в чем заинтересован, а словаки, по всей видимости, консультировались с немцами, так как СССР хотел получить товары, имевшие оборонное значение, в частности, кабель, взрыватели для гранат, электромоторы, продукцию трубопрокатных заводов¹¹⁴. 4 ноября 1940 г. Ф. Тисо было сообщено от имени Микояна, что словацкая торговая делегация может прибыть в Москву. Посланник советовал Братиславе «как можно быстрее» реализовать это приглашение, поскольку «всякая задержка может вызвать непредвиденную ситуацию»¹¹⁵.

В итоге делегация прибыла срочно. Ее состав был весьма импозантен: министры транспорта, экономики, финансов, директор Национального банка, представители объединения промышленников и сельскохозяйственного совета, а также крупнейших про-

¹¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 39–43.

¹¹² Там же. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 178.

¹¹³ SNA. F. MZV. Karton 198. Vyslanectvo SR v Moskve. 16. IX, 3, 5. X. 1940.

¹¹⁴ Ibid. 22, 23. X; 1. XI. 1940.

¹¹⁵ Ibid. 6, 8. XI. 1940.

мышленных предприятий¹¹⁶. 21 ноября руководство делегации было принято Микояном. Тут же были созданы две совместные комиссии: одна для разработки текста договора, другая для определения круга товаров, интересующих обе стороны. Из содержания шифрограмм, полученных в Братиславе, следует, что советские представители настаивали на открытии в Братиславе советского торгпредства и что это вызвало негативную реакцию словаков, очевидно, не без учета мнения Берлина, стремившегося не допустить укрепления советских позиций в Словакии. В конце концов словацкая сторона вынуждена была согласиться с желанием Москвы, поскольку в противном случае переговоры могли закончиться крахом. 3 декабря словацкая миссия в СССР получила уведомление МИД Словакии о том, что «торговое представительство разрешено, всего не более 10 человек»¹¹⁷.

6 декабря между Советским Союзом и Словацкой республикой был подписан основанный на принципе наибольшего благоприятствования Договор о торговле и судоходстве. Срок его действия определялся в два года с возможностью, если он не будет денонсирован за 6 месяцев до окончания срока, его автоматического продления на неопределенное время. В тексте было оговорено и открытие торгового представительства в составе советской миссии в Братиславе. Правовое его положение было зафиксировано в специальном приложении к Договору. Одновременно было подписано и соглашение о товарообороте и платежах¹¹⁸. Договор был ратифицирован обеими сторонами в январе 1941 г., а в марте 1941 г. в Братиславе открылась советская торговая миссия¹¹⁹. Однако ни договор, ни соглашение не были фактически реализованы ввиду разрыва дипломатических отношений Словакии с СССР 22 июня 1941 г.

Между тем усилившееся с лета 1940 г. привязывание Словакии к Германии продолжалось. Киллингер, по словам Пушкина, стал «по существу фактическим диктатором Словакии»¹²⁰. С его помощью в словацкий правительственный и производственный механизм было «введено войско германских доверенных лиц». На промышленных предприятиях действовали «германские комиссары», а предприятия военного значения даже формально были ис-

¹¹⁶ Ibid. 9. XI. 1940.

¹¹⁷ Ibid. 23, 27. XI; 3. XII. 1940.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 44. Л. 6–11, 12–13; Российский государственный архив экопомки. Ф. 7333. Оп. 25. Д. 1881. Л. 166. Договор опубликован в: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (1). Док. 571. С. 166–169.

¹¹⁹ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Док. 63. С. 101–102.

¹²⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 46.

ключены из ведения словаков. Словацкий национальный банк стал простым отделением Дрезденского банка. Активность Германии в Словакии, особенно в части военных приготовлений, по сообщениям Пушкина, особенно возросла после «оккупации германскими войсками Румынии и начала военных операций Италии против Греции»¹²¹. Ускоренными темпами продолжалось строительство автострад, шоссейных и железных дорог, мостов, аэродромов, военных укреплений; словацкие санатории переоборудовались под госпитали для раненых немецких солдат. «Совершенно очевидно, — писал Пушкин, — что немецкие военные власти рассматривают Словакию как свой глубокий тыл»¹²².

Началась реорганизация словацкой армии по германскому образцу, которая, по словам Чатлоша, проводилась по указанию начальника германской военной миссии в Словакии и по требованию Гитлера¹²³. Группа словацких офицеров во главе с Чатлошем совершила поездку в Германию для получения инструкций; весь словацкий офицерский корпус в течение определенного времени должен был пройти переподготовку в Германии¹²⁴. В Словакии были размещены немецкие военные гарнизоны. С середины декабря 1940 г. германская армия двинулась через территорию Словакии в Венгрию и Румынию. Если раньше, характеризуя положение в Словакии, Пушкин употреблял выражение «строительный лагерь», то к концу 1940 г. он говорил уже о превращении Словакии немцами в «сплошной военный лагерь» и о том, что она «все более принимает вид оккупированной страны»¹²⁵.

Германия добилась своего, превратив Словакию в плацдарм для реализации собственных планов. Однако овладеть Словакией идеологически оказалось труднее: отношение к национал-социализму в словацком обществе было довольно сдержанным со стороны как низов, так и значительной части верхов. Спротивлялся, конечно, насколько это было возможно в тех конкретных условиях, и Й. Тисо, поддерживаемый католическими кругами и Ватиканом. Киллинггер сообщал в Берлин: «В настоящее время ситуация такова, что началась борьба между представителями национального социализма (Тука, Мах, Мургаш) и христианским социализмом — понимай: политический католицизм (Тисо и его приверженцы). Панславистский лагерь Дюрчанского, само собой

¹²¹ Там же. Л. 50.

¹²² Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 122.

¹²³ ЦАФСБ. Уголовное дело Чатлоша. Протокол допроса от 11 декабря 1946 г.

¹²⁴ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 52.

¹²⁵ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 12; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Док. 60. С. 94.

разумеется, встал на сторону Тисо»¹²⁶. Форсировавший внедрение национал-социалистической идеологии Тука оказывался во все большей изоляции. Попытка немцев, особенно Киллингера, полностью сменить словацкую правящую верхушку, сместив Й. Тисо с поста президента, не удалась. Усилившееся противостояние Тисо — Тука, грозившее новым кризисом в верхах, в той конкретной обстановке, когда Словакия должна была являть собой прочный немецкий тыл и «образцовое государство» для стран Юго-Восточной Европы, не могло не тревожить Берлин. Делать окончательную ставку на Туку и Маха было нельзя: оба не пользовались популярностью в Словакии. Оставался Тисо, который по-прежнему имел большой авторитет в стране и в то же время не препятствовал немцам превращать Словакию в военно-хозяйственный полигон Германии. Прагматические соображения и заставили Берлин поддержать того, кто мог содействовать сохранению спокойствия и стабильности в стране, — Й. Тисо. Нужно было погасить конфликт в словацких верхах и примирить враждующие стороны. Для этой роли солдафон Киллигер уже не подходил, тем более, что его отношения с Тисо резко обострились. Тисо написал Гитлеру жалобу на Киллингера, клянясь при этом в дружбе к Германии и в готовности выполнять все указания Гитлера¹²⁷. Киллигер был отправлен послом Германии в Румынию, которая становилась важным объектом германского внимания на Балканах. В Словакию же был назначен сотрудник отдела Восточной Европы германского генштаба, знающий русский язык Г. Э. Лудин.

К этому времени немцам удалось «указать Москве» на ее более чем скромную роль в словацких делах, хотя информационные письма Пушкина свидетельствовали о том, что чем сильнее был германский нажим на Словакию, тем более росли здесь русо- и славянофильские настроения. «Немцы очень боятся нашего влияния в этой стране», — констатировал советский полпред и делал вывод, что «до тех пор, пока здесь господствуют немцы, не может быть и речи о сколько-нибудь широких связях между СССР и Словакией... Немцы весьма ревниво относятся к каким-либо, даже безобидным, нашим начинаниям в Словакии. Со страной, в которой Германия запрещает вообще писать что-либо положительное об СССР, даже то, что они опубликовывают в своей прессе, у нас не может быть развитых отношений». Вместе с тем, в отчете за 1940 г. Пушкин писал: «Словакия представляет для нас большой интерес. В Словакии мы должны следить за всеми при-

¹²⁶ Цит. по: Pokus o politický a osobný profil... S. 181–182.

¹²⁷ АВР РФ. ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 16.

готовлениями немцев и за их работой на Балканах. Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт»¹²⁸. Таким «наблюдательным пунктом» оставалась Словакия для СССР и в первой половине 1941 г.

С назначением послом в Братиславе Лудина в политике Германии по отношению к Словакии начался новый этап, характеризовавшийся меньшим использованием силовых и акцентированием политических и дипломатических методов воздействия на страну, где «третий рейх» уже прочно обосновался не только формально, но и фактически. В подробных инструкциях для работы в Словакии, полученных Лудиным в середине января 1941 г. от Риббентропа и Гитлера, говорилось о необходимости сохранения Словакии как государства. При этом указывалось на нежелательность того, чтобы еще скрытая борьба за власть между группировками Тисо и Туки переросла в открытую, и на то, что, хотя симпатии рейха — на стороне национал-социалистических кругов Словакии во главе Тукой и Махом, однако Берлин желает компромисса в решении внутривластных вопросов и сосредоточения всех политических сил на «конструктивной деятельности». Такая позиция аргументировалась тем, что Словакия как «находящееся под охраной» государство должна быть образцом и всякий рост его благосостояния поднимает престиж державы, осуществляющей охрану, т. е. Германии¹²⁹.

В соответствии с этой линией был ликвидирован кризис в словацких правящих кругах: между двумя враждующими группировками было достигнуто компромиссное соглашение, они сделали уступки друг другу — за Тисо было закреплено звание «вождя словацкого народа», а сторонники Туки — Маха укрепили свои позиции в правительстве. Необходимость прекращения напряженности в словацком руководстве была очевидна для немцев и в связи с событиями в Румынии, где в конце января 1941 г. произошел легионерский (фашистский) мятеж против Антонеску, которого поддержал Берлин, так как ему была нужна в тот момент не горстка фанатиков, а румынская армия. Обеспокоенные событиями в Румынии и опасаясь возможности аналогичных инцидентов в Словакии, немцы окончательно склонились к поддержке популярного и авторитетного в стране Й. Тисо. В конце января 1941 г. Лудин так характеризовал словацкого президента: «Безусловно, Тисо не только первая в государственно-правовом смысле, но и крупнейшая фигура страны..., сильнейший и самый уравновешенный политик Словакии... Я не сомневаюсь в его действитель-

¹²⁸ Там же. Л. 133, 156.

¹²⁹ См.: Pokus o politický a osobný profil... S. 199.

ном уважении к фюреру и в его честном намерении жить в братстве с германской империей... Если Германия проиграет войну, для Тисо есть лишь две возможности: чешская тюрьма либо русский большевизм. Я думаю, что для Тисо обе одинаково неприемлемы. Это рассуждение ведет лишь к одному единственному выводу: Тисо как трезво мыслящий словацкий политик не может проводить иную внешнюю политику, кроме немецкой»¹³⁰.

Эту характеристику интересно сопоставить с другой, данной в то же время словацкому президенту Пушкиным¹³¹. Он также считал Й. Тисо «самой крупной политической фигурой нынешней Словакии». Пушкин отмечал, что с самого начала возникновения самостоятельной Словакии (до марта 1939 г. Тисо выступал за ее автономию в рамках Чехословакии) Тисо «должен был противодействовать немцам, если он сколько-нибудь дорожил своей популярностью и своим авторитетом в стране. Так он и поступал». Однако Пушкин оговаривался, считая эту политику противодействия трусливой. «Тисо давал отпор немцам по мелочам, соглашаясь с ними по принципиальным вопросам». Советский полпред не склонен был «рассматривать Тисо как прогерманского политического деятеля», но в то же время считал, что он «боится чем-либо обидеть немцев или вызвать с их стороны излишне подозрения к своей политике. Поэтому он так часто подчеркивает „дружбу“ Словакии с Германией». Пушкин полагал (как выяснилось затем, ошибочно), что «немцы будут терпеть Тисо» до завершения своей акции на Балканах, а затем прогонят его. Что касалось отношений Словакии с СССР, то, считал полпред, Тисо, хотя ему и свойственны антисоветские настроения, «действовал в этом вопросе как реальный политик». Заканчивая характеристику, Пушкин писал: «Ни в коем случае не следует переоценивать антигерманские настроения Тисо. При всех обстоятельствах Тисо может договориться с кем угодно, только не с Советским Союзом». Это было созвучно с мнением Лудина относительно страха Тисо перед «русским большевизмом».

Внешнеполитически Словакия в это время шла полностью в фарватере Германии. После присоединения страны к Тройственному пакту, как уже говорилось, началась спешная реорганизация по германскому образцу словацкой армии, численность которой была доведена до 30 тыс. человек. Наряду с переформированием существующих воинских частей, создавались новые, в частности, авиационный корпус. В Тренчине открылась первая словацкая военно-воздушная школа. Министерству обороны было

¹³⁰ Цит по: Ibid. S. 199.

¹³¹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 57-62.

выделено на 1941 г. 575 млн. крон против 240 млн. крон в 1940 г. Реорганизацией словацкой армии руководили германские военная и военно-воздушная миссии в Словакии¹³².

Но в представлении немцев реорганизация словацких вооруженных сил не должна была вести к усилению их самостоятельности и выполнению ими каких-то своих задач в войне, которую вела Германия. Кроме того немцы, видимо, опасались прочехословацких и русофильских настроений в словацкой армии, поэтому по распоряжению германских властей у нее было отобрано и вывезено в Германию вооружение (танки, артиллерия, самолеты и т. д.) и оставлена лишь небольшая его часть, необходимая для обучения личного состава. В Братиславе была ликвидирована офицерская школа, и словацкие офицерские кадры стали готовиться в Германии. Такой, неожиданный, по признанию Чатлоша, оборот дела заставил его подать в отставку, которая не была принята Тисо.

Словакия в полной мере стала использоваться немцами как «ворота на Балканы». В специальном письме на имя Молотова и Вышинского 17 января 1941 г. Пушкин сообщал: «В последний месяц положение в Словакии резко изменилось... немцы все подчинили одной основной задаче — обеспечить бесперебойную переброску германских войск в Румынию и Венгрию через территорию Словакии»¹³³.

Переброска германских военных транспортов через территорию Словакии в Венгрию и Румынию продолжалась и дальше, хотя темпы ее и замедлились: в марте — 30–40 поездов ежедневно. Особенно активную деятельность развернули немцы в Восточной Словакии, куда советские дипломаты не допускались. Всеми делами этого района заправляло германское консульство в Прешове. «Имеются сведения, по которым Восточная Словакия вообще выделена из ведения словацких властей и находится под управлением немцев», — сообщал Пушкин в Москве 10 марта 1941 г., подчеркивая близость этого региона к советским границам¹³⁴.

В различных кругах словацкого населения, в частности, хозяйственных, журналистских, все более настойчиво распространялись слухи о предстоящем в скором времени военном столкновении Германии и СССР. Говорили об этом и дипломаты. В частности, словацкий посланник в Будапеште Спизьяк в беседе с советским полпредом Н. И. Шароновым в Венгрии в конце апреля 1940 г. подчеркнул, что в Словакии все уверены в неизбежном нападении Германии на СССР, что немцы якобы временно вводят в

¹³² ГАРФ. ф. 4459. Оп. 29/2. Д. 465. Л. 58–66.

¹³³ АВП РФ. ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 30–31.

¹³⁴ Там же. Л. 91.

Словакию 3 или 4 дивизии. «Нас это не удивляет, — заявил Спизьяк, — так как мы являемся протекторатом и давно ждали германских войск»¹³⁵. Однако еще в конце апреля Пушкин, анализируя отношение словаков и «здесьних немцев» к советскому полпредству, которое он считал корректным, полагал, что в ближайшее время каких-либо существенных изменений в отношениях между Германией и СССР не произойдет. Правда, он тут же сообщал, что по его сведениям словацкой тайной полиции даны указания прекратить наблюдения за советской миссией, так как эти функции переданы целиком и полностью гестапо¹³⁶.

Пушкин отмечал также, что после разгрома Югославии «в словацких правительственных кругах становится все меньше охотников беседовать с нами: словаки просто боятся», а немцы чувствуют себя хозяевами в Словакии «больше, чем когда-либо». Поведение словацких государственных верхов становилось все более верноподданническим по отношению к Германии: Словакия первая порвала дипломатические отношения с Югославией после ее оккупации и поспешила с признанием самостоятельной Хорватии; с необычайной пышностью был отпразднован в Словакии день рождения Гитлера 20 апреля: состоялось торжественное заседание в театре, где присутствовали все словацкие министры во главе с Тисо. Пушкин особо зафиксировал, что на завтраке, устроенном по этому случаю Лудиным, Тисо произнес «небывалую по своему раболению речь», заявив, что «словаки так же верны Гитлеру, как и немцы», и что «словаки являются послушными детьми отца Гитлера». С подобострастным приказом по армии выступил Чатлош¹³⁷.

О том, что тучи на германо-советском, а следовательно — и словацко-советском горизонте сгущаются, свидетельствовала и замена словацкого посланника в Москве Ф. Тисо, о чем НКВД СССР был уведомлен официально 25 апреля 1941 г.¹³⁸ (новый посланник Ю. Шимко прибыл в Москву 2 июня 1941 г.). Й. Тисо на вопрос Пушкина, чем вызвана отставка Ф. Тисо, ответил уклончиво, сказав, что «в наше время лучше иметь посланника, который не связан с семьей. Тисо же имеет семью и детей»¹³⁹. Ясно было, что Президент не хочет подвергать опасности своего родственника и его семью в случае военного столкновения Германии и СССР.

¹³⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). Док. 804. С. 634–635.

¹³⁶ АВП РФ. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 190–192.

¹³⁷ Там же. Л. 187–189.

¹³⁸ Там же. Ф. 1386. Оп. 2. П. 1. Д. 2. Л. 37.

¹³⁹ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 196.

В мае слухи о близкой войне между Германией и СССР приняли в Словакии лавинообразный характер. «Любой посетитель Торгпредства или Консульского отдела Миссии, — сообщал Пушкин 20 мая 1941 г., — считал своим долгом сообщить о грозящей СССР опасности». Основывались эти слухи на спешном строительстве железных и шоссейных дорог на востоке Словакии, ведущих к советским и бывшим польским границам, на массовой переброске (до 30 эшелонов в сутки) в этот регион немецких войск. Однако полпред, следуя общей линии советской политики, определявшейся Кремлем, не делал вывода о возможности нападения со стороны Гитлера. Наоборот, он сообщал о своем впечатлении, что «здесь немцы были в какой-то мере заинтересованы в распространении этих слухов и возможно даже их инспирировали». Рассуждая о том, зачем им это понадобилось, советский дипломат полагал, что цель этой инсценировки — «выявить антигерманские элементы и изолировать их». Другое объяснение состояло в том, что немцы стремились таким образом «скрыть свои истинные планы ближайших военных операций против Англии». «Сведения, которыми мы сейчас располагаем, — делал вывод Пушкин, — все же не дают оснований считать, что немцы, перебрасывая свои войска в Польшу, руководствовались большим, чем простым пополнением своих частей в Польше, поредевших в свое время из-за отправки нескольких дивизий в декабре 1940 и январе 1941 г. на Балканы. Нам представляется, что на ближайшее время такой вывод правилен». В то же время, явно противореча себе, Пушкин сообщал, что «немцы серьезно подготавливают Словакию к будущим военным операциям», что «Словакия, исключительно беспечная во время югославо-германской войны, сейчас проявляет особую активность в проведении мероприятий по обороне страны»: в прессе ведется кампания за сооружение бомбоубежищ в срок до 1 июня; издано распоряжение о приобретении каждым жителем Словакии противогаса; устраиваются частые учебные воздушные тревоги; началась мобилизация мужчин до 30-летнего возраста; из Прешова осуществлялась эвакуация женщин и детей в глубь страны; в Кежмароке, на востоке страны, был размещен главный штаб немецких войск¹⁴⁰.

Если советский полпред выражал сомнения относительно истинных намерений немцев и проводимой ими в Словакии подготовки, то корреспондент ТАСС в Братиславе был более точен в своих оценках происходившего. «Все эти приготовления, — писал

¹⁴⁰ Там же. Л. 220, 229–233.

он 4 июня 1941 г., — конечно рассчитаны на возможную войну между Германией и СССР. Других государств, против которых территория Словакии могла бы быть втянута в войну, нет»¹⁴¹.

О возможности скорой войны между Германией и СССР говорил в беседе с Пушкиным 29 мая 1941 г. и назначенный словацким посланником в Москву Шимко, который считал, что немцы будут воевать с Советским Союзом за Украину, если тот не даст им бесплатно хлеб. «Был ли этот разговор со мной инсценирован немцами, или он действовал по собственной инициативе, трудно сказать», — записал Пушкин в своем дневнике¹⁴².

За два дня до нападения Германии на Советский Союз в Братиславу инкогнито прибыл начальник германского генштаба генерал Гальдер и сообщил о желании Гитлера, чтобы словацкая армия участвовала вместе с немецкими войсками в походе на Восток. Тисо и Тука, с которыми он вел переговоры, выразили свое согласие (одобрение сейма на это получено не было), о чем и было телеграфировано Гитлеру¹⁴³.

22 июня Словакия заявила о вступлении в войну на стороне Германии. Тисо и Чатлош подписали воззвание, в котором призывали армию и словацкий народ верно служить Гитлеру. Чатлош отдал приказ о немедленном присоединении словацкой механизированной бригады под командованием подполковника Пилфусека к наступающей германской армии¹⁴⁴. 23 июня Словакия объявила войну СССР.

¹⁴¹ Там же. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 2. Л. 72.

¹⁴² Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 242–243.

¹⁴³ *Kráľ V.* Op. cit. S. 302.

¹⁴⁴ ЦАФСБ. Уголовное дело Чатлоша. Протокол допроса от 11 декабря 1946 г.

Глава V

Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г.

«Странная война» на Западе и советско-финский конфликт зимой 1939–1940 г. на время отодвинули балканские проблемы как бы на второй план в советско-германских отношениях. Однако они не потеряли своей актуальности. Германия продолжала развивать с балканскими странами не только экономические связи, значение которых резко возросло после введения западными державами экономической блокады, но и политические контакты. Сдержанность в последних диктовалась заинтересованностью в позиции Италии, которая ревниво следила за всеми действиями германской дипломатии на Юго-Востоке Европы и делала попытки сколотить «нейтральный блок» балканских стран под своим руководством. В этих устремлениях она встречала поддержку со стороны западных держав, рассчитывавших с помощью балканской политики оторвать Италию от Германии.

Однако сами балканские страны не проявляли желания отходить от политики нейтралитета, который все они провозгласили в начале войны. В частности, государства — члены Балканской Антанты подтвердили эту свою позицию на заседании Совета своей организации, проходившего 2–4 февраля 1940 г. в Белграде. В то же время они, опасаясь действий Италии в поддержку территориальных претензий Венгрии и Болгарии, подчеркнули в заключительном коммюнике Совета стремление «сохранить союз и сообща обеспечивать права, независимость и территориальную целостность его участников». Такая позиция вызвала раздражение венгерской дипломатии¹.

События зимы 1939–1940 г. замедлили нормализацию отношений Советского Союза с рядом балканских стран, в частности восстановление дипломатических отношений с Югославией. Однако все они старались воздерживаться от каких-либо антисоветских действий. В частности, ни одна из них не поддержала решения Совета Лиги Наций в декабре 1939 г. об исключении СССР из этой международной организации в связи с советскими действиями против Финляндии². В то же время все они проявляли заин-

¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 43. С. 86–88; Док. 48. С. 98–100; Док. 51. С. 105–106. См. также примечание 8.

² См.: Волков В. К. «Странная война» и страшные международные отношения // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Гибацки. М., 1990. С. 7–8.

тересованность в развитии экономических связей с Советским Союзом, поскольку от него они могли получить ряд товаров, ставших дефицитными на мировом рынке после начала войны (нефть, хлопок, зерно и т. д.). Отражением этой тенденции стало заключение 5 января 1940 г. договора о торговле и мореплавании между Советским Союзом и Болгарией³.

Советско-финский конфликт сказывался и на обстановке на Балканах, в частности на советско-турецких отношениях. С начала 1940 г. в дипломатических кругах активно обсуждались проблемы, связанные с концентрацией на Ближнем Востоке, в Сирии, крупной группировки французских войск и угрозой нефтепромыслам в Баку со стороны англо-французской авиации. Распространялись слухи о советских агрессивных намерениях на Балканах, об опасениях Италии и т. д.⁴. Эти темы не раз всплывали в ходе обмена мнениями между В. М. Молотовым и германским послом Шуленбургом в Москве, причем обе стороны сходились во мнении, что такие слухи не имеют под собой оснований и что как Советский Союз, так и Германия заинтересованы в сохранении мира на Балканах⁵. Однако и после заключения советско-финского мирного договора 12 марта 1940 г. советская дипломатия с подозрением относилась к активности Англии и Франции на Балканах, прежде всего в их отношениях с Турцией.

«Странная война» с ее странными отклонениями в системе международных отношений кончилась, когда 9 апреля 1940 г. Германия начала оккупацию Дании и Норвегии. Стало ясным, что Германия определилась в своих действиях на ближайшее время, сосредоточив их на Западе. В странах Юго-Восточной Европы, прежде всего в Югославии, Греции и Турции, возникли опасения, что эти действия будут сопровождаться итальянской агрессией на Балканах. В итоге последовала «весенняя тревога» на Балканах. Она вылилась в мобилизацию, прошедшую во всех балканских странах где явно, где скрытно, в росте напряженности отношений Болгарии с ее соседями, а также в обострении венгеро-румынских отношений. Балканы превратились в растревоженный улей. Последствия такого поворота в международной ситуации сказались и на отношениях Советского Союза с балканскими странами. Именно на этот период пришлось восстановление советско-югославских дипломатических отношений⁶. Характерно, что германская дипломатия недоброжелательно отнеслась к этому собы-

³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 6. С. 14–23.

⁴ Там же. Док. 13. С. 32–34.

⁵ Там же. Док. 8. С. 25–26; Док. 26. С. 49–52.

⁶ Подробнее см. гл. IX настоящего труда.

тию, хотя маскировала свою позицию подозрениями лично по отношению к назначенному посланником Югославии в СССР М. Гавриловичу⁷.

Новым моментом стало обсуждение балканских проблем в треугольнике СССР — Италия — Германия. Как ни странно, начало ему положила германская дипломатия, обеспокоенная обострением итало-советских отношений накануне войны и в период «странной» войны. Ряд антисоветских выпадов итальянского правительства привел к отзыву советского посла в Риме, что повлекло за собой и отъезд итальянского посла из Москвы. В Берлине опасались сближения Италии с западными державами на антисоветской основе, а следовательно и ослабления германо-итальянских отношений. Это побудило германскую дипломатию выступить с инициативой улучшения советско-итальянских отношений⁸. Реальные результаты стали сказываться еще весной 1940 г., но конкретные шаги (возвращение послов в столицы двух стран) пришлось уже на период начала германского наступления на Западе. Характерно, что германские зондажи нередко сопровождались обсуждением сложившегося на Балканах положения. Так, в беседе с советским полпредом А. А. Шкварцевым 25 апреля 1940 г. Риббентроп заверял, что «Германия абсолютно заинтересована в сохранении мира на Балканах. Территориально, сказал он, Германия не заинтересована в Балканских странах. Она заинтересована в них экономически, стремясь к нормальному продолжению своих торговых связей с Югославией, Румынией, Болгарией и Венгрией»⁹.

О мирных намерениях Италии на Балканах говорил советскому поверенному в делах в Риме 29 апреля 1940 г. министр иностранных дел Г. Чиано. Он назвал вздором все слухи о подготовке итальянского нападения на Югославию и Грецию. В то же время он «обвинял Белград в необоснованной нервозности и панике, в лихорадочном возведении укреплений на албанской границе, в ряде пограничных там конфликтов, в начавшихся антиитальянских манифестациях и прочем». Италия — за статус-кво на Балканах. Но далее Чиано «откровенно признал, что в случае вступления Италии в войну Рим будет заинтересован в том, чтобы путем давления с трех сторон (включая Венгрию и Албанию) дер-

⁷ Волков В. К. Советско-югославские отношения в начальном периоде второй мировой войны в контексте мировых событий (1939–1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 6.

⁸ Смирнова Н. Д. Советско-итальянские отношения. 1939–1940 // Война и политика: 1939–1941. М., 1999. С. 416–429.

⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 127. С. 232–233.

жать Белград в покорности». Беспокоило его и положение Румынии, и он настоятельно рекомендовал Венгрии, которая являлась «основой итальянской политики» в этом регионе, не поднимать территориальных требований к ней. Ибо «осложнения в какой-либо части дунайского сектора вызовут осложнения на Балканах в целом. Мы же этого сейчас не хотим», — заключал Чиано¹⁰.

Вопрос об улучшении итало-советских отношений был окончательно решен в дни наметившегося поражения Франции и незадолго до вступления в войну с ней Италии (10 июня 1940 г.). В беседе с Шуленбургом 3 июня 1940 г. Молотов сообщил о решении советского правительства восстановить деятельность посольств, и предложил, чтобы Италия направила своего посла в Москву, а через пару дней после получения известия о его выезде советский посол отправится в Рим. Это решение было преподано как шаг навстречу пожеланиям германской дипломатии и ее посредничеству. Одновременно Молотов поставил другой вопрос: «...в 20-х числах мая с. г. имела место беседа между поверенным в делах СССР в Риме Гельфандом и германским послом Макензеном. Содержание этой беседы сводилось к следующему: в связи со все более определяющейся позицией Италии в вопросе о ее втягивании в войну имеются два вопроса — западная и балканская проблемы, интересующие Италию. Макензен в беседе сказал, что балканская проблема будет решена совместно Германией, Италией и СССР без войны». В этой связи Молотов спросил Шуленбурга, «отражает ли это высказывание Макензена точку зрения Германского и точку зрения Итальянского правительств по этому вопросу»¹¹. Шуленбург обещал немедленно запросить Берлин.

Германская сторона не торопилась с ответом. Только 23 июня 1940 г., т. е. на следующий день после капитуляции Франции, Шуленбург в общей форме выразил согласие с высказыванием Макензена. От себя он добавил, что ответ Риббентропа был не слишком ясен. Но из него следует, что в силу договора, заключенного в августе 1939 г., соглашение о консультациях распространяется и на Балканы. Такой ответ не удовлетворил Молотова, и он поставил Шуленбургу три вопроса: «1) Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день? 2) Правильно ли заявление Макензена о том, что Балканский вопрос будет решаться совместно тремя странами? То есть распространяется ли пункт соглашения о консультациях и на этот вопрос? 3) Подтверждает ли германское правитель-

¹⁰ Там же. Док. 133. С. 242-244.

¹¹ Там же. Док. 178. С. 312-313.

ство заявление Макензена или нет? — Шуленбург ответил на все три вопроса утвердительно, добавив, что вопрос о Бессарабии не упоминался, но взят гораздо шире». Шуленбург добавил, что речь идет о подтверждении той части заявления Макензена, где речь идет о германском правительстве. Молотов заметил, что он может запросить непосредственно мнение итальянского правительства¹². В дальнейшем беседа перешла на проблему Бессарабии и советское намерение решить ее в ближайшее время мирным путем.

К тому времени советская дипломатия уже подвергла предварительному обсуждению широкий круг балканских вопросов в ходе первых встреч итальянского посла А. Россо с Молотовым 20 июня 1940 г. и советского полпреда И. В. Горелкина с Г. Чиано 22 июня¹³. Учитывая содержание и общую атмосферу этих бесед, а также позицию германской дипломатии, Молотов 25 июня 1940 г. вручил А. Россо заявление советского правительства по поводу балканских проблем. Советские взгляды были изложены таким образом, чтобы избежать даже намека на существование какого-либо стратегического замысла. К Венгрии, отмечалось в заявлении, у СССР нет никаких претензий, отношения с ней нормальные, а ее претензии к Румынии имеют под собой основания. Отношения с Болгарией хорошие и имеют основание стать более близкими, а ее претензии к Румынии и Греции также мотивированы. Претензии СССР к Румынии известны, и СССР хотел бы получить то, что принадлежит ему по праву, а относительно других румынских районов учитывает интересы Италии и Германии и готов договориться с ними по этим вопросам. Турция вызывает недоверие как союзом с Англией и Францией, так и своей политикой в проливах и в районах южнее и юго-восточнее Батуми. В других районах Турции СССР готов учитывать интересы Италии и Германии и договориться с ними. Касаясь Средиземного моря, СССР считал справедливым преимущественное положение там Италии, надеясь при этом, что Италия учтет его интересы как главной черноморской державы¹⁴.

Советское заявление от 25 июня 1940 г., сделанное за день до предъявления Румынии ультимативного требования о возвращении Бессарабии и Северной Буковины, заслуживает серьезного анализа. Его несколько туманные формулировки станут яснее, если их сравнить с политическими целями визита в Анкару и балканские столицы весной 1939 г. заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина, а также с предложениями, сделан-

¹² Там же. Док. 217. С. 364-368.

¹³ Там же. Док. 210. С. 355-358. Док. 213. С. 360-361.

¹⁴ Там же. Док. 224. С. 372-374.

ными советской дипломатией Турции и Болгарии в октябре–ноябре 1939 г.¹⁵ Такое сравнение показывает константный интерес советского руководства к обеспечению безопасности страны со стороны Черного моря и черноморских проливов, тогда как Болгария рассматривалась как зона, обеспечивавшая глубину обороны проливов в случае угрозы им с севера, т. е. со стороны Германии. Этот блок геостратегических интересов хорошо просматривался и в заявлении от 25 июня 1940 г. Однако изменившаяся политическая обстановка наложила на него свою печать. Резко возросло недоверие к политике Турции. Но главное состояло в том, что если исходным пунктом замыслов весны 1939 г. была перспектива их осуществления в общем комплексе отношений с западными державами, то теперь новая международная обстановка оставляла только одну возможность — их разрешение в рамках соглашения с фашистскими государствами. Прецедентом такого соглашения мог служить секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору о ненападении 1939 г. о разграничении сфер интересов в Восточной Европе. Напомним, что в нем говорилось: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях»¹⁶. Надо полагать, такая формулировка вызывала летом 1940 г. сомнения в Москве, где хорошо было известно не только о заинтересованности Германии, как экономической, так и политической, в регионе Юго-Восточной Европы, но и о ее соперничестве за влияние здесь с Италией. Советская дипломатия не сомневалась, что сделанное ею Италией заявление будет немедленно доведено итальянской стороной до сведения германского руководства. Тем самым заявление не только очерчивало сферу советских интересов на Балканах, но и становилось одновременно средством зондажа намерений Италии и Германии с перспективой возможного трехстороннего соглашения по охваченному в нем кругу проблем.

Центр тяжести советских интересов, очерченных в заявлении, строго ограничивался странами, примыкавшими к Черному морю. Намечавшаяся сфера интересов и предполагавшиеся здесь изменения фаворизировали Болгарию (поддержка ее притязаний к Румынии и Греции), имели достаточно выраженную антирумынскую направленность (помимо советских планов возвращения Бессарабии поддерживались территориальные притязания к Румынии со стороны Венгрии и Болгарии), тогда как планы относи-

¹⁵ См. главу I настоящего труда.

¹⁶ Год кризиса: 1938–1939. Т. II. Док. № 603. С. 321.

тельно черноморских проливов отличались неясностью, равно как и констатация интереса в турецких районах южнее и юго-восточнее Батуми. Бросалось в глаза полное умолчание о Югославии в этих планах, хотя сам факт установления как раз в то время дипломатических отношений с ней свидетельствовал о заинтересованности в развитии советско-югославских контактов. Ничего, помимо обоснованности притязаний к ней Болгарии, не говорилось и о Греции. Но вся эта программа была выдвинута в период, когда развитие событий вступило в новую фазу.

* * *

22 июня 1940 г. потерпевшая поражение Франция подписала с Германией Компьенское перемирие. Поражение Франции не только резко изменило соотношение сил на европейском континенте, но и повлияло на их расстановку в глобальном масштабе, придало новое направление мировому развитию. В литературе имеется большое количество исследований о его последствиях для политики всех стран, для складывания англо-американского союза, для формирования блока фашистских держав, для выработки гитлеровского решения встать на путь агрессии против СССР, а в более близкой перспективе резко активизировать экспансию на Балканы. Но реакция высшего советского руководства на это событие, его оценки и выводы остаются до сих пор слабо изученной проблемой.

Новые архивные материалы прямых упоминаний об этом не содержат. Судить о них приходится поэтому по ряду косвенных сведений. Как известно, во время германского наступления на западе, в июне 1940 г., сталинское руководство приступило к реализации тех договоренностей, которые содержались в секретном протоколе к советско-германскому пакту 1939 г., и ввело войска как на территорию прибалтийских государств, так и в Бессарабию и не фигурировавшую в протоколе 1939 г. Северную Буковину (28 июня 1940 г.)¹⁷. После чего началась подготовка к их включению в состав СССР, оформленному решениями Верховного Совета 2–6 августа 1940 г.

Отдельные документы, исходившие из советских военных, дипломатических и государственных структур, показывали их беспокойство, вызванное изменениями на международной арене после поражения Франции. В литературе встречается немало рассуждений, в основном со ссылками на дипломатические круги в Москве, о том, что такие настроения разделяло и высшее совет-

¹⁷ Подробнее см. гл. VII.

ское руководство во главе с И. В. Сталиным. Какие же выводы оно делало из сложившейся ситуации?

Мы не знаем промежуточных этапов процесса принятия решений, но окончательный вывод известен. Речь идет об опубликованном 23 июня 1940 г. в газете «Известия» Заявлении ТАСС «О советско-германских отношениях». Опровергая неизвестно кем распускаемые слухи, будто на литовско-германской границе сосредоточено огромное количество войск («не то 100, не то 150 советских дивизий») как проявление «недовольства Советского Союза успехами Германии на западе», ТАСС заявлял об их нелепости и отмечал что они явно преследуют цель бросить тень на советско-германские отношения. В этой связи Заявление ТАСС специально подчеркивало, что «добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения пакта о ненападении, ...основаны не на преходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии»¹⁸.

Публикация подобных заявлений или опровержений ТАСС была тогда общепризнанной формой выражения позиции советского руководства по тому или иному вопросу. В данном случае обращало на себя внимание несколько обстоятельств. Вряд ли можно считать случайностью публикацию Заявления ТАСС на следующий же день после подписания Францией перемирия. Не будет преувеличением сказать, что это была официальная реакция на поражение Франции, о чем, впрочем, достаточно откровенно говорилось в самом тексте заявления. В. М. Молотов в беседе с германским послом в Москве Ф. Шуленбургом в тот же день, 23 июня 1940 г., специально обратил его внимание на эту формулировку 19. Шуленбург полагал, что, судя по формулировкам сообщения, его автором является сам Сталин. Такое разъяснение советско-германских связей он считал соответствующим германским интересам в столь важный момент и усматривал в нем также подготовку к разрешению бессарабского вопроса²⁰. Фактически это была декларация о неизменности внешнеполитического курса СССР, сопровождавшаяся (в других официальных документах) рефреном о нейтральной позиции по отношению к воюющим сторонам. Подчеркивание нейтралитета адресовалось в большей степени Великобритании, которая весной и летом 1940 г. предпринимала значительные дипломатические усилия в деле сближения с СССР.

¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 215. С. 363.

¹⁹ Там же. Док. 217. С. 367–368.

²⁰ Там же. Кн. 2. (Ч. 2). Примечание 118. С. 801.

Британские усилия того времени хорошо изучены. Их принято связывать с именем нового английского посла в Москве С. Криппса²¹. Его первая беседа с Молотовым, возглавлявшим тогда Совнарком и НКВД одновременно, состоялась 14 июня 1940 г., то есть в тот день, когда германские войска вступили в Париж. Неудивительно, что сделанное Криппсом предложение, чтобы СССР создал под своим руководством блок балканских государств, который дал бы им возможность сохранить свою независимость в случае выступления со стороны Германии и Италии, могло возбудить только серьезные (и достаточно обоснованные!) подозрения в желании осложнить отношения между СССР и Германией. Не удивителен и ответ Молотова, что «он впервые слышит от представителя английского правительства предложение создать блок балканских государств, который сохранял бы свою свободу и находился бы под руководством СССР. Не совсем ясно, что здесь имеется в виду. Позиция СССР в значительной степени будет зависеть от той обстановки, которая сложится»²². Углублять эту тему в беседе с английским послом он не стал.

Можно высказать предположение, что английское предложение сделало еще более актуальным для советского руководства определение своей политики на Балканах. Не исключено, что опасения интриг английской дипломатии, в чем ее постоянно подозревали в Москве, побудило его передать 25 июня 1940 г. упоминавшееся выше заявление о советских интересах в Юго-Восточной Европе. Впрочем, события заставляли советское руководство торопиться. Решимость довести до конца вопрос о возвращении Бессарабии оно намеревалось связать с другими балканскими проблемами и обсудить их в первую очередь с Германией и Италией.

Тот же круг проблем, но уже на широком международном фоне С. Криппс поднял в беседе со Сталиным 1 июля 1940 г., передав ему в начале беседы личное послание нового британского премьер-министра У. Черчилля, в котором главной мыслью была угроза установления Германией гегемонии на всем европейском континенте, что представляет опасность как для Великобритании, так и для СССР. Сталин явно был подготовлен к этой беседе и практически пункт за пунктом оспорил все доводы английского посла. Пространная запись их беседы полна деталей, свидетельствующих о расхождении сторон²³. Сталин явно не хотел раскрывать советских замыслов перед британской дипломатией. Сравнение этой протокольной записи с кратким изложением их беседы,

²¹ *Gorodetsky G. Stafford Cripps Mission to Moscow, 1940–1942. London, 1984.*

²² АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 247. Л. 2.

²³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 240. С. 394–400.

разосланным ряду советских полпредов 13 июля 1940 г., обнаруживает ряд интересных разночтений. В «кратком изложении» четко выделены четыре пункта (угроза установления германского господства над Европой, англо-советская торговля, предложение Советскому Союзу взять на себя руководство балканскими странами, проблема режима черноморских проливов и большой учет интересов СССР), которые не только как бы суммируют итоги беседы Криппса с Молотовым 14 июня и со Сталиным 1 июля 1940 г., но и содержат отдельные нюансы, не присутствовавшие в записях соответствующих бесед. Все это превращает «краткое изложение» в самостоятельный документ, предназначенный для определенных целей.

Наибольший интерес в «кратком изложении» представляют пункты третий и четвертый, формулировки которых носят самостоятельный характер, хотя представлены как ответы, и являются скорее суммарными мнениями Сталина по поднятым вопросам. «По поводу предложения Криппса насчет Балкан Сталин сказал, что ни одна держава не может претендовать на исключительную роль по объединению балканских государств и руководству ими. Не претендует на такую миссию и СССР, несмотря на его заинтересованность в балканских делах»²⁴. Такая редакция идет дальше констатации, содержащейся в протоколе беседы, что «какая бы большая сила ни вошла на Балканы в качестве руководителя, она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться». Хотя оба мнения не противоречили друг другу, новая нюансировка придавала всему вопросу более высокий уровень, возводя его в степень внешнеполитического принципа советского руководства.

Еще сложнее обстояло дело с трактовкой вопроса о проливах, где советское пожелание было подано в виде английского мнения: «Английскому правительству известно, что СССР недоволен нынешним режимом в Проливах и в Черном море, причем Криппс считает, что интересы СССР в Проливах действительно следовало бы обеспечить»²⁵. По советскому протоколу видно, что в ходе беседы речь шла о другом, а именно что Криппс подчеркивал неизбежность изменения позиции Турции («турки прыгнут») в случае, «если будет опасность для Стамбула или для дальнейшего пересмотра статус кво на Босфоре или в Черном море». Он предлагал только услуги английской дипломатии в деле улучшения советско-турецких отношений. Сталин же говорил, что опасность для Турции вымышленная, что в ходе предыдущих переговоров (ок-

²⁴ ДВП. Т. XXIII. Кп. 2. (Ч. 2). Примечание 132. С. 805–806.

²⁵ Там же.

тябрь 1939 г.) Сараджоглу и разговаривать не хотел относительно Проливов, а последнее выступление Молотова (29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР) «должно полностью успокоить турок». На таком фоне гипотетическое английское мнение на деле являлось формулировкой внешнеполитической задачи советского руководства, причем ответ Сталина как бы оттенял его сдержанность: «Насчет Турции Сталин сказал, что СССР действительно стоит против единоличного хозяйничанья Турции в Проливах и против того, чтобы Турция диктовала условия на Черном море. Сталин сказал, что об этом знает турецкое правительство»²⁶. В итоге вновь оказались сформулированными внешнеполитический принцип и конкретная цель.

Поневоле возникает вопрос: что же на деле представляло из себя это «краткое изложение» беседы Сталина с Криппсом 1 июля 1940 г.? По-видимому, ответ на него надо искать в факте передачи этого текста Молотовым по указанию Сталина 13 июля 1940 г. германскому послу со ссылкой на существовавшую договоренность о внешнеполитических консультациях между СССР и Германией²⁷. Через несколько дней МИД Германии поручил Ф. Шуленбургу сообщить Молотову, что этот документ доведен до сведения германского правительства, которое «с интересом ознакомилось с содержанием записи и весьма признательно за информацию»²⁸. О том, что именно германское правительство было главным адресатом этого документа, свидетельствовал тот факт, что в нем вновь употреблялась формулировка, что дружественные отношения между СССР и Германией строятся «на учете коренных государственных интересов обеих стран». Изучение советской записи беседы Сталина с Криппсом показывает, что таких слов в ней нет. Можно полагать, что они были вставлены в текст самим Сталиным. Впервые эта формулировка была употреблена в Заявлении ТАСС от 23 июня 1940 г., на которое Молотов специально обратил внимание Шуленбурга. В новом контексте три недели спустя она обретала более универсальную форму.

Забегаю вперед, следует подчеркнуть, что эта формулировка вошла в текст доклада Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. В докладе фактически повторялся ответ Сталина на послание Черчилля, где тот обращал внимание на то, что господство Германии в Европе угрожает не только Великобри-

²⁶ Там же.

²⁷ СССР — Германия, 1939—1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Нью-Йорк, 1983. Док. № 48. С. 67—68. См. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 240. Примечание на с. 399.

²⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (ч. 2). Примечание 142. С. 807.

тании, но и СССР. Молотов отвергал попытки запугать СССР «перспективой усиления могущества Германии». От имени советского правительства он говорил: «Мы можем лишь подтвердить, что, по нашему мнению, в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»²⁹. Эта была уже весьма обязывающая декларация. Обращало на себя внимание и то, что она была выражена в форме, когда Молотов пытался говорить не только за СССР, но и за Германию, как бы приглашая ее занять аналогичную позицию. Отмеченная формулировка складывалась, как видно, на протяжении нескольких недель и, в конце концов, стала тем, что по советским идеологическим меркам принято было называть «генеральной линией». Она излагалась, как правило, на фоне общей оценки создавшейся в мире обстановки.

Анализ расхождений текста «краткого изложения» с протоколом беседы Сталина с Криппсом приводит к выводу, что мы имеем в действительности дело с самостоятельным документом, имеющим программный характер и предназначенным довести до сведения германского правительства в своеобразном дипломатическом стиле византийского толка свои ожидания, связанные с развитием событий на Балканах. Это было своего рода приглашение Германии к обсуждению всего комплекса балканских проблем и отчетливо стыковалось с советскими предложениями, сделанными Италии 25 июня 1940 г. (см. выше). Активное участие Сталина в его составлении засвидетельствовано припиской Молотова к телеграмме послу СССР в Лондоне И. М. Майскому от 13 июля 1940 г.: «Посылаю эту запись только сейчас, так как текст ее несколько задержался на просмотре у Сталина»³⁰. Вряд ли стоит принимать на веру такое объяснение причины задержки. Дело, видимо, заключалось в другом: в самом начале июля 1940 г. Германия вместе с Италией предприняла ряд шагов, ведших к изменению ситуации в Юго-Восточной Европе. Ее действия пришлись именно на период, отделявший беседу Сталина с Криппсом 1 июля до появления ее «краткого изложения» 13 июля 1940 г., что и явилось, видимо, причиной составления этого своеобразного документа. Он был разослан в тот же день советским дипломатическим представителям в Лондон, Берлин, Рим и другие столицы для их ориентации и отстаивания советских интересов.

²⁹ Молотов В. М. Внешняя политика Советского Союза. Доклад на заседании VII Сессии Верховного Совета Союза ССР 1 августа 1940 г. М., 1940. С. 5.

³⁰ АП РФ. ф. 45. Оп. 1. Д. 247. Л. 11–12.

Так что же нового внесли в международную обстановку первые дни июля 1940 г.?

В первую очередь здесь следует отметить исключительное внимание германской дипломатии и прессы к проблемам Юго-Восточной Европы. Как сообщал советский полпред в Берлине А. А. Шкварцев, в передовой статье газеты «Националь цайтунг» в начале июля 1940 г. прямо говорилось, что вопросы Юго-Восточной Европы «снова выдвигаются на передний план в результате советской активности». Официальная пресса заполнилась материалами о новом порядке на Европейском континенте, который должен находиться под военно-политическим господством Германии и Италии, тогда как английское влияние должно быть «полностью исключено». От югославского корреспондента, сообщал Шкварцев, получено доверительное сообщение о создании в Берлине «третьего суда» по типу венского, где в начале ноября 1938 г. решался вопрос о венгеро-чехословацкой границе, но на этот раз для решения вопроса о венгерских территориальных требованиях к Румынии. Внимание советской дипломатии привлекла встреча Риббентропа с Чиано, особенно в свете заявлений прессы, что «юго-восточный вопрос решается сейчас в Берлине»³¹. Беспокорство советской дипломатии было не напрасным. Начавшийся с конца июня 1940 г. обмен мнениями с Италией по балканским проблемам в начале июля застопорился³². Возникли подозрения, вскоре переросшие в уверенность, что уклончивая позиция итальянской дипломатии объясняется желанием Германии оттеснить Советский Союз от участия в обсуждении этих проблем.

Сенсационным событием стала публикация в Германии в начале июля 1940 г. 5-й и 6-й «Белых книг» с документами французского генерального штаба и МИД, захваченными немцами в Париже, об антисоветских замыслах Франции и Англии в период «странной войны», в частности о подготовке нападения на бакинские нефтепромыслы с юга, со стороны Турции. В комментариях германской прессы сквозило стремление как можно ярче показать обострение советско-турецких отношений, представить дело таким образом, что вот-вот последует советский ультиматум Турции. С явным нетерпением в Берлине ожидали реакцию Москвы на эти публикации. Однако посвященные им передовые статьи газет «Правда» и «Известия» за 5 июля 1940 г. несколько разочаровали германских наблюдателей. Чтобы усилить политическое воздействие, полагали в отделе печати советского посольства в Берлине, была опубликована вторая, а потом и третья партия докумен-

³¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 255. Л. 421–422.

³² Смирнова Н. Д. Указ. соч. С. 424.

тов³³. Поднятый германской прессой шум создавал впечатление назревающей июльской «бомбардировки» советских нефтяных месторождений.

Естественно, что германские публикации вызвали огромную тревогу в Турции. Она отразилась в беседе турецкого министра иностранных дел Ш. Сараджоглу с советским полпредом в Анкаре А. В. Терентьевым 6 июля 1940 г. Прерывающимся голосом он говорил, что, как видно из статьи в газете «Известия» («Разоблаченные планы организаторов войны»), опубликованные документы были неправильно поняты в Москве. Турецкий министр отрицался от какого бы то ни было турецкого участия в англо-французских планах. «Передайте Молотову, — говорил Сараджоглу, — что здесь он имеет друзей, на которых может опираться. Если только у него есть малейшее сомнение в нас, то это ошибка»³⁴. Дважды, 9 и 11 июля 1940 г., турецкий посол в Москве Г. А. Актай посещал заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского, чтобы доказать по поручению своего МИДа «непричастность Турции к планам Англии и Франции напасть на советское Закавказье». По мнению турецкой дипломатии, немцы грубо фальсифицировали опубликованные документы. Их цель — толкнуть СССР к войне на Востоке, а потом использовать ситуацию к своей выгоде³⁵. Эти публикации обсуждались в дипломатических кругах всех европейских столиц, но особенно горячо — на Балканах.

Успокоение в обстановку внесло сообщение ТАСС, опубликованное в советской прессе 12 июля 1940 г. В сообщении отмечалось усиленное распространение в иностранной печати слухов о том, что Советский Союз будто бы предъявил Турции ультиматум с требованием территориальных уступок. «ТАСС уполномочен заявить, что все эти слухи являются вымышленными и ни в какой мере не соответствуют действительности», — говорилось в нем³⁶. Отдел печати советского посольства в Берлине прямо считал, что «значительную долю вины за распространение слухов о советском ультиматуме можно отнести к германской печати»³⁷.

Одновременно в германской печати была развернута мощная пропагандистская кампания в поддержку «нового европейского порядка». 7 и 8 июля 1940 г. передовые статьи германских газет

³³ АВП Рф. ф. 82. Оп. 24. П. 83. Д. 68. Л. 113–115.

³⁴ ДВП. Т. XXIII. Кп. 1. Док. 254. С. 420–421.

³⁵ Там же. Док. 262. С. 431–432.

³⁶ Правда. 1940 г. 12. VII.

³⁷ АВП Рф. ф. 82. Оп. 24. П. 83. Д. 68. Л. 113–115.

были посвящены германскому видению его «первых контуров»³⁸. Эта пропагандистская волна была связана, помимо прочего, с визитом Г. Чиано в Берлин, за которым 10 июля 1940 г. последовала трехсторонняя германо-итало-венгерская встреча в Мюнхене. В ней приняли участие Гитлер и Риббентроп, Г. Чиано, а также венгерский премьер П. Телеки и министр иностранных дел И. Чаки. Надежды венгерской стороны на позитивное решение территориальных претензий к Румынии не встретили поддержки, хотя и были признаны справедливыми. Гитлер заявил, что он «заинтересован в сохранении мира на юго-востоке Европы», и посоветовал венграм вступить в непосредственные переговоры с румынами. В то же время он не советовал венграм демобилизовывать свою армию. В случае неудачи двусторонних переговоров он обещал, что Германия и Италия возьмут на себя роль арбитров между Венгрией и Румынией. Его целью было прочное привязывание обеих стран к фашистской «оси». Он прекрасно сознавал, что решение трансильванской проблемы заставит «ныть и стонать обе стороны», и хотел продлить это состояние в германских интересах³⁹. Германская пресса, в свою очередь, подчеркивала, что время для разрешения территориальных проблем на Юго-Востоке Европы еще не пришло. Газета «Фелькишер беобахтер» в связи с мюнхенской встречей 10 июля 1940 г. писала: «Три страны полны решимости и готовы поддержать и обеспечить мир на Юго-Востоке Европы. Эти большие задачи вызывают также известную перестройку внутри юго-восточных государств. Она частично уже в ходу»⁴⁰.

Под «перестройкой» балканских государств нацисты разумели их полную фашизацию и безоглядную ориентацию на гитлеровскую Германию. Именно такой процесс протекал в те дни в Румынии, где в начале июля 1940 г. было сформировано новое правительство во главе с И. Джигурту, ставившее целью быстрое сближение со странами «оси». Его первым демонстративным шагом стало заявление о выходе страны из Лиги Наций. В программном заявлении правительства от 5 июля 1940 г. подчеркивалось, что внешняя политика Румынии целиком следует системе, созданной осью Берлин — Рим⁴¹. Одновременно с формированием нового правительства король Кароль II направил Гитлеру

³⁸ Там же. Л. 120–121.

³⁹ Венгрия и вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории капитуляции и периода войны. М., 1962. С. 205–206. См. также: Пушкаш А. И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 108–110.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 24. П. 83. Д. 68. Л. 121–124.

⁴¹ Там же. Ф. 125. Оп. 25. П. 20. Д. 32. Л. 239.

2 июля 1940 г. послание с предложением заключить румыно-германский «оборонительный и наступательный союз». Завязалась переписка, в которой германская сторона заявила о своем мнении, что пока Румыния не достигнет мирного урегулирования спорных вопросов с Венгрией и Болгарией, нельзя будет вести переговоры о ее «тесном сотрудничестве» с Германией. Одновременно Румынии делались упреки в ее двойственной политике в предшествовавший период. Не встретило положительного ответа и намерение короля лично встретиться с Гитлером. Тогда было принято решение направить в Германию премьера И. Джигурту вместе с министром иностранных дел М. Манойлеску для урегулирования отношений двух стран на основе германских пожеланий⁴².

Суммируя события первой декады июля 1940 г., можно констатировать скачкообразную активность германской дипломатии в Юго-Восточной Европе. Москву особенно насторожили мюнхенские переговоры трех государств (Германия, Италия, Венгрия), тем более что германский МИД не считал нужным информировать СССР о переговорах и намечавшихся там планах, отделавшись отдельными репликами своих представителей в беседах с советскими дипломатами. Не исключено, что именно эти события побудили советскую сторону к составлению «краткого изложения» беседы Крипса со Сталиным о балканских проблемах, врученного германской стороне 13 июля 1940 г. Не надо было обладать дипломатическим гением, чтобы увязать данный шаг с предыдущими заявлениями Москвы о ее заинтересованности в решении определенных проблем на Балканах, причем решении на основе консультаций и достижения соглашения в треугольнике СССР — Германия — Италия. Именно к этому сводилась одна из основных идей упомянутого документа: ни одна страна в отдельности не может решить всего комплекса балканских проблем. Короче, СССР не желал оставаться в стороне.

Однако германская дипломатия не проявила готовности считаться с мнением и пожеланиями СССР. Поблагодарив его за информацию, она продолжала действовать самостоятельно, привлекая иногда из вежливости Италию. Так родилась идея проведения Зальцбургских переговоров, в которых приняли участие представители Румынии, Болгарии и Словакии, хотя по тактическим соображениям они носили не многосторонний характер, а вылились в двусторонние переговоры Германии с каждой из этих стран, растянувшиеся на три дня.

Румынскую делегацию (премьер-министр И. Джигурту и министр иностранных дел М. Манойлеску) вначале, 26 июля

⁴² Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 274–276.

1940 г., принял Риббентроп. Он обрушил на них град упреков в проведении в предшествующий период проанглийской политики, что доказывается захваченными Германией в Париже французскими документами. Попытки румынских политиков оправдаться были отмечены. Риббентроп предупредил их о необходимости достичь урегулирования с Венгрией и Болгарией, сопроводив это угрозой о возможных иначе «серьезных последствиях». Учтя полученный от Риббентропа урок, на приеме у Гитлера 27 июля Джигурту сразу же заявил о готовности Румынии пойти на уступки Венгрии и Болгарии, а также о желании стать частью того «нового порядка» в Европе, который устанавливают страны «оси». Одновременно Джигурту поставил вопрос о получении Румынией гарантий после территориальных уступок и о возможности германо-итальянского арбитража в решении территориальных проблем. Гитлер отклонил идею арбитража, а предоставление гарантий поставил в связь с урегулированием Румынией своих отношений с Венгрией и Болгарией, рекомендовав не тянуть с началом переговоров⁴³.

Большой интерес представляла встреча в Зальцбурге с болгарской делегацией в тот же день, 27 июля 1940 г. Советская дипломатия внимательно наблюдала за эволюцией внешнеполитической ориентации Болгарии и сама стремилась оказать воздействие на этот процесс. Особое внимание привлекало состояние болгаро-германских отношений. В этом плане обратили на себя внимание сведения и суждения, сообщенные редактором болгарской газеты «Заря» Станчевым 16 июля 1940 г. в беседе с одним из сотрудников советского полпредства в Софии. Станчев рассказал о своей встрече с руководителем отдела печати германской миссии в Софии Ф. Обермайером, который открыто выражал недовольство советской политикой на Балканах и говорил: «Германия не потерпит дальнейшего продвижения СССР на Юго-Восток Европы. Это германская сфера влияния. Советский Союз должен продвигаться на Среднем Востоке в направлении Персидского залива». Относительно же «нового порядка» в Европе («европейский континентальный союз»), о котором много говорил Ф. Обермайер, Станчев выразил мнение, что несмотря на то, что он создается под пропагандистскими лозунгами борьбы с Англией, на деле он будет иметь скорее антисоветское назначение. Станчев говорил также о большом росте германофильства среди болгарских правящих кругов и интеллигенции, а также о том, что царь и правительство окончательно решили ориентироваться на Германию. По словам Станчева, в Болгарии уже тогда находилось много германских

⁴³ Там же. С. 276–277.

солдат и офицеров (до 30 тысяч, считал он), приехавших туда под видом туристов, представителей торговых фирм и т. д.⁴⁴.

О предстоявшей встрече с германскими руководителями болгарских представителей новому советскому полпреду в Софии А. А. Лаврищеву еще 23 июля сказал министр иностранных дел И. Попов. По его словам, приглашение в Зальцбург его и болгарского премьер-министра Б. Филова было неожиданным для болгарской стороны. Он высказал предположение, что будет поставлен вопрос о Южной Добрудже, поскольку туда приглашены и румыны. Он несколько раз подчеркивал, что он и Филов едут на встречу не по своей инициативе, а по приглашению немцев⁴⁵.

На встрече в Зальцбурге 27 июля 1940 г., как четыре дня спустя рассказал Попов советскому полпреду, Гитлер сделал болгарам «небольшой обзор международного положения». Судя по всему, фюрер по своему обыкновению разыграл обычную для него сцену из репертуара «театра одного актера». Так, например, он жаловался, что «за ним упрочилась слава агрессора, захватчика. Эта репутация ни в коей мере не отражает его истинных намерений. Гитлер говорил, что он вынужден против своей воли вести большую войну, которая навязана ему, и, к его сожалению, Англия не хочет мира». Полагая, что по крайней мере часть его слов дойдет до сведения советской дипломатии, Гитлер заявил болгарским государственным деятелям, что он должен считаться с интересами Советского Союза. У Германии на Балканах только экономические интересы, — говорил он, — и потому она желает сохранения мира в этом регионе. Поэтому он советовал мирным путем решить спорные вопросы между Болгарией и Венгрией, с одной стороны, и Румынией — с другой. Гитлер подчеркивал, что «Германия не хочет быть арбитром в решении этих споров, потому что обычно арбитрами бывают недовольны обе спорящие стороны». В свою очередь Попов, пересказывая беседу с Гитлером Лаврищеву, отметил, что переговоры Болгарии с Румынией будут весьма трудными. Он сообщил также, что во время переговоров с Гитлером румынские представители заявили, что Румынии было бы удобнее удовлетворить требования Болгарии, если одновременно аналогичные жесты сделали бы Югославия и Греция. Гитлер, однако, ответил, что сейчас «в порядке дня стоит только Румыния». Попов сделал для себя вывод о несвоевременности ставить на обсуждение вопрос о выходе Болгарии к Эгейскому морю. Далее он опроверг появившиеся слухи, будто Болгария дала Гитлеру в Зальцбурге ка-

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. — пет. П. 108. Д. 142. Л. 161–162.

⁴⁵ Там же. Д. 140. Л. 204.

кие-то обязательства. Теперь, заключил он, болгарская сторона ждет приглашения из Бухареста ⁴⁶.

На фоне переговоров Гитлера с румынской и болгарской делегациями в Зальцбурге 27 июля 1940 г. его встреча там же на следующий день с президентом Словакии Й. Тисо не привлекла большого внимания, ибо Республика Словакия, созданная под патронатом Берлина, давно уже рассматривалась всеми как германская марионетка.

В целом зальцбургские переговоры насторожили советскую дипломатию. В частности, вызывала озабоченность трактовка румынской прессой визита в Зальцбург как доказательства, что Румыния «окончательно присоединилась к политике „оси“». Всеобщее распространение получил вывод, что Балканская Антанта отныне не существует, хотя официальных заявлений по этому поводу не было сделано. В то же время глухо говорилось о жертвах, которые Румыния должна была принести для сохранения мира в Дунайском бассейне. Большие надежды возлагались на будущий «новый порядок» в Европе ⁴⁷. Зальцбургские переговоры стали злободневной политической темой. Было очевидно, что они затронули круг проблем, которые интересовали Советский Союз. Обсуждение этих проблем без его участия, на которое рассчитывала советская дипломатия, вносило новый элемент в развитие советско-германских отношений. Неудивительно, что Молотов 29 июля 1940 г. в беседе с Шуленбургом сразу же поставил вопрос об информации относительно этих переговоров ⁴⁸.

31 июля Шуленбург сообщил Молотову полученную им из Берлина информацию. В целом она была достаточно краткой и, по мнению самого Шуленбурга, неполной (например, в ней ничего не говорилось о переговорах со Словакией). Повторялись сведения о данных Румынии советах уступить обоснованным требованиям Венгрии и Болгарии, решить территориальные вопросы мирным путем в ходе двусторонних переговоров и об отсутствии у Германии претензий на роль арбитра в будущих переговорах. В информации говорилось, что Румыния готова следовать данным ей советам, а вопрос о притязаниях Болгарии на выход к Средиземному морю не обсуждался ⁴⁹. Судя по всему, Молотов был уже достаточно осведомлен о зальцбургских переговорах и, следова-

⁴⁶ Там же. Д. 141. Л. 7-9. А. Лаврищев (Софья) — в Москву о беседе с И. Поповым 31 июля 1940 г.

⁴⁷ АВР РФ. Ф. 125. Оп. 25. Д. 32. П. 20. Л. 269-273. Обзор румынской печати за конец июля — начало августа 1940 г.

⁴⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 288. С. 461-462.

⁴⁹ Там же. Док. 291. С. 466-468.

тельно, готов к их обсуждению, вдаваясь в детали и нюансы отдельных вопросов. Из полученной информации, сказал он, «можно сделать следующие выводы: 1-й — являющийся одним из основных моментов, что Германия не участвует как арбитр в будущих переговорах между Румынией, Венгрией и Болгарией. 2-й — в отношении притязаний Венгрии к Румынии Германия дала Венгрии совет сделать разумное предложение, то есть Германия считает требования Венгрии преувеличенными и рекомендует их сократить и договориться с Румынией по ним. 3-й — Германия дала совет Румынии уступить и договориться как в отношении Венгрии, так и Болгарии. 4-й — в отношении Южной Добруджи Германия дала совет Румынии уступить ее Болгарии. Что касается болгарских притязаний на свободный выход к Средиземному морю, то этот вопрос в Зальцбурге не ставился. — Шуленбург подтвердил выводы тов. Молотова...»⁵⁰.

Обращала на себя внимание попытка Молотова превратить сообщение Шуленбурга в своеобразное обсуждение затронутых проблем, а зафиксированные Молотовым выводы — в определенный вид договоренности с Германией. Бросается в глаза, что сформулированные им констатации повторяли пункты заявления, сделанного итальянскому послу Росо 25 июня 1940 г. Не менее показательно отсутствие любых упоминаний о «новом порядке» в Европе, хотя эта тема широко обсуждалась как в Мюнхене 10 июля, так и в Зальцбурге 27 июля и о ней шумела вся европейская пресса, в первую очередь германская. Основной вывод Молотова о неучастии Германии в качестве арбитра в решении территориальных проблем на Балканах явно носил характер такого истолкования, будто речь идет об отсутствии у Берлина притязаний на их единоличное решение. Видимо, не будет преувеличением сказать, что тем самым Молотов косвенно давал понять, что в таком случае Советский Союз был бы готов принять участие в третьей обсуждении проблем.

В этой связи представляет интерес анализ доклада Молотова «Внешняя политика Советского Союза» на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Написанный сухим казенным языком, он давал скупые характеристики отношений СССР с отдельными странами. Констатировалось, например, что после решения вопроса о Бессарабии «отношения с Румынией теперь должны войти во вполне нормальное русло». Изложение этого сюжета было нарочито оторвано от освещения балканских проблем. Среди последних отмечался факт установления дипломатических отношений с Югославией и высказывалась надежда на постепенное

⁵⁰ Там же.

развитие экономических связей с ней. Отношения с Болгарией, говорилось в докладе, «можно считать нормальными», но добавлялось, что между двумя странами «нет таких противоречий, которые мешали бы дальнейшему улучшению отношений». В докладе констатировалось, что в отношениях с Турцией «не произошло каких-либо существенных изменений». Упомянув публикацию в Германии «Белых книг», Молотов сообщил о перелете в конце марта — начале апреля 1940 г. неизвестными самолетами со стороны Турции и Ирана советской границы в районе Батуми и Баку. Расценив эти полеты как разведывательные, он отметил, что их повторение может привести к осложнениям отношений с соседями и подчеркивал необходимость «усилить бдительность и на этих южных советских границах»⁵¹. В целом эти места доклада можно было расценить как пунктирное очерчивание сферы интересов Советского Союза, с тем, однако, исключением, что проблема черноморских проливов не была даже обозначена.

Центральным моментом в докладе была проблема отношений между СССР и Германией. «Ход событий в Европе не только не ослабил силы советско-германского соглашения о ненападении, но, напротив, подчеркнул важность его существования и развития». Слова Молотова о попытках запугать Советский Союз «перспективой усиления могущества Германии» прямо относились к английской прессе, спекулирующей «на возможности разногласий» между двумя странами. Выше уже приводилась сделанная им оценка, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»⁵².

Одновременно в докладе Молотова подчеркивалось, что конца войны еще не видно и следует ожидать нового этапа ее усиления. Видимо, это обстоятельство побуждало советское руководство считать, что Германия будет и далее заинтересована в поддержании с СССР дружественных отношений при учете его интересов. Ориентация на развитие советско-германских связей ярко просвечивала в передовой статье газеты «Правда» от 23 августа 1940 г. «Годовщина советско-германского пакта», равно как и в передовице «Известий» за тот же день под заголовком «Дата большой исторической важности». Ровно через неделю после «юбилейных» славословий стало ясно, что Германия перестала считаться с интересами Советского Союза и строит по отношению к нему совсем другие планы. Но советское руководство продолжало жить в мире

⁵¹ Молотов В. М. Указ. соч. С. 7, 11–12.

⁵² Там же. С. 5.

прежних представлений. Оно видело нежелание Германии вступать с ним в переговоры о балканских проблемах, но считало эти расхождения либо частными, либо региональными. Оно было в курсе оживленно обсуждавшихся в дипломатических кругах многих стран слухов о возможности даже вооруженного столкновения СССР и Германии на балканской почве, в частности по вопросу о контроле за Черноморскими проливами. Но оно упорно продолжало следовать уже выработанному курсу.

Позиция германского руководства, как известно, была совершенно иной. И если о процессе принятия решений советским руководством приходится судить по отдельным документам, то здесь практически каждый шаг достаточно подробно документирован. В литературе хорошо прослежено, как уже с конца июня 1940 г., то есть сразу после поражения Франции, в Германии начались штабные разработки возможных военных действий против СССР. Этот этап завершился 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе. Гитлер в присутствии руководящего состава германских вооруженных сил сформулировал цели войны (после разгрома России Германия установит полное господство в Европе и на Балканах), задачу вооруженных сил (Россия должна быть ликвидирована и расчленена) и сроки нападения (весна 1941 г.)⁵³. Начиная с этого времени германская политика исходила из поставленной цели и последовательно проводила ее в жизнь, хотя и тщательно маскировала.

В последнее время внимание исследователей вновь привлек вопрос о побудительных мотивах рокового решения Гитлера⁵⁴. Наиболее глубоко он изучен в германской историографии. Специально исследовавший эту проблему, Г. Юбершер особо подчеркивал, что было бы ошибочно считать, будто планы Гитлера определялись угрозой германским интересам со стороны Советского Союза. Ни в одном из документов или высказываний Гитлера летом 1940 г. таких утверждений или мыслей не содержится. Напротив, в беседе с Й. Геббельсом он с удовлетворением отмечал,

⁵³ Из-за обилия литературы по этому вопросу сошлемся только на два коллективных труда советских и германских историков: История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. М., 1973. С. 231–232; Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am M., 1991. S. 38–42.

⁵⁴ Поводом еще раз обратиться к данному вопросу стала публикация нескольких книг бывшего сотрудника советской военной разведки В. Резупа, перешедшего в свое время на Запад. В этих книгах, изданных под претенциозным псевдонимом «В. Суворов» («Ледокол», «День — М» и др.), излагалась несостоятельная версия о якобы превентивном характере германской агрессии против СССР. См.: Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995.

что Сталин «твердо» придерживается сотрудничества с Берлином. Не считали опасными для германских позиций какие-либо действия или намерения Москвы также генерал Ф. Гальдер и фельдмаршал В. фон Браухич, которым было поручено разрабатывать план агрессии против Советского Союза. Истоки такого решения следует искать в «восточной программе» Гитлера, в его планах завоевания «жизненного пространства». С его точки зрения, после разгрома Франции наступил неповторимый исторический момент для реализации таких замыслов: Германия находится на вершине своей мощи, а советские вооруженные силы, как убедила его война СССР с Финляндией, в состоянии хаоса, который не может быть преодолен в короткий срок. Англия же на обозримый период времени исключена из активной политики в Европе и не сможет помешать Германии. А потому следует использовать благоприятную ситуацию, прежде чем Великобритания и поддерживающие ее США смогут увеличить свои силы, что ухудшит германские перспективы. Уничтожение же коммунизма и Советского Союза Гитлер всегда считал своей основной целью⁵⁵.

Летом 1940 г. создалась, таким образом, уникальная ситуация, когда две державы практически одновременно (31 июля — 1 августа) пришли к прямо противоположным выводам относительно характера их взаимоотношений и перспектив их развития. За советским тезисом о дружественных отношениях между СССР и Германией, как отвечающих коренным национально-государственным интересам обеих сторон, стояла целая система взглядов на развитие глобальной ситуации и поиск своего места в возможном будущем мировом порядке. На практике же сразу обнаружилась несостоятельность такого подхода: если развитие мировых событий подтверждало сделанные прогнозы, то реальная германская политика по отношению к Советскому Союзу не укладывалась в представления советского руководства. Однако наибольшую опасность для себя советское руководство всегда видело в ситуации, когда СССР оказался бы один на один с «коалицией империалистических держав». Поэтому с лета 1940 г. оно внимательно следило за состоянием англо-германских отношений, опасаясь заключения мира между Великобританией и Германией. Но мирные предложения, сделанные Гитлером в речи 19 июля 1940 г., были решительно отвергнуты. Великобритания получила в июне из США значительную партию оружия (правда, устарев-

⁵⁵ *Ueberschär G.* «Der Pakt mit dem Satan, um den Teufel auszutreiben»: Der deutsch-sowjetische Nichtangriffsvertrag und Hitlers Kriegsabsicht gegen die UdSSR // Der Zweite Weltkrieg. Analysen. Grundzüge. Forschungsbilanz. 2.Auflage. München, 1990. S. 568–585.

шего), что позволило восполнить потери, понесенные в Дюнкерке. 2 сентября последовало заключение англо-американского соглашения о передаче Великобритании 50 эсминцев (тоже устаревших), а также ряда других кораблей, самолетов и оружия в обмен на 8 баз в Западном полушарии. Практически это означало начало складывания англо-американского союза, имевшего антигерманскую направленность. Начавшаяся с середины августа 1940 г. воздушная «битва за Англию» проходила уже в иной обстановке, а германская подготовка к вторжению на острова все более приобретала характер стратегического мероприятия, маскировавшего истинную цель — подготовку нападения на Советский Союз.

Одновременно шло дальнейшее формирование фашистского блока в составе Германии, Италии и Японии. 27 сентября 1940 г. в Берлине между ними был подписан Тройственный пакт, ставивший целью установление «нового порядка» в Европе и Азии, а впоследствии и в других районах мира. В этой связи представляет интерес установление авторства статьи «Берлинский пакт о Тройственном союзе», опубликованной в «Правде» 30 сентября 1940 года. В архиве обнаружился ее черновик, написанный рукой Молотова⁵⁶. Сам пакт, говорилось в статье, «знаменует собой вступление в новую фазу войны, более широкую, чем до заключения пакта. Если до последнего времени война ограничивалась сферой Европы и Северной Африки — на Западе, и сферой Китая — на Востоке, причем эти две сферы были оторваны друг от друга, то теперь этой оторванности кладется конец, ибо ныне Япония отказывается от политики невмешательства в европейские дела, а Германия и Италия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела. Это, несомненно, означает дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действия».

Приведенный выше тезис был прямо противоположен официальным германским заявлениям, будто пакт направлен против дальнейшего расширения войны и послужит делу восстановления всеобщего мира⁵⁷. Молотов видел в нем оформление двух противостоящих друг другу империалистических блоков. Тройственному пакту противостоят находящиеся «в одном общем военном лагере» США, Англия, Канада, Австралия, а также входящие в сферу влияния США южноамериканские страны. О перспективах борьбы этих блоков между собой Молотов высказывался косвенно в связи с планом раздела сфер влияния между участниками Тройственного пакта. Реализация такого плана, считал он, «будет за-

⁵⁶ АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 66–75.

⁵⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 302 (приложение). С. 627–630.

висеть от реального соотношения сил воюющих сторон, от хода и исхода настоящей, все более обостряющейся войны». За такой формулировкой скрывалось невысказанное понимание сильных и слабых сторон каждого из воюющих блоков. Сложившемуся в тот момент военному превосходству держав Тройственного пакта, в первую очередь Германии, противостоит экономическая мощь англо-американского лагеря, которая позволит через какое-то время уравновесить их силы. Такой вывод из общих рассуждений Молотова не будет выглядеть натяжкой, особенно если учесть замечания, сделанные Сталиным в беседе с Криппсом 1 июля 1940 г. Наконец, Молотов с удовлетворением констатировал наличие в Тройственном пакте оговорки, что он «не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией». Молотов видел в этом уважение со стороны участников пакта к той позиции нейтралитета, которую проводил Советский Союз, а также подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о ненападении между СССР и Италией. Политика мира и нейтралитета, которую проводит Советский Союз, поскольку это будет зависеть от него, будет оставаться неизменной, — заключил Молотов свою статью.

Однако конкретное состояние советско-германских отношений не соответствовало ожиданиям советского руководства. Особую настороженность вызывала германская политика в Юго-Восточной Европе в связи с планами создания «нового порядка» на континенте. Неоднократные заявления советской дипломатии о ее заинтересованности в развитии ситуации в этом регионе, особенно на Балканах, оставались без ответа. Именно балканские проблемы стали тем пробным камнем в развитии советско-германских отношений, которые показывали истинные намерения нацистского руководства.

В середине августа 1940 г. начались румыно-венгерские и венгеро-болгарские переговоры по территориальным проблемам. Они проходили в обстановке политических интриг, нервных слухов и сознательного нагнетания страхов с разных сторон. Советская дипломатия внимательно наблюдала за всем комплексом событий, связанных с развитием ситуации на Балканах. Довольно скоро стало ясно, что вопрос о Южной Добрудже разрешился без проволочек и румыно-болгарская комиссия приступила к обсуждению конкретных финансовых и других проблем, связанных с передачей этой территории Болгарии. В ходе же румыно-венгерских переговоров, начатых в Турну-Северине, с самого начала возникли принципиальные противоречия: румыны выдвинули принцип обмена населением при уступке небольшой пограничной

полосы, тогда как венгерская сторона настаивала на передаче территории если не всей Трансильвании, то по крайней мере большей ее части. Венгерская дипломатия была уверена, что быстрая уступка Болгарии Южной Добруджи вызвана желанием оставить только одного противника — Венгрию, и затянуть конфликт с нею до окончания войны на Западе. В Венгрии продолжалась мобилизация в армию, существовали настроения в пользу военного решения проблемы. Все это привело к временному прекращению переговоров, хотя они и должны были возобновиться в конце августа 1940 г.⁵⁸

С конца лета — осени 1940 г. балканские проблемы стали быстро выходить на авансцену мировой политики и привлекать возрастающее внимание великих держав. Не ослабляла здесь своих усилий английская дипломатия. 24 августа 1940 г. английский посол Криппс по поручению своего правительства посетил Молотова, чтобы выяснить советскую позицию в связи с обострением итало-греческих отношений и создавшейся на Балканах напряженной обстановкой. В случае итальянского нападения на Грецию Криппс не исключал вступления в конфликт также Турции. Однако Молотов не был склонен обсуждать эти проблемы. До сего времени, заявил он в полной противоположности с действительным положением дел, «Советское правительство не считало события на Балканах серьезными», не собиралось занимать активную позицию, и расценил все высказанные опасения как блеф⁵⁹. В то же время советская дипломатия выступила с опровержением провокационных слухов о существовавших якобы у СССР намерениях оккупировать болгарские порты на Черном море Бургас и Варну. В беседе на эту тему с советским полпредом в Софии Лаврищевым 26 августа 1940 г. болгарский министр иностранных дел Попов высказал мнение об их англо-турецком происхождении, а также обратил внимание на факт сосредоточения крупной группировки турецких войск на границе с Болгарией и различные его толкования. «Слухи о предназначении турецких войск, находящихся на турецко-болгарской границе, против СССР и Германии, как заявил Попов, распускались в Болгарии неофициально турками, которые не могут объяснить болгарскому правительству причину сосредоточения трехсот тысяч солдат в этом регионе», — общал в Москве советский полпред⁶⁰.

⁵⁸ Там же. Док. 326. С. 518–519; Док. 329. С. 521–522; Док. 340. С. 537. См. также: Венгрия и вторая мировая война... С. 189–219. Подробнее о венгеро-румынских отношениях в связи с вопросом о Трансильвании см. гл. VI настоящей монографии.

⁵⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 337. С. 533–535.

⁶⁰ Там же. Док. 342. С. 539.

Преобладали все же слухи и связанные с ними размышления о возможности столкновения советских и германских интересов на Балканах. Такой вопрос поставил, в частности, Попов в беседе с югославским посланником в Софии В. Милановичем 19 августа. «Что мы, т. е. Болгария и Югославия, будем делать в случае, если между Советским Союзом и Германией произойдет вооруженный конфликт из-за Дарданелл, — спросил болгарский министр. — Мы в этом случае окажемся между двух огней». Миланович, поведавший об этом разговоре советскому полпреду, усомнился в такой возможности, но все же сказал, что если такое случится, то Болгарии и Югославии не поздоровится. В ответ Попов якобы заявил, что он тоже не уверен в возможности такого столкновения и ставит вопрос только проблематично⁶¹. Но даже и в таком виде его обсуждение свидетельствовало о состоянии умов балканских политиков.

На таком фоне весть о созыве в Вене Германией и Италией конференции с участием Венгрии и Румынии, а затем о решениях так называемого второго венского арбитража 30 августа 1940 г., определивших новую венгеро-румынскую границу (большая часть Трансильвании отходила к Венгрии), произвела в Москве эффект разорвавшейся бомбы. Когда на следующий день, 31 августа, германский посол Шуленбург пришел сообщить Молотову информацию, полученную из Берлина, тот отметил, что в сообщениях печати о третейском решении в Вене сказано больше, чем в информации германского правительства. Затем Молотов заявил, что германское правительство нарушило статью 3 договора о ненападении от 23 августа 1939 г., где говорится о консультациях в вопросах, интересующих обе стороны. Вместо этого Советский Союз ставит в известность о свершившихся фактах. Между тем речь идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах. Молотов напомнил Шуленбургу об имевших ранее место обмена мнениями о том, что вопросы Юго-Восточной Европы должны совместно решаться СССР, Германией и Италией. Тогда было зафиксировано, что таково же и мнение германского правительства. Теперь же возникло противоречие как с договором прошлого года, так и с заявлением германского правительства⁶².

Когда Шуленбург явился к Молотову 9 сентября ответом на его вопросы, он встретился с еще более жесткими оценками действий Германии. Они были охарактеризованы как «нелояльное отношение» германского правительства к принятому на себя обя-

⁶¹ АВР РФ. Ф. 074. Оп. — пет. П. 1078. Д. 141. Л. 30–31. А. Лаврищев (София) — в Москву 21 августа 1940 г.

⁶² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546–547.

зательству, как его невыполнение и нарушение. Молотов сказал, что предоставление гарантий Румынии также расходитя с пожеланиями советского правительства. Как зафиксировано в советской записи беседы, он добавил, что «судя по откликам иностранной печати, многим непонятно, что Венские переговоры были без СССР, большинство не допускают мысли, что было иначе, учитывая советско-германский договор, не говоря уже о том, что они не знают июньской беседы тов. Молотова с Шуленбургом и запроса о беседе Макензена». Общий тон беседы был таков, что Шуленбург сказал о своем намерении запросить Берлин о вызове его туда, чтобы объяснить сложившуюся ситуацию⁶³.

Было ясно, что советско-германские отношения вступили в полосу кризиса. Венский арбитраж стал первым внешним его проявлением. Ситуация усугублялась одновременным предоставлением Германией и Италией гарантий новых румынских границ. На деле это означало, что Германия провозглашала советско-румынскую границу по Пруту и Дунаю северной линией своей сферы влияния в Юго-Восточной Европе. Тем самым Советский Союз как бы отсекался от Балкан. Советское руководство не было готово мириться с таким положением. Накануне отъезда Шуленбурга в Берлин для консультаций Молотов вызвал его 21 сентября и передал ему памятную записку по всем поднятым в двух предыдущих встречах вопросам. Центральным моментом этого документа была констатация факта, что Советское правительство ни устно, ни письменно не признавало за Германией исключительных прав и исключительной заинтересованности «в вопросах Румынии, а также в прочих вопросах, касающихся Дунайского бассейна». В памятной записке подчеркивалось, что если 3-я статья договора о ненападении представляет с точки зрения германского правительства известные неудобства и стеснения, советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене этой статьи договора⁶⁴.

Для демонстрации заинтересованности во всех балканских проблемах, а также для того, чтобы «держат ногу в дверной щели», советская дипломатия использовала вопрос международно-правового режима Дуная. Уже 6 сентября 1940 г. советский полпред в Берлине А. А. Шкварцев получил указание обратить внимание германского правительства на появившиеся в прессе сообщения о намерении Германии собрать в Вене совещание экспертов по международным дунайским вопросам. В этой связи поручалось указать на то, что Советский Союз как придунайское государство не

⁶³ Там же. Док. 367. С. 583–586.

⁶⁴ Там же. Док. 398. С. 615–621.

может не участвовать в решении этих вопросов⁶⁵. В беседе со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцеккером Шкварцев выяснил, что комиссия уже приступила к работе, и настойчиво добивался участия в ней советских представителей. Вайцеккер занял уклончивую позицию, но обещал доложить о советском положении Риббентропу⁶⁶. В ходе последовавшего обмена мнениями советское правительство выступило со своими предложениями о реорганизации режима судоходства на участке от Братиславы до устья Дуная, образовав для этого новую Дунайскую Комиссию взамен двух прежних⁶⁷. Большое значение имела публикация в газете «Известия» 13 сентября сообщения о том, что Советский Союз заинтересован в решении проблем дунайского судоходства. Дипломатические наблюдатели других стран (например, югославский посол в Турции И. Шуменкович) сделали из этого сообщения вывод о том, что СССР не теряет интереса к Балканам⁶⁸. Этот вопрос и впредь оставался одним из раздражающих в советско-германских отношениях.

Не меньшее беспокойство вызвало в Москве германо-финское соглашение о пропуске германских войск в Северную Норвегию, в результате которого те появились на территории Финляндии. Этот вопрос был поднят Молотовым в беседе с германским поверенным в делах К. Типпельскирхом 26 сентября 1940 г., когда тот пришел, чтобы проинформировать о предстоящем заключении Тройственного пакта. При обсуждении обоих вопросов Молотов постоянно ссылался на статьи 3 и 4 советско-германского пакта о ненападении. Он просил сообщить ему текст соглашения о пропуске германских войск через Финляндию, а также о его целях. При этом Молотов подчеркивал, что в то время, как общественности уже объявлено о соглашении, советское правительство о нем не информировано Германией⁶⁹.

К тому времени советское руководство располагало сведениями о массовой переброске германских войск с запада на восток, к советской границе. Такие сообщения шли по дипломатическим каналам, но в гораздо большей мере — по линии военной разведки. Они были впервые суммированы в середине августа 1940 г. в записке наркома обороны СССР маршала С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной Армии маршала Б. М. Шапошникова о стратегическом развер-

⁶⁵ Там же. Док. 361. С. 577–578.

⁶⁶ Там же. Док. 366. С. 581–583.

⁶⁷ Там же. Док. 385. С. 606; Док. № 387. С. 607–608.

⁶⁸ Там же. Док. 389. С. 608–610.

⁶⁹ Там же. Док. 402. С. 627–630.

тывании сил на 1940 и 1941 г., направленной Сталину и Молотову. В ней содержался вывод, что «сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах». Наиболее вероятным противником советские военачальники считали Германию, а ее предполагаемыми союзниками — Финляндию, Румынию и, возможно, Венгрию. Новым явлением становилась угроза войны на два фронта (на востоке — против Японии)⁷⁰. Сообщения о концентрации германских войск в районах, близких к советским границам, продолжали непрерывно поступать и впредь. В связи с увеличением общего числа воинских частей германское командование предпринимало дезинформационные меры, чтобы предотвратить складывание у советского руководства впечатления о готовящемся наступлении на восток⁷¹.

Как видно, к концу сентября 1940 г., т. е. два месяца спустя после принятия Гитлером решения о подготовке агрессии против Советского Союза, в развитии советско-германских отношений стали отчетливо проявляться кризисные черты. Они резко усилились в начале октября, когда стали поступать сведения о прибытии в Румынию германской «военной миссии» и ряда «учебных частей». Оценки, дававшиеся этим фактам советскими представителями, показывали, что дальнейшее игнорирование Германией советских интересов чревато раскрытием истинных германских замыслов. Перед гитлеровской дипломатией встала задача маскировки намечавшихся планов агрессии против СССР. Маскировка была нужна, чтобы предотвратить возможный отход сталинского руководства от линии на поддержание дружественных советско-германских отношений, а также не допустить налаживания контактов СССР с Великобританией и США. Такая задача требовала крупного внешнеполитического маневра стратегического масштаба, и он был осуществлен в октябре — ноябре 1940 г.

13 октября Риббентроп направил Сталину через Шуленбурга пространное письмо, в котором пытался объяснить все действия Германии соображениями борьбы против Великобритании и ее политики расширения сферы войны, а также давал толкование возможного развития событий и советско-германских отношений. В письме содержалось приглашение Молотову посетить Берлин для обсуждения поднятых проблем⁷². Шуленбург передал это письмо, лично доставленное им в Москву из Берлина, Молотову 17 октября, и советское руководство приступило к его изучению.

⁷⁰ 1941 год. Кн. 1. Док. № 95. С. 181–193.

⁷¹ Там же. Док. № 108. С. 216–217.

⁷² Там же. Док. № 147. С. 305–310.

Содержание письма широко известно и проанализировано. Интересны пометки Сталина на переданном ему экземпляре, которыми отмечены места, привлечшие его особое внимание⁷³. Так, в тексте им подчеркнуты и обведены линией все выражения «добрососедская политика», «добрососедские отношения» и «дружественное сотрудничество», где они употреблены для характеристики советско-германских отношений. Так же отмечены слова о «разграничении» интересов «четырех держав» (СССР, Италии, Японии и Германии) «на долгий срок», «в масштабе столетий». Можно высказать предположение, что к тексту возвращались неоднократно. Так, выделив начало абзаца, где говорилось о том, что «главный интерес Германского и Итальянского Правительств был за последнее время направлен к тому, чтобы предотвратить распространение войны за пределы Европы и превращение ее в мировой пожар» (причем слова «главный интерес» выделены подчеркиванием и обводом), Сталин написал на полях: «А Греция?». По-видимому, не будет ошибкой полагать, что эти слова были написаны уже после итальянской агрессии против Греции, то есть после 28 октября. В ответном письме Риббентропу от 21 октября Сталин поблагодарил его «за поучительный анализ последних событий». Он выразил согласие, что «вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный срок». Сообщая о согласии Молотова приехать в Берлин примерно 10–12 ноября, Сталин приветствовал намерение Риббентропа вновь посетить Москву после поездки Молотова в Берлин⁷⁴. Дата прибытия Молотова в Берлин была выбрана, по-видимому, с учетом президентских выборов в США, итоги которых к тому времени должны были уже стать известными.

Советское руководство располагало, таким образом, для подготовки берлинских переговоров сроком более чем в 3 недели. Для ведения переговоров Молотов получил директивы. Этот документ, обнаруженный в Президентском архиве, известен в единственном рукописном экземпляре, написан самим Молотовым с сокращениями слов (особенно названий государств) на девяти страницах, вырванных из блокнота, датирован 9 ноября 1940 г. и носит заголовок, добавленный после его составления, «Некоторые директивы к Берлинской поездке»⁷⁵.

⁷³ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 296. Л. 9–20.

⁷⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 458. С. 699.

⁷⁵ АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1161. Л. 147–155. Документ неоднократно публиковался. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 30–32.

Анализ этих директив раскрывает подлинные цели сталинской политики, ее тактическую линию и стратегические расчеты.

Проблемы, затронутые в директивах, раскрыты с разной степенью полноты, некоторые намечены пунктирно, в тексте имеются повторы, в расположении отдельных пунктов не всегда ясна логика составителя. Судя по позднейшим упоминаниям этих директив в телеграммах, которыми Сталин обменивался с Молотовым во время его пребывания в Берлине, этот текст является продуктом их совместного творчества, хотя отдельные формулировки наводят на мысль о возможном участии других лиц.

В центре внимания директив стояли два круга проблем: один — выяснение намерений Германии и других участников Тройственного пакта, другой — первоначальная наметка сферы интересов СССР, что должно было послужить основой для заключения нового советско-германского соглашения.

В первом круге проблем намечалось выяснить планы Германии, а также Италии и Японии в отношении создания «Новой Европы» и «Великого Восточно-Азиатского Пространства»: их границы, характер их структуры и отношений между отдельными государствами внутри каждого из названных образований; этапы и сроки осуществления намеченных планов; перспективы присоединения других стран к Тройственному пакту; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем. То, как ставились перечисленные вопросы, было мало похоже на простой зондаж намерений другой стороны. Скорее, мы имеем дело с оценкой возможных действий партнера, с которым собираются вступить в соглашение. Такое впечатление усиливается тем, что в случае удачного хода переговоров намечалось поднять вопросы экономического сотрудничества, включая поставки хлеба (пункт 14 директив), а также предложить совместную «мирную акцию» четырех держав, т. е. СССР и участников Тройственного пакта на условиях сохранения Британской империи, которая брала на себя ряд обязательств, прежде всего невмешательства в дела континентальной Европы (пункт 10). Отмечались и те геополитические преимущества, которыми обладал СССР. «Транзит Германия — Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду» (пункт 3). Другими словами, была выстроена система представлений о вероятных ходах на ближайший период. Это был курс на серьезное сотрудничество, без вступления, однако, в союзнические отношения.

Условием такого сотрудничества должно было стать удовлетворяющее Москву решение второго круга проблем: признание со стороны Германии сфер интересов СССР, которые были очень подробно очерчены в директивах. Прежние договоренности характеризовались в них как «частичное разграничение сфер интере-

сов» двух держав, которое было исчерпано событиями, за исключением вопроса о Финляндии. Поэтому именно с нее начинался этот пункт, со ссылкой на соглашения 1939 г., и подчеркивалось, что Германия должна устранить всякие трудности и неясности на этом пути, а именно: вывести германские войска и прекратить всякие политические демонстрации в Финляндии и в Германии, направленные во вред интересам СССР. Однако основное внимание было обращено на Юго-Восточную Европу, на Балканы.

Список балканских проблем открывался вопросом о Дунае. В директивах указывалось: «Дунай, в части Морского Дуная, — в соответствии с директивами т. Соболеву»⁷⁶. Этот пункт нуждается в раскрытии. Известно, что на открывшемся 28 октября 1940 г. в Бухаресте совещании экспертов четырех стран советский представитель А. А. Соболев выступил с инициативой создания двусторонней Советско-Румынской Администрации Морского Дуная. Это предложение, принципиально отличавшееся от германорумынского проекта создания Совещательного Комитета в г. Галаце из представителей четырех государств, участвовавших в совещании, завело переговоры в тупик⁷⁷. Позиция советской дипломатии была явно рассчитана на то, чтобы получить рычаг давления на Румынию и в какой-то мере ослабить одностороннюю ориентацию Румынии на Германию после получения гарантий со стороны последней. Недаром в молотовских директивах сразу после фразы о «Морском Дунае» говорится: «Сказать также о нашем недовольстве тем, что Германия не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию». Как видно, советское руководство не было склонно смириться с соз-

⁷⁶ Дунайские вопросы в течение сентября — октября 1940 г. были предметом двусторонних советско-германских переговоров. 26 октября было опубликовано совместное коммюнике, в котором излагались договоренность о ликвидации Международной Дунайской Комиссии и Европейской Дунайской Комиссии, которые в межвоенный период регулировали судоходство на морской и речной части Дуная, и решение образовать Единую Дунайскую Комиссию из представителей СССР, Германии, Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Словакии и Югославии. Она должна была регулировать вопросы судоходства на всем протяжении Дуная от его устья до Братиславы (Словакия). Одновременно было решено созвать 28 октября в Бухаресте совещание экспертов СССР, Германии, Румынии и Италии по урегулированию временного международно-правового режима на Морском Дунае (от его устья до г. Браула). Советское правительство уполномочило участвовать в этом совещании генерального секретаря Наркоминдела Соболева. См.: Известия. 1940, 26. X.

⁷⁷ См.: Ожиганов Н. И. Установление германского контроля над дунайским судоходством (апрель—декабрь 1940 г.) // Международные отношения в новейшее время. Ч. II. Свердловск, 1966. С. 163.

давшимся здесь положением. Но его реакция показывала, что этот вопрос оно связывало с самой крупной задачей, которую оно ставило перед собой, а именно с проблемой Черноморских проливов, которой был подчинен и не понятный вне этого контекста вопрос о «Морском Дунае», и вопрос о Болгарии. Характерно, однако, что эта проблема не была прямо названа в молотовских директивах. Она вырисовывалась в полной мере только из сравнительного анализа как директив, так и телеграфной переписки Сталина и Молотова в дни берлинских переговоров.

«Болгария — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию». Этот пункт директив, лишенный какой бы то ни было идеологической маскировки, раскрывал в полной мере свое геополитическое значение в телеграмме Сталина Молотову в Берлин 13 ноября 1940 г.: «Безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море»⁷⁸. В другой телеграмме, направленной Молотову в тот же день, Сталин уточнял, что мирное разрешение вопроса о проливах «не будет реальным без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию»⁷⁹. Размещение советских войск в Болгарии превращалось, таким образом, в ключевой вопрос обеспечения советских интересов в районе Черноморских проливов.

Тем более интересно отметить, что о самой Турции в молотовских директивах сказано более чем скромно: «Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т. к. у нас есть серьезные интересы в Турции». Никакого раскрытия этих интересов в директивах нет, как, впрочем, нет сомнений и в том, что накануне отъезда Молотова в Берлин этот вопрос подробно обсуждался и, вероятно, намечалась определенная вариантность его решения. На такие размышления наводит, в частности, следующий пассаж из телеграммы Сталина: «Если немцы предложат раздел Турции, то в этом случае

⁷⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 508. С. 60–61.

⁷⁹ Там же. Док. 509. С. 61.

можете раскрыть наши карты в духе директивы, используя как в первом, так и во втором случае аргументы шифровки инструкции»⁸⁰. Обращение к тексту самих директив ничего не объясняет. Однако выражение «в духе директивы» предполагает определенный выход за рамки ее конкретных формулировок, когда ряд моментов не нашел отражения в самом тексте. Тогда становится понятным, почему Молотов дал этому документу ограничительное название («Некоторые директивы...»), а в ходе бесед с Гитлером и Риббентропом дважды подчеркнул, что при решении вопроса о проливах СССР не удовлетворится бумажным протоколом, а будет добиваться реальных гарантий своей безопасности. Забегая вперед, отметим, что две недели спустя эта формула была раскрыта: советская дипломатия выдвинула идею строительства базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл (подробнее см. ниже). Можно, однако, полагать, что эта идея обсуждалась уже раньше, в ходе подготовки визита Молотова в Берлин. В директивах же отразился тот жесткий минимум, которым Молотов намеревался ограничиться на переговорах в Берлине; их намечалось продлить затем в Москве.

В директивах упоминались и другие страны балкано-дунайского региона, причем отношение к ним было дифференцированным. «Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились». Трудно объяснить отсутствие в директивах какого бы то ни было упоминания об итальянской агрессии против Греции. Последняя же упомянута только однажды: «В отношении Греции и Югославии мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять?» Такая отстраненность показывала, на наш взгляд, нежелание обсуждать эти вопросы в Берлине, а не отсутствие интереса к ним.

Еще три вопроса, составлявших, так сказать, скандинавско-балтийский комплекс, нашли отражение в директивах. Это — проблема сохранения нейтралитета Швеции, вопрос о свободном проходе судов из Балтики в мирное и военное время через Малый и Большой Бельт, Зунд, Каттегат и Скагеррак, а также обеспечение работы советской угольной концессии на Шпицбергене. Два первых вопроса были бегло упомянуты Молотовым в заключительной беседе с Риббентропом, а третий не был затронут вообще.

Оказался незатронутым также еще один пункт, который формулировался следующим образом: «Вопрос об Иране не мо-

⁸⁰ Там же. Текст публикации сверен с подлинником, хранящимся в АП РФ.

жет решаться без участия СССР, т. к. там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить». Нужды не возникло. Непонятно, правда, что конкретно побудило советское руководство вообще включить этот пункт в молотовские директивы. Но интерес был, и Сталин в одной из телеграмм Молотову еще раз посоветовал «не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложения немцев»⁸¹. Последнее относилось, надо полагать, к германскому предложению о разграничении территориальных интересов, в котором интересы СССР определялись как лежащие к югу от его территории в направлении к Индийскому океану. Так далеко они, однако, не простирались. Тем не менее этот пункт помогает понять более реально, что скрывалось за туманной формулировкой в позднейшем советском ответе Германии, что «центром тяжести аспираций СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу»⁸². Эта формулировка показывает, что на деле за ней стоял Иран, точнее даже — его западная часть.

Переговоры Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г. хорошо изучены. В настоящее время опубликованы и советские записи бесед Молотова с германскими лидерами⁸³. Представляют интерес непосредственные личные впечатления Молотова, переданные по горячим следам телеграфом Сталину. Первый день переговоров оставил у него благоприятное впечатление. «Наше предварительное обсуждение в Москве правильно осветило вопросы, с которыми я здесь столкнулся»⁸⁴. Как подчеркивал Молотов, он старался получить информацию и прощупать партнеров. На основании первой беседы с Гитлером он пришел к выводу, что у того налицо большой интерес к укреплению дружбы с СССР и достижению договоренности о сферах влияния. Молотов отметил, что после его вопросов о «новом порядке в Европе» и Тройственном пакте «Гитлер заметно оживился» и пригласил СССР участвовать в Тройственном пакте в качестве четвертого партнера. После слов Молотова, что СССР не отказывается участвовать в тех или иных совместных акциях четырех держав, но не в пакте трех, где СССР включен лишь в качестве объекта, «Гитлер совсем повеселел, подтвердил, что СССР должен быть не объектом, а субъектом нового соглаше-

⁸¹ Там же.

⁸² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 548. С. 135–137.

⁸³ Там же. Док. 497. С. 36–41; Док. 498. С. 41–47; Док. № 505. С. 54–55; Док. № 507. С. 56–60; Док. № 511. С. 63–71; Док. № 512. С. 72–79.

⁸⁴ Там же. Док. 502. С. 50.

ния, и заявил, что его очень интересует продолжить единодушно начатую беседу»⁸⁵.

Однако на следующий день, когда Молотов сконцентрировал внимание на конкретных вопросах, его ждал холодный душ. Ни по одной из поднятых им проблем, связанных с Финляндией, Румынией, Болгарией и Черным морем (в соответствии с директивами и телеграфными советами Сталина), не было достигнуто взаимопонимания и согласия. «Обе беседы (с Гитлером и Риббентропом. — Авт.) не дали желательных результатов», — сообщал Молотов Сталину⁸⁶. Сделанное же Риббентропом предложение о Соглашении четырех держав и двух секретных приложениях к нему, которые должны быть обсуждены в обычном дипломатическом порядке через послов, Молотов расценил как предложение такого порядка дальнейшего ведения переговоров, при котором «Германия не ставит сейчас вопрос о приезде в Москву Риббентропа». Подводя итоги, Молотов сообщал: «Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»⁸⁷. Своих выводов, однако, он бумаге и шифрам не доверил, а сообщил Сталину, что поделится ими сразу же по возвращении в Москву 15 ноября 1940.

Чем же были берлинские переговоры для каждой из сторон? Какое воздействие оказали они на внешнюю политику Германии и Советского Союза, в частности на Балканах?

Мы не располагаем таким документом, который свидетельствовал бы о германских намерениях в ходе берлинских переговоров, как молотовские директивы — о советских. Но есть другие свидетельства, позволяющие делать выводы о них. Так, утром 12 ноября, когда Риббентроп встречал Молотова на Восточном вокзале, Гитлер подписал в рейхсканцелярии Директиву ОКВ № 18, в которой рассматривались ближайшие военные мероприятия в районе Средиземного моря. Она показывала, что на общую стратегию Германии уже легла тяжелая тень «советского фактора», и все ее замыслы были подчинены предстоявшему «походу на Восток»: все средиземноморские проблемы, столь важные для борьбы с Англией, явно стояли уже на втором плане. Об этом можно было судить по скудным силам и средствам, выделяемым для намечаемых операций (например, операция «Феликс», планировавшаяся с целью захвата Гибралтара). В разделе «Балканы» командованию сухопутных сил предлагалось принять меры к тому, чтобы «в случае необходимости» развернуть наступление с территории Бол-

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. Док. 515. С. 80–81.

⁸⁷ Там же.

грии для овладения континентальной частью Греции. Предполагалось создать армейскую группу силой примерно в 10 дивизий, чтобы держать Турцию под угрозой. Для ускорения же сосредоточения войск предлагалось в ближайшее время увеличить германскую «военную миссию» в Румынии. Намечалось развертывание германской службы воздушного наблюдения и оповещения на южной границе Болгарии. Что касается пожелания Болгарии относительно вооружения ее армии (поставки оружия и боеприпасов), то их предписывалось «рассматривать, идя ей навстречу»⁸⁸. Короче, намечался ряд серьезных военных мероприятий на Балканах.

При этом Гитлера не смутило, что в тот же день, 12 ноября, должны были начаться переговоры с Молотовым, на которых проблемы Балкан заведомо должны были занять одно из первых мест. Подписание Директивы ОКВ № 18 буквально за несколько часов до начала переговоров могло означать только одно: Гитлер не собирался вносить какие-либо коррективы в свои планы в зависимости от итогов переговоров. Они ему, следовательно, были нужны для других целей. Советский же Союз стоял в центре его внимания как объект агрессии. В той же директиве (пункт 5 — «Россия») говорилось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно»⁸⁹. Предстоявшие операции на Балканах в свете этих масштабных приготовлений выглядели не как действия против Англии, а как подготовительные меры перед «походом на Восток». Именно поэтому Гитлер не намеревался ни ставить советское руководство в известность о своих планах на Балканах, ни тем более учитывать советские интересы.

Чего же тогда добивался Гитлер в ходе берлинских переговоров? Нужно признать, что его цели были широки и масштабны и все без исключения подчинены главному замыслу — подготовке нападения на СССР. Сами переговоры превращались в крупное мероприятие по подготовке нападения со следующими целевыми установками:

1. *Дезинформация противника, маскировка планов нападения на СССР.* Главным средством стало предложение, сделанное самим Гитлером и развитое Риббентропом, о присоединении СССР к

⁸⁸ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 1. Док. № 216. С. 733–736.

⁸⁹ Там же.

Тройственному пакту. Оно сопровождалось широкомасштабными предложениями раздела сфер влияния и территориальных притязаний в глобальном масштабе. Гитлер заверял Молотова: «Российская империя может развиваться без малейшего ущерба германским интересам», а Германия во время войны приобрела такие огромные территории («жизненное пространство»), что ей потребуется сто лет, чтоб использовать их полностью. Короче, необходимо только учитывать интересы друг друга, и германо-русские отношения могут быть урегулированы на срок, больший чем жизнь человека. Риббентроп, в свою очередь, зачитал Молотову проект соглашения четырех держав, который должен был создать у того впечатление, что налицо серьезный и реальный замысел, а не политический блеф.

Изучение документов, в которых отразились берлинские переговоры, невольно создает впечатление, что Гитлер и Риббентроп были достаточно хорошо информированы о намерениях советского руководства, о его желании достичь максимально широкого соглашения и сотрудничества с Германией и играли как шулеры, заглядывающие в карты противника, чтобы разжечь его азарт. Их действия создавали у Сталина и Молотова ложные представления об их реальных планах. Само предложение соглашения четырех держав было рассчитано на то, чтобы увести мысли в сторону от возможной угрозы со стороны Германии. Будущей жертве, как правило, союза не предлагают.

2. *Сковать свободу внешнеполитического маневра СССР.* Проект соглашения четырех держав содержал в себе скрытые политические ловушки. Он предусматривал, в частности, выработку единой политической линии его участников, а также их обязательство не входить в блоки государств и не придерживаться никаких международных союзов, которые были бы направлены против одной из этих четырех держав. На практике речь в тогдашних условиях шла о том, чтобы заранее исключить возможность развития контактов СССР с Англией и США. Основное коварство такого предложения состояло в том, что на деле оно начинало действовать одновременно с переговорами о нем, то есть задолго до подписания самого соглашения.

В то же время проект соглашения четырех подменял собой двусторонние советско-германские договоренности, к чему стремилось советское руководство. Более того, переговоры вводились в рутинные дипломатические каналы, что сразу же превращало их в затяжные. Под этим предлогом вопрос о скором визите Риббентропа в Москву отпадал. Создавалась ситуация, при которой советское руководство, не получив ничего взамен, как бы принуждалось к определенной линии поведения на неопределенный срок.

Лишить будущую жертву маневренности, сковать ее действия на международной арене — такой замысел, нельзя не признать, значительно облегчал действия агрессора.

3. Поставить СССР в состояние *внешнеполитической изоляции*. Это была, так сказать, обратная сторона предыдущей цели: первая действовала на внутренний механизм, вторая затрагивала международные условия. Вокруг переговоров сразу же возник плотный слой дезинформационного тумана. Официальное коммюнике только подлило масла в огонь. «Обмен мнений, — говорилось в нем, — протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию»⁹⁰. Краткость формулировок только расширяла диапазон домыслов. Германский МИД распространил циркулярное письмо всем дипломатическим миссиям, где со ссылкой на коммюнике подчеркивал, «что все предположения относительно мнимого германо-русского конфликта являются плодами фантазии и что все спекуляции врагов об ухудшении доверительных и дружеских германо-русских отношений основаны на самообмане»⁹¹.

Семена, брошенные Гитлером на берлинских переговорах, попали на благодатную почву. До нападения Германии на СССР Сталин не сделал ни одной попытки установить политический контакт с Англией и США, несмотря на то, что многие события прямо подталкивали его к этому.

4. *Использование сведений*, полученных в ходе переговоров, для достижения своих внешнеполитических целей. В советской литературе, начиная с исторической справки «Фальсификаторы истории» (1948 г.), упорно проводилась мысль, что поездка Молотова преследовала цель зондажа намерений гитлеровской Германии. Однако знакомство с более или менее полной подборкой документов о переговорах, которые ныне доступны для исследователей, позволяет поставить вопрос: кто же кого прозондировал? Советское руководство истинных намерений Германии так и не раскрыло. Германская же сторона использовала сведения о советских планах в отношении Финляндии и Румынии для того, чтобы крепче привязать их к своей колеснице. 18 ноября 1940 г., то есть 5 дней спустя после заключительной беседы с Молотовым, Гитлер принял в Бергхофе болгарского царя Бориса. Добиваясь от него согласия на присоединение к Тройственному пакту, Гитлер в качестве козырной карты использовал аргумент, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в

⁹⁰ Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. IV (1935 — июль 1941 г.). М., 1946. Док. № 476. С. 533.

⁹¹ СССР — Германия, 1939—1941. Док. 72. С. 131—132.

Болгарии»⁹². Царь Борис расценил слова Гитлера как шантаж. Однако последующие действия советской дипломатии развеяли его скепсис, равно как и колебания в вопросе о присоединении к Тройственному пакту. В целом германская дипломатия не стеснялась использовать информацию о переговорах для раздувания антисоветских настроений в ряде стран и создания более благоприятной обстановки для предстоявшей агрессии.

5. *Аргументы* для внутривосточной борьбы. Как известно, в Германии не было единства в вопросе о будущем советско-германских отношений. Многие влиятельные лица в германской дипломатии, военных кругах и экономической сфере считали, что развитие дружественных отношений с Советским Союзом выгодно для Германии. Решение Гитлера о подготовке агрессии против СССР вызывало колебания даже в узком кругу посвященных лиц. Непосвященные, а таких было большинство, не восприняли бы никаких объяснений без самого факта предварительных переговоров между СССР и Германией. Как и любой диктатор, Гитлер нуждался в аргументах (пусть даже и притянутых за уши), чтобы убедить своих оппонентов в правильности собственного решения, а впоследствии снабдить ими пропаганду для идеологической обработки широких масс.

Подводя итог, можно констатировать, что берлинские переговоры были для Гитлера весьма важным этапом в подготовке и осуществлении планов агрессии против СССР, можно даже сказать — неизбежным этапом. И для этих целей фюрер использовал переговоры в полной мере.

Что касалось советского руководства, то никакими его документами о том, как по возвращении Молотова 15 ноября в Москву там обсуждались и оценивались результаты визита в Берлин, какие из этого делались выводы и строились дальнейшие планы, историческая наука пока не располагает. Более того, каких-либо сведений на эту тему не удалось обнаружить вообще ни в одном из материалов, оказавшихся до сих пор доступными в российских архивах.

Правда, в статье В. Я. Сиполса, опубликованной в 1996 г., фрагментарно приводится содержание стенографической записи, якобы сделанной управляющим делами СНК СССР Я. Е. Чадаевым на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) вечером 15 ноября 1940 г., где Молотов доложил присутствовавшим (поименно они

⁹² Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы накануне нападения Германии на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941 гг.) // Советское славоведение. 1991. № 4. С. 9–10 (материалы «круглого стола», выступилше Е. Л. Валева). См. также: Сирков Д. Влншната полнтнка на България, 1938–1941. София, 1979. С. 261–262.

не указаны) о ходе и результатах берлинских переговоров⁹³. То же самое вошло в книгу Сиполса⁹⁴, который выразил благодарность Г. А. Куманеву, в чьем личном архиве хранится данный материал («Записи Я. Е. Чадаева»). Согласно тому, что содержится в упомянутых статье и книге, Молотов на заседании охарактеризовал планы сотрудничества СССР с державами Тройственного пакта и распределения между ними сфер интересов, излагавшиеся Гитлером и Риббентропом на берлинской встрече, как «сумасбродные», а всю встречу, «затеянную по инициативе фашистской стороны», — как «показную демонстрацию». Он выразил уверенность «в неизбежности агрессии Германии» против СССР, причем «в недалеком будущем». А Сталин, который, как говорится в этом материале, одобрительно отреагировал на слова Молотова об отклонении германского предложения о сотрудничестве с членами Тройственного пакта, при подведении итогов заявил, что «гитлеровцы не связывали себя никакими нравственными нормами, правилами», а «главным принципом их политики является вероломство», проявившееся в нарушении договоров с рядом европейских стран, и что «такую же участь готовит Гитлер и договору с нами, но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки решительной и смертельной борьбы с гитлеризмом».

Однако данный материал, частично цитируемый, а частично излагаемый Сиполсом, вызывает массу недоуменных вопросов. Во-первых, как мог оказаться управляющий делами Совнаркома на заседании Политбюро? Известно, что внешнеполитические вопросы обсуждались очень узким кругом лиц, в который не входили даже все члены Политбюро. Во-вторых, до сих пор не обнаружено ни одного протокола или записи подобного заседания. Не исключено, что таких записей просто не велось по соображениям соблюдения секретности. Кто в таких условиях мог позволить Чадаеву делать стенографическую запись? В-третьих, если даже запись была сделана, как она могла оказаться в личном архиве частного лица, принимая во внимание тогдашние условия «особого режима»? Число таких вопросов можно продолжить. Само же содержание даваемого Сиполсом отрывка состоит только из оценочных формулировок («сумасбродные» планы Гитлера, «показная демонстрация» — о самой встрече, уверенность в неизбежности гитлеровской агрессии в недалеком будущем, реплика Сталина об

⁹³ Сиполс В. Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 158–159.

⁹⁴ Сиполс В. Тайны дипломатические: Капун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 274–275.

отсутствии у гитлеровцев нравственных норм и т. д.), в нем нет никакой конкретики. Бросается в глаза явно пропагандистский, а не деловой тон высказываний. Все это во многом лишает приведенный отрывок черт аутентичности, а тем самым ставит последнюю в значительной мере под сомнение. Оно не может не усиливаться тем, что ни в статье, ни в книге не поясняется, как попал к нынешнему владельцу этот материал и каковы его археографические характеристики: идет ли речь о рукописи или машинописи, подлиннике или копии, подписан ли он Чадаевым, заверен ли кем-либо, и т. п. Во всяком случае, пока все подобного рода вопросы не удастся выяснить, изложенное Сиполсом остается не более чем версией, требующей необходимых доказательств.

Возвратимся, однако, к анализу той документации, аутентичность которой сомнений не вызывает.

Как известно, ровно через десять дней после своего возвращения в Москву, 25 ноября, Молотов дал Шуленбургу официальный советский ответ на сформулированное во время берлинских переговоров предложение германской стороны заключить соглашение о сотрудничестве между СССР и державами Тройственного пакта. Советское правительство заявило о согласии «принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», выдвинув при этом ряд условий⁹⁵. Ввиду упомянутого выше отсутствия соответствующих документов остается пока неизвестным, как выработывался данный ответ и какие практические цели преследовал Кремль таким шагом. В исторической литературе, в частности в отечественной историографии, высказывались на сей счет самые различные оценки вплоть до диаметрально противоположных. Так, по одной версии, советское согласие на пакт четырех было всего лишь тактической уловкой, призванной не обострять отношения с Германией, а на самом деле Москва не собиралась заключать такой пакт⁹⁶. Между тем, согласно другой точке зрения, если основываться на логике действий советской стороны, сопровождавших ответ, данный Молотовым через Шуленбурга 25 ноября, то скорее напрашивается вывод, что, наоборот, руководство СССР именно сделало в этот момент выбор в пользу весьма далеко идущего соглашения с «третьим рейхом» и двумя другими державами Тройственного пакта⁹⁷.

⁹⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 548. С. 135–137. См. также: СССР — Германия, 1939–1941. Док. 73. С. 132–133.

⁹⁶ См.: Сиполс В. Тайны дипломатические... С. 277.

⁹⁷ В частности, эта точка зрения отражена и в работах автора данной главы: Волков В. К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 года // Вопросы

То, что сообщил Молотов в беседе с Шуленбургом вечером 25 ноября 1940 г., дает обильную пищу для размышлений. Во-первых, бросается в глаза дальнейшее развитие советскими руководителями подброшенной им Гитлером и Риббентропом идеи Соглашения между Тройственным пактом и СССР. В их новой редакции эта идея обретает форму проекта Пакта Четырех Держав, то есть более высокий международно-правовой уровень. Во-вторых, в названии пакта четко определяется его предмет — «о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи». По любым критериям это, в случае если бы такой пакт был действительно заключен, должно было означать только одно — создание блока четырех держав, в котором СССР, с учетом прежних взаимных обязательств других его партнеров, становился бы невоюющим участником блока: об этом свидетельствовало отсутствие упоминания о сотрудничестве в военной области. В-третьих, в этом случае положение СССР на международной арене изменилось бы в такой мере, что оказалось бы несовместимым со статусом нейтрального государства. Таким образом, если допустить, что ответ, данный Молотовым Шуленбургу, отражал действительные намерения Кремля, то неизбежно следует вывод о готовности советского руководства фактически присоединиться политически и экономически к одному из воюющих «империалистических» блоков, то есть отказаться от нейтралитета. В условиях мировой войны это было бы качественное изменение.

Ввиду отсутствия необходимых документов вопрос о подлинных намерениях советской стороны остается достаточно дискуссионным. Вместе с тем привлекает серьезное внимание более чем существенное обстоятельство: если обратиться к условиям, на которых, как говорилось в ответе от 25 ноября, правительство СССР было готово заключить Пакт Четырех Держав, то придется констатировать, что эти условия ни на йоту не отошли в ту или иную сторону от первоначальной схемы советских целей, очерченной в молотовских директивах от 9 ноября к берлинским переговорам. Предложение, переданное Молотовым Шуленбургу 25 ноября, предусматривало заключение пяти секретных протоколов, а именно: о Финляндии, о Болгарии, о Турции, о зоне территориальных устремлений СССР (формулировка «к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу» распространялась, как об этом говорилось выше, на Иран) и об отказе Японии от концессий на Се-

истории. 1997. № 2. С. 14–15; *он же*. Советско-германское противоборство на Балканах во второй половине 1940 года: мотивы и характер // Война и политика. 1939–1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999. С. 409–412.

верном Сахалине⁹⁸. Последнее условие также не было чем-то новым, хотя во время берлинских переговоров и не обсуждалось. В молотовских директивах оно присутствовало в виде ссылки на ответ Молотова Татекаве, японскому послу в Москве (пункт 11). Теперь этот вопрос конкретизировался⁹⁹. Короче, те же основные конкретные задачи распространения политического, военного, экономического контроля СССР на территории, представлявшие для него особый интерес, задачи установления широкой сферы советского влияния, которые Кремль еще при подготовке визита Молотова в Берлин планировал осуществить путем достижения договоренностей с Гитлером, остались в силе и были вновь выдвинуты в предложении от 25 ноября. Но это скорее должно свидетельствовать о решении Сталина вступить в торг с Берлином относительно возможного пакта, пытаясь реализовать указанные цели. Тем более, что для их реализации Москва параллельно предприняла и некоторые сопутствовавшие практические шаги, о которых еще будет идти речь ниже (как в этой главе, так и в гл. VIII).

Из чего в таком случае могло исходить советское руководство? За отсутствием документов и прямых свидетельств приходится прибегать к логическим выкладкам, отдавая себе отчет в том, что политика не всегда развивается по законам логики (решение Гитлера напасть на СССР — лучшее тому доказательство). Можно высказать предположение, что в Москве несговорчивость Гитлера расценили по-своему, а именно, что СССР ничего не предлагал ему взамен за свои требования. Выдвижение же германского предложения о присоединении СССР к Тройственному пакту восприняли как назначение цены. Можно также предполагать, что взвесив все «за» и «против» (этот процесс принятия решения оказался вне поля зрения исследователей), пришли к выводу: игра стоит свеч. Но такой вывод мог быть сделан только в том случае, если поверили, что интересы

⁹⁸ См. примеч. 95.

⁹⁹ В беседе с новым послом Японии в Москве И. Татекава 30 октября 1940 г. обсуждался вопрос о заключении советско-японского пакта о ненападении. Молотов, ссылаясь на то, что такой пакт даст ряд выгод Японии, поставил вопрос о пересмотре Пекинской конвенции 1925 г. (См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 477. С. 10–12. Текст Конвенции 1925 г. см.: Там же. Т. VIII. Док. № 30. С. 70–77. Протокол «Б» указанной конвенции предусматривал предоставление Японии угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине.) После возвращения из Берлина Молотов дважды, 18 и 21 ноября, имел обстоятельные беседы на эту тему с японским послом (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 533. С. 111–113; Док. 537. С. 116–120). В последующий период переговоры были продолжены.

СССР и Германии могут быть согласованы и сотрудничество двух стран отвечает взаимным потребностям обоих режимов. Тогда следует признать, что усилия Гитлера по дезинформации советского руководства увенчались успехом.

Если дело обстояло именно так, то, надо думать, в Москве про считали, что осуществление проекта Пакта четырех держав привело бы к созданию геополитического блока, охватывающего Европу и Азию от Атлантического океана до Тихого, включая Японию. Такой блок был бы едва ли уязвим экономически и, вероятно, несокрушим в военном отношении. Его реальная сила была бы равна не арифметической сумме входящих в него участников, а исчислялась бы в геометрической прогрессии. Даже максимальное напряжение сил Великобритании со всеми ее доминионами и США со всеми латиноамериканскими странами вряд ли могло бы уравновесить его мощь. Весь глобальный расклад сил грозил бы склониться в сторону такого блока. В этом случае весь африканский континент и остающиеся азиатские страны стали бы легкой добычей держав — участников Пакта. Другими словами, коль скоро советский ответ от 25 ноября отражал реальные намерения Кремля, то Сталин предложил Гитлеру *победу*, причем обеспеченную материальными и людскими ресурсами даже в случае длительного продолжения военных действий.

Оборотной стороной такого предложения оказывалась проблема реального места СССР в Пакте четырех держав. В таком случае Сталин понимал цену намечаемого проекта, а потому не собирался отступать от своих требований и тем самым становиться как бы в зависимое положение от Гитлера. Наоборот, он стремился поставить в этом блоке СССР на одну доску с Германией, добиться их равного статуса. Отсюда вытекала его, как представляется, жесткая решимость осуществить свои требования во что бы то ни стало, но в намечаемых рамках Пакта четырех держав. По-видимому, он рассчитывал и на то, что Гитлер должен был понять: в сравнении с победой Германии в войне и возможными выгодами, вытекающими из этого, требования Сталина были весьма умеренными.

В отечественной исторической литературе можно встретить тезис, будто выраженное 25 ноября советское согласие на немецкое предложение о сотрудничестве четырех держав было сознательно обставлено условиями, явно неприемлемыми для Германии¹⁰⁰. Документов, подтверждающих такой вывод, однако, нет. А сами эти условия, как уже говорилось, соответствовали тем практическим целям Кремля, которые были сформулированы еще в моло-

¹⁰⁰ См., например: *Сиполс В. Тайны дипломатические... С. 277.*

товских директивах к берлинским переговорам. Отдельные пункты были лишь конкретизированы. В первую очередь это относилось к Турции и проблеме проливов, а шире — ко всему комплексу балканских вопросов. Конечно, в Москве полностью осознавали, что Германия не стремится пойти навстречу интересам, высказанным советской стороной в ходе визита Молотова в Берлин. Это видно и из краткой информации о результатах визита, которая была направлена Молотовым 17 ноября Майскому в Лондон. В ней говорилось, в частности, что «немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтре в нашу пользу, причем предлагают нам помочь им в этом деле»¹⁰¹. Однако было бы едва ли правомерным, основываясь лишь на этой констатации, делать далеко идущий вывод о том, что столкнувшись на переговорах в Берлине с нежеланием Гитлера удовлетворить заявленные там советские требования, в том числе по поводу Балкан и черноморских проливов, советское руководство тут же пришло к заключению о полной невозможности добиться от Германии той или иной степени согласия на их реализацию. В Кремле, надо полагать, были не настолько наивны, чтобы думать, что подобные задачи решаются исключительно с одного раза и что Гитлер сразу же пойдет на уступки. Соответственно, отсутствие нужных советской стороне результатов поездки Молотова в Берлин само по себе вовсе не должно было обязательно означать для Сталина и его ближайшего окружения, что цели, которых они стремились достигнуть этой поездкой, вообще неприемлемы для немецкого партнера по переговорам. Снова выдвинув 25 ноября фактически те же цели, советское руководство, очевидно, полагало, что на сей раз, увязывая это со своим согласием на заключение пакта четырех, оно сможет заинтересовать фюрера до такой степени, чтобы тот все-таки пошел на желательный Москве торг.

В советском предложении от 25 ноября важнейшее место заняли проблемы Балкан и черноморских проливов. И не исключено, что среди причин, обусловивших передачу немцам такого предложения, особую роль как раз сыграли последовавшие почти сразу за визитом Молотова в Берлин серьезные события, которые непосредственно касались положения в балкано-дунайском регионе и зоне, прилегающей к проливам. Речь шла о чередовании визитов глав государств и правительств стран региона в Германию, в ходе которых были подписаны протоколы о присоединении этих стран к Тройственному пакту. 20 ноября к нему присоединилась Венгрия,

¹⁰¹ ДВП. Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 1). Док. 526. С. 92.

23 ноября — Румыния, 24 ноября — Словакия. Гитлер, вопреки советским претензиям, высказанным Молотовым, демонстрировал новый этап наступления в сфере интересов Москвы. Подобное развитие ситуации не могло не вызвать глубокой озабоченности в Кремле. Однако первым из упомянутых визитов, который особенно взволновал советское руководство, был визит болгарского царя Бориса и его встреча с Гитлером 18 ноября. В ходе встречи Борису было сделано предложение о присоединении Болгарии к Тройственному пакту (см. главу VIII настоящего труда). И хотя в этот момент Болгария к пакту не присоединилась, в Москве были получены не только информация об этом предложении Гитлера болгарам, но и сведения, согласно которым София намеревалась сделать такой шаг в обозримом будущем, а Германия, соответственно была готова поддержать болгарские территориальные претензии к Греции, т. е. восстановить Болгарию в доверсальских рамках¹⁰². Поскольку от позиции Болгарии зависело осуществление других советских планов на Балканах, решено было, как вытекает из дальнейших шагов советской дипломатии, переломить дальнейшее развитие событий в свою пользу, застолбить контуры советских интересов на Балканах. Экспансионистские действия Германии заставили руководство СССР торопиться, чтобы не оказаться перед лицом нежелательных свершившихся фактов.

Еще 18 ноября 1940 г. была организована «случайная» встреча Молотова в кабинете у заместителя наркома иностранных дел В. Г. Деканозова с болгарским посланником И. Стаменовым. Молотов интересовался, не имеет ли Болгария по примеру Румынии гарантий от Италии или какой-либо другой страны. Италия, сказал он, упомянута потому, что когда во время его встреч с Гитлером в Берлине речь заходила о Болгарии, тот неизменно отвечал, что «надо спросить мнение Италии». Молотов подчеркнул, что если бы советское руководство очутилось «перед фактом получения Болгарией гарантии своей безопасностью со стороны какой-либо державы, это ухудшило бы и испортило бы советско-болгарские отношения». Единственной страной, от которой Болгария могла бы получить действительную гарантию, является СССР. Он напомнил в этой связи, что еще осенью 1939 г. болгарскому правительству было сделано предложение о заключении договора о взаимной помощи. Если Болгария сейчас в этом нуждается, сказал Молотов, «она может на нас полностью рассчитывать»¹⁰³.

Вслед за этим в советской печати 23 ноября было опубликовано сообщение ТАСС о присоединении Венгрии к Тройственному

¹⁰² Там же. Док. 535. С. 114–115; Док. 542. С. 125.

¹⁰³ Там же. Док. 532. С. 109–111.

пакту. В нем опровергалось утверждение германской газеты «Гамбургер фреденблатт», будто это было достигнуто «при сотрудничестве и полном одобрении Советского Союза». Такое утверждение, заявлял ТАСС, «ни в коей мере не соответствует действительности»¹⁰⁴. В тот же день советник германского посольства в Москве В. Типпельскирх сделал первому заместителю наркома иностранных дел А. Я. Вышинскому заявление о «неприятном впечатлении», которое сообщение ТАСС произвело в Берлине. Однако Вышинский возразил, что не видит оснований для претензий с германской стороны, так как «сообщение ТАСС восстанавливает истину»¹⁰⁵. Демонстрируя, таким образом, что не одобряет расширения Тройственного пакта за счет балкано-дунайских стран, советское руководство одновременно посылало сигнал предупреждения как Берлину, так и Софии.

В этом ряду последовательно нараставших политико-дипломатических усилий Кремля, призванных добиться признания его претензий на контроль в зоне, которую он рассматривал как сферу своих особых интересов, советское руководство и сделало 25 ноября следующий, наиболее значительный шаг — предложение Берлину о заключении Пакта четырех держав при условии согласия с советскими претензиями. Вопрос относительно Болгарии и черноморских проливов, занимавший в данном предложении одно из ключевых мест, ставился там, во-первых, в виде уже выдвигавшегося перед этим требования Москвы о «заключении пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР». А во-вторых, что касалось непосредственно самих проливов, требования, выдвинутые 25 ноября, раскрывали детали советских планов, о которых умалчивалось раньше. Речь шла об «организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды». В этом духе Молотов предлагал подписать протокол-соглашение между СССР, Германией и Италией. Эти три державы в случае турецкого согласия с предлагаемым решением должны были гарантировать Турции независимость и территорию. Но в случае отказа Турции советское предложение предусматривало, что «Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Известия. 1940. 23 ноября.

¹⁰⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 545. С. 126–127.

¹⁰⁶ Там же. Док. 548. С. 136–137. В уже упоминавшейся телеграмме Молотова Майскому 17 ноября, советская позиция по поводу Турции и проливов излага-

Предложение, переданное немцам через Шуленбурга, сопровождалось предпринятой в тот же день советским руководством акцией непосредственного нажима на Болгарию.

Утром этого дня генеральный секретарь НКВД А. А. Соколов, прилетевший накануне в Софию, посетил болгарского премьер-министра Б. Филова, а затем царя Бориса и сделал им от имени советского правительства предложение о заключении пакта о взаимной помощи. Этот пакт, указывалось в заявлении, поможет Болгарии реализовать ее национальные стремления не только в Западной, но и в Восточной Фракии. «При условии заключения пакта о взаимопомощи с СССР отпадает возражение против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и СССР в этом случае присоединится к пакту «трех», — говорилось в этом заявлении¹⁰⁷.

В тот же день, 25 ноября, в Москве состоялась встреча Сталина и Молотова с Г. Димитровым (на встрече присутствовал Деканозов). Главной темой были советские предложения Болгарии, но основной чертой высказываний Сталина был их антитурецкий характер. Он откровенно раскрыл Димитрову взаимосвязь между требованием создания советских баз в Проливах с предложениями Болгарии. «Немцы, видимо, хотели бы, чтобы итальянцы стали хозяевами Проливов, но они сами не могут не признать наших преимущественных интересов в этой области. Турок мы выгоним в Азию, — говорил Сталин. — Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6–7 миллионов». Отсюда Сталин делал вывод: «Главное теперь Болгария. Если такой пакт будет заключен, Турция не решится воевать против Болгарии, и все положение на Балканах иначе будет выглядеть». Он считал, что «если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут». Сталин был предельно точен в определении поддержки территориальных претензий Болгарии к Турции, а заодно и Греции, хотя последняя в этой беседе прямо не

лась совершенно по-ипому. Там говорилось, что во-первых, Турция должна остаться пезависимой, а, во-вторых, «режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за спиной Турции» (Там же. Док. 526. С. 92). Очевидно, такая трактовка предназначалась для употребления Майским в беседах с британскими (и другими) дипломатами, настоятельно интересовавшимся состоянием советско-турецких отношений.

¹⁰⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 224. Л. 150–151. См. также: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 549. С. 137–138.

обсуждалась: «линия Мидия — Энос (Одринская область, западная Фракия, Дадеагач, Драма и Кавала)»¹⁰⁸.

Вызывает недоумение трактовка Сталиным ситуации, будто немцы хотели отдать Проливы в руки итальянцев. Налицо было явное отклонение от действительного положения вещей. Возникает вопрос о его причине. Вряд ли Сталин кривил душой в беседе с Димитровым, иначе не стал бы раскрывать ему так точно детали предполагавшихся территориальных компенсаций Болгарии. Тогда напрашивается вывод о просчете в оценках истинных намерений Германии, будто она была мало заинтересована в Болгарии и Проливах. Не исключено, что именно такое убеждение (а точнее — заблуждение) было положено в основу документа о советских условиях заключения Пакта четырех держав. Отсюда происходило упорство в достижении поставленных целей, а также последовавшие в декабре 1940 г. переговоры с итальянской дипломатией по этим вопросам¹⁰⁹. Последние только подтверждали серьезность намерений Сталина и его ближайшего окружения.

После беседы со Сталиным и Молотовым Г. Димитров сразу же направил руководству болгарской компартии в Софию телеграмму о советском предложении болгарскому правительству и указание развернуть кампанию в Болгарии за принятие этого предложения¹¹⁰. Однако болгарские коммунисты перестарались: в распространенных ими в ночь с 27 на 28 ноября листовках они точно указали размеры территориальных претензий, которые был готов поддерживать Советский Союз, развернув на этой основе кампанию за принятие советских предложений. Получив 28 ноября 1940 г. телеграмму от полпреда СССР в Болгарии А. И. Лаврищева с изложением содержания листовки, Молотов пришел в ярость и прямо из кабинета Сталина, с которым, видимо, обсудил этот вопрос, позвонил Г. Димитрову и выразил возмущение по поводу распространения в листовках сведений, не предназначенных для опубликования¹¹¹. По указанию Димитрова в последующих материалах эти детали не упоминались. Болгарские коммунисты, признав, что оказали Советскому Союзу «медвежью услугу», продолжили мощную кампанию в поддержку предложения о заключении советско-болгарского пакта о взаимопомощи.

¹⁰⁸ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари). София, 1997. С. 202–203.

¹⁰⁹ ДВП. Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 1). Док. 613. С. 237; Док. 625. С. 263–266; Док. 665. С. 363–367; Док. 689. С. 417–418.

¹¹⁰ Димитров Г. Дневник. С. 203–204; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1: До 22 июня 1941 г. М., 1994. Док. № 127. С. 454–455.

¹¹¹ Димитров Г. Дневник. С. 204; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. Док. № 132. С. 461–463.

Таким образом советские действия, предпринятые 25 ноября, представляли собой единый комплекс, рассчитанный то чтобы: а) вынудить Германию согласиться с советскими интересами; б) заинтересовать болгарское правительство и политическую элиту более широкими перспективами территориальных приобретений; в) оказать на болгарские правящие круги массированное давление изнутри, организованное с помощью болгарской компартии. Все три рычага были задействованы одновременно.

Однако советские расчеты оказались ошибочными, а предпринятая акция — безрезультатной. Берлин вообще не стал отвечать на адресованное ему предложение от 25 ноября. А советское предложение Болгарии, особенно готовность поддержать ее возможные территориальные притязания к Турции и Греции (район Адрианополя, выход в Эгейское море), сыграло крайне негативную роль в советских отношениях с балканскими странами, дав в руки Германии реальные козыри для антисоветских интриг. Нацисты использовали их как во внутривосточных делах («со Сталиным невозможно договориться»), так и особенно в дипломатической игре. Уже 30 ноября 1940 г. болгарское правительство дало отрицательный ответ на советское предложение, мотивировав его уже начавшимися переговорами о присоединении к Тройственному пакту еще до поступления советских предложений, а также отсутствием угрозы Болгарии с какой бы то ни было стороны¹¹². С другой стороны, советские дипломаты во всех балканских и европейских столицах вынуждены были опровергать как досужие слухи о советской поддержке болгарских территориальных притязаний. Особенно негативно этот казус сказался на советско-турецких отношениях.

Весьма неприглядно выглядела советская позиция в ходе беседы Молотова с турецким послом А. Г. Актаем в Москве 10 декабря 1940 г. Молотов юлил и оправдывался, будто предложения Болгарии были сделаны под влиянием впечатления, что та ищет для себя гарантию со стороны Италии и Германии, опасаясь, в частности, нападения со стороны Турции. Посол опроверг такие намерения своей страны. Он делает вполне официальное заявление, сказал Актай, что «турецкое правительство не предпримет никакой акции, в особенности на Балканах и в районе Черного моря, не имея на то согласия со стороны советского правительства»¹¹³. Опираясь на итоги этой встречи, турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу в свою очередь обратил внимание советского полпреда С. А. Виноградова на нарушение Советским

¹¹² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 564. С. 158–161.

¹¹³ Там же. Док. 579. С. 176–178.

Союзом обязательства (протокол 1929 г. о продлении пакта о ненападении) предварительно ставить другую сторону в известность о переговорах, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, являющимися соседями одной из них. Это обязательство не увязывается с сообщением Молотова о советском предложении Болгарии. Турция в силу этого обязательства не должна, например, ставить СССР в известность о своих переговорах с Болгарией (та — сосед Турции, но не Советского Союза), однако она информирует его о начавшемся между ними обмене мнениями в целях сохранения мира во взаимных отношениях¹¹⁴.

Рассмотрение действий советского руководства, направленных на решение интересовавших его балканских проблем, невольно воскрешает в памяти ехидный афоризм Козьмы Пруткова, что «начальство достигает своих целей путем принятия мер, внешне как бы противоположных». Действия Сталина и Молотова по стилю напоминали скорее внутривластьную борьбу с ее закулисными ходами, поисками временных союзников и навязыванием своего решения конкурирующей фракции. Занявшись перетягиванием дипломатического каната с Гитлером и Риббентропом, они упустили из виду, что для последних это была политическая игра, ибо принципиальное решение ими было уже принято. Сталин же и Молотов были уверены, что сумеют вынудить другую сторону играть по своим правилам.

Принимая во внимание, что исследователи не располагают пока документами о том, как и с каким расчетом принимались советским руководством решения о перечисленных выше практических шагах, вполне естественно и уместно поставить вопрос: отвечает ли такая трактовка событий действительному их ходу? Конечно, элемент гипотетичности здесь присутствует. Не исключено, что где-то хранятся материалы, способные пролить новый свет на рассмотренные нами проблемы. Механизм принятия решений советским руководством всегда отличался таинственностью. Не менее известны и его кардинальные просчеты как на международной арене, так и во внутренней политике. Однако последние публикации документов, равно как и архивные фонды, которые стали доступны исследователям, открывают возможность гораздо шире представить взгляды Сталина, Молотова и их соратников в тот период. И их действия, на наш взгляд, вполне подтверждают выводы об их готовности пойти на новый виток сотрудничества со странами Тройственного пакта. Характерно, что 17 января 1941 г., так и не дождавшись ответа из Берлина на свое предложение от 25 ноября, руководство СССР вновь напомнило о нем

¹¹⁴ Там же. Док. 588. С. 194–196.

германской стороне. Причем Молотов, подняв этот вопрос в беседе с Шуленбургом, выразил удивление отсутствием ответа ¹¹⁵. Обращает на себя внимание и то, что проводившиеся советской дипломатией переговоры с Италией и Японией в декабре 1940 — первой половине 1941 г. полностью шли в русле тех условий, которые были выдвинуты 25 ноября 1940 г. и должны были послужить основой для Пакта четырех держав. Не исключено, что именно через эти государства Кремль надеялся оказать влияние на Германию — их союзника по Тройственному пакту.

Под этим углом зрения приобретает особый смысл происшедшее почти одновременно с действиями, предпринятыми 25 ноября, назначение Деканозова новым полпредом в Берлин с сохранением за ним ранга заместителя наркома иностранных дел СССР. Создается впечатление, что советское руководство хотело иметь там особо доверенное лицо, которое могло бы продолжить переговоры о Пакте четырех держав и связанных с ним условиях по дипломатическим каналам, как было предложено германской стороной. Деканозова специально готовили к этой миссии. Он входил в состав советской делегации во время визита Молотова в Берлин и был в курсе всех нюансов проходивших там переговоров. Он присутствовал при передаче Шуленбургу советского ответа 25 ноября 1940 г. В его кабинете и в его присутствии была организована встреча Молотова с болгарским послом Стаменовым 18 ноября. Наконец, он участвовал во встрече Сталина и Молотова с Димитровым 25 ноября. Короче, он знал все, о чем могли пойти переговоры в Берлине.

Любопытен еще один штрих. Мелкий сам по себе, он был, однако, симптоматичен для того курса, который проводило тогда советское руководство. Сталин подарил Риббентропу свой портрет, подписав его внизу собственной рукой: «Многоуважаемому Господину Риббентропу на добрую память. И. Сталин. 26. 11. 40» ¹¹⁶. Смысл этого демонстративного жеста, скорее всего, заключался в желании подчеркнуть признание роли Риббентропа в развитии советско-германских отношений. Не исключено, что в нем был и скрытый намек на желательность его приезда в Москву для продолжения политических переговоров. Для нас этот жест интересен тем, что вручить Риббентропу этот портрет было поручено Деканозову, а дата подписи совпадала со временем отъезда нового полпреда к месту назначения.

¹¹⁵ Там же. Док. 654. С. 343–344. 23 января германское правительство ответило, что обсуждает советское предложение с Италией и Японией (Там же. Док. 660. С. 357).

¹¹⁶ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 299. Л. 51.

Однако специальная миссия с первых же шагов начала про буксовывать. «Сегодня девятый день, как я в Берлине, и, как Вы знаете, еще не был принят Риббентропом, и не известно, когда будет назначен день вручения верительных грамот у Гитлера», — жаловался Деканозов в телеграмме в Москву 6 декабря 1940 г. Такое отношение к нему он находил «не совсем приличным»¹¹⁷. Только после вмешательства Молотова через Шуленбурга наконец-то Риббентроп принял его 12 декабря. Риббентроп несколько раз подчеркнул, что видит в нем «доверенное лицо Сталина и Молотова», а Деканозов передал ему портрет Сталина и неоднократно заявлял, что он всегда находится «в распоряжении Риббентропа»¹¹⁸. Вручение верительных грамот Гитлеру произошло в помпезной атмосфере Имперской канцелярии 19 декабря 1940 г. Деканозов повторил уже дежурные фразы, что он находится «в распоряжении рейхсканцлера» и всегда готов к переговорам. Он подчеркнул, что может дать разъяснения по всем вопросам советского ответа на германские предложения, а также по другим вопросам, которые могли бы быть у германского правительства. Гитлер ограничился замечанием, что это хорошо, и что переговоры должны продолжаться нормальным путем, как было условлено¹¹⁹. В политическом плане беседа была абсолютно бессодержательной. И к тому были свои веские причины.

18 декабря 1940 г., за день до вручения ему верительных грамот полпредом В. Г. Деканозовым, Гитлер подписал «Директиву № 21. План «Барбаросса»¹²⁰. Она была составлена на основе ряда предварительных разработок и, несмотря на внесение определенных корректировок позднее, завершила штабную подготовку всего плана агрессии против СССР. Параллельно шло развертывание войск и их подготовка к предстоящему вторжению. Весь замысел хранился в величайшем секрете. Однако сведения о нем все же просачивались по разным каналам. Часть их доходила и до сведения советского руководства, в частности — через того же Деканозова¹²¹. Германское командование предпринимало многочисленные и разнообразные мероприятия по дезориентации советской разведки и разведывательных служб других государств. Оно прекрасно понимало, что совершенно скрыть приготовления столь грандиозного масштаба просто невозможно. И до поры до времени

¹¹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 574. С. 172.

¹¹⁸ Там же. Док. 584. С. 183–185.

¹¹⁹ Там же. Док. 599. С. 213–215.

¹²⁰ Дашинев В. И. Указ. соч. Т. II. Док. № 19. С. 86–89.

¹²¹ 1941 год. Кн. 1. Док. № 204. С. 440–441.

оно в этом преуспевало. Причины «неожиданности» германского нападения лежат на политической совести советского руководства. Но это уже проблема более позднего периода. В конце же 1940 г. обращало на себя внимание странное на первый взгляд пренебрежение германского руководства к советским пожеланиям и интересам. Оно было замечено, но истолковано превратно. После 18 декабря 1940 г., т. е. после утверждения Плана «Барбаросса», эта тенденция только усилилась.

Миссия Соболева в Софию и подписание плана «Барбаросса» завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда оно носило прежде всего дипломатический, кабинетный характер. С января 1941 г. это противоборство приобрело открытый политический характер. В советской литературе эту борьбу изображали, как правило, в качестве усилий Советского Союза не допустить расширения войны на Балканы, не дать втянуть балканские страны в фашистский Тройственный пакт. Отдельные элементы такой политики действительно присутствовали в действиях советской дипломатии, и они вводили в заблуждение не только историков, но и современников событий. В английских дипломатических документах того времени, например, можно встретить сегования в связи с тем, что хотя и Великобритания, и СССР противодействуют германской экспансии на Балканах, советская дипломатия не осознает того, что обе страны являются в этом вопросе естественными союзниками.

Такие сегования являлись плодом недоразумения. Новые документы достаточно определенно показывают, что Великобритания (и поддерживавшие ее США), с одной стороны, и СССР — с другой, действовали в рамках разных парадигм: если британская дипломатия боролась против фашистского блока, то сталинское руководство упорно отстаивало свое место *рядом* с этим блоком, а при известных обстоятельствах — внутри нового Пакта Четырех Держав. Понятно, что при столь разных целях взаимодействия между ними быть не могло, хотя подчас их действия были направлены на одно и то же (например, борьба против присоединения Болгарии к Тройственному пакту).

Балканы стали регионом, где весьма наглядно столкнулись противоположные интересы Германии и Советского Союза. Региональный характер событий как бы камуфлировал стратегический масштаб противостояния двух держав. Кремль оказался в итоге неспособным что-либо противопоставить тому драматическому развитию событий, которое привело к полному подчинению Балкан фашистской «осью», а затем и к нападению на Советский Союз.

Глава VI

Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества

Как уже говорилось в предыдущей главе, одним из важных факторов, оказавших существенное воздействие на международно-политическую ситуацию в балкано-дунайском регионе в рассматриваемый период, явился узел венгеро-румынских противоречий в связи с так называемой трансильванской проблемой. Первая мировая война и увенчавшая ее версальская система нового послевоенного устройства породили целый ряд очагов международных конфликтов, опасных для установившегося на континенте в 1920–1930-е годы весьма непрочного равновесия. Среди них был и румыно-венгерский конфликт из-за обладания спорными между Румынией и Венгрией территориями, обобщенно и упрощенно называемыми Трансильванией¹. Активизация этого, как впрочем и всех остальных, латентных до того очагов напряженности произошла и могла произойти только в условиях резкого обострения общеевропейской ситуации, когда малые средневропейские страны, все более жестко ограниченные в свободе действий и маневра, одна за другой становились жертвой, легкой добычей, а в лучшем случае орудием, пешкой, игрушкой в развернувшейся большой игре «больших» соседей. Для Венгрии и Румынии таковыми были нацистская Германия, фашистская Италия, а в 1940-х годах и социалистический Советский Союз, с которыми им необходимо было отныне согласовывать каждый свой шаг в сфере внешней политики, каждую более или менее значительную внешнеполитическую свою акцию. В первую очередь, разумеется, с Вильгельмштрассе в Берлине.

Осуществленная в конце мировой войны радикальнейшая и самая масштабная со времен Венского конгресса перекройка европейских границ, удовлетворительного и устойчивого разрешения национального вопроса (о принципах справедливости применительно к версальской системе и говорить как-то неудобно) не дала

¹ Согласно Версальскому (Трианонскому) мирному договору, к Румынии отошла значительно бóльшая по населению и площади территория, чем историческая Трансильвания, включая те относившиеся к ней части Баната и комитата Марамуреш. Несколько иное обозначение присоединенных к Румынии венгерских земель принято в румынской литературе: «Трансильвания, Кришана и Марамуреш», которое, однако, чаще всего заменяется одним термином «Трансильвания».

ни в одной части континента. Наоборот, не справившись со старыми распрями на почве межэтнических отношений, версальская система обострила их, модифицировав старые противоречия, и создала новые. В образовавшихся из обломков Австро-Венгрии новых «национальных» государствах, а также в проживавшихся за счет ее наследия соседних странах — Италии, Румынии, Сербии (Югославии) — нации, прежде господствовавшие, в деле национального угнетения почти всюду поменялись ролями и местами с нациями раньше неполноправными или угнетенными. Степень национального гнета в ряде стран Карпато-Дунайского бассейна возросла еще от того, что новые хозяева горели желанием мстить за свои вековые обиды поверженному противнику, упиваясь его унижением и бессилием. В декларациях победителей о приверженности к демократии, в их клятвенных обещаниях неукоснительно соблюдать права нацменьшинств недостатка, разумеется, не было. Тем более, что в версальских мирных договорах эти права и свободы оговаривались специально и были несколько позднее подтверждены Лигой Наций. Но действительность была иной.

Право народов Трансильвании «на полную национальную свободу» было провозглашено на многотысячном собрании трансильванских румын в городе Альба-Юлия (Дюлафехервар) 1 декабря 1918 г. Обещано было право на администрацию, судопроизводство, пропорциональное представительство в законодательных учреждениях и органах исполнительной власти, право вести свои дела на родном языке всем покоренным нерумынам (мадьярам, саксам, швабам, евреям, сербам, вплоть до многочисленных цыган). Но уже весной 1920 г. правительство Румынии упразднило установившуюся в крае фактическую автономию. Затем пошло прогрессирующее из года в год урезывание культурных и имущественных прав этнических групп, общин, а также неправославных церквей. «После первой мировой войны румынские правительства проводили в Трансильвании политику угнетения нацменьшинств», — так кратко резюмировал сложившуюся ситуацию референт отдела Балканских стран советского МИД².

Румынская конституция 1938 г. формально легализовала фактически существовавшую в стране национальную дискриминацию, сделав критерием реализации политических прав и социальной мобильности понятие «преимущества румынского происхождения», дополненное еще более скандальной по своему характеру категорией «истинных» румын, каковыми признавались румыны в третьем поколении. Доступ к престижным должностям тем са-

² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 115. Д. 40. Л. 143.

мым закрывался не только немцам, евреям, мадьярам, сербам, украинцам, имевшим сравнительно более высокий образовательный уровень, но и представителям давно уже романизованного населения. После вступления в силу новой конституции произошло массовое увольнение еще оставшихся на своих постах чиновников из мадьяр, не пожелавших присягнуть румынскому королю.

Ответом на дискриминацию со стороны государственной власти было нараставшее сопротивление хорошо организованного — как профессионально, так и политически — мадьярского населения, гордого своим прошлым, историческими и культурными традициями и обладавшего относительно более высокой политической культурой по сравнению с господствующей нацией, в социальной структуре которой заметно преобладал крестьянский элемент.

Немаловажную роль в углублявшейся взаимной отчужденности двух народов-соседей играли складывавшиеся веками национальные предрассудки, предубеждения, стереотипы, выражавшие и гордое высокомерие с долей презрения, на одной стороне, и комплекс неполноценности — на другой. «Две родины одной нации», — так воспринимало самосознание мадьяр Венгрию и Трансильванию в XVI–XVIII вв., еще в те времена, когда вследствие османского нашествия две части королевства Венгрия были надолго оторваны друг от друга. Трианон лишь усугубил чувство общности двух частей нации, ни одна из которых не была в состоянии примириться с произвольным вердиктом держав Антанты.

Ориентированная на возвращение отторгнутых территорий внешняя политика Венгрии обосновывала свои претензии к Румынии и другим соседям историческим правом. Румыния, напротив, доказывала «законность» владения вновь приобретенными землями ссылкой на этнический принцип, на численное превосходство этнического румынского элемента над венгерским. Отсюда и разительное разночтение в статистическом материале об этническом составе населения спорных областей, которым оперировали обе стороны.

По переписи, проведенной румынами в 1930 г., на их долю приходилось 71,9 % территорий, условно названных Трансильванией³. По переписи 1910 г., проведенной еще в довоенную эпоху, в условиях консервативно-либеральной Австро-Венгерской монархии, когда венгеро-румынские противоречия были не так остры и особой нужды в преднамеренной фальсификации этнодемографической статистики еще не было, румынский этнический элемент в

³ Anuarul statistic al României pe anul 1938 și 1940. S. I. s. a. P. 480.

«Трансильвании» (в кавычках, потому, что такой самостоятельной административной единицы в землях королевства Св. Иштвана не было) составлял не 57,81 %, а всего лишь 42,2 %, а мадьяр было не 42 %, как показывала официальная румынская перепись, а 51,4 %!⁴ Надо сказать, что подавляющее большинство историков и демографов на Западе, и лишь отчасти на Востоке, особенно СССР и России, с большим доверием относятся к цензу 1910 г. Помимо общепризнанного профессионализма постановки статистического дела в Австро-Венгрии, объяснялось это и тем, что данные переписи 1910 г. не показывали сколько-нибудь резких отклонений от предыдущих, начиная с XVIII в. проводившихся обследований и цenzов. И никто тогда ни в Венгрии, ни тем более в Австрии не собирався отрицать или скрывать благоприятную для румын эволюцию этнодемографической ситуации. Численное преобладание румынского этноса в Трансильвании наметилось уже во 2-й половине XVIII в., но не многократное, какое показывала перепись 1930 г. и последующие румынские цenzы, даже с учетом ухода в Венгрию почти 200 тыс. мадьяр в 1918–1927 гг.⁵

Венгерский народ Трансильвании не мог примириться со своим униженным положением в «Великой Румынии». Не примирилась с новым статус-кво, созданным Трианомом, и хортистская Венгрия, официальной идеологией которой с первых дней ее существования стали ирредентизм и ревизионизм — пересмотр условий мирного договора и границ любой ценой, любыми средствами и при помощи любых союзников, от идеологически родственных коричневых до идеологически неприемлемых красных, управлявших одной шестой частью суши. Главным союзником для Будапешта, однако, был все же Берлин, а не Москва, тоже объективно заинтересованная в развале версальско-трианонской системы с ее убудочными отростками — антисоветским санитарным кордоном и антивенгерской Малой Антантой. На этой почве и сошлись противоречивые в сущности и взаимоисключавшиеся во многих важных сферах интересы германо-итальянского блока, Венгрии, Болгарии и... СССР.

Успех Гитлера в Мюнхене позволил и регенту Венгрии адмиралу М. Хорти приступить к решению своих локальных задач по демонтажу трианонско-версальского сооружения и пробить в системе первые брешы. Формальную, международно-правовую основу

⁴ Kurze Geschichte Siebenbürgens. Budapest, 1990. 658. old.; АВП РФ. Ф. 0511. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 42; Ф. 077. Оп. 25. П. 115. Д. 40. Л. 130–140.

⁵ Hetven É. A Romániai magyarság története 1919–1989. Budapest, 1990. 52–53. old.

для пересмотра границ давала знаменитая 19-я статья Пакта Лиги наций, допускавшая такую возможность во избежание «угрозы всеобщему миру»⁶. По Первому Венскому арбитражу в 1938 г. мадьяры вернули себе южные области Словакии, а затем в два приема и Закарпатье. В 1940 г. настал черед и Трансильвании. Благоприятному решению этого вопроса в пользу мадьяр немало способствовали германо-советское сближение и резкая активизация СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе, в особенности в 1940 г. на румынском направлении.

На руку венгерскому ревизионизму оказался и пресловутый советско-германский пакт 1939 г., положивший начало сталинской политике раздвижения западных границ СССР от Карельского перешейка до дельты Дуная. В результате получилось нечто вроде нового издания «*Drang nach Westen*» петровско-екатерининских времен, столкновение которого с мощным натиском «*Drang nach Osten*» нацистско-германского образца должно было рано или поздно стать неминуемым.

Сотрудничество Берлина с Москвой в восточноевропейских делах, не устранившее их соперничества за утверждение своего влияния именно в этом регионе, до чрезвычайности осложнило жизнь малых стран, заставляя последних проявить максимум изворотливости, чтобы: а) не быть раздавленными между жерновами двух гигантов, б) извлечь максимум пользы для себя из этой головоломной игры. Но поскольку доминирующей силой в регионе была Германия, то им приходилось сообразовать свои действия в первую очередь с Берлином. В какой-то мере и СССР был вынужден ассистировать Гитлеру даже в Восточной Европе, в своей сфере влияния, признанной германским партнером, и действовать там с постоянной оглядкой на Берлин, учитывать его интересы и цели.

В этой чрезвычайно сложной и запутанной ситуации, сложившейся в Европе в промежутке между советско-германским пактом и советско-германской войной, венгерская дипломатия оказалась более удачливой, чем румынская. Сохранив дружбу с державами оси, она сумела одновременно навести мосты и в сторону нелюбимой Москвы ради достижения заветной цели — завоевания Трансильвании.

Венгерское правительство в своих расчетах исходило из вернейшей предпосылки объективного совпадения интересов Венгрии и СССР в отношении к Румынии, в вопросе о возврате захваченных ею территорий — Бессарабии и Трансильвании. Дальняя эта цель присутствовала уже при установлении дипломатических от-

⁶ Hoijer O. Le Pacte de la Société des Nations. Paris, 1926. P. 330.

ношений между обеими странами. Кабинет И. Бетлена мотивировал необходимость дипломатического признания СССР в 1934 г. возможностью заручиться поддержкой Советского Союза в отношении трансильванской проблемы. Была выдвинута мысль о «кооперации с русскими против Румынии на базе *неурегулированного бессарабского вопроса*». Министр иностранных дел на заседании комиссии по иностранным делам верхней палаты венгерского парламента прямо указывал на «возможность сотрудничества с Россией *против Румынии из-за Бессарабии*»⁷ (выделено нами. — Авт.).

Именно на этой почве с начала 1940 г. отчетливо прослеживаются две тенденции — сближение между Москвой и Будапештом при одновременном прогрессирующем ухудшении их отношений с Румынией. Высокопоставленный венгерский чиновник по поручению своего правительства 17 января сделал полпреду СССР в Венгрии Н. И. Шаронову важное сообщение о том, что венгерским газетам отныне «отдано распоряжение: 1. статей антисоветского содержания не печатать; 2. цензура из факультативной преобразуется в обязательную, т. к. одна газета дала снимок красноармейца в виде бродяги; 3. будут публиковать больше материалов ТАСС». Была также прекращена публикация материалов итальянского агентства «Стефани» о «русской опасности у Карпат»⁸.

Таким образом на глазах у публики совершенно неожиданно СССР из страны враждебной превращался в дружественного Венгрии соседа. Появившаяся спустя две недели 31 января, статья в официозе «Уй мадьяршаг» подтвердила новую линию венгерской правящей клики. В статье, обратившей на себя внимание советских дипломатов в Будапеште, говорилось: «... мы поддерживаем отношения дружбы с Германией, *сердечные отношения с СССР*, нашим северным соседом. Мы не чувствуем угрозы с его стороны. Опасность грозит нам только *со стороны Румынии*» (выделено нами. — Авт.). Спустя еще две недели те же мысли буквально в тех же выражениях повторил Шаронову сам министр иностранных дел И. Чаки. «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем, и вообще угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем», — сказал он 13 февраля 1940 г. советскому полпреду⁹.

Совсем в иной плоскости велись дела с румынами. Начать с того, что Москва в это же время вслэчки затягивала с назначением

⁷ Politikai Tudomány Intézet Archivuma. F. 685. 1939. VII. 12; Jungerth-Arnóthy Mihály Moszkvai Naplója. Budapest, 1989. 101. old.

⁸ АВП Рф. ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 26.

своего полпреда в Бухарест, и несмотря на неоднократные просьбы и обращения румынского посланника к заместителю наркома иностранных дел В. П. Потемкину и к самому наркому В. М. Молотову, вопрос не решался месяцами, что было явно недобрым предзнаменованием для Румынии. Точно так же Советское правительство уклонялось от румынских предложений об интенсификации торгового обмена между двумя странами. Многочисленные запросы миссии по всем этим и другим вопросам советскими должностными лицами оставались без внимания¹⁰. В то же время ранней весной 1940 г. в советской столице с видимым нетерпением ожидали приезда торговой делегации Венгрии, буквально зазывали ее.

Советская дипломатия все более откровенно выражала позитивное отношение правительства СССР к территориальным притязаниям, предъявлявшимся Румынии двумя ее другими соседями — Венгрией и Болгарией¹¹. Вместе с тем бурно развивавшийся весенний флирт Будапешта с Москвой не помешал венгерской стороне сделать попытку заручиться поддержкой Запада в связи с подготавливавшейся ею трансильванской акцией и фактически вести двойную игру¹². 23 февраля 1940 г. венгерское правительство через своих посланников в Лондоне и Париже заверило Англию и Францию в том, что свои территориальные притязания к Румынии оно не собирается осуществлять силой оружия. Меморандумы аналогичного содержания, врученные западным державам, содержали, однако, прелюбопытнейшую идею. Она касалась СССР, его возможных действий на Балканах и эвентуальной реакции на них со стороны Венгрии. В случае, если Россия «успешно атакует Румынию и возникает угроза ее вторжения на Балканы», говорилось в меморандуме, «венгерская армия должна будет незамедлительно выступить походом, чтобы выдвинуться на линию Карпат и остановить продвижение русских»¹³. Подумать только: доблестное венгерское войско одно останавливает красные дивизии, спасая христианско-балканскую цивилизацию!

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П. 118. Д. 3. Л. 8–10. Из дневника В. Г. Декапозова от 21 марта 1940 г.

¹¹ Относительно советской позиции по поводу болгарских территориальных претензий к Румынии см. гл. VIII.

¹² Этот вопрос освещен с привлечением материалов лондонских архивов венгерским историком И. Ромшичем в его работе, посвященной англо-венгерским отношениям. См.: *Romsics I. A brit külpolitika és a magyar kérdés, 1914–1918 // Külpolitika, 1996. N 5. 209–230, old.*

¹³ *Juhász G. The Second Vienna Reward // Külpolitika. Hungary and the World. Budapest, 1987. P. 120–137.*

За этой фантастической картиной просматривалась достаточно прозрачная мысль и практичная цель — убедить Запад в необходимости вторжения венгерских войск в Румынию. Поводом для этого могла послужить, по замыслу венгерского премьера графа П. Телеки, например, добровольная уступка Румынией Южной Добруджи Болгарии¹⁴. В этом случае можно было бы сослаться на уязвленное чувство справедливости мадьярской нации, которая не могла бы допустить дележа румынской добычи без участия Венгрии.

Обращение к западным державам было вызвано и тем, что они, согласно договору от 13 апреля 1939 г., были гарантами территориальной целостности Румынии. Но это препятствие отпало скоро как бы само по себе. По иронии судьбы, как ни странно, правители этой страны сами, добровольно, БЕЗ ВСЯКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ отказались от англо-французских гарантий неприкосновенности своей территории! Заодно Румыния покинула и Лигу наций, считая ниже своего достоинства пребывание в этой организации. В официальной декларации правительство объявило о том, что «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную осью Берлин-Рим, и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства, точно передающих чувства нации»¹⁵.

Этот головокружительный кульбит румынского правительства, поставивший в тупик дипломатические канцелярии Европы, имел два конкретных политических последствия, отнюдь не благоприятных для интересов румынской нации. Оскорбленная в своих лучших чувствах Англия, естественно, немедленно отошла от своей многолетней позиции безусловной поддержки территориальной целостности Румынии. Это во-первых. А во-вторых, шаг, предпринятый Бухарестом, скорее поразил и насторожил советское руководство, несмотря на то, что аннулирование гарантий несомненно облегчало реализацию советских планов в отношении Румынии. Полпред А. И. Лаврентьев писал Молотову 30 июля: «Такой крутой поворот во внешней политике румынского правительства в итало-германском направлении продиктован:

1) разгромом Франции; 2) успехами военных действий Германии; 3) боязнью, как бы *Венгрия и Болгария не потребовали бы от Румынии больших территориальных уступок*; 4) боязнью пе-

¹⁴ О болгарском аспекте тредного бессарабско-трансильванско-добруджанского узла см. гл. VIII.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 19. Полпред в Бухаресте А. И. Лаврентьев — Молотову. 30.VII. 1940 г.

ред тем, как бы Советский Союз не предъявил бы других требований и 5) увеличивающимся нажимом на Румынское правительство со стороны Германии»¹⁶ (выделено нами. — Авт.).

В этом анализе все верно за одним только исключением: «крутого поворота в итало-германском направлении» в общем-то в данный момент не было, так как произошел он в румынской внешнеполитической ориентации намного раньше. «Крутым» был лишь грубый разрыв Бухареста с Англией, но к этому времени англо-румынские отношения уже были далеки от бывшего антантовского «сердечного согласия». Но этот вопрос был скорее лишь теоретическим. Гораздо более важным было упоминание, в сослагательном наклонении конечно же, страха румынских правящих кругов перед лицом перспективы дальнейших угрожающих действий со стороны СССР.

Угроза была не надуманной, а настоящей и весьма актуальной. И об этом румыны знали не хуже немцев, венгров, турок, болгар и т. д. Знали о том, что Кремль не удовлетворен достигнутым, что ему мало Бессарабии с Северной Буковиной впридачу, полученных от Румынии в конце июня 1940 г. в результате советского ультиматума¹⁷, что он добивается чего-то большего. Чего именно? Это еще не до конца ясно. Присоединения к СССР Южной Буковины? Влияния в Румынии? Гегемонии? Превращения Румынии в сферу своего монопольного влияния? Вероятно, да. Но нельзя с уверенностью утверждать, что он добивался упразднения этого государства, подобно тому как было упразднено государство польское.

Таких планов скорее всего не было. Но не было также и гарантии неучастия Советского Союза в совместном с Венгрией и Болгарией выступлении против румын. А о неудовлетворенности русских румынам было известно из первых рук. Не кто иной, как сам Молотов говорил об этом румынскому посланнику Г. Гафенку в беседе с последним 10 сентября 1940 г. в достаточно откровенных и не совсем дипломатичных выражениях. Коснувшись июньского бессарабского ультиматума Москвы, нарком, не щадя чувств собеседника и не выбирая вежливых фраз, заявил, что Советское правительство, «выставляя свои требования, не считало себя полностью удовлетворенным, однако, не хотело начинать нового спора с Румынией. Советское правительство рассматривало предложения, сделанные тов. Молотовым, как минимальные»¹⁸.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. гл. VI.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 279. Л. 54; ДВП. Т. XXIII. Кп. 1. Док. 370. С. 590 (выделено нами. — Авт.).

О дальнейших видах и пожеланиях СССР нарком не обмолвился ни одним словом. Каков максимум советских требований к Румынии, где их предел, — о том неведомо было никому. За исключением, возможно, самого Сталина. Более чем вероятно, что вождь народов точно знал, чего он хотел от румын. Но как трезвый политик он должен был считаться с сопротивлением своим гегемонистским планам на Балканах со стороны своего главного союзника-соперника — Гитлера. Последний же всем своим поведением показывал, что не намерен потворствовать дальнейшей советской экспансии вглубь Балкан и советскому проникновению дальше линии Прут — устье Дуная. Из всей совокупности доступных сегодня исследователю документов видно, что советско-германское соглашение о Румынии предусматривало передачу СССР только Бессарабии и не более того. Сталину уже однажды удалось перехитрить рейхсканцлера и забрать впридачу к Бессарабии еще и Северную Буковину. Фюрер рвал и метал по поводу «вероломства» русских, но вынужден был проглотить пилюлю. Первый раунд в поединке вокруг Румынии тем самым остался за Сталиным. Однако после июня 1940 г. этот номер уже не проходил. И потому советский лидер вынужден был проявить максимум осмотрительности в своих поступках и действиях.

Несомненно, что уже к лету 1940 г., когда германская военно-стратегическая активность на западном театре военных действий практически была исчерпана, центр тяжести экспансионизма европейских держав оси переместился в Юго-Восточную Европу и ключевое значение в советско-германских отношениях приобрела Румыния. Но несмотря на очевидную противоположность интересов в регионе, обе стороны до поры до времени делали упор не на конфронтацию, а на совместные действия, кооперацию и сотрудничество¹⁹.

За три дня до предъявленного Москвой 26 июня бессарабского ультиматума, как вытекает из беседы Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 23 июня 1940 г., обе стороны вновь констатировали, что «балканский вопрос может быть совместно мирным путем разрешен Советским Союзом, Германией и Италией...»²⁰. Из слов Шуленбурга, вскользь оброненных им, однозначно следует, что между СССР и Германией уже с осени 1939 г. имелось специальное «соглашение о Бессарабии», что косвенно подтвердил и нарком тем, что он настойчиво, вновь и вновь, добивался авторитетного подтверждения со стороны нацистского ми-

¹⁹ Эта линия хорошо прослеживается по документам советского МИД, вошедшим в публикацию: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1.

²⁰ Там же. Док. 217. С. 364.

нистра иностранных дел И. Риббентропа договоренностей по этому поводу. «Тов. Молотов, — читаем мы в записи беседы, — в ответ на это поставил Шуленбургу следующие вопросы:

1) Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?»²¹ Нарком получил от немцев требуемое подтверждение, но лишь в принципе. Не отрицая права СССР на Бессарабию, свое согласие содействовать осуществлению этих прав они обусловили рядом экономических и политических условий. В их числе были: строгое соблюдение хозяйственных интересов Германии, прежде всего гарантирование бесперебойности поставок продовольствия и остродефицитных нефтепродуктов для германской военной машины. Германия, заявил посол Шуленбург, «не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной»²².

Чрезвычайно важным, отчасти тесно связанным с первым, было другое категорическое германское требование — не допустить ни при каких обстоятельствах открытия военных действий против Румынии, которое, как не без оснований опасались в Берлине, немедленно повлекло бы за собой вовлечение в военный конфликт с Румынией Венгрии, а возможно, и Болгарии. Третье условие, более чем оригинальное, хотя по всей видимости, не столь жизненно важное с точки зрения германских стратегических интересов, в подаче посла звучало так: «СССР заявит о своих претензиях на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе»²³. Советское правительство попросту проигнорировало это странное предложение, и Молотов не считал нужным даже отреагировать на него.

Помимо всего этого немцы опасались возникновения в Румынии, в тылу сражавшихся на Западе германских армий, хаоса в случае советского выступления, к тому же в момент, когда, по словам посла, «Германии сейчас дозарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии»²⁴. С последним доводом номинальный глава Советского правительства с готовностью согласился, пообещав «сделать все возможное, для того, чтобы „не затронуть“ экономические интересы Райха». Все остальные требова-

²¹ Там же. С. 365.

²² Там же.

²³ Там же. С. 365–366.

²⁴ Там же. С. 366.

ния немцев были жестко отклонены председателем Совета народных комиссаров, который в ходе беседы проинформировал о состоявшемся решении Советского правительства «в ближайшее время» поставить перед Бухарестом бессарабский вопрос. Далее последовал неожиданный поворот. «Буковина, — продолжал он без всякого предисловия и перехода, — как область, населенная украинцами (такая „мелочь“, как наличие там многочисленного румынского, еврейского, немецкого, польского, цыганского элемента нисколько не интересовала советского наркома. — *Авт.*), тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. (...) Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой»²⁵.

В оставшиеся до ультиматума три дня неожиданно и неизвестно откуда появившийся буковинский вопрос как бы заслонил собой главный факт — молниеносный переход Советского Союза от деклараций к реализации своих балканских планов.

25 июня 1940 г., за день до вручения ультиматума, глава советского правительства в беседе с послом Италии А. Россо сделал заявления идентичного содержания относительно позиции СССР по поводу венгерских и болгарских притязаний: «СССР не имеет никаких претензий в отношении Венгрии. С Венгрией у нас нормальные отношения. СССР считает претензии *Венгрии к Румынии имеющими под собой основания.*

С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. *Они имеют основания стать более близкими.* Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания»²⁶ (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Эти тщательно продуманные формулировки были, однако, идентичны только по вопросу о территориальных притязаниях к Румынии двух ее соседей. В остальном же отчетливо проявилось существенное различие в советском подходе к Венгрии и Болгарии, а в сущности — к двум субрегионам Центральной и Юго-Восточной Европы. Акцентирование «нормальных отношений» с Венгрией и подчеркнутая незаинтересованность Советского Союза в делах Средней Европы означали желание довольствоваться лишь этим, не идти дальше «нормализации», т. е. не добиваться утверждения своего влияния в среднеевропейском регионе. Заявление же о поддержке болгарских притязаний не только к Румынии, но и к Греции, а в особенности намерение наладить с Болгарией «близкие отношения» было равно-

²⁵ Там же. С. 365.

²⁶ Там же. Док. 224. С. 373.

сильно предъявлению претензий на преимущественное влияние в восточной части Балканского полуострова.

Беседа с итальянцем не оставила никаких сомнений относительно решимости Москвы полностью взять на себя инициативу в румынском вопросе, действовать в одиночку, не дожидаясь выступления Венгрии и Болгарии, а в случае необходимости вопреки желаниям Берлина и Рима не останавливаться перед «применением силы». Намек был понят и принят. Из Берлина необычайно быстро пришел в целом положительный ответ на поставленные перед нацистским руководством вопросы. 25 июня Шуленбург представил этот ответ Молотову. Суть его сводилась к четырем основным положениям:

«1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией.

2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию.

3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии.

4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Вольни»²⁷.

Пункт, содержащий просьбу к СССР отнестись благожелательно к буковинским немцам, был равнозначен признанию *de facto* советских притязаний на Буковину. Но не *de jure*. Вынужденная уступка со стороны Германии способствовала углублению ее разногласий с Советским Союзом. Немцы уступили, в сущности, силовому давлению, не имея возможности или не желая противопоставить силу силе за год до 22 июня 1941 г. Тем не менее германская сторона сочла необходимым зафиксировать свои возражения в телеграмме Риббентропа от 25 июня 1940 г. Молотову, о чем можно косвенно судить по высказываниям последнего в беседе с Шуленбургом (косвенно потому, что вопреки общепринятому правилу составители XXIII тома «Документов внешней политики» почему-то не привели текста телеграммы даже в приложении).

²⁷ Там же. Док. 225. С. 374.

В ответ на содержавшиеся в телеграмме упреки Молотов следующим образом аргументировал советскую позицию в этом вопросе: «...постановку вопроса о Буковине, где преобладающее население — украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему моменту вся Украина, за небольшими исключениями, уже объединена, но Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным»²⁸. Руководствуясь этой логикой, следовало бы забрать в первую очередь именно Подкарпатскую Русь, где численное преобладание украинцев (русин) было в отличие от Буковины бесспорным, и завершить тем самым благородное дело освобождения единокровных братьев из-под иноземного ига. В 1940 г. Советское правительство не сделало этого по чисто прагматическим соображениям, ибо тогда предпочтительнее было иметь соседом благожелательно настроенную Венгрию, чем заполучить всю Закарпатскую Украину со всеми его единокровными и единоверными обитателями. Состоявшийся в ходе беседы обмен мнениями показал, что в сложившейся из-за бессарабско-буковинского кризиса ситуации июня 1940 г. позиция Советского Союза в отношении к Венгрии и Болгарии была более благоприятна для этих стран, чем германская. Ставя перед собеседником вопрос о территориальных притязаниях Венгрии и Болгарии к Румынии, Шуленбург выразил сомнение «в своевременности их (притязаний. — Авт.) предъявления». Нарком, однако не поддержал эту позицию, хотя не считал возможным и оспаривать ее²⁹.

С другой стороны германо-итальянская ось всячески уклонялась от активной поддержки Венгрии против Румынии по той простой причине, что последняя «весила» на порядок тяжелее своей соперницы. Весной 1940 г. еще не созрели международные условия и предпосылки для реализации венгерских планов в отношении Румынии и прежде всего ввиду однозначного нежелания ближайших венгерских союзников спешить с поддержкой этих планов. Апрельский вояж венгерского премьера Телеки в Рим, к первому и самому надежному, казалось бы, союзнику Венгрии, предпринятый с целью зондажа позиции Италии в румынском деле, утешительных результатов не принес. По словам самого Телеки, сказанным по возвращении в Будапешт словацкому посланнику и тотчас же переданным последним советскому полпреду

²⁸ Там же. С. 374–375.

²⁹ Там же. С. 376. «Тов. Молотов ответил, что Советскому правительству кажется, что основания у Венгрии и Болгарии для претензий к Румынии есть, но Советское правительство не может за них решить вопрос, являются ли их притязания срочными или они могут быть отложены», т. е. позиция вполне корректная.

Шаронову, римские собеседники посоветовали венгерскому премьеру воздержаться от реализации своих ревизионистских планов в отношении Румынии. Венгрии рекомендовано было «ждать!», ждать благоприятного момента. Рим к тому же выдвинул мало-приятное для мадьяр условие — чтобы в районах, на которые те претендовали, было не больше 30 % этнического меньшинства³⁰. Поскольку комитаты с венгерским большинством расположены вдали от трианонских границ, а приграничная полоса заселена в большей мере румынами, чем венграми, то принятие данного условия лишило бы Венгрию всякой надежды даже на возвращение части Трансильвании. В довершение ко всему Муссолини наотрез отказался дать фиксированные в письменной форме обязательства оказать Венгрии военную помощь.

Неуверенность в твердой поддержке союзников по Антикоминтерновскому пакту послужила дополнительным стимулом дрейфа Венгрии в сторону Москвы и стремления добиваться ее благосклонности несмотря на идеологическую несовместимость с социалистическим советским строем, характерную для хортизма с его ярко выраженной антикоммунистической и христианско-национальной идеологией. И потому даже самые незначительные факты, свидетельствовавшие об изменениях в настроении кремлевских правителей, вроде упоминания Венгрии в выступлении Молотова на шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г.³¹, становились поводом для беспокойства в Будапеште. Именно о причинах такой «забывчивости» руководителя советского внешнеполитического ведомства допытывался у Шаронова статс-секретарь венгерского МИД Уллейн-Ревизици 17 апреля 1940 г.

Зато мадьяры с энтузиазмом встретили заявление того же Молотова о том, что «второго Версаля не будет!». На это граф Чаки, венгерский министр иностранных дел, в беседе с Шароновым отреагировал немедленно, поспешив сделать уточняющее венгерскую позицию заявление: «Ни Версаля, ни Трианона. Мы уже заявляли, что ждать до греческих календ не будем; но, если даже победят союзники, то повторяю, мы начнем воевать!»³²

Но до готовности «воевать» было еще очень и очень далеко, и чтобы эти угрозы обрели реальность, должны были произойти еще другие события, главными действующими лицами в которых предстояло быть двум близнецам-антиподам — гитлеровской Германии и Советскому Союзу.

³⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 105. Д. 13. Л. 43.

³¹ Известия, 1940, 30.III.

³² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 27.

После раздела Польши между Советским Союзом и Германией Румыния оказалась вторым объектом, а точнее, жертвой двух тоталитарных держав. С той существенной разницей, что здесь дело обошлось без военных действий. Да к тому же румыны сумели сохранить свою государственность, хотя и в сильно потрепанном виде.

Летом 1940 г. вслед за молниеносным успехом германского «блицкрига» на западе наступил новый этап дестабилизации на востоке континента. Относительная самостоятельность малых наций, зажатых между Германией и СССР, стала еще более прозрачной в результате военного поражения англо-французских сил, когда роль и влияние Запада в Средней Европе и на Балканах приблизились к нулю. Соответственно возросли роль и влияние в регионе Германии и СССР.

Как ни странно, сами правители малых восточноевропейских стран как бы добровольно шли навстречу желаниям сильных соседей и, соревнуясь друг с другом, старались как можно скорее добиться их благосклонности, не считаясь ни с каким ущемлением собственного суверенитета, а позднее и с полным его уничтожением во имя так называемых «национальных» интересов. Мотивы, которыми при этом руководствовались соперничавшие из-за Трансильвании Бухарест и Будапешт, были существенно различны. Если экспансионистские устремления Венгрии, «обиженной» Версалем более, чем любая из проигравших первую мировую войну стран, — в какой-то мере естественны, логичны и поддавались рациональному объяснению, то совершенно иначе обстояло дело с причинами, побуждавшими Бухарест рваться с неменьшим рвением, чем Будапешт, в объятия Гитлера-Муссолини. Если Венгрия, как и Германия, могла добиться осуществления своей национальной программы на путях ревизии, реванша и войны, то, по логике вещей, Румыния, наоборот, должна была бы, казалось, избегать всего этого и держаться подальше от тех сил, которые были заинтересованы в нарушении версальской системы, сделавшей возможной возникновение «Великой Румынии».

Роковой для Румынии исторический момент наступил в конце июня 1940 г., когда разгром Франции и оттеснение Англии за Ла-Манш придали необычайную смелость и прыть трем румынским соседям, выжидавшим удобного случая, чтобы предъявить свои претензии на облюбованные ими куски румынского пирога.

Сигнал к частичному разделу «Великой Румынии» подала Москва. Поздней ночью 26 июня 1940 г. вызванный в МИД румынский посланник Давидеску получил из рук В. М. Моло-

това грозный ультиматум — официальную ноту правительства СССР с требованием *возвращения* Бессарабии Советскому Союзу и «передачи» ему же Северной Буковины, не имевшей никакого отношения ни к Российской империи, ни тем более к Советскому Союзу. На ответ — само собой разумеется, положительный — румынам отводилось ровно 24 часа³³. Ультиматум Молотова, капитуляция Румынии перед советским диктатом и присоединение к СССР вместе с Бессарабией также и северной Буковины, прозвучавшие сигналом для резкой активизации двух других соседей Румынии, у англичан, естественно, вызвали неодобрительную реакцию. Британский премьер-министр У. Черчилль в беседе с советским послом И. М. Майским 3 июля с едва прикрытой издевкой вопрошал: «...что это означает: возврат к империализму царских времен?» И, внимательно выслушав доводы, добавил: «Может быть Вы и правы. Но если Ваши действия даже продиктованы не старым царем, а новым советским империализмом, — что с того, у меня нет возражений». Затем, прозорливый британский премьер, как рассказывает Майский, с усмешкой добавил: «Должно быть, в Берлине не очень довольны Вашей экскурсией в Румынию?»³⁴ И попал, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Не исключено, что благорасположение советского руководства к Венгрии было вызвано, помимо всего прочего, также желанием досадить немцам, при том, что германское господство в среднеевропейском регионе в принципе Кремлем и не оспаривалось. Еще одно тому свидетельство — обоюдные попытки сближения, предпринятые сразу же после завершения Московской бессарабско-буковинской операции.

Пикантность складывавшейся после молотовского ультиматума ситуации заключалась в том, что все три соседние с Румынией государства действовали синхронно, не заключив предварительно никаких, ни явных, ни тайных направленных против Румынии соглашений, скорее всего даже не сговариваясь на этот счет, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам советских архивов. Главное, однако, было не в том. Важен был прецедент. Ибо, как писал советский полпред в Бухаресте, «в первую очередь факт возвращения нам Бессарабии разрушил тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии (добавим от себя: и Болгарии. — *Авт.*) возможность для предъявления своих требований». Почин был сделан. Как говорил венгерский военный атташе в Москве Г. Фараго во

³³ Подробнее см. гл. VII.

³⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 244. С. 409.

время организованного 19 июня 1940 г. в Венгрии просмотра фильма «Петр Первый», «венгры ждут занятия нами Бессарабии, чтобы пойти в Трансильванию»³⁵.

Руководящие политики Венгрии, откровенно демонстрируя чувства удовлетворения и радости по поводу энергичной анти-румынской акции Москвы, не особенно старались в то же время скрыть свое разочарование мирным исходом советско-румынского спора из-за Бессарабии. В особенности же тем, что, уступив ее Советам без боя, не оказав им вооруженного сопротивления, румыны тем самым предупредили венгерское вторжение в Трансильванию и болгарское — в Добруджу.

А ведь план новой трансильванской кампании, разработанный в венгерском генштабе, был составлен именно с расчетом на советско-румынскую войну. В разговорах венгерских политиков, дипломатов и военных с представителями СССР оба мотива — и нескрываемая радость по поводу энергичного выступления Советского Союза против Румынии, и едва скрываемое разочарование по поводу несостоявшейся драки — присутствовали одновременно³⁶.

Урегулирование бессарабского кризиса не сняло напряженности советско-румынских отношений, что и обусловило дальнейшее сближение СССР и Венгрии, причем инициативной стороной в этом процессе, естественно, выступал не утоливший еще жажду приобретений Будапешт. Изъявления чувств дружбы и симпатии к СССР из уст официальных представителей Венгрии после 27 июня 1940 г., когда стало известно о бессарабском ультиматуме Молотова, следовали одно за другим. В середине июля министр иностранных дел «скромно» заметил, что отношения Венгрии с СССР лучше, чем с Румынией и Югославией (даже!). Выступая на заседании парламентской комиссии по иностранным делам, министр иностранных дел умудрился в ходе одного заседания трижды упомянуть о Советском Союзе и все три раза «в чрезвычайно дружественном тоне». Даже в ответ на запрос закарпатского депутата Броди «о пропаганде в Закарпатской Украине в пользу СССР» министр невозмутимо заявил, что он «может только выразить свое удовле-

³⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 64.

³⁶ Там же. Л. 69. «У нас был разработан план войны с Румынией в расчете на то, что Румыния отклонит требование СССР и мы сможем вступить в войну после начала войны Румынии с Вами», — говорил в беседе с советским полпредом председатель комиссии по иностранным делам венгерского парламента, не в меру разоткровенничавшись. См.: Дневник полпреда СССР в Венгрии Шаропова. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. Д. 13. П. 109. Л. 78.

творение венгеро-советскими отношениями»³⁷. Слова эти имели конкретного адресата. Они были предназначены Бухаресту и вполне укладывались в русло дипломатической подготовки захвата Трансильвании. «Венгры очень легко могут заключить союз с СССР», — говорил венгерский министр иностранных дел посланнику Румынии в Будапеште, явно шантажируя собеседника и нисколько не смущаясь ложью, ибо прекрасно знал, что ни одна из сторон к заключению такого союза не готова³⁸.

Впрочем, особой нужды в договорном оформлении союза между СССР и Венгрией не было. Помимо отсутствия такого желания у обеих сторон, подобный шаг был бы чреват непредвиденными осложнениями во взаимоотношениях каждой из них с Германией и Италией. В особенности для Венгрии. Однако соблазн в демонстрации вонне, по крайней мере с целью оказать давление как на Румынию, так и на собственных союзников, у мадьяр летом 1940 г. был как никогда велик. Причина была одна — явное нежелание Гитлера и Муссолини, как мы видели, форсировать превращение в жизнь трансильванских чаяний венгров. В этой ситуации Советский Союз, как представлялось венграм, становился единственной державой, на которую Венгрия могла опираться в данном деле. Ободренная успехом первого удара по территориальной целостности румынского соседа, в начале июля венгерская сторона решила приступить к реализации собственных целей. Все началось с венгерского зондажа в Москве.

3 июля 1940 г., всего через несколько дней после капитуляции Бухареста, правительство Венгрии через своего посланника в Москве Криштоффи обратилось к Советскому Союзу за поддержкой в трансильванской проблеме, думается, не запросив при этом предварительной санкции у Берлина. Криштоффи поставил перед Молотовым вопрос прямо и с явным желанием втянуть СССР в венгеро-румынский конфликт вокруг Трансильвании. «Не может ли» советское правительство, спросил посланник, «повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией». Т. е. речь шла о том, чтобы удержать Белград от попыток выступить в поддержку его союзницы Румынии в случае венгерского нападения на нее. Вопрос был поставлен ребром, без обычных в таких случаях дипломатических экивоков. Он явно не застал врасплох собеседника. Нарком не стал выражать ни удивления, ни возмущения. И в принципе не отклонил не совсем обычную

³⁷ Там же. Л. 77.

³⁸ Там же. Л. 79. Занялся в дневнике Шаропова сделана 25. VII. 1940 г. со слов послашка Словакии.

венгерскую просьбу. Он лишь сказал, сославшись на то, что отношения с Югославией практически еще не установились и не состоялся обмен посланниками ³⁹, что «такое вмешательство с нашей стороны было бы преждевременно» (подчеркнуто нами. — *Авт.*) ⁴⁰.

4 июля состоялась новая встреча. На этот раз инициативу взяла на себя советская сторона. Молотов решил проинформировать правительство Венгрии об отношении к ней Советского Союза. Сделал это в своеобразной, косвенной форме. Сначала он спросил Криштоффи, получил ли Будапешт информацию об этом от правительства Италии ⁴¹. Узнав о том, что посланнику об этом ничего не известно, он изложил советскую позицию. Советское правительство, заявил нарком, «считает свои отношения с Венгрией нормальными; СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии; Сов[етское] пра[вительство] считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания». Далее последовало уже нечто новое. «...такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии», — добавил Молотов ⁴².

Значение последнего заявления состояло в том, что, во-первых, по форме оно напоминало уже определенное обязательство. Во-вторых, оно говорило о готовности СССР участвовать в решении трансильванского вопроса на международной конференции. В-третьих, обязательство было подкреплено однозначным обещанием придерживаться указанной позиции (т. е. признания обоснованности венгерских притязаний) и на предполагаемой конференции. Кроме того председатель Совнаркома предложил заключить с Венгрией выгодный для нее торговый договор о торговле и мореплавании, который был согласован и подписан в рекордно короткие сроки — 3 сентября 1940 г. ⁴³.

Идея созыва международной конференции по трансильванскому вопросу, будучи поддержана другими заинтересованными странами, дала бы положительный результат с точки зрения интересов Венгрии. Но еще больше выгод она сулила Советскому Союзу, ибо участие в подобной конференции сразу выводило бы его в число держав, решавших судьбу Юго-Восточной Европы. На

³⁹ Только ближе к середине июля состоялось вручение верительных грамот послапником Югославии в Москве. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 426.

⁴⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 251. С. 415.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 415-416.

⁴³ Текст договора см. Там же. Док. 354. С. 554-560.

это ни Гитлер, ни Муссолини, конечно, пойти не могли. В конце концов трансильванский вопрос решился именно так, как предлагал Молотов, — то есть на международной конференции. Но без Советского Союза! Произошло это двумя месяцами позднее в Вене и под диктовку фюрера. Но пока, в июле 1940 г., в советско-венгерских отношениях наступил медовый месяц: обе стороны расточали друг другу любезности. Москва с необыкновенной оперативностью выполняла разного рода просьбы и ходатайства венгров.

Словом, все шло хорошо, и оба правительства готовились в спешном порядке обменяться военными атташе. В Будапеште царило отличное настроение и потому, что в течение первой недели июля отпали опасения насчет возможного выступления Югославии в случае конфликта Венгрии с Румынией. Добрые вести приходили и из Софии — о форсированных военных приготовлениях Болгарии (о мобилизации одного корпуса и трех армий), а главное о том, что прошла болгарская боязнь Турции. Так, по крайней мере, считал венгерский министр иностранных дел И. Чаки, несколько приукрашивая картину, ибо на самом деле болгар продолжала по-прежнему беспокоить концентрация турецких войск у болгарской границы. Но несмотря на это 5 июля в беседе с посланником Болгарии в Будапеште Точевым, «который много говорил о Добрудже», благородный граф не задумываясь посоветовал болгарину рекомендовать своему правительству «начинать»...!⁴⁴

Сама Венгрия была, по-видимому, действительно готова ринуться в бой за Трансильванию. В ответ на «заинтересованный» вопрос советского полпреда относительно состояния военных приготовлений Чаки, ничуть не удивившись вопросу и нисколько не таясь, охотно раскрыл перед представителем дружественного соседа государственную военную тайну. Как писал в своем донесении Шаронов, венгерский министр иностранных дел «охотно сообщил», что «мобилизация закончена, что численность армии доведена до 1 миллиона, что сегодня вечером кончаются последние перевозки в связи с перемещением войск и что Венгрия готова начать войну»⁴⁵ (подчеркнуто нами. — Авт.). Далее он сказал, что его страна немедленно начнет войну, «если будет убит хоть один венгр в Трансильвании, ...несмотря на советы наших союзников по оси». Венгерский дипломат «под строжайшим секретом» сообщил о своей вместе с премьером Телеки предстоящей встрече с Гитлером, Риббен-

⁴⁴ Там же. Док. 252. С. 417. Об этом сообщил Шаронову Чаки в беседах с советским полпредом 6–8 июля 1940 г.

⁴⁵ Там же.

тропом и Чиано ⁴⁶. Прозрачный намек на «советы наших союзников по оси» указывал на незаинтересованность союзников Венгрии в возникновении военного конфликта между Венгрией и Румынией. Из сего следует, что в 1940 г. германо-итальянский блок являлся той единственной силой, которая удерживала мадьяр от нападения на румын. Миротворцы из Берлина и Рима делали это во имя войны, той, которая велась на Западе, а еще больше той, что готовилась на Востоке против СССР. В этой грядущей антисоветской войне обеим странам — как Венгрии, так и Румынии — была уготована одинаковая судьба германских сателлитов.

Югославы, как и турки, опасавшиеся исчезновения с карты Балкан Румынии, пытались оказать на Москву умиротворяющее воздействие. Югославию, как и Турцию, перспектива иметь под боком у себя вместо Румынии великую и могучую советскую державу, страшила не менее, чем эвентуальная возможность полного подчинения Румынии Германии. Посол Югославии в Бухаресте А. Авакумович 9 июля в беседе с советским полпредом А. И. Лаврентьевым, коснувшись настойчивых и безуспешных попыток Бухареста улучшить отношения с Советским Союзом, высказал мнение, что «в этом вопросе все *зависит от СССР* (подчеркнуто нами. — Авт.) и любой какой-либо жест со стороны СССР, сделанный с целью показа некоторого внимания СССР к Румынии, мог бы иметь исключительно большие последствия для улучшения отношений между СССР и Румынией». И это спасет ее «от полного подчинения» Германии ⁴⁷. Однако, обнадеживающих жестов от Москвы, насколько нам известно, Бухарест так и не дождался. Таким образом, тучи над Румынией продолжали сгущаться и после того, как она удовлетворила все предъявленные ей Кремлем требования.

Теперь, в новых условиях, возникших в восточной части Балкан после отторжения от Румынии Бессарабии и Северной Буковины, речь, в сущности, могла идти не столько о дальнейших частичных территориальных уступках соседям с ее стороны, сколько о самом существовании Румынии как государства. Именно поэтому 1940 год оказался самым тяжелым в истории Румынии после 1916–1917 гг., когда она была оккупирована войсками центральных держав. В эти жаркие летние месяцы 1940 г. в дипломатических кругах Будапешта, Софии, Бухареста и других европейских столиц все чаще стали поговаривать о предстоящем марш-броске

⁴⁶ Там же. С. 417–418. Совещание руководителей Германии, Италии и Венгрии состоялось 10 июля 1940 г. в Мюнхене.

⁴⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 256. С. 423–424.

Красной Армии на юг, к испокон веков возжеланным черноморским проливам, что должно было подразумевать проход советских войск через Румынию и Болгарию. Разумеется, это были лишь слухи, скорее всего провокационные, и исходили они главным образом от немцев; по-своему в распространении подобных слухов заинтересованы были и мадьяры; не обошлось, вероятно, и без происков сынов осажденного немцами туманного Альбиона, для которых лучшего подарка придумать было нельзя, чем столкновение СССР с Германией. Судить о беспочвенности либо, наоборот, о достоверности этих слухов сегодня так же нелегко, как тогда, в жаркие для румын недели июля сорокового. В полной растерянности от всего этого представители различных стран не раз обращались к советским дипломатам за разъяснениями.

Так поступил и руководитель болгарской миссии в Бухаресте, который поинтересовался 9 июля у дипломатического представителя СССР, «верны ли разговоры, что советские войска не останутся на Пруте»⁴⁸. Как бы то ни было, обложенные с трех сторон далеко не дружественными соседями, румыны должны были считаться и с подобными слухами. Между тем убедительных доказательств отсутствия у СССР агрессивных намерений Румыния не получала по-прежнему, что неизбежно должно было привести, с одной стороны, к возрастанию страха, а с другой — к дальнейшему ее сближению с державами оси.

16 июля на встрече в Бухаресте с Лаврентьевым посол Югославии Авакумович вновь вернулся к своей излюбленной теме о «жесте». Такой жест, говорил югослав, необходим для того, чтобы показать румынам, что им «нечего бояться Советского Союза», и чтобы «парализовать усиливающееся влияние Германии на Румынию». Ответ на эти вполне разумные советы был достоин дисциплинированного советского чиновника от дипломатии. В таких случаях, заметил высокомерно полпред, «в сближении более заинтересована малая страна. Пусть у руководителей такой страны болит голова за сохранение независимости своей страны. Нет необходимости доказывать мирную политику Советского Союза какими-то мелкими жестами»⁴⁹. С аналогичной просьбой к советскому представителю неоднократно обращался и турецкий дипломат⁵⁰.

⁴⁸ Там же. С. 424.

⁴⁹ Там же. Док. 269: С. 438.

⁵⁰ Посол Турции в Бухаресте Танривер, человек весьма сведущий и не лишенный аналитических способностей, в беседе с полпредом СССР, говоря о симпатиях в румынском обществе к Западу и антипатиях к Германии, подчеркивал вынужденность проводившейся румынским правительством внешней политики. «Сама Румыния идет на сближение с Германией только потому, что опасается СССР. Если бы

В подобного рода предупреждениях югославского и турецкого дипломатов полпред все же узрел «долю истины», которая, по его мнению, заключалась в том, что «имеется определенная часть румынской буржуазии, которая недовольна усилением Германии в Румынии, вытесняющим решительно англо-французское влияние»⁵¹. Последнее глубокомысленное замечание, наверное, было бы вполне уместно в какой-нибудь газетной статье, а не в доверительном донесении мидовскому начальству, которое, надо полагать, нуждалось в серьезном анализе ситуации вокруг Румынии, а не в пропагандистских штампах. Таким образом, румынам практически не оставалось иного выхода, как все глубже втягиваться в орбиту германской политики. 2 июля румынский король Кароль в личном послании Гитлеру попросил его о сотрудничестве и о германских гарантиях неприкосновенности Румынии. В свою очередь это обуславливало венгерские поиски поддержки на востоке.

С другой стороны, было так же очевидно, что Германия вряд ли была готова отдать свою верную и стратегически более важную, нежели Венгрия, румынскую союзницу на съедение мадьярам, тем более в союзе с русскими. Поэтому она всячески оттягивала урегулирование трансильванского спора. Ей было необходимо сохранить Румынию в качестве поставщика стратегического сырья и как будущего союзника против СССР. И в то же время не слишком раздражать нетерпеливую Венгрию. Этими трудно согласуемыми друг с другом целями руководствовалась германская дипломатия в течение всего венгеро-румынского конфликта, вплоть до самого Венского арбитража, т. е. до конца августа 1940 г. Пытаясь умаслить мадьяр и сбить их боевой задор, в июле-августе сорокового она предприняла ряд маневров с целью предотвратить открытый конфликт между двумя своими союзниками и не дать возможности Москве стать арбитром в их территориальном споре. Сначала немцы попытались добиться своей цели обещанием некоторых территориальных уступок Венгрии за счет Румынии, но... после окончания войны. Ни то, ни другое, — ни неопределенность размера обещанной территории, ни сроки реализации данного обещания — мадьяр категорически не устраивали⁵². Итоги

Советский Союз дал какой-либо знак, уверенность, что такой опасности не существует, антигерманские построения и тенденции выразились бы гораздо ярче» (выделено нами. — Авт.). См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 273. С. 443-444.

⁵¹ Там же. Док. 269. С. 438.

⁵² Между тем болгары с завистью взражали, как за мадьярами ухаживали Рим-Берлин и Москва, по-своему, разумеется. Послашик Болгарии в Бухаресте Чокма-

важной трехсторонней германо-итальяно-венгерской встречи в верхах в Мюнхене 10 июля были для них явно неутешительны. На ней, по словам руководителя бюро Риббентропа Клейста, «аппетиты Венгрии пришлось урезать и отложить удовлетворение их на более позднее время»⁵³. Радикальное решение трансильванской проблемы откладывалось на неопределенное время и, судя по всему, надолго.

Такая позиция «оси» толкала венгров на сближение с Москвой, а румын в объятия немцев. В глазах нацистских руководителей мадьяры с их непомерными амбициями становятся чем-то вроде обузы, словом, неудобным союзником, территориальные их притязания к Румынии — чрезмерными и, по словам руководителя бюро Риббентропа, «несправедливыми», «далеко идущими»⁵⁴.

Свидетельством усиливавшегося недовольства Гитлера венгерским своим союзником стало совещание высших руководителей Германии, Болгарии, Румынии и Словакии в австрийском городе Зальцбурге 28 июля 1940 г., на которое не была приглашена Венгрия — единственная из стран, непосредственно причастных к стоявшим в повестке дня встречи вопросам! Румынам был дан совет уступить «обоснованным требованиям» болгар (в вопросе о Южной Добрудже), словакам — отложить свои территориальные притязания к Венгрии до окончания войны, Болгарии, Румынии и Венгрии (косвенно) — решить свои споры мирно, путем двусторонних переговоров.

31 июля у Молотова состоялся обстоятельный разговор на эту тему с Шуленбургом. Прослушав достаточно подробную и в меру откровенную информацию последнего, советский руководитель в 4-х пунктах резюмировал итоги состоявшихся в Германии переговоров по балканскому узлу противоречий, при этом расставив акценты по-своему:

1. Первое и самое главное — «Германия не участвует как *арбитр* в будущих переговорах между Румынией, Венгрией и Болгарией» (выделено нами. — *Авт.*).

2. «Германия дала Венгрии совет сделать *разумное предложение*, то есть Германия считает требования Венгрии преувеличен-

ков жаловался полпреду СССР, что вопрос о «возвращении Добруджи» пока не сдвинулся с места, в то время как мадьяры получили некоторые заверения со стороны Германии о возвращении Венгрии части Трансильвании после окончания англо-германской войны. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 256. С. 424.

⁵³ Там же. Док. 263. С. 433. Телеграмма полпреда СССР в Германии А. А. Шварцева 12 июля 1940 г.

⁵⁴ Там же. Док. 265. С. 435. Телеграмма Шварцева 13 июля 1940 г.

ными и рекомендует их сократить и договориться с Румынией по ним» (выделено нами. — *Авт.*).

3. «Германия дала совет Румынии уступить и договориться как в отношении Венгрии, так и Болгарии».

4. «В отношении Южной Добруджи Германия дала совет Румынии уступить ее Болгарии»⁵⁵.

Из всего, что было сказано в ходе беседы, совершенно ясно вытекает, что больше всего советскую сторону интересовал вопрос об арбитраже, то есть опасное для СССР усиление позиций фашистской Германии в неоккупированной части Европы, в регионе, где все еще сохранялось советское влияние. Вот почему категорическое заявление посла Шуленбурга о том, что германское правительство «не претендует на роль арбитра», не устранило полностью подозрений главы советского правительства как насчет арбитража, так и дальнейших намерений германского руководства.

Между тем происшедшее в июле 1940 г. ужесточение позиции «третьего рейха» в отношении Венгрии и открытое германское неодобрение масштабов венгерских требований к Румынии ясно проявились в этом разговоре Шуленбурга с Молотовым, когда посл в категорической форме констатировал, что о передаче всей Трансильвании не может идти речь. В Берлине к этому времени сложилось свое представление об основных принципах урегулирования трансильванского вопроса, главным из которых был обмен населением, а не присоединение всей или большей части края к Венгрии. Немецкий план исходил из того, что венгерское население, проживавшее в отдаленных от венгерской границы районах Румынии должно быть переселено поближе к границе с Венгрией с некоторыми несущественными исправлениями границы в ее пользу.

На основании информации, поступавшей по разным каналам к представителям СССР о результатах июльских совещаний у фюрера, у них постепенно складывалось впечатление, что намечавшееся державами «оси» решение спора по Трансильвании «будет не в пользу Венгрии». На Гитлера «произвело определенное впечатление, когда румыны показали старую этнографическую карту». Рассказавший об этом эпизоде Фабрициус, германский посол в Бухаресте, высказывая, как бы свое личное, мнение, заявил советскому дипломату, что «поддерживает позицию Румынии урегулировать румыно-венгерские отношения уступкой небольшой пограничной полосы и переселением туда 450 тысяч венгров»⁵⁶.

⁵⁵ Там же. Док. 291. С. 467.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 26.

И реакция фюрера была в данном случае вполне естественной. Никакая этнографическая карта, как бы она тенденциозна ни была (причем в любую сторону!), не могла скрыть того факта, что между трианонской границей Венгрии и «землей секеев», расположенной далеко от нее на юго-востоке и примыкавшей вплотную к Валахии и Молдове, лежала широкая полоса населенных румынским большинством трансильванских земель. Не учитывалось при этом наличие, помимо безусловно важного этнического фактора, фактора исторического, осложнявшего арифметическую простоту численного соотношения двух народов края, и их куда более сложным географическим расположением, созданным по воле истории. И эту «ошибку истории» собирались исправить люди, которые задумали установить в Европе «новый порядок». «Урегулировать» подобным образом румыно-венгерские отношения по румынскому рецепту и с благоволения имперской канцелярии Гитлера было весьма проблематично, поскольку этот рецепт оставлял под господством Румынии большинство венгерского населения Трансильвании. К тому же он был абсолютно неприемлем для Венгрии, с позицией которой в 1940 г. приходилось считаться и самому фюреру.

К тому же, налицо было по меньшей мере совпадение интересов Москвы и Будапешта в румынском вопросе, а в известной мере также и в их отношении к Германии. Немцев не могло не беспокоить то обстоятельство, что обе страны подчеркнуто демонстрировали согласие почти что на уровне близком к «сердечному». А слухи были того крепче. В начале августа, например, в Будапеште было много разговоров о том, что Советский Союз, «наладив сейчас хорошие отношения с Венгрией, толкает Венгрию против Румынии, с тем, чтобы при войне Венгрии с Румынией получить себе еще какие-нибудь территории от Румынии»⁵⁷.

Документальных доказательств тому, что рассказывал югославский посланник советскому полпреду, аккуратно излагая эти слухи, разумеется, нет и сегодня. Но напряженность во взаимоотношениях СССР с Румынией, с одной стороны, и близость его с Венгрией, с другой, ни для кого уже не являлась секретом. Таким образом, Берлин имел лишнее дополнительное основание торопиться с решением трансильванского вопроса. Справедливости ради отметим, что и он оказался перед отнюдь не легким выбором — решить головоломнейший ребус без чересчур чувствительного ущемления вовлеченных в конфликт сторон и не оттолкнуть при этом от себя ни одну из них. Сравнительно легко и довольно быстро раз-

⁵⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 304. С. 478. Беседа Шаронова с посланником Югославии в Венгрии С. Рашичем 6 августа 1940 г.

решилась болгаро-румынская тяжба, и при этом «важнейшую роль сыграло именно то, — писал полпред Лаврентьев из Бухареста, — что Германия *решилась предложить* Румынии уступить Болгарии Южную Добруджу».⁵⁸ (выделено нами. — Авт.).

Гитлер, однако, никак не мог, да и не хотел, так же «решительно предложить» той же Румынии, лишившейся не без его помощи Бессарабии и части Буковины, отдать вдобавок еще и жемчужину румынской короны — Трансильванию. Это было бы слишком даже для фюрера, имевшего к тому же особые виды на Румынию в связи с грядущей агрессией на востоке. По мере развертывания румынского кризиса все отчетливее стали вырисовываться контуры нацистского плана дипломатической подготовки войны против России. Как писал в Москву советский полпред в Бухаресте Лаврентьев, преподнеся в «дар» Болгарии Южную Добруджу, Германия «хотела „онемечить“ болгарское общественное мнение и ослабить симпатии болгарского народа к Сов[етскому] Союзу»⁵⁹. Еще более категорично были сформулированы его оценки по поводу румынской политики Берлина. Перечисляя цели, которые ставила перед собой «Германия, вставая на сторону Румынии в вопросе венгерских притязаний», Лаврентьев отмечал: «Сохранить румынское государство как более мощное государство, рассматривая его как *возможный плацдарм против Сов[етского] Союза* и как плацдарм для дальнейшего проникновения на Балканы»⁶⁰. В донесении отмечалась также бурная германская активность в самых различных сферах жизни Румынии, от экономики до идеологии и культуры, прогерманская позиция румынских газет и т. п. «Румынская политика по отношению к СССР, — констатировал посланник, — будет исходить: а) из общей политики стран „оси“ по отношению к Сов[етскому] Союзу, б) из некоторой боязни, как бы Советский Союз не захотел использовать те осложнения, которые могут появиться между Румынией и Венгрией при разрешении территориального спора...»⁶¹.

Под нарастающим германским нажимом в первой половине августа между румынами и мадьярами состоялись первые контакты. Сразу же выявилась принципиальная несовместимость исходных позиций сторон. Румынскому предложению принять за основу будущих переговоров обмен населением Венгрия противопоставила территориальный принцип, как кардинальный метод решения спорных вопросов. Мадьяры не скрывали, что они будут до-

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 273. Л. 26.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 27.

⁶¹ Там же. Л. 29.

бываться всей Трансильвании, а если не удастся, обширных территориальных уступок, «после которых можно будет говорить об обмене населением». Румыны, напротив, соглашаясь на незначительные исправления границы на северо-западе, в районе города Арад, упор делали на обмен населением. Давая оценку ситуации в письме Молотову, советский полпред в Бухаресте с полным основанием предсказывал «большие трудности» в предстоявших переговорах. «Как видно, — доносил он Молотову, — расхождения на сегодняшний день настолько велики, что можно сомневаться в благоприятном исходе этих переговоров»⁶².

Так оно и случилось. Немцам хотя и удалось посадить двух своих непримиримых союзников за стол переговоров, проходивших в румынском городе Турну-Северин с 16 по 24 августа 1940 г., но большего добиться им не удалось. Примирение не состоялось. Уже сам состав венгерской делегации, в которую помимо руководителя делегации дипломата А. Хори входило в основном высшее армейское руководство Венгрии (начальник оперативной группы венгерского Генштаба генерал Надай, начальник II Отдела Генштаба полковник Уйсаси и др.), по мнению советского полпреда в Венгрии Шаронова, не давал возможности «говорить о серьезной уверенности у венгров договориться мирным путем»⁶³. В письме к замнаркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозову 17 августа 1940 г. полпред выражал сомнение в благоприятном исходе переговоров⁶⁴. Причины очевидны. Магьяры хотели слишком много — они потребовали возвращения всей Трансильвании. Румынская делегация, которую возглавлял трансильванец В. Поп, предлагала Венгрии лишь незначительное исправление границ в ее пользу с последующим обменом румынского и венгерского населения. Румыния, избавленная благодаря уступке Южной Добруджи Болгарии от угрозы борьбы сразу на два фронта и имея за спиной мощную, как ей казалось, поддержку Германии, на двусторонних переговорах в Турну-Северине чувствовала себя достаточно уверенно. Румынская позиция также не давала надежд на компромиссное решение территориального спора. Венгры занервничали. «Чрезвычайно большую подозрительность и возмущение вызывает у венгров тактика Румынии, — писал полпред Шаронов в Москву 17 августа, — направленная, как понимается здесь, к тому, чтобы, удовлетворив Болгарию Южной Добруджей, оставить только одного противника — Венгрию, имея в этом случае в перспективе или

⁶² Там же. Л. 25–26.

⁶³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 326. С. 519.

⁶⁴ Там же. С. 518.

только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе»⁶⁵.

Переговоры зашли в тупик. Венгры заявили, что их дискриминируют. Как отмечал впоследствии тогдашний министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску, венгры требовали, чтобы «мы отдали им всю Трансильванию, так же, как мы отдали СССР всю Бессарабию»⁶⁶. Площадь же уступаемых Румынией Венгрии территорий не превышала одной десятой венгерских территориальных претензий и представляла собой узкую пограничную полосу. Переговоры по инициативе венгерской стороны временно были прерваны. Делегации разъехались для консультаций со своими правительствами. Следующая встреча должна была состояться после ознакомления каждого из правительств с позицией партнера по переговорам⁶⁷.

В то же время каждая из сторон пыталась заручиться поддержкой Германии. В свою очередь Германия, так же как и Италия, все же стала склоняться поддержать требования Венгрии и не доводить дело до военного конфликта. 18 августа 1940 г. министр иностранных дел Венгрии И. Чаки получил от венгерского посланника в Берлине шифротелеграмму о том, что Румынии под нажимом Германии не останется ничего другого, как пойти на уступки Венгрии. Поэтому Чаки рекомендовал главе венгерской делегации А. Хори вести в Турну-Северине переговоры об обмене населения лишь после того, как будет достигнуто соглашение о новой линии границы⁶⁸. Дальнейшие переговоры, начавшиеся 19 августа, также ни к каким результатам не привели. 25 августа было опубликовано коммюнике, представленное венгерской и румынской делегациями средствам массовой информации, о ходе переговоров в Турну-Северине. В нем говорилось: «Ввиду того, что было невозможно найти общую базу для соглашения, переговоры по просьбе венгерской стороны считаются закрытыми»⁶⁹.

Буквально на следующий день после того как делегации разъехались, правительство Венгрии вновь обратилось за помощью к

⁶⁵ Там же. С. 519.

⁶⁶ *Manoilescu M. Dictatul de la Viena. Memorii iulie — august 1940. București, 1991. P. 159.*

⁶⁷ См.: *Пушкаш А. И.* Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 — апрель 1941 г.) // *Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июль 1941) / Отв. ред. Л. Я. Гибянский, С. З. Случ. М., 1992. С. 73.*

⁶⁸ Там же. С. 74.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 22. Д. 35. П. 20. Л. 155.

Москве, добиваясь продажи советских военных самолетов, а также обязательства советского правительства не выводить войск из приграничной с Румынией зоны, с тем, чтобы Румыния не могла перебросить свои войска на северо-запад против Венгрии. Вразумительного и обязывающего ответа от Молотова посольству Венгрии добиться не удалось. Несмотря на это разочарование приготовления к походу в Трансильванию не были прекращены: под ружье были поставлены еще три армейских корпуса, получившие боевой приказ быть готовыми к выступлению 29 августа. Однако допустить войну между своими союзниками старшие партнеры, Германия и Италия, не могли ни при каких обстоятельствах. Фюрер очень торопился: на носу расправа с Югославией, а времени на уговаривание заупрямившихся вдруг румын и венгров не оставалось. Трансильванский узел надо было разрубить как можно скорее. Время дипломатии кончилось, наступило время диктата. Прикрытием ей должен был служить третейский суд — арбитраж, форма удобная и однажды уже успешно испробованная. Местом его проведения была избрана все та же Вена. В роли арбитров выступали нацистский министр иностранных дел И. Риббентроп и его итальянский коллега Г. Чиано.

То, что происходило в Вене в эти два дня (29–30 августа), мало чем напоминало арбитраж в обычном понимании, ибо не было там никаких переговоров, а был голый, ничем не прикрытый, диктат. Самозванные арбитры Риббентроп и Чиано нагло и бесцеремонно вели себя со своим румынским коллегой, который толком-то и не представлял, зачем он собственно вызван. Известно было ему лишь то, что разговор пойдет о трансильванских делах. И больше ничего. Во дворце Бельведер министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску был проинформирован, что ему предстоит подать ходатайство об арбитраже для решения спора вокруг Трансильвании. Едва он успел выполнить предписания хозяев, как на столе появилась карта, разделившая Трансильванию на «два куска линией, вонзившейся в самое сердце Карпат».

Согласно арбитражному решению, к Венгрии отошли северная и северо-восточная части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. кв. км с населением более 2,5 млн. тыс. человек, из которых более 1 млн. были румыны. Почти полмиллиона венгров остались в южной Трансильвании, т. е. в Румынии, что подчеркивало практическую невозможность совмещения этнических границ с государственными в условиях чрезмерно высокой чересполосицы расселения.

В справке, составленной экспертами НКВД СССР в 1943 г. («Румыно-венгерские противоречия»), справедливо подчеркнуто:

«Достоверных данных о национальном составе этой части Трансильвании не имеется». И приводились следующие данные: население, проживавшее на отошедших к Венгрии территориях, составляло 2.394.657 чел., из которых 1.167.466 чел. (48,7 %) были румыны и 1.005.946 чел. (42,0 %) — венгры⁷⁰.

Под иноземной властью в разных частях Трансильвании оказались сотни тысяч румын и мадьяр, а проводившаяся обоими государствами дискриминация по национальному признаку приняла ввиду ожесточения отношений чудовищный размах и безобразные формы. Настолько, что началось повальное бегство румын из Венгрии, а мадьяр из Румынии. В этих условиях не могло быть и речи о каком бы то ни было восстановлении поправленных прав или исторической справедливости. По оценке экспертов НКВД, новая граница с легкой руки арбитров преднамеренно и с явным умыслом была проведена таким образом, что она заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов: отделение городов от пригородов, разрыв железнодорожных и шоссейных дорог, раздел частных владений, очутившихся по обеим сторонам границы, и невозможность их обработки в силу установленного жесткого пограничного режима и т. д. Поразительно, что ущемленной и обиженной считала себя не только Румыния, лишившаяся солидного куска территории с жизненно важными для ее народного хозяйства источниками минерального сырья, но и Венгрия, получившая эти территории. К ней отошли главным образом аграрные районы, а высокоразвитые индустриальные зоны южной Трансильвании и Баната Гитлер оставил в Румынии, дабы избежать ослабления венгерской зависимости от германской промышленности. В выигрыше оказалась прежде всего Германия.

Однако необходимо отметить, что в период подготовки и проведения Венского арбитража Германия отлично разыграла «русскую карту».

Летом 1940 г., когда вопрос о принадлежности Трансильвании стал под нажимом держав оси предметом международного торгова, произошло новое резкое ухудшение советско-румынских отношений. Как никогда ранее — то есть даже накануне советского ультиматума относительно Бессарабии — участились пограничные инциденты между СССР и Румынией: обстрелы военных постов и мирных поселений, облет военными самолета-

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 12. В других справках, подготовленных в аппарате НКВД СССР, приводятся другие данные. АВП РФ. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 4.

ми приграничных районов и т. д. Эти явно провокационные инциденты, по словам газеты «Правда» от 9 сентября, были «использованы для распространения ложных слухов о том якобы, что СССР готовит нападение на Румынию, что Румынии угрожает военный разгром, а посему единственный де способ спасения для Румынии — отдать часть Трансильвании и получить гарантии»⁷¹. В свою очередь Венгрия готовила план войны против Румынии в расчете на советско-румынский конфликт⁷², ибо для всех, кто имел хоть малейшее представление о соотношении сил двух конфликтовавших стран, было очевидно, что одна Венгрия не в состоянии учинить Румынии «военный разгром», а в дипломатических кругах как непосредственно заинтересованных стран, так и заинтересованных косвенно, например Турции, этот разгром упорно связывали с одновременным совместным ударом по Румынии трех соседей — СССР, Венгрии и Болгарии. На этом фоне немцы продолжали настойчиво шантажировать румын угрозой нового советского нападения. «Довод, будто бы русские готовы вступить в Молдавию, — писал позже бывший румынский посол в Москве Гафенку, — сыграл через несколько дней в Вене важную роль...»⁷³.

В кругах дипломатического корпуса в Москве поговаривали даже, что «Советы, не колеблясь, согласились содействовать успеху арбитража, угрожая румынам опасностью русского вторжения, чтобы ослабить их сопротивление»⁷⁴. Эта версия ничем не подкрепляется, тем более что, как видно из документов, советская сторона не была осведомлена о предстоящем арбитраже в Вене⁷⁵. Но объективно советское поведение оказалось далеко не последним аргументом, склонившим Бухарест к уступчивости. 29 августа, в день прибытия Манойлеску в Вену, в Москве румынский посол Гафенку в три часа пополудни попросил аудиенции у замнаркома иностранных дел В. Г. Деканозова, но получил категорический отказ. Однако вечером того же дня уже сам Деканозов пригласил посла в НКИД, причем буквально заставил его явиться уже в полночь, а когда тот прибыл, то вручил вербальную ноту угрожающего содержания

⁷¹ Правда, 9. IX. 1940.

⁷² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 74.

⁷³ *Gafenco G. Préliminaire de la guerre a l'Est. De l'accord de Moscou 21 aout 1939 aux Hostilites en Russie (22 Juin 1941). Paris, 1944. P. 77.*

⁷⁴ *Ibid.*, P. 78–79.

⁷⁵ См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546–547; Док. 367. С. 583–584; Док. 394. С. 615–616, 618, 620; Кн. 2. (Ч. 1). Док. 511. С. 65, 69, 70; Док. 512. С. 76, 77; Док. 625. С. 264, 265; Док. 655. С. 364.

по поводу пограничных нарушений, спровоцированных, по мнению НКВД, румынской стороной⁷⁶. Инцидентов было не счесть и в предшествующие недели и месяцы, но они не служили поводом столь энергичного демарша, как в этот тяжелый для румын день. Трудно сказать, что было причиной советского решения действовать именно таким образом, но в результате в ночь с 29 на 30 августа, когда коронный совет в Бухаресте решал трансильванский вопрос («за» проголосовало 19 членов коронного Совета, «против» — 10 и 1 воздержался), премьер Джигурту сообщил присутствующим со ссылкой на информацию из Берлина, что в случае отклонения арбитражного германо-итальянского ультиматума Румыния подвергнется нападению со стороны Венгрии и СССР⁷⁷. Получив положительный ответ румынского правительства, Риббентроп и Чиано заявили, что Германия и Италия начиная с 30 августа 1940 г. гарантируют неприкосновенность границ румынского государства, о чем было объявлено в совместно обнародованной 31 августа 1940 года декларации Гитлера и Муссолини. Как отмечал, описывая позже эту историю, Гафенку, гарантии означали, «что от линии Прута и Нижнего Дуная, где остановилась Россия, начиналась зона германского влияния, в которой никакое постороннее влияние не может быть терпимо. Именно таким образом гарантия была истолкована в Москве»⁷⁸.

Венское решение, принятое без участия и даже без всякого предварительного уведомления советской стороны, фактически за ее спиной, явилось неожиданностью для Кремля. Активную роль Гитлера в разрешении румыно-венгерского конфликта и сам «характер арбитражного решения в Вене» в Москве расценили как шаг к осуществлению германских «планов продвижения к Черному морю и к проливам», «к полному подчинению стран Дунайского бассейна германскому влиянию»⁷⁹. «Германия, принимая решение передать Венгрии часть Трансильвании, клинообразно влезавшую в Румынию, почти до Брашова, исходила из своей цели последовательного экономического и политического подчинения Румынии и создания из Румынии и венгерской Трансильва-

⁷⁶ *Gafenco G. Op. cit. P. 78.*

⁷⁷ *Manoilescu M. Op. cit. P. 228–229; АВП РФ. Ф. 0125, Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 75, 129; Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Л. 273. Л. 31.*

⁷⁸ *Gafenco G. Op. cit. P. 78.*

⁷⁹ Так писал по свежим следам событий заведующий Ближневосточным отделом МИД СССР Н. В. Новиков 2 сентября 1940 г. в дописании на имя заместителя наркомма В. Г. Декавцова. Дописание было затем направлено Молотову. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 275. Л. 5.

нии военного плацдарма против Советского Союза и для продвижения к Черному морю», — писал полпред СССР в Бухаресте Лаврентьев Молотову 17 сентября 1940 г. Он также подчеркивал, что «Румыния рассматривается Германией как важнейший плацдарм против Советского Союза и как важнейший стратегический пункт, приближающий Германию к Черному морю и проливам»⁸⁰.

Еще больше встревожила советских руководителей поступившая к ним конфиденциальная информация о перевооружении румынской армии, а также о приглашении правительством И. Антонеску в страну германских войск и военных инструкторов для переобучения армии. После некоторых раздумий советские дипломаты в Бухаресте пришли к заключению, что причиной непонятных тогда шагов румын является не иначе как «обещание со стороны Италии и Германии, что после перевооружения румынской армии с помощью держав «Оси», Германия и Италия приложат все силы к тому, чтобы возвратить Румынии утраченные области»⁸¹, т. е. Бессарабию и Северную Буковину.

Играя на противоречиях между Венгрией и Румынией, нацистская Германия сумела довольно прочно привязать к себе обе страны. Трансильвания и после Венского арбитража продолжала оставаться «яблоком раздора» в румыно-венгерских отношениях. Каждая из сторон надеялась в недалеком будущем решить территориальный спор в свою пользу. Гитлер, в свою очередь, делал многообещающие намеки правительствам как Румынии, так и Венгрии на возможность приращения территорий каждой из стран, в том числе за счет дальнейшей перекройки Трансильвании, требуя взамен верность «третьему рейху».

Венский арбитраж также показал, что произошли очевидные изменения в советско-германских отношениях. К осени 1940 г. можно было констатировать, что Германия откровенно стала игнорировать договоренности, подписанные с СССР в августе 1939 г. по пакту Молотова-Риббентропа. Хотя договор включал статью о взаимных консультациях между Германией и СССР по вопросам, затрагивающим интересы обеих стран, Венский арбитраж был проведен без ведома советских руководителей, за их спиной. Об этом в достаточно жесткой форме заявил 31 августа 1940 г. Молотов в беседе с Шуленбургом: «Германское правительство нарушило эту статью, не проконсультировавшись с Советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы СССР, т. к. дело идет о

⁸⁰ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 32, 38.

⁸¹ Там же.

двух пограничных Советскому Союзу государствах. Между тем вопреки договору Германское правительство не консультировалось по этому вопросу с Советским правительством, а только поставило его в известность о свершившихся фактах, т. е. ограничилось последующей информацией»⁸². Оправдываясь, Шуленбург ответил, что, «по его мнению, отсутствие консультации с СССР в данном вопросе может быть объяснено только большой поспешностью в его решении»⁸³. Посол лукавил. Безусловно, причина крылась не в спешке, с которой был проведен Венский арбитраж. Просто к этому времени Германия перестала считаться с советским руководством. Произошло существенное изменение баланса сил в Юго-Восточной Европе в ее пользу. Германия уверенно расширяла свой контроль над восточноевропейскими странами, в то время как попытки Советского Союза усилить свое влияние в регионе не приносили существенных результатов.

Введение в октябре 1940 г. германских войск в Румынию, гарантии, предоставленные ей Германией, создали барьер на пути продвижения СССР на Балканы. Гитлер, пристегнув к себе Румынию и Венгрию, получил в свое распоряжение важный плацдарм для нападения на Советский Союз.

⁸² ДВП. Т. XXIII. Кп. 1. Док. 348. С. 546.

⁸³ Там же. С. 547.

Глава VII

Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий

Среди восточноевропейских государств Румыния на первом этапе второй мировой войны, пожалуй, в наибольшей после Польши мере оказалась в перекрестье силового воздействия, с одной стороны, Германии, с другой — Советского Союза. Внешнеполитические коллизии, сложившиеся для страны в этот период, во многом были связаны с теми проблемами, которые еще с предвоенного времени возникли и оказывали существенное воздействие на ее международное положение.

Проблемы внешней политики, проводившейся Бухарестом в конце 1930-х годов, многократно рассматривались в исторической литературе. При этом имели место различные интерпретации. Что касалось советской историографии, то достаточно много и усердно в ней писалось о румынской «игре на двух столах» европейской дипломатии, причем в оценках делался акцент прежде всего на антисоветской направленности внешнеполитического курса румынской монархии, склонившейся накануне войны к диктатуре и фашизму. Объяснение антисоветизма политики Бухареста не вызывало у отечественных авторов разночтений при анализе доступных для того времени румынских и советских документов: Бессарабия — вот камень преткновения неурегулированности отношений между Румынией и СССР на протяжении всего межвоенного периода.

Распространенный стереотип представлений о склонности Румынии к «игре на двух столах» основывался на метаниях румынской дипломатии в поисках поддержки как западных держав — Англии и Франции, так и Германии. При этом версия о «двух столах» или двух дипломатических «картах» Бухареста упрощенно игнорирует такие немаловажные факторы европейской политики предвоенного десятилетия, как союзнические договоры Малой и Балканской Антант, сложившиеся с участием Румынии и обеспечивавшие условия коллективной безопасности в регионе. С другой стороны, для доказательства воинственного антисоветизма румынской политики обычно подчеркивается негативное влияние румыно-польского договора 1921 г. на отношение Бухареста к СССР.

Если однозначно согласиться с господствовавшим долгое время в нашей историографии тезисом о том, что королевская Румыния

использовала в своей игре на обоих полях антисоветскую карту, желая обеспечить гарантиями обеих сторон неприкосновенность прежде всего своей восточной границы и устранить превентивную угрозу СССР вернуть Бессарабию, то, рассуждая в этих противоречивых координатах, сложно найти ответ на вопрос, стоявший перед советской дипломатией во второй половине 30-х годов: на каких условиях, на какой базе могло бы сложиться советско-румынское сотрудничество с целью подключения Румынии к общему с Москвой фронту борьбы против фашистской агрессии? Более того, в этом лабиринте драматических противоречий нельзя не учитывать и такой фактор, как заигрывание Москвы с Берлином, советско-германские договоры и тесные экономические связи вплоть до последней мирной ночи накануне германского нападения на СССР: это ли не убедительный для Румынии, при ее нерешенных пограничных проблемах аргумент в пользу того, чтобы прагматически использовать заинтересованность гитлеровской Германии в румынских ресурсах?

Расширившаяся в последние годы документальная база (наряду с новейшими публикациями по данной теме в российской и румынской историографиях) помогает современному исследователю отказаться от устоявшихся идеологизированных стереотипов в анализе внешнеполитического курса Румынии на ключевых этапах разраставшегося европейского конфликта.

Новый свет на предысторию нормализации и сближения в советско-румынских отношениях проливают документы, связанные с деятельностью и — в определенной мере — с личными взаимоотношениями руководителей дипломатических ведомств обеих стран М. М. Литвинова и Н. Титулеску. Их сотрудничеству во многом поспособствовало взаимопонимание при выработке в мае 1933 г. проекта международной конвенции об определении агрессии. Титулеску усердно отстаивал предложенный Литвиновым советский проект, а последний, в свою очередь, согласился принять румынское предложение о том, что под территорией государства конвенция признает «территорию, на которой государство фактически осуществляет власть». Не жалея усилий, Титулеску убеждал своих коллег по Малой Антанте и делегатов конференции по разоружению в ценности советского документа для европейского мира и особенно для налаживания «мирных отношений с соседями»¹.

Обращаясь к Литвинову после подписания в числе первых этой конвенции, Титулеску подчеркнул свою надежду на будущее

¹ Archiva Ministerului afacerilor externe (Далее — АМАЕ). Fond 71 URSS. V. 83. F. 59-60.

развитие двусторонних отношений: «Соглашение, которое я сегодня подписал, имеет особое значение для моей страны. Оно означает первый и значительный этап пути, который ведет к нормализации наших отношений»². Как свидетельствовал сам Титулеску в своей строго конфиденциальной телеграмме в МИД Румынии из Лондона 19 июля 1933 г., Литвинов также признавал особое значение конвенции для отношений СССР и Румынии. В присутствии министра иностранных дел Турции Литвинов якобы заявил: «Я знаю, что, подписывая это соглашение, я подарил Вам Бессарабию. Если я не могу признать это официально, то только из-за трудностей, которые будут у меня с нашим общественным мнением, особенно на Украине. Потому что я беру обязательство, что против Бессарабии никогда не совершится агрессия и что вопрос о ревизии не будет ставиться не только потому, что СССР не является членом Лиги Наций, но и потому, что мы в принципе против ревизии границ, поскольку это означало бы войну, а какими же еще средствами мы могли бы вернуть Бессарабию?». Я ответил Литвинову, — продолжал Титулеску, — что Бессарабия подарена нам Богом, а не им. И мы согласились потом оба, что самое лучшее — не говорить совсем о Бессарабии»³.

Как подтвердил впоследствии и Литвинов, действительно, между ним и Титулеску «было молчаливое согласие не касаться вопроса о Бессарабии»⁴. В дальнейшем тот и другой считали это «джентльменским соглашением» и в своих официальных контактах соблюдали его.

Обнародуя впервые этот факт, обратим внимание, что обе стороны в тот период были явно заинтересованы не просто в нормализации дипломатических отношений, но в сотрудничестве и активной поддержке друг друга во имя обеспечения своей безопасности. При этом стремление румынских правительств (какой бы ориентации они ни были) получить признание и гарантии в отношении владения Бессарабией никогда и не скрывались. Известный своей приверженностью идее коллективной безопасности, основанной на системе «французских союзов», Титулеску, будучи министром иностранных дел, лишь более открыто и настойчиво подчеркивал, что, хотя Румыния является союзницей Франции, первостепенную роль для гарантированной безопасности страны играют хорошие отношения прежде всего с Россией⁵.

² Titulescu N. Documente diplomatice. București, 1967. P. 510.

³ AMAE. Fond 71 URSS. V. 82. F. 92–93.

⁴ ДВП. Т. XX. М., 1976. Док. 175. С. 270.

⁵ ДВП. Т. XVII. М., 1971. Док. 323. С. 581.

Другое дело, что длительное время в советских дипломатических документах на первый план выдвигался тезис об ответственности румынской стороны за саботирование советских предложений и создание препятствий внешнеполитическим инициативам СССР из-за желания добиться в той или иной форме признания права Румынии на Бессарабию. Но теперь становится известным «джентльменское соглашение» между Литвиновым и Титулеску и в свете этого — роль румынского дипломата в содействии заключению советско-французского и советско-чехословацкого договоров в мае 1935 г. Известно заявление Титулеску на совещании у французского министра иностранных дел, где присутствовали Литвинов, советский полпред во Франции В. П. Потемкин, а также представители Турции, Югославии и Греции, когда румынский министр, определенно оказывая дипломатический нажим, отмечал необходимость заключения договоров, ибо без них «как Малая, так и Балканская Антанты не могут существовать», так как без участия СССР им не устоять перед агрессией⁶.

После подписания советско-французского и советско-чехословацкого договоров Титулеску заговорил о желании заключить договор о взаимопомощи между Румынией и Советским Союзом, при этом уточняя, что действие советско-румынского пакта должно было бы распространяться «на все границы Румынии». «Договор не должен быть направлен против кого-либо, но против агрессора, кто бы это ни был...»⁷. Первоначально это предложение связывалось также с условием определения границы каждой договаривающейся стороны, но уже в конце 1935 г. Титулеску не настаивал на юридическом признании версальских границ Румынии. Однако он считал необходимым определить территорию «де-факто», которую должны будут покинуть советские войска после оказания ими помощи в отражении агрессии и окончания войны.

Так, в конце 1935 г. румынский министр иностранных дел вполне осознанно стремился вписать возможный советско-румынский пакт в договорную систему между СССР, Францией и Чехословакией и в этом случае, естественно, полагал, что Румынии и СССР следовало бы предварительно разрешить все вопросы, могущие возникнуть в связи с проходом советских войск по территории страны.

Советские дипломатические документы свидетельствуют, что в НКВД отнеслись к этому предложению не просто отрицательно, а с какой-то болезненной подозрительностью, считая, что «сколько бы Титулеску ни крутил, он хочет добиться формального призна-

⁶ ДВП. Т. XVIII. М., 1973. Док. 22. С. 33.

⁷ AMAE. Fond 71 URSS. V. 83. F. 116.

ния... Бессарабии». В наставлениях советскому полпреду в Бухаресте Литвинов подчеркивал, что «не мы предлагаем Румынии пакт, а наоборот, и что поэтому не ей нам ставить ультимативные условия»⁸.

Столь же недоброжелательной была реакция Москвы на поставленный вопрос об условиях прохода советских войск и их нахождения в Румынии. В телеграмме полпреду СССР в Чехословакии С. С. Александровскому Литвинов сообщал: «Он (Титулеску. — Авт.) полагает, очевидно, что мы настолько заинтересованы в транзите через Румынию в применении к советско-чехословацкому пакту, что он может диктовать нам любые условия. Само собой, что его проекты для нас совершенно неприемлемы». НКВД давал понять, что Москва не торопится: «Когда такой вопрос возникнет, можно будет говорить об условиях прохождения, но отнюдь не теперь»⁹.

Насущность этого так и не решенного между Москвой и Бухарестом вопроса проявится со всей остротой и в период мюнхенского кризиса в сентябре 1938 г., и на трехсторонних переговорах в Москве летом 1939 г., но тогда уже советским дипломатам придется использовать посредников, чтобы поставить вопрос о пропуске Румынией войск и получить отказ обсуждать его.

Хотя переговоры между Литвиновым и Титулеску о заключении двустороннего пакта и не носили официального характера, слухи об этом пакте распространились в печати и политических кругах в Румынии и за рубежом. Внутри страны Титулеску стали обвинять в закулисных маневрах, как якобы «подавшегося давлению Советов, желавших получить возможность для прохода войск через Румынию», а гитлеровские круги в Берлине выражали свое недовольство, открыто заявляя, что Румыния превращается в «агента» СССР в Европе¹⁰.

Под давлением короля и критики недовольного политического большинства парламента Титулеску направил в румынское посольство в Германии директивы с просьбой «пользоваться большим тактом» и настойчиво доводить «руководящую идею румынской внешней политики, а именно — идею равной дружбы со всеми великими державами, дружбы, из которой Германия не должна быть исключена... Следовательно, — подчеркивал Титулеску, — если бы мы заключили пакт о взаимопомощи с Советами, мы готовы были бы заключить идентичный пакт с Германией, при условии, если она, со своей стороны, также гарантирует на-

⁸ ДВП. Т. XVIII. Док. 426. С. 573; С. 669 (примеч. 253).

⁹ Там же. Док. 291. С. 422; Док. 426. С. 573.

¹⁰ Arhiva Statului București. Casa regală. Dos. 80. F. 2.

шу территориальную целостность и территориальную целостность стран — наших союзников»¹¹. Германское правительство отклонило это предложение Румынии. Румынскому послу в Берлине Н. Петреску-Комнену было заявлено, что Германия исключает для себя какие-либо договоры, по которым она должна была бы взять определенные обязательства и согласиться с условиями о взаимной помощи.

Итак, действия Титулеску, направленные на сближение с Москвой и выработку договора, встретили по меньшей мере холодную отчужденность в советском НКВД и неприкрытую враждебность в Берлине. Наибольшим ударом по сохранявшимся еще надеждам румынского министра обеспечить стране гарантии великих держав стало вторжение германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону 7 марта 1936 г. и капитулянтская политика Франции и Англии, смирившихся со свершившимся фактом. События свидетельствовали, что и Лига Наций утратила свою первоначальную роль для таких государств, как Румыния, прежде всего в их концепции защиты своей независимости на базе принципов коллективной безопасности.

На одном из заседаний Лиги Наций в те дни Титулеску с болью спрашивал премьер-министра Франции от имени «малых стран, которые не по своей воле находятся в экономических тисках Германии: они хотят знать, можно ли рассчитывать на помощь Франции, так как эти страны, г-н Блюм, сомневаются в Вас. Дайте нам заверения, г-н председатель Совета министров Франции, или, по крайней мере, скажите правду, ибо мы знаем, что если 7 марта Вы не защитили самого себя, то как Вы будете защищать нас против агрессора?»¹².

Воздействие столь тревожного развития международной обстановки на политические круги Румынии способствовало тому, что и правительство, и парламент предоставили Титулеску мандат на заключение пакта с СССР «без предварительных условий».

Это согласие Титулеску буквально «вырвал» у короля и своего антагониста в правительстве — премьера Г. Татареску, угрожая своей отставкой и политическим кризисом власти, если в условиях нарастания германской опасности Румыния не сможет урегулировать свои отношения с СССР. Он убеждал их, что после заключения договора с Советами необходимо «сконцентрировать всю свою деятельность в будущем на нормализации наших отношений с Германией, особенно на случай возможного соглашения между Германией и Россией, которое не столь уж невероятно, как

¹¹ AMAE. Fond 71 URSS. V. 83. F. 117.

¹² *Tabouis G. Douăzeci de ani de tensiune diplomatică. București, 1965. P. 296.*

думают некоторые, и осуществление которого было бы нежелательным за спиной Румынии»¹³.

Выдвинутый министром иностранных дел довод о возможном сближении Берлина и Москвы вполне прагматически был усвоен румынским кабинетом министров, который на специальном заседании 15 июля 1936 г. не только поддержал внешнеполитический курс Титулеску, но и принял стратегическое решение для достижения соглашения с СССР: «Имея в виду подписание договора о взаимопомощи с СССР..., который Советы ныне отказываются подписывать, предпринять определенные меры для успокоения Советов на основе следующих принципов: а) прекращение нападок в печати на СССР...; б) опубликовать статьи в прессе, поддерживающие сближение с СССР в плане внешней политики...; в) мы являемся противниками коммунизма внутри страны и готовы руководствоваться в решении судьбы страны собственно румынским путем, но в области внешней политики мы — за соглашение с СССР, союзником наших союзников — Франции, Чехословакии и Турции, соглашение, которое только и может реально придать этим союзам эффективность. Мы не можем быть в одно и то же время и союзником Франции, и недругом России — союзницы Франции»¹⁴.

При всем желании подтвердить характеристику советских дипломатов того времени (а в последующем и вывод советской историографии) о закамуфлированной «двойной игре» Бухареста в этот период и антисоветизме его политики не представляется возможным. Даже последний тезис о стремлении Румынии постоянно будировать бессарабский вопрос опровергается заявлением Титулеску, которое он сделал Литвинову в ходе переговоров о пакте в Монтре 20–21 июля 1936 г., что «вопрос о Бессарабии не будет больше служить препятствием» к его заключению¹⁵.

В эти же два дня оба министра уладили почти все спорные вопросы и парафировали основные положения будущего советско-румынского договора, состоявшие в следующем:

1) взаимопомощь в рамках договоров Лиги Наций (по аналогии договоров с Чехословакией и Францией) должна оказываться не против какой-то одной страны, а при агрессии со стороны любого европейского государства;

2) каждая из сторон вступает в действие только когда вступает в действие и Франция (это положение Литвинов не подпи-

¹³ АМАЕ. Fond 71/1914 E 2 partea I. V.20. F. 61-62.

¹⁴ АМАЕ. Fond 77/Т-34 (1934–1940). Scrisori originale. *Titulescu N. Documente*. V. VI. F. 2439–2441.

¹⁵ ДВП. Т. XIX. М., 1974. Док. 309. С. 478.

сал, а Титулеску настаивал на обязательности данной статьи в договоре);

3) советское правительство признает, что для оказания помощи советские войска не могут пересечь Днестр без формальной просьбы королевского правительства Румынии; в такой же степени королевское правительство Румынии признает, что румынские войска не могут пересечь Днестр в сторону СССР без формальной просьбы правительства СССР;

4) по требованию правительства Румынии советские войска должны немедленно покинуть румынскую территорию, отойдя на восток от Днестра, так же, как по требованию правительства СССР румынские войска должны немедленно быть выведены с территории СССР на запад от Днестра¹⁶.

Поскольку одна из 4-х статей договора не была окончательно согласована, подписание официальное было отложено до сентября 1936 г. Каждый министр должен был лично представить своему правительству текст проекта договора во избежание его предварительной огласки.

Советско-румынскому договору о взаимопомощи не суждено было быть подписанным. 29 августа 1936 г. последовало неожиданное отстранение Титулеску с поста министра иностранных дел Румынии, по его собственному признанию, отнюдь не из-за парафированного пакта с СССР, а потому что, превысив свои полномочия, без согласования с королем и правительством он дал разрешение испанским республиканцам получить пушки и самолеты, заказанные Румынией во Франции¹⁷.

Выведение Титулеску из правительства НКИД оценил как изменение внешнеполитического курса Румынии и не намерен был продолжать переговоры по заключению советско-румынского пакта. «Известия» выразили беспокойство в отношении будущей ориентации румынской политики, поскольку с уходом Титулеску она лишилась лидера с огромным международным авторитетом и «мир потерял самого активного друга»¹⁸.

В частности, уже упомянутое «джентльменское соглашение», достигнутое между Литвиновым и Титулеску о том, чтобы не поднимать вопрос о Бессарабии на официальном уровне, также потеряло свою силу после отставки румынского министра. Литвинов вернулся к этой проблеме на своей последней, неофициальной, встрече с Титулеску в начале июня 1937 г., которая состоялась по инициативе советского дипломата во французском городке Талоа-

¹⁶ АМАЕ. Fond 77/Т-34 (1934-1940). Serisori originale..., F. 2452.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 21. П. 17. Д. 15. Л. 9.

¹⁸ Известия. 1936, 01. XI.

ре, недалеко от Женевы. Тогда оба дипломата обменялись мнениями о развитии двусторонних отношений, при этом Литвинов был решительно убежден, что правительство и новые лица в МИД Румынии сделали ставку на расширение сотрудничества с Польшей, Италией и Германией при одновременном охлаждении отношений, в частности, с СССР и Францией.

Так, новый министр иностранных дел Румынии В. Антонеску откровенно заявлял Литвинову, что союзнические отношения его страны с Францией рассматриваются в Бухаресте с такой позиции, что «если Франция сегодня, как нам кажется, избегает любого акта, который мог бы быть направлен против Германии и Италии, нам (Румынии. — *Авт.*) еще менее следует делать это». Эта позиция получила отражение в братиславском коммюнике Малой Антанты под формулой «тесные связи, но каждый поддерживает своих друзей»¹⁹.

Этого Литвинов, по свидетельству Титулеску, не одобрял в румынской политике, тем более что в то же время В. Антонеску пытался заполучить новые гарантии советского наркома относительно прав Румынии на Бессарабию. «Если он требует от меня признания де-юре Бессарабии, — спрашивал Литвинов Титулеску, — значит Румыния понимает, что не располагает Бессарабией на основе всех ранее подписанных Вами документов?... Румыния изменила свою внешнюю политику. Мы хотим, чтобы потенциал, которым располагает Бессарабия, стал русским, а не германским. Поэтому хочу Вам сообщить, что мы попытаемся вернуть Бессарабию всеми правовыми и военными средствами, которые будут возможны». Нарком СССР сообщил в заключение, что его прежние обещания и обязательства в отношении Румынии теперь недействительны²⁰.

Ссылки советских дипломатов на перемену в румынской внешней политике, если не принимать всерьез аллергическую реакцию Москвы на возобновление в бухарестской печати критики в адрес сталинского режима, развязавшего в СССР террор, касались прежде всего румыно-польских отношений и развития румыно-германского экономического сотрудничества, которое увенчалось заключением первого объемного экономического договора 9 декабря 1937 г.

Советский полпред в Румынии М. С. Островский постоянно подчеркивал в своих донесениях в НКВД по разным поводам, что

¹⁹ AMAE. Fond 71 URSS V. 83. F. 399–400.

²⁰ AMAE. Fond Conferința de pace la Paris. 1946. V. 71. F. 64; Fond 71 URSS. V. 135. F. 118–119; Destin românesc. Revista trimestrială de istorie și cultură. Chișinău; București, 1994. N 2. P. 33.

«Румыния твердо встала на рельсы польской, а следовательно, и антисоветской политики», впряглась «в бековскую антисоветскую колесницу», поэтому «искренняя дружба с СССР несовместима с оживлением румыно-польского союза». Оживленный обмен визитами высших государственных деятелей Румынии и Польши в 1937 г., хотя и не привел к каким-либо реальным результатам для обеих сторон, явился, однако, сильнейшим раздражающим фактором для советских дипломатов в Бухаресте и Варшаве. Так, в отчетах Островского появилась формулировка о «припадке интимности румыно-польского антисоветского союза», которая «начинает превращаться в угрозу для дела мира»²¹. Из Варшавы советский полпред сообщал об опасности этих демонстративных визитов румынских политиков во главе с королем, видя в них линию на «изоляцию СССР», разрушение его внешне-политических связей²².

«Правда» выступила с предупреждением правящим кругам Румынии, что ставка на Польшу несет опасность румынской «политике авантюры», имея в виду неурегулированность ее границ²³.

Если Польша в ее отношениях с Бухарестом рассматривалась советской стороной как «порт-пароль Германии», то само германское проникновение в страну не вызывало какой-то особо резкой критики со стороны официальной Москвы. Литвинов в беседе с румынским посланником Э. Чиунту весьма сдержанно отметил румыно-германское сближение на фоне экономического сотрудничества: «Немцы близки к тому, чтобы утвердиться в Бухаресте. В случае такого развития события мы будем считать их опасными для нас»²⁴.

В этом контексте важно заметить, что советские и румынские документы свидетельствуют о страстных нападках и разоблачениях, делавшихся советскими дипломатами, в том числе и Литвиновым, в связи с румыно-польскими отношениями, но почти не упоминают каких-то прямых выпадов Литвинова против Германии. Необходимо учесть также, что в тот период официально ни Берлин, ни Бухарест не стремились открыто связывать себя политическими обязательствами. Румыния могла оказывать полностью изолированной от западных держав, поэтому ее политика балансирования вписывалась в «общепринятую» тактику союзных ей малых стран. Иначе говоря, по заявлению румынского министра

²¹ ДВП. Т. XX. Док. 55. С. 99; Док. 241. С. 379; Док. 270. С. 421, 423.

²² Там же. Док. 234. С. 367.

²³ Правда. 1937, 20. VII.

²⁴ Цит. по: *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. М., 1977. С. 236.

иностранных дел В. Антонеску, Румыния «не может позволить себе такой роскоши, как ясная внешняя политика».

Даже мюнхенский кризис не поколебал установку румынских политиков остаться в стороне от конфликта и при этом использовать выгодное «независимое» положение в отношениях с заинтересованными великими державами для гарантии своих границ.

Небезынтересна в этой связи история вопроса о позиции Румынии по отношению к проходу советских войск для оказания помощи Чехословакии. Долгое время имеющиеся документы однозначно свидетельствовали об отказе румынских властей пропускать войска Красной Армии через территорию королевства. Это было закреплено специальной статьей конституции, принятой в марте 1938 г. после установления королевской диктатуры в Румынии, что должно было заранее продемонстрировать всем сторонам, задействованным в конфликте, что Бухарест не будет в него вмешиваться.

Такая позиция была подтверждена на одном из совещаний ведущих политических лидеров страны с королем Каролом II, которое состоялось 24 мая 1938 г. Внешнеполитическая линия Румынии была определена следующим образом: «Мы не можем идти ни с русскими, ни с немцами. Если мы будем с русскими, то в случае их победы нам угрожает большевизм. В случае немецкой победы последует экономическое закабаление, а затем и политическое... Франция переживает кризис, хотя и находится на пути к выздоровлению. Но у нас есть Великобритания. Там мы можем бросить якорь нашей политики»²⁵.

Король же в более узком кругу заявил, что он «предпочел бы видеть в своей стране немцев в качестве врагов, чем русских в качестве друзей...»²⁶.

Не столь однозначно на первый взгляд выглядит сегодня вопрос о возможном пролете советских самолетов в Чехословакию. Через Румынию проходила авиалиния из Советского Союза в Прагу, по которой, как свидетельствовал министр иностранных дел Румынии в 1938 г. Н. Петреску-Комнен, еще с начала апреля осуществлялся пролет советских самолетов в Чехословакию. Более того, при технических неполадках, когда самолеты требовали ремонта, они садились на румынской территории и румынские техники оказывали помощь в их ремонте²⁷.

Об этих предварительных полетах самолетов под управлением советских летчиков и перегоне в Чехословакию закупленных че-

²⁵ Цит. по: Очерки политической истории Румынии. Кишинев, 1985. С. 362–363.

²⁶ DCFP. Series D. Vol. V. London, 1954. P. 310.

²⁷ Comnen N. P. Un point d'histoire vieilli // Acta istorică. T. I. Roma, 1959. P. 320.

хами самолетов из СССР был информирован бывший премьер-министр Франции Э. Даладье, о чем он записал в своем дневнике, опубликованном во Франции и частично в Румынии в 1988 г. Он отмечал, что румынское правительство «не хотело превращать свою страну в театр военных действий и не разрешало пропуск русских войск по железной дороге..., тяжелая моторизованная техника не могла бы преодолеть горные районы. Но румынское правительство могло «закрыть глаза» на пролет советских самолетов над своей территорией на большой высоте»²⁸.

По воспоминаниям Э. Даладье и французского министра иностранных дел Ж. Бонне военный историк П. ле Гуайе пишет: «Советский Союз пошел даже дальше. Он не только объявил мобилизацию своих вооруженных сил на западном направлении, но и выслал в Чехословакию мощное подкрепление — 300 самолетов, которые в первых числах сентября пролетели над территорией Румынии»²⁹. (Румынские источники приводят цифру — 250 самолетов.)

Действительно, 8 сентября Петреску-Комнен заявил Бонне, что советские самолеты смогут перелететь из СССР в воздушном пространстве Румынии, поскольку она имеет весьма слабую оборону, не достигающую высоты более 3 тыс. метров. Но официальное разрешение на пролет самолетов румынское правительство дать отказалось³⁰. В этой же связи один из британских дипломатов в Женеве после беседы с Петреску-Комненом 14 сентября пришел к выводу, что «Румыния удовлетворилась бы нотой протеста в случае перелета советских эскадрилий через румынскую территорию. Комнен лишь просил о более активном английском давлении на польское правительство»³¹.

Так или иначе, но в советских источниках никаких более определенных свидетельств на сей счет пока выявить не удалось. Известно, что в беседе Литвинова с румынским посланником в середине июня 1938 г. нарком посетовал, что румынская сторона «неожиданно ставит препятствия» в вопросе обеспечения работы авиалинии на Прагу. Посланник Н. Диану выразил удивление, что недостаточно оцениваются румынские действия, «которые позволяют переправлять по воздуху и по суше русские и чехосло-

III.

²⁸ «Papiers Edouard Daladier»: Documente și mărturi inedite // Anale de istorie. București, 1988, N 5. P. 103.

²⁹ Paris Match. 1987. 11 mars; Aspects des relations russo-romaines. Retrospectives et orientations. Paris, 1967. P. 148.

³⁰ Comnen N. P. Preludi del grande dramma. Roma, 1947. P. 90.

³¹ Moisuc V. Diplomația României și problema apărării suveranității și independenței naționale în perioada martie 1938 — mai 1940. București, 1971. P. 62.

вацкие самолеты и грузы, что может создать большие трудности» для Румынии³².

Послемюнхенское развитие советско-румынских отношений отразило определенное смягчение тональности, о чем МИД Румынии не преминул информировать 4 октября 1938 г. свою миссию в Москве. Петреску-Комнен писал: «... в Женеве я имел долгое объяснение с Литвиновым, которому я вновь разъяснил, какова наша позиция. Я ему заявил, что, не желая превращать снова нашу страну в театр новой войны, мы не имеем никакого намерения входить в какой-то один из лагерей, соответствующий двум идеологиям, разделившим сегодня Европу. Вследствие этого я заверил его, что Румыния не присоединится ни к какой антисоветской акции, как не присоединится и ни к какой советской акции против тоталитарных стран. Г-н Литвинов казался полностью удовлетворенным... нашими заверениями»³³.

Со своей стороны и румынская миссия в Москве отмечала на протяжении последующих нескольких месяцев некоторые положительные сдвиги в советской политике и «искренность» в отношении Румынии: «советская пресса больше на нас не нападает..., она часто воспроизводит известия, касающиеся Румынии, представляя их объективно..., нас начинают ценить здесь». Особо подчеркивалось выраженное Литвиновым внимание к сообщениям о действиях румынского правительства против фашистской организации «Железная гвардия» и его замечание, что «нынешняя политика рассматривается с симпатией» в Москве³⁴.

Последнее, пожалуй, было мало похоже на правду. Да, на какое-то время из дипломатических документов обеих стран исчезли упоминания о разногласиях, об инцидентах на границе, затих сам спор вокруг формулировок «румынская граница» и «Днестр — пограничная река». Но советское правительство не могло остаться безучастным к усилившемуся после Мюнхена давлению Германии на Румынию с целью заключения долгосрочного экономического соглашения, что сопровождалось к тому же запугиванием румынских партнеров «угрозой с Востока».

Поездка Кароля II в ноябре 1938 г. в Лондон и Париж, предпринятая под давлением румынской элиты проангло-французской ориентации, была рассчитана на привлечение западного капитала в Румынию и расширение рынка для румынских продуктов и сырья. Король убеждал деловые круги Запада, что в Румынии «найдется место для любой страны, которая пожелала бы участвовать

³² AMAE. Fond 71 URSS. V. 85. F. 266.

³³ Ibid. F. 486.

³⁴ Ibid. F. 559; V. 135. F. 326-327.

и содействовать развитию экономики нашей страны»³⁵. Но визит оказался практически бесплодным.

Зато в Германии Кароль был не только выслушан, но и получил заверения Гитлера в желании укреплять сотрудничество между двумя странами. В ответ на просьбы румынского лидера обеспечить спокойствие его страны от венгерских притязаний Берлин был скуп на обещания, зато подчеркивал стремление ускорить заключение широкомасштабного экономического договора.

15 марта 1939 г. германские войска вторглись в Чехословакию и приблизились на пушечный выстрел к румынским границам. На следующий день Гитлер потребовал от Румынии немедленного подписания экономического соглашения при максимально благоприятных уступках в пользу Германии. Румынский посланник в Лондоне В. Тили даже заявил в английском Форин оффисе о том, что Германия предъявила Румынии ультиматум с требованием согласиться на немецкую монополию в румынской торговле и экономике, в противном случае над Румынией нависала угроза расчленения по аналогии с Чехословакией и превращения в протекторат³⁶.

История с «казусом Тили» описана в историографии с достаточной полнотой. Существенным вопросом в этой истории является позиция советского руководства, которое с серьезной озабоченностью восприняло германскую угрозу, реально приблизившуюся к советской границе. Европа вползала в новый виток конфликта, и шансов остаться в стороне от него у Советского Союза и у его малых соседей было немного. Лондон и Париж еще могли себя тешить надеждами на «умиротворение» или истощение фашистского агрессора где-то далеко от собственных границ. Но ни у Москвы, ни, кстати, у Бухареста таких иллюзий к лету 1939 г. уже не оставалось.

В Румынии отчетливо понимали, что даже получение англо-французских гарантий в апреле 1939 г. отнюдь не обеспечивало безопасности румынских границ. По заключению американского посланника в Бухаресте М. Гюнтера, сделанному из бесед с румынскими политиками разной ориентации, все они ощущали опасность изоляции страны при малейшем нарушении равновесия румынской политики между великими державами. «Румыния склонна была обещать свой нейтралитет всем заинтересованным в ней державам, отказываясь от любого политического соглашения с участием Советского Союза и стремясь безусловно соблюдать свои обязательства по экономическому договору с Германией»³⁷.

³⁵ Curentul. 1938. 7 noiembrie.

³⁶ Niri A. Istoricul unui tratat înrobitor. Bucureşti, 1965. P. 193–198.

³⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington, 1956. P. 175–176.

Этот вывод американского дипломата — как бы стороннего наблюдателя румынской политической жизни, емко выраженный в формуле «прежде всего Румыния хочет выжить», во всей полноте отражал официальную позицию Бухареста. Накануне открытия тройственных переговоров СССР, Англии и Франции в Москве румынский министр иностранных дел Г. Гафенку совершил визиты в Лондон и Париж, чтобы «сверить часы» румынской внешней политики в западных столицах. «Мы хотим, — заявил он на переговорах со своим британским коллегой Галифаксом, — остаться вне любой системы, созданной при русской поддержке, и были бы очень довольны, если бы наша страна не была названа при возможных коллективных заявлениях»³⁸ (англо-франко-советских. — *Авт.*).

Нежелание сотрудничества с СССР румынские дипломаты не скрывали и от советских партнеров. Так, посланник Тия на вопрос советского полпреда в Лондоне И. М. Майского о позиции Бухареста в случае необходимости установления более тесных двух- либо многосторонних отношений с СССР ответил: «Румынское правительство не примет участия ни в союзе, ни в переговорах о нем. Румыния не может связывать себя... с Россией»³⁹. Практически это был косвенный ответ на молчаливый вопрос советского представителя о том, может ли Советский Союз рассчитывать на поддержку Румынией предполагавшегося трехстороннего соглашения на переговорах в Москве.

Негативная по отношению к СССР позиция Румынии и Польши, особенно ярко проявившаяся в период англо-франко-советских переговоров летом 1939 г., несет в себе определенную долю вины за срыв усилий и самой идеи создания системы единого фронта борьбы с германским блоком агрессии.

В отличие от взглядов румынских правящих кругов, не желавших видеть в этой позиции непосредственную опасность для будущего страны, куда более пронизательными на этот счет были выводы Титулеску, отошедшего от прямого участия в политике. Обращаясь к королю, он подчеркивал, что срыв московских переговоров о коллективном пакте взаимопомощи сделал возможной германо-советскую договоренность. «При отсутствии румыно-советского договора, — писал Титулеску Каролю II в сентябре 1939 г., — германо-советский пакт может изменить русскую политику в отношении Румынии и европейских стран в целом...». Он напоминал о своих стремлениях заключить в 1936 г. румы-

³⁸ AMAE. Fond 71 URSS. V. 86; Studii, 1960, N 4. P. 62.

³⁹ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series III. Vol. V. London, 1954. P. 435.

но-советский договор о взаимопомощи, когда момент был выгоден для Румынии вне зависимости, начала бы Германия войну против СССР или заключила бы соглашение с ним. «Теперь русско-германское сближение произошло без нас, а стало быть — против нас, как я и говорил, — заключил Титулеску свое обращение к королю. — Нам нужно помнить уроки истории русско-германских отношений»⁴⁰.

Но это напоминание прозвучало уже во след разразившейся драме. Началась вторая мировая война. В Бухаресте царил пессимизм, ибо, как писала ведущая румынская газета «Универсул» о том периоде, «в то время, когда все выбирали себе друзей, Румыния осталась одна в изоляции и жила с иллюзией, надеясь все-таки, что время и обстоятельство подскажут разумное решение. Наступил час войны, и мы остались одни»⁴¹.

4 сентября 1939 г. румынское правительство опубликовало коммюнике, где в несколько расплывчатых формулировках говорилось о том, что Румыния «полна решимости и впредь сохранять мирную позицию, которую она соблюдала до сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами»⁴². Двумя днями позже по рекомендации германского представителя в Бухаресте В. Фабрициуса на заседании коронного совета было сделано заявление о нейтралитете Румынии «по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте»⁴³. Вполне возможно, что в момент, когда делалось это заявление, король и правительство уже имели сведения не только о содержании советско-германского пакта от 23 августа, но и о некоторых положениях секретного протокола к нему. Во всяком случае о последнем сообщал 6 сентября 1939 г. в своей телеграмме в МИД Румынии посол Р. Ирimesку из США⁴⁴. Причем по вопросу о разделе сфер влияния в отношении Румынии румынский дипломат утверждал даже больше того, нежели на самом деле было сформулировано в протоколе. Напомним, что ст. 3 дополнительного протокола к советско-германскому пакту о ненападении 23 августа 1939 г. гласила: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих облас-

⁴⁰ Destin românesc. Revista trimestrială de istorie și cultură. Chișinău; București, 1994. N 2. P. 31.

⁴¹ Universul. 1940. 15 iulie.

⁴² România. 1939. 6 septembrie.

⁴³ Universul. 1939. 8 septembrie.

⁴⁴ AMAE. Fond 71 URSS. V. 87. F. 23–24.

тях»⁴⁵. Ирмеску же сообщал, будто советско-германский пакт предусматривает, что Бессарабия и Старое румынское королевство должны находиться в сфере влияния России, а бывшие австро-венгерские территории Румынии — в сфере влияния Германии.

Пока Германия и СССР делили Польшу, румынские политические круги имели некоторое время с определением новых приоритетов в своей внешнеполитической ориентации. В связи с убийством железногвардейцами премьер-министра А. Кэлинеску, политика традиционной профранцузской ориентации, в высшей правящей элите и королевских кругах Румынии усилилось германофильское крыло, которое требовало «договориться» с Германией, пока «опасность большевизации со стороны России не угрожает будущему страны». Надежды на западные державы у Румынии уже не было. «Сдерживать» устремления России в отношении Румынии, по мнению Бухареста, могла только сильная Германия, к тому же заинтересованная в сотрудничестве с Румынией⁴⁶.

Относительно устремлений Москвы румынское правительство было достаточно информировано своими дипломатами, собиравшими всевозможные сведения из всех источников о планах советского руководства по реализации пакта Молотова — Риббентропа. Так, в донесении румынского посла из Парижа в МИД Румынии от 2 ноября 1939 г. со ссылкой на посла США утверждалось, что в советских кругах не сомневаются, что когда румынскому правительству будет поставлен вопрос о Бессарабии, «она будет уступлена без борьбы». Из источника следует, что «и соответствующие французские круги того же мнения»⁴⁷.

Хотя советская и румынская стороны заверяли друг друга на протяжении осени 1939 г., что будут неукоснительно соблюдать «правила нейтралитета, установленные международными соглашениями» и у них нет намерений ухудшать сложившиеся отношения, по обе стороны Днестра шла концентрация войск. Советско-финская война вызвала в Бухаресте большую тревогу: в печати, в кабинете министров, среди населения создалось мнение, что Румынию ожидает участь Финляндии. Румынский министр иностранных дел Г. Гафенку, отдельные члены правительства активизировали контакты с советским временным поверенным в Румынии П. Г. Куколевым, пытаясь получить опровержение опасных слухов и дополнительные заверения, что «отношения продолжают оставаться доброжелательными»⁴⁸.

⁴⁵ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. Док. 485. С. 632.

⁴⁶ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 247, 251, 258.

⁴⁷ АМАЕ. Fond 71 URSS. V. 135. F. 447.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 14. Д. 151. Л. 101; АМАЕ. Fond 71 URSS. V. 88. F. 169, 284; V. 135. F. 460-461.

Судя по всему, в румынских правящих кругах основную озабоченность вызывала советская политика: во-первых, они не могли ее спрогнозировать на ближайший период, во-вторых, на случай эвентуальной советской агрессии Румыния не имела в Европе надежного союзника. Англо-французская политика после сдачи Польши потеряла остатки доверия в Бухаресте. Германия же на примере Польши и Финляндии демонстрировала таким странам, как Румыния, приверженность своим договорам с Москвой. По мнению Гафенку, у его страны был единственный шанс как можно дольше «сохранять некое равновесие в клещах внешнеполитической зависимости от великих держав — не склоняться ни на сторону Германии, ни на сторону России»⁴⁹.

Кстати, обе державы и не предлагали Румынии — ни устно, ни письменно — каких-либо соглашений, гарантий или хотя бы переговоров.

В то же время Куколев отмечал в телеграмме из Бухареста в Москву 5 января 1940 г., что румыны продолжают усиленными темпами готовить укрепления, «но в основном на реке Прут, видно, Генштаб Румынии решил не драться за Бессарабию, так как она все равно должна будет отойти к СССР»⁵⁰.

На этом фоне Германия всю использовала туниковое положение королевской Румынии, в котором та оказалась, будучи экономически подчиненной германскому рейху, а политически связанной иллюзорными гарантиями западных держав. Берлин наращивал свое проникновение в те сферы румынской экономики, где сильны еще были позиции западного капитала, прежде всего это нефтяная промышленность, горнорудные разработки, экспорт сырья. В январе 1940 г. в Румынии под руководством германских советников был создан генеральный комиссариат, подчинивший всю нефтедобычу полному контролю Германии.

Германская сторона не упустила возможности вмешаться и в развитие кризисной ситуации, связанной с взаимоотношениями королевского двора и фашистских главарей «Железной гвардии». Арестованные в ходе акции «возмездия» после убийства Кэлинеску по прямому указанию Кароля II, опасавшегося соперничества с легионерами, которым покровительствовали нацистские верхи в Берлине, «железнодорожники» были выпущены на свободу не без давления на румынское правительство германских советников. Более того, некоторые деятели этого движения — нацистской агентуры в стране — оказались в органах государственной власти, взяв на себя миссию по сближению Румынии с Германией.

⁴⁹ *Gafencu Gr. Invățămintele istoriei // Revista istorică. 1992. N 2-3. P. 404.*

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 3.

Эти внутривластные сдвиги в румынских верхах не остались без внимания в Москве. 29 марта 1940 г. глава правительства и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом о внешней политике Советского Союза, не случайно счел необходимым акцентировать существование «нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»⁵¹.

Заявление Молотова было воспринято Бухарестом как тревожный и многозначительный симптом реальной советской угрозы. Официальные круги Румынии попытались развернуть в печати кампанию с разъяснением и самой истории присоединения Бессарабии к Румынии в 1918 г., и тех международно-правовых документов, на обязательствах по которым базировались отношения между Румынией и СССР в предвоенное десятилетие. (Например, пакт Бриана — Келлога, Лондонская конвенция об определении агрессии, международные соглашения в рамках Лиги Наций.)

Весьма показателен с учетом этих обстоятельств отчет румынского посланника в Италии Р. Босси в МИД Румынии о состоявшейся у него беседе с советским полпредом в Риме Л. Б. Гельфандом в середине апреля 1940 г. Как следует из довольно подробной депеши Р. Босси, оба дипломата имели целью прояснить интересующие их вопросы. Так, советскую сторону беспокоили многочисленные визиты румынских государственных деятелей в Италию, что предположало «укрепление итало-румынских отношений ввиду их общей политики против России». Румынский представитель попытался сконцентрировать внимание на вышеуказанном заявлении Молотова и выяснить его подоплеку. На это Гельфанд пояснил, что румыны являются «жертвами интриг» своих союзников, которые интерпретируют заявление Молотова как провокацию, тогда как в действительности он сделал «приглашение к вальсу.» На обвинения Молотова румынская сторона должна была бы ответить просьбой о встрече, чтобы прояснить румыно-советские отношения.

Румынский посланник резонно заметил, что «такая процедура была бы рискованной, поскольку допускает, что г-н Молотов поставил бы на обсуждение вопрос о Бессарабии..., и переговоры могли бы быть прерваны до того, как они начались». Видимо, румынской стороне еще хотелось надеяться на действенность «джентльменского соглашения» Литвинова. Но времена уже были другие и в Бухаресте, и в Москве.

⁵¹ Правда. 1940, 30. III.

«Поговорим спокойно, — продолжал советский полпред. — Бессарабия не является для нас настолько интересной сама по себе, но тот способ, которым она была у нас отобрана, оставил у нас в душе глубокую рану. Рана связана с Румынией, которая использовала слабость и беды России, чтобы оторвать у нас территорию края. Мы не можем забыть этого, как не можем забыть, что румыны стали союзниками поляков против нас. Нужно искать средство, чтобы исцелить эту рану!»

Румынский дипломат пустился в рассуждения о том, что в период революционного хаоса в России «румыны Бессарабии соединились со своими братьями» за Прутом, и Румыния не может теперь вести разговор по территориальному вопросу. «Возможно, — продолжал он, — проявить некоторые жесты доброй воли, но территориальная уступка исключена. Мы предпочитаем борьбу, не смотря на весь ее риск».

«Но может быть, у вас не просили бы никакой территориальной уступки, — развивал свою мысль советский полпред Гельфанд, — откуда вы знаете, что г-н Молотов не ограничился бы предложением уступить, например, какую-то морскую базу..., предназначенную для обороны против возможной высадки войск генерала Вейгана?... Я сказал о морской базе как примере. Возможно, у вас просили бы и что-то меньшее. Я не знаю о намерениях моего руководства. Но как бы то ни было — вступите в контакт с г-ном Молотовым, поговорите без каких-либо обязательств, прозондируйте почву! Каждый день ситуация ухудшается...»⁵².

Эта беседа примечательна для нас тем, что, если высказывания советского дипломата переданы румынским собеседником близко к тексту, некоторые формулировки Гельфандом советской позиции с требованием возвращения Бессарабии оказались почти аналогичными последующим заявлениям Молотова 26–27 июня 1940 г.: это и пассаж о бывшей слабости России, и сентенции о «глубокой ране», связанной с Бессарабией... Повторенное предложение румынам «вступить в контакт» с Москвой, дополненное выводом, что «ситуация ухудшается», должны были насторожить румынского посланника. Босси действительно передал свою обеспокоенность в МИД Румынии, продолжая и позже передавать информацию из Италии о «возможной подготовке СССР действий в Бессарабии, как только Германия и Италия будут больше заняты на западе»⁵³.

Эта ситуация «войны нервов» в отношениях Москвы и Бухареста не могла продолжаться долго, учитывая как внутривосточные

⁵² AMAE. Fond 71 URSS. V. 90. F. 139–144.

⁵³ AMAE. Fond 71/1939. Al doilea război mondial, V. 64. F. 195.

ские изменения режима королевской диктатуры, так и обострение общеевропейской ситуации. В мае германские войска оккупировали Бельгию и Голландию, перешли в наступление во Франции. В этот период Кароль II поспешил заверить германского посланника в Бухаресте Фабрициуса в лояльности Румынии, которая связывает свою будущность только с Германией⁵⁴. Так победы германского вермахта начали ускоренно подталкивать румынскую сторону к предложениям все более «тесного сотрудничества... не только в экономической, но и во всех прочих областях».

По заявлению нацистского министра иностранных дел И. Риббентропа, «чтобы Румыния нашла дорогу в Берлин, Германии нужно было оккупировать Париж»; при этом Круппу удалось собрать «в кулак все, чем Бухарест не мог распорядиться сам...»⁵⁵. Подписанный 28 мая 1940 г. «нефтяной пакт» Румынии с Германией явился на этом пути завершающим актом установления полной монополии германских хозяйственных кругов в румынской экономике.

Учитывая этот момент, когда германская экспансия — экономическая и политическая — оказалась довлеющей над политикой Бухареста, советское правительство сделало заявление о необходимости немедленного разрешения бессарабского вопроса. При этом заявление было адресовано 23 июня послу Германии в Москве Шуленбургу, которому Молотов поставил следующий вопрос: «Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе на сегодняшний день?»⁵⁶. Молотов напомнил, что в марте на сессии Верховного Совета СССР было сделано публичное заявление о том, что Советский Союз хотел бы решить вопрос мирным путем. Но Румыния не ответила на это предложение. Советское правительство «хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя».

Шуленбург в ответ сказал, что осенью прошлого года Германия объявила, что «она не имеет политических интересов в Бесса-

⁵⁴ DGFP. Series D. V. IX. P. 349.

⁵⁵ Mărășalul Ion Antonescu. Campanie anului 1941. Oradea, 1994. P. 18.

⁵⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 365.

рабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной. По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе». Шуленбург боялся, что «разрешение Бессарабского вопроса Советским Союзом в настоящий момент может создать хаос в Румынии, а Германии сейчас дозреть нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии».

Молотов ответил, что «вопрос о Бессарабии не нов для Германии. Что касается экономических интересов Германии в Румынии, то Советский Союз сделает все возможное для того, чтобы не затронуть их». «Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно, в пределах соглашения»⁵⁷.

В связи с донесением посла Шуленбурга о намерениях Москвы Риббентроп представил для Гитлера меморандум, поясняя суть «бессарабского вопроса» и позицию Германии, определенную секретным дополнительным протоколом от 23 августа 1939 г. в ст. 3. «Насколько я помню, — отмечал он, — тогда имело место следующее:

Во время разграничения сфер интересов в Восточной Европе, когда речь зашла о Юго-Восточной Европе, Советы подчеркнули свою заинтересованность в Бессарабии. В связи с этим я сделал устное заявление о нашей незаинтересованности в бессарабском вопросе. Однако, ввиду тогдашней неопределенности германо-русских отношений, с чем мы должны были из осторожности считаться, я решил не признавать русских притязаний на Бессарабию открыто, *в письменной форме* (здесь и далее выделено в документе. — Авт.) и выбрал для протокола формулировку *общего характера*; когда обсуждались проблемы Юго-Восточной Европы, я сделал общее заявление о том, что Германия *политически* не заинтересована в „этих территориях“, т. е. в Юго-Восточной Европе. Экономическая же заинтересованность Германии в территориях Юго-Восточной Европы была мною должным образом подчеркнута». Риббентроп далее напомнил, что его позиция соответствовала «специальным директивам Фюрера, которые я получил перед моим отъездом в Москву» в августе 1939 г. с тем, чтобы заявить о «германской незаинтересованности в территориях Юго-Восточной

⁵⁷ Там же. С. 365–366.

Европы — вплоть до Константинополя и Проливов, если бы это было необходимо»⁵⁸.

Москва торопила германскую сторону с ответом. На протяжении 23–26 июня 1940 г. Молотов через Шуленбурга неоднократно выходил на Риббентропа, уточняя и развивая позицию СССР в постановке вопроса о возвращении Бессарабии, причем настаивая, что «вопрос должен быть разрешен безотлагательно»⁵⁹. После прояснения своей позиции в меморандуме Гитлеру германскому соавтору секретного протокола Риббентропу пришлось согласиться, что «Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу». Как следует из его телеграммы Шуленбургу от 25 июня 1940 г., германская сторона выражала лишь свою обеспокоенность судьбой примерно 100 тыс. этнических немцев, которые проживали на территории, запрашиваемой СССР. Вместе с тем отмечалось, что претензии советского правительства в отношении Буковины выходят за рамки протокола 1939 г., это — «нечто новое» для Германии⁶⁰.

Выполняя инструкции Берлина, Шуленбург на встрече с Молотовым 26 июня ссылаясь на то, что Буковина — будучи ранее территорией австрийской короны и густо населена немцами — «никогда не принадлежала даже царской России», поэтому отказ от нее Советов облегчил бы поиски мирного решения всей проблемы, выдвинутой СССР в отношении Румынии. Германский посол настойчиво подчеркивал Москве крайнюю заинтересованность Берлина в двух вопросах: в обеспечении его экономических интересов в Румынии и в том, чтобы последняя не стала театром военных действий. При этом Шуленбург сказал, что германское правительство проявит готовность поддерживать требования Советского Союза и вопрос может быть разрешен мирным путем, «если он не будет слишком тяжел для Румынии» (заметим, что под тяжестью вопроса он понимал именно вопрос о Буковине). Поэтому необходимо найти «модус прецеденди», т. е. достигнуть договоренности между Германией и СССР, затем СССР поднимет вопрос перед Румынией, а Германия скажет Румынии «соглашайся»⁶¹.

В своем донесении Риббентропу об этой встрече Шуленбург информировал также германский МИД о заявлении Молотова, что советское правительство «преследует только свои собственные ин-

⁵⁸ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. Док. 109. С. 197–198.

⁵⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 374.

⁶⁰ Оглашению подлежит... Док. 110. С. 198.

⁶¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 375–376.

тересы и не имеет намерений подтолкнуть другие государства (Венгрию, Болгарию) к предъявлению Румынии каких-либо требований»⁶². Как дополняет советская запись той же беседы, Молотов отметил, что «советскому правительству кажется, что основания у Венгрии и Болгарии для претензий к Румынии есть», другой вопрос — насколько срочными являются их притязания⁶³.

Видимо, получив от Германии искомое обещание приказать Румынии «соглашайся», 26 июня Молотов в заявлении Шуленбургу, «ссылаясь на соображения германского правительства», дал согласие на то, чтобы к СССР отошла лишь северная часть Буковины с гор. Черновцы и железной дорогой Липканы — Черновцы — Снятин⁶⁴.

Все эти подробные и откровенно циничные переговоры и соглашения между советским и германским министрами иностранных дел в отношении Бессарабии и в целом касающиеся Румынии завершились на четвертый день активных дискуссий по телеграфу и с участием посла Шуленбурга, когда Молотов сделал некоторые уступки в вопросе о Буковине, согласился на возможное переселение немцев из Бессарабии и Буковины в форме, аналогичной соглашению о Польше, и в главном заверил германскую сторону, что «будет сделано все, чтобы по возможности не затронуть интересы Германии»⁶⁵.

Лишь после окончательных советско-германских договоренностей НКВД СССР вручил ультимативную ноту румынскому посланнику Г. Давидеску с требованием к румынскому правительству: «1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте». Нота была передана 26 июня в 10 часов вечера, предоставив Бухаресту время на размышление в течение 27 июня⁶⁶.

Предложенная Молотовым карта отсекала красной линией от Румынии не только Бессарабию и северную Буковину, но и северные районы румынской Молдовы, расположенные между реками Прут и Серет, в том числе г. Герца и ряд молдавских деревень, исторически принадлежавших Румынии. Явно пораженный линией новой границы своей страны и неожиданностью свалившейся на него ответственности, Г. Давидеску принять карту отказал-

⁶² Оглашению подлежит... Док. 111. С. 200.

⁶³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 225. С. 376.

⁶⁴ Там же (примеч.).

⁶⁵ Там же. Док. 225. С. 375.

⁶⁶ Там же. Док. 232. С. 386.

ся, сославшись на то, что он все равно не сможет передать ее своему правительству в предоставленный Москвой срок 24 часа.

Рассматривая имеющиеся сегодня у исследователей данной проблемы документы, нельзя не обратить внимание на определенную нервозность НКВД в мотивировке как выдвижения бессарабского вопроса, так и обоснования его сути: использовались не исторические и международно-правовые аргументы в пользу возвращения Бессарабии Советскому Союзу, а подчеркивалось силовое преимущество, которым мог воспользоваться СССР. При такой постановке вопроса законность требований советского правительства явно уступала конъюнктурному подходу имперского диктата великой державы в отношении своего слабого соседа. В этой связи не случаен акцент советской ноты на то, что «военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрее разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов...»⁶⁷.

Румынский король Кароль II оставил дневниковые записи о мрачных предчувствиях и даже панике членов правительства и среди своего окружения в связи с тем, что претензии СССР подтолкнул других соседей Румынии, а именно Венгрию и Болгарию, к предъявлению своих территориальных требований, касающихся соответственно Трансильвании и Добруджи. Поэтому на срочном созванном заседании коронного совета вопрос об отношении к советскому ультиматуму рассматривался во всей его остроте: оказать ли сопротивление или капитулировать? Король скорее потрясен, чем возмущен ультимативной по форме нотой Молотова: «это так страшно, что ни один румынский ум не может этого воспринять»⁶⁸. Все-таки первой его реакцией было ощущение риска, но и необходимости «сопротивляться подобному вызову», придерживаясь того, о чем столько раз Румыния заявляла, — «если на нас нападут, мы будем защищаться»..., я не могу представить себе, как может суверен страны уступить территории, несомненно являющиеся, фактически и исторически, румынскими... Я — решительно за сопротивление»⁶⁹.

Обсудив сначала в узком кругу с председателем совета министров Г. Татареску и министром иностранных дел И. Джигурту советскую ноту, король затем перенес вопрос на коронный совет. Кароль II и ведущие румынские политики пришли к мнению, что

⁶⁷ Там же. С. 385.

⁶⁸ *Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы (далее — Бессарабия на перекрестке...). М., 1996. Раздел VII. Док. 20. С. 358.

⁶⁹ Там же.

ситуация становится еще более серьезной в связи с тем, что нет «никакой уверенности относительно границ с Венгрией и Болгарией: мы рискуем оказаться в критической ситуации, если будем атакованы на трех фронтах». При голосовании по вопросу принятия ультиматума результат был: 11 — против, 10 — за, 4 — за дальнейшее обсуждение советских условий и 1 — воздержался. Но однозначна была поддержана идея, что Румынии «было бы трудно без чьей-либо помощи сопротивляться», поэтому необходимо изложить Берлину ситуацию и просить его «удержать в узде по крайней мере Венгрию и Болгарию». Король прямо указывает в дневнике, «что за все это Германия несет моральную ответственность, ибо, чтобы удовлетворить ее, я избегал установления дружественных отношений с СССР»⁷⁰.

В середине дня 27 июня в МИД Румынии поступила телеграмма Риббентропа с красноречиво кратким содержанием: «Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства»⁷¹. С пояснениями германской позиции к королю явился Киллингер, «дипломатический инспектор Рейха», как он был назван в дневнике Кароля. Он убеждал последнего, что в данный момент немецкая стратегия заключается в том, чтобы не воевать на двух фронтах и что главный враг Германии сейчас — Англия. «С другой стороны, СССР оказал такую услугу Рейху, что не может быть и речи о повороте против Советов по нашему желанию». Король удостоился лишь согласия Киллингера телеграфировать в Берлин заявление румынского монарха о том, что хотя он «сблизился с Германией, она без зазрения совести продала нас во имя своих интересов»⁷².

После изложения на втором заседании коронного совета всех перипетий обсуждения советской ноты, в том числе и телеграммы Риббентропа, уже только 6 из 26 присутствовавших высказались за сопротивление. Было принято решение «во избежание вооруженного конфликта» согласиться с советскими условиями, одновременно начать проведение в стране всеобщей мобилизации.

27 июня в 23.00 посланник Давидеску сообщил Молотову ответ румынского правительства, «что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле, к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства». Молотов на это заметил, что «не видит в сделанном заявлении согласия на советские предложения» и «полагает,

⁷⁰ Там же. С. 359.

⁷¹ Оглашению подлежит... Док. 115. С. 204–205.

⁷² Бессарабия на перекрестке... Раздел VII. Док. 20. С. 360.

что завтра же советские войска должны вступить на территорию Бессарабии и Северной Буковины». Советская сторона усмотрела в румынском ответе готовность лишь к каким-то будущим переговорам, между тем как в ноте Москвы от 26 июня говорилось о передаче СССР территорий, а не о переговорах. Молотов выразил явное неудовлетворение позицией Бухареста, расцененной как попытка оттянуть решение вопроса. Он подчеркнул, «что в настоящий момент он желает договариваться только об эвакуации румынских войск», поскольку «отсрочка в реализации намеченных мероприятий нежелательна и вредна» и он считает «необходимым, чтобы занятие территорий Бессарабии и Северной Буковины началось завтра», т. е. уже 28 июня⁷³.

В ответ на более жесткую позицию советского руководства, выраженную во второй ноте правительства СССР от 28 июня, румынское правительство заявило, что, «принимая во внимание сообщения, полученные от немецкого и итальянского правительств, а также со стороны правительств Балканской Антанты, ...дабы избежать серьезных последствий, к которым привело бы применение силы и открытие враждебных действий в этой части Европы, вынуждено принять условия эвакуации, обозначенные в советском ответе»⁷⁴.

Сопоставление дипломатических документов, которыми обменивались в эти драматические дни июня 1940 г. обе стороны, позволяет сегодня обратить внимание на определенную искусность румынской дипломатии в изложении позиции своей страны. В конечном счете Румыния соглашалась на требуемые уступки территории в пользу СССР, но сумела закрепить правовой статус этих уступок: во-первых, как сделанных под нажимом угрозы, а, во-вторых, давая свое согласие не «на возвращение» территорий, как это представлялось в советских нотах, а «на эвакуацию» румынских войск с этих территорий.

Этот фактор был использован годом позже румынским руководством, когда в приказе своим войскам выступить совместно с германской армией против СССР 22 июня 1941 г. диктатор И. Антонеску объяснял вступление Румынии в войну желанием нации освободить оккупированные румынские земли, которые были лишь временно уступлены под давлением советских угроз.

Надо отметить, что румынская дипломатия использовала этот фактор также и для того, чтобы заручиться германской поддержкой будущих планов возвращения утраченных территорий. Так, 29 июня 1940 г. на совещании у Кароля была подтверждена ли-

⁷³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 229. С. 380–384; Док. 236. С. 389.

⁷⁴ Бессарабия на перекрестке... Раздел VII. Док. 28. С. 369–370; Док. 29. С. 370.

ния румынского правительства на присоединение к фашистской оси Берлин — Рим ⁷⁵. Румыния объявила об отказе от англо-французских гарантий. В начале июля Кароль направил Гитлеру просьбу прислать «военную миссию», которая помогла бы сдерживать «русскую угрозу», но в действительности должна была бы явиться поддержкой Берлином Румынии в случае выдвижения территориальных претензий со стороны Венгрии и Болгарии.

Однако на деле произошло иначе. К концу августа 1940 г. разногласия между Румынией и Венгрией относительно Трансильвании достигли такой остроты, что Германия во взаимодействии с Италией использовала в известной мере прецедент советского примера в решении бессарабского вопроса. Германский посол в Бухаресте Фабрициус успешно выполнил свою миссию подготовить румынское правительство к пониманию «неизбежности территориальных уступок» во имя поддержания мира на Балканах и достижения взаимопонимания, благоприятного для румыно-германских отношений. В ночь с 29 на 30 августа коронный совет рассматривал германо-итальянский ультиматум (арбитраж) о передаче Венгрии почти всей Трансильвании. Этот вопрос Риббентроп и итальянский министр иностранных дел Г. Чиано поставили перед румынскими представителями в Вене, предоставив всего несколько часов на размышление румынской стороне. При этом германская дипломатия даже не проинформировала Москву о предстоявшем решении. В ответ на вырванное у королевских кругов Румынии согласие на условия Венского диктата страна получила итало-германские гарантии ее территориальной целостности, что явно носило провокационный, прежде всего антисоветский характер ⁷⁶.

Венский диктат взорвал политическую обстановку в стране. Под давлением армейской верхушки и массовых выступлений румынского населения Трансильвании, оказавшегося под господством Венгрии, король отрекся от престола в пользу своего сына — несовершеннолетнего принца Михая. Премьер-министром, а позже главой государства стал генерал И. Антонеску, публично выдвинувший своей целью «объединить все земли родины». Фактически уже с момента прихода к власти он объявил «крестовый поход» в борьбе за «Великую Румынию» в союзе с гитлеровской Германией и странами фашистской оси.

15 сентября 1940 г. в Бухарест по приглашению Антонеску прибыл германский генерал Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в Румынии. В ходе бесед с ним

⁷⁵ L'Independance roumaine. 1940. 4 iulie.

⁷⁶ См. гл. VI.

Антонеску повторил свои опасения относительно советской угрозы и просил Германию направить войска для укрепления и обучения румынской армии и гарантии безопасности страны. Одновременно он поднял вопрос о заключении военного союза между Румынией и Германией⁷⁷.

В начале октября 1940 г. в Румынию прибыло уже несколько эшелонов с германскими войсками, включая и моторизованные части. МИД Германии дал поручение своим представителям довести до сведения стран, где они работают, что предпринятая акция «должна быть мотивирована желанием рейха поддерживать на Балканах мир и порядок» и что в то же время ввод войск должен был «обеспечить защиту германских интересов относительно нефти и зерна против попыток Англии создать угрозу»⁷⁸. Однако уже тогда в записке Кейтеля Риббентропу определялись истинные задачи германских войск в Румынии: «защитить нефтяные месторождения, обеспечить повышение боеготовности румынской армии в соответствии с нашим планом по обеспечению интересов Германии..., в случае, когда мы будем вынуждены вступить в войну с Советской Россией, подготовиться к использованию германских и румынских войск с румынского направления...»⁷⁹. В соответствии с этими задачами германский генеральный штаб наращивал численность своих сил в Румынии ускоренными темпами: в конце ноября 1940 г. румынские власти имели сведения, что в стране находится более 25 тыс. военнослужащих рейха, в январе 1941 г. — уже 170.6 тыс., а после заключения германо-болгарского военного протокола от 8 февраля 1941 г. число германских военных в Румынии возросло до 367.7 тыс. человек⁸⁰.

После подписания Гитлером «Директивы-20» (известной как план «Операции Марица»), которая разрабатывала операцию вторжения в Грецию, предусматривалось введение в Румынию еще 7–8 дивизий первого эшелона и до десятка дивизий следующей очереди, с очень высоким процентом техники, особенно бронированных частей. Таким образом, немецкие войска постепенно брали под контроль не только стратегически важные для Германии зоны нефтедобычи, но и дороги, сырьевые запасы, создавая плацдармы в направлении восточной и южной границ Румынии. Учитывая эти события и новый курс румынской внешней политики на союз с гитлеровским военным блоком, США приняли даже решение заморо-

⁷⁷ DGFP. Series D. Vol. XI. Doc. 75.

⁷⁸ Ibid. Doc. 166, 169.

⁷⁹ Ibid. Doc. 84.

⁸⁰ Ibid. Doc. 388, 556.

зить золотой и валютный запасы Румынии, находившиеся на хранении в американских банках ⁸¹.

Когда в конце декабря 1940 г. Антонеску был проинформирован в общих чертах о существовании плана «Барбаросса», фюрер как будто бы не требовал от своего румынского союзника активного участия в грядущей антисоветской войне. Германии важнее было получать из Румынии необходимые ресурсы для снабжения армии, иметь спокойный тыл для своих войск. Но Антонеску сам предложил услуги румынской армии и страны в войне против СССР, так как у румынского кондукэторула были свои «высшие задачи» — «вернуть Румынии ее территории... и обезопасить страну от большевизма» ⁸².

На рассвете 22 июня 1941 г., отдавая румынским войскам приказ «Перейти Прут и освободить родину!», Антонеску видел уже новые границы Румынии до Крыма, Кавказа и поволжских степей. Бесславно закончился восточный поход армий Антонеску, который начинал войну генералом, проиграл ее, но стал маршалом, а остался в истории плохим политиком, ввергнувшим Румынию во вторую мировую войну.

⁸¹ Anuarul Institutului de istorie «A. D. Xenopol». Iași, 1987. P. 103.

⁸² Maresalul Ion Antonescu. P. 58–59.

Глава VIII

Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах

Еще накануне второй мировой войны официальная внешнеполитическая линия Болгарии провозгласила нейтралитет и стремление к мирной ревизии Нейского договора 1919 г. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, царь Борис и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться и позволит ей лавировать до того момента, пока не станет ясно, участие в каком из блоков позволит ей извлечь для себя максимальную выгоду при минимальных потерях. В секретной директиве № 19 о «позиции Болгарии при создавшейся международной обстановке», которую премьер-министр Г. Кюсеиванов направил 19 апреля 1939 г. всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, что «Болгария проводит и будет проводить до тех пор, пока это окажется возможным, самостоятельную политику, не связывая себя никакими обязательствами» и что «в конечном счете Болгария придерживается выжидательной политики». В то же время в директиве отмечалось: «Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75 % нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств». А поскольку оружие Болгария вынуждена приобретать почти исключительно у немцев, она «подвергается опасности того, что с германской стороны ей будут поставлены политические условия»¹. Таким образом, уже накануне войны начала обозначаться линия болгарских правящих кругов на сближение с фашистской Германией.

С началом войны правящие круги Болгарии оказались в новой ситуации. Было ясно, что страна, расположенная в районе, где скрестились интересы могущественных сил, не сможет долго оста-

¹ Текст директивы № 19 опубликован в ряде исследований. См., напр.: *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (пачауше и в пачальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 20-21; *Генчев П.* Внешнеполитическа ориентация на България в навечерието на Втората световна война // *Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет.* Т. LXI. Кн. III. София. 1968. С. 171.

ваться в стороне от конфликта, что рано или поздно ей будут предъявлены требования обеими воюющими группировками. Борьба дипломатии двух блоков за Болгарию приняла более интенсивный характер.

Тем не менее, в первые месяцы войны основные положения директивы № 19 оставались в силе. 15 сентября 1939 г. правительство Кьосеиванова заявило о нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей вменялось в обязанность настойчиво подчеркивать миролюбие и нейтралитет Болгарии, разъясняя при этом, что Болгария, не отказываясь от требования ревизии Нейиского договора, надеется добиться разрешения этого вопроса мирным путем по окончании войны. В этом же духе были выдержаны многочисленные высказывания царя Бориса и других болгарских политических деятелей в начальный период войны. Маневрируя между великими державами — Германией, Англией, Францией, Италией и Советским Союзом, царь Борис в контактах с представителями этих держав стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии.

В обширной болгарской и отечественной исторической литературе по проблемам внешней политики Болгарии в годы второй мировой войны вопрос об истинном характере объявленного Болгарией нейтралитета остается в течение длительного времени дискуссионным. Большинство авторов полагает, что болгарское правительство следовало политике так называемого «мнимого нейтралитета», под прикрытием которого сознательно, целенаправленно и неуклонно проводило курс на вестороннее привязывание Болгарии к гитлеровской Германии². Согласно другой точке зрения, Болгария действительно придерживалась политики мира и нейтралитета, выразившегося в неприсоединении и свободном лавировании между противоречивыми тенденциями в международных отношениях³. Наконец, третья точка зрения, представленная Д. Сирковым в его фундаментальном труде «Внешняя политика Болгарии 1938–1941 гг.», заключается в том, что внешняя политика Болгарии в рассматриваемый период не диктовалась ни

² См., напр.: История на България. Т. III. София, 1964; *Валева Л. Б.* Указ. соч.; *Вознесенский В. Д.* Царь Борис, Гитлер и легионеры // Новая и новейшая история. 1971. № 1, 2.

³ *Генчев П.* Външната политика на България през началния период на Втората световна война (1939–1941) // Годник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. Т. LXIII. Кн. III. София, 1971.

полностью «мнимым нейтралитетом», ни линией последовательного нейтралитета и неприсоединения, а включала элементы того и другого, но этим отнюдь не исчерпывалась. «Речь идет, — писал Сирков, — о такой политической линии, о таком нейтралитете, который содержит в себе постоянно возрастающее прогерманское ядро. Этот процесс не исключает в ряде случаев лавирования, но последнее находится в определенных рамках, все более и более оно ограничивается устойчивой и все четче проявляющейся тенденцией к сближению и связыванию с гитлеровской Германией. Этот процесс, развиваясь по восходящей линии и в условиях специфической международной обстановки, без фатального предопределения, приводит страну в лагерь государств агрессивного Тройственного пакта»⁴.

Вывод Сиркова выглядит наиболее убедительно. Если в конце 1939 г. и в начале 1940 г. утверждается линия «шагания в ногу с Германией» при неучастии в военном конфликте, то в апреле-октябре 1940 г., когда фашистский блок одерживает крупные военные победы, Болгария уже ориентируется на частичную реализацию своих ревизионистских требований при поддержке Германии. Болгарское правительство придерживается уже тезиса о «невоюющей», а не «нейтральной» стране. Однако это еще не значит, что Болгария фатально обречена на вступление в войну на стороне Германии.

При выработке внешнеполитического курса Болгарии первостепенную роль играл царь Борис III, сосредоточивший в 1935 г. в своих руках непосредственное управление страной. Еще накануне войны Бориса мучила противоречивость складывавшейся ситуации. С одной стороны, он намеревался сделать все возможное, чтобы Болгария осталась в стороне от надвигавшейся бури. Он хорошо помнил военную катастрофу 1918 г., когда его страна выступала в союзе с Германией. С другой стороны, Борис понимал, что именно новая мировая война, которой он так боялся, может взорвать Версальскую систему, ликвидировать статус кво, являвшийся последствием Нейского мира, жестоко несправедливого в глазах почти каждого болгарина. Поэтому было бы нереалистичным не видеть определенной симпатии в болгарском обществе к германскому ревизионизму. Однако учитывая то обстоятельство, что все соседние государства были объединены против Болгарии в пакты и союзы (именно с целью сохранения статус кво), София говорила о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, всегда при этом подчеркивая, что она выступает лишь за мирное их разрешение.

⁴ Сирков Д. Външната политика на България. 1938–1941. София. 1979. С. 11.

Национал-социалистическая Германия была носителем тех тенденций в европейской политике, от усиления которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований, прежде всего возвращения Южной Добруджи Румынией и получения выхода к Эгейскому морю от Греции. Тем не менее, осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора. Решение своих территориальных проблем Болгария стремилась искать в договоренности с несколькими великими державами. Большие надежды в этом плане болгарский монарх возлагал на заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении.

Уже в мае 1939 г. Болгария выступила посредником намечавшегося германо-советского сближения. Болгарский посланник в Берлине П. Драганов сообщил временному поверенному в делах СССР в Германии Г. А. Астахову, что государственный секретарь «третьего рейха» Э. Вайцзеккер обратился к нему с просьбой передать Астахову, что Германия готова к политическим и экономическим переговорам с СССР⁵. Месяцем позже к посредничеству Драганова прибегла уже советская сторона, чтобы передать германскому МИДу условия советско-германской сделки. Драганов сообщил 15 июня 1939 г. заместителю госсекретаря МИДа Германии К.-Э. Верману о позиции Москвы: если Германия сделает заявление, что она не нападет на СССР, или если она заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз откажется от заключения договора с Англией. При этом Драганов дал Верману понять, что Болгария проявляет большую заинтересованность в германо-советском пакте и в связанной с ним уступке Бессарабии Советскому Союзу⁶. В заключении советско-германского пакта болгарское правительство видело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее Болгарии возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по мнению болгарских властей, зависело разрешение территориальных вопросов Болгарии.

Исследователи, в той ли иной мере касавшиеся вопроса о восприятии в Болгарии советско-германского пакта, единодушны в признании того, что пакт был встречен одобрительно как широкими народными массами, так и прогермански настроенным правительством Г. Кьосеиванова⁷. Последний выразил свое удовле-

⁵ Hoppe H.-J. Bulgarien-Hitlers eigenwilliger Verbündeter. Stuttgart, 1979. S. 67.

⁶ ADAP, D. Bd. VI. Dok. 529.

⁷ Подробнее см.: *Валева Е. Л.* Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и реакция на его заключение в Болгарии // Политический кризис 1939 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. И. И. Поп. М., 1989.

творение этим событием перед германским посланником в Софии: «Заключение германо-советского пакта убедило также прежних противников „шагания в ногу“⁸ Болгарии с Германией в правильности политики болгарского правительства. Вся страна восприняла пакт с радостью и большим облегчением»⁹. Кьосеиванов высказал надежду, что теперь и Турция пересмотрит свою политику. Немецкие наблюдатели также сообщали в своих донесениях из Софии, что советско-германский договор был воспринят болгарским населением восторженно, многие отмечали это событие как праздник, как успех Болгарии¹⁰.

Посланник Болгарии в СССР Н. Антонов 4 сентября в беседе с заместителем наркома иностранных дел В. Г. Деканозовым выразил уверенность, что после заключения пакта «советско-болгарские отношения еще более улучшатся, ибо если раньше было некоторое недоверие между народами Болгарии и СССР, то теперь его уже быть не может».

Действительно, с лета 1939 г., параллельно с усилением прогерманской ориентации Болгарии наблюдается заметное улучшение ее отношений с СССР. Продолжительный застой, наступивший практически сразу после восстановления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г., не был случайным. Он объяснялся слабым интересом, который Советская Россия проявляла к Балканам вообще и к Болгарии в частности, а также общим антиревизионистским направлением советской внешней политики. Москва полагала, что дружба с Турцией обеспечивает ей привилегированное положение в Черном море и проливах. Между тем, политическая ситуация в Европе развивалась таким образом, что советскому руководству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические постулаты.

Еще на конференции в Монтре 1936 г. СССР понял, что он уже не может рассчитывать на турецкую гарантию в отношении Дарданелл, поскольку после итало-абиссинской войны Турция стала открыто ориентироваться на Англию. Это не могло понравиться советскому правительству, поскольку ему было ясно, что возможный англо-турецкий союз неблагоприятно отразится на равновесии сил на Ближнем Востоке и автоматически выдвинет на передний план вопрос о проливах. В конце апреля 1939 г. в Анкару был послан заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин с целью выяснить намерения турецкого правительства

⁸ В тексте: «Zusammengehen».

⁹ ADAP, D. Bd. VII. Dok. 314.

¹⁰ ЦХИДК. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.

¹¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 538. С. 23.

как в отношении Германии, так и в отношении Англии и Франции. На пути в Турцию и при возвращении в Москву Потемкин останавливался в Софии и имел встречи с царем Борисом и Г. Кюсеивановым. Во время бесед с ними были затронуты интересующие обе стороны вопросы. В донесении Н. Антонова Г. Кюсеиванову от 14 мая излагалась позиция Потемкина (и, соответственно, советского правительства): он безоговорочно поддерживает болгарское требование немедленного возвращения Южной Добруджи, отошедшей по Нейсскому договору 1919 г. к Румынии, а что касается Западной Фракии и районов на западной границе с Югославией, которые после первой мировой войны перешли соответственно к Греции и Югославии, то решение о возвращении этих территорий откладывается на более поздний срок. При этом Потемкин высказал надежду, что Болгария не выступит в случае конфликта на Балканах на стороне Германии или Италии¹². Потемкин выразил Антонову свое удовлетворение приемом, который ему был оказан в Софии. Особенно он был удивлен «проявленными народными симпатиями, что показывает, — подчеркнул Антонов, — что он не знает нашей страны, как, впрочем ее не знает и никто из руководителей советского режима»¹³.

Посещение Потемкиным Софии свидетельствовало о том, что в связи с изменением внешнеполитической ориентации Турции и создавшимся новым соотношением сил в средиземноморском бассейне Кремль начал проявлять повышенный интерес к Болгарии, которая в силу своего географического положения и своих исторических связей с русским народом могла бы сыграть значительную роль в балканской политике Советского Союза.

Ярким проявлением этой перемены в советском отношении к Болгарии был прием группы депутатов болгарского парламента в Москве в августе 1939 г. Болгарская делегация, официально прибывшая для посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, была повсюду встречена подчеркнуто радушно. Она имела встречи и контакты с видными советскими государственными деятелями, а 9 августа была принята в Кремле В. М. Молотовым. Имевшая место почти трехчасовая беседа представляет значительный интерес для прояснения советской политики в отношении Болгарии. Центральным вопросом на встрече стала внешнеполитическая ориентация Болгарии — как на текущий момент, так и в будущем. На дважды заданный Молотовым вопрос, не взяла ли Болгария на себя каких-либо внешнеполитических обязательств,

¹² Архив на Минпстерство на външните работи (далее АМВнР). Оп. 1ш. Д. 17. Л. е. 120. Л. 32–42.

¹³ Там же. Л. 33.

председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Г. Говедаров дал категоричный ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного, эффективного и исчерпывающего нейтралитета. В Берлине шеф болгарского правительства г-н Кюсеиванов¹⁴ не принял никаких обязательств, ни военных, ни политических»¹⁵. Не вполне удовлетворенный этим ответом присутствовавший на встрече В. Г. Деканозов попросил Говедарова пояснить: «что означает в сущности ваш строгий, лояльный и эффективный нейтралитет? Нейтралитет, но до каких пор? После, где и с кем вы будете?»¹⁶ Говедаров вынужден был дать разъяснение, которое плохо прикрывало слабые стороны внешнеполитической линии Болгарии: «Болгария не имеет ни права, ни возможности отказаться от нейтралитета, не подвергая себя смертельному риску. Вы слышали о больших трудностях Болгарии. Знаете о хозяйственных связях и зависимости Болгарии сегодня. Любой неправильный и поспешный шаг легко приведет к хозяйственной катастрофе нашего крестьянина и нашу национальную экономику»¹⁷. Таким образом, Говедарову не удалось скрыть того факта, что болгарский нейтралитет находится в экономической зависимости от Германии. Это не ускользнуло от внимания Деканозова, который довольно жестко заметил, что события заставят Болгарию определиться.

На встрече был поднят и больной для Болгарии вопрос о ревизии Нейсского мирного договора. Молотов категорично высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хоть и в более сдержанной форме, — за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Подчеркнув, что Советский Союз желает, чтобы на Балканах существовала сильная Болгария, и что он готов оказать ей всяческое содействие, Молотов в то же время предупредил, что «если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Цариград немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза»¹⁸. С этой оговоркой Молотов пообещал содействие Болгарии как в экономической, так и в политической областях и сказал, что необходимо заключить торговое соглашение.

¹⁴ Речь идет о поездке Г. Кюсеиванова в Берлин, где 5 и 6 июля 1939 г. состоялся его встречи с Гитлером и Риббентропом.

¹⁵ Научен архив на Българската академия на науките (далее НА БАН). *Стоичко Мошанов*. Из спомениште мн. Сб. IV. Оп. 110. А. е. 157. Л. 420.

¹⁶ Там же. Л. 422.

¹⁷ Там же.

¹⁸ АМВнР. Оп. 1ш. Д. 17. А. е. 120. Л. 80.

В своем пространном донесении в МИД болгарский посланник в Москве Н. Антонов, подводя итоги посещения делегации Народного собрания, справедливо отмечал, что международная ситуация складывается так, что Советский Союз заинтересован теперь в заключении соглашения с Болгарией. Оно необходимо ему прежде всего, чтобы помешать сотрудничеству Болгарии с Германией и Италией в зоне, имеющей жизненно важное значение для СССР. Поэтому посещение болгарской делегации не останется без результатов, первым из которых будет заключение торгового договора, который Москва подпишет «по чисто политическим, а совсем не по экономическим соображениям». Но еще важнее — это стремление Москвы сделать Болгарию своим союзником, добиться гарантии, что Болгария ни в коем случае не окажется в стане врагов СССР. Если авансы Москвы будут отвергнуты, — предупредил Антонов, — то может возникнуть острая реакция, которая даст «свободный ход всем турецким и румынским интригам против Болгарии». Чтобы предотвратить эту опасность, Антонов советовал «не поддерживая официально союзнический темп, ... поддерживать разговоры... И поскольку речь идет о чисто моральной гарантии, не могли ли бы мы заключить эвентуально пакт о вечной дружбе, какой мы уже имеем с Югославией и Турцией и который, полностью успокоив Советский Союз, ни к чему конкретному нас не обяжет?»¹⁹

Дальнейшее развитие событий подтвердило новый курс советской политики на Балканах. Пакт о ненападении с Германией, а затем в еще большей мере — советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. лишили смысла важный советский внешнеполитический постулат — борьбу «против фашизма» и «против агрессора». Одновременно не мог не исчезнуть и антиревизионизм советской политики. СССР не только принял принцип ревизии, но и приступил совместно с Германией к его реализации. В этом же свете надо рассматривать и начавшуюся с Турцией дискуссия о безопасности СССР в Черном море и Дарданеллах. Именно тогда советское правительство, проявляя повышенный интерес к Болгарии, выразило желание придать отношениям между двумя странами солидную договорную базу. При этом предпочтение оно отдавало договору о политическом сотрудничестве или пакту о взаимной помощи. В сентябре 1939 г. болгарское правительство, обеспокоенное сообщениями о предстоящих действиях англо-французского блока на Балканах и против Болгарии, решило прозондировать вопрос о возможной помощи со стороны Советского Союза. 19 сентября Антонов встретился для

¹⁹ Там же. Л. 82–83.

этого с Деканозовым, а на следующий день — с Молотовым. Как уже говорилось (см. гл. I), нарком высказался в том смысле, что советское правительство может оказать воздействие на Турцию, но оно желает знать точно, чего именно хочет Болгария, хочет ли она сближения с СССР или нет. Когда же Антонов дал положительный ответ, Молотов предложил заключить договор о взаимной помощи²⁰.

Однако подобное развитие событий не входило в планы болгарских властей. Поскольку София затягивала с ответом на предложение Молотова, 12 октября Антонов был вызван в Наркоминдел, где Деканозов обвинил болгарское правительство в нежелании сближения с СССР²¹. Царь Борис, приняв в принципе решение отказаться от предложенного договора, был обеспокоен главным образом тем, чтобы этот отказ не был дан в пренебрежительной форме и не имел бы в качестве последствия охлаждения Москвы к Болгарии. Во время встречи нового советского полпреда в Софии А. И. Лаврентьева с Г. Кьосеивановым, состоявшейся 3 ноября 1939 г., болгарский премьер вынужден был давать пространные, но противоречивые и неопределенные объяснения. Его положение действительно было незавидным: ведь болгарское правительство само обратилось к Советскому Союзу за помощью в случае нападения на Болгарию и теперь само же ищет способ отклонить предлагаемый пакт о взаимопомощи. Основные возражения Кьосеиванова против заключения пакта сводились к следующему: болгарскому правительству неизвестно, что конкретно имел в виду Молотов, когда говорил о пакте; заключение договора о взаимопомощи в данный момент может ускорить войну на Балканах и в первую очередь вызвать нападение со стороны Турции и Англии на Болгарию; СССР и Болгария могли бы оказывать друг другу помощь и без подобного политического договора. По мнению Кьосеиванова, следовало бы начать с заключения торгового договора, соглашения о мореплавании и воздушном сообщении, а также конвенции о культурных связях²².

12 ноября 1939 г. Молотов направил Лаврентьеву телеграмму, в которой признавал: «Пожалуй, болгары правы, говоря об опасностях для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта взаимопомощи. Что же, можно с этим подождать. Что касается авиационного соглашения, а также торговли, то считаем возможным заключить авиационное соглашение и рассмотреть

²⁰ Там же. Л. 123.

²¹ Там же. Л. 139; см. также: *Генчев Н.* Указ. соч. С. 319.

²² Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. Т. 1. М. 1976. Док. 510. С. 468–469.

благоприятно торговые вопросы»²³ (проект соглашения «Об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и Болгарией» был разработан НКВД еще в сентябре 1939 г.²⁴). «Во всяком случае, — говорилось далее в телеграмме, — можно секретно сказать Кьосеиванову, что если болгары попадут в какую-либо беду, то они могут рассчитывать на то, что Советский Союз не покинет их и, при желании болгар, будет готов оказать им эффективную помощь»²⁵. Через день Лаврентьев посетил Кьосеиванова и сделал заявление согласно указанию Молотова. В ответ болгарский премьер выразил от имени своего правительства благодарность и «искреннюю преданность за доверие», а также готовность немедленно подписать воздушное соглашение и приступить к торговым переговорам²⁶.

Отказываясь заключить с Москвой пакт о взаимной помощи, София надеялась в то же время на успех проходивших в октябре 1939 г. советско-турецких переговоров, которые уменьшили бы угрозу балканской операции западных держав и, соответственно, ввязывания Болгарии в балканский конфликт. Когда же турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу 17 октября уехал из Москвы с пустыми руками, а 19 октября Турция подписала пакт о взаимной помощи с Англией и Францией, царь Борис выразил мнение (а скорее — опасение), что «теперь для русских Болгария „возрастет в цене“»²⁷. Он не без основания боялся, что «русские в их стремлении к Дарданеллам могут уготовить Болгарии такую же роль, как Эстонии относительно портов на Балтийском море»²⁸.

В конце ноября 1939 г. в Москву был направлен начальник военно-воздушных сил Болгарии полковник В. Бойдев для ведения переговоров о заключении воздушного соглашения и о закупке Болгарией советских самолетов. Однако в Москве заговорили не только об этом, но и о возможности создания в Болгарии советской воздушной базы и даже о праве прохода советских войск через болгарскую территорию в случае возможного конфликта с Турцией²⁹. На это царь Борис, понимавший, какую опасность

²³ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. Док. 769. С. 279–280.

²⁴ Там же. Док. 619. С. 115.

²⁵ Там же. Док. 769. С. 280.

²⁶ Там же. Док. 783. С. 298.

²⁷ РА АА. Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I. Телеграмма германского посла в Софии Рихтхофена в Берлин от 18.X.1939.

²⁸ Ibid. Допесение Вайцзекекера в МИД Германии от 27 октября 1939.

²⁹ Ibid.; Magyar Országos Levéltár Budapest (далее MOL). К. 63. 1939 — 5. t. 21 old. Телеграмма венгерского посланника в Софии Юнгера (М. Арпоти) в МИД Венгрии от 24.XI.1939.

для национального суверенитета его страны несет в себе эта просьба, естественно, пойти не мог. Своими тревогами он поделился 4 декабря с послом Германии Рихтхофеном: «...Что делать Болгарии, если Россия вновь вернется к вопросу о пакте о взаимной помощи и чего доброго потребует предоставления воздушных и морских баз в Болгарии против Турции? Что думают об этом в Берлине? Останется ли Германия безучастной в случае возможных действий русских на Балканах?»³⁰. Царь открыто поставил вопрос, как оценивает германское правительство положение Болгарии, чтобы он в соответствии с этим определил и свою политику³¹. На это госсекретарь Германии Вайцеккер 15 декабря направил Рихтхофену указание сообщить царю Борису, что Германия не дает категоричного совета отказаться от советского предложения о пакте. В отпавшем при последней редакции пассаже телеграммы высказывалась надежда, что Болгария будет так проводить свою политику, чтобы не вступать в конфликт с СССР, поскольку при всей дружбе Германии с Болгарией и при всей своей готовности Германия не будет в состоянии помочь Болгарии в трудной ситуации из-за существующих обстоятельств (имелись в виду советско-германские договоры. — *Авт.*). В то же время в телеграмме Вайцеккера средствами дипломатического языка было сформулировано отрицательное мнение по вопросу заключения болгаро-советского пакта³².

Тем временем полковник Бойдев вернулся из Москвы, так и не подписав воздушного соглашения. Оно было подписано лишь месяц спустя после его визита, в Софии. Соглашение устанавливало регулярное воздушное сообщение между Москвой и столицей Болгарии.

Представляет интерес относящееся к этому времени донесение Антонова в болгарский МИД о посещении им Деканозова 13 декабря 1939 г.: «Весьма неохотно, но все же положительно, Деканозов мне заявил, что они входят в наше положение и, хотя желали бы большего, принимают позицию Болгарии как основу для болгаро-советского сотрудничества в надежде, что события, которые развиваются с ошеломляющей скоростью, сделают завтра возможным то, что сегодня для нас невозможно»³³.

В последние дни декабря начались и переговоры о торговом договоре и клиринговом соглашении между двумя странами. 5 января 1940 г. они были завершены. Это было успехом как для бол-

³⁰ ADAP, D. Bd. VIII. Dok. 415. S. 380.

³¹ Ibid. S. 381.

³² Ibid. Dok. 454. S. 419.

³³ АМВуР. Оп. Iш. Д. 17. А. е. 120. Л. 189.

гар, так и для СССР. Советский Союз, международный престиж которого был в этот период подорван ввиду войны с Финляндией, получил возможность продемонстрировать мирную и конструктивную политику. Но главное, советское правительство надеялось с помощью этих договоров прочнее привязать к себе Болгарию. Как писал еще в октябре 1939 г. временный поверенный СССР в Софии Н. И. Прасолов, «если мы свяжем Болгарию экономическими узами, то несомненно мы сможем оказывать влияние и на ее политическую жизнь»³⁴. Для экономики Болгарии, испытывавшей огромные трудности и имевшей в качестве торгового партнера практически одну Германию, торговый договор с СССР, к тому же на крайне выгодных для нее условиях, имел колоссальное значение. Как заявил болгарский министр финансов Д. Божилов, Болгария получила дефицитные товары, которые в условиях войны нигде больше не могла бы закупить, заплатив за них около 560 млн. левов, в то время, как поставки из других стран стоили бы не меньше 800 млн.³⁵

Успешное развитие экономических связей между СССР и Болгарией благотворно сказалось и на развитии их культурных связей. Советский Союз получил возможность широкой культурной пропаганды в Болгарии путем распространения научной и художественной литературы, газет и журналов. В Софии и Варне были открыты магазины по продаже советской книги. В кинотеатрах с огромных успехом демонстрировались советские фильмы. Шире развернули свою деятельность общества болгаро-советской дружбы. Все это способствовало росту среди болгарской общественности симпатий к СССР³⁶.

Новый болгарский посланник в Москве Т. Христов (Антонов) был отозван из-за чрезмерного, с точки зрения болгарского правительства, русофильства) сообщил в апреле 1940 г. новому министру иностранных дел И. Попову (с февраля 1940 г.), что в Советском Союзе «интерес к Болгарии постоянен и настроение по отношению к нам продолжает быть благоприятным». Ставя вопрос, следует ли работать в направлении расширения и углубления отношений с СССР, Христов высказывал при этом и собственное мнение: «Полагаю, что в интересах нашей страны будет сохранять *нынешнюю базу* (выделено в документе. — Авт.) болгаро-советских отношений и избегать и впредь какого-либо политически связывающего нас с Союзом Советских Социалистических Республик договора. Такое поведение диктуется нам как нестабильным

³⁴ АВП Рф, ф. 06. Оп. 1. П. 6. Д. 55. Л. 10.

³⁵ Цит. по: *Генчев Н.* Указ. соч. С. 320.

³⁶ Подробнее см.: *Валев Л. Б.* Указ. соч. С. 164–166.

положением в Европе, так и невыясненными еще тенденциями советской внешней политики»³⁷.

Таким образом, в конце 1939 — начале 1940 г. Болгария придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, но без перехода критической черты — заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи.

В отношениях с Германией Болгария и после начала войны продолжала «шагать в ногу» и согласовывать с ней свои важные внешнеполитические действия. В этот период (до весны 1940 г.) Германия еще не проявляет той чрезвычайной политической активности на Балканах, которую она развернула немного позже, и ее вполне устраивает пока прогерманский нейтралитет Болгарии и теснейшие экономические связи между двумя странами. К 1939 г. Германия заняла исключительное место в болгарской внешней торговле. Она не только закупала большую часть продуктов болгарского земледелия, но и проникла очень глубоко в болгарскую экономику³⁸. Вывоз зерна и продуктов (к тому же в ущерб внутреннему рынку и потреблению) на основе клиринга лишал Болгарию возможности иметь свободную валюту. Всесторонняя зависимость болгарского производства и болгарского рынка от Германии была результатом не только экономической экспансии рейха и его политического нажима, не только неправильных действий болгарской торговой политики, но и пассивности хозяйственной политики других крупных индустриальных стран (в том числе и СССР — до начала 1940 г.). Об этом говорил еще в июле 1939 г. Антонов Потемкину: «Болгарскому правительству нельзя не считаться с Германией. Достаточно напомнить, что 80 % болгарского экспорта идет в Германию. Конечно, экономическая зависимость Болгарии от одной страны представляется для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Однако, вместе с тем, она является прискорбной необходимостью, ибо ни Англия, ни Франция, ни Советский Союз не проявляют никакого желания экономически поддерживать Болгарию — хотя бы путем закупки более или менее значительной части ее продукции, предназначенной для экспорта»³⁹. В итоге Болгария действительно оказалась в трудном положении. Как писал в октябре 1939 г. Прасолов Молотову, Болгария, «по выражению Кьосеиванова, не имеет своих родителей, она почти круглая сирота, которую каж-

³⁷ АМВнР. Оп. 1ш. Д. 34. А. е. 272. Л. 95.

³⁸ Об экономической экспансии Германии в Болгарии см.: *Валев Л. Б. Указ. соч.* С. 189–201.

³⁹ АВР Рф. ф. 06. Оп. 1. П. 6. Д. 56. Л. 8.

дый старается обидеть»⁴⁰. Болгарский премьер-министр, конечно, намеренно сгущал краски, стремясь привлечь внимание великих держав к нуждам Болгарии.

Однако в конце 1939 г. со стороны Англии, Франции, Италии, балканских стран начинает проявляться дипломатическая активность в отношении Болгарии. Основной причиной было опасение роста влияния СССР на политику и экономику Болгарии. По словам Антонова, посетившего в ноябре 1939 г. Лаврентьева, «Болгария никогда не пользовалась таким вниманием со стороны всех стран, каким она пользуется сейчас. Все эти обстоятельства затрудняют положение болгарского правительства в части укрепления политических связей между Советским Союзом и Болгарией»⁴¹.

В ноябре 1939 г. в Болгарию приезжали различные делегации под флагом развития культурных связей. Председатель британского совета культуры лорд Ллойд посетил царя Бориса с целью склонить Болгарию войти в «Балканский нейтральный блок», сблизить Болгарию с Турцией и подчинить Англии экономику Болгарии путем покупки предназначенных для продажи в Германию товаров. В результате миссии Ллойда Болгария увеличила экспорт сельскохозяйственных продуктов в Англию. Итальянский министр национального образования Ботай прибыл в Софию для заключения культурной конвенции с Болгарией. Специальная делегация Германии вручила царю Борису почетный диплом доктора технических наук, однако действительная цель поездки была скорее всего иной⁴².

С сентября по декабрь 1939 г. в европейских и балканских столицах Болгария часто упоминается в связи с так называемым «Балканским нейтральным блоком», который должен был включить Румынию, Турцию, Грецию, Югославию, Болгарию, Венгрию и Италию⁴³. Идея этого блока, который должен был объединить все балканские страны с целью «совместной защиты нейтралитета от нападения с севера», исходила прежде всего от Англии и была оформлена в нескольких вариантах. Однако в основе всех предложений по созданию нейтрального блока лежало стремление к сохранению существующих на тот момент границ на Балканах и британского влияния там. Но именно на это и не могла пойти Болгария, мечтавшая о ревизии Нейиского договора. Поэтому в специальной директиве от 15 декабря 1939 г., направленной бол-

⁴⁰ Там же. Д. 55. Л. 11.

⁴¹ Там же. Л. 62.

⁴² ДВП. Т. XXII. Кп. 2. Док. 861. С. 409–410.

⁴³ Подробнее см.: Сирков Д. Указ. соч. С. 181–191.

гарским МИДом своим дипломатическим представителям за границей, говорилось: «В новых условиях войны отношение Болгарии к подобной цели консолидации существующей Балканской Антанты может быть только отрицательным»⁴⁴. В то же время против попытки создания блока выступили Германия, а также Советский Союз, имевший совсем другие планы сохранения нейтралитета Болгарии. Цели германской и советской политики на Балканах совпадали, когда речь шла об устранении влияния там западных держав. При этом Германия стремилась не допустить расширения советского влияния в этом регионе, а СССР, соответственно, пытался противостоять усилению влияния Германии. Нежелание Болгарии осложнять свои отношения с Германией и СССР, а также ее стремление оставить за собой определенную свободу лавирования между соперничавшими великими державами тоже нельзя сбрасывать со счетов при анализе причин, по которым болгарское правительство отказалось присоединиться к «блоку нейтралов». В итоге, под натиском действовавших с разных сторон факторов, идея создания «Балканского блока нейтралов» потерпела полный провал. Надежде Англии, Франции и все больше поддерживавших их США остановить германское экономическое и политическое проникновение в Юго-Восточную Европу и подготовить Балканы к отпору против возможной германской агрессии и против советского влияния не суждено было сбыться. Западные демократии все больше теряли свои позиции на Балканах. Политика Англии, Франции и США в отношении Болгарии после начала войны не могла объективно рассчитывать на успех, поскольку она выступала за сохранение статус кво на Балканах и противоречила болгарским ревизионистским планам. С другой стороны, в самой Болгарии эта политика не могла опереться на хорошо организованную общественную силу. Существовавшая внутри страны антигерманская буржуазно-демократическая оппозиция, симпатизировавшая англо-французскому блоку, проводила неопределенную, непоследовательную и нерешительную внешнеполитическую линию. Коммунисты, в свою очередь, настаивали на внешнеполитической ориентации на СССР.

В обстановке международной нестабильности и неопределенности, а также острой политической борьбы внутри страны Борис III решает окончательно монополизировать решение вопросов внешней политики. С этой целью он распускает ненадежный с его точки зрения парламент — рассадник различных политических настроений, а также избавляется от премьер-министра Кьосеиванова, который стал вызывать недоверие царя своими амбициями,

⁴⁴ Цит. по: Валев Л. В. Указ. соч. С. 139.

направленными на проведение самостоятельной политики. Состоявшиеся в декабре 1939 — январе 1940 г. выборы в Народное собрание 25-го созыва принесли впечатляющую победу правительству, получившему 140 мандатов. Оппозиция насчитывала всего 20 депутатов, намного меньше, чем в предыдущем парламенте. Царь Борис и правительство приняли результаты выборов как доказательство поддержки народом проводимой политики. Кьосеиванов, рассматривавший итоги выборов и как свой личный успех, был тем более удивлен, когда в середине февраля царь отстранил его от власти и назначил премьер-министром профессора археологии Богдана Филова, известного своими прогерманскими взглядами. При Филове решение всех, даже мельчайших вопросов управления целиком перешло в руки царя⁴⁵.

В некоторых работах марксистской историографии высказано мнение, что после смены правительства начинается целенаправленное сближение Болгарии с фашистской Германией⁴⁶. Противоположной является точка зрения, что в болгарской внешней политике после февраля 1940 г. не наступило абсолютно никаких перемен, что сама Германия не требовала от Болгарии смены ее внешнеполитического курса вплоть до осени 1940 г.⁴⁷ На самом деле, продолжая прежнюю генеральную линию — благосклонный к Германии нейтралитет, болгарское правительство увеличивает прогерманский заряд этого нейтралитета. Персональные изменения в правительстве, усиление прогерманского крыла в Народном собрании, дальнейшее расширение торговли с Германией, увеличение германских поставок болгарской армии — все это в условиях разгорающейся войны делает официально неизменной линию болгарского нейтралитета более уязвимой. Правда, надежда, что Германия удовлетворится благосклонным к ней нейтралитетом Болгарии и не заставит ее участвовать в военных действиях (как это было в случае с Испанией), пока не покидает царя Бориса, так же, как и надежда, что болгарские национальные требования будут удовлетворены мирным путем.

Поэтому, когда в июне 1940 г. Франция — гарант Румынии и Греции — терпит сокрушительное поражение, а Советский Союз в это же время предпринимает меры по присоединению Бессарабии и Северной Буковины, болгарское правительство решает, что наступило время сдвинуть с мертвой точки добруджанскую проблему.

⁴⁵ Димитров И. Иван Багрянов. Царедворец, политик, държавник. София, 1995. С. 31.

⁴⁶ История на България. Т. III. София, 1964. С. 363.

⁴⁷ Норре Н.-J. Op. cit. S. 78.

Болгарская дипломатия еще с апреля начала подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами благосклонно. Неожиданно не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора.

Царь Борис, беседуя с советским полпредом А. А. Лаврищевым в июле 1940 г. о современном положении Болгарии, говорил, что «она окружена со всех сторон представителями различных крупных государств, которые постоянно стоят с микроскопами и рассматривают Болгарию. Они рассматривают через свои микроскопы каждый внутренний поступок, каждый шаг того или другого министра, каждое сообщение в печати и анализируют все эти факты по-своему»⁴⁸. Такое исключительное внимание к Болгарии затрудняет деятельность государственного руководства как во внутренней жизни, так и во внешней политике, жаловался Борис. На самом деле болгарское правительство само привлекало внимание к своим внешнеполитическим проблемам, стремясь решать их с помощью великих держав, играя на их противоречиях, порой даже прибегая к шантажу.

В первые дни июля советское правительство уведомило болгарское, что оно поддерживает требования Болгарии по поводу Южной Добруджи и будет их поддерживать на будущей международной конференции, на которой они были бы поставлены⁴⁹.

Английский посланник в Софии Дж. Рендель спустя несколько дней также заявил министру иностранных дел Болгарии И. Попову о признании Англией болгарских прав на Добруджу. Как записал в своем дневнике Лаврищев, посетивший в эти дни Ренделя, англичанин очень «сожалел о том, что Англия, которая была связана с антиревизионистскими настроениями Франции, не могла раньше сделать этого заявления». «Болгария бесспорно получит Добруджу, — говорил Рендель, — только вопрос, от кого она ее получит». Он досадовал, что Англия не опередила в этом деле Германию и не возвратила Добруджу Болгарии еще два года назад⁵⁰.

Американский посланник в Софии Д. Эрл также встречался с Поповым и после этой встречи докладывал 27 июня в Вашингтон: «Теперь, когда румынский территориальный вопрос поднят Россией снова, болгарские претензии по поводу Добруд-

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 133. Л. 44.

⁴⁹ См.: Сирков Д. Указ. соч. С. 233.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 133. Л. 51.

жи будут рассмотрены, поскольку они столь справедливы, что даже и дьявольский суд не мог бы их отвергнуть»⁵¹.

Факты свидетельствуют о том, что с самого начала болгарское правительство решает искать поддержку своих требований главным образом у Германии. Это было доминантой во всей дипломатической деятельности Болгарии летом 1940 г. При этом неизменно присутствовал следующий аргумент: Южную Добруджу Болгария должна получить при решительном содействии Германии, иначе в противном случае свои политические дивиденды извлекут Советский Союз и коммунисты внутри самой Болгарии.

Еще в июне 1940 г. царь Борис предупредил германского посланника Рихтхофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Болгарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, царь заметил, что положение станет невыносимым, если Болгария не получит хотя бы обещание (*Wechsel*) со стороны Германии. Это может породить опасность «насильственного переворота, который в будущем приведет к установлению тесных связей с Москвой»⁵². Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу от Советского Союза. Царь же предпочитает получить ее из рук Германии.

15 июля Гитлер в письме к румынскому королю посоветовал ему «договориться одновременно как с Болгарией, так и с Венгрией на разумной основе»⁵³ (Венгрия по Трианонскому мирному договору 1920 г. потеряла Трансильванию, которая была присоединена к Румынии. По 2-му Венскому арбитражу в августе 1940 г. Северная Трансильвания была передана Венгрии). 26 июля Гитлер и Риббентроп пригласили в Зальцбург румынских премьер-министра и министра иностранных дел. В условиях военной мощи Германии летом 1940 г. и безнадежного положения Румынии, часть которой была оккупирована союзником Германии — СССР, предложение Гитлера румынскому правительству урегулировать добруджанский вопрос было равносильно приказу. На следующий день Гитлер и Риббентроп приняли Филова и Попова, в переговорах приняли также участие болгарский посланник в Берлине Драганов и германский посланник в Софии Рихтхофен. Хозяева для проформы заявили, что Германия политически не заинтересована в военном конфликте на Балканах, поскольку она хочет иметь дело со всеми балканскими странами. Затем Риббентроп со-

⁵¹ Цит. по: *Груев Ст. Крoва от тръшп. Царуването на Борис III. 1918–1943.* София, 1991. С. 324.

⁵² ADAP, D. Bd. X. Dok. 53. S. 46.

⁵³ Ibid. Dok. 174. S. 183.

общил, что Германия настояла на том, чтобы румыны мирно договорились с соседями. Это же подтвердил и Гитлер⁵⁴. В конце встречи И. Попов, ссылаясь на последнюю речь Гитлера в рейхстаге, в которой речь шла о разграничении сфер влияния с СССР, открыто спросил, «находится ли Болгария в русской зоне интересов». Фюрер это отрицал и пояснил, что разграничение интересов с Россией касается только Прибалтики и Бессарабии. Болгары, как отмечалось в немецкой записи встречи, «остались крайне довольны этим разъяснением»⁵⁵.

19 августа 1940 г. начались румыно-болгарские переговоры по вопросу возвращения Южной Добруджи. Диалог идет трудно: румыны не хотят отдавать территорию Южной Добруджи целиком, настаивают на большой сумме компенсации, требуют выселения болгарского населения из Румынии и т. д. По всем этим вопросам болгарское правительство ищет поддержки в Берлине. Наконец, 7 сентября 1940 г. переговоры завершились подписанием договора в Крайове, по которому Южная Добруджа в границах 1913 г., включая Балчик и Силистру, была возвращена Болгарии. Ликованию болгарского народа не было предела. Одна из несправедливостей Нейского договора наконец ликвидирована. Крайовское соглашение было, пожалуй, единственным международным договором, подписанным во время второй мировой войны, который получил признание и одобрение со стороны всех великих держав, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали: Германии, Италии, Англии (Франция уже была выведена из строя). Крайовское соглашение поддержал и нейтральный в тот период Советский Союз, хотя в Москве не могло не возникнуть недовольства, что Болгария обратилась за непосредственной помощью к державам оси, а не к СССР.

На специально созванной 20–23 сентября 1940 г. сессии Народного собрания Филов заявил в своей речи, что разрешением добруджанского вопроса Болгария обязана «дружескому посредничеству прежде всего Германии и Италии»⁵⁶. Тем самым Филов обошел молчанием позицию советской дипломатии, неоднократно заявлявшей о справедливости болгарских требований возвращения Добруджи. Это не прошло незамеченным в Москве. Когда новый болгарский посланник в СССР И. Стаменов на приеме у Молотова выразил советскому правительству благодарность своего правительства за моральную поддержку Болгарии в деле с Юж-

⁵⁴ Ibid. Dok. 245. S. 276–279. См. также: Филов Б. Дневник. София, 1990. С. 207–210.

⁵⁵ ADAP, D. Bd. X. Dok. 245. S. 279.

⁵⁶ Цит. по: Генчев Н. Указ. соч. С. 365.

ной Добруджей, Молотов выразил удовлетворение этим заявлением, но тут же добавил, что читал речь Филова, принесшего благодарность лишь Германии и Италии. Стаменов был вынужден оправдываться, что Филов это сделал только потому, что Германия проявила инициативу в этом вопросе, но что Болгария никаких обязательств перед Германией не взяла и что она и дальше будет проводить ту политику, которую она проводила последние двадцать лет⁵⁷.

На самом деле ориентация в вопросе о поддержке требования в отношении Добруджи являлась по существу и ориентацией всей внешней политики Болгарии в этот период. Постепенный дрейф в сторону Германии усилился. Это была большая психологическая и дипломатическая победа держав оси. Огромная часть болгарского населения была убеждена, что Добруджу удалось вернуть только благодаря помощи рейха. Улицы в Софии были переименованы в честь Гитлера и Муссолини. Рендель так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Добруджа была формально уступлена под германским и итальянским нажимом, и ликование приняло формы восторженной благодарности по отношению к нашим главным врагам и нанесло огромный вред нашим интересам... Многие из числа колеблющихся, которые до этого еще не определились на стороне Германии, были захвачены вихрем прогерманского энтузиазма»⁵⁸.

То, что «медовый месяц» германо-советской «дружбы» подходит к концу, Москве стало ясно уже летом — осенью 1940 г. Внешнеполитические действия Берлина в этот период — Венский арбитраж, подписание Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией, вступление германских войск в Финляндию и Румынию являлись, с точки зрения Москвы, нарушением условий советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. С этого времени начинается быстрая эскалация советско-германских противоречий на Балканах. Германия и СССР являются к этому времени главными международными факторами на Балканском полуострове.

Важнейшим оружием Германии в дипломатической и политической борьбе за внешнеполитическую ориентацию балканских стран стал заключенный 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт. Сразу же после подписания пакта Гитлер начал активно добиваться присоединения к нему ряда государств. 16 октября предложение подписать пакт было сделано и Болгарии, причем в ультимативной форме⁵⁹.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 12. Д. 130. Л. 2.

⁵⁸ Цит. по: *Груев Ст.* Указ. соч. С. 326.

⁵⁹ Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА). Ф. 176. Оп. 8. А. е. 17. Л. 31.

Тактика лавирования, избранная царем Борисом, оказалась подвергнутой серьезному испытанию. По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может произойти без утери ею нейтралитета, Борис пишет 22 октября личное письмо Гитлеру, в котором высказывает мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Царь предлагал фюреру еще раз обсудить, «безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное израсходование наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны»⁶⁰. Этим письмом Борис начал свою ловкую тактику затягивания дела, которую ему удалось продолжить до марта 1941 г.

С письмом Бориса в Берлин направляется царский советник Б. Морфов. Однако Гитлер демонстративно отказывается его принять, и письмо вручается госсекретарю Э. Вайцзеккеру. Спустя несколько дней Вайцзеккер заявляет болгарскому посланнику в Берлине Драганову, что Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и дает болгарскому правительству на размышление еще несколько дней⁶¹. Драганов в разговоре с госсекретарем подчеркнул, что царь, как и прежде, придерживается «последовательной прогерманской политики, хотя на нее и брошена мантия нейтралитета»⁶². Письмо царя якобы вовсе не содержит отказа присоединиться к пакту, но содержит предложение прислать для обсуждения этих вопросов болгарских премьер-министра и министра иностранных дел.

Тем временем начавшаяся в конце октября 1940 г. итало-греческая война развивается неожиданным образом: следует контрнаступление греческой армии. Германия вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве Главного штаба германских вооруженных сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами во-

⁶⁰ Болгария — своеобразный союзник на Третий рейх. Документална колекция/Ред. В. Тошкова и др. София, 1992. С. 11; ADAP, D. Bd. XI/I. Dok. 217. S. 310–311.

⁶¹ См.: Генчев П. Указ. соч. С. 374.

⁶² РА АА. Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I. Доклад Вайцзеккера в МИД Германии от 25.X.1940.

зобновляется натиск германской дипломатии на Болгарию. После безрезультатной беседы Риббентропа с Драгановым 14 ноября, германское министерство иностранных дел приглашает царя Бориса на встречу с Гитлером. Вместе с министром иностранных дел Поповым болгарский монарх тайно вылетает 17 ноября 1940 г. в Берхтесгаден, где находилась резиденция фюрера.

Этот визит состоялся спустя несколько дней после другого, более известного в истории визита — переговоров В. М. Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г. Как уже говорилось выше (см. гл. V), основное внимание на переговорах Молотова было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию, тесно связанную с проблемой черноморских проливов.

Ставшие в последнее время известными директивы, которые Молотов получил от Сталина перед поездкой, а также телеграммы, которыми они обменивались во время пребывания Молотова в Берлине, раскрывают подлинные цели и расчеты советской политики.

В директивах Сталина Молотову перед поездкой один из пунктов гласил: «*Болгария* — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»⁶³. Еще более откровенно геополитические интересы СССР раскрыты в телеграмме Сталина Молотову от 13 ноября, в которой подчеркивалось, что «безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Черное море»⁶⁴. В другой телеграмме, направленной Молотову в тот же день, Сталин уточнял, что мирное разрешение вопроса о проливах «не будет реальным без нашей гарантии Болгарии и пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию»⁶⁵. В ответной телеграмме Молотов писал: «Вашу телеграмму с разъяснениями о Черном море получил. Сейчас иду на завтрак и на беседу с Гитлером. Нажму на Черное море, про-

⁶³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31. См. также гл. V данной монографии.

⁶⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 508. С. 61.

⁶⁵ Там же. Док. 509. С. 61.

ливы и Болгарию»⁶⁶. Размещение советских войск в Болгарии становилось основным вопросом безопасности Советского Союза в районе черноморских проливов.

В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок страны. Когда же Молотов поставил перед фюрером вопрос, какую позицию займет Германия в случае предоставления Болгарии советской гарантии, подобной той, что Германия и Италия предоставили Румынии, Гитлер, в свою очередь, спросил, просила ли Болгария Москву о таких гарантиях, как Румыния просила об этом Германию. Молотов ответил уклончиво, дав понять, что он не требует от фюрера окончательного ответа, а только просит высказать свое предварительное мнение. Гитлер же возразил на это, что он не может высказать свою позицию, не переговорив предварительно с Муссолини⁶⁷.

В главе V уже шла речь о том, что в последний день переговоров, 13 ноября, на встрече Молотова с Риббентропом, германский министр сделал предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту, обрисовав перспективы сотрудничества СССР с державами оси. Молотов ответил уклончиво, однако спустя две недели, 25 ноября 1940 г., германскому послу в Москве Шуленбургу было сообщено, что СССР готов на определенных условиях положительно рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту. Молотов передал Шуленбургу Приложение, в котором излагались эти условия. Среди них было следующее: «Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды»⁶⁸. В приложении предлагалось также составить 5 секретных протоколов. Один из них касался признания того, что Болгария находится в сфере безопасности СССР, в связи с чем считается необходимым заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Как известно, ответа на эти предложения с германской стороны не последовало, по-

⁶⁶ Цит по: *Безыменский Л., Горлов С.* Накашупе (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // *Международная жизнь.* 1991. № 8. С. 105.

⁶⁷ ADAP, D. Bd. XI/1. Dok. 328. S. 470-471; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 511. С. 70-71.

⁶⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 548. С. 136-137.

сколько Гитлер преследовал на ноябрьской встрече в Берлине чисто дезинформационные цели.

Можно себе представить, как напряженно следили за ходом берлинской встречи в Софии. 17 ноября царь Борис и Попов прибыли в резиденцию фюрера с твердым намерением не подписывать Тройственный пакт главным образом из-за страха перед СССР. На настойчивое требование Гитлера присоединиться к пакту болгарский монарх повторил уже известные аргументы: неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые Германия получит, если Болгария не будет втянута в военные действия, опасность со стороны Турции и, конечно, возможность ухудшения отношений с СССР⁶⁹. Царь напрямик спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. «Шантаж был очевиден, — рассказывал впоследствии царь Н. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру демократической партии. — Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения»⁷⁰.

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал. Это была своего рода сенсация: никто не ожидал от этой маленькой балканской страны такого сопротивления. Тем не менее, встреча царя Бориса с Гитлером вызвала крайнее раздражение в Москве. 18 ноября болгарский посланник имел беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. Во время ноябрьской встречи в Берлине, подчеркнул Молотов, на его вопросы о Болгарии ему постоянно отвечали, что надо выяснить позицию Италии по болгарским вопросам. Что это значит? Существует ли договор или итальянские гарантии Болгарии? «Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то какую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, — подчеркнул Молотов, — должен остаться

⁶⁹ ЦА ВАН. Сб. IV. Спомена на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и каштуляция. Л. 18–19; Филов Б. Дневник. С. 211.

⁷⁰ ЦА ВАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.

таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария»⁷¹. Далее Молотов спросил, вступит ли Болгария в Тройственный пакт, как это сделали Венгрия, Румыния и Словакия. Россия, прибавил Молотов, не потерпит, чтобы Болгария превратилась, подобно Румынии, в марионеточное, «легионерское» государство, и предложил Болгарии помощь товарами, валютой и расширением закупок болгарских товаров. Если бы СССР оказался перед фактом получения Болгарией гарантии своей безопасности со стороны какой-либо другой державы, это ухудшило и испортило бы советско-болгарские отношения. Одновременно Молотов действовал «и пряником», говоря о поддержке Советским Союзом болгарских территориальных претензий по отношению к Греции и Югославии. В конце разговора Молотов напомнил Стаменову о советском предложении заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, которое было сделано в сентябре 1939 г., и тогдашний ответ Кьосеиванова, что если возникнет необходимость, то болгары попросят советских гарантий. После того, как Молотов вышел, — телеграфировал в Софию Стаменов, — присутствовавший на встрече Деканозов «сказал мне более ясно, что может быть теперь наступил момент, о котором говорил Кьосеиванов»⁷².

Без колебаний царь Борис и премьер-министр Филов отвергают новое советское предложение, о котором говорилось в телеграмме Стаменова: «Обсудили ее в тот же вечер с Царем и Поповым и решили ответить отрицательно», — записал Б. Филов в своем дневнике⁷³. Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г. в Москву, был направлен ответ, в котором под предлогом того, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях, отвергалось советское предложение о пакте⁷⁴.

Советский зондаж, в свою очередь, беспокоил немцев. 21 ноября посланник Германии в Турции Ф. фон Папен, проезжая через Софию, встречается с царем. Он предупреждает Бориса об опасностях, которые таит в себе советская гарантия и излагает преимущества присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Однако царь повторяет аргументы, высказанные Гитлеру⁷⁵.

⁷¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 532. С. 110; ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 373. S. 542.

⁷² АМВнР. Оп. Iш. А. е. 272. Д. 34. Л. 239.

⁷³ Филов Б. Дневник. С. 211.

⁷⁴ ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 391. S. 578; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. (Ч. 1). Док. 549. С. 138.

⁷⁵ ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 378. S. 546–547.

В ходе беседы со Стаменовым советская дипломатия скорее всего хотела предварительно прозондировать позицию болгарской стороны, а затем приступить к конкретным действиям. Как уже отмечалось в предыдущих главах монографии, 25 ноября 1940 г. в Софию прилетел генеральный секретарь Наркоминдела А. А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Болгарский политический деятель Ст. Мошанов так записал высказывание об этом царя Бориса: «Не прошло и недели [после возвращения царя из Берхтесгадена. — *Авт.*], как наступил один из самых неприятных дней в моей жизни — миссия Соболева. То, что я считал шантажом со стороны Гитлера, — требование Советским Союзом баз в Болгарии — Соболев предложил нам под видом пакта о взаимной помощи. Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, Сталин оказывает нажим через мой собственный народ»⁷⁶. Царь Борис имел в виду начавшуюся по всей стране массовую кампанию за принятие советского предложения, вошедшую в историю Болгарии под названием «Соболевской акции» (о ней речь еще пойдет ниже).

В основных пунктах советское предложение повторяло предыдущее, сделанное осенью 1939 г. Встретившись поочередно с Филовым и с царем Борисом, Соболев ознакомил их с советским предложением. Оно состояло из 12 пунктов. Исходя из общих интересов Болгарии и СССР, — говорилось в нем, — Советский Союз возобновляет свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В соответствии с пактом СССР обязывался оказать Болгарии всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран. Болгария же должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза в Черном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Кроме того, СССР выражал готовность помочь Болгарии деньгами, продовольствием, вооружением и другими материалами — в форме займов, а также обещал расширить закупки болгарских товаров. Особый интерес представляет последний, 12-й пункт предложенного пакта (большинство болгарских и советских исследователей, писавших на эту тему, о нем умалчивали): «При условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпада-

⁷⁶ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

ют возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту»⁷⁷.

Эта же постановка вопроса содержится и в ряде других документов, о которых речь пойдет ниже. В случае заключения советско-болгарского пакта позиции СССР в Болгарии и на Балканах настолько бы укрепились в противовес Германии, что даже подписание Болгарией Тройственного пакта не таило бы в себе серьезной опасности для советского влияния. Готовность СССР поддержать возможные территориальные притязания Болгарии к Турции (Адрианополь) и к Греции (Западная Фракия — выход к Эгейскому морю) отрицательно отразилась на отношениях Советского Союза с другими балканскими странами. Следовательно, СССР настолько был заинтересован в тот момент в заключении пакта с Болгарией, что готов был рисковать своими отношениями с Турцией и Грецией.

Следует отметить еще один существенный момент. Если 19 ноября 1940 г. советское правительство предлагало Болгарии (через Стаменова) заключить гарантийный пакт (о гарантиях Болгарии Молотов говорил и во время ноябрьской встречи в Берлине), то Соболев привез в Софию проект договора о взаимной помощи. Таким образом, советское предложение было несколько видоизменено — смягчалась его форма. Видимо, советское правительство, придя к заключению, что предложение гарантийного пакта может напугать Софию, отказалось от своей первоначальной идеи.

Миссия Соболева была настолько секретной, что болгарский посланник в Москве узнал о том, что советский дипломат остановится в Софии (по пути в Румынию) уже после его отлета. «Явно хотели Вас застать врасплох и боялись, как бы их не опередил Гитлер, и поэтому ввели меня в заблуждение, что Соболев летит в Бухарест рейсовым самолетом», — доносил Стаменов в Софию (на самом деле Соболев вылетел спецрейсом). «У меня создалось впечатление, — продолжал посланник, — что они готовы на все, лишь бы подписать с нами пакт». В конце разговора Молотов, общивший Стаменову о миссии Соболева, не удержался от запугивания: если болгары надеются остаться «в изоляции» (т. е. нейтральными), то в этом много иллюзий⁷⁸.

Болгарские лидеры, имевшие перед глазами пример балтийских государств, прекрасно понимали, что подписание подобного договора привело бы к постоянному вмешательству СССР не толь-

⁷⁷ Архив на Министерство на вътрешните работи (далее — АМВР). II Народен съд. А. с. 14. Л. 42; АДАР, D. Bd. XI/2. Dok. 438. Anlage. S. 646.

⁷⁸ АМВР. Оп. I ш. А. с. 272. Д. 34. Л. 247.

ко во внешнюю, но и во внутреннюю политику Болгарии, тем более что болгарские коммунисты в этот период резко активизировали свою деятельность, используя широко распространенные в Болгарии русофильские чувства. Царь Борис в разговоре с Н. Мушановым раздраженно сказал: «Я считаюсь с этими чувствами, но не оставлю ворота овчарни открытыми для того, чтобы вошел волк. Даже в принципе не могу разговаривать о помощи со стороны большевиков. Тот факт, что прежде, чем прислать к нам Соболева, они проводили зондаж у немцев, показывает, что путь к болгарским базам идет через Берлин. Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моем решении еще потянуть время в вопросах с немцами»⁷⁹.

Ответ болгарского правительства на соболевское предложение был однозначно отрицательным. «Вчера были вчетвером (премьер-министр, министр иностранных дел, внутренних дел и военный министр. — Авт.) у царя для обсуждения предложения Соболева и решили его в принципе отвергнуть», — записал Филов в своем дневнике⁸⁰. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о вступлении Болгарии в Тройственный пакт, отклонило советское предложение. Письменный ответ министр иностранных дел И. Попов передал 30 ноября советскому посланнику А. А. Лаврицеву. В нем говорилось, что «болгарскому народу... и болгарскому парламенту было бы трудно понять и принять обязательства, предусматривающие вмешательство Болгарии в разрешение такого большого вопроса, как вопрос о проливах, на которые не распространяются интересы нашей маленькой страны»⁸¹. Отказ от советских предложений пакта взаимопомощи мотивировался еще и тем, что Болгария уже вступила в переговоры о присоединении к Тройственному пакту, а также опасностью обострения отношений Болгарии с Турцией.

О том, что болгарская сторона по тактическим соображениям (чтобы набить себе цену в переговорах с немцами) информировала Германию о миссии Соболева, свидетельствует тот факт, что на следующий день после прибытия в Софию Соболева премьер-министр Филов вызвал к себе германского посланника Рихтхофена и изложил ему суть советского предложения, которое, «разумеется, будет отвергнуто»⁸².

⁷⁹ НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

⁸⁰ Филов Б. Дневник. С. 211–212.

⁸¹ ДВП. Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 1). Док. 564. С. 159.

⁸² ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 403. S. 596.

Однако советское правительство явно не желало принять отрицательный ответ болгарской стороны. 6 декабря Лаврищев вручил Попову документ, в котором было изложено мнение Москвы в связи с болгарским ответом и предлагалось вместо заключения пакта о взаимной помощи ограничиться односторонним предоставлением советской стороной гарантий безопасности и интересов Болгарии, что означало бы освобождение последней от тяжелых для нее военных обязательств⁸³. Предложение Советским Союзом односторонних гарантий свидетельствовало о том, что советская дипломатия осознала ошибку, допущенную в ходе миссии Соболева: предлагать малой стране во время разгоравшейся мировой войны заключение двустороннего пакта с великой державой. Ведь Болгария всеми силами старалась избежать участия в войне, а СССР предложил ей обеспечивать его интересы в Черном море и в проливах. В новом варианте советского предложения ошибка была исправлена, что, впрочем, не изменило — да и не могло изменить — позиции болгарского правительства. 18 декабря Лаврищев сделал запрос, почему правительство Болгарии не ответило на заявление советского правительства. И. Попов просил советского посланника передать в Москву: «Болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на Болгарию и было бы лишним грузом для самого СССР»⁸⁴.

Болгарское правительство попыталось сохранить переговоры с Соболевым в строжайшем секрете от своего народа. Однако сталинское руководство имело совсем иные планы: оно решило нажать на болгарское правительство изнутри, с помощью болгарских коммунистов, деятельность которых направлялась находившимся в Москве Заграничным бюро ЦК Болгарской рабочей партии (БРП). Уже 25 ноября Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна и одновременно руководитель Загранбюро ЦК БРП Г. Димитров был вызван в Кремль к Сталину, который в присутствии Молотова и Деканозова заявил: «Мы сегодня делаем болгарам предложение о заключении пакта взаимопомощи. Не гарантии, как, видимо, болгарский посол Стаменов раньше неправильно понял Молотова, предлагаем мы, а пакт о взаимопомощи... Если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут... Нужно, чтобы это предложение знали в широких болгарских кругах»⁸⁵.

⁸³ Ibid. Dok. 468. S. 673.

⁸⁴ Ibid. Dok. 536. S. 757–758; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 597. С. 211.

⁸⁵ Коминтерн и вторая мировая война / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Нарипский. Часть I. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 455 (примеч. 1); Димитров Г. Дневник. (9 марта 1933 – 6 февраля 1949). София, 1997. С. 203.

В этот же день Димитров срочно направил подпольному ЦК Болгарской рабочей партии шифрограмму, в которой сообщал о цели визита советского дипломата, в сжатом виде передавал содержание советского предложения и давал указание немедленно приступить к организации массовой всенародной кампании в его поддержку: «Примите самые быстрые и энергичные меры к тому, чтобы это предложение стало широко известно в парламенте и вне его, в печати и в массах... Решаются на долгие годы судьбы болгарского народа»⁸⁶. В радиограмме подчеркивалось, что в случае заключения советско-болгарского пакта СССР не только не будет возражать против присоединения Болгарии к Тройственному пакту, но и сам присоединится к нему.

В ответной радиограмме ЦК БРП обещал приложить все силы и средства, чтобы довести новость о советском предложении до самого отдаленного уголка страны (средства, кстати, были получены из Москвы — в финансовом отчете ЦК БРП Заграничному бюро ЦК БРП в Москве за ноябрь 1940 г. указывалось, что расходы на проведение кампании в пользу пакта вместе с организационными расходами составили 63 тысячи левов⁸⁷). На следующий день после получения радиограммы Димитрова в Софии собралось на заседание Политбюро ЦК БРП, на котором было разработано обращение к болгарскому народу с кратким изложением советского предложения и призывом требовать его принятия. Помимо обращения были отпечатаны в тысячах экземпляров разграфленные в три колонки листы для сбора подписей в пользу пакта. За несколько дней эти листовки и петиционные листы были перепечатаны на машинке и переписаны от руки партийными, комсомольскими и профсоюзными активистами еще в тысячах экземпляров. В считанные дни страна была засыпана листовками с призывом участвовать в кампании за принятие советского предложения. Стены домов и ограды были исписаны лозунгами: «Требуем пакта с СССР!», «Да здравствует союз с СССР!» Почтовые отделения были завалены коллективными и личными письмами и телеграммами в официальные органы с требованием заключения пакта, а сотни делегаций рабочих, служащих, крестьян и учащихся посещали государственные учреждения, вплоть до дворцовой канцелярии, с тем, чтобы выразить свою волю⁸⁸. Безусловно, русофильские чувства, сохранявшиеся у значительной части бол-

⁸⁶ Димитров Г. Дневник. С. 203.

⁸⁷ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 15. Вход. 1940. Л. 67.

⁸⁸ Там же. Д. 75. Л. 7–8, 11–14. Подробнее о «Соболевской акции» см.: Чичовска В. Соболевата акция. София, 1972.

гарского населения, способствовали успеху развернутой болгарскими коммунистами кампании.

Однако листовки БРП, свидетельствовавшие о хорошей осведомленности болгарских коммунистов о миссии Соболева, спровоцировали заявления правительственных кругов о вмешательстве СССР во внутренние дела Болгарии. В немалой части болгарского общества эти заявления нашли отклик, тем более что советское предложение поступило вскоре после «добровольного присоединения» к СССР прибалтийских республик. Правительство всячески подогревало разговоры об опасности «балтизации», т. е. аннексии, Болгарии в случае принятия советского предложения (в свою очередь, царя Бориса угрозой «балтизации» запугивал Гитлер). Именно из чувства страха перед «балтизацией» Болгарии буржуазная оппозиция в целом осталась в стороне от «Соболевской акции». Несмотря на то, что в ней приняли участие действительно широкие слои трудящихся, кампания за принятие советского предложения не вышла за рамки коммунистического движения.

В итоге «Соболевская акция» лишь усилила недовольство Гитлера Москвой. Когда же «неуклюжесть» советской дипломатии стала очевидна самой Москве, всю вину решили свалить на Димитрова. 28 ноября вечером его вызвал Молотов и раздраженно объяснил, что имелась в виду лишь устная кампания. После этого Димитров срочно отправил в Софию указание: «Распространение листовок по поводу советского предложения — это большая ошибка. Немедленно прекратите это. Предложение нужно предавать гласности устно, через депутатов и других подходящих лиц, а не через печатные документы и ни в коем случае не от имени наших органов»⁸⁹.

В ответ на это ЦК БРП сообщил: «Признаем свою ошибку. Мы думали, что делаем хорошее дело. А оказалось это, к сожалению, „медвежьей услугой“. Приняли все меры для прекращения распространения изданных листовок»⁹⁰. Текст этого сообщения Димитров немедленно передал Сталину и Молотову. В середине декабря генеральный секретарь ИККИ шлет в ЦК БРП новую радиограмму, в которой в соответствии с советскими указаниями подчеркивается, что «кампанию в пользу пакта надо вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве. Ни в коем случае нельзя придавать кампании партийный, антибуржуазный, антидинастический и антигерманский характер»⁹¹. Следует воздерживаться, разъяснял Димитров, от всякого рода ак-

⁸⁹ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1940. Д. 11. Л. 128.

⁹⁰ Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 75. Л. 5.

⁹¹ Там же. Оп. 184. Исх. 1940. Д. 11. Л. 148; Димитров Г. Дневник. С. 205.

ций, которые могли бы подкрепить аргументы противников пакта о том, что он представляет собой угрозу буржуазному строю в Болгарии, правительству и царю Борису. В ответной радиограмме, направленной в Загранбюро ЦК БРП в начале января 1940 г., ЦК БРП сообщал, что выпускает новое воззвание, адресованное всем слоям болгарского общества и составленное в духе полученных от Димитрова указаний. С этого времени начался второй этап «Соболевской акции», который БРП стремилась (правда, не вполне успешно) проводить на более широкой социальной основе. Он продолжался вплоть до марта 1941 г., т. е. до вступления Болгарии в Тройственный пакт.

Имеются разные точки зрения по вопросу о том, ускорила ли «Соболевская акция» подписание Болгарией Тройственного пакта или, наоборот, затормозила. Скорее всего, массовое движение за принятие советского предложения дало возможность царю Борису оттянуть под этим предлогом момент присоединения к державам оси еще на некоторое время. Во всяком случае, болгарский монарх впоследствии не раз использовал этот довод, когда отказывал Гитлеру подписать с ним пакт. Приводя в качестве основного аргумента своего отказа русофильство болгарского народа, царь подчеркивал, что особенно наглядно это продемонстрировала «Соболевская акция». Германский исследователь Х. Хоппе, основываясь на телеграмме Рихтхофена в МИД Германии от 28 ноября 1940 г., считает, что «Соболевская акция» вызвала у болгарских властей опасения, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту в создавшейся ситуации будет рассматриваться Москвой как своего рода провокация⁹².

Миссия Соболева вызвала, естественно, огромное раздражение в Берлине, где полным ходом шла подготовка к нападению на СССР. С декабря 1940 г. Гитлер уже демонстративно игнорировал своего бывшего союзника — СССР, а затем и вовсе стал действовать наперекор ему, и в первую очередь на Балканах. «Миссия Соболева» и подписание плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда он носил дипломатический характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Балканы и Болгарию, в частности.

3 декабря Гитлер вызвал к себе Драганова и принял к нему внаудачу, что по меньшей мере наивно верить заявлениям Советского Союза о невмешательстве во внутренние дела Болгарии. По его словам, лучше всего последствия советских гарантий видны в Прибалтике. Если бы Болгария сразу присоединилась к Тройст-

⁹² Хоппе Н.-J. Op. cit. S. 105; см. также: ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 415. S. 607–608.

венному пакту, подчеркнул фюрер, «русская опасность» не возникла бы. «Пока у русских остается надежда получить что-то в Болгарии, они не оставят болгар в покое», поэтому Россию «следует поставить перед свершившимся фактом»: «если Болгария вступит в Тройственный пакт, Россия автоматически уберет свои руки от Болгарии»⁹³.

Натиск на царя Бориса со стороны Германии и СССР (Англия и США тоже не бездействуют, но их позиция имеет уже второстепенное значение), а также со стороны внутренней левой (коммунисты) и правой (националистические прогерманские организации «Национальные легионы», «Ратник», Союз офицеров запаса и другие) оппозиции был огромен. Международные события и внутренняя ситуация завлекли монарха в капкан и, чтобы выбраться из него, Борис должен был принять судьбоносное решение. Тактика лавирования царя ни для кого не была загадкой. Вот как описывает положение болгарских властей в этот период венгерский посланник в Софии Юнгерт (Михай Арноти) в своем донесении министру иностранных дел Венгрии И. Чаки от 13 декабря 1940 г.: «Руководители болгарской внешней политики в последние месяцы попали в очень сложную ситуацию в связи со своей позицией постоянного лавирования. Одна за другой великие державы хотели нажать на них с тем, чтобы они заняли определенную позицию». Даже Англия 25 ноября предупредила Болгарию, что если та вступит в Тройственный пакт, Англия не поддержит независимость и территориальную целостность Болгарии после войны. Болгария находится на перепутье. «Чрезмерная хитрость привела их (болгар. — *Авт.*) к этой неприятной и трудной ситуации. Хотят быть со всеми в одинаково хороших отношениях, чтобы обеспечить себе помощь всех при реализации своих территориальных притязаний»⁹⁴. Но наступил момент сделать выбор.

В доверительном разговоре с Н. Мушановым, лидером буржуазной оппозиции, состоявшемся 19 декабря 1940 г., царь признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение германских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом. «Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, — сказал Борис. — А времени терять нельзя. Если бы была хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил». Царь не мог принять и совета английского посланника Ренделя — дать хотя бы один артиллерийский залп против переправляющихся через

⁹³ ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 438. S. 640–645.

⁹⁴ MOL. K. 63. 1940 — 5t. Bulgaria. 4–5. old.

Дунай германских войск, чтобы продемонстрировать свое несогласие: «Легко ему говорить, когда есть Ла Манш между бельгийским берегом и Англией! Иначе мой „коллега“ и приятель Георг V плавал бы по морям на каком-нибудь дредноуте как „летучий голландец“. Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят — Россия, но если Вы слушаете голос разума, то ответите — Германия!»⁹⁵ Это означало, что внутренне царь уже был готов к принятию решения, ставшего для страны роковым.

1940 год — последний год сопротивления царя Бориса — подходил к концу. Но еще в последний день этого года, 31 декабря Гитлер с большим раздражением писал Муссолини: «И Болгария уклоняется от вступления в Тройственный пакт и от принятия четкой внешнеполитической ориентации. Последствием этого является растущее давление на Болгарию со стороны Советской России. Если бы царь сразу вступил в наш пакт, никто не посмел бы оказывать на него нажим. Самое худшее при этом — отравление общественного мнения, которое не является невосприимчивым к коммунистической заразе»⁹⁶.

В первый день нового, 1941 года болгарский премьер Б. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с Гитлером и Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. Его тактической задачей, в соответствии с инструкциями царя, было вновь попытаться убедить руководителей «третьего рейха» в том, что Германии невыгодно юридическое присоединение Болгарии к пакту, а гораздо важнее то, что Болгария, формально сохраняя нейтралитет, фактически находится в лагере союзников Германии. В случае, если эти попытки не увенчаются успехом, следовало хотя бы оттянуть присоединение еще на некоторое время. Во время встречи с Риббентропом 4 января Филов повторил прежние аргументы болгарской стороны: недостаточность вооружения, возможность осложнения отношений с Россией и Турцией. Однако Риббентропу без особого труда удалось разбить все доводы болгарского премьера, человека, не имевшего дипломатического опыта, а главное, известного германофила, который лично не возражал против вступления Болгарии в Тройственный пакт. Риббентроп подчеркнул, что не может себе объяснить, почему Болгария до сих пор не присоединилась к пакту, в то время, как другие это сделали. Филов записал в своем дневнике, что, по словам Риббентропа, «наше неприсоединение произвело повсюду сильное впечатление, поскольку все знали, что мы друзья Герма-

⁹⁵ ИА ВАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.

⁹⁶ ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 586. S. 826.

нии... Вообще нашу политику считают безвольной и нерешительной»⁹⁷. В ответ Филов поспешил заверить германского министра, что позиции обеих стран очень близки и что нет никаких сомнений относительно вхождения Болгарии в пакт. Однако это не рассеяло подозрений Риббентропа, заявившего, что имеются сведения о том, что болгары не верят в победу Германии и поэтому не присоединяются к пакту. Филов опроверг эти сведения и дал понять, что различие во мнениях заключается лишь в вопросе о времени вступления в пакт. «С их точки зрения мы должны войти как можно быстрее, с нашей — следует дожидаться удобного для нас момента», — записал Филов в дневнике⁹⁸.

Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на болгарскую территорию — с тем, чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю. Можно согласиться с мнением болгарского историка И. Димитрова, который писал: «...преждевременный союз с Германией, когда еще неясен исход войны, — это, по мнению царя Бориса, не отвечало интересам режима, династии. Избежать этого союза — это было ему не под силу. Вопрос стоял так: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечавший интересам Болгарии союз связать с ее интересами, оправдать этими интересами, и во-вторых — как его оправдать в глазах общественного мнения»⁹⁹. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было оправдать только одной исторической задачей: национальным объединением (имелось в виду прежде всего присоединение Западной Фракии, т. е. греческой части Македонии).

На состоявшейся в тот же день, 4 января 1941 г., встрече с Гитлером Филову были даны горячие заверения в том, что Болгарии не грозит никакая опасность и что ей следует войти в пакт как можно скорее. В отличие от Риббентропа Гитлер согласился, что со стороны России можно ожидать отрицательной реакции, но что она проглотит свершившийся факт, как это было в случае с Румынией. «Не следует бояться русского вмешательства, — сказал Гитлер, — поскольку русские знают, что в таком случае конфликт расширится на всю протяженность германо-русской границы. Единственной опасностью является подстрекательская работа русских внутри страны. Од-

⁹⁷ Филов Б. Дневник. С. 213.

⁹⁸ Там же. С. 215.

⁹⁹ Димитров И. Професор Богдан Филов и неговият дневник // Филов Б. Дневник. С. 101.

нако чем быстрее болгарское правительство бросит жребий, тем меньше русские смогут прибегать к подобным методам»¹⁰⁰. Поскольку Филов продолжал высказывать свои опасения по поводу возможных внешнеполитических осложнений после подписания Болгарией пакта, Гитлер заявил, что готов предоставить в распоряжение Болгарии все необходимые вооруженные силы. Фюрер подчеркнул, что не повторит ошибки кайзера в первой мировой войне и не позволит англичанам открыть фронт на Балканах. Он категорично заявил, что Болгария не будет участвовать в военных действиях, германские войска только пройдут через ее территорию, чтобы покончить «с этим позором — греками». Поскольку и Риббентроп, и Гитлер дали понять, что благосклонно смотрят на болгарское требование выхода к Эгейскому морю, Филов решил, что настал момент затронуть македонский вопрос. Однако фюрер прервал его, сказав, что сначала надо выиграть войну, «тогда многие вопросы будут урегулированы»¹⁰¹.

По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить царя в неизбежности подписания пакта. После артистически разыгранной сцены (царь ломал руки и говорил, что «предпочитает отказаться от престола или броситься в объятия России») Борис выслушал доводы Филова и «признал их правоту»¹⁰².

Болгаро-германские переговоры и быстро меняющаяся военная обстановка на Балканах в конце 1940 — начале 1941 г. вызвали бурную дипломатическую активность Англии и США на Балканском полуострове. Они в последний раз попытались удержать Болгарию от вступления в Тройственный пакт.

Английская дипломатия отказалась в своих отношениях с Болгарией от всяких уговоров, заманчивых обещаний и встала на путь открытых угроз. Английский посланник в Софии неоднократно в официальном порядке заявлял болгарскому правительству, что в случае выступления Болгарии против Греции или появления немецких войск на болгарской территории, безразлично, с согласия ли болгарского правительства или без него, Англия немедленно порвет дипломатические отношения с Болгарией, а английская авиация будет бомбить промышленные и военные объекты на болгарской территории. В середине января Форин Офис официально предупредил болгарского посланника в Лондоне Момчилова, что Англия будет считать

¹⁰⁰ ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 606. S. 851.

¹⁰¹ Ibid. S. 853.

¹⁰² Филов Б. Дневник. С. 222–223; ЦДИА. Ф. 95. Оп. 1. А. е. 2. Л. 130 (дневник царского советника Л. Лулчева).

присутствие германских войск в Болгарии за болгарское соучастие в германских операциях против нее¹⁰³.

Неожиданную активность проявила на этот раз и американская дипломатия. В январе 1941 г. президент Рузвельт послал в Софию своего эмиссара полковника У. Доновена, который встретился с Поповым, Филовым и с царем Борисом. Заверяя царя в неизбежности благополучного для Англии исхода войны, Доновен просил его не пропускать немецкие войска через свою территорию для нападения на Грецию. И угрозы, и обещания (по некоторым сведениям, Доновен имел поручение пообещать болгарам американские гарантии их независимости и выход к Эгейскому морю, если только София будет проводить политику дружественного Англии нейтралитета¹⁰⁴) были напрасны.

Вот как охарактеризовал миссию Доновена сам царь Борис, рассказывавший о ней руководителю культурно-политического отдела германского МИДа Твардовскому. «С иронией рассказывал царь о посещении американского полковника Доновена, который ему вновь продемонстрировал, сколь политически наивны американцы, — писал Твардовски. — Доновен не имел понятия о политических отношениях и об истории Балкан; это его, судя по всему, и не интересовало. Он выдвинул перед ним требование оставаться нейтральным, оказать вооруженное сопротивление попытке прохода Германии [через Болгарию. — *Авт.*] и положиться на великодушие Англии и Америки. Когда царь ему сказал, что о великодушии и понимании Англии Болгария достаточно узнала за последние 20 лет, Доновен возразил, что теперь речь идет о существовании Болгарии; если она сделает неправильный выбор, то будет уничтожена. Для него, царя, эта посылка эмиссаров и речи этого господина являются признаком слабости Америки»¹⁰⁵. Если даже учесть, что высказывание царя предназначалось для ушей немца, его ирония все же выглядела скорее искренней. Американское требование, чтобы Болгария в одиночку оказывала вооруженное сопротивление германской оккупации, выглядело в глазах царя просто циничным, поскольку ни США, ни Англия не могли реально оказать ей никакой эффективной помощи. Возможно, впрочем, что американцы и не рассчитывали всерьез, что болгары выполнят их требование, а только хотели укрепить царя в его сдержанности по отношению к немецким планам.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 10. Д. 117. Л. 36; см. также: *Генчев Н.* Указ. соч. С. 409.

¹⁰⁴ Bundesarchiv-Koblenz. R. 63/209. S. 12–13.

¹⁰⁵ ADAP, D. Bd. XI/2. Dok. 713. S. 1000.

Болгарский исследователь В. Тошкова считает, что «визит Доновена действительно усилил сомнения в беспрепятственном расширении германской военной экспансии и у царя, и особенно у министра иностранных дел», но очень ненадолго. Единственным результатом миссии американского представителя явилось то, что укрепилась уже существовавшая тенденция к ограничению прямого вовлечения Болгарии в войну¹⁰⁶. На все доводы Доновена царь Борис ответил: «Болгария придерживается политики мира, но положение на Балканах от нее не зависит»¹⁰⁷. Разумеется, царь скрыл от американца, что именно в день его прибытия в Софию болгарское правительство приняло решение не оказывать сопротивления вступлению германских войск в Болгарию.

Последние попытки удержать Болгарию от подписания Тройственного пакта делает и советская дипломатия. 4 января 1941 г. советский посланник в Бухаресте Лаврентьев и второй секретарь посольства Лунин разговаривают с болгарским военным атташе. Подчеркнув, что в Москве Болгарию рассматривают лишь как невоюющую, но не как нейтральную страну, советские дипломаты заявили, что СССР выступает против дальнейшего проникновения Германии на Балканы и против присоединения Болгарии к Тройственному пакту. В самом крайнем случае Москву удовлетворило бы недопущение германских войск на территорию Болгарии¹⁰⁸.

13 января 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как на источник информации, что в Болгарию уже перебросена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием. ТАСС уполномочен заявить, что: 1. если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию; 2. в частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ»¹⁰⁹. Поскольку

¹⁰⁶ Тошкова В. България в балканската политика на САЩ. 1939/1944. София, 1985. С. 93.

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 10. Д. 117. Л. 36.

¹⁰⁸ ЦДИА. Ф. 176. Оп. 15. А. е. 2. Л. 95–98.

¹⁰⁹ Правда, 14. I. 1941.

болгарское правительство отказалось сразу опубликовать это коммюнике в своей прессе, 14 января последовал протест первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского перед болгарским посланником в Москве¹¹⁰. Лишь тогда в болгарской печати появилось советское заявление:

Заявление ТАСС выдавало тот факт, что позиции СССР в Болгарии окончательно утрачены и что он ничем не может помешать вторжению Германии в зону его интересов.

В этой ситуации Г. Димитров направил 13 января личное письмо Сталину, в котором просил принять его для обсуждения позиции, которую должна занять болгарская компартия в связи со вступлением в страну германских войск. Димитров высказал в письме мнение, что БКП должна решительно выступить против этих действий Германии, разоблачать роль царя Бориса и болгарского правительства как виновников создавшегося положения, подчеркивать необходимость заключения пакта между СССР и Болгарией. Сталин выразил согласие с позицией Димитрова, подчеркнув, что «партия должна действовать не как помощник Советского Союза¹¹¹, а выступать от своего имени, чтобы избежать провокаций»¹¹¹.

17 января 1941 г. советское правительство обратилось к германскому руководству с заявлением о том, что Советский Союз считает территорию в восточной части Балкан зоной своей безопасности и не может оставаться безучастным к событиям в этом районе¹¹². Все эти предупреждения показывали, что хотя СССР не может воспрепятствовать вступлению германских войск в Болгарию, он продолжает настаивать на признании Болгарии и района проливов сферой своих интересов. Естественно, с германской стороны они не вызвали никакой ответной реакции.

Ни серьезные советские предупреждения, ни английские угрозы, ни «ухаживания» американской дипломатии не могли остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам оси.

Не следует забывать и чисто военный фактор: решение о присоединении было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию вступил мощный контингент гитлеровских войск, готовившихся к балканской операции.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт было одобрено Сове-

¹¹⁰ ЦДИА. Ф. 176. Оп. 15. А. е. 1. Л. 78.

¹¹¹ Димитров Г. Дневник. С. 208–209.

¹¹² См.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. II. 1939–1945. М., 1962. С. 142; Димитров Г. Дневник. С. 211.

том министров Болгарии. Последовала массированная пропагандистская и дипломатическая подготовка присоединения к пакту. Особое внимание болгарское руководство уделяло тому, как оправдать свой шаг перед заинтересованными державами, в первую очередь, перед СССР. Болгарские и германские дипломаты тщательно отработывали и уточняли проект текста извещения советского правительства об этом акте¹¹³.

Однако даже когда Болгария была уже крепко привязана к балканской операции вермахта, царю Борису удалось оттянуть вступление в пакт до конца февраля. Лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоединении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов Болгария подписала 1 марта 1941 г. Тройственный пакт. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия вступила на территорию Болгарии.

В этот же день, 1 марта, посол Германии в Москве Шуленбург информировал Молотова, что «английские притязания в Греции вынуждают правительство рейха незамедлительно принять дальнейшие меры безопасности и делают необходимой переброску германских войск на болгарскую территорию»¹¹⁴. Реакция советского правительства была очень острой. Как сообщал Шуленбург, Молотов выразил сожаление, что германское правительство сочло возможным ступить на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило оккупировать Болгарию. Германия не может рассчитывать на поддержку ее действий в Болгарии со стороны Советского Союза¹¹⁵.

В тот же день, 1 марта, начальник политического отдела МИД Болгарии И. Алтынов по поручению своего правительства передал советскому посланнику Лаврищеву заявление для сообщения советскому правительству. В нем говорилось, что «германское правительство спросило согласие болгарского правительства на вступление немецких войск в Болгарию, заявив, что эта мера является временной и имеет своей целью сохранение мира на Балканах. Германское правительство не поставило перед Болгарией никаких условий, противоречащих болгарской миролюбивой полити-

¹¹³ ADAP, D. Bd. XII/1. Dok. 98. S. 148.

¹¹⁴ ADAP, D. Bd. XII/1. Dok. 121. S. 176-178; см. также: Тошкова В. Болгария и Третий райх. София, 1975. С. 42.

¹¹⁵ ADAP, D. Bd. XII/1. Dok. 121. S. 176-178.

ке...»¹¹⁶. В заявлении выражалась надежда, что поведение Болгарии будет правильно понято и что эта временная мера не ухудшит отношений Болгарии с СССР. Заявление свидетельствовало о том, что, хотя Болгария и приняла окончательное решение стать союзницей Германии, страх перед СССР все еще оставался.

В ответной ноте от 3 марта НКВД сообщал, что «1) Советское правительство не может разделить мнения болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желания болгарского правительства, ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии; 2) Советское правительство, верное своей политике мира, не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»¹¹⁷. Эта нота еще раз наглядно продемонстрировала полное бессилие СССР в сложившейся ситуации и явилась, по сути дела, просто формальной отпиской.

Так дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Болгарию завершилась в пользу «третьего рейха». СССР оказался не в состоянии противопоставить германскому проникновению на Балканы ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые бы заставили считаться с его устремлениями.

Присоединение Болгарии к Тройственному пакту стало возможным и, более того, неизбежным в силу стечения целого ряда внешних и внутренних факторов. В течение длительного времени на Болгарию оказывалось массированное дипломатическое, политическое и экономическое давление со стороны рейха. Болгарское правительство и царь Борис с самого начала были готовы оказывать содействие гитлеровской политике, но стремились при этом сохранить нейтралитет, остаться вне бушевавшей в Европе войны. Однако, когда в соседней Румынии был сосредоточен мощный контингент гитлеровских войск, болгарские власти были вынуждены принять германский ультиматум и пойти на присоединение к Тройственному пакту, полагая, что добровольный союз с Германией означает наименьший риск и может даже принести немалые выгоды при решении национальных проблем, т. е. возвращения территорий, отторгнутых по Нейскому договору 1919 г.

В результате подписания Тройственного пакта Болгарии было обещано, что ее армия не примет непосредственного участия в военных действиях и что партнеры по пакту поддержат ее стремле-

¹¹⁶ ДВП Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 701. С. 441; Советско-болгарские отношения и связи. Т. I. Док. 582. С. 545-546.

¹¹⁷ Советско-болгарские отношения и связи. Т. I. Док. 583. С. 547.

ние получить выход к Эгейскому морю. Болгарское правительство позволило вермахту использовать свою территорию в качестве плацдарма для агрессии против соседних государств — Югославии и Греции. Кроме того, во время балканской кампании вермахта (апрель–май 1941 г.) Болгария должна была наблюдать за поведением Турции, объявившей нейтралитет, и прилагать дипломатические и политические усилия, чтобы не допустить роста антигерманских настроений в турецких правящих кругах. После завершения германских военных операций по захвату Югославии (совместно с Италией и Венгрией) и Греции (совместно с Италией) Болгария ввела свои войска в принадлежавшие до того Югославии и Греции районы Македонии, Западной Фракии и т. н. Западные территории, которые рассматривались Софией как болгарские национальные земли. Содействуя уничтожению государственной независимости Югославии и Греции, Болгария тем самым приняла участие в установлении «нового порядка» в Европе. По окончании балканской кампании вермахт вывел часть своих войск из оккупированных Греции и Югославии с тем, чтобы перебросить их на восток. Болгария превратилась в надежный тыл нацистской Германии, в ее южный стратегический плацдарм. И лишь благодаря традиционному русофильству болгарского народа, с которым царь Борис не мог не считаться, Болгария оказалась единственным из германских сателлитов, не пославшим ни одного солдата на советско-германский фронт и даже сохранившим с СССР дипломатические отношения на протяжении почти всей войны.

Глава IX

Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз

Будучи единственной из балканских стран, граничившей с обеими европейскими державами «оси» — нацистским «третьим рейхом» и фашистской Италией, Югославия занимала важнейшую геостратегическую позицию на пути их экспансии на Балканы. И потому еще в период, предшествовавший второй мировой войне, сама явилась одним из наиболее существенных объектов их экономического и политического натиска в Юго-Восточной Европе. Уже накануне войны, а затем и в ходе ее развертывания Югославия была ареной дипломатического противоборства Германии, Италии и англо-французской коалиции. Объявив с началом войны о нейтралитете, Белград, не обладавший военной силой, способной обезопасить страну, пытался проводить политику лавирования между ними, стремясь, подобно ряду своих восточноевропейских соседей, избежать опасности быть ввергнутым в огненный вихрь ширившегося мирового пожара. Пока основное внимание Берлина было поглощено войной на западе Европы, такой курс югославских правителей, казалось, мог помочь Югославии остаться вне конфликта. Однако по мере того, как стал вырисовываться, особенно поздней весной 1940 г., военный перевес Германии, приведший затем в июне к поражению Франции, ситуация серьезно изменилась. Теперь у фашистских агрессоров были развязаны руки для действий в балкано-дунайском регионе, в то время как Англия, лишившаяся своего французского союзника, не могла играть там роль существенного противовеса Германии и Италии.

В этой меняющейся обстановке, когда опасность подчинения Югославии державами «оси» крайне возрастала, а страна не имела такого военного потенциала, который бы гарантировал ее независимость, югославское руководство, включая премьер-министра Д. Цветковича и принца-регента Павла Карагеоргиевича, фактического правителя страны ввиду несовершеннолетия короля Петра II Карагеоргиевича, старалось всеми способами хоть как-то сохранить стремительно сужавшееся поле для внешнеполитического маневрирования. Одним из способов были тактика заигрывания с Берлином и Римом, демонстрирования лояльности каждому из них и склонности к поддержанию самых тесных отношений, а вместе с тем попытки играть на противоречиях между Италией,

которую в Белграде считали в тот момент главным источником возможного нападения на Югославию и угрозы ее территориальной целостности, и Германией, политика которой была направлена не на захват Югославии или какой-то ее части, а на ее экономическое и политическое подчинение, превращение в прочный тыл и хозяйственный придаток «третьего рейха»¹. Другим способом стало стремление использовать новый внешний фактор в международно-политическом соперничестве на Балканах — Советский Союз.

Появление СССР как нового полюса на балканской сцене сказалось во внешней политике Югославии позже, чем у некоторых ее соседей. Тому были в основном две причины. Во-первых, в отличие, например, от Румынии, которая прямо граничила с СССР и к которой последний имел территориальные претензии, или от Болгарии, являвшейся соседкой Советского Союза на Черном море и оказывавшейся в сфере интересов Москвы в отношении как Румынии, так и Турции, особенно в связи с проблемой черноморских проливов, Югославия, занимавшая центральную и западную часть Балканского полуострова, была сравнительно удалена от советских границ и зоны первоочередных территориальных, экономических и военно-политических устремлений Кремля. Во-вторых, опять-таки в отличие от ряда ее соседей по региону, Югославия почти до середины 1940 г. не имела ни дипломатических, ни иных прямых отношений с СССР. Эти обстоятельства позволяли ей в течение довольно длительного времени оставаться как бы вне поля советской политики (если не считать деятельности подпольной компартии Югославии (КПЮ), направлявшейся из Москвы по каналам Коминтерна). Такое положение не без удовлетворения отмечалось германской стороной. В частности, суммируя характерные черты, присущие югославской политике в условиях начавшейся мировой войны и договоренностей между Москвой и Берлином, германские аналитики констатировали осенью 1939 г.: хотя югославские власти признают, что в новой обстановке Советский Союз «приблизился к Юго-Восточной Европе» и стал непосредственным фактором ситуации в данном регионе, однако крайний антибольшевизм этих властей, особенно

¹ Об отношениях Югославии с Германией и Италией и соответствующей политике Белграда в этот период см., в частности: *Hoptner J. Yugoslavia in Crisis, 1934–1941.* New York; London, 1962 (главы VI и VII); *Jukić I. The Fall of Yugoslavia.* New York; London, 1974 (главы 1, 2); *Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza.* 2 izd. Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1. S. 257–305.

окружения принца-регента Павла, побуждает их занимать позицию противостояния попыткам советского воздействия².

Казалось, первые месяцы войны подтверждали эту характеристику. Хотя в довольно широких кругах югославской общественности, как левого толка, так и традиционно прорусской сербско-патриотической ориентации, были сильны стремления к установлению Югославией связей с СССР, в том числе дипломатических отношений, правящие круги несмотря на некоторые колебания, в том числе даже намерение в конце ноября 1939 г. прозондировать возможности торговых контактов с СССР, предпочли в итоге воздержаться от какого-либо сближения с Советским Союзом. Наряду с антибольшевизмом здесь играло роль и опасение, что какое бы то ни было завязывание связей с советской стороной будет встречено негативно как державами «оси», особенно Италией, находившейся в тот момент в обостренных отношениях с Москвой, так и англо-французской коалицией, выступавшей тогда против СССР как агрессора в связи с советским нападением на Финляндию³.

Однако реалии развивавшейся войны принуждали югославское руководство все-таки начать движение в сторону установления непосредственного контакта с Советским Союзом. В феврале 1940 г. состоялась, наконец, намечавшаяся еще в ноябре 1939 г., но отмененная тогда югославами поездка в Москву представителя министерства торговли и промышленности Югославии И. Горичара, официальной задачей которого являлось обсуждение возможностей налаживания советско-югославских торговых отношений. А затем в апреле 1940 г. по югославской инициативе была достигнута договоренность о приезде в СССР официальной югославской торговой делегации⁴. В результате ее переговоров с наркоматом внешней торговли СССР был подписан 11 мая договор о торговле и мореплавании между Советским Союзом и Югославией⁵. Помимо того, что предусматривавшееся договором всемерное расширение торговли с СССР было важно для Югославии с точки зрения перспективы приобретения возможности внешнеэкономического маневра, имевшей значение ввиду все усиливавшегося германско-

² Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 440–441.

³ См. подробнее: Решетникова О. Н. Из истории советско-югославских отношений в начале второй мировой войны // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940) / Отв. ред. Л. Я. Губинский. М., 1990. С. 172–174.

⁴ Там же. С. 175–176.

⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 148. С. 260–267.

го экономического диктата, переговоры о заключении договора были значимы и потому, что во время них рассматривались не только чисто торговые проблемы. Югославская делегация воспользовалась случаем, чтобы поставить вопрос, значительно выходящий за рамки собственно экономических отношений и, по сути, носивший, особенно в тех конкретных условиях, более чем серьезный политический характер. Речь шла о том, может ли Югославия рассчитывать на закупку в СССР военных материалов и боевой техники, в том числе самолетов, тяжелой артиллерии, танков⁶. Таким образом, Белград пытался укрепить свои позиции и получить большую свободу рук перед лицом нажима со стороны Берлина и в тот момент особенно Рима, заручившись независимым от них источником вооружения югославской армии.

Еще до переговоров о торговом договоре, когда из югославской печати стало только известно, что они предстоят, в средствах массовой информации ряда стран появились прогнозы о том, что переговоры будут на самом деле носить политический характер и их целью является укрепление положения Югославии по отношению к ее соседям, под которыми имелись в виду прежде всего державы «оси», в первую очередь Италия, откуда тогда исходила основная угроза. Тут же, 20 апреля, последовало опровержение ТАСС, в котором говорилось, что подобный слух «является целиком вымышленным», а переговоры будут касаться лишь установления торговых отношений между СССР и Югославией⁷. Публикация опровержения явно была предназначена для того, чтобы успокоить Берлин, демонстрируя ему, что Москва, подчеркивавшая свою заинтересованность в отношении восточной части Балкан — Румынии и Болгарии, не стремится к политическому присутствию в западной части, прилегающей к державам «оси» и оказывающейся в сфере их непосредственных интересов. К тому же до начала переговоров отнюдь не было ясно, может ли советская сторона рассчитывать практически на что-либо более серьезное в установлении связей с Югославией, нежели торговый обмен.

Но когда югославская делегация подняла вопрос о поставках из СССР оружия, советский партнер выразил согласие рассмотреть этот вопрос⁸. Тем самым была проявлена заинтересованность Кремля и в том, чтобы оказать желательное ему политическое воздействие не только в восточной, но и в западной части Балкан. Было очевидно, что даже переговоры о предоставлении советского оружия Югославии, если бы они начались, а тем более

⁶ Решетникова О. Н. Из истории... С. 176.

⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 121. С. 224.

⁸ Решетникова О. Н. Из истории... С. 176.

сами поставки оружия в случае их осуществления оказывались бы фактором противодействия политическому преобладанию, если не господству, «оси» в этой зоне и появления там советского политического присутствия.

Устремления Москвы подтверждались и тем, что во время переговоров с югославской торговой делегацией советская сторона, в свою очередь, поставила вопрос о желательности как можно скорее установить также дипломатические отношения и подчеркнула готовность к самым тесным советско-югославским контактам. Однако этот советский шаг остался безрезультатным, ибо югославское руководство еще раздумывало над тем, насколько желательно заходить так далеко⁹.

Между тем установление прямого советско-югославского контакта вызвало пристальное внимание Берлина, крайне заинтересованного в своей доминации по отношению к Югославии и отнюдь не желавшего советского проникновения в эту зону. 5 мая 1940 г. германский посол в СССР Ф. Шуленбург, посетив народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова, в числе ряда вопросов, поставленных по поручению правительства Германии, задал и вопрос о находившейся как раз тогда в Москве югославской торговой делегации. Он просил Молотова «проинформировать его о задачах делегации и о ходе переговоров с ней». Молотов ответил, что «югославская делегация носит чисто экономический характер» и «есть основания полагать», что в результате переговоров «будет заключено клиринговое соглашение о товарообмене в довольно ограниченных размерах»¹⁰. Ответ был явно призван успокоить Берлин, заверив его в том, что переговоры лишены какого-либо политического содержания и что даже в экономическом смысле речь идет о возможности лишь совсем небольшого товарообмена.

Это, однако, не удовлетворило обеспокоенных немцев. Ибо пять дней спустя Шуленбург при очередной встрече с Молотовым вновь вернулся к вопросу о советско-югославских переговорах. Он сообщил, что Берлин благодарит Молотова за предыдущую информацию, но просит сообщить новые данные на сей счет, имеющиеся, возможно, у Молотова. При этом Шуленбург указал на то обстоятельство, что, как он знает, глава югославской торговой делегации говорил румынскому послу в Москве о решимости Югославии к установлению дипломатических отношений с СССР¹¹. На самом деле, как упоминалось выше, такой решимости не бы-

⁹ См. там же. С. 177.

¹⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 138. С. 249.

¹¹ Там же. Док. 145. С. 258.

ло. Но сказанное Шуленбургом свидетельствовало о том, что вопрос о возможности подобного шага волновал немецкую сторону.

Молотов и на сей раз постарался успокоить германских партнеров, заявив, что «ничего особенного к предыдущей информации он добавить не может» и что переговоры касались лишь хозяйственных вопросов. Он, правда, сказал Шуленбургу, что «югославская делегация дала понять, что хозяйственные переговоры, которые они ведут, — это только начало в улучшении взаимоотношений между Югославией и Советским Союзом». Но Молотов тут же подчеркнул, что ни он, ни югославская делегация «не развивали этого вопроса», а СССР «не форсирует» его и «предоставляет его течению времени, имея в виду возможное дальнейшее развитие взаимоотношений на основе торговых связей». При этом нарком добавил, что из беседы с югославской делегацией он «вынес впечатление» о происходящей в Югославии внутренней борьбе по вопросу об отношениях с Советским Союзом¹². Ответ Молотова, в котором, конечно, не упоминалось ни о югославской просьбе о поставках вооружения, ни о советском предложении по поводу установления дипломатических отношений, призван был представить дело так, что Москва вовсе не проявляет особого интереса к проблеме дипломатических отношений с Белградом, а намеки на сей счет исходят лишь от югославской стороны, которая, однако, сама к такому шагу не готова. Советский расчет был тут ясен: из подобной информации должен был следовать для немцев вывод об отсутствии оснований для серьезного беспокойства, а тем более какого-либо недовольства советским партнером.

Правдой в ответе Молотова было только то, что югославы не проявили готовности к практическим действиям по установлению дипломатических отношений. Потому-то нарком иностранных дел и мог рисовать Шуленбургу дело таким образом, что этот вопрос пока неактуален. Но прошло всего полтора месяца, и установление дипломатических отношений между СССР и Югославией стало реальностью.

Возросшие в мае-июне 1940 г. югославские опасения по поводу ожидавшегося вторжения итальянских войск в пределы Югославии заставили Белград путем контакта югославского посла в Анкаре И. Шуменковича с полпредом СССР в Турции А.В. Терентьевым вновь обратиться к Москве с запросом о возможности приобретения советского оружия и военной техники. Более того, по этому каналу стала также зондироваться советская позиция вообще по вопросу защиты Балкан, особенно в случае нападения Италии. А когда тем же путем югославы получили ответ, что готов-

¹² Там же.

ность правительства СССР к обсуждению вопросов, представляющих взаимный интерес, в том числе о предотвращении агрессии на Балканах и оказании поддержки, зависит от того, имеются ли нормальные дипломатические отношения, югославское правительство, наконец, решилось и сообщило советской стороне, что готово к их установлению¹³. 24 июня путем обмена соответствующими письмами между Шуменковичем и Терентьевым советско-югославские дипломатические отношения были установлены¹⁴.

Пойдя на это одними из последних в Европе, правители Югославии поступили так лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств развернувшейся мировой войны. Как вспоминал впоследствии тогдашний премьер-министр Цветкович, югославское руководство по-прежнему смотрело на Советский Союз как на коммунистический режим, враждебный по своему характеру, но решилось на такой шаг, оказавшись перед лицом быстро нараставшей германо-итальянской угрозы балканским странам. Оно надеялось, что этот шаг будет как-то содействовать Белграду в его стремлении вырваться, хотя бы до известной степени, из-под давления Германии и Италии¹⁵. Поэтому вслед за оформлением дипломатических отношений и обменом дипломатическими миссиями югославская сторона, особенно ввиду резко усилившейся с конца лета 1940 г. экспансии держав «оси» в балкано-дунайском регионе, стремилась достигнуть двух взаимосвязанных целей.

Во-первых, она пыталась заручиться советской политико-дипломатической поддержкой на международной арене перед лицом этой экспансии. Прибывший в начале июля в Москву югославский посланник М. Гаврилович при первом же посещении народного комиссариата иностранных дел СССР стал настойчиво поднимать тему трудного положения Югославии, подчеркивая как претензии Италии на все адриатическое побережье, так и возросшую роль Германии¹⁶. Продолжая ту же линию и в дальнейшем, югославы, в частности через Гавриловича, старались особо отме-

¹³ См.: Решетникова О. Н. Из истории... С. 178; Винавер В. Югословенско-советски пакт од априла 1941 године // Историјски гласник (Београд). 1973. № 1. С. 34–35.

¹⁴ ДВП. Т. XXIII. Кп. 1. Док. 221. С. 369–370.

¹⁵ Hoover Institution Archives. Collection Dragiša Cvetković. Box 2. Folder: Dragiša Cvetković. Rat ili пакт: Unutarnja i spoljna politika namesništva (далее НИА-Св.). Р. 79, 83–84. Эти рукописные воспоминания бывшего премьер-министра Югославии, хранящиеся в Архиве Гуверовского института по проблемам войны, революции и мира (Стэнфорд, США), были завершены в 1965 г. в Париже, где Цветкович жил в эмиграции.

¹⁶ ДВП. Т. XXIII. Кп. 1. Док. 257. С. 425.

тить перед советскими представителями, что сохранение независимости Югославии соответствует геополитическим интересам СССР на Балканах и в зоне черноморских проливов. Об этом Гаврилович говорил, например, в беседе с первым заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским 5 ноября 1940 г.¹⁷

Во-вторых, Белград продолжил начатые еще до того усилия с целью добиться от Советского Союза военной помощи в виде продажи вооружения и других материалов для нужд югославской армии. После того как вопрос о желательности приобретения вооружения был впервые поднят югославами на уже упомянутых торговых переговорах в Москве, югославская сторона повторно затронула данный вопрос еще до установления дипломатических отношений с СССР, воспользовавшись состоявшимся 31 мая — 1 июня 1940 г. визитом в Белград советского полпреда в Болгарии А. И. Лаврентьева, который приезжал для обмена ратификационными грамотами по поводу заключенного договора о торговле и мореплавании. На сей раз темы приобретения у СССР оружия коснулся в беседе с Лаврентьевым сам премьер-министр Цветкович. Лаврентьев отделался более чем уклончивым ответом, сказав, что это проблема будущего, относящаяся к области конкретных отношений и торговых операций¹⁸. Но для югославов получение оружия и других военных материалов приобретало первостепенное значение. И когда уже после установления дипломатических отношений в Москву в начале сентября 1940 г. прибыл югославский военный атташе полковник Ж. Попович, он на основе инструкций, полученных от своего военного министра, сразу же по приезде поставил тот же вопрос перед советскими военными, в том числе во время состоявшегося через несколько дней визита наркому обороны СССР маршалу С. К. Тимошенко (об этом пойдет речь ниже).

Однако, стараясь побудить Кремль к более решительной линии противодействия давлению держав «оси» на Югославию, само югославское правительство, как и раньше, предпочитало вести себя крайне осторожно с Германией и Италией, продолжало тактически заигрывать с ними, в частности с Берлином. В сущности, оно по-прежнему стремилось лавировать между противостоящими на Балканах великими державами, а советская поддержка должна была улучшить для Белграда возможности такого лавирования. К тому же в правящих кругах Югославии сталкивались

¹⁷ Там же. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24.

¹⁸ См.: Решетникова О. Н. Из истории... С. 177; Волков В. К. Советско-югославские отношения в начальный период второй мировой войны в контексте мировых событий (1939–1941 гг.) // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 6.

разные тенденции внешнеполитической ориентации и конкретной тактики на международной арене, обусловленные различием в оценках происходящего, в прогнозах на будущее, спецификой тех или иных групповых, партийных, ведомственных, личных интересов. Например, согласно некоторым донесениям полковника Поповича в Белград, он при направлении в Москву на пост военного атташе получил от югославского военного министра генерала М. Недича указание как можно скорее выяснить у советской стороны вопрос о снабжении Югославии оружием и военным сырьем из СССР, а от министра иностранных дел А. Цинцар-Марковича — наоборот, особое напоминание о том, что югославы не торопятся с осуществлением сближения с Советским Союзом¹⁹.

В советской историографии, крайне скупо касавшейся отношений между Москвой и Белградом в рассматриваемый нами период²⁰, господствовала официально освященная и целиком идеологизированная версия, объяснявшая политику правящих кругов Югославии исключительно их классовой позицией, которая, согласно этой версии, в силу своей реакционности вела к ориентации на фашистские государства и отвергала сотрудничество с СССР. Подобная интерпретация полностью замалчивала объективную сложность международного положения Югославии, вынуждавшую руководство страны к маневрированию перед лицом угрозы со стороны государств «оси», и игнорировала столкновение разных тенденций в югославских верхах, фактически затушевывая различия между теми, кто действительно тяготел к «оси», и теми, кто был настроен пробритански. Например, о принце-регенте Павле писали как о реакционере, склонном к прогерманскому курсу, в то время как он являлся скорее англофилом, пытавшимся, однако, лавировать ввиду все усиливавшегося давления как Германии, так и Италии. Именно поэтому он, несмотря на враждебное отношение к советскому режиму, санкционировал, хотя и с долгими колебаниями, установление отношений с Советским Союзом. Между тем, что касалось позиции СССР, то та же офици-

¹⁹ Hoover Institution Archives. Collection Žarko Popović (далее НИА—Pop.). Box N 1. F. 12. P. 1; F. 14.

²⁰ См., например: История Югославии. М., 1963. Т. II. С. 181; История внешней политики СССР. Изд. 2-е. М., 1976. Т. I. С. 417, 420; История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 156–158; История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 259, 349; Севостьянов П. П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1981. С. 227–228; Славин Г. М. О советско-югославском Договоре о дружбе и ненападении (1941 г.) // Балканские исследования, вып. 9: Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984.

альная версия, которая была обязательной для советских авторов, чисто апологетически изображала эту позицию как якобы последовательную бескомпромиссную линию решительного противостояния фашистской экспансии на Балканах, как политику готовности к всемерной поддержке Югославии в интересах ее независимости и безопасности. Такое изображение также было построено на замалчивании исторической реальности, тем более, что основная документация на сей счет, хранившаяся в советских архивах, была недоступной²¹.

Документальный материал, введенный в научный оборот в последние годы как в публикациях документов, так и в исторических исследованиях²², свидетельствует о том, что советская сторона, стремясь воспрепятствовать подчинению Балкан державам «оси» и установить свое влияние в регионе, была в этих целях заинтересована в сближении с Югославией и в оказании ей поддержки против угрозы, исходившей от Германии и Италии. Однако достижение указанных целей Москва пыталась совместить с сохранением того советско-германского взаимодействия, основой которого явились договоренности 1939 г.

Еще накануне упомянутого выше официального обмена письмами между Шуменковичем и Терентьевым об установлении ди-

²¹ Хотя в некоторых из упомянутых выше изданий (см. примеч. 20) фигурировали единичные, строго дозированные ссылки на советские архивные материалы, на деле почти никаких существенных сведений не приводилось. Наоборот, реальная, в основном закулисная, история советско-югославских отношений и политики СССР этого периода всячески замалчивалась.

²² Значительный материал, характеризующий политику СССР по отношению к Югославии в интересующий нас период, содержится в основном в трех публикациях документов, вышедших в последнее время: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1–2; 1941 год. Кн. 1–2; Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (эта публикация, подготовленная совместно министерствами иностранных дел России и Югославии, была несколько раньше задана на сербско-хорватском языке: Отношения Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали. Београд, 1996). Из исследований, вводящих в научный оборот новые архивные документы по данной проблематике, см.: Волков В. К. Советско-югославские отношения...; Решетникова О. Н. Из истории...; Она же. К вопросу о советско-югославском договоре о дружбе и непадении // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941) / Отв. ред. Л. Я. Гибакинский, С. З. Случ. М., 1992; Сиполс В. Тайны дипломатические: Капун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 285–303; Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика, 1939–1941/ Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999.

пломатических отношений Молотов 23 июня 1940 г. проинформировал Шуленбурга о достижении соответствующей договоренности СССР с Югославией, подчеркнув, что хотел бы, «чтобы это стало известно германскому правительству»²³. Москва стремилась тем самым в очередной раз продемонстрировать Берлину верность предусмотренному советско-германским договором от 23 августа 1939 г. обязательству о взаимной консультации и информации по вопросам, затрагивающим их общие интересы. И дело отнюдь не ограничивалось лишь этим уведомлением. При первом же посещении НКИДа югославским посланником Гавриловичем 9 июля 1940 г., когда посланник стал поднимать вопрос об угрозе Югославии со стороны Италии и Германии, принимавший его С. А. Лозовский, заместитель наркома, тщательно уходил от этой темы, в частности от обсуждения роли Германии, переводя разговор на другое. Лозовский в своем отчете о беседе подчеркивал данное обстоятельство²⁴. Сходным образом дело обстояло всякий раз, как только Гаврилович в беседах с руководящими лицами НКИД заводил речь об исходящей от Германии опасности для Югославии и других балканских стран, равно как для СССР и советских интересов на Балканах и в зоне черноморских проливов. Например, когда посланник поднял ту же тему во время уже упоминавшейся встречи с Вышинским 5 ноября, его советский собеседник отделился несколькими фразами общего характера и, как и Лозовский, специально отметил это в отчете о встрече²⁵. Такая повторяемость в позиции заместителей наркома иностранных дел не оставляет сомнений в том, что они действовали в соответствии с установкой, исходящей сверху.

Эта установка была, в частности, рельефно выражена Молотовым в телеграмме, посланной 17 октября 1940 г. полпреду СССР в Югославии В. А. Плотникову. С одной стороны, в ней говорилось, что «Советское правительство, разумеется, сочувствует Югославии и борьбе югославского народа за свою политическую и экономическую независимость». Но, с другой стороны, указывалось, что, если речь в связи с этим идет об отношениях СССР с Германией, то они определяются августовским договором 1939 г., а «поскольку Германия выполняет этот договор, постольку у Советского правительства нет оснований для какого-либо вмешательства в действия Германии или в проводимые Германией политические и экономические мероприятия»²⁶. Послед-

²³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 217. С. 367.

²⁴ Там же. Док. 257. С. 425–426.

²⁵ Там же. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24.

²⁶ Там же. Кн. 1. Док. 450. С. 687.

нее подразумевало действия Берлина на Балканах, в частности по поводу Югославии.

Такая двойственность, столь отчетливо обозначенная в установке Молотова Плотникову, представляла собой, как видно из телеграммы, стержень того практического курса, которого Москва в то время считала для себя нужным придерживаться в вопросах, касавшихся Югославии. В этой связи обращает на себя внимание то, как был рассмотрен данный документ в недавней книге В. Я. Сиполса о дипломатической истории кануна и начального этапа второй мировой войны²⁷. Упомянув о телеграмме Молотова с точки зрения оценки изложенной там советской позиции, Сиполс привел лишь первую из отмеченных выше двух сторон сформулированного Молотовым курса (сочувствие борьбе за независимость Югославии), но полностью опустил вторую сторону (невмешательство СССР в действия Германии при соблюдении последней августовских договоренностей 1939 г.), вообще умолчав о наличии соответствующего пункта в документе. Монография Сиполса появилась до публикации телеграммы от 17 октября 1940 г. (в книге делалась ссылка на архив), но теперь, когда этот документ опубликован целиком, очевидно, сколь произвольна селекция, произведенная при его изложении в монографии. Путем такой селекции была дана неадекватная, противоречащая исторической реальности характеристика той политической линии в отношении Югославии, которая содержалась в директиве Молотова.

Двойственность курса, которого на самом деле пыталась придерживаться Москва в югославском случае, ставила советскую политику перед трудно разрешимой дилеммой: как сочетать на практике заинтересованность в том, чтобы поддержать югославы против давления «оси» и в то же время не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса ему в связи с Югославией.

Объективная несовместимость одного и другого порождала противоречивость позиции СССР, постоянную советскую оглядку на то, чтобы политикой в поддержку Югославии не поставить под угрозу свое взаимодействие с Германией, в то время как Гитлер, по крайней мере с конца лета 1940 г., когда он резко интенсифицировал экспансию на Балканах, уже больше не считался с прежними договоренностями между Берлином и Москвой. Противоречивость советской позиции усиливалась подозрительностью Кремля в отношении британских намерений на Балканах, сохранявшимся даже после поражения Франции стремлением противостоять не только германскому, но и британскому влиянию в регионе. К тому же советское руководство постоянно опасалось, как бы

²⁷ Сиполс В. Указ. соч. С. 287.

англичане через связанные с ними силы в балканских странах, в частности особенно в правящих кругах Югославии, не спровоцировали в этой части Европы прямой конфликт между Германией и СССР, не втянули последний в войну. Все эти соображения, определявшие практическую политику Москвы в отношении Белграда, дополнялись недоверием к югославскому правительству, к его попыткам лавирования между противостоящими великими державами²⁸.

В итоге и советский, и югославский партнеры действовали в сфере взаимных отношений в значительной мере по принципу «и хочется, и колется», проявляли колебания, маневрировали.

Москва, пытаясь поощрить Белград в противостоянии германской экспансии на Балканы, стремилась, насколько возможно, скрытно поддержать югославов. Принимая в середине июля 1940 г. Гавриловича, Молотов явно демонстрировал дружеское расположение и более чем прозрачно указывал на противоречия между гитлеровскими устремлениями и советской позицией, в частности на Балканах²⁹. А когда в сентябре приступил к своим обязанностям военный атташе Попович, он был принят на самом высоком военном уровне — наркомом обороны маршалом Тимошенко вместе с начальником советского генерального штаба генералом армии К. А. Мерецковым. Согласно донесениям Поповича военному министерству Югославии, в ответ на поставленный им перед Тимошенко вопрос о возможности получения из СССР вооружения, тот заявил, что ожидал этого шага со стороны югославского военного атташе и уже предварительно разговаривал на сей счет с Молотовым как с главой советского правительства. Более того, нарком обороны сказал, что вопрос будет решен правительством в ближайшее время, причем Молотов склонен к удовлетво-

²⁸ Более подробную характеристику советской позиции см., например: Волков В. К. Советско-югославские отношения... С. 6–11. Общую оценку советской политики на Балканах после поражения Франции в контексте отношений между СССР и Германией см. в гл. V настоящей монографии, а также в работах: Волков В. К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 года // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 7–10, 14–15; Он же. Советско-германское противоборство на Балканах во второй половине 1940 года: мотивы и характер // Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 1999. С. 400–404, 409–411. Иную трактовку советской политики см., например: Сиполс В. Указ. соч. С. 250–277.

²⁹ Винавер В. Указ. соч. С. 42–43. Эти моменты, отмеченные в историографии на основе югославских архивных документов об упомянутом приеме Гавриловича Молотовым, были опущены при публикации советской записи беседы. См.: Советско-югославские отношения 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1992. С. 333–334.

рительному для югославов решению. Тимошенко добавил, что сам он как военный понимает важность и стратегическое значение Югославии, а потому поможет «обеими руками»³⁰. Параллельно с переговорами Поповича имели место и другие советско-югославские контакты по поводу поставок вооружения. Так, вопрос о подобных поставках был поднят югославским посланником при режиме Петэна Б. Пуричем перед поверенным в делах СССР при этом режиме Н. Н. Ивановым. И 12 сентября Иванов сообщил Пуричу, что советская сторона согласна продать югославам оружие. В ответ обрадованный Пурич заверил, что все дело с поставками будет проходить в строжайшей тайне. Иванов срочно телеграфировал об этом в Москву с пометой: «Вне очереди. Особо важно»³¹.

Все это свидетельствовало как будто о том, что советское руководство настроилось на действенную поддержку усилению военного потенциала Югославии. У Поповича даже сложилось от беседы с Тимошенко впечатление, что тот имеет в виду и еще более тесное военное сотрудничество³². Последовавшие затем советские действия, казалось, подтверждали такое впечатление. 25 октября советский генштаб сообщил югославскому военному атташе, что высшая советская инстанция дала принципиальное согласие на продажу вооружения и других материалов для югославской армии. А рассмотрев полученные вслед за тем от Поповича списки конкретных югославских потребностей, советская сторона 21 ноября не только известила его о том, что согласна начать поставки в соответствии со списками, но даже выразила готовность осуществлять всестороннее военное снабжение Югославии³³.

Принятие решения о том, чтобы снабдить югославов вооружением, произошло в условиях чрезвычайно серьезных событий,

³⁰ НИА-Рор. Вох N 1. F. 12. P. 1-2; F. 14. Из исследованных архивных документов остается не совсем ясной точная дата приема югославского военного атташе наркомом обороны. В телеграмме Поповича в Белград 22 сентября говорилось, что это было 20 сентября (Ibid., F. 14), но в двух вариантах его рукописных воспоминаний визит к Тимошенко датирован в одном случае 16 сентября, а в другом — 12 сентября (Ibid. F. 58. P. 6; Вох N 2. F. 28. P. 3). В донесении же Поповича югославскому военному министру от 9 октября 1940 г., где также шла речь о приеме у Тимошенко, дата визита вообще не указана (Ibid. Вох. N 1. F. 12. P. 1-2). Вероятно, более достоверным является указание на то, что военный атташе был у наркома обороны 20 сентября.

³¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 376. С. 596-597.

³² НИА-Рор. Вох N 1. F. 12. P. 2.

³³ Ibid. F. 18, 21.

развернувшихся в октябре–ноябре 1940 г. как непосредственно на Балканах, так и в советско-германских отношениях.

В предыдущих главах уже шла речь о том, что как раз в это время началась новая волна не только политического, но и прямого военного натиска Германии и Италии в балкано-дунайском регионе: в октябре немецкие войска стали вводиться в Румынию, а Италия напала на Грецию; затем 20 ноября к Тройственному пакту присоединилась Венгрия, тремя днями позже Румыния, а одновременно Гитлер выдвинул требование, чтобы то же самое сделала Болгария. Эти действия, как тоже отмечалось выше, были встречены крайне негативно советским руководством. У Кремля была веская причина для серьезной обеспокоенности. Ведь несмотря на то, что еще в конце августа — сентябре он уже выражал германской стороне явное недовольство проведением Венского арбитража по Трансильвании без какого-либо советского участия, предоставлением Румынии немцами территориальных гарантий и попыткой Берлина решать проблемы Дуная без должного партнерства с СССР, тем не менее наступление «оси» и прежде всего «третьего рейха» на Балканах не только не ослабело, но, наоборот, резко усилилось, приняло еще большие масштабы и более острые формы. Причем такое наступление охватывало и ту часть региона, которая непосредственно прилегалла к СССР и Черному морю (прежде всего Болгария и Румыния) и по поводу которой Москва достаточно ясно обозначала перед Берлином свои претензии как на сферу особых советских интересов.

Поэтому во время происходившей в конце октября — начале ноября подготовки к визиту Молотова в Берлин советское руководство, вырабатывая позицию на предстоявших там переговорах, решило сделать одним из центральных вопросов о наиболее интересовавшей его части Балкан и прилегающей зоны, включавшей и черноморские проливы. Соответствующая линия проводилась затем Молотовым уже непосредственно во время бесед с Гитлером и Риббентропом в германской столице 12–13 ноября³⁴.

Но взяв при подготовке и проведении берлинских переговоров курс на то, чтобы добиться от Германии согласия на преимущественную роль СССР в отношении Болгарии и на его обязательное весомое участие в решении проблем, связанных с Румынией, Венгрией и Турцией, советская сторона предпочла не только не выдвигать перед немцами каких-то претензий, но и вообще не обнаруживать перед ними сколько-нибудь существенной заинтересо-

³⁴ См. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31; Док. 498. С. 46; Док. 502. С. 50; Док. 508. С. 60–61. Док. 509. С. 61; Док. 511. С. 69–71; Док. 512. С. 75–76. Подробнее см. гл. V.

ванности в отношении более отдаленной части Балкан — Югославии, непосредственно граничившей с «третьим рейхом» и Италией, и Греции, с которой итальянцы вели войну. В директивах, составленных 9 ноября 1940 г. и намечавших задачи предстоявшей поездки Молотова в Берлин, предусматривалось, что по поводу Югославии, равно как Греции, глава СНК и НКВД должен вести речь лишь о желании советского правительства «знать, что думает Ось предпринять». Именно так, причем почти мельком, Молотов и обозначил этот вопрос на самих берлинских переговорах³⁵. Тем самым как бы демонстрировалась лояльность СССР к тому, чтобы Германия и Италия обладали преимущественными позициями в югославских делах, но в то же время преследовалась цель по возможности выяснить дальнейшие планы обеих фашистских держав, касавшиеся Югославии.

Такая сдержанность, почти незаинтересованность, которую советская сторона предпочла проявить в связи с Югославией на переговорах в Берлине, однако, плохо сочеталась с упомянутым выше решением руководства СССР о военных поставках для югославской армии. А ведь оно было принято одновременно с начавшейся подготовкой к берлинским переговорам. После того как 17 октября в Москве было получено предложение Риббентропа о визите Молотова, последний 19 октября в беседе с Шуленбургом сказал о советском согласии на поездку, а 21 октября Шуленбургу было передано датированное тем же числом письмо Сталина Риббентропу, также содержавшее уведомление о санкционировании визита Молотова³⁶. Исходя из того чрезвычайно большого значения, которое сразу же стало придаваться Кремлем предстоящим переговорам, можно полагать, что с указанного рубежа, 19–21 октября, в советских верхах и началась подготовка к визиту. Между тем через несколько дней после этого, 25 октября, как уже говорилось, генштаб РККА проинформировал югославского военного атташе о принципиальном согласии высшей советской инстанции на поставки югославам вооружения и других военных материалов.

Само по себе принятие решения о продаже оружия Югославии вряд ли было обусловлено возникшей в те дни перспективой проведения переговоров Молотова с нацистскими лидерами. Здесь, скорее, имело место простое совпадение во времени. Действительная причина такого решения заключалась, как видно, в том, что Кремль, весьма обеспокоенный нарастанием экспансии «оси» и прежде всего Германии в восточной части балкано-дунайского ре-

³⁵ ДВП. Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 1). Док. 491. С. 31; Док. 512. С. 76.

³⁶ Там же. Кп. 1. Док. 456. С. 695; Док. 458. С. 699.

гиона, в частности в зоне, которую советское руководство относило к сфере своих преимущественных интересов, решил воспользоваться югославской просьбой об оружии и путем его поставок способствовать, насколько возможно, созданию какого-то, хотя бы относительного, если не препятствия, то, по крайней мере, противодействия в западной и центральной части Балкан немецкому (и итальянскому) давлению. А одновременно тем самым усилить и свои политические возможности в этой зоне под боком у Германии и Италии.

Ввиду того, что пока еще не известны документы, в которых содержались бы конкретные калькуляции в советских верхах по этому поводу, трудно сказать, какие конкретно расчеты связывались там с вооружением югославской армии. Но очевидно, что позиция как будто бы почти отсутствия активного интереса к Югославии, занятая Молотовым на берлинских переговорах в соответствии с тактикой, выработанной при подготовке переговоров и нашедшей отражение в директивах от 9 ноября, не отражала действительных советских намерений.

Данные намерения остались в силе и после завершения визита Молотова в Берлин. Об этом свидетельствует тот уже отмеченный выше факт, что 21 ноября, т. е. через шесть дней по возвращении председателя СНК и наркома иностранных дел в Москву, советская сторона подтвердила Поповичу согласие начать военные поставки, причем в соответствии с перечнями конкретных югославских потребностей, перед тем переданными военным атташе в наркомат обороны.

Этот шаг, предпринятый Москвой 21 ноября, приобрел особое значение в связи с теми осложнениями, которые накануне и сразу после берлинских переговоров Молотова проявились как среди руководителей югославского государства, так и в высших военных кругах Югославии. Речь шла о возникшей в тот момент у ряда югославских политических и военных деятелей серьезной неуверенности в возможности следовать проводившемуся до того курсу внешней политики на неприсоединение к «оси».

Что касалось сомнений в руководстве армии, то советское сообщение Поповичу последовало за происшедшим двумя неделями раньше смещением генерала Недича с поста югославского военного министра из-за того, что он в начале ноября предложил покончить с колеблющейся политикой Югославии и присоединиться к «оси», аргументируя это неготовностью югославской армии для противостояния фашистским державам.

Формально Недич в докладной записке от 1 ноября, предназначенной принцу-регенту Павлу и правительству, выступил не за присоединение к «оси», а за то, чтобы вместо проводившегося

внешнеполитического лавирования сделать какой-нибудь определенный выбор, ибо возможности для лавирования, по мнению генерала, исчезли ввиду почти завершившегося окружения Югославии германо-итальянским блоком в Европе: в него втягивались одна за другой соседние с Югославией страны, а сопротивлявшаяся Греция, как прогнозировалось в записке, будет в ближайшее время побеждена. В данной ситуации, считал Недич, оставаться дальше нейтральными югославы будут просто не в состоянии, им этого не позволят. А потому необходимо самим без промедления принять решение, которому подчинить всю дальнейшую политику: или присоединиться к Германии и Италии, пока они еще заинтересованы в этом, и в таком случае решительно прекратить «какие-либо отношения и кокетство с Англией», или, наоборот, сделать выбор в пользу Англии и принять практические меры, направленные против окружения Югославии германо-итальянским блоком. В записке говорилось, что при втором варианте нужно мобилизовать всю югославскую армию и идти на помощь Греции. Однако, предостерегал Недич, подобное развитие событий повлечет нападение Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии на Югославию, а последняя, будучи не в состоянии противостоять такой объединенной силе, станет добычей напавших и будет ими расчленена. Возможность военной помощи Югославии со стороны Англии генерал даже не рассматривал, ибо в нее не верил, — он ограничился лишь упоминанием, что для Греции английская помощь «не может быть ни эффективной, ни спасительной». Зато в записке указывалось на возможность заключить «оборонительный союз с Россией», т. е. СССР. Но при этом югославский военный министр характеризовал такого партнера более чем отрицательно. Помимо многозначительного замечания, что на практике речь может идти о союзе с «Россией такой, какова она сегодня, с ее нынешней политикой, ее планами на будущее», Недич усиленно подчеркивал, что СССР находится «в стратегических клещах между Японией и Германией», а немецкие войска, сосредоточенные против Советского Союза от Балтийского до Черного моря, насчитывают 100 дивизий и нацелены «в сердце Украины и Белоруссии». По мнению генерала, германская армия и ее руководство по своим качествам превосходят советскую армию и ее командование. К тому же, писал он, Россия, «если бы и хотела нам помочь военным путем, находится далеко и отделена от Балкан». И хотя в записке не говорилось прямо, следует или нет обращаться к СССР за помощью, подобной характеристикой, в сущности, давался ответ — не следует. Отсюда вытекал и фактический вывод: выходом из положения является лишь присоединение к «оси». В этом случае, писал Недич, югославы получат по

крайней мере две вещи: «во-первых, продлим себе жизнь, во-вторых, обуздаем требования алчных соседей», т. е. территориальные претензии со стороны Италии и вероятных балканских союзников Гитлера (Венгрии, Болгарии и, возможно, Румынии). Правда, что касалось второго, автор докладной записки предполагал, что некоторую часть югославской территории все же придется отдать, но потери не будут такими, как в случае, если бы Югославия была покорена силой. Югославское руководство отвергло позицию Недича, и он был отправлен в отставку³⁷.

На практике советское согласие на поставку оружия выступало как фактор поддержки проявившегося в тот момент нежелания югославам подчиниться фашистскому диктату. Белград, информированный о советской позиции своим военным атташе, реагировал с удовлетворением. 25 ноября начальник югославского генштаба генерал П. Косич направил Поповичу указание передать начальнику советского генерального штаба благодарность правительства Югославии. А еще перед тем, 23 ноября, новоназначенный военный министр Югославии генерал П. Пешич послал в Москву дополнительный список югославских военных потребностей, который Попович 25 ноября передал в наркомат обороны СССР. Дополнительный список, в отличие от предшествующих, включал прежде всего самолеты и бронетехнику³⁸.

Подтверждение советского согласия на военные поставки, последовавшее 21 ноября, было важным и в связи с тревогой в высшем государственном руководстве Югославии, которая была вызвана ставшими распространяться еще накануне визита Молотова в Берлин и особенно усилившимися после него слухами о том, что важнейший пункт берлинских переговоров — достижение согласия СССР на ведущую роль Германии в установлении «порядка» на Балканах. Слухи эти распространялись, в частности в Югославии, самими немцами и их агентурой³⁹. Утверждалось, будто советская сторона готова признать такую роль за нацистским «рейхом» в обмен на предоставление «осью» возможностей Москве к югу от границ СССР. Подобная пропагандистская кампания, инспирированная соответствующими германскими служ-

³⁷ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 290, 584–586.

³⁸ НИА-РФ. Вох N 1. F. 23, 24, 26. Предшествующие списки, представленные Поповичем советской стороне в конце октября, составлялись в югославском генштабе еще в августе 1940 г. (Ibid. F. 49).

³⁹ Сведения о распространении таких слухов немцами содержались в телеграммах, присланных в Москву советским полпредом в Югославии Плотниковым (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 499. С. 47; Док. 540. С. 123), а также были сообщены в НКВД югославским посланником Гавриловичем (Там же. Док. 550. С. 138).

бами, представляла собой столь же обманный ход, как само сделанное Гитлером и Риббентропом на берлинских переговорах предложение Молотову о кооперировании Советского Союза с Тройственным пактом на основе того, что «ось» будет считать сферой советских интересов зону «центральноазиатского пространства», простирающегося от южных границ СССР к Индийскому океану. Предложение Молотову было призвано ввести советское руководство в заблуждение относительно подлинных планов Гитлера в отношении СССР, а заодно, если удастся, хотя бы отчасти отвлечь внимание Кремля от Балкан и Финляндии⁴⁰. А распространение слухов, будто советская сторона уже «сдала» Балканы немцам за обещанную ей перспективу в Азии, имело целью надавить на балканские страны, лидеры которых еще пытались лавировать, уклоняясь от того, чтобы подчиниться Германии и связать свои государства с «осью». Одним из главных объектов такой пропагандистской атаки было как раз руководство Югославии.

Сообщения о сговоре СССР с Германией по поводу предоставления немцам свободы действий на Балканах должны были уверить югославские правящие круги в тщетности их расчетов на использование Советского Союза в качестве одного из важных внешнеполитических факторов противодействия гегемонии «оси» в этом регионе, а тем самым и сохранения для Югославии возможностей продолжить политику лавирования и остаться вне орбиты Тройственного пакта. Неудивительно, что руководство Югославии, едва получив первые такого рода сообщения, тут же адресовало со своей тревогой к советской стороне. Еще 11 ноября, накануне начавшихся на следующий день берлинских переговоров, к полпреду в Белграде Плотникову обратился довольно известный политик и бывший министр В. Янич, который от имени премьер-министра Цветковича передал, что тот очень беспокоится за судьбу Югославии в связи с поездкой Молотова в немецкую столицу. Янич прямо указал, что источником обеспокоенности Цветковича являются распространяемые из германских кругов сведения о том, что СССР согласен, якобы, предоставить Балканы целиком Германии⁴¹.

В последующие дни, уже после визита Молотова в Берлин, тревога в югославских верхах не только не ослабела, но и усилилась. С одной стороны, этому не могли не способствовать туманно-многозначительные формулировки официально опубликованного советско-германского коммюнике по итогам визита, которое

⁴⁰ Подробнее об этом предложении см. гл. V настоящей монографии.

⁴¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. I). Док. 499. С. 47.

почти целиком было составлено на основе проекта, предложенного советской стороной⁴². Стремясь, в соответствии с взятым им курсом, продемонстрировать сотрудничество СССР с Германией, Сталин вписал в советский проект, что берлинский обмен мнениями «протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию»⁴³. Но данная формулировка, будучи включенной в опубликованный текст коммюнике, в котором больше ничего не говорилось ни об обсуждавшихся вопросах, ни о достигнутых результатах, лишь помогала, как уже отмечалось выше (см. гл. V), нацистским усилиям по дезинформации о переговорах, и в частности могла восприниматься как якобы подтверждение озаботивших Белград сведений о советском согласии с ведущей ролью Германии на Балканах. С другой стороны, усиление беспокойства в югославском руководстве было вызвано встречей болгарского царя Бориса III и министра иностранных дел И. Попова с Гитлером 18 ноября, во время которой фюрер поставил вопрос о присоединении Болгарии к Тройственному пакту⁴⁴, и присоединением к последнему Венгрии, что случилось 20 ноября. В телеграмме, посланной Плотниковым в Москву 21 ноября, тревога, возникшая в Белграде ввиду этих событий, довольно ясно связывалась до известной степени с тем, что они произошли «вслед за отъездом Молотова из Берлина» и могут интерпретироваться в духе распространяемых немцами слухов, согласно которым «СССР предоставил Германии право наводить „порядок“ на Балканах, взамен чего СССР получил компенсацию на Востоке» (полпред, однако, указывал, что часть югославских политиков не верит в такую связь)⁴⁵.

В этих условиях данное 21 ноября в Москве югославскому военному атташе подтверждение готовности советской стороны начать поставки для югославской армии оказывалось одновременно и важным для Белграда свидетельством того, что СССР отнюдь не отступает от Балкан и не поддерживает наступление Берлина в балкано-дунайском регионе. Два дня спустя о своем отрицательном отношении к экспансии «оси» в этом регионе советская сторона дала знать и публично — в виде сообщения ТАСС, в котором говорилось, что версия, будто присоединение Венгрии к Тройст-

⁴² Ср. проект, прилаженный шифровкой в Берлин Молотову 14 ноября от «Истанции», т. е. Сталина (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 516. С. 82), и опубликованный окончательный текст коммюнике (Там же. Док. 519. С. 84).

⁴³ Там же. С. 82.

⁴⁴ См. гл. VIII.

⁴⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 540. С. 123.

венному пакту произошло при сотрудничестве и полном одобрении Советского Союза, «ни в какой мере не соответствует действительности»⁴⁶.

Ободренное такой позицией СССР, правительство Югославии, будучи встревожено возможной перспективой присоединения Болгарии к Тройственному пакту и опасаясь болгарских претензий на югославскую Македонию, посчитало целесообразным прибегнуть к зондажу по этим вопросам в Москве. 25 ноября Гаврилович передал Вышинскому просьбу Белграда, чтобы советское правительство помогло выяснить позицию Болгарии⁴⁷. Югославский расчет строился, очевидно, на том, что уже само проявление перед болгарами со стороны СССР заинтересованности по поводу болгарских планов в отношении Югославии может оказать в этом смысле сдерживающее влияние на Софию.

Продолжив таким образом свою прежнюю линию на использование советского фактора в качестве одной из существенных карт в политике лавирования перед лицом опасности, исходившей от «оси», югославское руководство пыталось и дальше вести сложную дипломатическую игру прежде всего с Германией и Италией, а также с соседними балкано-дунайскими государствами. Эта игра приобретала все более трудный и напряженный характер в обстановке, когда вследствие агрессии Италии против Греции, присоединения к Тройственному пакту Венгрии и Румынии и перспективы того, что за ними под нажимом Германии последует Болгария, на югославских границах непосредственно запылала война и началось стягивание грозившего в любой момент замкнуться обруча фашистского блока. В складывавшейся ситуации Белград, как и раньше, стремился прибегнуть к уже не раз опробованной тактике использования противоречий между Берлином и Римом с одновременным заверением каждого из них в своей лояльности. Этот прием был вновь пущен в ход, в частности, как только 28 октября Италия напала на Грецию и в югославских верхах возникла серьезная тревога по поводу того, не заденет ли начавшаяся война Югославию.

Тревога касалась и вообще возможного возникновения прямой военной угрозы для страны, и такой конкретной проблемы, как безопасность обширной югославской свободной зоны в Салоникском порту, обеспечивавшей фактический выход Югославии в Эгейское море и потому имевшей очень большое как стратегиче-

⁴⁶ Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. IV (1935 — июль 1941 г.). М., 1946. Док. № 479. С. 534.

⁴⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 550. С. 138.

ское, так и экономическое значение⁴⁸. В Белграде были весьма серьезно озабочены перспективой ее потери в случае возможного поражения Греции и захвата Салоник Италией. В итоге в первых числах ноября по различным каналам последовали югославские обращения к Германии, информировавшие ее, что Югославия никак не может допустить, чтобы Салоники оказались в руках итальянцев, и в крайнем случае готова противодействовать даже военным путем. Обращения предпринимались с расчетом как на то, что немцы ознакомят своего итальянского союзника с решительной позицией югославов, так и на то, что Германия, недовольная самостоятельным решением Муссолини о нападении на Грецию вопреки советам Берлина подождать с такой акцией и заинтересованная в приближении Югославии к Тройственному пакту, возьмет при этом линию благожелательного отношения к югославским интересам в Салониках. Югославские зондажи немецкой позиции сопровождались некоторыми неофициальными намеками, что в случае поражения Греции Белград мог бы за передачу Салоник Югославии заплатить большую политическую цену вплоть до эвентуального перехода от нейтралитета к вступлению в антибританский лагерь⁴⁹.

Однако в те же дни югославская тревога по поводу Салоник пошла несколько на убыль, ибо итальянские войска были отброшены из Греции в Албанию, вошедшая туда греческая армия успешно вела действия против агрессора и стало ясно, что война принимает затяжной характер. Вместе с тем 5–6 ноября последовали бомбардировки итальянскими самолетами югославского города Битоля (Битола), расположенного вблизи стыка границ Югославии, Греции и Албании. В результате этого югославское руководство, с одной стороны, приняло меры, призванные способствовать повышению обороноспособности страны (в их числе был частичный призыв резервистов и окончательное решение об уже упомянутой выше смене военного министра Недича)⁵⁰, а с другой

⁴⁸ Свободная зона в Салониках была предоставлена Югославии сроком на 50 лет в соответствии с югославо-греческой конвенцией 1923 г. Отдаленная от греко-югославской границы меньше чем на сотню километров, она была связана с Югославией прямой железнодорожной линией.

⁴⁹ См.: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 288–293.

⁵⁰ Ibid. S. 293. Негативная реакция руководства Югославии на меморандум Недича от 1 ноября, о котором шла речь выше, была резко усилена тем, что министр не принял мер против итальянских бомбардировок Битоля, а на недовольство этим принципа-регента Павла повторил изложенную в меморандуме позицию о необходимости перейти в лагерь «оси» и настаивал на соответствующей смене внешнеполитического курса. Это сразу же повлекло решение о его смещении.

стороны, по неофициальным каналам предложило правительству Италии начать переговоры о взаимном сближении двух стран. В обстановке итальянских неудач в начатой войне с Грецией Муссолини считал целесообразным не обострять отношений с Югославией, а, наоборот, попытаться втянуть ее в орбиту своей политики. Соответственно, югославам было предложено заключить союз с Италией. Но так далеко Белград, рассматривавший переговоры с Римом лишь как часть политики лавирования, идти не хотел, тем более что итальянская сторона не предлагала взамен ничего ощутимого⁵¹.

Между тем Берлин, серьезно озабоченный ситуацией, возникшей ввиду неудач итальянской армии в войне против Греции, решил воспользоваться югославскими зондажами германской позиции и добиться от Белграда сотрудничества с «осью». Гитлер считал, что без содействия со стороны Югославии, занимавшей ключевое стратегическое положение по отношению к Албании и Греции, победа над греками более чем труднодостижима. В частности, он внушал это министру иностранных дел Италии Г. Чиано на встрече с ним 18 ноября, в ходе которой высказал мнение, что для получения согласия Югославии на сотрудничество нужно предложить ей гарантию ее территориальной целостности и обещать, что ей будут при поражении Греции переданы Салоники. Чтобы легче склонить Рим к подобной комбинации, фюрер сказал итальянскому собеседнику, что в случае принятия такого решения можно было бы добиться от югославов демилитаризации их адриатического побережья. Два дня спустя, на новой встрече с Гитлером, Чиано сообщил о согласии Муссолини с этим планом. Результатом явилась состоявшаяся по приглашению немцев тайная встреча югославского министра иностранных дел Цинцар-Марковича с Гитлером 29 ноября. На ней нацистский вождь изложил упомянутые выше предложения, сказав, что гарантами соблюдения этих условий выступят Германия с Италией вместе. Он подчеркивал, что наступил момент, когда Югославия должна покончить с занимаемой ею неопределенной позицией и занять место рядом с Германией и Италией. Но вместе с тем Гитлер утверждал, что от Белграда не будут требовать участия в войне, и говорил о сотрудничестве югославской стороны с «осью», не ставя прямо вопроса о присоединении к Тройственному пакту. Вместо этого им была упомянута возможность заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией. Именно за такую формулу и ухватились в Белграде, надеясь таким образом избежать непосредственного присоединения к Тройственному пакту.

⁵¹ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 295.

По возвращении Цинцар-Марковича со встречи с Гитлером югославское руководство решило предложить Германии, чтобы та присоединилась к итало-югославскому договору 1937 г., которым предусматривались взаимное ненападение, уважение границ и дружественные отношения⁵².

Вся эта дипломатическая игра с Германией и Италией сочеталась с попытками принца-регента Павла и правительства хоть в какой-то мере укрепить югославские позиции в отношениях с теми соседними малыми государствами, которые либо уже примкнули к Тройственному пакту, либо, как ожидалось, могли примкнуть к нему в ближайшее время и от которых было более чем вероятным ожидать попыток отторгнуть от Югославии сопредельную часть ее территории. Наибольшая опасность территориальных претензий грозила со стороны Венгрии и Болгарии. Поэтому в югославских верхах еще поздней весной 1940 г. стали предприниматься усилия, призванные урегулировать отношения с Венгрией. Соответственно, в Белграде сразу же положительно откликнулись на последовавшее в конце ноября предложение Будапешта заключить договор о дружбе между двумя странами. Судя по имеющимся исследованиям и документальным материалам, венгерская инициатива явилась следствием сложного переплетения разных факторов. С одной стороны, она была стимулирована немцами, предполагавшими таким образом усилить связь Югославии с Тройственным пактом и подготовить путь к ее вступлению в него. С другой стороны, часть венгерских правящих кругов надеялась использовать сближение с Югославией для некоторого усиления позиций Венгрии как в отношениях с Румынией, так и, возможно, до какой-то степени с Германией. В Белграде же стремились не только улучшить отношения с Венгрией и тем самым, быть может, смягчить ее позицию в территориальном вопросе и затруднить эвентуальное использование ее Берлином против Югославии, но и представить договор перед Гитлером как доказательство тесной связи с государствами Тройственного пакта, избегая в то же время присоединения к последнему⁵³.

Явившись результатом всех этих противоречивых тайных хитросплетений, договор «о вечной дружбе» между Югославией и Венгрией, подписанный в Белграде 12 декабря 1940 г., вызвал и весьма противоречивые оценки у сторонних наблюдателей. Общественное мнение в самой Югославии и вне ее было большей частью склонно воспринимать его как свидетельство того, что юго-

⁵² Ibid. S. 295–297, 301, 302–303.

⁵³ См., напр.: Ibid. S. 300, 303–304, 305–306; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 583. С. 181.

славское руководство уступает давлению Германии и привязывает страну к Тройственному пакту. Югославская дипломатия в контактах как с Англией и США, так и с СССР стремилась опровергнуть такую трактовку. В частности, Гаврилович, информировавший Вышинского еще 10 декабря о предстоявшем подписании югославо-венгерского договора, подчеркивал, что, как записал Вышинский, этот договор «ни в какой связи, ни в прямой, ни в косвенной, не состоит с пактом трех держав»⁵⁴. Но полпредство СССР в Белграде в своих сообщениях и оценках, посылавшихся в Москву, рисовало договор с венграми исключительно как уступку Берлину со стороны Югославии и даже доказательство ее «частичного вползания в систему стран „оси“»⁵⁵.

Достаточно односторонними были также исходившие от советского полпредства в Белграде оценки, связанные с проблемой отношений Югославии с другой соседней страной, откуда грозила опасность территориальных претензий, — Болгарией. В частности, такая односторонность проявилась при характеристике полпредством пристального внимания югославы к уже изложенной в предшествовавших главах советской инициативе по поводу Болгарии, предпринятой во второй половине ноября, после возвращения Молотова из Берлина. Напомним, что речь шла о советских предложениях болгарской стороне, чтобы та заключила с СССР договор о взаимной помощи в обмен на поддержку Советским Союзом территориальных претензий Болгарии к ее соседям (об этих предложениях см. в гл. V и VIII). Сообщая в Москву 7 декабря, как реагировали в Югославии на посещение Софии генеральным секретарем НКВД СССР А. А. Соболевым, который передавал болгарской стороне указанные предложения, Плотников делал акцент лишь на том, что визит Соболева «усилил наши позиции в общественных и правительственных кругах», расценивших его «как серьезное выступление СССР на Балканах в пользу мира и против германской агрессии». При этом Плотников ссылался на «довольно широко» распространенное, по его словам, «мнение, что в случае дальнейшей неопределенной позиции Югославии СССР махнет на нее рукой, сосредоточив внимание на Болгарии». Он подчеркивал, что «об этом поговаривают и в окружении Павла»⁵⁶. Но полпред ни словом не упомянул ни о том, что именно имели в виду в югославских верхах, говоря о перспективе того, как бы Москва не сосредоточила внимание на Болгарии, махнув рукой на Югославию, ни о том, почему по-

⁵⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 578. С. 175.

⁵⁵ Там же. Док. 591. С. 200; Волков В. К. Советско-югославские отношения... С. 10.

⁵⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 577. С. 174.

добная перспектива вызывала обеспокоенность в руководящих сферах в Белграде.

Между тем дело заключалось в опасениях югославских верхов, что Кремль, поставив в своей балканской политике на Болгарию, которая была особенно важна для советских целей в восточной, причерноморской части Балкан и в черноморских проливах, может поддержать болгарские территориальные претензии к Югославии, заинтересованность СССР в которой оказывалась куда меньшей в тогдашних условиях. Характерно, что почти одновременно с приведенной выше оценкой югославской реакции на визит Соболева в Софию, данной Плотниковым, Гаврилович в беседе с Вышинским 10 декабря осторожно, в самых общих выражениях, нарочито избегая какой бы то ни было конкретизации, пытался предостеречь советскую сторону относительно «сомнительной позиции Болгарии». Как зафиксировано Вышинским, югославский посланник говорил «о том, что в настоящих условиях в балканской политике возможны различные ошибки», и, упомянув о посещении Софии Соболевым, выразил «искреннее пожелание, чтобы в отношении Болгарии СССР избежал опасности какой-либо ошибки»⁵⁷. Попытка советского флирта с Болгарией представляла для югославского руководства как фактор, который с точки зрения опасности территориальных потерь, заботившей Белград, только усиливал такую опасность: если раньше боязнь утраты югославской части Македонии связывалась лишь с вероятной поддержкой болгарских претензий Германией, то теперь — возможно, и Советским Союзом. Но эта сторона проблемы никак не отражалась в тех оценках, которые содержались в упомянутой телеграмме Плотникова в Москву 7 декабря.

Впрочем, к тому времени, когда Плотников послал указанную телеграмму, а Гаврилович в беседе с Вышинским пытался бросить тень сомнения на целесообразность советской ориентации на Болгарию, все это уже потеряло свою актуальность. Ибо, как отмечалось в предыдущих главах, болгарское правительство почти сразу отвергло советские предложения. Видимо, ни Плотников, ни тем более югославская сторона еще не знали, что замыслы Кремля в отношении Болгарии уже потерпели полное фиаско.

Но независимо от этого вопрос о советской политике на Балканах и прежде всего по отношению к Югославии продолжал оставаться одним из важнейших для Белграда. Тем более, что обстановка в балкано-дунайском регионе становилась все опаснее, а перспектива дальнейшего усиления угрозы со стороны «оси» и в первую очередь Германии — все ощутимее.

⁵⁷ Там же. Док. 578. С. 175.

Конец 1940 г., после возвращения Цинцар-Марковича с упомянутой выше тайной встречи с Гитлером 29 ноября, прошел для руководства Югославии в большом напряжении. Берлин и Рим, используя югославские заверения в готовности к сотрудничеству, требовали разрешить переброску через Югославию в Албанию 1000 грузовиков, которые Германия решила поставить для итальянских войск на итало-греческом фронте. 7 декабря Белграду пришлось дать прямой ответ, что он не может пойти на такой шаг. Но пытаясь вместе с тем продолжить тактику лавирования в отношении «оси», югославское правительство в тот же день направило правительству Германии письменное заявление, в котором всячески заверяло в своем стремлении к дружбе с «третьим рейхом» и Италией и, в соответствии с югославским замыслом, выработанным, как уже говорилось, по итогам поездки Цинцар-Марковича к Гитлеру, официально предложило начать переговоры о заключении пакта о ненападении с Германией и Италией на базе югославо-итальянского договора 1937 г.⁵⁸ Однако югославов ожидал холодный душ. 22 декабря Берлин ответил, что заключение такого пакта о ненападении не означало бы удовлетворения тех условий, которые необходимы для упрочения отношений Югославии с державами «оси», имевшегося в виду Гитлером и Риббентропом при переговорах с Цинцар-Марковичем. В германском ответе подчеркивалось, что если ограничиться пактом о ненападении, то все равно остался бы открытым важный вопрос о вступлении Югославии в Тройственный пакт⁵⁹. Нацистский фюрер явно делал еще один шаг в давлении на Югославию, открыто обозначая свое главное требование. Перед лицом столь неблагоприятной для Белграда позиции Берлина министр иностранных дел Югославии пытался в беседе с немецким посланником В. Гереном аргументировать югославское предложение тем, что идея пакта о ненападении была высказана ему, Цинцар-Марковичу, при встрече самим Гитлером, а затем повторена Риббентропом. Из этого, объяснял Цинцар-Маркович, он и сделал тогда вывод, что вопрос о присоединении Югославии к Тройственному пакту тем самым отодвигается⁶⁰. Но было, конечно, очевидно, что подобная аргументация в лучшем случае могла быть использована лишь как некое формальное оправдание перед немцами югославского предложения от 7 декабря, а повлиять на германские требования в сторону их смягчения она была абсолютно не в состоянии.

⁵⁸ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 304–305.

⁵⁹ Ibid. S. 322–323.

⁶⁰ Ibid. S. 323.

В складывавшейся ситуации значение СССР как фактора во внешнеполитических калькуляциях югославских верхов, естественно, возрастало. И как видно из документальных материалов, ставших известными в последнее время, принц-регент Павел в середине декабря, еще до получения изложенного выше германского ответа от 22 декабря, решил секретно отправить в Москву «со специальным поручением» отставного полковника Б. Симича. Об этом со ссылкой на «сведения, исходящие от секретариата дворцовой канцелярии», сообщил в телеграмме, посланной 17 декабря в НКВД СССР, Плотников⁶¹.

В телеграмме не уточнялось, получены ли такие сведения непосредственно от югославских властей по официальным каналам или полпредству удалось узнать о подобном решении, пользуясь собственными источниками информации. Но сам характер сообщения, отправленного Плотниковым в Москву, свидетельствует скорее о том, что эти данные поступили в полпредство не по официальной линии, а были добыты негласным путем: в телеграмме они излагались вместе с другой информацией, полученной именно вторым способом, и не содержалось даже намека на какие-либо обращения соответствующих югославских инстанций в полпредство по поводу организации поездки Симича в СССР. Ничего не сообщалось полпредом ни о возможном времени поездки, ни о том, с кем посланцу принца-регента поручалось встретиться в Москве, ни, самое главное, о содержании «специального поручения».

Симич не раз упоминался в исторической литературе, но, как правило, в качестве участника тайных советско-югославских переговоров, состоявшихся значительно позже, вслед за переворотом в Югославии 27 марта 1941 г., в результате которого регенты во главе с Павлом и правительство Цветковича были отстранены от власти. Об этих переговорах, приведших к заключению договора о дружбе и ненападении между двумя странами от 5 апреля 1941 г. (Симич был одним из подписавших его с югославской стороны), речь еще впереди. Пока же отметим, что и в связи с мартовско-апрельскими событиями сведения о Симиче и его роли, фигурировавшие в литературе, были не только более чем скудными, но и довольно неопределенными. Сообщалось в самом общем плане, без какой-то конкретизации, что Симич, бывший участник конспиративной национально-радикальной сербской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), которая действовала накануне и во время первой мировой войны, в свое время осужденный за деятельность в этой организации и уволенный из армии, в на-

⁶¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200.

чале 1940-х годов был связан с патриотически и славянофильски ориентированными кругами сербских политиков и военных. В югославской историографии констатировалось, что его личность остается довольно загадочной из-за отсутствия необходимых источников, но что он оказал влияние на развитие событий во время переворота 27 марта 1941 г., хотя и трудно выяснить его реальную роль⁶². Во всяком случае является фактом, что он пользовался авторитетом и доверием у руководителей переворота, на чем мы еще остановимся ниже. В то же время в историографии упоминалось о том, что Симич был связан с М. Голубичем, бывшим участником сараевского покушения 1914 г., а позже членом КПЮ, которого в югославской исторической литературе и публицистике принято считать резидентом советской военной разведки, руководившим агентурной сетью в Югославии⁶³. Приведенные выше констатации югославской историографии фиксировались в некоторых работах российских историков, затрагивавших данную тему⁶⁴, но при этом отмечалось, что утверждения как о Голубиче, так и о какой-то причастности Симича к его деятельности разведчика не подкреплялись документами, а базировались на устной традиции, на некоторых мемуарных упоминаниях, однако никогда не ставились под сомнение. Следует также заметить, что указанные выше утверждения по поводу Симича и Голубича нередко обрастали массой очевидных вымыслов, особенно в публицистике, где авторы «шпионских историй» давали волю фантазии и фабрикация сенсаций⁶⁵. Но в основном это касалось Голубича, а фигура Симича оставалась в тени.

Что же касалось «специального поручения», с которым Симича, как теперь выясняется, в середине декабря 1940 г. решил послать в Москву принц-регент Павел, то об этом почти или вовсе не было известно. Характерно, что в своем двухтомном труде о крахе Югославии в 1941 г., который был опубликован в 1980-е годы, видный югославский историк В. Терзич, стремившийся мобилизовать весь имевшийся к тому времени фактический материал как из доступных источников, так и из литературы, говоря о событиях зимы 1940/41 г., смог лишь необычайно кратко упомянуть о прибытии в столицу СССР не-

⁶² См.: *Petranović B., Dautović S. Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945)*. Beograd, 1988. S. 43, 49.

⁶³ *Ibid.* S. 16, 28, 41, 95.

⁶⁴ См.: *Волков В. К. Советско-югославские отношения... С. 12; Гибианский Л. Я. Югославский кризис... С. 213.*

⁶⁵ См., например: *Labović Đ. Tajne misije Mustafe Golubića*. Beograd, 1990.

официальной по форме югославской миссии во главе с Сими-чем, встречавшимся «с ведущими советскими личностями»⁶⁶. Ничего более конкретного Терзич привести был не в состоянии: в книге отсутствовали какие-либо данные о том, кто и с какой целью послал Симича; из кого состояла миссия, которую он, как утверждалось, возглавлял; с кем именно он встречался с советской стороны; какие вопросы обсуждал; какими полномочиями был наделен; каковы были результаты его переговоров. Оставалось неизвестным даже то, когда он прибыл в Москву и в течение какого времени здесь находился. Последнее не могли прояснить и приведенные известным британским историком Л. Вудвардом сведения, сообщенные 11 марта 1941 г. в Лондон посланником Англии в Белграде Р. Кэмпбеллом: тот телеграфировал, что югославское правительство тайно отправило в Москву своего специального посланца «несколькими неделями раньше». Ясно, что речь шла о Симиче, хотя в самом сообщении Кэмпбелла имя посланного в Москву не называлось, а Вудвард не дал к этому никаких пояснений⁶⁷. Но какой конкретно срок имелся в виду под несколькими неделями, оставалось только гадать.

Документы, ставшие известными в последние годы, содержат более определенные, хотя и не абсолютно точные, сведения о времени приезда Симича в Москву и его пребывания здесь. В двух вариантах рукописных воспоминаний югославского военного атташе Поповича, хранящихся в архиве, говорится, что Симич появился в советской столице в январе 1941 г. Но относительно того, когда он отсюда уехал, между этими двумя вариантами имеется разнобой: согласно одному из них, Симич отбыл на родину в конце февраля, согласно же другому, отъезд состоялся в конце марта, сразу после того, как стало известно, что 25 марта Югославия присоединилась к Тройственному пакту⁶⁸. Между тем из телеграммы, отправленной 1 марта в НКВД СССР советским временным поверенным в делах в Югославии В. З. Лебедевым (он замечал уехавшего в Москву Плотникова), и из телеграмм, которыми обменялись 14–15 марта югославский посланник в СССР Гаврилович и ми-

⁶⁶ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 382. Терзич ссылался на данные из книги: Breccia A. Jugoslavia 1939–1941: Diplomazia della neutralita. Roma, 1978. P. 521–522.

⁶⁷ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 1. London, 1970. P. 538. Предположение, что специальным посланцем, о котором говорилось в сообщении Кэмпбелла, был Симич, уже высказывалось в отечественной историографии: Сиполс В. Указ. соч. С. 289.

⁶⁸ НИА-Рор. Вох N 1. F. 58. P. 15, 16; Вох N 2. F. 28. P. 5, 7.

нистр иностранных дел Цинцар-Маркович, видно, что по крайней мере в конце февраля и первой половине марта Симич оставался в Москве⁶⁹.

Ни в одном из названных документов нет и речи о какой-либо миссии, которую бы возглавлял Симич, всюду фигурирует только он сам. Но при этом ничего не говорится ни о том, ради каких именно переговоров он приехал, ни о том, что он практически делал в Москве и с кем конкретно встречался. В своих упомянутых выше воспоминаниях Попович, как видно, вообще ничего не знавший о цели приезда Симича, писал об утверждениях последнего, что тот «имеет прочные связи в высших военных кругах Советской России». Попович считал это абсурдной выдумкой и характеризовал Симича, а также впрочем, и посланника Гавриловича, как интригана и лжеца⁷⁰.

То, что Симич имел довольно серьезные связи с советской стороной, не было, однако, его собственной выдумкой, как полагал Попович, а соответствовало действительности. Забегая вперед, отметим тот факт, что, когда после переворота, происшедшего 27 марта, началась подготовка переговоров о заключении договора между СССР и Югославией, Молотов в телеграмме Лебедеву 31 марта специально указал на желательность включения Симича в состав югославской делегации⁷¹. Обращает на себя внимание и другое: когда таким образом в начале апреля 1941 г. Симич вновь оказался в Москве, то, помимо переговоров о заключении договора, происходивших между делегацией, членом которой он являлся, и Наркоминделом, он отдельно встречался и обсуждал вопросы, касавшиеся договора, советско-югославских отношений и по-

⁶⁹ См.: Отношения России (СССР)... Док. № 1. С. 9; Док. № 3. С. 10–11; [бывший] Архив Савезног секретаријата за иностранне послове (Београд). Министарство иностраних послова Краљевине Југославије. Политичко одељење (далее АССИП-МИП КЈ, ПО). Стр. Пов. Бр. 681. Цинцар-Маркович — Гавриловичу 15. III. 1941.

На основании упомянутой телеграммы Лебедева от 1 марта, в которой говорилось, что «приехавший в Москву Симич имеет, по неофициальным сведениям, секретные полномочия для переговоров с Советским правительством», в некоторых работах российских историков был сделан вывод, что Симич прибыл в советскую столицу «в конце февраля 1941 г.», «незадолго до 1 марта» (Волков В. К. Советско-югославские отношения... С. 11; Сиполс В. Указ. соч. С. 289), но из содержания самого документа это не вытекало.

⁷⁰ НИА — Рор. Вох N 1. Ф. 58. Р. 15–17; Вох N 2. Ф. 28. Р. 6, 8. У Поповича были скверные личные отношения с Гавриловичем. А Симича Попович подозревал в том, что тот хочет с помощью Гавриловича заполучить место военного атташе, убрав с этой должности самого Поповича.

⁷¹ Отношения России (СССР)... Док. № 13. С. 20.

литики Югославии, с заместителем начальника советского генштаба, начальником разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым⁷². Это позволяет думать, что версия, согласно которой Симич и прежде был связан с советской военной разведкой, имеет, возможно, под собой основание.

Если в самом деле было так, то принятое в середине декабря 1940 г. решение принца-регента Павла послать Симича в Москву предстает как органическая часть той же тактики, которой пользовалось тогда югославское руководство в своей политике лавирования по отношению к Германии и Италии. Зондажи и тайные переговоры в Берлине и Риме, периодически предпринимавшиеся Павлом и правительством Цветковича с ноября 1940 г., после нападения Италии на Грецию, и продолжившиеся в начале 1941 г., в значительной степени осуществлялись через неофициальных эмиссаров из числа югославов, известных тесными связями с германскими либо, соответственно, итальянскими властями и в той или иной мере являвшихся в Югославии доверенными лицами, а то и фактическими агентами этих властей. Вместе с тем у названных лиц, принадлежавших к белградской элите, имелись достаточно тесные контакты с югославскими дворцовыми и правительственными кругами, доверительные поручения которых они охотно выполняли, тем более, что нередко были заинтересованы в упорочении отношений Югославии с Германией или Италией. Через них югославская сторона, используя их связи с Берлином либо Римом, старалась выяснить позиции немцев и итальянцев по вопросам, важным для Белграда, прощупывала возможность достижения тех или иных договоренностей, запускала разного рода пробные шары, подбрасывала сведения, рассчитанные на желательный югославскому руководству эффект, неофициально передавала предложения, договаривалась о тайных встречах высокопоставленных официальных представителей⁷³. Похоже, по той же схеме для неофициальных контактов с Москвой выбор остановился на Симиче: он считался человеком, связанным с советской стороной, но не являлся коммунистом, а принадлежал к сербско-патриотическому кругу политиков и военных, радикально настроенных против «оси», и был сам заинтересован в том, чтобы Югославия получила от

⁷² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 531, 532.

⁷³ О подобных тайных контактах в конце 1940 — начале 1941 г. с Берлином через директора белградской газеты «Време» Д. Грегориюча и с Римом через юрисконсульта итальянской дипломатической миссии в Белграде В. Стакпича см.: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 292, 295, 299, 301–302, 326–327, 331–337, 338–339 etc.

СССР максимально возможную поддержку, которая позволила бы противостоять давлению Германии и Италии.

Пока остается только гадать, с какими конкретно поручениями югославское руководство решило послать Симича в Москву. Но если исходить из того, как оно использовало подобного рода неофициальные контакты с Берлином и Римом, то наиболее вероятно, что с его помощью хотели прежде всего с большей достоверностью, чем по официальным дипломатическим каналам, прозондировать, на какую реально поддержку СССР можно рассчитывать, в том числе на самый крайний случай. Заодно, быть может, рассчитывали через Симича подтолкнуть советскую сторону на какие-то шаги, желательные Белграду, решить с ней те или иные практические вопросы, в тот момент особенно существенные для югославы.

К тому времени, когда Симич приехал в Москву, какая-либо реальная поддержка Советским Союзом Югославии, по сути, вообще отсутствовала. Единственная конкретная помощь, об оказании которой была достигнута договоренность, — продажа вооружения и других материалов для югославской армии — так и не была начата. Несмотря на подтверждение готовности к осуществлению этих поставок, данное, как уже говорилось, советской стороной в конце ноября 1940 г., и, соответственно, представление военным атташе Поповичем в наркомат обороны дополнительного списка того, что хотели получить югославы, дальше ничего не было реализовано ни по предшествовавшим, ни по дополнительному спискам.

Из переписки Поповича с военным министерством Югославии и наркоматом обороны СССР, его воспоминаний, а также некоторых документов Гавриловича видно, что все дело застопорила советская сторона. Причиной, как можно понять, послужило все то же советское стремление совместить несовместимое: оказать поддержку Югославии вооружением против держав «оси» и вместе с тем не нанести ущерба отношениям между СССР и Германией. Боясь, как бы Берлин не узнал о военных поставках из Советского Союза для югославской армии, советская сторона не только поставила условием, чтобы все переговоры велись исключительно между военными властями двух стран (очевидно, Москва не доверяла югославской дипломатической службе), но и потребовала такой транспортировки грузов, которая обеспечила бы тайну поставок. В связи с этим советские представители отвергли возможность транспортировки через Болгарию, а также перегон поставляемых военных самолетов по воздуху и заявили о необходимости того, чтобы югославы перевозили все прямо из какого-нибудь совет-

ского порта своими собственными судами. Белград из-за недостаточного количества имевшихся у него соответствующих судов предлагал, чтобы грузы доставлялись советскими судами в югославские порты на Дунае или в югославскую свободную зону в Салониках, но в итоге согласился на условия, поставленные Москвой. Однако последняя так и не называла югославам, несмотря на их запросы, ни советского порта, откуда надо забрать грузы, ни сроков начала перевозок. В ответ на югославские запросы советская сторона, ссылаясь на необходимость строгой секретности, заявляла, что сообщит о сроках и месте погрузки лишь в последний момент. Ни в декабре 1940 г., ни в январе 1941 г. дело с места не сдвинулось⁷⁴.

Югославские власти, судя по обращениям военного министра и начальника генштаба, адресованным в Москву Поповичу, были озабочены подобным положением. Согласно последующим утверждениям тогдашнего премьер-министра Цветковича, он в январе 1941 г., когда полпред СССР Плотников поехал в Москву, просил последнего содействовать тому, чтобы военные поставки, наконец, стали осуществляться. Плотников обещал предпринять соответствующие усилия⁷⁵. Возможно, сведения, сообщенные полпредом в Москве, послужили причиной (или одной из причин) того, что 4 февраля наркомат обороны СССР, наконец, дал как будто более определенный ответ югославскому военному атташе по поводу поставок. Поповичу сказали, что дело замедлилось потому, что советские власти расценили как удаление Югославии от СССР подписание ею «пакта с Венгрией и торгового договора с Германией»⁷⁶. Под «торговым договором» имелся, очевидно, в виду так называемый доверительный протокол XII заседания югославо-германского хозяйственного комитета от 19 октября. Устанавливая чрезвычайно большие обязательства Белграда относительно вывоза в Германию продовольствия и сырья, он представлял собой новый крупный шаг в привязывании Югославии к немецкой экономике и оценивался, например, британской печатью как инст-

⁷⁴ НИА-Рор. Вох N 1. Ф. 21; 22; 27; 28; 30; 33; 35; 36, Р. 2-3; Вох N 2, Ф. 28. Р. 4-5; Вох N 3. Ф. «Др Гаврилович, Москва». Р. 6, 7.

⁷⁵ НИА-Св. Р. 95. Югославское обращение по вопросу об оружии, предпринятое при отъезде Плотникова, отмечено в мемуарах И. Юкича, бывшего тогда заместителем министра иностранных дел Югославии (*Jukić I. Op. cit. P. 34*). Излагая впоследствии эту историю американскому исследователю Дж. Хоптнеру, Цветкович утверждал, что передал Плотникову югославские списки необходимого вооружения и что тот повез их в Москву в марте 1941 г. (*Hoptner J. Op. cit. P. 207*).

⁷⁶ НИА-Рор. Вох N 1. Ф. 32.

румент монопольного контроля Берлина над югославским экспортом⁷⁷.

Кратко упоминая о советском ответе югославскому военному атташе от 4 февраля 1941 г., некоторые исследователи, в частности В. Терзич, были склонны считать содержащееся там объяснение истинной причиной задержки военных поставок из СССР в Югославию⁷⁸. Документы, однако, заставляют думать, что дело обстояло сложнее.

Давая Поповичу 4 февраля подобное объяснение, наркомат обороны СССР в то же время запросил его, в состоянии ли югославы собственными транспортными средствами забрать все грузы, о которых шла речь, из Одессы и в полной тайне перебросить к себе в страну⁷⁹. Такой оборот дела должен был, казалось, означать, что к моменту беседы с Поповичем советская сторона уже изменила позицию, вызванную упомянутыми выше соглашениями Югославии с Венгрией и Германией, и решила все-таки осуществить намеченные раньше военные поставки. Югославский военный министр Пешич, которому военный атташе в тот же день, 4 февраля, послал из Москвы телеграмму о происшедшем, 6 февраля известил Поповича о готовности Белграда секретно перебросить на своих судах весь материал из Одессы морским путем и просил, чтобы наркомат обороны СССР сообщил дату, когда в Одессе можно забрать грузы⁸⁰. Однако такого ответа от советских властей югославы так и не дождались. Никакие поставки начаты не были ни в феврале, ни в марте 1941 г.

Остается неясным, было ли заявление, сделанное Поповичу в наркомате обороны 4 февраля, просто тактическим ходом, призванным лишь сохранить возможность поставок в качестве приманки для Белграда, оставить у югославов надежду на советскую поддержку, тем самым поощряя их к противодействию Германии и к какой-то ориентации на СССР, или же Москва действительно склонилась в тот момент к решению передать Югославии вооружение, но потом опять передумала. Однако в любом случае едва ли приходится сомневаться в том, что в основе советской позиции продолжало лежать соображение, постоянно высказывавшееся прежде и повторенное 4 февраля 1941 г.: переброска вооружения, боевой техники и других военных материалов в Югославию должна быть строго тайной. А стало быть, главным оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией. Отсюда — непре-

⁷⁷ Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 680-681.

⁷⁸ Ibid. Knj. 1. S. 300-301.

⁷⁹ ИИА-Рос. Box N 1. F. 32.

⁸⁰ Ibid. F. 32; F. 36. P. 1.

рывные советские колебания по поводу вооружения для Югославии. Тем более, что еще раньше, в конце осени 1940 г., когда советская сторона получила списки с югославскими потребностями и решала вопрос об их удовлетворении, державы «оси» добыли сведения о том, что Белград просит у Москвы оружие. Об их осведомленности стало известно тогда же югославам, в том числе Гавриловичу и Поповичу⁸¹. И едва ли советские власти остались неинформированными об этом. А подозрения Москвы по поводу югославского лавирования и уступок немцам, возраставшие на рубеже 1940–1941 гг., в том числе в связи с упомянутыми выше соглашениями Югославии с Венгрией и Германией, лишь еще больше склоняли советское руководство к тому, чтобы воздержаться от обещанных военных поставок Белграду.

Между тем отсутствие таких поставок, а тем самым и вообще какой-либо реальной поддержки со стороны СССР лишь ослабляло позицию Югославии перед лицом германского давления и в сущности оказывалось одним из факторов, подталкивавших ее правящие круги, поле внешнеполитического маневрирования которых все время сужалось, к дальнейшим уступкам фашистскому блоку как раз в момент, когда в феврале-марте 1941 г. давление Берлина резко возросло и достигло критической отметки.

После того как предпринятые в конце 1940 г. югославские попытки заключить пакт о ненападении с Германией и Италией, а тем самым избежать присоединения к Тройственному пакту провалились и Берлин в упомянутом выше ответе Белграду от 22 декабря заявил, что без вступления Югославии в Тройственный пакт не обойтись, югославское руководство в январе 1941 г. вновь попробовало прибегнуть к тактике лавирования в отношениях с «осью» и прежде всего с Германией, предложив дальнейшие переговоры. Однако на сей раз никакого пространства для маневра не оказалось. На состоявшихся 14 февраля переговорах с премьером Цветковичем и министром иностранных дел Югославии Цинцар-Марковичем сначала министр иностранных дел Германии Риббентроп, а затем сам Гитлер потребовали скорейшего присоединения Югославии к Тройственному пакту. Это было продолжением начатого осенью 1940 г. германского наступления в балкано-дунайском регионе, уже успешно опробованного в Венгрии и Румынии. Теперь наступила очередь Болгарии и Югославии. Вслед за переговорами 14 февраля фюрер и его дипломаты стали усиленно добиваться от Белграда выполнения их требования. В обстановке неизмеримо выросшей угрозы фашистского нападения, особенно после того, как 1 марта к Тройственному пакту присоединилась

⁸¹ НИА-Рор. Вох N 1. F. 27; Вох N 3. F. «Др Гаврилович, Москва». P. 6–7.

Болгария, югославское руководство, которому 4 марта на встрече Гитлера с принцем-регентом Павлом был предъявлен по сути, ультиматум, лишилось дальнейших возможностей для лавирования. И вслед за возвращением Павла с упомянутой встречи с Гитлером Белград принял в принципе решение уступить германскому диктату, пытаясь лишь выторговать некоторые послабления, касавшиеся условий участия в Тройственном пакте. В историографии и мемуаристике многократно освещался вопрос о том, почему сопротивление Берлину было сочтено югославской правящей верхушкой в сложившихся условиях не имеющим перспективы. Югославская армия, по оценке военного министра Пешича и начальника генштаба Косича, была не в состоянии долго сопротивляться в случае германского нападения. А что касалось внешней помощи, то Белград пришел к выводу, что на нее вряд ли можно надеяться. Британия и США, всячески склонявшие Павла и Цветковича к отказу от присоединения к Тройственному пакту, не были, однако, готовы подкрепить это немедленной и эффективной военной поддержкой. На действительную помощь Советского Союза было тем более трудно рассчитывать⁸².

Еще при подготовке упомянутых выше переговоров Цветковича и Цинцар-Марковича с Гитлером и Риббентропом, состоявшихся 14 февраля, Белград поручил 3 февраля Гавриловичу выяснить советскую позицию в связи с новым витком германского военнополитического наступления на Балканах и опасностью для Югославии⁸³. 8 февраля Гаврилович по его просьбе был принят первым заместителем наркома иностранных дел Вышинским, у которого, в соответствии с полученным поручением, пытался выяснить, «как СССР расценивает политику Германии и не считает ли, что для интересов Советского Союза на Балканах имеется угроза со стороны Германии». Посланник ссылался на «германские военные приготовления в Румынии» и на то, что «германское вторжение в Болгарию скоро станет совершившимся фактом». При этом Гаврилович, согласно записи Вышинского, высказывал предположение, что югославское правительство «готовится принять важное решение» ввиду необходимости «пересмотреть нынешнюю политику нейтралитета с целью сохранения независимости страны» и что такое решение «будет зависеть прежде всего от

⁸² О югославо-германских переговорах, калькуляциях югославского руководства в связи с требованием Германии и о международной активности по этому поводу см., например, *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 322–414; *Hoptner J.* Op. cit. P. 202–238; *Jukić I.* Op. cit. P. 43–58; *Клякович В.* Мемоари генерала Симовича и документи 1939–1942 // Политика (Београд). 21. VII — 24. XI. 1970.

⁸³ *Клякович В.* Указ. соч. // Политика. 3. IX. 1970; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 337.

мнения советского правительства по вопросу о положении на Балканах». Однако на столь усиленный зондаж советских намерений Вышинский ограничился ответом, что позиция СССР относительно Балкан ясно определена в публичных заявлениях на сей счет и что «трудно предвидеть, как развернутся будущие события, об этом можно делать только предположения». В то же время он, со своей стороны, задал вопрос, «каковы конкретные позиции самого югославского правительства» и есть ли у Гавриловича «специальное поручение правительства для того, чтобы обсуждать этот вопрос, или же он излагает лишь собственный анализ ситуации». Гаврилович предпочел ответить, что «не имеет специального поручения и лишь высказывает свое мнение». В своем отчете о приеме югославского посланника, разосланном Сталину, Молотову и некоторым другим наиболее близким к Сталину членам политбюро ЦК ВКП(б) (К. Е. Ворошилову, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну), Вышинский верно охарактеризовал беседу как зондаж Гавриловичем советской позиции, но ошибочно посчитал, что зондаж проводился «без какого-либо определенного поручения со стороны югославского правительства»⁸⁴. В свою очередь, Гаврилович по итогам беседы в тот же день сообщил в Белград, что на состоявшейся встрече с Вышинским последний дал лишь общий ответ, сводившийся к тому, что политика СССР остается прежней, а конкретные решения будут приниматься в зависимости от развития событий. В телеграмме посланника это оценивалось как знак, что Советский Союз пока предпочитает выжидать и, несмотря на свою заинтересованность в балканском регионе, не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией⁸⁵. Вывод Гавриловича был верен, но подобная информация никак не могла стимулировать югославское правительство к противостоянию германскому нажиму.

Правда, в историографии, в частности Хоптнером, а затем — со ссылкой на него — Терзичем, приводились данные, согласно которым в начале марта, когда югославское руководство уже склонилось к принятию в принципе решения о присоединении к

⁸⁴ Сделанную Вышинским запись беседы с Гавриловичем см. в ДВП. Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389.

⁸⁵ *Кляковић В.* Указ. соч. // *Политика*. З. IX. 1970; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 338. Впервые об этом югославском зондаже и советском ответе написал Хоптнер. Но передавая кратко содержание телеграммы Гавриловича от 8 февраля, он утверждал, будто, согласно телеграмме, Вышинский кроме того сделал ясной возможность вступления СССР в войну с Германией, если англичане откроют балканский фронт (*Hoptner J.* Op. cit. P. 206). У Кляковича, давшего целиком текст телеграммы, и Терзича, приводившего из нее обширные цитаты, подобные сведения отсутствуют.

Тройственному пакту, Гаврилович телеграфировал в Белград, что советские военные представители косвенно дали понять Поповичу желательность заключения военного пакта между СССР и Югославией, подчеркивая, что Германия является общим врагом обеих стран. Эти представители указывали, что Югославия должна взять на себя инициативу переговоров, причем не по военным, а по обычным дипломатическим каналам. Ни Хоптнер, ни Терзич не приводили текста телеграммы Гавриловича⁸⁶. Мы так и не располагаем ее текстом, однако, имеются другие югославские архивные документы по этому вопросу — телеграммы, которыми обменялись Цинцар-Маркович и Гаврилович 13–15 марта⁸⁷. Из них видно, что югославский посланник действительно сообщил из Москвы 9 марта своему министру иностранных дел о каком-то предложении с советской стороны, касавшемся возможности переговоров по поводу заключения военного союза между СССР и Югославией. Однако в тех же документах эта история предстает столь загадочной и сопровождается настолько туманными и сомнительными обстоятельствами, что возникают подозрения, не была ли она целиком или в значительной мере чьей-то мистификацией.

Из упомянутой телеграфной переписки 13–15 марта между Цинцар-Марковичем и Гавриловичем следует, что о сообщении югославского посланника из Москвы от 9 марта было известно не только Цинцар-Марковичу, но и премьеру Цветковичу, который консультировался по этому поводу с некоторыми видными югославскими политиками. Конкретно в документах фигурирует М. Тупаньянин, заместитель председателя сербской земледельческой партии, председателем которой являлся сам Гаврилович. Согласно этим документам, Тупаньянин горячо поддержал в беседе с Цветковичем возможность заключения советско-югославского военного союза и через британское посольство в Белграде послал в Москву своему партийному шефу телеграмму с запросом о том, как в действительности обстоит дело. Телеграмму, пришедшую из белградского в московское посольство Англии, посол С. Криппс передал Гавриловичу. А последний тем же путем, т. е. по связи между британскими посольствами в Москве и в Белграде, отправил Тупаньянину ответ, в котором указывал, что не может вступить в переговоры с советской стороной по данному вопросу, ибо не имеет на то полномочий, но если такие полномочия будут ему

⁸⁶ *Hoptner J.* Op. cit. P. 208; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 369.

⁸⁷ Некоторые фрагменты этой телеграфной переписки цитировались при излагании Терзичем (*Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 386–387, 389), но полностью она им не приводилась и, по сути, не анализировалась.

присланы, он начнет переговоры. Гаврилович подчеркивал, что считает необходимым обсуждение с СССР возможности заключения военного союза и что, если югославское руководство хочет предпринять такой шаг, оно ни в коем случае не должно присоединиться к «оси», т. е. к Тройственному пакту⁸⁸. Этот ответ, который посольство Британии в Белграде передало Тупаньянину, а тот вручил Цветковичу, был расценен последним как запрос Гавриловичем полномочий на ведение в Москве переговоров о военном союзе. И Цинцар-Маркович, который находился в неведении относительно переписки Тупаньянина с Гавриловичем через англичан, 13 марта отправил посланнику в Москву телеграмму с просьбой объяснить, что происходит и почему МИД Югославии оказывается в неведении⁸⁹.

Ответом на вопрос Цинцар-Марковича была адресованная ему телеграмма Гавриловича 14 марта, в которой и содержалось изложенное выше объяснение.

Посланник заверял в ней министра иностранных дел в том, что без получения именно от него, министра, нужных полномочий ничего не предпримет в Москве. Но усиленно подчеркивал, что ввиду неофициальных предложений, поступивших от советских военных, считает целесообразным вступить с правительством СССР в переговоры по вопросу о возможности заключения договора о военном союзе. Фактически это выглядело как попытка убедить Цинцар-Марковича в необходимости дать Гавриловичу полномочия на ведение переговоров. Аргументируя свою позицию, посланник писал, что если советское правительство всерьез пойдет на заключение такого договора, югославы не будут «в Европе одиноки перед Германией» и Берлин вряд ли решится открыто выступить против военного союза Югославии с СССР и тем самым разорвать с последним, а коль скоро решится, то все равно «будет слабее и по отношению к нам». Если же, говорилось в те-

⁸⁸ См.: Отношения России (СССР)... Док. № 3. С. 10; Относи Југославије... Док. 3. С. 12–13. При последующем цитировании этой телеграфной переписки используется частично перевод на русский язык, имеющийся в российском издании названной публикации, а частично, когда автор данной главы считал нужным, — его собственный перевод с сербско-хорватского оригинала, опубликованного в югославском издании. Соответственно, ссылки везде даются на оба издания.

Данная история была осенью 1941 г., уже в эмиграции, изложена югославским заместителем министра иностранных дел И. Юкчем в специальной справке о положении и политике Югославии на международной арене в 1940 — начале 1941 г. Однако Юкч опустил или не совсем изложил некоторые детали этой истории и датировал ее серединой февраля 1941 г. См.: НИА-Рос. Вох N 2. Ф. 23. Р. 78–79.

⁸⁹ Отношения России (СССР)... Док. № 2. С. 9; Относи Југославије... Док. 2. С. 12.

леграмме, советское правительство в ответ на обращение Гавриловича отвергнет заключение военного союза или обставит его непомерными условиями, или затянет его таким образом, как оно сделало с вопросом о вооружении для югославской армии, то правительство Югославии сможет ясно сказать об этом своему народу, симпатизирующему России «несмотря на ее режим», и тем самым снять с себя всякую ответственность. Между тем, если югославская сторона оставит неофициальные предложения, исходящие от советских военных, без ответа, то правительство СССР «может в выгодный для себя момент публично объявить, что оно нам делало предложения, но мы их отвергли». К тому же, предпринимая попытку официально поставить перед советскими властями вопрос о военном союзе, «мы бы действительно видели, связаны ли те военные круги, что так настаивают на этом в своих предложениях, с их правительством, и если нет, во что я никак не верю, то насколько они сильны». По утверждению посланника, в СССР как в армии, так и в партии «растет недовольство проводимой до сих пор прогерманской политикой» и югославское обращение «служило бы пробным камнем»⁹⁰.

В историографии высказывались по этому поводу разные точки зрения.

Вскользь упоминая эти телеграммы, югославский историк В. Клякович в серии газетных публикаций о деятельности Симовича и событиях 1939–1942 гг. утверждал, что на самом деле речь шла об акции, предпринятой самим Цветковичем и, возможно, принцем-регентом Павлом. Целью акции, исполнителем которой должен был быть Гаврилович, являлся зондаж советской позиции, чтобы, если окажется достижимым, заручиться все-таки поддержкой Москвы и использовать ее как определенный противовес Берлину, ослабляя германское давление и вновь приобретая возможность хоть какого-то маневрирования, то ли для оттяжки присоединения к Тройственному пакту, то ли по крайней мере для выторговывания более приемлемых Белграду условий присоединения⁹¹. Согласно Кляковичу, англичане одобрили идею зондажа, поскольку приветствовали любые действия, которые могли бы привести к дистанцированию югославского правительства от Германии. И поэтому первые телеграммы посылались (очевидно, для большей секретности) через британские дипломатические представительства в Белграде и Москве. Однако Гаврилович, «лично нерасположенный к Советскому Союзу и такой комбина-

⁹⁰ Отношения России (СССР)... Док. № 3. С. 10–11; Относ. Югославии... Док. 3. С. 13–15.

⁹¹ Клякович В. Указ. соч. // Политика. 8, 9. IX. 1970.

ции, практически заморозил эту акцию в самом начале». С охарактеризованной подобным образом позицией посланника Клякович связал и упомянутую телеграмму Гавриловича Цинцар-Марковичу от 14 марта, оценив ее как «путаную»⁹².

Напротив, Терзич писал, что точка зрения Гавриловича полностью соответствовала тогдашней позиции и усилиям британской политики, поскольку тот был тесно связан с послом Англии в Москве Криппсом⁹³.

Хотя Клякович утверждал, что основывался на оригинальных документах, никаких конкретных ссылок, которые бы подкрепляли его изложенные выше утверждения, им не приводилось. Как не приводилось и текста либо содержания телеграмм, в том числе и телеграммы от 14 марта. Между тем рассмотренная нами выше переписка между Цинцар-Марковичем и Гавриловичем, и в частности как раз телеграмма Гавриловича от 14 марта, никак не подтверждают оценок Кляковича. Более того, что касается позиции Гавриловича, характеристика, данная Кляковичем, полностью противоречит этим документам. Телеграмма от 14 марта отнюдь не «путаная», а, как мы видели, свидетельствует о четкой линии югославского посланника в Москве, которая была направлена вовсе не на замораживание, но, наоборот, на осуществление акции, призванной прозондировать, готова ли советская сторона в изменившихся условиях, после присоединения Болгарии 1 марта к Тройственному пакту, пойти на заключение договора о военном союзе с Югославией, еще остававшейся вне пакта. Из телеграммы видно, что Гаврилович стремился к тому, чтобы такая акция не превратилась лишь в очередной мыльный пузырь, а потому, в первых, усиленно добивался от своего правительства официально зафиксированных полномочий на ведение переговоров с правительством СССР о военном союзе, без чего начинать подобные переговоры было бы вовсе бесполезно, а во-вторых, всячески убеждал руководство Югославии в необходимости ни в коем случае не присоединяться к Тройственному пакту. То, что Клякович принял за «путанность», было, с одной стороны, выражением избранной посланником тактики, рассчитанной на то, чтобы воздействовать на политиков, подобных Цинцар-Марковичу, а с другой стороны — следствием попытки оправдаться перед Цинцар-Марковичем, в чьей телеграмме от 13 марта можно было усмотреть недовольство имевшей место без его ведома перепиской при посредничестве англичан между Гавриловичем и Тупаньянином, а через него — с Цветковичем.

⁹² Там же // Политика, 9. IX. 1970.

⁹³ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 369.

Что же касается утверждения Кляковича, согласно которому инициаторами всей акции были сам Цветкович и, возможно, Павел, то никаких доказательств Клякович не привел. Как уже говорилось, из того же обмена телеграммами следует, что начало всему положило сообщение Гавриловича в Белград 9 марта о неофициальном предложении каких-то советских военных о переговорах между правительствами СССР и Югославии по поводу военного союза. Более того, в телеграмме от 14 марта Цинцар-Марковичу посланник писал, что эти люди «непрестанно спрашивают», сообщено ли об упомянутом предложении югославскому правительству и есть ли от него ответ⁹⁴. Если у Хоптнера и следовавшего за ним Терзича в качестве лица, которому было сделано указанное предложение, фигурировал военный атташе Попович, то переписка Гавриловича с Цинцар-Марковичем свидетельствует о другом: неназванные советские военные обратились вовсе не к Поповичу, а к Симичу⁹⁵. Все это плохо согласуется с версией Кляковича. Коль скоро описанная история была, по его утверждению, всего лишь попыткой Цветковича либо даже Павла прозондировать советскую позицию, то непонятно, зачем им в данной связи потребовался Гаврилович. Ведь Симич, уже являвшийся, как выясняется, главным действующим лицом с югославской стороны в упомянутых событиях, как раз и был специально послан высшим руководством Югославии в Москву для неофициальных контактов. Еще более непонятно, как расценить в таком случае сообщения Гавриловича, со ссылкой на Симича, о неофициальном предложении советских военных относительно переговоров о возможном военном союзе. Если такое предложение в самом деле имело место, стало быть, зондаж производила советская сторона, а вовсе не югославские верхи.

Разумеется, при анализе всей этой истории с телеграммами Гавриловича и оценке связанных с ней версий главным является вопрос о том, действительно ли какие-то советские представители говорили Симичу о возможности военного союза и хотели выяснить позицию Белграда на сей счет. Однако никакие советские документы, которые содержали бы хоть что-то по данному поводу,

⁹⁴ Отношения России (СССР)... Док. № 3. С. 10–11; Односи Југославије... Док. 3. С. 14.

⁹⁵ Отношения России (СССР)... Док. № 3. С. 10–11; Односи Југославије... Док. 3. С. 14; АССИП — МИП КЈ. ПО. Стр. Пов. Бр. 681. Цинцар-Маркович — Гавриловичу 15. III. 1941. Неиспо, откуда у Хоптнера возникла версия о Поповиче. Ни в дописках Поповича в Белград, имеющихся в архиве Гуверовского института, ни в хранящихся там же двух вариантах его рукописных воспоминаний нет даже намёка на то, что ему было передано подобное предложение.

пока не известны. А соответственно, нет оснований для каких-либо выводов. Правда, обращает на себя внимание одно обстоятельство. 2 марта, еще за неделю до первой телеграммы Гавриловича относительно советских предложений, полученных Симичем, британский посол в Москве С. Криппс, прилетевший в конце февраля на несколько дней в Турцию для встречи с прибывшим туда же министром иностранных дел Англии А. Иденом, посетил полпреда СССР в Анкаре С. А. Виноградова. И в беседе, когда речь зашла о положении на Балканах, в частности о возможности того, что югославы, в числе прочего рассчитывая и на английскую помощь, окажут сопротивление немцам, Криппс сказал: «Югославия может рассчитывать также и на помощь Вашей страны, так как положение на Балканах не может не интересовать Вас. Насколько мне известно, в Москве были разговоры между югославами и Вами на эту тему»⁹⁶. На указанную реплику Виноградов по существу ничего не ответил, ограничившись замечанием, что ему об этом не известно⁹⁷. А таким образом, остается неясным, что именно подразумевал Криппс под «разговорами», имевшими место в Москве между югославами и советской стороной по поводу положения на Балканах и возможной помощи СССР Югославии. Но сомнительно, чтобы он имел в виду упоминавшуюся выше беседу 8 февраля между Гавриловичем, который предпринял зондаж по указанию из Белграда, и Вышинским. Ибо, во-первых, Гаврилович в этой беседе лишь намекал на желательность советской помощи, но впрямую такого вопроса не ставил и потому данная тема ими не обсуждалась. А во-вторых, с точки зрения расчета на советскую поддержку результат беседы, как уже говорилось, был отрицательным для югославов. Довольно сомнительно и то, чтобы Криппс, когда беседовал с Виноградовым, своей репликой имел в виду переговоры военного атташе Поповича в наркомате обороны об оружии. Ибо дававшиеся Поповичу первоначальные обещания о поставках вооружения относились еще к осени 1940 г., но затем не были выполнены, а новое обещание, полученное военным атташе 4 февраля, ни к концу февраля, когда Криппс отправился из Москвы в Турцию, ни к началу марта, когда он встретился с Виноградовым, также не получило никакого практического продолжения. Между тем, судя по имеющимся документам, никаких других переговоров, которые бы касались возможной советской помощи Югославии, ни Гаврилович, ни Попович с советской стороной перед этим не вели. Соответственно, сопоставление сказанного Криппсом с телеграммами Гавриловича о

⁹⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 704. С. 447.

⁹⁷ Там же.

советском предложении Симичу невольно наводит на мысль о вероятности того, что реплика британского посла в СССР была связана с беседами, которые вел в Москве с советскими представителями Симич. Криппс мог знать о них от Гавриловича: во всяком случае он сообщил в Лондон о том же советском предложении (см. ниже). Но пока, при отсутствии необходимых источников, трудно утверждать на сей счет что-то более определенное.

Если все же допустить, что Клякович был прав и, стало быть, телеграммы Гавриловича отражали не какие-то в самом деле выдвигающиеся советскими представителями предложения, а комбинацию, инициированную югославским руководством для очередного зондажа позиции СССР, то выходит в таком случае, что эти сообщения югославского посланника были мистификацией, выдумкой, запущенной по заданию Цветковича либо даже Павла самим Гавриловичем, Симичем или ими обоими, тесно связанными, по утверждению Поповича, между собой. Но почему для зондажа мог понадобиться подобный ход Цветковичу или тем более Павлу? Об этом у Кляковича не было ни слова. Он вообще не привел фактических данных по поводу того, как конкретно правители Югославии инициировали указанную акцию, а ограничился лишь уже отмеченным выше общим тезисом, что они первоначально, для пущей секретности, адресовались в Москву, т. е. к Гавриловичу, по каналам британской дипломатии. По утверждению Кляковича, вслед за первым импульсом из Белграда последовал второй: 13 марта, по распоряжению Павла и Цветковича, Гавриловичу была послана инструкция «прозондировать почву для заключения советско-югославского военного союза»⁹⁸. Что представлял из себя цитированный им документ и кем он был подписан, Клякович также не пояснял. Во всяком случае, если такая инструкция действительно была послана 13 марта, то она выглядит как ответ на телеграмму Гавриловича от 9 марта о советском предложении Симичу. И, коль скоро исходить из версии Кляковича, инициированию телеграммы от 9 марта может быть только одно объяснение: она должна была дать Павлу и Цветковичу предлог для наделения Гавриловича полномочиями на обращение к советскому правительству.

Возможность такой комбинации полностью исключить нельзя, принимая во внимание тогдашнюю борьбу в югославских верхах по поводу того, какую позицию занять в ответ на германский ультиматум о вступлении Югославии в Тройственный пакт. Часть правительства и стоявшего над ним коронного совета была склонна уступить германскому нажиму и лишь попытаться выторго-

⁹⁸ Клякович В. Указ. соч. // Политика. 9. IX. 1970.

вать у Берлина, насколько удастся, относительно более выгодные для Югославии условия присоединения к «оси», другая часть была против присоединения. Павел и Цветкович, в принципе являвшиеся противниками вступления в Тройственный пакт, всячески пытались найти зацепки, которые позволили бы максимально оттянуть принятие окончательного решения. Телеграмма Гавриловича от 9 марта давала возможность использовать ее для воздействия на тех, кто был готов уступить нацистскому давлению. После получения в Белграде этой телеграммы, 11 марта, британский посланник в Югославии Кэмпбелл сообщил в Лондон, что югославское правительство благоволит к идее военного союза с СССР. Это было то самое сообщение, которое, как уже говорилось выше, известно в изложении Вудварда и в котором Кэмпбелл упоминал о специальном посланце, секретно отправленном несколькими неделями раньше в Москву. Причем британский посланник, основываясь на данных, полученных от югославской стороны, отмечал, что у тайного эмиссара (т. е. у Симича, на которого ссылался в своих телеграммах Гаврилович) есть надежды по поводу перспектив заключения такого союза⁹⁹.

Судя по изложению Вудварда, Кэмпбелл, сообщая о позиции югославского правительства в связи со сведениями, полученными

⁹⁹ Woodward L. Op. cit. P. 538. Изложение данного сообщения Кэмпбелла, содержащееся в работе Вудварда, было пересказано в уже упоминавшейся книге Сиполса, но при этом последний допустил ряд существенных неточностей, приведших к искажению того, что излагалось Вудвардом, а тем самым — и документа, о котором идет речь. Так, в пересказе Сиполса говорится, будто «Кэмпбелл сообщил в Лондон, что некоторые югославские министры выдвигают идею о военном союзе между Югославией и Россией» (Сиполс В. Указ. соч. С. 289). На самом же деле у Вудварда, во-первых, нет никаких «некоторых югославских министров», а сказано «югославское правительство» («the Yugoslav Ministers»; Сиполс, видимо, неверно понял английское выражение «the Ministers», означающее «правительство»); во-вторых, говорится не о «выдвижении» идеи военного союза, а о том, что югославское правительство благоволит такой идее, настроено в пользу нее («favoured the idea»), и это имеет совсем другой смысл, если учесть, что речь идет о моменте, последовавшем за телеграммой Гавриловича от 9 марта со сведениями о будто бы полученном Симичем советском предложении о заключении военного союза. Первая из названных двух ошибок повлекла за собой и еще одну: в то время как в изложении сообщения Кэмпбелла, опубликованном Вудвардом, после упоминания о позиции югославского правительства говорилось о «специальном посланце, которого они тайно отправили в Москву», и это «они» («they») в соответствии с нормами английского языка относилось к правительству, в пересказе изложения Вудварда Сиполсом «они» было отнесено опять-таки к мифическим «некоторым югославским министрам» (Там же), что тоже совершенно исказило фактическую сторону дела.

из Москвы (Криппс оттуда тоже сообщил в Лондон о советском зондаже по вопросу о возможности военного союза между СССР и Югославией¹⁰⁰), имел в виду то, что говорил ему при периодически происходивших встречах Цветкович. И трудно сказать, насколько премьер-министр излагал при этом позицию, которую занимали он сам и принц-регент Павел, а насколько — точку зрения всего кабинета, если учесть, что даже министр иностранных дел Цинцар-Маркович был первоначально не совсем в курсе дела, связанного с телеграммами Гавриловича. Но еще труднее понять, для чего Цветкович рассказывал Кэмпбеллу о сведениях, полученных от Гавриловича, и об оценке их правительством, если, как следует из версии Кляковича, указанные сведения были инициированы самими же Павлом и Цветковичем всего лишь с целью дать полномочия Гавриловичу для еще только предстоявшего зондажа советской позиции. Поэтому факт информирования Кэмпбелла усиливает сомнения в обоснованности версии Кляковича.

Принимая во внимание все то, о чем говорилось выше, гораздо логичнее выглядит версия Терзича, который, касаясь вопроса о телеграммах Гавриловича, считал, в отличие от Кляковича, наоборот, что импульс к тому, чтобы попытаться получить помощь от СССР, исходил не от Павла и югославского правительства, а из Москвы от самого Гавриловича и связанного с ним в Белграде Тупаньянина¹⁰¹. Однако и в том случае, если принять версию Терзича как более правдоподобную, по-прежнему остается вопрос: действительно ли какие-то советские представители говорили Симичу о возможности военного союза или он вместе с Гавриловичем сфабриковали это в надежде, что такая информация побудит югославское руководство отложить присоединение к Тройственному пакту и попытаться через Гавриловича вступить в переговоры с советским правительством? Очевидно, достоверный ответ могут дать неизвестные еще документы из российских архивов — в том случае, если советские военные действительно подавали Симичу идею о военном союзе, или из британских архивов — если Гаврилович и Симич выдумали это, а англичане, с которыми югославский посланник поддерживал тесные связи, были в курсе дела либо вообще являлись инициаторами такой комбинации¹⁰².

¹⁰⁰ Woodward L. Op. cit. P. 538.

¹⁰¹ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 386.

¹⁰² Такую возможность гипотетически тоже, видимо, нельзя исключить, принимая во внимание упомянутое выше британское участие в передаче телеграмм Гавриловича и Тупаньянина, архивные данные британской разведки о ее более чем серьезных связях с Тупаньянином (Hoover Institution Archives. Collection Great Britain: Special Operations Executive (далее — HIA-SOE). Xerox copies: Letter from H. Dalton to the

Так или иначе, но почти сразу после телеграммы Гавриловича от 9 марта, в которой говорилось о предложении советских военных Симичу, в некоторых западных органах печати появились сообщения о готовящемся заключении военного союза между СССР и Югославией. В частности, сам Гаврилович, отвечая 14 марта на запрос Цинцар-Марковича, обратил внимание на подобное сообщение, присланное в «Нью-Йорк таймс» корреспондентом этой газеты в Белграде¹⁰³. Была ли такая публикация случайной утечкой информации или целенаправленной акцией, а в последнем случае — кто и с какой целью ее инспирировал: для торпедирования возможных переговоров с СССР либо для того, чтобы затруднить присоединение Югославии к Тройственному пакту? Какой бы ни была истинная подоплека, 14 марта, в тот же день, когда Гаврилович отвечал Цинцар-Марковичу, Молотов телеграфировал в Белград советскому поверенному в делах Лебедеву: «Все и всякие слухи о том, что ведутся переговоры в Москве и готовится подписание военного союза между Югославией и СССР, являются вымыслом. Эти слухи распространяются в целях дезинформации и для прикрытия закулисных дел югославского правительства с немцами. Никаких переговоров с югославами в Москве не велось и не ведется и со стороны югославов таких предложений нам не делалось»¹⁰⁴. Из телеграммы Молотова Лебедеву следует, что появление упомянутых сообщений в печати Москва расценила как результат интриг югославского правительства, его стремления ввести в заблуждение правительство других стран и общественное мнение и закамуфлировать переговоры с Германией о присоединении к Тройственному пакту. Но о том, делались ли

Prime Minister 28. III. 1941; Telegrams from G. Taylor (Belgrade) to London 23, 26, 27. III. 1941; Letter from J. Bennet to Head of SOE 6. VI. 1941) и те энергичные усилия, которые британское правительство предпринимало в этот момент по дипломатическим, военным и разведывательным каналам с целью предотвратить присоединение Югославии к Тройственному пакту, в том числе путем попыток побудить Белград и Москву к взаимодействию в противовес гитлеровскому давлению на югославское руководство. В частности, 6 марта 1941 г. Криппс, вернувшийся из Турции в Москву, посетил Вышинского и в почти двухчасовой беседе с ним, стараясь побудить СССР к более активному вмешательству на Балканах для противостояния Германии, успешно подчеркивал, что если Берлину удастся подчинить Югославию и пригнать ее присоединиться к Тройственному пакту, то дальнейший германский удар будет направлен против Турции, а затем, укрепив свой балканский фланг, Гитлер нападет на Советский Союз (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 708. С. 454).

¹⁰³ Отношения России (СССР)... Док. № 3. С. 10; Отношения Югославии... Док. 3. С. 12–13.

¹⁰⁴ Отношения России (СССР)... Док. № 4. С. 11.

перед тем с советской стороны неофициальные намеки югославам на возможность переговоров о советско-югославском военном союзе, в телеграмме Молотова не было ни слова.

Принимая во внимание оценку советским руководством названных выше сообщений, нетрудно представить себе, что если предложения Симичу не делалось, а оно было выдуманно им и (или) Гавриловичем, то власти в Белграде должны были выглядеть в глазах Кремля прямым провокатором. Если же предложение действительно делалось, то после этих публикаций югославское правительство предстало в качестве такого, с которым нельзя вести никаких дел. В любом из этих случаев какие-либо дальнейшие переговоры между Москвой и существовавшим югославским режимом, очевидно, исключались.

Впрочем, Белград, со своей стороны, отказался в середине марта от того, чтобы обратиться к СССР с официальным запросом о возможности военного союза. Несмотря на усилия Гавриловича, Тупаньянина и англичан побудить югославское руководство к такому запросу, правители Югославии посчитали целесообразнее не идти на риск новых контактов с СССР и вероятных дальнейших, еще больших осложнений с Германией. Они предпочли продолжить переговоры с Берлином об относительно более, по возможности, приемлемых условиях присоединения к Тройственному пакту: получение гарантий уважения суверенитета и территориальной целостности Югославии, обещание не требовать от нее участия в войне или предоставления югославской территории для переброски войск государств «оси», передача югославам Салоник при поражении Греции¹⁰⁵. В своих воспоминаниях Юкич, опи-

¹⁰⁵ См.: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 386, 392 etc.; Клякович В. Указ. соч. // Политика. 9. IX. 1970. Данные, имеющиеся в историографии и доступных для исследования источниках, оставляют довольно неясным, когда и каким образом югославское руководство приняло решение отказаться от обращения в Москву относительно возможности заключения военного союза с СССР. Терзиц, Клякович, как и некоторые другие авторы, касавшиеся этой темы, считали, что вопрос о переговорах с Советским Союзом потерял актуальность, когда по одним сведениям 13, а по другим — 14 марта югославами был получен из Берлина в какой-то степени обнадеживающий ответ по поводу значительной части выдвигавшихся Белградом условий присоединения к Тройственному пакту и, соответственно, Коронный совет в тот же день склонился к тому, чтобы пойти дальше по пути переговоров с немцами. Правда, упоминался выше переписка Ципцар-Марковича с Гавриловичем 13–15 марта свидетельствует, что 15 марта министр иностранных дел телеграфировал посланнику, чтобы тот срочно послал Симича в Белград «для доклада» (АССИП-МИП КЈ. ПО. Стр. Пов. Бр. 681). Однако нет никаких сколько-нибудь определенных сведений о том, означал ли этот вызов, что возможность обращения к СССР еще не была полностью

бочно датировавший историю с вопросом о советско-югославском военном союзе февралем 1941 г., утверждал, что министр иностранных дел Цинцар-Маркович, обсуждая с ним, своим тогдашним заместителем, советы Гавриловича, мотивировал невозможность обращения к СССР с таким предложением тем обстоятельством, что советское правительство способно не только отвергнуть югославский зондаж, но и проинформировать о нем немцев¹⁰⁶. За такой аргументацией могли стоять и всего лишь тактическая уловка, призванная оправдать отказ от попытки еще раз прозондировать возможность получения советской поддержки, и действительное неверие в надежность СССР как партнера по переговорам, страх, что он способен продать югославов немцам во имя улучшения своих отношений с Германией.

В течение десяти дней, последовавших за 14 марта, под воздействием все усиливавшегося давления Берлина, прибегнувшего, с одной стороны, к ультимативным шагам, а с другой — к удовлетворению, во всяком случае формально, значительной части выставлявшихся югославами условий, югославо-германские переговоры быстро подошли к финишу. 25 марта в Вене был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Тем самым страна оказывалась привязанной к «оси», а фактически прежде всего к нацистскому «рейху», чего особенно добивался последний, сумев использовать в своих усилиях и содействие итальянского партнера. Вместе с тем Гитлер, крайне заинтересованный в таком результате ввиду очень важного геостратегического положения Югославии на Балканах, пошел на то, чтобы подписание протокола сопровождалось заключением четырех секретных соглашений Берлина и Рима с Белградом, которые были наиболее желательны югославскому руководству. Первое из этих соглашений содержало обязательства Германии и Италии неизменно уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии. В двух других фашистские державы заверяли, что не намерены вовлекать Югославию, без ее собственной инициативы, в какое бы то ни было участие в войне: они дали гарантии, что не будут выдвигать никаких требований ни о югославской военной помощи им, ни о пропуске войск или транспортов через югославскую территорию. Наконец, четвертое соглашение предусматривало, что при «новом определении» границ на Балканах (эта формулировка подразумевала раздел греческой территории в случае по-

отброшена, или же, наоборот, он являлся показателем уже окончательно принятого решения не продолжать контакт относительно перспективы заключения военного союза, пачатић, по утверждению Гавриловича, советской стороной через Спяича.

¹⁰⁶ Jukić I. Op. cit. P. 35.

ражения Греции) будет учтена заинтересованность Югославии в территориальной связи с Эгейским морем путем распространения югославского суверенитета на город и порт Салоники. Все соглашения были оформлены в виде писем, которыми при подписании протокола о присоединении Югославии к Тройственному пакту обменялись Риббентроп и Чиано с Цветковичем¹⁰⁷.

Разумеется, выполнение этих соглашений зависело в решающей степени от того, насколько Берлин и Рим сочтут необходимым их придерживаться. Но, если не считать отдельных фигур, прямо склонных к ориентации на «ось», основная часть югославского руководства во главе с Павлом и Цветковичем, первоначально выступавшая против присоединения к Тройственному пакту, однако под нацистским давлением изменившая в течение марта свою позицию, теперь полагала, что в сложившихся условиях выбирает наименьшее зло, получая какую-то надежду на сохранение относительной государственной самостоятельности и невовлечение в войну на стороне фашистских держав, а тем самым — на возможность «пересидеть» трудные времена до будущего поражения Германии, Италии и их союзников. Сторонники такого выбора исходили из того, что более благоприятный результат просто недостижим, а альтернативной возможностью является лишь столкновение с германо-итальянским блоком, чреватое катастрофой для Югославии — ее военным разгромом, оккупацией и расчленением. Лишь трое министров — абсолютное меньшинство правительства — подали в отставку в знак несогласия с принятым решением¹⁰⁸.

Буквально до последнего часа Лондоном, Вашингтоном и той частью югославского политического и военного истеблишмента, которая была против присоединения к Тройственному пакту, предпринимались безрезультатные попытки удержать Павла и Цветковича от этого шага. Особенно активные усилия прилагали англичане, стремившиеся всеми способами помешать капитуляции Белграда перед «осью», прежде всего Германией, и побудить югославское руководство к сопротивлению, обещая ему военную поддержку, хотя и ограниченную довольно скромными реальными возможностями, которыми располагала тогда британская сторона¹⁰⁹. В этих условиях английская

¹⁰⁷ Подробнее о подписании пенского протокола 25 марта 1941 г. см.: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 418–431.

¹⁰⁸ О ситуации в югославских верхах в связи с вопросом о присоединении к Тройственному пакту см. подробнее: *Ibid.* S. 370–374, 379, 386, 392–394, 397–403, 407–418.

¹⁰⁹ *Ibid.* S. 379–382, 395–397, 398–399, 403–404, 412–413; *Woodward L.* Op. cit. P. 532, 538–539; *Wheeler M. C.* *Britain and the War for Yugoslavia, 1940–1943.* Boulder, 1980. P. 39–45.

дипломатия почти в последний момент попыталась ввести в действие советский фактор, чтобы повлиять на позицию Югославии.

21 марта Иден телеграфировал в Москву Криппсу, чтобы тот запросил правительство СССР, не может ли оно предпринять что-нибудь с целью стимулировать Югославию к противостоянию Германии¹¹⁰. В середине дня 22 марта посол изложил это обращение Идена Вышинскому, подчеркнув, что немедленное «ободряющее действие» советского правительства в отношении Югославии «могло бы оказать на нее сильное влияние» и поощрить к сохранению «нейтралитета и независимости», в то время как без таких мер с советской стороны «Югославия может в течение ближайших нескольких часов или дней присоединиться к державам оси»¹¹¹. Судя по сделанной Вышинским записи беседы, Криппс не уточнил, каких конкретно действий англичане хотели бы от СССР. Но это компенсировал Гаврилович, которому Криппс посоветовал предпринять сходный демарш¹¹². В тот же день югославский посланник обратился к Вышинскому с запросом, не может ли он, Гаврилович, передать югославскому правительству в «порядке своего личного впечатления», что советскому правительству безразлично, присоединится или нет Югославия к Тройственному пакту, и что присоединение будет иметь для нее «неблагоприятные последствия». Одновременно Гаврилович сказал Вышинскому, что считал бы «еще более важным», если бы правительство СССР проявило свое отношение к возможности присоединения Югославии к пакту в «такой же форме, как это было сделано по поводу согласия болгарского правительства пропустить через Болгарию германские войска»¹¹³. Последнее подразумевало сообщение НКВД СССР от 4 марта 1941 г., в котором заявлялось о неодобрении советским правительством ввода германских войск в Болгарию, происшедшего вследствие присоединения этой страны к Тройственному пакту¹¹⁴.

Из документов видно, что Гаврилович действовал без всякого ведома правительства Югославии, исключительно по договоренности с Криппсом, предложение которого об обращении к советскому правительству полностью отвечало устремлениям самого югославского посланника, старавшегося любыми спосо-

¹¹⁰ Woodward L. Op. cit. P. 538, 602; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 731. С. 493.

¹¹¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 731. С. 493.

¹¹² Woodward L. Op. cit. P. 539.

¹¹³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490.

¹¹⁴ См. гл. VIII настоящей монографии.

бами помешать присоединению своей страны к «оси»¹¹⁵. Что же касалось инициативы англичан, то, предпринимая ее, они могли опираться на оказавшийся удачным опыт осуществленного двумя неделями раньше Криппсом в какой-то мере сходного демарша, касавшегося позиции СССР в связи с опасностью германского давления на Турцию.

Такая опасность серьезно возросла после того, как Болгария присоединилась к Тройственному пакту и на ее территорию вошли немецкие войска, оказавшиеся, таким образом, у турецкой границы. В этих условиях британская дипломатия, стремясь всячески стимулировать твердость турецкой стороны в противостоянии Германии, считала крайне важным, чтобы Анкара получила от Москвы гарантии того, что в случае непосредственной угрозы нацистской агрессии против Турции Советский Союз не предпримет параллельно никаких антитурецких действий. Получение подобных гарантий означало бы, что при необходимости Турция может сосредоточить для отпора германскому нападению на нее основные силы турецкой армии, не опасаясь советского удара в спину. Сразу вслед за присоединением Болгарии к Тройственному пакту англичане предприняли попытку обращения к СССР по этому поводу. 2 марта Криппс, находившийся тогда, как уже говорилось, в течение нескольких дней в Турции, вместе с британским послом в Анкаре М. Начбулл-Хьюгессеном посетили полпреда СССР Виноградова и в ходе беседы поставили вопрос о желательности получения турецким правительством советских заверений, что СССР не предпримет ничего против Турции¹¹⁶. Затем, уже после своего возвращения в Москву, Криппс поставил тот же вопрос на встрече с Вышинским 6 марта, предложив, чтобы британская дипломатия побудила турок представить советскому правительству конкретные предложения относительно «даль-

¹¹⁵ Пожелания того, чтобы СССР активно выступил за неприсоединение Югославии к Тройственному пакту, выражались и некоторыми другими югославскими политиками. Так, еще 10–13 марта, до решения югославского руководства пойти на присоединение, упоминавшийся выше бывший министр Янич, находясь с визитом в Будапеште, подчеркивал в беседах с советским полпредом в Венгрии Н. И. Шароповым, что сербский народ питает симпатии к СССР, который «должен сказать Югославии, что должна делать Югославия». Янич просил сообщить в Москву, что «все наши надежды основываются только на Советском Союзе», и одновременно упрекал советскую сторону в том, что она так и не дала «самолетов, оружия и нефти», которые просила Югославия. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 714. С. 465–467.

¹¹⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 704. С. 445–446.

нейшего укрепления и расширения» советско-турецких отношений¹¹⁷.

Три дня спустя, 9 марта, Вышинский, подчеркнув, что он официально уполномочен на это Молотовым как главой правительства и наркомом иностранных дел, сделал турецкому послу в Москве Г. А. Актаю заявление о том, что «если Турция действительно подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и будет вынуждена с оружием в руках защищать неприкосновенность своей территории, то Турция, опираясь на существующий между нею и СССР пакт о ненападении (имелся в виду советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, заключенный в 1925 г. — *Авт.*), может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза»¹¹⁸. Этот прецедент успешного дипломатического привлечения СССР к британским усилиям по созданию антигерманского барьера на балканско-средиземноморском рубеже англичане, в сущности, попытались использовать вновь, когда Криппс и Гаврилович обратились 22 марта к Вышинскому с предложением о советском выступлении относительно Югославии.

Но если в турецком случае Кремль посчитал, что английское предложение соответствует его собственным интересам, а потому отреагировал положительно, то в случае с Югославией дело обернулось противоположным образом. После своих бесед с Криппсом и Гавриловичем Вышинский провел вечером 22 марта 25 минут в кабинете Сталина с хозяином кабинета и Молотовым. Получив, как можно понять, инструкции, он в 21 час 15 мин. вышел¹¹⁹. А вернувшись в НКВД, объявил вызванным для этого британскому послу и югославскому посланнику (они были приняты один за другим в 22.00 и в 23.30) отрицательный ответ советского правительства на сделанные ими предложения. Причем мотивировка была разной: Криппсу Вышинский сказал, что «в настоящее время при существующих отношениях между СССР и Англией нет необходимых предпосылок и условий для дружественного обсуждения поставленных вопросов», в числе которых был и вопрос о Югославии, а Гавриловичу заявил, что, по сведениям советской стороны, присоединение Югославии к Тройственному пакту — дело уже

¹¹⁷ Там же. Док. 708. С. 453–456.

¹¹⁸ Там же. Док. 713. С. 464–465. 10 марта Вышинский информировал Криппса о своем заявлении, сделанном накануне Актаю (Там же. Док. 715. С. 467).

¹¹⁹ Посетителя кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записей лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. подг. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Черубаев // Исторический архив. 1996. № 2. С. 43.

решенное, а потому вопрос, поставленный Гавриловичем, «является беспредметным»¹²⁰.

Независимо от того, были ли изложены югославскому посланнику истинные мотивы советского решения, ясно, что руководство СССР не считало целесообразным обращение к правительству Югославии. А то, что предпочли заявить Криппсу, было связано не столько с югославским вопросом, сколько, очевидно, со сложностями советско-британских отношений и общей позицией Кремля по поводу Англии. Но как бы то ни было, ответ относительно Югославии, перечеркнувший английскую инициативу¹²¹, отнюдь не значил, что Кремль решил не вмешиваться в югославский кризис и пассивно наблюдать за развитием событий. В тот же день, когда Криппс и Гаврилович получили от Вышинского отказ, из Москвы по линии Коминтерна была отправлена посредством тайной радиосвязи шифровка в адрес генерального секретаря КПЮ Й. Броза Тито с директивой «занять решительную позицию» против капитуляции перед Германией, поддерживать движение за «всенародный отпор» военной угрозе и требовать установления дружбы с СССР¹²². Очевидно, советское руководство считало, что политика существующего белградского режима делает бесполезными какие-либо дипломатические шаги Москвы против присоединения Югославии к Тройственному пакту, и решило ориентироваться на организацию с помощью коммунистов широкой внутриюгославской борьбы против правительства и подчинения гитлеровскому диктату. Более того, если верить воспоминаниям одного из тогдашних руководителей советской разведки П. А. Судоплатова, Кремль стал планировать военный переворот в Югославии, происшедший 27 марта, два дня спустя после присоединения к Тройственному пакту.

¹²⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494. Криппс ставил в этот день, помимо югославского, и ряд других вопросов, в том числе о целесообразности поддержать создание союза между Швецией и Филиппинами.

¹²¹ Видимо, некоторые югославские дипломаты, тесно связанные либо с англичанами, либо с Гавриловичем, могли что-то узнать об этой инициативе. Во всяком случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что на следующий день, 23 марта, югославский посланник в Бухаресте Авакумович посетил полпреда СССР в Румынии и первым делом спросил, нет ли сведений, что советское правительство опубликовало или намеревается опубликовать коммюнике по поводу предполагающегося присоединения Югославии к Тройственному пакту. По словам Авакумовича, до него доходила слухи о существовании такого коммюнике. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 732. С. 496.

¹²² Broz Tito J. Sabrana djela. Knj. 6. Beograd, 1977. S. 213.

Переворот был произведен в Белграде в обстановке начавшегося движения протеста, в том числе уличных демонстраций и митингов, против присоединения Югославии к пакту. Движение охватило значительные массы сербского населения страны, а также в основном левоориентированную часть других этносов многонациональной Югославии (настроения в преобладающей части других этносов не совпадали с настроениями сербов, а то и являлись противоположными). Члены подпольной КПЮ и связанных с ней организаций активно участвовали в этом движении, хотя и не играли в нем той организующе-руководящей роли, которую им старались приписать как официальная югославская историография в период коммунистического правления, так и советская историческая литература. В основном это был стихийный сербско-патриотический протест, которому симпатизировала немалая часть сербских политиков и военных, причудливо переплетавшийся, с одной стороны, с либерально-антифашистскими настроениями, с другой стороны — с усилиями КПЮ и слоев, находившихся под ее влиянием. Военный переворот был осуществлен в столице Югославии в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. некоторыми воинскими частями, командирами которых являлись офицеры-заговорщики, а во главе переворота стояло командование военно-воздушных сил югославской армии. В результате этого выступления были отстранены от власти регенты и правительство Цветковича, подписавшее венский протокол о присоединении страны к Тройственному пакту. Фактический глава свергнутого режима принц-регент Павел был выслан за границу, а заговорщики декларировали, что несовершеннолетний король Петр II досрочно приступил к осуществлению королевских prerogatives. Власть в стране перешла к правительству, которое сформировал и возглавил командующий военно-воздушных сил генерал Д. Симович¹²³.

В историографии традиционно считалось, что организаторы переворота были связаны с британской разведкой. Это подкреплялось и мемуарными свидетельствами англичан, в частности Х. Дальтона, который в рассматриваемое время был министром экономической войны, в чьем подчинении находилась диверсионно-разведывательная служба SOE (Special Operations Executive)¹²⁴, и исследованиями историков, имевших, подобно, например, Э. Баркер, возможность ознакомиться с соответствующим материалом из британских архивов о деятельности

¹²³ Подробнее см., например: *Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 464–475, 488–492; Milovanović N. Vojni puč i 27 mart 1941. Beograd, 1981.*

¹²⁴ *Dalton H. Fateful Years: Memoirs, 1931–1945. London, 1957. P. 373–375.*

SOE¹²⁵. В пользу такого традиционного взгляда, как будто не вызывавшего споров, говорят и изученные нами копии некоторых документов SOE, хранящиеся в архиве Гуверовского института¹²⁶.

В этом архиве имеются копии телеграмм, посылавшихся из Белграда в Лондон главным представителем SOE на Балканах майором Дж. Тэйлором накануне и сразу после переворота 27 марта, и ряда отчетов, написанных после переворота Далтоном, резидентами SOE в Югославии Дж. Беннетом и Т. Мастерсоном и действовавшим вместе с англичанами лидером сербской Радикальной партии М. Трифуновичем. Из названных документов следует, что под руководством Тэйлора, посланного на Балканы в январе 1941 г. с заданием резко активизировать организацию эффективной британской разведывательно-диверсионной сети во всех странах региона (Югославии, Румынии, Болгарии, Греции и Албании), были в частности сосредоточены особые усилия на создании влиятельной антигитлеровской группировки среди оппозиционных партий и военных кругов Югославии. На это Далтон отпустил крупные денежные средства. Тэйлор и его сотрудники работали, если судить по документам, главным образом с оппозиционными сербскими политиками, прежде всего с упоминавшимися уже Тупаньянином и Трифуновичем, которые, по их утверждениям, не только действовали через свои партии — Земледельческую и Радикальную — и связанные с ними различные сербские общественные организации патриотической ориентации, но и имели контакт с офицерскими группами, настроенными на решительное противостояние державам «оси». Первоначально имелось в виду в основном оказание сильного давления на югославское правительство с целью побудить его к сопротивлению Германии и Италии, но когда примерно к 20 марта стало достаточно ясно, что в течение ближайших нескольких дней Югославия присоединится к Тройственному пакту, резидентура SOE по согласованию с Лондоном и британским посланником в Белграде предприняла меры, направленные на осуществление переворота. В исследованных нами документах нет сведений о британских связях с конкретными лицами из числа югославских военных, а говорит-

¹²⁵ *Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976. P. 91–93.*

¹²⁶ Они были переданы туда родственницей бывшего югославского короля Петра II принцессой Элизабет, которая получила их, по ее просьбе, от британских властей в октябре 1989 г. См.: NIA-SOE, сопроводительное письмо, направленное вместе с пакетом копий документов Дж. Куэллом, советником SOE, принцессе Элизабет 10. X. 1989 г.

ся в общем плане о работе, проводившейся с военными Тупаньянином, Трифуновичем и некоторыми другими политическими фигурами, действовавшими по договоренности с представителями SOE. Лишь вскользь упоминается о попытке английского военно-воздушного атташе в Белграде установить прямой контакт с оппозиционно настроенными офицерами. Но в итоговых сообщениях и отчетах о перевороте 27 марта, направленных по линии SOE из Белграда в Лондон, это событие однозначно характеризуется как результат заговора, связанного с англичанами и осуществленного в сотрудничестве с ними¹²⁷.

В отличие от британского участия, какие-либо документы о причастности СССР к перевороту 27 марта 1941 г. были до сих пор неизвестны. Об этом нет никаких упоминаний и в мемуарных свидетельствах югославских военных, совершивших переворот, в том числе тех, кто стоял во главе него — командующего военно-воздушными силами генерала армии Симовича, его заместителя бригадного генерала Б. Мирковича, начальника штаба командования военно-воздушных сил полковника Д. Савича¹²⁸. Впрочем, в

¹²⁷ См.: HIA-SOE. Letter from Hugh Dalton to the Prime Minister 28. III. 1941; Telegrams from George Taylor (Belgrade) to London 23, 26, 27. III. 1941; Letter from J. H. Bennet to Head of SOE Charles Hambro 6. VI 1941; Report on the Coup by Trifunovich «The Coup d'Etat in Yugoslavia, Belgrade, 27 Mar. 41»; Report on the Coup by Masterson «The Coup d'Etat in Yugoslavia», Belgrade, 27 Mar. 41». О деятельности SOE в Югославии и британском решении прибегнуть к перевороту см. также: Wheeler M. C. Op. cit. P. 25–29, 43–50; Woodward L. Op. cit. P. 541–542.

¹²⁸ Машиннописные воспоминания Симовича и Савича специально о перевороте 27 марта 1941 г., написанные каждым еще во время войны, когда они находились в эмиграции, хранятся в: HIA-Pop. Box N 2. F. 9, 21. О перевороте говорится и в более обширных мемуарах Симовича, охватывающих период от балканских войн 1912–1913 гг. до окончания второй мировой войны. Они были написаны в Югославии после возвращения из эмиграции и рукопись хранится в архиве Военно-исторического института в Белграде. Фрагменты из нее, относящиеся к периоду 1939–1941 гг., в том числе к событию 27 марта 1941 г., частично опубликованы в: *Клякович В.* Указ. соч. Неопубликованный дневник Мирковича, не вернувшегося из эмиграции после второй мировой войны, частично использовался некоторыми югославскими авторами: см., например, *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 468, 484. Из мемуаров других участников переворота 27 марта важными являются также рукописные воспоминания М. Симовича, брата генерала Симовича, написанные в 1942 г. (HIA-Pop. Box N 2. F. 21), и изданные на Западе мемуарные книги: *Ristić D.* Yugoslavia's Revolution of 1941. Pennsylvania State University Press, University Park; London, 1966; *Кнежевич Ж.* 27 март 1941. Са предговором Р. Кнежевича. New York, 1979. Ряд не только опубликованных, но и неопубликованных мемуарных свидетельств участников переворота использован в специально посвященной 27 марта 1941 г.

этих мемуарах нет и данных об участии британских спецслужб в организации переворота. В югославской историографии и публицистике периода коммунистического правления, подчеркивавшей ангажированность англичан в событиях 27 марта, время от времени появлялись отдельные упоминания о том, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли в известной мере на нее. Однако никаких конкретных фактов и источников при этом не приводилось, все оставалось на уровне общих соображений¹²⁹. Ни о чем более определенном в историографии не было и речи вплоть до недавнего опубликования мемуаров П. А. Судоплатова¹³⁰.

По утверждению Судоплатова, который в исследуемое нами время являлся заместителем начальника разведывательного управления советского ведомства госбезопасности (до февраля 1941 г. управление входило в состав НКВД, а затем в состав Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ), отпочковавшегося от НКВД), резиденты этой службы и резиденты советской военной разведки «активно поддержали» заговор и переворот 27 марта 1941 г. А сделано это было по решению, принятому Сталиным и Молотовым¹³¹. Как написал Судоплатов, для помощи в осуществлении военной акции по свержению правящего режима в Белград из Москвы командировали заместителя начальника главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-майора Мильштейна¹³² и руково-

диссертации Д. Георгевича, также участвовавшего в этих событиях: Hoover Institution Archives. Collection Dragoslav Georgevich. Two Days in Yugoslav History: March 25 and 27 1941. A Thesis Presented to the Faculty of Department of History San Jose State College. June 1967.

¹²⁹ См., например: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 460–461; *Petranović B., Dautović S.* Op. cit. S. 16.

¹³⁰ Мемуары были издааны вначале на Западе, затем в России: *Sudoplatov P., Sudoplatov A.* (with J. and L. Schecter). *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness — a Soviet Spymaster.* Boston; New York; Toronto; London, 1994; *Судоплатов П.* Разведка в Кремле: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. См. также написанную по материалам П. А. Судоплатова статью его сына: *Судоплатов А.* Советская политическая и военная разведка // Россия в Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Прохорова, О. Прудкова, С. Случа, Й. Лезера, Х.-А. Якобсена. М., 1995.

¹³¹ *Судоплатов П.* Указ. соч. С. 136–137.

¹³² Там же. С. 137. Имелся в виду М. А. Мильштейн, вместо которого в американском издании мемуаров ошибочно фигурировал С. Р. Мильштейн (*Sudoplatov P., Sudoplatov A.* Op. cit. P. 119), до февраля 1941 г. возглавлявший транспортное управление НКВД, а с февраля — 3-е (секретно-политическое) управление НКГБ.

дящих работников разведки госбезопасности¹³³. Но кроме этих сведений в мемуарах Судоплатова нет никаких упоминаний ни о том, какую конкретную роль играли названные лица в организации и совершении переворота, ни о том, с кем именно они были связаны в Белграде.

Ввиду отсутствия каких-либо других источников нет пока возможности проверить данные Судоплатова. Но если верить тому, что он написал, то обращают на себя внимание его утверждения, согласно которым план осуществления при советской поддержке переворота в Белграде впервые возник в 1938 г. у президента Чехословакии Э. Бенеша. Согласно этой версии, Бенеш предложил Сталину, чтобы СССР субсидировал переворот с целью устранить тогдашнее прогерманское правительство М. Стоядиновича (предшественника Цветковича на посту премьера до февраля 1939 г.) и создать в Югославии военный режим, который помог бы ослабить гитлеровское давление на Чехословакию. Сталин согласился, и резидент НКВД в Праге П. Зубов был отправлен в Белград с выделенными Москвой 200 000 долларов, предназначавшимися для указанных Бенешем сербских офицеров — организаторов планировавшегося переворота. Однако после знакомства с ними Зубов пришел к выводу, что они не способны выполнить такую задачу, отказался платить им деньги вперед и вернулся из Белграда в Прагу. Взбешенный тем, что резидент самовольно не выполнил поручение, Сталин приказал отозвать его в Москву и немедленно арестовать¹³⁴. Если эта история в самом деле имела место, то, возможно, она была связана с упоминавшимся Хоптнером усилиями по организации военного заговора, начатыми в 1938 г. генералом Мирковичем¹³⁵, или с отмечавшейся в югославской историографии попыткой организации заговора, предпринятой тогда же, в 1938 г., группой оппозиционных сербских политиков и офицеров, среди которых были и офицеры из числа будущих активных участников переворота 27 марта 1941 г., например, майо-

¹³³ В американском издании мемуаров были указаны В. М. Зарубин и М. А. Алахвердов (*Sudoplatov P., Sudoplatov A. Op. cit. P. 119*), в русском издании — только Алахвердов (*Судоплатов П. Указ. соч. С. 137*). В упомянутой статье сына Судоплатова Зарубин и Алахвердов назывались в качестве руководящих работников пропагандного отдела НКВД (на самом деле с февраля 1941 г. это было 1-е управление НКГБ) как одного из организаторов переворота в Югославии и в этом же смысле назывались Голшков и Милыштейн как руководители Разведывательного управления Генерального штаба РККА, но ничего не говорилось о том, что кого-либо из них посылали в Белград (*Судоплатов А. Указ. соч. С. 270*).

¹³⁴ *Судоплатов П. Указ. соч. С. 72-73, 106.*

¹³⁵ *Hoptner J. Op. cit. P. 252.*

ры Ж. Кнежевич, М. Зобеница, С. Вохоска, подполковник М. Банкович¹³⁶. В таком случае в 1941 г., когда Сталин, по утверждениям Судоплатова, вернулся к идее, которую не удалось реализовать в 1938 г., советские спецслужбы могли прибегнуть к восстановлению прерванных Зубовым связей то ли с упомянутыми офицерами, то ли с самим генералом Мирковичем, который был одной из главных фигур, если вообще не центральной, в подготовке и осуществлении переворота 27 марта.

Для установления контакта с организаторами переворота советские спецслужбы могли использовать и Б. Симича, явно имевшего, как уже отмечалось, весьма серьезные связи в Москве. Не исключено, что такую же роль играл и Гаврилович. Если верить мемуарам Судоплатова, Гаврилович вообще был с помощью НКВД СССР завербован в качестве советского агента и дал на сей счет формальные обязательства. Правда, Москва подозревала югославского посланника в том, что он ведет двойную игру в интересах англичан. Но тем не менее, как утверждал Судоплатов, и он сам, и начальник управления контрразведки НКВД-НКГБ П. В. Федотов вместе использовали Гавриловича для своих целей¹³⁷. Эти сведения, если они соответствуют действительности, приобретают особое значение, учитывая, что руководство Земледельческой партии, возглавлявшееся Гавриловичем, и в частности его заместитель в Белграде Тупаньянин, были, согласно упомянутым выше документам SOE, среди важнейших участников организации переворота. В неопубликованных воспоминаниях военного атташе Поповича вообще утверждалось, что, когда Симич в марте 1941 г. возвращался из Москвы в Белград, Гаврилович советовал Симичу встретиться с генералом Симовичем и настоятельно рекомендовать ему произвести переворот¹³⁸.

Насколько можно судить по всем имеющимся данным, стремление ряда оппозиционных сербских политиков и антигермански настроенных военных к свержению режима, готового уступить давлению «оси», было обусловлено внутриюгославскими причинами и отражало настроения в самом югославском обществе. Однако как Лондон, так и, очевидно, Москва, каждый по своему заин-

¹³⁶ См.: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 463.

¹³⁷ Судоплатов П. Указ. соч. С. 137. В упоминавшейся выше статье сына Судоплатова просто утверждалось, что Гаврилович в качестве советского агента сыграл «важную роль» в организации переворота (Судоплатов А. Указ. соч. С. 270).

¹³⁸ В одном варианте воспоминаний Попович писал, что это было сразу после получения известий о присоединении Югославии к Тройственному пакту 25 марта (НИА-Рор. Вох N 1. F. 58. P. 16), в другом варианте — в конце февраля 1941 г. (НИА-Рор. Вох. N 2. F. 28. P. 7), что явно ошибочно.

тересованные в противостоянии Белграда Берлину и Риму, старались стимулировать это стремление, поддержать и ускорить организацию переворота, исходя из собственных целей. А те или иные из организаторов заговора, в свою очередь руководствуясь собственными интересами, могли быть связаны не только либо с британской, либо с советской спецслужбами, но и, не исключено, с обеими сторонами, принимая финансовую и иную помощь каждой из них.

В известной до сих пор британской документации, в частности в исследованных нами материалах SOE, нет никаких данных о том, располагали ли англичане какими-либо сведениями о советском участии в подготовке переворота. У Судоплатова тоже нет ни намека на какую-нибудь советскую осведомленность о британском участии. Значит ли это, что те и другие действовали параллельно, не зная друг о друге?

Другим, не менее важным, является вопрос о том, как соотносились при подготовке переворота британские и советские планы.

Англичане стремились не только помешать подчинению Белграда Берлином, но и побудить Югославию к оказанию военной поддержки Греции путем удара югославской армии по итальянским войскам в Албании и добиться образования на Балканах объединенного фронта Югославии, Греции и Турции против Германии и Италии¹³⁹. Британский премьер У. Черчилль полагал, что это предотвратит установление полного господства «оси» на Балканах и серьезно облегчит положение Англии на Средиземноморье¹⁴⁰. В то же время с созданием сильного югославо-греко-турецкого фронта он связывал и расчеты на эвентуальное ускорение советско-германского столкновения. Такое столкновение, которое решающим образом изменяло бы всю расстановку сил в Европе, было крайне важно для Лондона, и британский премьер неоднократно возвращался к обдумыванию того, каким образом усилия англичан на Балканах способствовали бы подобному развитию. В январе 1941 г. ход его рассуждений шел в том направлении, что образование прочного фронта Югославии, Греции и Турции при британской поддержке уменьшит «страх, удерживающий Россию от вступления в войну». А 28 марта, на другой день после переворота, он писал Идену, наоборот, о возможности того, что в случае,

¹³⁹ См., например, планы премьер-министра Англии У. Черчилля и его переписку с министром иностранных дел А. Иденом, ведущими британскими военачальниками, с руководителями доминионов, Югославии и Турции как до, так и сразу после переворота 27 марта: *Churchill W. S. The Second World War. Vol. III. London, 1955. P. 31, 33, 83–84, 86, 95–97, 142, 149–154.*

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 150–151.

если Германия будет вынуждена оставить Грецию, Югославию и Турцию в покое перед лицом их единства, она «могла бы счесть более целесообразным взять свое в России»¹⁴¹.

Если верить Судоплатову, в планы советского руководства, связанные с готовившимся переворотом в Белграде, тоже входило установление какого-то взаимодействия Югославии и Греции, направленного против Германии и Италии. Но цель при этом преследовалась прямо противоположная британской. Сталин и Молотов рассчитывали, по утверждению Судоплатова, на то, что пришедшее к власти в результате переворота «новое антигерманское правительство... могло бы затянуть итальянскую и германскую операции в Греции», а таким путем удастся «по крайней мере оттянуть военный конфликт», т. е. нападение Германии на СССР, и «постараться улучшить положение» Советского Союза¹⁴².

В мемуарах Судоплатова ничего не говорится о том, как именно, по расчетам Сталина и Молотова, новое югославское правительство, которое бы утвердилось вследствие переворота, могло задержать и продлить военные операции против Греции со стороны итальянцев, увязнувших в боях с греческими войсками в Албании, и немцев, готовившихся в свою очередь к нападению на Грецию. Имелось ли в виду, как это было и в британских планах, оказание прямой военной помощи Греции силами югославской армии или предусматривался просто отказ Югославии пропустить германские войска через свою территорию для агрессии против Греции? Второй вариант лишь отчасти сужал бы гитлеровские возможности при нападении на Грецию, ограничивая их вторжением только с территории Болгарии, где уже находились после 1 марта германские войска. Ничего не говорится у Судоплатова ни о том, рассчитывали ли в Кремле на более серьезное английское военное вмешательство в Греции как на фактор, способный существенно затруднить действия там немецких и итальянских войск, ни, наконец, о том, какой представлялась московским планировщикам реакция Берлина в случае антигерманского переворота в Белграде.

Что касалось реакции немцев, то, как известно, получив 27 марта сообщение германского посланника в Белграде о происшедшем перевороте, Гитлер в тот же день подписал директиву о нападении на Югославию. Оно должно было произойти 6 апреля¹⁴³. Неожиданно потерпев поражение в своих усилиях подчи-

¹⁴¹ Ibid. P. 10, 151.

¹⁴² Судоплатов П. Указ. соч. С. 136-137. Судоплатов ссылался на сведения, сообщенные ему тогда паркомом внутренних дел СССР Л. П. Берня.

¹⁴³ Подробнее см.: Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 30-32, 34.

нить Югославию «оси» политико-дипломатическими средствами, фюрер решил добиться своего военной силой, но теперь — с последующей оккупацией страны, ликвидацией югославской государственности и расчленением Югославии. В соответствии с принятым решением германские войска стали сразу же готовиться к агрессии, которая должна была быть осуществлена ими как непосредственно с территории «рейха» (точнее — Австрии, поглощенной Гитлером в результате аншлюса), так и с территории Болгарии. Кроме того предусматривалось, что в нападении на Югославию будут участвовать и союзники Германии по «оси» — Италия и Венгрия, войска которых начали также готовиться к предстоявшей агрессивной акции¹⁴⁴.

Хотя решение Гитлера было секретным, новое руководство Югославии сознавало опасность, нависшую над страной, и сосредоточило свои усилия на том, чтобы предотвратить нападение «оси» либо, по крайней мере, насколько возможно, оттянуть его и получить время для укрепления военного потенциала страны.

С этой целью правительство Симовича пыталось, во-первых, прибегнуть к тактике умиротворения Германии и Италии, заверяя их в стремлении сохранять и развивать тесную связь Югославии с ними. Белград даже не аннулировал венский протокол от 25 марта о присоединении к Тройственному пакту, а наоборот, министр иностранных дел нового правительства М. Нинчич сделал 30 марта заявление германскому послу о том, что правительство придерживается позиции уважения всех ранее заключенных Югославией международных соглашений, включая и протокол от 25 марта. Та же позиция была подчеркнута и в контактах с итальянской стороной. Югославские власти выразили также сожаление в связи с инцидентами во время антигерманских демонстраций в Белграде, когда подверглись нападению некоторые немецкие учреждения и представители. В обстановке, когда Берлин не скрывал своего отрицательного отношения к переменам, происшедшим в Югославии, правительство Симовича обратилось к Италии с просьбой о посредничестве в целях улучшения югославо-германских отношений¹⁴⁵.

Во-вторых, новое югославское руководство стремилось заручиться внешней поддержкой перед лицом явно надвинувшейся угрозы нападения Германии и ее союзников по «оси». Вслед за переворотом 27 марта начались переговоры с СССР и Англией. О переговорах с англичанами было уже давно известно в историо-

¹⁴⁴ Ibid. S. 30–65, 72–86.

¹⁴⁵ О контактах правительства Симовича с Германией и Италией см. подробнее: Ibid. Knj. I. S. 511–519.

графии. Что же касалось югославо-советских контактов, которые, как выясняется теперь из ставших впервые доступными документов, являлись приоритетными для Белграда, то их история была в течение десятилетий окутана тайной и обросла в историографии различными, нередко взаимоисключающими версиями. Уже упоминавшийся американский исследователь Хоптнер, основывавшийся на полученных им свидетельствах Гавриловича, писал, что инициатором контакта с Москвой выступило правительство Симовича, которое обратилось к СССР за помощью¹⁴⁶. Между тем в советской историографии либо, наоборот, утверждалось, что инициатива заключения договора принадлежала СССР, а правительство Симовича согласилось лишь в самый последний момент, непосредственно перед фашистским нападением на Югославию¹⁴⁷, либо говорилось, что предложение исходило от правительства Симовича, но было вынужденным, сделанным под давлением народных масс, поддержавших лозунг о заключении пакта с СССР, выдвинутый КПЮ¹⁴⁸.

Из документов российских архивов, ставших известными в последние годы, видно, что 30 марта утром советского поверенного в делах В. З. Лебедева вместе с военным атташе А. Г. Самохиным и советником дипломатической миссии СССР Д. С. Солодом принял по поручению Симовича военный министр генерал Б. Илич, выразивший пожелание правительства Югославии о заключении советско-югославского «военно-политического союза, на любых условиях, которые предложит советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны быть проведены во всех странах». Лебедев обещал немедленно доложить об этом в Москву и тут же послал телеграмму Молотову с отчетом о беседе с военным министром¹⁴⁹. Из содержания телеграммы видно, что о визите советских дипломатов к Иличу и цели беседы стороны договаривались заранее. Но документы оставляют по-прежнему неясным, кому принадлежала инициатива этой встречи. Согласно неопубликованным воспоминаниям Симовича, он сразу же после осуществления переворота установил контакт с Лебедевым, которому устно выска-

¹⁴⁶ Hoptner J. Op. cit. P. 276.

¹⁴⁷ История Югославии. Т. II. С. 181; Гиренко Ю. С. Советско-югославские отношения (страницы истории). М., 1983. С. 23.

¹⁴⁸ Славин Г. М. Указ. соч. С. 237; Нарочницкий А. Л. Советско-югославский договор 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении (по архивным материалам) // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 11.

¹⁴⁹ Отношения России (СССР)... Док. № 10. С. 17–18.

зал предложение заключить с СССР договор о взаимопомощи¹⁵⁰. Если следовать этой версии, то можно предположить, что тогда и была достигнута договоренность о встрече с Иличем. Между тем в опубликованных лишь недавно мемуарах самого Илича утверждается, что сразу после переворота 27 марта советские представители просили о свидании с Симовичем или Иличем, предлагая со своей стороны совет и любую помощь¹⁵¹. Однако некоторые детали, сообщаемые Иличем, заставляют отнестись к его свидетельствам с большой осторожностью. Ибо, по его словам, советские представители в Белграде при встрече показали телеграмму лично от Сталина с предложением о заключении союза между СССР и Югославией¹⁵². Между тем ни о чем подобном в советских архивных документах, ставших теперь известными, не сообщается, в том числе и в телеграмме Лебедева Молотову от 30 марта. Да и последующий ход советско-югославских переговоров, о которых речь пойдет ниже, делает сомнительным утверждение Илича о такой телеграмме. Возможно, свидетельство Симовича ближе к истине, хотя вполне вероятно, что сама инициатива установления взаимного контакта с целью договоренности о сотрудничестве была на самом деле обоюдной, ибо, как видно из последующего развития событий, обе стороны были, каждая по своему, заинтересованы в этом¹⁵³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ответ на посланную вслед за переворотом радиограмму Тито генеральному секретарю исполкома Коминтерна Г. Димитрову, в которой сообщалось о настороженном отношении руководства КПЮ к правительству Симовича и решении организовать «всенародный нажим

¹⁵⁰ *Кляковий В.* Указ. соч. // Политика. 29 IX 1970. См. также: *Terzić V.* Op. cit. Кнј. 1. S. 540.

¹⁵¹ *Илић Б. С.* Мемоари армијског генерала 1898/1942. Београд, 1995. С. 189.

¹⁵² Там же. С. 190.

¹⁵³ В уже названной выше работе В. Я. Сиполса приведены, со ссылкой на АВР Рф, данные о том, что еще 28 марта, т. е. на следующий день после переворота, Гаврилович обратился к советскому правительству с просьбой об оказании Югославии помощи военными материалами и получил положительный ответ (*Сиполс В.* Указ. соч. С. 292). Имея возможность ознакомиться с таким документом, Сиполс, однако, ограничился лишь крайне скудным упоминанием об этом факте, не уточнив, затрагивался ли при этом общий вопрос о развитии отношений между СССР и Югославией, а если да, то о чем конкретно велась речь, что говорил в данной связи о позиции правительства Симовича югославский посланник, какие поручения были ему даны из Белграда и что ему было сказано с советской стороны о позиции Москвы и ее намерениях по поводу Югославии.

на новое правительство, требуя расторжения пакта с Тройственным союзом и заключения пакта взаимопомощи с СССР»¹⁵⁴, Молотов вечером 29 марта дал Димитрову указание «посоветовать югославским товарищам» прекратить организацию уличных демонстраций¹⁵⁵. Указание исходило от Сталина¹⁵⁶. Необходимость такого решения Молотов аргументировал опасностью того, что демонстрациями воспользуются англичане и «внутренняя реакция»: «кадры коммунистического движения будут разбиты». Эту аргументацию использовал и Димитров, отправивший в адрес ЦК КПЮ радиограмму с таким указанием¹⁵⁷. Однако, похоже, указание советского руководства могло быть вызвано совсем иной причиной: возможно, Сталин и Молотов уже знали о намерении Симовича по поводу договора и о предстоявшей утром следующего дня встрече с Иличем.

Так ли было или иначе, но Симович очень торопился. Всего через несколько часов после беседы советских дипломатов с Иличем, не дожидаясь ответа из Москвы, Лебедева вечером того же дня посетил уже известный нам Б. Симич, передавший по поручению югославского премьера новое предложение: немедленно назначить представителей обеих стран для переговоров и заключения договора и предпринять практические шаги по организации встречи этих представителей в Белграде или Москве¹⁵⁸. Причина спешки достаточно ясно видна из того, что говорили Лебедеву и его сотрудникам Илич 30 марта и министр иностранных дел Нинчич на следующий день: новое правительство надеялось, что демонстрация советской полити-

¹⁵⁴ Радиограмма неоднократно публиковалась югославскими и болгарскими историками. Ее оригинальный русский текст см. в: Коминтерн и вторая мировая война / Составители, авторы вступительной статьи и комментарии Н. С. Лебедева, М. М. Нарипский. Отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарыш. Ч. I. М., 1994. Док. № 164. С. 518. В этом издании радиограмма опубликована по документу, который находится в РЦХИДНИ и датирован 29 марта. Однако на самом деле радиограмма передана из Белграда 27 марта и получена адресатом 28 марта. См.: *Vujkošević U. Prepiska (radiogrami) SK KPJ — IKKI (Jun 1940 — decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik (Beograd). 1992. N 1-3. S. 300; Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 223.*

¹⁵⁵ Димитров Г. Указ. соч. С. 223.

¹⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 8.

¹⁵⁷ Димитров Г. Указ. соч. С. 223; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. Док. № 166. С. 519-520.

¹⁵⁸ Отношения России (СССР)... Док. № 11. С. 19. То, что Симович доверил это более чем деликатное поручение Симичу, свидетельствует о той степени доверия, которым последний пользовался у нового югославского премьер-министра.

ческой, а тем более военно-политической поддержки Белграда способна воспрепятствовать нападению немцев на Югославию и последняя сможет выиграть время и укрепить свое положение¹⁵⁹. Как вытекает из содержания бесед Илича и Нинчича с советскими дипломатами, югославы, очевидно, рассчитывали, что Гитлер, связанный договорными отношениями с Кремлем, не решится немедленно нарушить эти отношения и вступить в военный конфликт с СССР, а потому Белград в случае покровительства Москвы получит какую-то передышку, чтобы как с советской, так и с британской помощью подготовиться к последующему военному сопротивлению государствам «оси». Такого же рода мысль высказывал 31 марта полпреду СССР в Румынии Лаврентьеву югославский посланник в Бухаресте Авакумович¹⁶⁰. И наоборот, правительство Симовича опасалось подключения Югославии к британским планам прямого военного противостояния Германии и Италии (чего англичане стали добиваться от него сразу вслед за переворотом), потому что расценивало такое подключение как немедленное вовлечение в войну¹⁶¹.

Именно поэтому сотрудничество с СССР и заключение соответствующего договора с ним представлялись новым лидерам Югославии, особенно в условиях, когда англичане не обещали серьезной помощи своими вооруженными силами, предпочтительнее британских предложений, оставшихся напрасными. Переговоры, которые 31 марта — 2 апреля 1941 г. вел в Белграде начальник британского имперского генерального штаба Дж. Дилл, так и не дали реальных результатов, а от предлагавшегося англичанами визита британского министра иностранных дел Идена в югославскую столицу Симович отказался¹⁶². Ради же скорейших советских действий, которые бы, по оценке Белграда, могли существенно поддержать Югославию перед лицом германской угрозы, югославская сторона не оставалась, как мы видим, даже перед такими заявлениями, как упоминание генерала Илича о возможности проведения в стране «некоторых социальных изменений» по образцу СССР.

Реакция советского руководства на происшедшее в Югославии была более чем положительной. В беседе с Димитровым 29 марта Молотов охарактеризовал произведенный переворот

¹⁵⁹ Там же. Док. № 10. С. 18; Док. № 14. С. 21.

¹⁶⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 739. С. 508–509.

¹⁶¹ Отношения России (СССР)... Док. № 10. С. 18; Док. № 14. С. 21.

¹⁶² См.: Churchill W. S. Op. cit. P. 153–154; Woodward L. Op. cit. P. 544–545; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 529–538.

как пощечину немцам и холодный душ для союзников Германии по «оси»¹⁶³. До сих пор, однако, остаются неизвестными документальные материалы, в которых содержались бы данные о том, как конкретно оценивалась в Кремле ситуация, возникшая в результате переворота 27 марта, какие прогнозы делались при ее рассмотрении, какие разрабатывались непосредственные политические и военные планы. Остается также не до конца ясным, насколько адекватной информацией располагало руководство СССР о сложившемся после переворота положении как в самой Югославии, так и вокруг нее.

В политическом обзоре, который был подготовлен советским полпредством в Белграде 31 марта, в основном пересказывались события накануне, во время и сразу после переворота, но что касалось анализа, то дело ограничивалось самыми общими констатациями. Говорилось, что переворот носит антигерманский характер и его осуществление приветствуется широкими слоями населения; но руководители нового правительства, боясь немедленных агрессивных действий со стороны «третьего рейха», предпочитают не высказывать враждебности к Тройственному пакту, не ангажироваться в отношении Англии, укреплять свои внешнеполитические позиции «за счет нейтралитета и мира с соседями». Особо подчеркивалось, что в ходе состоявшихся вслед за переворотом массовых демонстраций в его поддержку наиболее сильно были выражены настроения против «оси», прежде всего Германии, и стремление к союзу с СССР. Но эта оценка подкреплялась ссылками на то, что происходило в Белграде, между тем как ничего не говорилось о настроениях в регионах с несербским населением. А от каких-либо прогнозов составители обзора и вовсе уклонились, резюмировав, что «сейчас еще трудно говорить о дальнейших последствиях белградского переворота» и что, хотя он «неизбежно вызовет серьезные изменения в политическом положении не только Балканских стран, но и, по меньшей мере, всего Европейского континента», однако «предсказывать те или другие конкретные возможности пока трудно»¹⁶⁴. Что же касалось данных разведки, поступивших советскому руководству сразу после переворота, то, например, в спецсообщении «К перевороту в Югославии», которое 28 марта было составлено в Разведывательном управлении Генерального штаба РККА и направлено Сталину, Молотову, наркому обороны маршалу Тимошенко и начальнику генштаба генералу

¹⁶³ Димитров Г. Указ. соч. С. 223. Слова о «холодном душе» были сказаны по поводу того, как воспринял известие о перевороте в Югославии министр иностранных дел Японии Мацуока, находившийся в конце марта в Москве проездом в Германию.

¹⁶⁴ См.: Отношения России (СССР)... Док. № 15. С. 21–23.

армии Г. К. Жукову, наряду с кратким изложением событий 27 марта, фигурировавших и в приведенном выше обзоре полпредства в Белграде, содержались некоторые неточные или ошибочные сведения и оценки. В частности указывалось на вероятность того, что новое югославское правительство откажется от обязательств по Тройственному пакту, и утверждалось, будто «новым правительством сделаны все приготовления на случай военного вторжения», проведена необходимая мобилизация армии, состав которой «доведен до 48–50 дивизий, 10 отдельных бригад общей численностью 1,2–1,3 миллиона человек»¹⁶⁵. На самом деле имела место лишь частичная мобилизация, а югославская армия насчитывала всего 31 дивизию и ко времени переворота численность призванных была чуть ли не вдвое меньше того, что фигурировало в упомянутом спецсообщении советской военной разведки¹⁶⁶. В том же сообщении от 28 марта говорилось, что в связи с переменами, происшедшими в Белграде, «в германских кругах царит некоторая растерянность». Но в действительности уже 27 марта Гитлер подписал директиву о нападении на Югославию. Мы, однако, не знаем, какими другими донесениями располагали в Кремле в тот момент.

Но судя по тем действиям, которые были предприняты в советских верхах в первые же дни после переворота в Белграде, а особенно после телеграмм Лебедева от 30 и 31 марта о позиции правительства Симовича в сфере международных отношений и о югославском предложении заключить договор с СССР, внешнеполитический курс, избранный новым руководством Югославии, в целом соответствовал устремлениям Кремля. Советская сторона считала правильной тактику лавирования и умиротворения в отношениях с державами «оси», прежде всего с Германией, изложенную Нинчичем в беседе с Лебедевым и Солодом 31 марта, включая сделанное германскому послу заявление Нинчича о том, что протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту остается в силе. Сообщая об этой оценке югославской позиции в телеграмме Лебедеву 1 апреля, Молотов подчеркнул: «Другую позицию в данный момент Югославия занять не могла»¹⁶⁷. Вместе с тем в Москве, как видно, разделяли надежды Белграда на то, что быстрым заключением советско-югославского договора удаст-

¹⁶⁵ Спецсообщение опубликовано в сборнике: 1941 год. Док. № 344. С. 804–805.

¹⁶⁶ О размерах мобилизации и численности югославской армии см., например: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 224–226, 250–251, 656.

¹⁶⁷ Отношения России (СССР)... Док. № 18. С. 25. О том же в этот день сказал Вышинский Гавриловичу в Москве (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 740. Приложение. С. 511).

ся поставить Берлин в положение, когда он не решится бросить открытый вызов Советскому Союзу, напав на Югославию. Поэтому, подобно Симовичу, стремившемуся к скорейшему заключению договора, руководство СССР тоже считало необходимым поспешить. 31 марта Молотов телеграфировал Лебедеву для передачи Иличу согласие советского правительства на немедленное начало переговоров в Москве. И уже 2 апреля туда через Салоники, Стамбул, Одессу тайно прибыли Симич, о включении которого в югославскую делегацию специально просил Молотов, и упоминавшийся уже полковник Савич, один из военных руководителей переворота 27 марта, назначенные вместе с посланником Гавриловичем — как главой делегации — представителями югославского правительства на переговорах¹⁶⁸.

О ходе переговоров, начавшихся 3 апреля, имеется ряд источников, в том числе опубликованные в последнее время архивные документы советской дипломатии; изданные воспоминания участвовавшего в них Н. В. Новикова, в ту пору заведующего Ближневосточным отделом НКВД СССР, в ведение которого входили и отношения с Югославией; донесения Гавриловича в Белград и его неопубликованные мемуары, использованные Хоптнером; хранящиеся в архивах мемуарные свидетельства Симовича и военного атташе в Москве Поповича. Несмотря на различия в освещении отдельных моментов все вместе эти источники позволяют с довольно высокой степенью достоверности реконструировать трехдневные переговоры, вокруг которых в историографии сложился ряд версий.

Из советских документов, введенных теперь в научный оборот, видно, что как сам приезд югославской делегации, так и переговоры с ней, которые от правительства СССР вел Вышинский, проходили в обстановке сверхстрогой секретности. Вся акция организовывалась без ведома даже подавляющей части политбюро ЦК ВКП(б). Обычно практиковавшаяся в то время рассылка НКВДом наиболее важных внешнеполитических материалов специальной «пятерке» членов политбюро, в которую помимо Сталина и Молотова входили также Ворошилов, Каганович и Микоян, была в данном случае прекращена еще с конца марта, как только от новых югославских властей последовало пожелание заключить договор с СССР и опереться на советскую политическую и военную поддержку. С момента получения Москвой югославских предложений вся информация на эту тему при подготовке и проведении переговоров стала поступать только Сталину и Молотову

¹⁶⁸ См.: Отношения России (СССР)... Док. № 13. С. 20; Док. № 19. С. 25; Док. № 22. С. 27. Оставаев посланником, Гаврилович стал министром в правительстве Симовича.

(кроме них в курсе дела был отряженный для переговоров Вышинский)¹⁶⁹. Очевидно, лишь эти двое высших советских руководителей принимали все решения по поводу позиции СССР в вопросе о Югославии, без участия других членов политбюро. Весь остальной состав политбюро только 4 апреля познакомили с уже выработанным в ходе переговоров текстом договора¹⁷⁰.

Впрочем, никакой выработки договора совместно советской и югославской сторонами, в сущности, не было.

На первой встрече с Вышинским 3 апреля югославская делегация представила свой проект советско-югославского пакта¹⁷¹. Он предусматривал заключение секретного договора о дружбе и союзе, которым обе страны обязывались бы взаимно гарантировать независимость, суверенитет и территориальную целостность друг друга. Проектом имелось в виду, что в случае нападения каких-либо европейских государств на одну из сторон другая окажет ей всяческую помощь с использованием всех своих вооруженных сил. Составной частью подобного секретного договора должна была стать военная конвенция, в проекте которой конкретизировался порядок осуществления военного сотрудничества, в том числе взаимодействие генеральных штабов, согласование необходимых стратегических и тактических мер, помощь в создании высокой боеспособности вооруженных сил. Особо предусматривалось, что ведение совместных военных действий может быть прекращено только по взаимному согласию¹⁷². Предлагая заключить такой договор, новое югославское руководство, в сущности, поставило вопрос о том, чтобы СССР взял Югославию под свою полную и гарантированную военную защиту. Из донесений о беседах Лебедева с Иличем 30 марта и Симовичем 31 марта Сталин и Молотов уже знали о том, что югославы предлагают заключить с СССР

¹⁶⁹ См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 740. С. 510, 511; Док. 742. С. 512; Док. 743. С. 514; Док. 745. С. 516. Док. 751. С. 531; Можпо ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и пепаадепши 1941 г.) // Вестник Минпстерства ппострапных дел СССР. № 15 (49). 15 августа 1989 г. С. 56.

¹⁷⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 741. С. 515.

¹⁷¹ Там же. Док. 743. С. 515.

¹⁷² Югославский проект давно был в общем охарактеризован в исторической и мемуарной литературе как, по сути, военный или военно-политический пакт (например, см.: *Hoptner J.* Op. cit. P. 276; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 540; *Ноников П. В.* Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989. С. 75), однако его конкретное содержание было впервые подробно изложено В. Я. Синолсом по документам АВП РФ (*Синолс В.* Указ. соч. С. 295–296).

военно-политический союз¹⁷³. И, очевидно, протелеграфированное, как уже говорилось, в Белград 31 марта согласие Молотова на немедленное начало переговоров было воспринято югославской стороной как готовность к подписанию договора именно такого характера. Подобным же образом советское согласие на переговоры толковалось впоследствии и в мемуарах Симовича, и вслед за ним — в югославской историографии¹⁷⁴.

Но на самом деле в телеграмме Молотова, о которой идет речь, не было ни слова о том, что советская сторона согласна с югославской идеей военно-политического союза. Вопрос о конкретном югославском предложении был вообще полностью обойден в телеграмме. В ней говорилось лишь о согласии немедленно начать переговоры, но не обозначалось, на какой именно предмет¹⁷⁵. И когда 3 апреля югославская делегация вручила Вышинскому проект, реализации которого хотели в Белграде, тот, ознакомившись с предложением югославы, тут же ответил, что заключение подобного соглашения, по его мнению, «едва ли целесообразно». Он сослался на то, что предварительно, до прибытия Симича и Савича, Гаврилович говорил с ним «лишь о материальной и военной помощи», но вопрос о подписании соглашения, предложенного теперь югославской делегацией, перед ним, Вышинским, поставлен впервые. На выраженное в ответ югославской делегацией пожелание именно союза с СССР Вышинский реагировал лишь заявлением, что обо всем доложит своему правительству¹⁷⁶. А на следующий день, 4 апреля, он, встретившись снова с делегацией, информировал ее, что советское правительство не согласилось с югославским проектом и взамен выдвинуло предложение заключить договор о дружбе и ненападении. Его проект был тут же вручен Гавриловичу и Савичу (Симич на встрече 4 апреля отсутствовал). Это было вовсе не то, что предлагали югославы, однако те, сразу же ознакомившись с данным документом, заявили, что его «принимают и готовы немедленно подписать»¹⁷⁷.

Хотя в составленной Вышинским записи переговоров 4 апреля, в которой говорилось о вручении советского проекта, сам текст проекта отсутствует, равно как и не фигурирует он среди других ставших известными в последние годы документов из российских архивов — как опубликованных, так и приводимых в исследова-

¹⁷³ Отношения России (СССР)... Док. № 10. С. 18; Док. № 19. С. 25.

¹⁷⁴ См.: *Кляковий В. Указ. соч. // Политика. 29 IX 1970; Milovanović N. Op. cit. S. 555; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 539–540.*

¹⁷⁵ Отношения России (СССР)... Док. № 13. С. 20.

¹⁷⁶ ДВП. Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 2). Док. 743. С. 515.

¹⁷⁷ Там же. Док. 745. С. 516.

тельских работах, тем не менее его содержание выясняется из сравнения некоторых внесенных в него затем поправок (о них см. ниже) и окончательного варианта договора, подписанного обеими сторонами ¹⁷⁸, а также отдельных сведений в западной и югославской историографии, основывавшихся на материалах Гавриловича ¹⁷⁹. Подобное сравнение свидетельствует о том, что советское предложение заключалось в двух пунктах. Во-первых, в положении о соблюдении обоими государствами независимости, суверенных прав и территориальной целостности партнера по договору. Частично это напоминало одно из положений югославского проекта, но если у югославов употреблялась формулировка о подобного рода гарантиях каждой из стран друг другу, то советский вариант ограничивался гораздо более рутинной формулой о взаимном уважении прав и прерогатив, названных выше. Во-вторых, СССР предложил, чтобы по главному для югославов вопросу — об обязательствах сторон в случае нападения на одну из них третьего государства — дело сводилось к тому, что по отношению к жертве нападения второй участник договора должен будет продолжать проведение дружественной политики, не поддерживая агрессора.

Советский проект договора интерпретировался впоследствии рядом зарубежных исследователей, в первую очередь югославских, как изменение позиции правительства СССР, которое несколькими днями раньше якобы выражало готовность к заключению военно-политического союза с правительством Симовича, а к моменту начала переговоров отступило из опасения осложнений с Берлином ¹⁸⁰. Но, как уже говорилось выше, на самом деле в телеграмме Молотова в Белград 31 марта, уведомлявшей о согласии на переговоры, не было ни слова о югославском предложении по поводу военно-политического союза ¹⁸¹. Вполне вероятно, советское руководство, получив от Лебедева сообщение об этом предложении, с самого начала вовсе не собиралось идти на подписание такого соглашения, но прагматически предпочло тогда не вступать в дискуссию с югославами, а организовать без промедления переговоры в Москве, в ходе которых добиться от югославской

¹⁷⁸ Там же. С. 517; Док. 747. С. 522; Отношения России (СССР)... Док. № 28. С. 32; Док. № 30. С. 34.

¹⁷⁹ См.: *Hoptner J.* Op. cit. P. 277; *Terzić V.* Op. cit. Кн. 1. S. 541.

¹⁸⁰ См., например, работы, указанные в примечании 174.

¹⁸¹ Судя по той информации, которая была послана из Белграда Гавриловичу в ночь с 31 марта на 1 апреля, не исключено, что Лебедев, передавая руководству Югославии ответ Молотова, тоже ошибочно интерпретировал его как согласие Москвы на переговоры именно о заключении предложенного югославами военно-политического союза. См.: *Hoptner J.* Op. cit. P. 276; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 517.

стороны договоренностей, какие были нужны Кремлю. Аргументируя во время встречи с Гавриловичем и Савичем 4 апреля, почему СССР не может принять югославский проект военно-политического пакта, Вышинский, наряду с доводами скорее тактического характера (ссылки на то, что заключение такого пакта потребовало бы слишком длительной подготовки), довольно прямо указал на главную причину: «У нас имеется договор с Германией. Мы не хотим дать повода предполагать, что мы склонны его нарушить. Первыми мы этого договора нарушать не хотим»¹⁸². Эта причина для советского руководства, всячески старавшегося избежать прямого столкновения с Германией либо, по крайней мере, максимально оттянуть его, являлась основополагающей и в конце марта, когда было решено приступить к переговорам с новым югославским правительством, и в начале апреля, когда переговоры непосредственно начались.

Исследованная пока источниковая база не содержит сведений о том, каковы были конкретные замыслы, обсуждавшиеся Сталиным и Молотовым при подготовке переговоров с югославами. Но позиция, которой следовал Вышинский на переговорах 3 и особенно 4 апреля, позволяет достаточно ясно выявить два основных направления, по которым к этому времени решило двигаться советское руководство в югославском вопросе.

В качестве одного был выбран путь относительно умеренной, но в то же время достаточно весомой политико-дипломатической демонстрации, которая не должна была превратиться в чрезмерно конфронтационную по отношению к нацистскому «рейху», а вместе с тем поставить последний перед лицом крайне энергично, а главное — публично заявленной Советским Союзом поддержки независимого существования Югославии. Такой демонстрацией и должно было стать заключение договора о дружбе и ненападении. Как обычно в подобных случаях, советская сторона предпочла не выдвигать своих предложений с самого начала переговоров, а сперва выяснить югославские намерения и уже затем предпринять собственные шаги. Соответственно, проект договора был вручен югославской делегации во второй день переговоров, после того, как руководство СССР познакомилось с конкретной позицией Белграда.

В качестве другого направления советских действий было избрано параллельное заключению договора, но, в отличие от него, без какой-либо публичной огласки оказание помощи в вооружении и снабжении югославской армии с целью повышения ее боеспособности. Приступив к переговорам, Вышинский сразу же,

¹⁸² ДВП: Т. XXIII. Кп. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 516.

3 апреля, подчеркнул необходимость для югославо́в «не забывать, что независимость страны лучше всего можно сохранить, сохранив сильную армию». Имея в виду помощь в оснащении вооруженных сил, он прямо поставил вопрос, «какие именно материалы Югославия желала бы получить»¹⁸³. 4 апреля Савич передал Вышинскому краткий перечень необходимого югославам, добавив, что более подробные данные сообщены военным атташе Поповичем советскому генштабу¹⁸⁴. Первоочередная заявка включала противотанковые орудия, зенитные пулеметы, различные виды боевых самолетов, а также горючее и резину для автомеханических частей¹⁸⁵. В сущности, речь шла о неформальном секретном соглашении по осуществлению советской помощи в усилении югославской армии.

По поводу причин согласия югославской делегации с той моделью договоренностей, которая была предложена советской стороной, в частности с проектом договора о дружбе и ненападении, Хоптнер, основывавшийся на данных, полученных от Гавриловича, писал, что последний рассматривал такой договор как хороший первый шаг к военному союзу, принимая тем более во внимание выраженную Вышинским готовность СССР к срочной поставке в Югославию военных материалов¹⁸⁶. По мнению же Терзича, новое югославское руководство, еще только выдвинув предложение о союзе с СССР, стремилось не столько к получению военной помощи, сколько к советскому вмешательству в фактический конфликт Белграда с «осью», чтобы Югославия могла вырваться из стягивавшегося вокруг нее кольца¹⁸⁷. Какая бы из этих версий ни была ближе к истине, очевидно, что в тех конкретных условиях у югославской делегации не было резона отвергать изложенную выше советскую модель соглашения, сочетавшую серьезное дипломатическое вмешательство СССР и скрытую военную помощь с его стороны. В результате выраженного делегацией 4 апреля согласия на то, чтобы без промедления подписать договор в том виде, как она только что получила его от Вышинского, час спустя Вышинский, в соответствии с данными ему инструкциями, договорился с Гавриловичем и Савичем, что подписание состоится в тот же день в десять часов вечера¹⁸⁸.

¹⁸³ Там же. Док. 743. С. 514, 515.

¹⁸⁴ Там же. Док. 745. С. 516.

¹⁸⁵ Там же. Приложение. С. 518.

¹⁸⁶ Hoptner J. Op. cit. P. 277.

¹⁸⁷ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 539–540.

¹⁸⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 516.

Но только югославские делегаты уехали от Вышинского, как он снова вызвал Гавриловича и уведомил его, что советское правительство внесло в свой собственный проект две поправки. Одна из них, предусматривавшая дополнение договора обязательством «воздерживаться от всякого нападения в отношении друг друга», не имела существенного значения и носила скорее формальный характер. Зато вторая поправка была гораздо серьезнее: в результате нее взаимные обязательства сторон в случае нападения на одну из них третьего государства ограничивались теперь формулой «соблюдать политику нейтралитета и дружбы». Формулировка о нейтралитете вызвала негативную реакцию у Гавриловича. Но прибывший на сей раз к Вышинскому один, посланник заявил, что, «поскольку советское правительство считает нужным внести эти исправления, он не будет осложнять дело; поправки принимает». Однако через некоторое время Гаврилович теперь уже по своей инициативе вновь посетил Вышинского и сказал, что «военные», т. е. другие члены югославской делегации, возражают против второй поправки в связи с формулировкой о нейтралитете и настаивают на восстановлении прежней редакции советского проекта. Дискуссия по этому поводу между Вышинским и Гавриловичем закончилась заявлением последнего, что по поводу формулировки о нейтралитете, отстаиваемой советской стороной, он должен запросить мнение своего правительства, а подписание договора отложить до получения ответа из Белграда¹⁸⁹.

Действительно ли инициаторами возражения против поправки о нейтралитете были другие члены делегации или сам Гаврилович, поразмыслив, занял такую позицию, точных данных нет. Вышинский в записи беседы с Гавриловичем, направленной Сталину и Молотову, пометил, что не исключает и влияния Криппса, «с которым Г[аврилович] безусловно советуется»¹⁹⁰. Так ли было

¹⁸⁹ Там же. С. 516–517.

¹⁹⁰ Там же. С. 517. Вудвард, располагавший всей совокупностью архивных материалов британской дипломатии, относящихся к тому времени, не зафиксировал каких-либо данных, которые бы свидетельствовали о том, что Гаврилович 3–4 апреля информировал Криппса о советско-югославских переговорах и их ходе. Согласно Вудварду, первые сведения о самом факте переговоров были получены в Лондоне вообще не от британского посольства в Москве, а от посла в Белграде Кэмпбелла, после чего 5 апреля Криппсу были посланы телеграфные инструкции узнать о переговорах и, если возможно, подключиться к ним. Но до того, как он смог приступить к выполнению данных инструкций, договор между СССР и Югославией уже был подписан (Woodward L. Op. cit. P. 549). Если исходить из этих сведений, то получается, что во время советско-югославских переговоров Гаврилович не информировал Криппса ни вообще об их проведении, ни тем более о подробностях происходившего

или нет, очевидно, однако, что формулировка о нейтралитете, внесенная советской стороной, противоречила целям самих югославы, стремившихся продемонстрировать Берлину несравненно бóльшую ангажированность СССР в поддержку Белграда, чтобы как можно дольше удержать Германию от нападения на Югославию.

Получив сведения разведки о стягивании немецких войск к югославским границам, Симович еще вечером 3 апреля срочно пригласил Лебедева (тот опять был вместе с Самохиным и Солодом) и попросил передать Сталину и Молотову, что с целью «остановить немецкую интервенцию или во всяком случае дать Югославии время закончить мобилизацию» необходима, не дожидаясь подписания договора, «срочная моральная помощь в виде сильного демарша СССР в Берлине». Одновременно Симович заявил, что «Югославия готова немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию»¹⁹¹. В Белграде надеялись, что именно столь радикальные шаги с советской стороны способны, хотя бы на время, предотвратить немецкое вторжение. А советское предложение, предусматривавшее всего лишь обязательство нейтралитета в случае нападения, шло вразрез с подобными надеждами. Оно, скорее, могло быть воспринято в Берлине как показатель того, что Москва не решится реагировать сколько-нибудь серьезно на агрессию против Югославии. Поэтому телеграмма с известием об измененном советском проекте договора, посланная Гавриловичем из Москвы в Белград к ночи 4 апреля¹⁹², не могла не вызвать глубокого разочарования югославских руководителей. 5 апреля заместитель министра иностранных дел Югославии М. Смилянич пригласил Лебедева и заявил ему от имени правительства, что «подписание договора с таким параграфом (имелся в виду пункт с упоминанием о нейтралитете. — *Авт.*) не улучшит, а ухудшит положение страны», по-

па них. Правда, не раз отмечавшееся в историографии весьма критическая позиция Кришса по поводу тогдашней конкретней британской линии поведения в отношении с Москвой и его склоность к самостоятельным шагам, вплоть до противодействия некоторым указаниям, исходившим из Лондона, в том числе даже от премьер-министра Черчилля, в частности как раз в этот момент (подробнее см., например: *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. Гл. 7), оставляют открытым вопрос о том, не могло ли оказаться, что Кришс был вовремя информирован Гавриловичем о переговорах, но предпочел не сообщать о них в Лондон из опасения, как бы это ни привело к утечке информации или иным осложнениям, способным пошатнуть достигнутую советско-югославскую договоренность.

¹⁹¹ Отношения России (СССР)... Док. № 21. С. 27.

¹⁹² Там же. Док. № 30. С. 33.

скольку «вызовет упадок духа и уныние всего народа» в Югославии и «ободрит Германию»¹⁹³.

Чем были вызваны изменения в советском проекте договора, возникшие 4 апреля буквально в течение часа-полтора¹⁹⁴? В исторической литературе это в ряде случаев связывалось с реакцией германской стороны на сообщение о предстоявшем подписании советско-югославского договора, которое было в тот же день сделано Молотовым послу Германии в Москве Шуленбургу, вызванному для этого в НКВД СССР. О побудительных мотивах сообщения были в последние годы высказаны в российской историографии различные мнения. Согласно одному из них, этим шагом «советская сторона немедленно откликнулась» на высказанную накануне вечером Лебедеву просьбу Симовича о том, чтобы СССР предпринял «сильный демарш» перед Берлином в поддержку Югославии. Согласно же другой точке зрения, акция Молотова была обусловлена стремлением Москвы к тому, чтобы ее действия по заключению советско-югославского договора строго соответствовали обязательствам ее договорных отношений с Германией, которыми предусматривались взаимные консультации и обмен информацией по вопросам, интересующим обе стороны¹⁹⁵.

Судя по содержанию беседы, она была вызвана теми внутренне противоречивыми целями советского руководства, о которых говорилось выше: стремлением поддержать сопротивление Берлину на Балканах и боязнью поставить под угрозу свои, как казалось Москве, партнерские отношения с ним, установленные в 1939 г. С одной стороны, Молотов всячески подчеркивал, что информирует посла именно в соответствии с характером советско-германских отношений, и стремился уверить его в том, что предстоящим подписанием советско-югославского договора правительство СССР не выходит за рамки этих отношений. С другой стороны, он столь же усиленно подчеркивал чрезвычайную советскую заинтересованность в том, чтобы «германское правительство сделало в своих взаимоотношениях с Югославией все возможное, что соответству-

¹⁹³ Там же. Док. № 25. С. 30. Уже накануне, сразу по получении измененного советского проекта, Гаврилович тоже сказал Вышинскому, что такая редакция договора «может развязать пемцам руки» (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 517).

¹⁹⁴ На встрече в 14.00 Вышинский вручил югославам первоначальный проект, который оставался в силе и во время второй встречи в 15.00, когда договаривались о предстоящем этим вечером подписании договора, а уже в 16.30 Вышинский, приняв срочко вызвавшего Гавриловича, объявил ему о поправках. См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 516.

¹⁹⁵ Волков В. К. Советско-югославские отношения... С. 12-13; Решетникова О. Н. К вопросу... С. 115.

ет интересам мира». На это последовали, однако, весьма прозрачные предупреждения Шуленбурга, что сейчас не время для подписания договора между СССР и Югославией ввиду острой ситуации в германо-югославских отношениях и что такой шаг СССР «вызовет большое удивление в Берлине». Но Молотов достаточно категорично заявил, что «советское правительство обдумало свой шаг и приняло окончательное решение»¹⁹⁶.

Тем самым Москва дипломатическим путем ясно давала понять Берлину, что она твердо требует, чтобы Германия воздержалась от нападения на Югославию, хотя у нас нет данных, было ли это сделано в ответ на просьбу Симовича или независимо от нее. В любом случае очевидно, что Кремль посчитал подобный шаг необходимым потому, что на сей раз, по справедливому замечанию израильского историка Г. Городецкого, хотел опередить немцев и не допустить повторения болгарского прецедента, происшедшего месяцем раньше, когда Гитлер поставил советскую сторону перед совершившимся фактом присоединения Болгарии к Тройственному пакту и ввода германских войск на ее территорию, хотя советская сторона неоднократно указывала, что считает Болгарию сферой своих интересов¹⁹⁷. Стремясь теперь предупредить германскую агрессию против Югославии, Молотов заявил Шуленбургу, что советско-югославский договор будет заключен уже в тот же день, 4 апреля¹⁹⁸. Советское руководство явно рассчитывало на то, что, бросив на чашу весов столь серьезную гирию, оно все-таки переломит ход событий и вынудит Гитлера не рисковать открытым вызовом Кремлю. В Москве все еще исходило из того, что Берлин будет вынужден считаться со столь рельефно выраженной позицией СССР как партнера по договоренности 1939 г.

Но не отступив, несмотря на предупреждения Шуленбурга, от своего требования, советское руководство в то же время стремилось, видимо, в еще большей мере застраховаться и от слишком негативной реакции Берлина на свой демарш, чтобы не оказаться в состоянии конфликта с Германией. Этой цели и было подчинено неожиданно произведенное понижение уровня обязательств в проектируемом договоре с Югославией, введение формулировки о нейтралитете. В нашем распоряжении нет, к сожалению, точных данных о том, произошло ли это еще до или уже после беседы Молотова с Шуленбургом: ни в советской записи беседы, ни в донесении о ней, посланном Шуленбургом поздно вечером того же

¹⁹⁶ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 746. С. 518–520.

¹⁹⁷ Городецкий Г. Указ. соч. С. 163.

¹⁹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 746. С. 518.

дня в Берлин, не указано, в котором часу она состоялась¹⁹⁹. Судя по общей логике изложенного выше хода событий 4 апреля, поправка, внесенная советской стороной в собственный проект договора, явилась как раз следствием услышанного Молотовым от германского посла. Но нельзя абсолютно исключить и возможности того, что непосредственно перед тем, как информировать немцев о предстоявшем подписании советско-югославского договора, Сталин и Молотов, еще раз взвесив предполагаемые последствия, уже решили смягчить его содержание положением о нейтралитете. Однако в любом случае внесенная неожиданно для югославов поправка была несомненным следствием советской оглядки на Берлин²⁰⁰.

Выше уже упоминалось, что телеграфное сообщение Гавриловича о такой советской позиции, посланное из Москвы к ночи с 4 на 5 апреля, было воспринято в высшем руководстве Югославии с чрезвычайной озабоченностью. Она была тем большей, что в Белграде продолжали получать сведения о готовившейся агрессии Германии и других государств «оси»²⁰¹. В складывавшейся ситуации югославская сторона пыталась прибегнуть к новым срочным дипломатическим усилиям, целью которых было предотвратить нападение. Эти усилия шли параллельно в двух направлениях.

¹⁹⁹ См.: Там же. С. 518–521; ADAP, D. Bd. XII (1). Dok. 265. S. 373–374.

²⁰⁰ В работах некоторых зарубежных исследователей излагалась версия, будто решение о внесении поправок было принято после получения в Москве информации посла СССР в Берлине В. Г. Декапозова о выраженной ему крайне резкой и даже угрожающей реакции папистского руководства, получившего сообщение Шуленбурга о беседе с Молотовым (см.: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 541–542). Но, как свидетельствуют документы, телеграмма Шуленбурга была отправлена из Москвы в 22 часа 28 минут 4 апреля и пришла в Берлин в 0 часов 55 минут 5 апреля (ADAP, D. Bd. XII (1). Dok. 265. S. 373), между тем как Вышинский объявил Гавриловичу о поправках в 16 часов 30 минут 4 апреля (ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 516).

²⁰¹ Сведения поступали из различных источников, особенно от югославского военного атташе в Берлине В. Ваухника (см.: *Hoptner J.* Op. cit. P. 281–282; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 548–550). В частности, на его данные о переброске немецких войск в приграничные с Югославией районы Венгрии ссылался зам. министра иностранных дел Югославии Смилитич в беседе с Лебедевым 4 апреля. Об этом в тот же день сообщил начальнику разведуправления генштаба Красной Армии Голикову информатор «Софокл» из Белграда (1941 год. Кн. 2. Док. № 363. С. 25), которым был военный атташе СССР Самохин, являвшийся одновременно резидентом советской военной разведки в Югославии (Там же. Именной комментарий. С. 658). В сообщении Лебедев фигурировал под псевдонимом «Блок», который был у него как сотрудника советской военной разведки (Там же. С. 636, 649).

Одним из них явилось обращение к СССР с тем, чтобы побудить Кремль к изменению принятого решения и добиться скорейшего заключения договора в той редакции, которая предусматривалась первоначальным советским проектом, врученным югославской делегации Вышинским, без формулировки о нейтралитете. Этой цели было подчинено приглашение Смиляничем Лебедева вечером 5 апреля, когда, как уже говорилось, заместитель министра иностранных дел старался объяснить временному поверенному в делах СССР, почему измененная редакция советского проекта договора неприемлема и опасна для Югославии. В беседе, о которой Лебедев тут же телеграфировал в Москву, Смилянич подчеркивал, что «Югославия просит Советское правительство учесть ее положение»²⁰².

Другим направлением дипломатических усилий стало обращение к Германии с новыми заверениями в полной лояльности. Причем, поскольку 4 апреля Вышинский, сообщая Гавриловичу об изменении советского проекта, уведомил его одновременно о том, что Шуленбург уже информирован советской стороной о решении подписать договор с Югославией²⁰³, югославское руководство в сложившейся ситуации посчитало необходимым представить перед немцами дело таким образом, будто переговоры с СССР были следствием несогласованности внутри правительства Симовича, а теперь оно уже категорически отказалось от заключения договора. С этой целью была разыграна комбинация, центральными фигурами в которой стали министр иностранных дел Нинчич и его брат, тоже работник МИД Югославии. В середине дня 5 апреля, за четыре с половиной часа до того, как состоялась упомянутая беседа Смилянича с явившимся по его приглашению Лебедевым, брат Нинчича посетил германского поверенного в делах в Белграде Файне и от имени министра заявил, что тот ничего не знал о переговорах, предпринятых в состоянии возбуждения после переворота 27 марта, но что в данный момент вследствие его вмешательства правительство заняло единодушную позицию в пользу договоренности исключительно с Германией. Брат Нинчича указал, что министр иностранных дел поручил ему информи-

²⁰² Отношения России (СССР)... Док. № 25. С. 30.

²⁰³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 517. В тот же день, 4 апреля, когда Шуленбург телеграфировал об этом Риббентропу (ADAP, D. Bd. XII (1). Dok. 265. S. 373-374), сообщение о том, что в Москве находится югославская делегация, послал в Берлин германский поверенный в делах в Белграде Г. Файне. Он узнал об этом от посла Турции в Югославии, однако не располагал сведениями ни о том, имеет ли делегация политический или военный характер, ни о том, с какой целью она была отправлена в советскую столицу (Ibid. Dok. 272. S. 383. Anm. 1).

ровать немецкую сторону о решении правительства, чтобы он, министр, поехал в Берлин с целью решения всех необходимых вопросов. При этом было подчеркнуто, что руководитель югославской дипломатии является сторонником протокола о присоединении Югославии к Тройственному пакту, не хочет никакого взаимопонимания с Москвой, а ориентируется исключительно на Берлин и, имея за собой поддержку большинства членов кабинета, сумеет обеспечить проведение соответствующей линии во внешней политике Белграда. Заявление сопровождалось заверениями от имени министра иностранных дел, что он не допустит осуществления каких бы то ни было планов относительно договоренности Югославии с СССР и Турцией и, несмотря на множество импульсов, направленных новым югославским властям из-за рубежа, одобрит только те предложения, которые получит в Берлине²⁰⁴.

Вся эта затея с якобы неинформированностью министра Нинчича о советско-югославских переговорах²⁰⁵ и с предложением о его поездке в Берлин, выглядевшая отнюдь не убедительно, была, как можно понять, отчаянной попыткой хотя бы чуть-чуть задержать фашистское нападение, потянуть время в надежде на то, что в самые ближайшие дни удастся все-таки склонить советскую сторону к заключению договора с первоначальной формулировкой, без упоминания о нейтралитете. А перед уже совершившимся фактом подписания такого советско-югославского договора Гитлер, как полагали в Белграде, будет вынужден отложить агрессию против Югославии, поскольку не решится на столь открытую и немедленную конфронтацию с СССР.

Надежда югославы на то, что Кремль удастся склонить к пересмотру его поправки относительно нейтралитета, в итоге сбылась. Прошло немногим больше суток после того, как Вышинский объявил Гавриловичу 4 апреля о внесении этой поправки, и советская позиция по поводу договора с Югославией вновь изменилась — на сей раз, наоборот, в сторону повышения уровня взаимных обязательств в случае агрессии третьего государства. Теперь речь шла о том, чтобы по отношению к партнеру, подвергшемуся нападению, «соблюдать политику дружественных отношений», а от формулировки о нейтралите-

²⁰⁴ ADAP, D. Bd. XII (1). Dok. 272. S. 382–383.

²⁰⁵ Документы, ставшие известными в последние годы, недвусмысленно свидетельствуют о его участии в подготовке переговоров. В частности, в телеграмме Молотову 1 апреля Лебедев сообщал о том, что договаривался с Нинчичем и Смиляничем об организации отправки членов югославской делегации Симича и Савича в Москву (Отношения России (СССР)... Док. № 19. С. 25).

те, вызвавшей возражения югославы, Москва отказалась²⁰⁶. Источники, которыми мы располагаем, не дают однозначного объяснения причин такой перемены.

Согласно воспоминаниям Гавриловича, на которых основывался Хоптнер, после того, как на последней встрече с Вышинским 4 апреля посланник заявил, что должен сообщить своему правительству о советской поправке, содержащей формулировку о нейтралитете, Вышинский 5 апреля в нескольких телефонных беседах с Гавриловичем настаивал на безотлагательном подписании договора с этой формулировкой. Поскольку к тому времени из Белграда так и не было ответа на отправленную Гавриловичем телеграмму с информацией о советском проекте, посланник продолжал отказываться. Тогда Вышинский вечером 5 апреля предложил ему телефонное соединение с Симовичем в Белграде. В состоявшемся почти сразу после этого разговоре по телефону между Гавриловичем и Симовичем югославский премьер дал посланнику указание подписать договор в том виде, как предложила советская сторона. Но Гаврилович, по его версии, ответил отказом и Симовичу, заявив, что не будет подписывать договор в такой редакции, а затем отменил последовавшие попытки Вышинского сослаться на распоряжение главы правительства Югославии. Дело кончилось, по утверждению Гавриловича, тем, что поздно вечером 5 апреля он согласился на предложение Вышинского приехать в Кремль, но по-прежнему подтвердил свой отказ от подписания договора с упоминанием о нейтралитете. Когда же он прибыл в Кремль, где его ждали Сталин, Молотов, Вышинский и несколько сотрудников НКВД СССР, Молотов объявил ему о новом проекте договора, в котором уже не говорилось о нейтралитете. Причем Сталин сказал посланнику, что тот был прав, ибо при сохранении пункта о нейтралитете договор означал бы, что в случае, если Югославия подвергнется нападению, СССР умоет руки. Этот вновь измененный вариант договора и был подписан в ночь с 5 на 6 апреля²⁰⁷.

Из версии Гавриловича, которую в нашей историографии фактически воспринял Нарочницкий²⁰⁸, должно было следовать, что вторичная перемена советской позиции была вызвана неуступчивостью югославского посланника, блокировавшей безотлагательное заключение договора на советских условиях. А проволочка была, несомненно, неприемлема для Москвы, поскольку грозила

²⁰⁶ Отношения России (СССР)... Док. № 28. С. 32; Док. № 30. С. 34; *Hoptner J.* Op. cit. P. 280.

²⁰⁷ *Hoptner J.* Op. cit. P. 278–280.

²⁰⁸ См.: *Нарочницкий А. Л.* Указ. соч. С. 14–15.

тем, что Берлин может опередить ее, напав тем временем на Югославию. К тому же затяжка с подписанием договора могла быть воспринята в Берлине, наоборот, как признак советского отступления перед лицом предупреждений Шуленбурга. На таком фоне объяснение, данное Сталиным Гавриловичу, выглядит, если следовать утверждениям последнего, скорее дипломатическим приемом, хорошей миной, призванной затушевать вынужденность советской уступки перед лицом твердости, проявленной посланником.

Ставшие теперь известными советские документальные материалы — справка о подписании советско-югославского договора, составленная по следам событий Новиковым, и телеграмма Вышинского Лебедеву 6 апреля 1941 г.²⁰⁹ — подтверждают, с небольшими коррективами, изложенное Гавриловичем, но за одним весьма важным исключением. В справке Новикова говорится, что после беседы по телефону с Симовичем, состоявшейся около часа ночи 6 апреля (по версии Гавриловича это было в девять часов вечера 5 апреля), Гаврилович, хотя и продолжал выражать желание, чтобы из договора было убрано упоминание о нейтралитете, тем не менее в разговоре с Вышинским, заявившим, что советское правительство по-прежнему выступает за формулировку о нейтралитете, сказал в ответ о готовности подписать договор и в таком виде. После чего и была достигнута договоренность о поездке в Кремль²¹⁰.

Если дело было действительно так, как зафиксировано в справке Новикова, то из этого должно следовать, во-первых, что новое изменение советской позиции, о котором Гавриловичу сообщили в Кремле Молотов и Сталин, было следствием вовсе не упорства посланника, как изображалось впоследствии Гавриловичем, а каких-то иных факторов. И во-вторых — что подобное решение советское руководство приняло в последний момент, уже после того, как Вышинский договорился с Гавриловичем о приезде в Кремль. Может быть, к этому времени в Москве была получена отправленная Лебедевым вечером 5 апреля телеграмма с сообщением об упомянутой выше беседе со Смиляничем, изложившим аргументы югославского правительства против формулировки о нейтралитете, и Сталин счел эти аргументы серьезными. Тем более, что та же аргументация выдвигалась в беседах с Вышинским 4 апреля

²⁰⁹ Отношения России (СССР)... Док. № 28. С. 32; Док. № 30. С. 33–35.

²¹⁰ Там же. Док. № 30. С. 33–34. Заметим, что в своих воспоминаниях Симович, говоря о телефонном разговоре с Гавриловичем, не зафиксировал никакого отказа посланника выполнить указание премьера. См.: *Кляковий В.* Указ. соч. // Политика. 29. IX. 1970.

Гавриловичем, а 5 апреля Симичем, который посетил первого заместителя наркома иностранных дел якобы тайно от Гавриловича и Савича и также старался убедить своего советского собеседника в необходимости отказаться от того, чтобы в договоре говорилось о нейтралитете. Записи обеих бесед Вышинский направил Сталину (равно как и Молотову)²¹¹. А может быть, руководитель СССР узнал о предстоявшем через несколько часов нападении на Югославию и пытался в последний момент воздействовать на Гитлера путем некоторого усиления формулировок договора.

Теперь стал известен ряд донесений разведки, которые были получены в Москве в первых числах апреля и из которых следовало, что Германия готовится к военным действиям против Югославии²¹². Правда, среди донесений оказывались и такие, которые были способны скорее дезинформировать, вроде одного из сообщений Самохина («Софокла») из Белграда от 4 апреля, где говорилось, будто перед лицом решительной позиции Югославии немцы лишь «стоят в зверином рычании», но не решаются на серьезные действия: их «дивизий на границе не прибавляется»²¹³. Но даже те имеющиеся в нашем распоряжении сообщения, в которых шла речь о немецких приготовлениях к нападению на Югославию, не содержат сведений о планируемой дате нападения. Трудно, однако, судить с определенностью, получил ли Сталин в какой-то момент подобные сведения или нет.

Во всяком случае, как из мемуаров Новикова, так и из его упомянутой выше справки видно, что советское руководство очень торопилось. В мемуарах Новиков писал о том, как Гаврилович не мог ввиду позднего часа найти и собрать в Кремле на церемонию подписания договора других членов югославской делегации и ведущих сотрудников югославской дипломатической миссии, разъехавшихся по гостям и ресторанам, а потому посланник предложил даже перенести подписание на следующий день, но Сталин выразил желание провести всю церемонию безотлагательно и поручил НКВДу помочь разыскать югославов и доставить в Кремль, что и было сделано²¹⁴. А в справке Новикова отмечено, что подписание договора произошло немедленно после перепечатывания его нового текста — около трех часов утра 6 апреля, а около четырех часов уже бы-

²¹¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 745. С. 516, 517; Док. 751. С. 531–532. Симич в этой беседе с Вышинским старался выступить в роли не только просоветски ориентированного, но даже сторонника коммунистических целей.

²¹² 1941 год. Кн. 2. Док. № 355. С. 14; Док. № 363. С. 25; Док. № 364. С. 27.

²¹³ Там же. Док. № 362. С. 24.

²¹⁴ Новиков Н. В. Указ. соч. С. 77.

ло передано по радио сообщение о его заключении и опубликован его текст²¹⁵. Причем договор был датирован 5 апреля.

Трудно, однако, категорически утверждать, какая из версий об обстоятельствах вторичного изменения советской позиции по поводу нейтралитета в большей мере соответствует действительности, — та, которая содержалась в воспоминаниях Гавриловича, или та, которая излагалась в справке Новикова, возможно, составившейся с учетом определенных «правил игры»²¹⁶. Во всяком случае, в телеграмме Вышинского Лебедеву 6 апреля в качестве причин этого изменения приводились одновременно и тот же самый аргумент, который, по словам Гавриловича, излагался ему Сталиным, и учет правительством СССР «пожелания югославского правительства»²¹⁷.

Рассчитывал ли Сталин, заключая договор, что ему удастся предотвратить нападение Германии на Югославию? Ответ на этот вопрос, видимо, неоднозначен. Рассмотренные документы свидетельствуют, что он стремился заставить Гитлера отказаться от *немедленного нападения*. И потому Городецкий характеризует как «совершенно невероятную» мысль американского исследователя С. Майнера о том, что заключение договора с Югославией имело целью не сдержать, а, наоборот, втянуть Германию в войну, которая отвлекла бы ее внимание и отсрочила нападение на СССР²¹⁸. Но если верить Судоплатову, то с переворотом в Югославии советское руководство, как уже говорилось, связывало расчеты на то,

²¹⁵ Отношения России (СССР)... Док. № 30. С. 34. Текст договора «О дружбе и ненападении» см.: Внешняя политика СССР... Т. IV. Док. № 503. С. 548. Кроме уже упомянутого обязательства о взаимном соблюдении «политики дружественных отношений» к той из сторон, которая подвергнется нападению третьего государства, договор содержал также поспешное скорее дежурный характер и малоактуальное положение о том, что стороны обязуются воздерживаться от нападения друг на друга и «уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность» партнера. С советской стороны договор подписал Молотов, с югославской — все три члена делегации.

²¹⁶ Заметим, что опубликованные мемуары Новикова во многом противоречат как его же справке, так и другим документам: Новиков Н. В. Указ. соч. С. 75–77.

²¹⁷ Отношения России (СССР)... Док. № 25. С. 30.

²¹⁸ Городецкий Г. Указ. соч. С. 177 (примеч. 43). Городецкий ссылается на: Miner S. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill (North Carolina), 1988. P. 118–119. Сам Городецкий замечает, что советско-югославский договор «во многом служил Сталину лакмусовой бумагой для определения намерений немцев» (Городецкий Г. Указ. соч. С. 163), но не уточняет, считает ли он, что именно это было вообще целью Сталина при заключении договора.

чтобы продлить операции «оси» на Балканах и тем самым отсрочить, насколько возможно, агрессию Германии против Советского Союза. В этом смысле вполне вероятно, что Сталин на самом деле рассчитывал заключением договора лишь несколько оттянуть вторжение в Югославию с тем, чтобы та получила хотя бы короткую передышку для подготовки к военному отпору немцам и их союзникам по фашистскому блоку, а затем могла достаточно успешно и долго сопротивляться, когда Берлин со своими сообщниками все-таки нападут на нее.

Обращает на себя внимание тот факт, что в упоминавшейся выше беседе с Симичем 5 апреля Вышинский в ответ на замечание Симича о том, что, возможно, советская материальная помощь югославской армии запоздала, а югославское правительство будет вынуждено принять английскую помощь, специально «воспользовавшись случаем», сказал, что мы не против того, чтобы Югославия сблизилась с Англией», и «вовсе не исключаем и того, что Югославия заключит соглашение с Англией». Вышинский подчеркнул: «Мы считали бы это даже целесообразным». Принимая во внимание, что он особо отметил свой «ход» в отчете для Сталина и Молотова, вряд ли приходится сомневаться, что данное заявление первого заместителя наркома иностранных дел являлось реализацией установки, выработанной в тот момент Кремлем. Как видно из пояснений, которые Вышинский вписал в свою запись беседы с Симичем, отправленную Сталину и Молотову, проблема возможности югославо-британского соглашения предварительно уже рассматривалась в советских верхах в связи с тем, что накануне, 4 апреля, Симич на встрече с начальником разведуправления Генерального штаба РККА Голиковым сам заявил о такой возможности в качестве шага, вынужденного для Югославии в складывавшейся ситуации. Не исключено, что Симич говорил это Голикову (так же, как 5 апреля сказал Вышинскому о возможном согласии югославского правительства на помощь англичан) из тактических соображений, чтобы побудить советскую сторону к более решительной поддержке Югославии. Но, судя по написанному Вышинским, Сталин и Молотов, ознакомившись с сообщением Голикова, сделали вывод о том, что в данный момент как раз желательно, чтобы Белград пошел на сближение с Англией и заключил с ней соглашение о военной помощи. Очевидно, данное решение было принято в Кремле не позже утра 5 апреля, ибо в 11 час. 45 мин., когда Симич приехал для разговора с Вышинским, последний, как сам зафиксировал в записи беседы, лишь искал случая, чтобы заявить, что СССР не только не возражает против югославо-британского соглашения, но, наоборот, рекомендует его югославам²¹⁹.

²¹⁹ ДВП. Т. XXIII Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 532.

Это было весьма серьезной переменной советской линии. Ведь на протяжении всего предшествовавшего времени Кремль рассматривал как противоречащие его интересам не только экспансию «оси» на Балканах, но и британские усилия в данном регионе. В частности, в соответствии с установками, исходившими из Москвы, КПЮ до того неизменно и решительно выступала как против прогерманского, так и в меньшей мере против проанглийского выбора для Югославии. Теперь же, когда новые югославские руководители, пришедшие к власти после переворота 27 марта, заняли позицию не только противодействия «оси», но и неангажированности в отношении англичан, а выбрали ориентацию на пакт с СССР и получение поддержки именно от него, сама советская сторона, причем параллельно с усилиями по скорейшему подписанию советско-югославского договора, вдруг без обиняков порекомендовала югославам пойти на военное сотрудничество и заключение соглашения с Англией. Но советское руководство не могло не понимать, что соглашение с Англией неизбежно вело к военному столкновению Германии с Югославией. Выходит, Сталин в принципе рассчитывал на такое столкновение и хотел, чтобы в него втянулись непосредственно и англичане. Тем самым Лондон и Москва как бы менялись местами. Если британская сторона еще прежде была заинтересована в возможном столкновении СССР с Германией на Балканах, то на сей раз уже советские лидеры, вопреки позиции, которую они занимали в предыдущий период, оказывались заинтересованными в том, чтобы частичная английская военная поддержка борьбы Греции против фашистской агрессии распространилась, насколько удастся, и на Югославию.

Причины подобного поворота советской политики достаточно очевидны. С одной стороны, после присоединения к Тройственному пакту не только Румынии, но и Болгарии и ввода туда крупных группировок немецких войск Советский Союз стал полностью отрезанным от Балкан. Соответственно, потерпел окончательное фиаско и в сложившихся конкретных условиях потерял практический смысл прежний курс СССР на противодействие как державам «оси», так и Англии в данном регионе и на создание там зоны, подконтрольной Москве. В такую зону невозможно оказывалось превратить и Югославию несмотря на ее головокружительный поворот в результате прихода к власти путчистов во главе с Симовичем. Ибо СССР в одиночку был не в состоянии сколько-нибудь надежно и надолго гарантировать защиту этой страны, к тому же весьма от него удаленной, без риска ввязаться в военную конфронтацию с «третьим рейхом», которой Кремль стремился как раз всеми способами избежать. С другой стороны, в марте — начале апреля, накануне переворота в Югославии, а

особенно в промежутке между переворотом и подписанием советско-югославского договора, пошел все нарастающий поток донесений разведслужбы НКГБ и советской военной разведки с данными, свидетельствовавшими о крупномасштабных приготовлениях нацистской Германии к нападению на СССР²²⁰. Правда, как не раз отмечалось в историографии, Сталин был склонен с большим подозрением относиться к таким данным, опасаясь, что они в провокационных целях могли подбрасываться то ли германскими же, то ли британскими спецслужбами. Тем более, что, учитывая подобные настроения Сталина, руководящие работники советских разведывательных ведомств сами нередко стремились застраховаться, в той или иной мере выражая в подаваемых наверх сообщениях сомнение по поводу того, насколько можно доверять поступавшим сведениям и не сфабрикованы ли они либо немцами, либо англичанами. Стал уже чуть ли не хрестоматийным не раз приводившийся пример с докладом Голикова от 20 марта в ЦК ВКП(б), Совнарком и руководству наркомата обороны, содержание которого указывало на готовившуюся агрессию Германии против СССР в конце весны — начале лета 1941 г., но в котором имелся страховочный комментарий автора о том, что указанные сроки следует расценивать как дезинформацию, «исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки». Не столь известен другой пример, когда уже упоминавшийся советский военный атташе в Белграде Самохин в донесении от 4 апреля писал о «военных намерениях Германии против нашей страны», которые могут быть реализованы после того, как нацистский рейх утвердит свое господство «на берегах Адриатического и Эгейского морей», иными словами, в Югославии и Греции, но тут же делал оговорку, что, поскольку «сведения исходят из немецких же источников», то «можно полагать, что Германия при подготовке очередной акции на Балканах психологическим воздействием восполняет недостаток реальных сил», т. е. просто пугает еще не подчиненные балканские страны перспективой своего скорого нападения на СССР и победы над ним²²¹. Однако несмотря на подобные оговорки и всю подозрительность Сталина в отношении поступавших данных разведки сам ха-

²²⁰ 1941 год. Кн. 1. Док. № 310. С. 736; Док. № 320. С. 768–769; Док. № 321. С. 769–770; Док. № 325. С. 775; Док. № 327. С. 776–780; Док. № 331. С. 788–789; Док. № 336. С. 796–797; Док. № 337. С. 797; Док. № 338. С. 797–798; Док. № 339. С. 798–799; Док. № 340. С. 799; Док. № 342. С. 800–803; Док. № 345. С. 805; Док. № 346. С. 805–806; Док. № 348. С. 808; Док. № 349. С. 808–810; Кн. 2. Док. № 354. С. 12–13; Док. № 355. С. 13–15; Док. № 363. С. 25; Док. № 364. С. 25–27; Док. № 365. С. 27–29; Док. № 367. С. 46–47.

²²¹ Доклад Голикова см.: Там же. Кн. 1. Док. № 327. С. 776–780; сообщении Самохина («Софокла») см.: Там же. Кн. 2. Док. № 362. С. 24.

ракти и стремительно нараставшее количество сообщений о подготовке немцев к войне против Советского Союза не могли не вызвать ощутимой тревоги в Кремле. А соответственно — заинтересованности советского руководства в том, чтобы военная машина Германии оказалась как можно серьезнее отвлечена от СССР в другой весьма чувствительный для Гитлера пункт Европы, желательно подальше от советских границ.

В этих условиях и произошел тот поворот в советской политике на Балканах, прежде всего в отношении Югославии, о котором говорилось выше. Сопоставление уже упомянутого свидетельства Судоплатова о намерениях Сталина и Молотова в связи с переворотом в Белграде и того, что было сказано Вышинским Симичу 5 апреля, едва ли оставляет сомнение по поводу цели, поставленной теперь Кремлем. Она, как можно понять, заключалась в том, чтобы Югославия, очевидно, вкупе с Грецией образовали при возможно более деятельном участии Англии антигитлеровский фронт на Балканах, который был бы способен на какое-то время приковать к себе достаточно значительные силы Германии. В планы советского руководства, для которого это оказывалось бы в течение соответствующего времени своеобразной страховкой от непосредственной угрозы германского нападения на СССР, явно не входило, по крайней мере в ближайший обозримый период, присоединение к такому фронту. Но налицо была советская готовность скрытно поддержать его. В сущности, были уже предприняты шаги в этом направлении. К таковым относились, во-первых, попытка путем заключения договора о Югославии несколько задержать начало агрессии против нее и тем самым дать югославам возможность лучше подготовиться к войне; во-вторых, решение приступить к тайным поставкам оружия и материалов для югославской армии; в-третьих, рекомендация югославской стороне пойти на военное соглашение с Англией и принять британскую помощь.

Именно югославов с их руководством, пришедшим к власти в результате переворота 27 марта, Москва стремилась использовать в качестве рычага для осуществления новой советской цели на Балканах. Тем более, что Югославия была самой крупной страной региона, занимавшей ключевое стратегическое положение и обладавшей наибольшими военными возможностями. Не случайно Сталин, по свидетельству югославских и советских участников банкета, состоявшегося в Кремле в узком кругу сразу вслед за подписанием договора, дотошно интересовался боеспособностью югославской армии, сроками, в течение которых она могла бы оказывать сопротивление германским войскам, и обещал быстрое положительное решение вопроса о помощи в укреплении

военного потенциала Югославии крупными поставками вооружения и снаряжения²²².

Дело не ограничилось одними обещаниями. Как доносил затем Гаврилович Симовичу, после банкета, утром 6 апреля, в советском генеральном штабе прошли переговоры с Симичем, в результате которых были достигнуты конкретные договоренности о видах и количествах вооружения и боевой техники, предназначавшихся для отправки в Югославию. Договоренности базировались на списках потребностей югославской армии, представлявших советской стороне прежде. Согласованный перечень первоочередных поставок включал от 50 до 100 истребителей, 20–25 легких бомбардировщиков, сотни артиллерийских орудий и минометов различных калибров. Согласно сообщениям Гавриловича, все это сразу стало готовиться для переброски в Югославию²²³.

Однако данным планам не суждено было сбыться. Всего через несколько часов после подписания советско-югославского договора нацистская Германия, как и предусматривалось директивой, данной Гитлером ввиду переворота 27 марта, уже напала на Юго-

²²² См.: НИА-Рор. Вох N 1. Ф. 58. Р. 30–36; Вох N 2. Ф. 28. Р. 11–18; Вох N 3. Ф. «Др Гаврилович, Москва». Гаврилович — Симовичу. 28 VII 1941; Новиков П. В. Указ. соч. С. 79. Помимо свидетельств Новикова, Гавриловича и военного атташе Поповича, присутствовавших на этом банкете с участием Сталина, существует также описание банкета в вышедшей в начале 50-х годов на Западе книге, автор которой был обозначен как И. Н. Крылов, бывший офицер советского генштаба, утверждавший, что он также был среди присутствовавших там (*Krilov I. Soviet Staff Officer. London, 1951. P. 71–73*). Отдельные исследователи даже использовали это как источник (см., например: Hoover Institution Archives. Collection Dragoslav Georgevich. Two Days... P. 96). Однако как в справке Новикова, так и в перечисленных выше свидетельствах такое лицо среди участников банкета отсутствует, а данное описание не соответствует тому, о чем писали бесспорные участники. Явные вымыслы и грубые фактические ошибки «Крылова» не оставляют сомнения в том, что все изложенное в книге относительно банкета, а также вообще заключения советско-югославского договора (*Krilov I. Op. cit. P. 61–62, 70–71, 75–76*), представляет собой выдумку (похоже, что и сама книга, издавшаяся в разгар холодной войны, являлась пропагандистским фальсификатом, а «Крылов», возможно, вымышленный персонаж).

²²³ НИА-Рор. Вох N 3. Ф. «Др Гаврилович, Москва». Гаврилович — Симовичу 28 VII 1941; Отношения России (СССР)... Док. № 29. С. 33. Сообщение об этом Гаврилович послал Симовичу, но в условиях начавшейся фашистской агрессии против Югославии оно тогда не достигло адресата. Первоначально на переговоры в генштаб отправлялся Савич и военный атташе Попович, но в генштабе с ними не захотели вести переговоры, ибо, как выяснилось позже, не доверяли Поповичу, а связались с Симичем.

славию. В ходе наступления, в котором к германским войскам присоединились итальянские, а затем венгерские, силы агрессора стали быстро одерживать верх. Одиннадцать дней спустя югославская армия капитулировала²²⁴.

По утверждению Судоплатова, советская сторона не ожидала столь быстрого гитлеровского вторжения в Югославию и была удивлена им²²⁵. О том, что такой поворот событий едва ли предусматривался Кремлем, должен свидетельствовать и сам факт того, что советское руководство пошло на подписание договора. Когда значительно позднее, уже после того, как Германия напала и на Советский Союз, Иден при одной из встреч со Сталиным поинтересовался причинами, по которым было решено подписать советско-югославский договор, кремлевский хозяин ответил, что это был жест солидарности с дружественным славянским народом и что реально СССР ничем уже не рисковал, т. к. не сомневался, что и сам все равно подвергнется нацистскому нападению²²⁶. Ответ был, конечно, призван представить задним числом советское решение как следствие трезвого анализа ситуации. На самом деле причиной был, как видно, просчет Сталина: договор был не способен, вопреки его надеждам, сдержать немцев и заставить Гитлера умерить пыл, учитывая советскую позицию. Фюрер уже не скрывал, а фактически открыто демонстрировал, что не считается с Москвой как с партнером.

Советская позиция после того, как стало известно о нападении на Югославию, была в первый момент противоречивой. С одной стороны, центральные газеты вышли 6 апреля с шапками на первых полосах о подписании советско-югославского договора, а на следующий день — со статьями и различными материалами об этом событии. Как уже говорилось, началась подготовка к отправке вооружения в Югославию. Это как будто свидетельствовало о намерении поддержать югославов в начавшейся войне с Германией и ее сообщниками по «оси». С другой стороны, по свидетельству Новикова, уже утром 6 апреля Сталин принял решение отменить назначенный на вечер этого дня официальный дипломатический прием в НКВД по случаю подписания советско-югославского договора. Руководитель СССР считал, что такое мероприятие в новых условиях неуместно, поскольку будет носить заведомо вызывающий характер, между тем как возникшая обстановка требует всемерной осмотрительности, чтобы еще больше не осложнить

²²⁴ Подробно о разгроме Югославии см.: Terzić V. Op. cit. Кнж. 2.

²²⁵ Судоплатов П. Указ. соч. С. 137.

²²⁶ The Memoirs of Anthony Eden: The Reckoning. Boston, 1965. P. 276.

и без того напряженные советско-германские отношения²²⁷. Если Новиков правильно излагает эту позицию Сталина в телефонном разговоре с Молотовым, свидетелем которого ему довелось быть, то, значит, перед лицом агрессивной акции, предпринятой Гитлером и продемонстрировавшей его готовность идти напролом против советских интересов, в соображениях Сталина вновь стало брать верх опасение конфликта с Берлином и стремление, насколько возможно, не раздражать его.

Подобная двойственность позиции дополнялась, если верить свидетельству Новикова, и разногласиями по этому поводу на самом вершине советской пирамиды власти: Молотов возражал Сталину, что приема отменять не следует, а необходимо продолжать начатую линию явной поддержки Югославии, и лишь категорическое указание «вождя» заставило главу правительства и наркома иностранных дел прекратить возражения²²⁸. Видимо, эти разногласия явились следствием определенной растерянности советских руководителей, вызванной провалом их расчетов и той полученной ими на глазах всего мира публичной политической пощечины, которой представало гитлеровское нападение на Югославию всего через четыре часа после подписания советско-югославского договора.

В обстановке развития событий последующих нескольких дней, когда стало вырисовываться военное поражение Югославии, поведение Москвы все в большей мере подчинялось стремлению сгладить, по возможности, напряженность в отношениях с Берлином. С советской стороны не последовало никаких официальных демаршей с осуждением нацистской агрессии или с выражением поддержки Югославии. Эта линия обозначилась еще днем 6 апреля, когда Шуленбург по поручению Риббентропа встретился с Молотовым и уведомил его от имени германского правительства о военной акции, предпринятой в отношении Югославии и одновременно Греции. Молотов в ответ на сообщение посла не выразил

²²⁷ Новиков Н. В. Указ. соч. С. 81.

²²⁸ Там же. Прием был отменен, и подписание вечером 6 апреля сербско-хорватского альтерпата договора (ночью с 5 на 6 апреля был подписан только русский альтерпат) не сопровождалось намечавшейся ранее церемонией. Любопытно, что в упомянутой выше служебной справке, написанной тем же Новиковым, говорилось, что отмена приема произошла «по просьбе югославов в связи с начавшимися военными действиями Германии против Югославии» (Отношения России (СССР)... Док. № 30. С. 34). Если в воспоминаниях Новикова изложена подлинная причина отмены приема, то в таком случае сказанное в справке было намеченной фальсификацией, призванной скрыть тот факт, что инициатором отмены была советская сторона и лично Сталин.

никакого осуждения немецких действий, ограничившись, согласно донесению Шуленбурга в Берлин, лишь словами о том, что «крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным»²²⁹. Впрочем, и гитлеровское руководство, осуществив то, что оно решило в отношении Югославии при игнорировании советской позиции, не считало пока целесообразным идти на дальнейшее обострение с Советским Союзом. В инструкциях Риббентропа Шуленбургу 6 апреля указывалось, что сообщая Молотову о нападении на Югославию, посол не должен напоминать о советско-югославском договоре, а если о нем скажет сам Молотов, то нужно замять эту тему²³⁰. Молотов, однако, о договоре вообще не упомянул²³¹, следуя линии, определенной Сталиным.

Единственное советское официальное заявление с осуждением агрессии против Югославии было сделано 12 апреля венграм, когда посланник Венгрии в Москве Й. Криштоффи посетил Вышинского и по поручению своего правительства информировал его о вступлении венгерских войск на югославскую территорию и мотивах этого шага. В ответ Вышинский заявил, что «Советское Правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии»²³². Заявление было 13 апреля опубликовано в «Известиях». Косвенно оно было осуждением нападения на Югославию вообще, но ни Германия, ни Италия в нем не упоминались, и в Берлине решили его проигнорировать. На запрос венгерского правительства Берлину, как поступить в связи с заявлением Вышинского, Риббентроп ответил, что нужно ограничиться лишь реагированием в печати²³³.

Впрочем, в тот же день, 13 апреля, когда в «Известиях» было опубликовано заявление Вышинского, Сталин сделал публичный жест, который должен был свидетельствовать о том, что несмотря на гитлеровскую агрессию против Югославии Кремль полон решимости по-прежнему сотрудничать с Германией. При проходах завершившего свой визит в Москву министра иностранных дел Японии И. Мацуока руководитель СССР на глазах присутствовавшего дипломатического корпуса демонстративно приветствовал Шуленбурга и и. о. немецкого военного атташе полковника Креб-

²²⁹ СССР — Германия, 1939—1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. / Сост. Ю. Фельштынский. М., 1983. Док. 91. С. 155—156.

²³⁰ Там же. Док. 90. С. 155.

²³¹ Там же. Док. 91. С. 156.

²³² Внешняя политика СССР... Т. IV. Док. № 505. С. 5-19.

²³³ *Джорник докумената i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije*. Т. XV. Књ. 1. Београд, 1986. С. 60 (нар. 17).

са, громко заявляя им: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь все для этого сделать!», «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае»²³⁴.

Потерпев неудачу с Югославией, которая капитулировала 17 апреля, Кремль окончательно проиграл борьбу за Балканы, оказавшиеся под господством Германии и ее итальянского союзника.

²³⁴ СССР — Германия, 1939–1941. Док. 93. С. 157.

Заклучение

Агрессией «третьего рейха» в апреле 1941 г. против Югославии и одновременно против Греции и их захватом при участии Италии, Венгрии и Болгарии¹ процесс подчинения Восточной Европы нацистской Германией, в том числе на самом юге региона — совместно с фашистским режимом Муссолини, в основном завершился. За исключением небольшого района Турции, расположенного на балканской стороне проливов, все восточноевропейские страны от Балтийского до Адриатического и Эгейского морей либо оказались оккупированными — Польша, чешская часть Чехословакии, Югославия, Греция, Албания, либо были включены в Тройственный пакт на положении гитлеровских сателлитов — Венгрия, Румыния, Болгария, не говоря уж о созданном под эгидой Берлина при ликвидации Чехословакии марионеточном государстве в Словакии².

Столь значительные результаты фашистской экспансии в Восточной Европе, пришедшиеся в решающей мере на период, рассматриваемый в монографии, были следствием сложного переплетения множества факторов. Конкретно-исторический анализ исследуемых в книге событий наглядно свидетельствует о том, что по своему характеру эти факторы группируются в три основных комплекса.

Один из них — та в первую очередь военная, а тем самым и военно-политическая мощь, которой в канун второй мировой войны достигли державы «оси» в Европе. Точнее, мощь, достигнутая

¹ В отличие от Италии и Венгрии, которые вместе с Германией участвовали и в агрессии против Югославии и Греции (Италии — в обоих случаях, Венгрия — в случае с Югославией), и в оккупации соответствующих жертв нападения, Болгария, как уже отмечалось выше, не присоединилась к военным действиям, но с ее территории произошло германское вторжение в Югославию и Грецию, а после разгрома последних она приняла участие в их оккупации и разделе между победителями.

² Захват Югославии в апреле 1941 г. сопровождался созданием под эгидой Берлина и Рима так называемого Независимого государства Хорватия, во многом подобного Словацкой Республике и ставшего в середине июня 1941 г. членом Тройственного пакта. Однако степень марионеточного характера этого государства оказалась еще большей, чем в случае со Словакией, а территория, которую отвел ему Гитлер и Муссолини, была, как и другие районы Югославии, оккупирована германскими и итальянскими войсками, причем часть ее находилась в немецкой оккупационной зоне, а часть — в итальянской.

нацистской Германией и позволившая Гитлеру сделать прямую агрессию либо угрозу применения силы важнейшим средством своей политики в ходе установления господства над восточноевропейскими странами. Собственных военных возможностей Италии, стремившейся к активной роли прежде всего в Юго-Восточной Европе, хватило там только на самостоятельный захват Албании в апреле 1939 г., а при столь же самостоятельном нападении в конце октября 1940 г. на Грецию Муссолини потерпел неудачу, преодолеть которую смогла лишь германская агрессия в апреле 1941 г. Тем не менее альянс «третьего рейха» с Италией не только все-таки несколько дополнял немецкий военный потенциал итальянским, но и, что было политически важным, значительно увеличивал в ряде восточноевропейских столиц впечатление доминирующей позиции фашистских держав, преобладания их объединенной мощи по крайней мере на европейской сцене. Это впечатление серьезно влияло на правящие круги государств Восточной Европы и всячески эксплуатировалось Берлином и Римом в качестве средства давления, игравшего важную роль в том, чтобы заставить страны региона уступить напору фашистской экспансии и подчиниться требованиям Германии и Италии. А в случаях, когда устремления держав «оси» и особенно Германии вдруг наталкивались по каким-то причинам на решительное противодействие со стороны тех или иных восточноевропейских стран и применение мер давления оказывалось безрезультатным, на эти страны обрушивалась гитлеровская военная машина. Так было с Польшей, руководство которой в предвоенный период нерасчетливо втягивалось в опасное сотрудничество с «третьим рейхом», надеясь использовать его как противовес Советскому Союзу, и стало из-за своих территориальных притязаний соучастником раздела Чехословакии, но в итоге сочло невозможным удовлетворить стремление Берлина к тому, чтобы Польша присоединилась к фашистскому блоку и превратилась в гитлеровского сателлита, а заодно согласилась бы на германский контроль над Данцигом и коммуникациями между ним и Германией через Польский коридор. Так было и с Югославией, когда переворот 27 марта 1941 г. поставил под вопрос происшедшее перед тем присоединение страны к Тройственному пакту. Так поступил Гитлер и с Грецией, когда та дала успешный отпор нападению Италии. Во всех трех случаях военное вторжение и оккупация, с одной стороны, были для фашистских агрессоров средством достижения их целей в отношении непокорных стран Восточной Европы, а с другой — оказывали мощное воздействие на остальные государства региона, демонстрируя им, казалось, не знавшую препятствий силу нацистского натиска.

Другим важным комплексом факторов, способствовавших успеху фашистской экспансии в отношении восточноевропейских стран, явилось положение в самой Восточной Европе. Почти все главы книги выразительно показывают, сколь активно державы «оси», прежде всего Германия, использовали в своих целях острые территориальные противоречия между большинством государств региона. Особенно активно эксплуатировалось при этом стремление тех из них, которые после первой мировой войны оказались в положении побежденных, к ревизии версальских границ. Манипулирование по поводу Трансильвании, которому в монографии посвящена специальная глава, или маневры, связанные с проблемой Македонии, были лишь наиболее рельефными, но типичными в ряду территориально-политических комбинаций, сыгравших весьма существенную роль в реализации гитлеровских планов в Восточной Европе. Установлению господства держав «оси», прежде всего Германии, в этом регионе во многом способствовали и такие факторы, как, например, напряженные международные отношения внутри некоторых восточноевропейских стран; заинтересованность ряда государств, в первую очередь в Юго-Восточной Европе, в тесных экономических связях с Германией; присущая большей части тогдашней восточноевропейской политической элиты боязнь Советского Союза и направляемой им деятельности компартий; склонность влиятельных политических сил региона к авторитаризму, а то и в известной мере к тенденциям тоталитарного характера, что в некоторых случаях влияло на создание почвы для сближения с фашистскими режимами.

При всей важности факторов как первого, так и второго из указанных комплексов их реальная действенность в очень большой, если не в решающей, степени зависела, однако, от третьего комплекса факторов — общего развития ситуации и соотношения сил на международной арене, в первую очередь, разумеется, в Европе. Исследование, проведенное в данной монографии, не оставляет в этом сомнения. Положение на общеевропейской международно-политической сцене и позиции выступавших на ней главных персонажей, в том числе их практические действия в отношении восточноевропейских стран, во многом определили тот ход событий, который привел к установлению фашистского господства над Восточной Европой.

В треугольнике тогдашних главных действующих лиц в Европе, одной стороной которого были фашистские державы, прежде всего Германия, другой стороной — сначала англо-французская коалиция, а затем, после поражения Франции, лишь Англия, пользовавшаяся поддержкой США, и третьей стороной — Советский Союз, соотношение сил и внешнеполитических устремлений

между сторонами на протяжении 1939–1941 гг. претерпевало, как мы видели, определенные изменения.

Мюнхенский сговор, в огромной мере повлиявший на обстановку, которая сложилась в 1939 г., и ставший, по сути, преддверием второй мировой войны, явился результатом сочетания агрессивных домогательств «третьего рейха», поддержанного Италией, и политики умиротворения, проводившейся западными державами. На деле решение, о котором Англия и Франция договорились с Германией и Италией в Мюнхене, попустительствовало наступлению фашистских держав на Восточную Европу. Вместе с тем, будучи принято без советского участия, при фактическом игнорировании СССР, оно создавало прецедент решения актуальных международных вопросов в Европе и, в частности, восточноевропейских проблем, без Советского Союза. Последний выразил отрицательное отношение к мюнхенскому соглашению.

В послемюнхенских условиях Гитлер продолжил свой курс предпринятой в середине марта 1939 г. новой агрессивной акцией, которая привела к ликвидации Чехословакии и положила начало предвоенному политическому кризису в Европе. Советская сторона, поставленная вследствие Мюнхена в значительной мере в положение внешнеполитической изоляции, судя по некоторым новым архивным материалам, в начале 1939 г. реанимировала имевшие место еще с середины 1930-х годов, но пока остававшиеся безрезультатными попытки значительно активизировать отношения с Германией. Но на предпринятые Москвой шаги Берлин не отреагировал. Между тем в марте–апреле 1939 г. в связи с захватом чешских земель и ликвидацией Чехословакии Советский Союз публично осудил нацистские действия и выступил сторонником соглашения о взаимной помощи против агрессии, которое охватывало бы СССР, Англию и Францию, а также восточноевропейские страны наряду с государствами Прибалтики и Турцией. В свою очередь, Лондон и Париж ввиду гитлеровской агрессивной акции в отношении Чехословакии были принуждены к корректировке их мюнхенской позиции, к декларированию гарантий ряду восточноевропейских стран и проявили заинтересованность в том, чтобы некоторым из этих стран были предоставлены советские гарантии.

Начавшиеся в условиях такого рода изменений со второй половины марта 1939 г. англо-франко-советские контакты по поводу возможной координации либо объединения усилий против нацистской угрозы, прежде всего в Восточной Европе, не приводили, однако, к реальному результату. Несомненно, важную роль тут играло то обстоятельство, что возникшие в англо-французской коалиции тенденции к определенному противостоянию фашист-

ской агрессии сочетались, особенно в британской позиции, с продолжавшимися сохраняться тенденциями, свойственными политике умиротворения. Большое тормозящее влияние на Лондон и Париж оказывал тогдашний имидж СССР: сталинские чистки, положение в стране после них и состояние ее вооруженных сил вызывали у западных держав более чем серьезные сомнения в военных возможностях Советского Союза, в стабильности его политики, в его надежности как партнера, в целесообразности связывать себя с ним взаимными обязательствами. С другой стороны, новые архивные данные порождают вопрос о том, насколько в ходе начавшихся англо-франко-советских контактов Сталин действительно рассчитывал на создание системы коллективной безопасности против нацистской агрессии, а насколько советские предложения были тактикой, призванной вывести СССР из состояния внешнеполитической изоляции, вернуть ему необходимую роль в системе лавирования и закулисных комбинаций на международной арене. Очевидная неполнота имеющихся пока в распоряжении историка документов, которые бы отражали соображения и планы Кремля, весьма затрудняет выяснение истинного положения дел. Но как бы то ни было, когда медленно тянувшиеся переговоры между Москвой, Лондоном и Парижем, фактически прервавшись на рубеже апреля — мая 1939 г. ввиду позиции англо-французской стороны, по инициативе последней возобновились месяц спустя, уже шли начавшиеся поздней весной советско-германские переговоры относительно возможной интенсификации отношений и сближения между «третьим рейхом» и СССР. Вместе с тем, параллельно начались и англо-германские переговоры. Все они фокусировались прежде всего на проблемах, касавшихся Восточной Европы в связи с перспективой дальнейшего гитлеровского наступления в этом регионе, в первую очередь возможной агрессии в отношении Польши.

В этой обстановке закулисных комбинаций и интриг всех против всех обнаружили, однако, ключевые тенденции, которые и определили развязку. Гитлеру, принявшему на рубеже весны — лета 1939 г. окончательное решение о нападении на Польшу и нацелившемся на военное столкновение с западными державами, для осуществления его замыслов стало необходимо соглашение с СССР, которое обеспечило бы по крайней мере благожелательный в отношении «третьего рейха» советский нейтралитет. Сталин, в свою очередь, считал предпочтительным соглашение с Германией, позволявшее советской стороне остаться вне войны и к тому же извлечь выгоды в виде территориальных приращений и получения сфер влияния. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г., а особенно секретный протокол к нему стали, помимо других по-

следствий, основой взаимодействия двух тоталитарных режимов в ликвидации польского государства и разделе его территории. Содержащееся в монографии конкретное исследование фактического материала позволяет в значительной мере выявить как генезис такого взаимодействия, реальное место Польши в той сложной политико-дипломатической игре между Москвой и Берлином, которая предшествовала советско-германским договоренностям, так и важные аспекты механизма практической реализации этих договоренностей, последовавшей уже в условиях начавшейся мировой войны, чьей первой жертвой и оказалась Польша.

Зафиксированное в августовском секретном протоколе советско-германское соглашение по поводу Польши, а также Прибалтики и Бессарабии и особенно практическое объединение усилий Гитлера и Сталина в ликвидации польского государства и разделе его территории, закрепленное затем Договором о дружбе и границе между Германией и СССР от 28 сентября 1939 г. и секретными протоколами к нему, означали, что советское руководство пошло гораздо дальше того, чтобы занять в войне просто позицию нейтралитета. Фактически Москва вступила на путь своеобразного, хотя и определенным образом ограниченного альянса с Берлином, который был заинтересован в таком временном тактическом решении в обстановке войны с англо-французской коалицией. Возникновение этого альянса, окрашенного антизападной направленностью и сочетавшего в себе совпадение одних интересов его участников с противоположностью других, являлось фактором, который, помимо прочих своих проявлений и последствий на международной арене, должен был после захвата Польши особенно затронуть восточноевропейские государства, еще остававшиеся на политической карте и в наибольшей мере подверженные воздействию как с германской, так и с советской стороны.

Падение Польши резко сузило реальные в тот момент политико-географические рамки Восточной Европы по сути до размеров территории стран балкано-дунайского региона. Если же учесть, что к тому времени уже определилось место не только Словакии, но и в значительной степени Венгрии рядом с Германией, то фактически можно говорить скорее о государствах Юго-Восточной Европы как о тех, которые в условиях начавшейся второй мировой войны еще сохраняли некоторую свободу маневра. Она была более заметна в период «странной войны» и, как видно из соответствующих глав монографии, в той или иной мере отразилась на характере провозглашенного этими государствами нейтралитета, к которому все они субъективно стремились. Им более или менее удавалось удерживаться в подобной позиции, пока «третий рейх» и англо-французская коалиция были преимущественно заняты

друг другом. В этот период в Юго-Восточной Европе влияние западных держав, продемонстрировавших свою неспособность противостоять нацистской агрессии и оказать действенную поддержку восточноевропейским странам, продолжало падать, а Германия, хотя и не оставляла усилий по расширению своих позиций в указанной зоне, была, однако, сосредоточена прежде всего на подготовке, а с весны 1940 г. на непосредственном проведении наступления сначала в Скандинавии и затем на западе.

Вместе с тем отличительной чертой того периода стало резкое возрастание влияния СССР в Юго-Восточной Европе. Его не смог остановить даже моральный и политический ущерб имиджу Советского Союза, который был нанесен советско-финской войной. Специфическое положение СССР, сочетавшее как его своеобразный альянс с демонстрировавшей свою мощь Германией, так и советское неучастие в войне и роль независимого центра силы, которую всячески изображала Москва, делало Советский Союз в глазах значительной части официальных кругов и общественности балканских стран важным фактором, способным содействовать расширению поля для внешнеполитического маневрирования этих стран, а тем самым и приобретению ими больших возможностей для удержания некоторой дистанции по отношению к обеим воюющим сторонам и сохранения относительной самостоятельности. При этом, однако, желательная степень дистанцирования от той или другой из воюющих сторон была у разных государств Юго-Восточной Европы отнюдь не одинаковой, так же, как не во всем одинаковой была и степень настороженности по поводу целей самого СССР в данной геополитической зоне, проявлявшаяся в политике различных расположенных здесь государств.

Положение в Юго-Восточной Европе и в более широких пределах балкано-дунайского региона существенно изменилось с поражением Франции. Теперь у Гитлера были развязаны руки для более решительных действий, направленных на полное подчинение всех стран региона. Здесь для реализации этой цели, которая в сложившихся условиях заняла особенно важное место среди внешнеполитических приоритетов «третьего рейха», нацистское руководство, приступившее к созданию «нового порядка» на европейском континенте, сосредоточило с середины 1940 г. наибольшие усилия. Вместе с тем в обстановке, вызванной разгромом Франции, свою политику в отношении государств балкано-дунайского региона резко активизировала Москва, начавшая с того, что поспешила воспользоваться советско-германской договоренностью по поводу Бессарабии, а заодно принудила Румынию уступить также Северную Буковину. Преимущественно в этот период большинство стран Юго-Восточной Европы в силу своего геополитиче-

ского положения и развития стратегической ситуации оказалось непосредственно зажатым между Германией и СССР, между устремлениями Гитлера и Сталина.

На сей раз эти устремления совпадали только в одном — в направленности против какого-либо британского влияния на Балканах, которое после поражения Франции и без того оказывалось еще более скромным. Во всем же остальном усилия Берлина и Москвы в Юго-Восточной Европе были по своим целям противоположны друг другу: каждая из сторон рассматривала страны, о которых идет речь, как зону своих особых интересов и, соответственно, стремилась установить в данной зоне собственный контроль и воспрепятствовать подобного же рода усилиям другой стороны. Фактически здесь со второй половины лета 1940 г. и вплоть до начала апреля 1941 г. развернулось прямое германо-советское противоборство, прошедшее ряд этапов. В монографии на основе большого документального материала прослеживаются конкретный ход и характерные черты такого противоборства на каждом из этапов применительно к различным балканским государствам, раскрываются практический механизм и реальные результаты того воздействия, которое старались оказать на эти государства как Германия, так и Советский Союз. При этом рельефно проступают ключевые моменты, определившие характер происшедшего и обусловившие итог.

Один из таких моментов заключался в совершенно разных стартовых позициях и степени готовности Германии и СССР в развернувшемся противостоянии. Гитлер предпринял свой натиск после только что достигнутого крупнейшего успеха в Западной Европе, в значительной части попавшей под его контроль, а тем самым — в условиях резкого усиления военно-политического положения «третьего рейха», опираясь на которое он мог приступить к осуществлению следующей фазы своего стратегического плана: полному подчинению балкано-дунайского региона державами «оси» при главенстве Германии. Напротив, для советского руководства стремительное поражение Франции и установление нацистского господства на западе континентальной Европы, в огромной мере изменявшее всю международную обстановку и оставлявшее СССР на континенте один на один с фашистскими державами, было фактически неожиданным, противоречившим расчетам Сталина, когда он сделал выбор в пользу соглашения с Гитлером. Согласно тому, что записал в своем дневнике генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров, 7 сентября 1939 г. Сталин в беседе с ним прогнозировал, что в начавшейся войне «двух групп капиталистических стран» обе они будут ослаблять друг друга, а Советский Союз, заинтересованный в этом, сможет маневрировать,

подталкивая то одну, то другую сторону и тем самым способствуя их взаимной борьбе и истощению. В данной связи Сталин сказал, что советско-германский договор от 23 августа 1939 г. в известной мере помогает Германии, но выразил намерение в следующий момент подтолкнуть, т. е. в какой-то степени поддержать, другую сторону³. Из подобных высказываний следовало, что Кремль не предполагал слишком большого и тем более быстрого перевеса сил Германии над англо-французской коалицией либо наоборот, а рассчитывал на длительную войну между ними. Это представлялось советскому руководству выгодным, дающим Москве возможность проводить различные сменяющие друг друга внешнеполитические комбинации в течение достаточно долгого времени. Но такие замыслы опрокидывались поражением Франции и вызванным им резким изменением ситуации на европейской сцене. Для советской стороны это означало более чем серьезное ухудшение ее внешнеполитического положения, особенно ввиду того, что в военном отношении она так и не была должным образом подготовлена к силовому столкновению с Германией, в чем Сталин отдавал себе отчет. При подобном обороте дела руководство СССР вынуждено было на ходу приспосабливаться к неожиданно изменившейся обстановке, находясь в заведомо слабой позиции.

С этим был тесно связан и другой весьма важный момент: в стремительном развитии событий, развернувшихся с середины 1940 г. в балкано-дунайском регионе, инициатива, как правило, находилась в руках Берлина, между тем как Москва, за исключением случая с советским ультиматумом Румынии по поводу Бессарабии и Северной Буковины, почти все время оказывалась в положении бегущей вслед за происходившим. А отдельные попытки Кремля в той или иной степени перехватить инициативу, примерами чего были прежде всего советское предложение в ноябре 1940 г. Болгарии относительно заключения пакта о взаимопомощи, а отчасти — подписание договора между СССР и Югославией в начале апреля 1941 г., оканчивались полной неудачей.

Еще одним чрезвычайно существенным моментом являлось то, что Гитлер предпринял свой натиск в балкано-дунайском регионе в условиях, когда им уже было принято принципиальное решение относительно вероятной следующей фазы фашистской агрессии — нападения на СССР. Соответственно, фюрер практически не считался с выразившимся все в большей мере недовольством Москвы действиями Берлина, которые, как подчеркивала советская сторона, не учитывали интересов СССР и нарушали догово-

³ Димитров Г. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 181–182.

ренности о партнерстве, лежавшие в основе пакта 1939 г. В противоположность этому Кремль, по крайней мере до начала 1941 г., упорно стремился к тому, чтобы урегулировать советско-германские противоречия путем достижения партнерского соглашения о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе. Такого рода попытки советского руководства, в том числе в связи с переговорами Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. и с предпринятым там нацистами маневром выдвижения носившей маскировочный характер идеи глобального раздела сфер интересов между державами «оси» и Советским Союзом, были во многом следствием иллюзий Сталина о якобы все еще сохранявшихся возможностях добиться новых договоренностей между Германией и СССР как ее партнером. На самом деле Гитлер уже не рассматривал советскую сторону в качестве такового и реализовывал свои цели в спорной зоне при фактическом игнорировании возражений Москвы и ее попыток найти согласованное компромиссное решение. В лучшем случае он лишь прибегал к некоторым уловкам тактическо-камуфляжного характера, а в целом шел, по сути, напролом.

Фашистское наступление в Юго-Восточной Европе и сопровождавшее его германо-советское противоборство отличались также тем, что усилия «третьего рейха» и СССР были неравноценны с точки зрения методов, использовавшихся сторонами. Германия пустила в ход самый широкий набор средств политического, экономического, пропагандистского воздействия и прямого нажима на страны региона, фактического вмешательства в их внутренние дела, а главное — демонстрировала готовность подкрепить все это, если понадобится, непосредственным применением военной силы и концентрировала в регионе войска, причем, когда считала необходимым, — совершала вместе со своими союзниками прямую агрессию, как было сделано в отношении Югославии и Греции. Что же касалось советских действий в Юго-Восточной Европе, то, за исключением угрозы употребления силы при предъявлении Румынии ультиматума по поводу Бессарабии и Северной Буковины, они осуществлялись дипломатическими методами с использованием для их усиления каналов Коминтерна (самым ярким примером последнего была кампания, развернутая компартией Болгарии в поддержку советского предложения относительно заключения пакта о взаимной помощи). Находясь в слабой позиции неготовности к военному конфликту с Германией, руководство СССР было крайне осторожным, опасаясь чрезмерного обострения отношений с нацистским рейхом, а тем более возможности силового столкновения.

Ограниченный характер советских усилий по сравнению с немецкими проявлялся и в том, что нацистское руководство после-

довательно проводило линию на тотальное подчинение балкано-дунайского региона, между тем как Кремль в ходе фактического советско-германского противостояния, развернувшегося во второй половине 1940 г., стал добиваться признания своих интересов преимущественно лишь в восточной части Балкан, примыкавшей к СССР и Черному морю, а в итоге свел на деле советские притязания к тому, чтобы получить контроль над особенно важной для Советского Союза зоной черноморских проливов и Болгарией с ее ключевым положением по отношению к проливам с балканской стороны. Но слабость советской позиции в сложившейся к тому времени международной обстановке сделала тщетными предпринятые Москвой попытки торга и достижения нового соглашения с Гитлером, которое по меньшей мере продолжило бы своеобразный альянс, возникший в 1939 г., если не повело бы дальше.

Наряду со всем этим немаловажное значение имело то характерное обстоятельство, что для правящих кругов балканских государств, ставших объектом как германского, так и советского воздействия, перспектива чрезмерного сближения с СССР, а тем более установления в том или ином виде советского контроля была, как правило, еще более пугающей, особенно после того, что произошло с прибалтийскими государствами, нежели угроза попасть в подчинение Германии путем присоединения к «оси». Соответствующим было и их поведение в условиях советско-германского противостояния. Единственным исключением стала позиция сил, вставших во главе Югославии в результате переворота 27 марта 1941 г. Но воспользоваться такой позицией советская сторона уже не могла.

Наконец, обращает на себя внимание и тот существенный момент, что в ходе событий в балкано-дунайском регионе в контексте германо-советских отношений Москва рядом своих действий невольно подыгрывала там нацистским устремлениям. Один из особенно выразительных примеров — ультимативная акция СССР по поводу Бессарабии и Северной Буковины и та поддержка, которую для подкрепления своих интересов в данном вопросе советская сторона оказывала территориальным претензиям Венгрии и Болгарии к Румынии. Этим тут же в полной мере воспользовалась Германия, еще крепче привязавшая к себе Венгрию с помощью «арбитражного» решения о Трансильвании, как бы симметричного тому, что сделал Советский Союз, а одновременно ставшая «гарантом» для Румынии ввиду территориальных потерь последней и выступившая в роли благодетеля по отношению к Болгарии в решении проблемы Южной Добруджи. Другой не менее, если не еще более значимый пример — советские усилия против британского влияния на Балканах и упорный отказ от какой-то

координации устремлений Москвы и Лондона к поощрению балканских стран противостоять натиску «оси». В сущности, этим Кремль способствовал гитлеровским целям в регионе. Помимо редких частичных отступлений от такой позиции, как было, например, в случае с английской инициативой, приведшей к советскому заявлению от 9 марта 1941 г. о благожелательном нейтралитете СССР в отношении Турции, если та подвергнется агрессии, более многообещающая перемена проявилась лишь во время советско-югославских переговоров в начале апреля 1941 г. Однако она наметилась слишком поздно: через пару дней нападением нацистской Германии на Югославию и Грецию вопрос об установлении фашистского господства на Балканах был решен.

Теперь следующей целью нацистской агрессии становился сам Советский Союз.

Список сокращений

Архивы

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)
АМВнР	Архив на Министерство на външните работи (София)
АМВР	Архив на Министерство на вътрешните работи (София)
АП РФ	Архив Президента Российской Федерации (Москва)
АССИП или ДА ДСИП	бывший Архив Савезног секретаријата за иностране послове, прежде — Дипломатски архив Државног секретаријата иностраних послова (Белград)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
НА БАН	Научен архив на Българската академия на науките (София)
РГВА	Российский государственный военный архив (Москва)
РЦХИДНИ	бывший Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ныне — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
ЦАФСБ	Центральный архив Федеральной службы безопасности России (Москва)
ЦДИА	Централен държавен исторически архив (София)
ЦХИДК	бывший Центр хранения историко-документальных коллекций, ныне объединен с Российским государственным военным архивом (Москва)
АМАЕ	Archiva Ministerului Afacerilor Externe (Бухарест)
ВА	Bundesarchiv Koblenz (Кобленц)
ВА — МА	Bundesarchiv — Militärarchiv (Фрайбург)
НИА	Hoover Institution Archives (Стэнфорд)
МОН	Magyar Országos Levéltár (Будапешт)
РА АА	Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Бонн)
SNA	Slovenský Národný archív (Братислава)

Многотомные публикации документов

ДВП	Документы внешней политики СССР (по XXI том) и Документы внешней политики (с XXII тома)
ДМИСПО	Документы и материалы по истории советско-польских отношений
ДМИСЧО	Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
ADAP, D	Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D
DBFP	Documents on British Foreign Policy, 1919–1939
DDF	Documents diplomatiques français
DGFP	Documents on German Foreign Policy, 1918–1945
ИМТ	Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal

*Организации, учреждения,
государственные и международные структуры*

БОВО	Белорусский особый военный округ
БРП	Болгарская рабочая партия
БССР	Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (больше- виков)
ГСНП	Глинковская словацкая народная партия
ГУЛАГ	Главное управление лагерей
ИККИ	Исполнительный комитет Коммунистического Ин- тернационала
КОВО	Киевский особый военный округ
КОП (КОР)	Корпус пограничной охраны (Korpus Ochrony Pogranicza) (Польша)
КП(б)Б	Коммунистическая партия (больше- виков) Бело- руссии
КП(б)У	Коммунистическая партия (больше- виков) Укра- ины
КПЮ	Коммунистическая партия Югославии
МГУ	Московский государственный университет
МИД	Министерство иностранных дел

МТС	машинно-тракторная станция
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ	Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД	Народный комиссариат иностранных дел
ОКВ (OKW)	Верховное командование вермахта (Oberkommando der Wehrmacht) (Германия)
ПВО	противовоздушная оборона
РККА	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СНК	Совет народных комиссаров
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
УССР	Украинская Советская Социалистическая Республика

Указатель имен

- Авакумович А. 318, 319, 460, 473
Актай Г. А. 254, 292, 459
Алахвердов М. А. 465
Александров А. М. 212, 230
Александровский С. С. 101, 102, 106, 337
Алтынов И. 402
Андерс В. 188
Антонеску В. 341, 343
Антонеску И. 235, 331, 359-362
Антонов Н. 75, 367, 368, 370, 371, 373, 375, 376
Антонов-Овсеев В. А. 21
Астахов Г. А. 154, 166, 206, 366
Ататюрк М. Кемаль 52
Аттолико В. 64
Ашенбреннер Г. 182
- Бальтрушайтис Ю. 95
Банкович М. 466
Баркер Э. 461
Барков В. Н. 214
Баркхаузен (Бархаузен) 203, 204, 206
Бек Л. 144
Бек Ю. 24, 31, 32, 55, 57, 82, 83, 85, 86 90-93, 99, 100, 105, 106, 111, 114-116, 118-123, 125, 126, 130, 132, 133, 135, 140, 142, 143, 158-160, 162, 163, 165
Бенеш Э. 14, 16, 30, 97, 116, 209, 212, 224, 465
Беннет Дж. 462
Берия Л. П. 174-176, 468
Бернард Г. 200, 206, 216, 217, 223
Бетлен И. 302
«Блок» (Лебедев В. З.) 486
Бломберг В. 80
Блюм А. 338
- Богомолов Д. В. 21
Божилев Д. 374
Бойдев В. 372, 373
Боннэ Ж. 344
Борис III Саксен-Кобург-Готский 280, 281, 288, 290, 363-366, 368, 371-373, 376-380, 383, 384, 386-388, 390, 393-404, 425
Борман М. 224
Босси Р. 351, 352
Ботай 376
Бочков В. М. 176
Браухич В. 127, 143, 149, 263
Брект Б. 20
Бриан А. 35, 351
Броди А. 314
Броз Тито Й. 460, 471
Буркхардт К. 88
Бюре (Бюрэ) Э. 99
- Вайцеккер Э. 89, 112, 120, 269, 366, 372, 373, 383
Валева Е. Л. 12
Варлимонт В. 139
Василевский А. М. 185
Ватутин Н. Ф. 178, 179, 182, 185, 186, 188
Ваухник В. 486
Вейган М. 60, 352
Вейер 186
Верман К.-Э. 366
Вильсон Э. 66
Виноградов С. А. 292, 449, 458
Виноградов С. И. 21
Войциховский М. 89
Волков В. К. 12
Волков Ф. Д. 170
Ворошилов К. Е. 96, 97, 101, 165, 166, 176, 177, 182-184, 186, 187, 443, 476
Вохоска С. 466

- Вудвард Л. 435, 451, 482
 Высоцкий А. 82
 Вышинский А. Я. 230, 237, 289,
 401, 412, 415, 426, 430, 431,
 442, 443, 449, 453, 457-460,
 475-478, 480-482, 484, 486-
 493, 496, 500
 Гаврилович М. 243, 411, 412,
 415, 417, 423, 426, 430,
 431, 435, 436, 438, 441-
 455, 457, 459, 460, 466,
 470, 471, 475, 476, 478-
 484, 486-492, 497
 Галифакс Э. 27, 56, 347
 Гальдер Ф. 240, 263
 Гальянов В. (Потемкин В. П.)
 100
 Гафенку Г. 55-59, 61, 62, 64, 65,
 140, 305, 329, 330, 347, 349,
 350
 Гаха Э. 126
 Геббельс Й. 92, 124, 127, 219,
 262
 Гельфанд Л. Б. 244, 351, 352
 Гендерсон Н. 57
 Генлейн К. 28, 29
 Георг V 396
 Георгиевич Д. 464
 Герен В. 432
 Геринг Г. 27, 80, 82-85, 89-
 91, 124, 207, 224
 Гершельман Э. 21
 Гжибовский В. 94, 95, 98, 130-
 133, 156-160, 163, 177, 178
 Гибианский Л. Я. 12
 Гиммлер Г. 190
 Гитлер А. 10, 18, 19, 22, 27, 50,
 55, 56, 63, 64, 71, 77, 79-82,
 84-86, 88-93, 99, 100, 106-
 129, 132, 138-146, 149-151,
 154, 156, 157, 160, 167, 169,
 171, 180, 189, 198-200, 202-
 205, 208, 216, 220, 225-227,
 233-235, 238-240, 255-259,
 262, 263, 270, 275-282, 284-
 288, 293, 295, 300, 301, 306,
 312, 315, 317, 321-324, 328,
 330-332, 346, 354, 355, 360,
 361, 369, 380-389, 393, 394,
 396-398, 416, 419, 423-425,
 428, 429, 432, 441, 442, 453,
 455, 468, 469, 473, 475, 485,
 488, 491, 492, 496-499, 502,
 505, 506, 507, 508-512
 Глинка А. 29, 32
 Говедаров Г. 369
 Голан 222
 Голиков Ф. И. 183, 437, 465,
 486, 493, 495
 Голубич М. 434
 Горелкин И. В. 245
 Горичар И. 407
 Городецкий Г. 485, 492
 Грайзер А. 81
 Грамль Г. 126
 Грегориш Д. 437
 Гуаюе ле П. 344
 Гусак Г. 213
 Гюнтер М. 346
 Давидеску Г. 312, 356, 358
 Давиньон 63
 Давтян Я. Х. 21
 Даладье Э. 344
 Дальтон Х. 461, 462
 Дараньи К. 111
 Деканозов В. Г. 214, 218, 219,
 228, 230, 288, 290, 294, 298,
 325, 329, 330, 367, 369, 371,
 373, 391, 486
 Дегухин 186
 Диану Н. 344
 Джигурту И. 255-257, 330, 357
 Дилл Дж. 473
 Димитров Г. 167, 174, 290, 291,
 294, 391-394, 401, 471-473,
 509

- Димитров И. 397
 Доновен У. 399, 400
 Домб-Бернацкий С. 188
 Драганов П. 63, 64, 366, 380,
 383, 384, 394
 Драйзер Т. 20
 Дюрчанский Ф. 200, 201, 204,
 209-211, 216-220, 223-
 226, 233

 Евдокимов Г. Е. 19
 Ежов Н. И. 19, 94, 96
 Ерещенко М. Д. 12

 Жданов А. А. 96, 174
 Жид А. 20
 Жолио-Кюри И. 20
 Жолио-Кюри Ф. 20
 Жуков Г. К. 475

 Зарубин В. М. 465
 Зиновьев Г. Е. 19
 Зобеница М. 466
 Зубов П. Я. 465, 466

 Иванов 186, 188
 Иванов Н. Н. 418
 Иден А. 449, 457, 467, 473, 498
 Илич Б. 470-473, 476, 477
 Иненю И. 53, 60
 Ирмеску Р. 348, 349
 Исламов Т. М. 12

 Каганович Л. М. 94, 96, 443,
 476
 Калинин М. И. 220
 Каменев Л. Б. 19
 Каня К. 36
 Карахан Л. М. 21
 Кармазин Ф. 224
 Кароль II Гогенцоллерн-
 Зигмаринген 16, 255, 320,
 343, 345-347, 350, 353,
 357-360

 Каспшицкий Т. 101
 Кафтанов С. В. 220
 Кейтель В. 84, 86, 117, 127,
 139, 361
 Келлог Ф. 35, 351
 Кеннард Г. 160
 Кестринг Э. 182, 186
 Киллингер М. 200, 216, 217,
 224, 226, 228, 232-234, 358
 Клейст (Кляйст) П. 123, 161,
 205, 321
 Клементис В. 209
 Клодиус К. 64
 Клякович В. 443, 446-448,
 450, 452, 454
 Кнежевич Ж. 466
 Ковалев Н. М. 222
 Коротких М. 135
 Косич П. 423, 442
 Кребс Г. 182, 500
 Крестинский Н. Н. 21
 Криппс С. 229, 249-252, 256,
 265, 266, 444, 447, 449,
 450, 452, 453, 457-460,
 482, 483
 Криштоффи Й. 315, 316, 500
 Крно Г. 230
 Крофта К. 101, 102
 Крылов И. Н. 497
 Куколев П. Г. 349, 350
 Кулик Г. И. 184
 Кулондр Р. 129
 Куманев Г. А. 282
 Кутшеба Т. 179
 Кысеиванов Г. 75, 363, 364,
 366-369, 371, 372, 375,
 377, 378, 387
 Кэлинеску А. 349, 350
 Кэмпбелл Р. 435, 451, 452, 482

 Лаваль П. 99
 Лаврентьев А. И. 75, 304, 318,
 319, 324, 331, 371, 372,
 376, 400, 412, 473

- Лаврищев А. А. 258, 266, 291, 379, 390, 391, 402
 Лангнер В. 183
 Лебедев В. З. 435, 436, 453, 470-472, 475-477, 479, 483, 484, 486-488, 490, 492
 Лебедева Н. С. 12
 Ленин В. И. 20
 Липский Ю. 80, 84-87, 89-91, 105, 112-117, 121, 124, 125, 127
 Лист В. 207
 Литвинов М. М. 46, 47, 50, 94-96, 98, 99, 103, 105-107, 132, 133, 137, 153-157, 160, 182, 208, 334-337, 339-342, 344, 345, 351
 Ллойд 376
 Лозовский С. А. 254, 415
 Лудин Г. Э. 200, 234-236, 238
 Лунин 400
- Маврудис К. 61
 Майнер С. 492
 Майский И. М. 73, 252, 287, 289, 290, 313, 347
 Макензен Г. 244, 245, 268
 Маклин Д. 165
 Манойлеску М. 256, 326, 327, 329
 Марьина В. В. 12
 Мастерсон Т. 462
 Мах А. (Мах Ш.) 219, 221, 223, 224, 225, 226, 227, 233, 234, 235
 Мацуока И. 474, 500
 Мерекалов А. Ф. 120, 155
 Мерецков К. А. 417
 Меркулов В. Н. 176
 Метаксас И. 17
 Микоян А. И. 47, 218, 219, 231, 232, 443, 476
 Миланович В. 73, 267
 Мильштейн М. А. 464, 465
 Мильштейн С. Р. 464
 Миркович Б. 463, 465, 466
 Миткевич Л. 135
 Михай I Гогенцоллерн-Зигмаринген 360
 Молотов В. М. 46, 47, 50, 51, 53, 54, 69, 74, 75, 94, 96, 152, 153, 155, 157-162, 165, 166, 173, 174, 178-180, 182, 184, 210-215, 218-223, 229, 237, 242, 244, 244, 245, 248-252, 254, 259-261, 264, 265-272, 274-285, 287-295, 303-307, 309-317, 321, 322, 325, 327, 330, 331, 349, 351-359, 368, 369, 371, 372, 375, 381, 382, 384-387, 389, 391, 393, 402, 409, 410, 415-417, 419-421, 423-425, 430, 436, 443, 453, 454, 459, 464, 468, 470-480, 482-486, 488-493, 496, 499, 500, 511
 Мольке Х. 82, 105, 115, 116, 139
 Момчилов М. 398
 Морфов Б. 383
 Мосьдицкий И. 82, 121, 162
 Мошанов Ст. 388
 Мрачна 222
 Мургаш 233
 Муссолини Б. 57, 62, 311, 312, 317, 330, 382, 385, 396, 427, 428, 502, 503
 Мушанов Н. 386, 390, 395
- Надай 325
 Нарочницкий А. Л. 489
 Начбулл-Хьюгессен М. 458
 Недич М. 413, 421-423, 427
 Нейрат К. 27
 Нинчич М. 469, 472, 473, 475, 487, 488

- Нинчич, брат Нинчича М. 487
 Новиков Н. В. 330, 476, 491,
 492, 497-499
 Новомеский Л. 209, 211
- Обермайер Ф. 257
 Орлик-Рюкеман В. 177
 Осокин В. В. 184
 Островский М. С. 341, 342
 Отто 204
- Павел Карагеоргиевич 17, 25,
 61-64, 405, 407, 413, 421,
 427, 429, 430, 433, 434,
 437, 442, 446, 448, 450-
 452, 456, 461
 Папен Ф. 53, 387
 Пертинакс (Жеро А.) 99
 Петр II Карагеоргиевич 405,
 461, 462
 Петреску-Комнен Н. 338, 343-
 345
 Петэн А. 418
 Пешич П. 423, 440, 442
 Пилсудский Ю. 24, 93, 113,
 118
 Пилфусек 240
 Плоткин М. А. 21
 Плотников В. А. 415, 416,
 423-425, 430, 432, 433,
 435, 439
 Покивайлова Т. А. 12
 Поляк 218
 Поницан (Пониван) 209
 Поп В. 325
 Попов И. 258, 266, 267, 374,
 379-381, 384, 386, 387,
 390, 391, 399, 425
 Попович Ж. 412, 413, 417,
 418, 421, 423, 435, 436,
 438-441, 444, 448-450,
 466, 476, 481, 497
 Потемкин В. П. 21, 52, 53, 61,
 95, 98-100, 102, 103, 106,
 129-131, 158, 159, 161,
 163, 177, 178, 208, 214,
 220, 245, 303, 336, 367,
 368, 375
 Прасолов Н. И. 374, 375
 Проскуров И. И. 160
 Прутков К. 293
 Пурич Б. 418
 Пушкин Г. М. 200, 214, 215,
 217, 218-220, 223-229,
 231-234, 236-240
 Пятаков Г. Л. 19
- Радек К. Б. 19
 Раскольников Ф. Ф. 21
 Рачиньский Э. 57
 Редер Э. 109
 Рендель Дж. 73, 379, 382, 395
 Резун В. 262
 Ренсимен В. 35
 Риббентроп И. 36, 39-41, 45,
 55, 63, 64, 69, 74, 84, 85,
 91, 105, 106, 109, 110, 112-
 127, 150, 161, 173, 174, 180,
 187, 189, 201, 211, 215, 219,
 222, 223, 225, 226, 235, 243,
 244, 253, 257, 269-271, 275,
 277-279, 282, 284, 293-295,
 307, 309, 317, 321, 327, 330,
 331, 349, 353-355, 358, 360,
 361, 369, 380, 383-385,
 396-398, 419, 420, 424,
 432, 441, 442, 456, 487,
 499, 500
 Рихтхофен Г. 372, 373, 380,
 390, 394
 Роллан Р. 20
 Ромшич И. 303
 Рос Х. 83
 Россо А. 245, 260, 308
 Рузвельт Ф. 140, 399
 Рыбалко П. С. 160, 161
 Рыдз-Смиглы Э. 82, 101, 121,
 148, 172, 179

- Савинов 186
 Савич Д. 463, 476, 478, 480, 481, 488, 491, 497
 Сайдам Р. 65
 Самохин А. Г. 470, 483, 486, 491, 495
 Сараджоглу Ш. 60, 74, 251, 254, 292, 372
 Серебряков Л. П. 19
 Сивак Й. 220
 Симич Б. 433-438, 448-455, 466, 472, 476, 478, 488, 491, 493, 496, 497
 Симович Д. 446, 461, 463, 466, 469-473, 475-479, 483-485, 487, 489, 490, 494, 497
 Симович М. 463
 Сиполс В. Я. 281-283, 416, 451, 471, 477
 Сирков Д. 364, 365
 Случ С. З. 12
 Смилянич М. 483, 486-488, 490
 Смирнов А. А. 121
 Соболев А. А. 273, 290, 296, 388-391, 393, 394, 430, 431
 Сокольников Г. Я. 19, 21
 Сокольников М. 60
 Солод Д. С. 470, 475, 483
 Соснковский К. 183
 «Софокл» (Самохин А. Г.) 486, 491, 495
 Спизьяк 237, 238
 Стакич В. 437
 Сталин И. В. 10, 19, 22, 44, 45, 47-49, 67-70, 74, 77, 92-94, 96, 98-100, 103, 106, 128, 129, 133, 134, 136-138, 150-155, 159-163, 165-167, 174, 175, 177, 180, 182, 184, 187, 189, 229, 248-252, 256, 263, 265, 270-272, 274, 276, 277, 279, 280, 282, 285-287, 290-295, 306, 384, 388, 391, 393, 401, 420, 425, 443, 459, 464-466, 468, 471, 472, 474, 476, 477, 480, 482, 483, 486, 489-500, 506, 507, 509, 510, 511
 Стаменов И. 288, 294, 381, 382, 387-389, 391
 Станчев 257
 Старк Л. Н. 21
 Стахевич В. 172
 Стомоняков Б. С. 21
 Стоядинович М. 25-27, 36, 465
 Суворов В. (Резун В.) 262
 Судоплатов П. А. 460, 464-468, 492, 496, 498
 Суриц Я. З. 99, 100, 152
 Табуи Ж. 99
 Танривер Х. 319
 Татареску Г. 338, 357
 Татекава И. 285
 Твардовский 399
 Телеки П. 255, 304, 310, 317
 Терентьев А. В. 254, 410, 411, 414
 Терзич В. 434, 435, 440, 443, 444, 447, 448, 452, 454, 481
 Тиля В. 346, 347
 Тимошенко С. К. 181, 183, 184, 188, 269, 412, 417, 418, 474
 Типпельскирх К. 269, 289, 360
 Тисо Й. 200, 201, 203, 204, 206-208, 210, 216, 217, 220, 224-226, 233-238, 240, 259
 Тисо Ф. 214, 218, 227, 228, 230, 231, 238
 Тито, см. Броз Тито Й.

- Титулеску Н. 16, 17, 25, 334-341, 347, 348
 Тодт Ф. 113, 227
 Точев 317
 Траянов П. 55
 Трифунович М. 462, 463
 Троцкий Л. Д. 21
 Тука В. 201, 219, 220, 224, 225-227, 233-235, 240
 Тупаньянин М. 444, 445, 447, 452, 454, 462, 463, 466
 Тухачевский М. Н. 19
 Тэйлор Дж. 462
 Тюленев И. В. 184, 187
 Уборевич И. П. 19
 Уйсаси И. 325
 Уллейн-Ревецки А. 311
 Уэллс Г. 20

 Фабрициус В. 55, 62, 322, 348, 353, 360
 Файне Г. 487
 Фараго Г. 313
 Федотов П. В. 466
 Фейхтвангер Л. 20
 Фельштинский Ю. Г. 8
 Ферстер А. 81
 Фест И. 107
 Филов Б. 258, 290, 378, 380-382, 387, 388, 390, 396-399
 Фирлингер З. 98, 106, 208-212, 214
 Фляйшхауэр И. 121
 Франк Г. 190, 191
 Франко Ф. 18
 Фритче Х. 141

 Хейе Х. 108
 Хломов М. Д. 165
 Хоппе Х. 394
 Хоптнер Дж. 439, 443, 444, 448, 465, 470, 476, 481, 489
 Хори А. 325, 326
 Хорти М. 62, 300

 Христов Т. 374
 Хрущев Н. С. 183
 Хэлл К. 66

 Цветкович Д. 405, 411, 412, 424, 433, 437, 439, 441, 442, 444-448, 450-452, 456, 461
 Цеклер 187
 Цинцар-Маркович А. 61-64, 413, 428, 429, 432, 436, 441, 442, 444, 445, 447, 448, 452-455

 Чадаев Я. Е. 281-283
 Чаки И. 255, 302, 311, 317, 326
 Чатлош Ф. 203-205, 207, 233, 237, 238, 240
 Чемберлен Н. 56, 91, 100, 107, 127, 137
 Чернак М. (Черняк М.) 201, 207, 210, 212, 214, 215, 220
 Черчилль У. 249, 251, 313, 467, 483
 Чиано Г. 25, 31, 37, 57, 243-245, 253, 255, 318, 327, 330, 360, 428, 456
 Чиунту Э. 342
 Чокмаков 320

 Шааль 186
 Шапошников Б. М. 97, 176, 177, 182, 183, 186, 269
 Шаронов Н. И. 160-163, 237, 302, 311, 315, 317, 325, 458
 Шелиа Р. 134, 205
 Шембек Я. 80, 82, 122, 126, 141, 163
 Шимко Ю. 238, 240
 Шкварцев А. А. 198, 207, 210, 212, 214, 220, 243, 253, 268, 269
 Шлейхер К. 125

- Шнурре К. 122, 123, 154
Шоу Б. 20
Шуленбург Ф. 48, 134, 161, 173,
174, 177, 180, 208, 214, 221,
223, 229, 230, 242, 244, 248,
251, 259, 260, 267-270, 283,
284, 290, 294, 295, 306, 307,
309, 310, 321, 322, 331, 332,
353-356, 385, 409, 410, 415,
420, 484-487, 490, 499, 500
Шуменкович И. 269, 410, 411,
414
- Эйнштейн А. 20
Элизабет 462
- Энгельбрихт 207
Эрбах-Шенберг В. 61
Эрл Д. 379
- Юбершер Г. 262
Юкич И. 439, 445, 454
Юнгерт-Арноти М. 372, 395
Юренев К. К. 21
- Ягода Г. Г. 19
Якир И. Э. 19
Яковлев В. Н. 206, 208, 211,
215
Янич В. 424, 458
Янковский Т. 102

Содержание

От редакции	5
Введение.....	7
Глава I	
Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне второй мировой войны	13
Глава II	
Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши....	77
Глава III	
Германо-советское взаимодействие и ликвидация польского государства	169
Глава IV	
Словакия в политике СССР и Германии.....	198
Глава V	
Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г.....	241
Глава VI	
Румыно-венгерский конфликт в контексте германо-советского соперничества.....	297
Глава VII	
Румыния между Германией и Советским Союзом: политика без иллюзий.....	333
Глава VIII	
Болгария в советско-германских противоречиях на Балканах.....	363
Глава IX	
Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз	405
Заключение	502
Список сокращений	514
Указатель имен.....	517

Contents

Editorial Foreword	5
Introduction (<i>Leonid Gibianskii</i>)	7
Chapter I	
East European Countries in the Whirl of Events on the Eve of the Second World War (<i>Vladimir Volkov</i>)....	13
Chapter II	
Hitler, Stalin, and the Genesis of the Fourth Partition of Poland (<i>Sergei Sluch</i>).....	77
Chapter III	
German—Soviet Interaction and the Abolishment of Polish State (<i>Natalia Lebedeva</i>) ...	169
Chapter IV	
Slovakia in the Soviet and German Policies (<i>Valentina Mar'ina</i>).....	198
Chapter V	
Balkan Problems in the Relations between the Soviet Union and Germany in 1940 (<i>Vladimir Volkov</i>).....	241
Chapter VI	
Romanian-Hungarian Conflict in the Context of German-Soviet Rivalry (<i>Tofik Islarnov</i> and <i>Tafiana Pokivailova</i>)	297
Chapter VII	
Romania between Germany and the Soviet Union Policy without Illusions (<i>Margarita Yereshchenko</i>).....	333
Chapter VIII	
Bulgaria within the Soviet-German Contradictions in the Balkans (<i>Yelena Valeva</i>).....	363
Chapter IX	
Yugoslavia in the Face of Fascist Aggression, and the Soviet Union (<i>Leonid Gibianskii</i>)	405
Conclusion (<i>Vladimir Volkov</i> and <i>Leonid Gibianskii</i>).....	505
List of Abbreviations.....	514
Index of Names	517

Научное издание

**Восточная Европа между Гитлером и Сталиным
1939—1941 гг.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения РАН

Издательство «Индрик»

По вопросам приобретения книг обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект 32-а,
Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)
тел. (095) 938-01-00
тел./факс 938-57-15
E-mail: matt@got.mmtel.ru

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Подписано в печать 09.02.2000. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Бумага офс. № 1
Печ. л. 33,0. Тираж 500 экз. Заказ № 432
Отпечатано с оригинал-макета
в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, д.403
Тел. 554-21-86

Готовятся к изданию:

Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья / Отв. ред. Е. Савостина, Эрика Зимон (Вюрцбург). Серия «Монография о памятнике» (Том 1). Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина.

Международный сборник работ, посвященный Таманской стеле из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. Рельеф найден при раскопках античной усадьбы Юбилейное 1 (Таманский п-ов) в 1985 г. В создании монографии приняли участие известные специалисты из России, США, Швейцарии и Германии: В. С. Риджвей, Р. Штупперих, Э. Р. Кнауэр, К. Клермонт, Е. А. Савостина, О. В. Тугужева и др.

Международные организации и кризис на Балканах. Документы / Сост. и отв. редактор Е. Ю. Гуськова. М., 2000, т. 1-3.

Большая часть материалов представляет собой официальный перевод документов на русский язык. Документы ООН обозначены номером, принятым в Организации Объединенных Наций. Часть документов переведена с английского и сербско-хорватского языков.

Первый том включает в себя резолюции Совета Безопасности ООН и Доклады Генерального секретаря ООН по ключевым проблемам кризиса в период с 25 сентября 1991 г. по 13 января 1998 г.

Второй том содержит заявления и письма Генерального секретаря ООН, а также письма постоянных представителей разных стран, в том числе и конфликтующих, в ООН по разным аспектам кризиса.

Третий том посвящен планам урегулирования кризиса в Хорватии, Боснии и Герцеговине. В нем опубликованы документы Арбитражной комиссии, Международной конференции по бывшей Югославии, доклады Генерального секретаря ООН о раундах мирных переговоров по Боснии и Герцеговине, план урегулирования «Загреб-4» для Хорватии и Дейтонское соглашение.

